ОЧЕРКИ

ПО МЕТОДИКѢ ПРЕПОДАВАНІЯ

ЛАТИНСКАГО ЯЗЫКА

СРАВНИТЕЛЬНО СЪ РУССКИМЪ.

П. Д. Первовъ,

преподаватель Лазаревскаго института восточныхъ языковъ.

3 р. 50 к.

Типографія РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА, Москва,
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., с. д.
1913.

ОЧЕРКИ

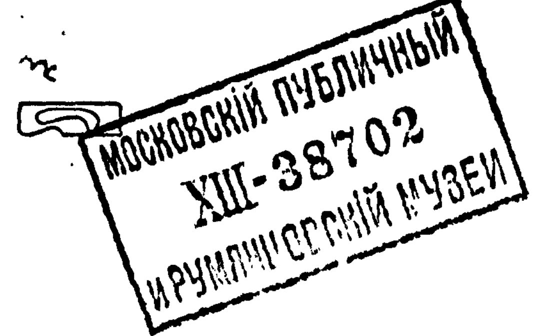
ПО МЕТОДИКѢ ПРЕПОДАВАНІЯ

ЛАТИНСКАГО ЯЗЫКА

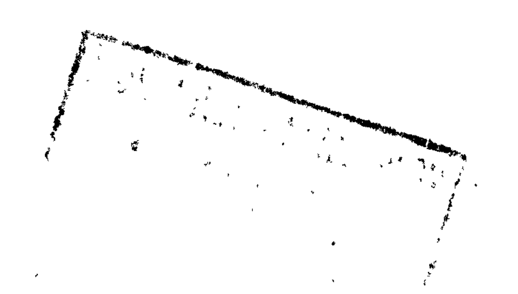
СРАВНИТЕЛЬНО СЪ РУССКИМЪ.

П. Д. Первовъ,

преподаватель Лазаревскаго института восточныхъ языковъ.

Типографія РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА, Москва,
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., с. д.
1913.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Логическій процессъ при переводахъ съ латинскаго языка на русскій и обратно.

I.

Есть четыре различныхъ способа изученія грамматики какъ латинскаго, такъ и вообще иностраннаго языка. Первый способъ—научное изученіе, второй—школьно-систематическое, третій мы назвали бы сознательно-практическимъ, четвертый—узко-практическимъ.

Научное изученіе предполагаетъ научный методъ и научную систему. Методъ выражается въ способахъ изслѣдованія, т.-е. открытія еще неизвѣстныхъ истинъ, и въ способахъ изложенія. Научное изложеніе имѣетъ задачею стройно, связно и точно изложить всѣ добытыя въ данной сферѣ знанія и расположить ихъ въ такой системѣ, которая соотвѣтствовала бы природѣ познаваемаго; интересы слушателей тутъ не принимаются въ расчетъ. Это университетское изложеніе науки; грамматика здѣсь не есть учебный предметъ, и этотъ способъ не примѣнимъ въ средней школѣ.

При второмъ способѣ система остается, но она значительно упрощается. Тутъ принимаются въ расчетъ интересы учениковъ, т.-е. ихъ естественное въ данномъ возрастѣ развитіе и степень пониманія; тутъ опускаются всѣ спорные пункты и всѣ черезчуръ сложные и трудные вопросы. О всякомъ другомъ школьномъ предметѣ мы сказали бы еще, что тутъ излагаются не всѣ добытыя знанія, а лишь наиболѣе существенныя, главныя. Но грамматика въ ряду другихъ предметовъ здѣсь занимаетъ совершенно особое, исключительное мѣсто. Цѣлью изученія грамматики всякаго иностраннаго языка служитъ умѣнье переводить—и при

тому не опредѣленныя мѣста, не опредѣленнаго писателя, а переводить вообще, всякую книгу. Имѣя такую цѣль, мы не можемъ дѣлать выбора между знаніями, не можемъ отдѣлить главнаго отъ неглавнаго, потому что любой писатель на любой страницѣ можетъ примѣнить къ дѣлу всевозможные грамматическія правила и обороты; никто не пишетъ съ соблюденіемъ лишь главныхъ правилъ грамматики, всякій, по мѣрѣ своего разумѣнія, соблюдаетъ всѣ правила. Отборъ возможенъ только въ спеціально составляемой хрестоматіи, состоящей изъ отдѣльныхъ фразъ или небольшихъ, тщательно подобранныхъ связныхъ отрывковъ. Когда мы примѣняемъ къ дѣлу, напримѣръ, свои математическія познанія и дѣлаемъ какую-нибудь задачу, то мы обыкновенно пользуемся только какимъ-нибудь однимъ отдѣломъ знаній; когда же мы приступаемъ къ переводу писателя, мы должны имѣть всѣ знанія, добытыя въ сферѣ грамматики. Но какъ ихъ имѣть? Имѣть въ памяти невозможно, потому что они безчисленны. Достаточно имѣть ихъ не въ памяти, а подъ руками. Такимъ источникомъ грамматическихъ знаній, который при всякомъ переводѣ необходимо имѣть подъ рукою, является словарь. Учебникъ грамматики, какъ бы онъ ни былъ полонъ, имѣетъ свое естественное дополненіе въ словарѣ, потому что грамматическія знанія, въ отличіе отъ другихъ сферъ знанія, не могутъ быть объединены цѣликомъ, со включеніемъ всѣхъ деталей, въ одну систему. Это такая сфера знанія, которая, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ, заключаетъ въ себѣ массу разрозненныхъ деталей, не поддающихся никакому объединенію.

И въ самомъ дѣлѣ, каждая наука стремится подвести всѣ разрозненныя явленія подъ законы. Совокупность научныхъ законовъ въ данной области и составляетъ содержаніе науки. Существеннымъ характеромъ всякаго научнаго закона являются его необходимость и всеобщность. Таковы, напримѣръ, законы наукъ естественныхъ. Если въ извѣстной области разрозненныя знанія не могутъ быть сведены къ общимъ положеніямъ, такую область знаній нельзя назвать наукою. Обращаясь къ грамматикѣ, мы прежде всего за-

мѣчаемъ, что законы ея не являются всеобщими и необходимыми; чуть не каждое «правило» допускаетъ исключенія. Мало того, это не зависитъ отъ несовершенства нашихъ знаній. Въ области, напримѣръ, историческихъ знаній мы можемъ еще питать надежду на прогрессъ человѣческой мысли: быть-можетъ, историческіе законы будутъ когда-нибудь открыты,—и исторія станетъ наукою. Но въ области грамматическихъ знаній такихъ надеждъ чаще всего нѣтъ и не можетъ быть. Тамъ закономѣрность, быть-можетъ, еще не открыта; здѣсь ее нельзя уже открыть: она уже безвозвратно нарушена.

Факторомъ, рѣзко нарушающимъ закономѣрность грамматическихъ явленій, бываетъ такъ называемая **аналогія**, т.-е. случайное уподобленіе чему-нибудь чуждому. Грамматическое явленіе, относящееся къ извѣстной грамматической категоріи, вдругъ, неожиданно для насъ, подчиняется закону другой категоріи, а не той, къ которой оно принадлежитъ. Слова второго склоненія liberi, dei, modii получаютъ въ родительномъ падежѣ окончаніе третьяго склоненія; vetus образуетъ veterrimus, какъ будто оно оканчивалось на er; cum historicum соединяется съ coniunctivus, какъ будто въ придаточномъ заключается причина или предположеніе, и такъ далѣе. Аналогія настолько проникла во всѣ категоріи рѣчи и во всѣ явленія языка, что совершенно исказила грамматическую закономѣрность; явленія перепутались; законы оказались не всеобщими, грамматика оказалась переполненною «исключеніями», и, сколько бы человѣчество ни работало въ этой области знаній, эти исключенія никогда не исчезнутъ.

Такимъ образомъ грамматика, какъ учебный предметъ, рѣзко отличается отъ другихъ наукъ, ставшихъ учебными предметами. Другія науки сохраняютъ при этомъ свою систему, лишь значительно упрощая ее, опуская второстепенное, спорное и трудное и сохраняя только важное и существенное; такая упрощенная система не перестаетъ быть совокупностью научныхъ законовъ въ данной области. Грамматика не можетъ быть только совокупностью научныхъ законовъ и не можетъ совершенно опустить явле-

нія рѣдкія и второстепенныя; мало того, она должна даже такъ или иначе включить въ свою сферу явленія разрозненныя, не подчиняющіяся ея законамъ; иначе изученіе ея не будетъ цѣлесообразнымъ, т. е. не будетъ служить средствомъ для переводовъ. Такимъ образомъ грамматика заключаетъ въ себѣ систему знаній плюсъ массу разрозненныхъ свѣдѣній. Эти разрозненныя свѣдѣнія, не включаемыя въ систему, собираются то въ самомъ учебникѣ грамматики, то въ ея дополненіи—въ словарѣ. Грамматика бываетъ объемистой, когда добавочный матеріалъ перенесенъ въ большомъ объемѣ въ самый учебникъ грамматики; она бываетъ краткой, когда добавочный матеріалъ остается въ словарѣ. Такимъ образомъ вопросъ объ объемѣ грамматическаго школьнаго курса сводится къ вопросу о томъ, помѣщать ли данный добавочный матеріалъ въ учебникъ грамматики или оставлять его въ словарѣ.

Но прежде этого мы должны рѣшить другой вопросъ: нуженъ ли, вообще говоря, у насъ въ школѣ курсъ латинской грамматики, какъ цѣльной и законченной системы знаній? Мы полагаемъ, что нѣтъ. И вотъ почему.

1. Сторонники изученія латинской грамматики, какъ законченной системы знаній, прежде всего настаиваютъ на образовательномъ значеніи такого изученія и утверждаютъ, что оно пріучаетъ къ логическому и даже научному мышленію. Но приведенныя нами соображенія о характерѣ грамматическихъ законовъ въ значительной степени подрываютъ этотъ оптимистическій взглядъ. Трудно научиться логическому мышленію при постоянной встрѣчѣ съ такими явленіями, которыя логически необъяснимы. Почему слово liberi имѣетъ въ родительномъ падежѣ liberum? почему отъ vetus превосходная степень veterrimus? почему turris имѣетъ turrim, а не turrem? и такъ далѣе. Всѣ безчисленныя исключенія, всѣ грамматическія явленія, возникшія путемъ аналогіи, вызовутъ подобныя логическія недоумѣнія. Искать же логическихъ основаній для самыхъ аналогій—работа совершенно безплодная, такъ какъ эти основанія, дѣйствовавшія при жизни языка, теперь, когда языкъ

сталъ мертвымъ, для насъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ непонятны.

2. Далѣе, изученіе латинской грамматики, какъ системы знаній, въ значительной мѣрѣ, было бы безплоднымъ повтореніемъ того, что уже изучено на урокахъ по другимъ предметамъ—на урокахъ другихъ языковъ, за которые въ школѣ принялись раньше, чѣмъ за латинскій. Главной основой грамматической системы является, конечно, логика; грамматическіе законы основаны на законахъ логическихъ, одинаковыхъ для всѣхъ людей. Эта логическая основа—одна и та же во всѣхъ изучаемыхъ въ школѣ языкахъ. Кромѣ того, и общій грамматическій строй у всѣхъ изучаемыхъ въ школѣ языковъ одинъ и тотъ же, потому что всѣ они происходятъ отъ одного общаго праязыка. Систему латинской грамматики такимъ образомъ составятъ три элемента: 1) логическая основа, 2) грамматическій строй, свойственный всѣмъ арійскимъ языкамъ, и 3) спеціальныя особенности латинскаго языка. Первые два элемента входятъ въ грамматическую систему и всякаго другого языка, изучаемаго въ школѣ. Очевидно, что эти два важнѣйшіе элемента должны быть усвоены на урокахъ того языка, который изучается въ школѣ первымъ по очереди. Если въ гимназическомъ курсѣ прежде всего принимаются за изученіе грамматики русскаго языка, то на урокахъ русскаго языка и должны быть изучены эти первые два элемента всякой грамматической системы. По учебнымъ планамъ, примѣнявшимся до 1901 года, курсъ русской грамматики въ младшихъ классахъ отставалъ отъ курса латинской; тогда съ основными понятіями и законами синтаксиса сложнаго предложенія приходилось знакомить учениковъ на урокахъ латинскаго языка за годъ до того времени, когда ученики приступали къ изученію соотвѣтственныхъ частей русскаго синтаксиса. Но теперь, когда латинскій языкъ начинаютъ изучать съ третьяго класса, общіе элементы грамматическихъ системъ бываютъ уже усвоены на урокахъ русскаго и новыхъ языковъ, и остается одинъ естественный исходъ—переходить прямо къ особенностямъ латинской грамматической системы.

3. Воспринять логическую основу всякой грамматики можно лишь съ помощью того языка, на которомъ ученикъ говоритъ и мыслитъ. Сколько бы ученикъ ни наблюдалъ латинскую фразу, онъ не извлечетъ изъ нея никакихъ грамматическихъ понятій, потому что онъ видитъ передъ собою лишь звуковыя сочетанія и больше ничего; всѣ грамматическія понятія получаются изъ сопоставленія и анализа словъ родного языка или, точнѣе сказать, изъ логическихъ представленій и понятій ученика, изъ того матеріала, который составляетъ кругъ его мышленія.

4. Полагаютъ, что изученіе латинской грамматики, какъ системы, будетъ полезно и послѣ усвоенія основныхъ грамматическихъ понятій изъ наблюденій надъ роднымъ языкомъ, потому что оно дополнитъ, расширитъ и прояснитъ эти понятія. Но при современномъ состояніи нашей учебной литературы такая цѣль совершенно не можетъ быть достигнута. При такомъ переучиваніи получится не проясненіе понятій, а совершенная путаница. Составители латинскихъ грамматикъ у насъ не обращаютъ вниманія на терминологію русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ грамматикъ; составители русскихъ грамматикъ не справляются съ терминологіей латинскихъ, французскихъ, и т. д. Каждый дѣйствуетъ на свой ладъ, и, гдѣ, въ силу общей логической основы, должно быть полное согласіе, тамъ получается удивительная разноголосица.

5. Судя по существующимъ учебникамъ, латинская грамматика никогда въ сущности не преподавалась въ нашей школѣ, какъ система знаній, даже тогда, когда ее изучали въ теченіе восьми лѣтъ гимназическаго курса. Даже наиболѣе объемистые учебники обходятся безъ опредѣленія грамматическихъ понятій и категорій, въ исчисленіи категорій дѣлаютъ пропуски[1]), произвольно переносятъ грамматическія явленія изъ одной категоріи въ другую ради цѣлей мнемоническихъ, ради симметріи и по разнымъ дру-

---

1) Напримѣръ, въ этимологіи при обзорѣ частей рѣчи опускаются союзы и междометія, при обзорѣ нарѣчій берутся только нарѣчія, производимыя отъ прилагательныхъ, въ синтаксисѣ опускаются придаточныя мѣста, и т. д.

гимъ постороннимъ мотивамъ. Совершенно отсутствуетъ обыкновенно грамматическая система въ изложенiи синтаксиса сложнаго предложенiя, гдѣ придаточныя предложенiя распредѣляются одновременно и по союзамъ и по значенiю, гдѣ часто на одной страницѣ собираются отрывки изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстъ грамматической системы.

6. Система полезна, когда латинская грамматика служитъ подготовкой къ переводамъ съ родного языка на латинскiй. Когда же эти переводы выводятся изъ употребленiя, когда гимназическiй курсъ ставитъ себѣ цѣлью научить читать авторовъ, а не писать по-латыни, то и постановка изученiя грамматики должна быть иная. Въ этомъ мы убѣдимся изъ детальнаго анализа умственнаго процесса, происходящаго при переводѣ съ родного языка на латинскiй. Для ясности изложенiя мы прежде всего подробнѣе разсмотримъ, въ чемъ состоитъ грамматическая система.

Хотя грамматическiе законы и не имѣютъ достовѣрности законовъ научныхъ, но грамматика все-таки, какъ и всякая наука, есть совокупность систематически расположенныхъ сужденiй, если не необходимыхъ, то, по крайней мѣрѣ, вѣроятныхъ. Грамматическая система основана на логическомъ дѣленiи грамматическихъ понятiй и ихъ опредѣленiи. Человѣческая рѣчь состоитъ изъ словъ, стоящихъ въ какой-нибудь грамматической формѣ. Понятiе о словѣ, стоящемъ въ той или иной грамматической формѣ, и есть наивысшее, наибольшее по объему грамматическое понятiе. Это наивысшее понятiе дѣлится на подчиненныя понятiя: имена существительныя, имена прилагательныя, и такъ далѣе. Тутъ мы имѣемъ первую ступень дѣленiя; основанiемъ дѣленiя являются логическiя категорiи предмета, свойства, дѣйствiя и т. д. Каждое изъ подчиненныхъ понятiй опять дѣлится на группы меньшаго объема. Имена существительныя дѣлятся на а) имена мужескаго рода, б) имена женскаго рода, в) имена средняго рода. Это дѣленiе второй степени; основанiемъ его служитъ родъ именъ. Имена мужескаго рода дѣлятся снова на двѣ группы: а) имена мужескаго рода по значенiю и б) имена мужескаго рода

по окончанію. Послѣдняя группа опять дѣлится на нѣсколько категорій: а) имена мужескаго рода на ъ, б) имена мужескаго рода на ь, и такъ далѣе. Кромѣ этого постепеннаго дѣленія, образующаго въ нисходящемъ порядкѣ лѣстницу понятій, на любой ступени многія группы могутъ подвергнуться вторичному дѣленію, при посредствѣ новаго основанія дѣленія. Мало того, одна и та же группа иногда подвергается тройному, четверному и такъ далѣе дѣленію вслѣдствіе того, что постепенно берутся различныя основанія дѣленія. При каждомъ изъ этихъ параллельныхъ дѣленій могутъ опять возникать все меньшія и меньшія по объему группы, если мы опять будемъ высшія понятія расчленять на низшія. Такъ, напримѣръ, имена существительныя распредѣляются на группы и по значенію, и по роду, и по типичнымъ окончаніямъ; каждый типъ окончаній, т. е. каждое склоненіе дѣлится опять на падежи; формы такого-то падежа, такого-то склоненія снова могутъ распадаться на группы; напримѣръ, формы винительнаго падежа третьяго латинскаго склоненія могутъ быть раздѣлены на группы: 1) формы съ окончаніемъ *em*, 2) формы съ окончаніемъ *im*, 3) формы на *a*, 4) формы, сходныя по окончанію съ именительнымъ падежомъ.

Постепенное и многократное дѣленіе, намѣченное нами въ общихъ чертахъ, даетъ въ результатѣ огромную массу грамматическихъ группъ, расположенныхъ въ строгомъ порядкѣ. Каждой группѣ соотвѣтствуетъ грамматическое понятіе, при чемъ главнѣйшія группы обозначаются особой терминологіей. Каждое грамматическое понятіе, какъ и всякое другое понятіе, составляется изъ существенныхъ признаковъ, т. е. такихъ, которые неизмѣнно присущи понятію. Распредѣливъ понятія въ систему, грамматика исчисляетъ существенные признаки этихъ понятій, — въ этомъ и состоитъ все содержаніе грамматики. Исчисленіе признаковъ бываетъ двоякое. Въ однихъ случаяхъ оно является строгимъ логическимъ опредѣленіемъ, построеннымъ по законамъ логики, т. е. содержитъ въ себѣ указаніе на родъ и на видовое отличіе. Въ другихъ случаяхъ мы имѣемъ просто сужденіе, констатирующее принадлеж-

ность грамматическому понятію такого-то признака. Эти опредѣленія и сужденія и называются грамматическими законами, или правилами. Кромѣ правилъ, въ учебникахъ грамматики мы находимъ парадигмы склоненій и спряженій. Но парадигма есть не что иное, какъ сокращенное и наглядное изображеніе ряда грамматическихъ сужденій или правилъ. Парадигма есть результатъ многократнаго и перекрестнаго дѣленія группы. Парадигма, напримѣръ, спряженія даетъ одновременное и наглядное дѣленіе глагольныхъ формъ по залогамъ, наклоненіямъ, временамъ, числамъ, лицамъ и, устанавливая всю эту массу грамматическихъ группъ, приписываетъ каждой группѣ признакъ, состоящій въ такомъ-то окончаніи глагольной формы.

Доселѣ мы говорили о дѣленіяхъ, принятыхъ въ этимологіи, т. е. объ этимологической системѣ. Но рядомъ съ нею въ любомъ языкѣ существуетъ и другая система—синтаксическая. Синтаксическая система рѣзко отличается отъ этимологической своимъ единствомъ: въ ней почти нѣтъ многократныхъ и перекрестныхъ дѣленій. Если предложенія, кромѣ обычнаго дѣленія, дѣлятся иногда и по другимъ основаніямъ, напримѣръ, на «простыя» и «распространенныя» или на «личныя» и «безличныя, то всѣ такія дѣленія не имѣютъ никакого значенія при грамматическомъ разборѣ, при переводахъ или вообще при логическомъ анализѣ рѣчи.

Наивысшимъ и наиболѣе обширнымъ синтаксическимъ понятіемъ является понятіе о части сужденія. Грамматики не знаютъ такого термина, потому что онѣ начинаютъ классификацію не съ наивысшаго понятія, а прямо съ понятій второй степени, съ «членовъ предложенія» и съ предложеній «главныхъ» и «придаточныхъ», такъ что грамматическія понятія, разбираемыя въ первой части синтаксиса—въ синтаксисѣ простого предложенія, являются у нихъ не объединенными ни въ какое общее понятіе съ явленіями, разбираемыми во второй части синтаксиса. Высшее понятіе о части сужденія подраздѣляется на два соподчиненныя понятія: а) членъ предложенія и б) придаточное предложеніе. Придаточное предложеніе появляется въ языкѣ въ томъ лишь случаѣ, если данную логическую категорію

нельзя выразить простымъ членомъ предложенія; оно есть лишь замѣна простого члена предложенія и съ логической точки зрѣнія является частью сужденія, заключеннаго въ сочетаніи главнаго съ придаточными[1]). Основаніемъ указаннаго нами перваго дѣленія въ области синтаксиса является форма выраженія—то обстоятельство, выражается ли логическая категорія однимъ словомъ, напримѣръ, дополненіемъ или опредѣленіемъ, или она, за неимѣніемъ одного потребнаго для этой цѣли слова, выражается цѣлымъ придаточнымъ предложеніемъ. Придаточныя предложенія по формѣ можно раздѣлить на а) полныя и б) сокращенныя. Это будетъ вторая ступень дѣленія на основаніи формы. На этой ступени дѣленіе по формѣ и оканчивается; не изъ него развивается синтаксическая система. Она развивается изъ вторичнаго дѣленія наивысшаго понятія о части сужденія, дѣленія, произведеннаго на другомъ, не формальномъ, а логическомъ основаніи. Это наивысшее понятіе дѣлится прежде всего (первая ступень дѣленія) на категоріи подлежащаго, сказуемаго, свойства, объекта, времени, мѣста, причины, и т. д. Для этой ступени школьная грамматика не имѣетъ еще особой терминологіи; она игнорируетъ эту ступень дѣленія. На второй ступени категорія подлежащаго дѣлится на а) подлежащее и б) предложеніе-подлежащее; категорія свойства дѣлится на а) опредѣленіе и б) предложеніе опредѣлительное; категорія объекта — на а) дополненіе и б) дополнительное придаточное, и т. д. На третьей ступени опредѣленіе дѣлится на а) согласуемое и б) несогласуемое; дополненіе на а) прямое и б) косвенное; опредѣлительное предложеніе дѣлится (въ латинскомъ языкѣ) на а) опредѣлительное съ изъявительнымъ наклоненіемъ и б) опредѣлительное съ сослагательнымъ наклоненіемъ, и т. д. На четвертой ступени согласуемое опредѣленіе дѣлится на а) согласуемое въ родѣ, числѣ и падежѣ и б) согласуемое только въ падежѣ; косвенное дополненіе на а)

---

[1]) Впослѣдствіи, съ развитіемъ языка замѣна члена предложенія придаточнымъ предложеніемъ можетъ происходить и изъ-за цѣлей чисто стилистическихъ.

дополненіе съ предлогомъ и б) дополненіе безъ предлога; и т. д. На пятой ступени опредѣленіе, согласуемое въ родѣ, числѣ и падежѣ, дѣлится на а) опредѣленіе, выраженное прилагательнымъ, б) опредѣленіе, выраженное числительнымъ, в) опредѣленіе, выраженное мѣстоименіемъ, и т. д.; дополненіе безъ предлога дѣлится на а) дополненіе, поставленное въ родительномъ падежѣ, б) дополненіе, поставленное въ дательномъ падежѣ, и т. д. На шестой ступени дополненіе, поставленное, напримѣръ, въ дательномъ падежѣ, дѣлится въ латинскомъ синтаксисѣ на а) dat. commodi и incommodi, б) dat. possessivus, в) dat. finalis; и т. д.; въ русскомъ же синтаксисѣ на а) дательный падежъ при глаголахъ, означающихъ пользу, вредъ, угоду, досаду и т. д., б) дательный при безличныхъ глаголахъ, выражающихъ чувство, в) дательный при неопредѣленномъ наклоненіи, и т. д. Это многократное дѣленіе даетъ въ результатѣ, какъ и въ этимологіи, массу систематически расположенныхъ синтаксическихъ понятій. Каждое такое понятіе имѣетъ свои существенные признаки. Сужденія и опредѣленія, констатирующія присутствіе въ понятіи этихъ признаковъ, и являются синтаксическими законами, или правилами.

Этимологическая и синтаксическая системы распредѣляютъ по группамъ одинъ и тотъ же матеріалъ—именно слова, изъ которыхъ составляется человѣческая рѣчь; но это распредѣленіе производится на совершенно различныхъ основаніяхъ дѣленія, вслѣдствіе чего получаются двѣ параллельныхъ системы, и для каждаго слова въ человѣческой рѣчи можно найти мѣсто въ той и въ другой системѣ.

Перебирая всѣ основанія дѣленія, мы видимъ, что большинство этихъ основаній, особенно на первыхъ ступеняхъ дѣленій, относится къ тѣмъ или инымъ логическимъ категоріямъ, взяты изъ логики и покоятся на логическихъ законахъ. А такъ какъ логическіе законы и категоріи являются общими и обязательными для всѣхъ людей, говорящихъ на всевозможныхъ языкахъ, то, очевидно, и системы разныхъ грамматикъ во многихъ отдѣлахъ должны быть общими. Кромѣ того, всѣ изучаемые въ школѣ языки

относятся къ одной группѣ, происходятъ изъ одного источника и поэтому имѣютъ одинъ общій грамматическій строй. Въ силу этихъ двухъ мотивовъ многія грамматическія категоріи и соотвѣтствующіе имъ грамматическіе законы и правила являются общими для всѣхъ изучаемыхъ въ школѣ грамматикъ. Латинская грамматика въ этихъ случаяхъ совпадаетъ съ русскою, и эту совпадающую часть грамматики можно назвать общею грамматикою. Совпадающая часть охватываетъ всѣ первыя ступени дѣленія, такъ какъ здѣсь дѣленіе основано именно на логическихъ категоріяхъ и на общемъ грамматическомъ строѣ индоевропейскихъ языковъ. Совпаденіе въ нисходящемъ порядкѣ можетъ съ первыхъ ступеней доходить до четвертой, пятой и дальнѣйшихъ ступеней; въ иныхъ подраздѣленіяхъ это совпаденіе идетъ до самой послѣдней ступени, такъ что цѣлый отдѣлъ одной грамматики совершенно совпадаетъ съ такимъ же отдѣломъ другой. Но еще чаще совпаденіе прекращается на одной изъ среднихъ или низшихъ ступеней, и грамматики, начиная съ этой ступени, расходятся. Когда системы на извѣстной ступени дѣленія разошлись, вмѣсто общей грамматики мы имѣемъ уже передъ собою спеціальные отдѣлы—спеціальную часть латинской или спеціальную часть русской грамматики. Если разошлись категоріи, то и грамматическіе законы и правила въ каждой спеціальной части являются особыми, несходными. Прослѣдимъ это на примѣрѣ. Имена существительныя дѣлятся на нарицательныя, собственныя и собирательныя. Это дѣленіе основано на логическихъ категоріяхъ (значеніи словъ); поэтому эти группы и соотвѣтствующія имъ грамматическія сужденія (являющіяся въ данномъ случаѣ въ видѣ логическихъ опредѣленій понятія) оказываются общими для русскаго, латинскаго и всякаго другого языка. Дѣленіе существительныхъ на другомъ основаніи—на основаніи рода вытекаетъ изъ общаго грамматическаго строя индоевропейскихъ языковъ; поэтому группы этого дѣленія и соотвѣтствующія имъ сужденія опять являются общими для всѣхъ изучаемыхъ въ школѣ грамматикъ. Слова мужескаго рода дѣлятся на а) группу словъ мужескаго рода по значенію

и б) группу словъ мужескаго рода по окончанію (вторая ступень дѣленія); это дѣленіе основано на логическихъ категоріяхъ и на общемъ строѣ индоевропейскихъ языковъ; группы и грамматическія сужденія здѣсь опять принадлежатъ одинаково и русской и латинской грамматикѣ. На третьей ступени дѣленія грамматики уже расходятся[1]): латинская грамматика исчисляетъ одни окончанія мужескаго рода, русская—другія, нѣмецкая—третьи, и т. д. На всемъ протяженіи грамматическаго курса въ любомъ отдѣлѣ, въ каждой лѣстницѣ грамматическихъ понятій можно совершенно точнымъ образомъ найти грань, отдѣляющую общую грамматику отъ спеціальной. По этимъ гранямъ можно и всю систему расколоть на двѣ части, общую и спеціальную.

II.

Посмотримъ теперь, какъ приходится пользоваться этими системами при той умственной работѣ, которая производится при переводахъ съ родного языка на латинскій. Возьмемъ фразу: «Узнавши черезъ лазутчиковъ, что свевы удалились въ лѣса, и опасаясь недостатка хлѣба, такъ какъ германцы не всѣ занимаются земледѣліемъ, Цезарь рѣшилъ дальше не итти».

Приступая къ переводу слова «узнавши», мы предварительно дѣлаемъ умственный грамматическій разборъ слова. Сдѣлать грамматическій разборъ слова это значитъ ввести это слово въ грамматическую систему. Для этого, переходя отъ общихъ грамматическихъ понятій къ частнымъ, изъ

[1]) По общепринятому изложенію латинской этимологіи выходитъ, что латинская грамматика уже на второй ступени отступаетъ отъ русской—въ разграниченіи словъ мужескаго рода по значенію: она относитъ къ этой группѣ не только названія существъ мужескаго пола, но и названія рѣкъ, а иной разъ и названія вѣтровъ и мѣсяцевъ. Но эти послѣднія рубрики образованы искусственно, съ мнемоническою цѣлью. Имена мѣсяцевъ суть прилагательныя, согласованныя съ подразумѣваемымъ mensis; имена рѣкъ не всегда мужескаго рода. (Albula, Allia и др.—женскаго рода) Грамматика дѣлаетъ лишь приблизительное обобщеніе, полезное для школьной практики, примѣнимое только къ наиболѣе употребительнымъ названіямъ рѣкъ (Tiberis, Tigris и др.).

высшихъ классовъ въ низшіе, спускаясь по ступенямъ различныхъ дѣленій, мы должны постепенно дойти до низшей грамматической категоріи, которая какъ разъ соотвѣтствовала бы разбираемому нами слову. Чтобы дойти до низшей грамматической категоріи, которая какъ разъ соотвѣтствовала бы слову «узнавши», мы должны пройти въ русской этимологической системѣ пять ступеней и рѣшить для этого пять вопросовъ: 1. начало слова? 2. часть рѣчи? 3. залогъ? 4. наклоненіе? 5. время?

Первый вопросъ не касается еще грамматическихъ категорій: задачей нашей здѣсь является не узнать неопредѣленное наклоненіе, а установить логическое понятіе, соотвѣтственное слову и стоящее пока внѣ зависимости отъ всякихъ грамматическихъ функцій (самый терминъ «неопредѣленное» указываетъ на этотъ именно характеръ понятія, стоящаго пока внѣ формъ и внѣ категорій). Въ третьемъ вопросѣ подъ именемъ «залога» разумѣется формальная категорія—то, что по-латыни называется genus (родъ). Принятое въ русскихъ грамматикахъ дѣленіе залоговъ по значенію не играетъ, какъ мы увидимъ, никакой роли при переводѣ. Въ четвертомъ вопросѣ мы спрашиваемъ о «наклоненіи», хотя въ отвѣтѣ будетъ терминъ: «дѣепричастіе». Дѣло въ томъ, что, хотя въ грамматикахъ причастіе и дѣепричастіе и не называются наклоненіями, но въ грамматической системѣ, въ схемѣ глагола, они занимаютъ мѣсто именно наклоненія. Если изъ перечня всѣхъ глагольныхъ формъ мы вычтемъ все подходящее подъ рубрики «наклоненій» (относя сюда и «достигательное» наклоненіе, т. е. supinum, а также склоняемое неопр. н., т. е. gerundium), то у насъ останется причастіе и дѣепричастіе; очевидно, это есть не что иное, какъ 6-ой членъ дѣленія, стоящій наравнѣ съ пятью членами, называемыми «наклоненіями» [1]).

Рѣшивъ послѣдовательно указанные выше пять вопро-

---

[1]) Въ школьной практикѣ эта незаконченность классификаціи ведетъ къ большимъ неудобствамъ, и о причастіи приходится спрашивать такъ: „какая форма?“, т.-е. употреблять вопросъ самый общій, обнимающій всѣ категоріи глагола.

совъ, мы найдемъ низшее грамматическое понятіе, соотвѣтственное разбираемому слову. Это низшее понятіе будетъ—«дѣепричастіе прошедшаго времени дѣйствительнаго залога». Понятіе это уже не разложимо на другія грамматическія понятія; это послѣдняя возможная ступень дѣленія. Найдя это понятіе, мы отыскали для слова «узнавши» мѣсто въ русской грамматической системѣ.

Самый процессъ внесенія слова въ грамматическую систему слагается на каждой ступени дѣленія изъ двухъ актовъ: припоминанія системы въ нѣкоторыхъ ея отдѣлахъ и умозаключенія. Объемъ припоминаемой части зависитъ отъ степени нашей освѣдомленности въ области грамматики отъ степени нашихъ навыковъ въ разборѣ. Ученикъ, плохо знающій грамматику, захватываетъ при этомъ припоминаніи много ненужныхъ категорій, мысленно перебираетъ цѣлый рядъ понятій, путается въ схемахъ дѣленія, забирается по недоразумѣнію въ совершенно посторонніе отдѣлы, возстановляетъ въ памяти цѣлыя парадигмы, пока не отыщетъ требуемаго. Но по мѣрѣ навыка работа ускоряется; вмѣсто перебиранія въ умѣ категорій, ученикъ или вообще переводчикъ, совершенно опытный въ грамматикѣ, сразу попадаетъ на тѣ группы, которыя ему нужно. За припоминаніемъ мѣста въ системѣ слѣдуетъ дедуктивное умозаключеніе, подводящее данный случай подъ общій законъ. Большей посылкой при этомъ умозаключеніи бываетъ грамматическое сужденіе, заключающее въ себѣ грамматическій законъ или правило. Напримѣръ, при рѣшеніи вопроса о времени мы разсуждаемъ такъ:

Форма, обозначающая дѣйствіе, происходившее прежде, есть форма прошедшаго времени (бо́льшая посылка).

«Узнавши» означаетъ дѣйствіе, происходившее прежде (меньшая посылка).

«Узнавши»—форма прошедшаго времени (заключеніе).

Грамматическій законъ, заключающійся въ первой посылкѣ, и служитъ логическимъ основаніемъ для рѣшенія возникающаго при разборѣ вопроса. Подобный же процессъ повторяется при рѣшеніи и всѣхъ остальныхъ вопросовъ. При значительномъ навыкѣ къ дѣлу работа эта

очень упрощается, и мы можемъ сразу перескакивать черезъ нѣсколько ступеней. Послѣдовательную работу мы тотчасъ прекращаемъ, какъ только получаемъ возможность сдѣлать нужное заключеніе по внѣшнему признаку слова— по его окончанію. При большомъ навыкѣ къ дѣлу, подмѣтивъ окончаніе *вши*, мы на основаніи одного этого окончанія уже сразу даемъ себѣ отвѣтъ на всѣ поставленные выше вопросы, сдѣлавши только одно умозаключеніе:

Окончаніе *вши* имѣетъ дѣепричастіе прошедшаго времени дѣйстительнаго залога (бо̀льшая посылка).

«Узнавши, оканчивается на *вши;* слѣдовательно, «узнавши» есть — и т. д.

Наблюденіе надъ внѣшними признаками словъ, т.-е. надъ окончаніями, префиксами, суффиксами, правописаніемъ слова и т. д., можетъ значительно облегчить работу при разборѣ словъ и переводѣ; но въ общемъ итогѣ оно бываетъ очень ненадежнымъ руководителемъ, особенно для переводчика, мало опытнаго въ грамматикѣ. Наблюденіемъ выгодно пользоваться только при основательномъ и детальномъ знакомствѣ съ грамматической системой; въ противномъ случаѣ оно легко заводитъ на ложный путь.

Введя слово въ систему русской грамматики, мы приступаемъ ко второй стадіи нашей работы,—подыскиваемъ латинское слово. Справочная работа по словарю состоитъ въ слѣдующемъ: 1. находимъ въ перечнѣ первую букву даннаго слова, вторую, третью, и т. д.,—просмотръ буквъ прекращаемъ, какъ только находимъ корень даннаго слова, т. е. сталкиваемся съ общимъ, пока еще неопредѣленнымъ абрисомъ искомаго понятія[1]); 2. найдя корень, мы переби-

[1]) Корню слова пока еще не соотвѣтствуетъ никакое опредѣленное понятіе; понятія возникаютъ, когда отъ корня произошли слова, т.-е. имена, глаголы и т. п. Съ мыслью о корнѣ въ умѣ возникаютъ *нѣкоторые* признаки, которые войдутъ потомъ въ понятіе о предметѣ, свойствѣ или дѣйствіи, названномъ съ помощью даннаго корня. Это есть какъ бы общій зачатокъ для понятій. При мысли о корнѣ *черн* въ сознаніи возникаетъ признакъ черноты, вслѣдствіе невольнаго припоминанія прилагательнаго „черный", но не возникаютъ *признаки* „чернилъ" *или* „черники"; *и это потому, что наша* мысль идетъ въ сторону *наиболѣе обычнаго*; прилагательное „черный"— обычнѣе, чаще употребляется и скорѣе приходитъ въ голову, чѣмъ понятія „чернила" или „черника". При мысли о корнѣ *час* возни-

раемъ производныя отъ него слова, пока не встрѣтимся съ искомою частью рѣчи; 3. при найденномъ словѣ мы находимъ нѣсколько грамматическихъ категорій. При словѣ cognoscere мы найдемъ 5—6 категорій, помѣченныхъ въ словарѣ или легко наблюдаемыхъ: категорію залога, легко наблюдаемую изъ того обстоятельства, что слово оканчивается въ настоящемъ времени на *o*, а не на *or*, категорію спряженія, формы praesens'a, perfectum'a, супина и неопредѣленнаго наклоненія. Категорія спряженія или неопредѣленнаго наклоненія можетъ быть не помѣченной, такъ какъ для насъ достаточно и одной изъ нихъ; кромѣ того, категорія praesens'a или неопредѣленнаго наклоненія можетъ совпадать съ «началомъ» слова, которое при глаголѣ есть не что иное, какъ условно избираемая грамматическая категорія.

Если слово мы отыскиваемъ не въ словарѣ, а въ своей памяти, то работа упрощается. Первая ступень ея совершенно отпадаетъ; мы слово припоминаемъ сразу какъ понятіе, т.-е. въ качествѣ той или иной части рѣчи. Мы припоминаемъ, что «узнавать» значитъ cognoscere или что «узнаю» значитъ cognosco. По закону ассоціаціи, припоминая глаголъ, мы припоминаемъ и его «главныя формы», если онѣ образуются не по типу перваго спряженія[1]).

каютъ въ умѣ признаки „часа" или „часовъ", а не „часового" или „часовщика", и т. д. При многихъ корняхъ не можетъ возникнуть никакой мысли о признакахъ (напр., при корняхъ *дѣл*, *дн* и др.).

[1]) Установленіе этихъ ассоціацій является одною изъ труднѣйшихъ задачъ при преподаваніи; а межъ тѣмъ оно совершенно необходимо; иначе намъ пришлось бы, несмотря на наше знаніе слова, справляться съ словаремъ. Для укрѣпленія этихъ ассоціацій въ прежнее время глаголы, отступающіе отъ нормы въ образованіи perf. и supinum, распредѣлялись въ учебникахъ по группамъ и заучивались отдѣльно отъ текста; но группы эти оказывались совершенно искусственными, непригодными для практики, а отдѣльное заучиваніе глаголовъ было очень утомительнымъ и скучнымъ занятіемъ, требовавшимъ, къ тому же, много времени. Чтобы установить ассоціаціи, для этого существуетъ одно средство — многократное повтореніе; если ученикъ не запомнилъ главныхъ формъ при первомъ ознакомленіи съ глаголомъ, ему потомъ придется *много* разъ снова и снова справляться съ словаремъ, пока въ его памяти не установятся механическія ассоціаціи. Изучая отступающіе глаголы въ спеціальныхъ перечняхъ, ученикъ имѣлъ то преимущество, что могъ съ большою вѣроятностью предполагать, что, если глаголъ не былъ имъ изученъ въ перечняхъ, то онъ принадлежитъ къ первому спря-

Подыскавъ или припомнивъ латинское слово съ нѣкоторыми его грамматическими функціями, которыя для дальнѣйшей работы, быть-можетъ, окажутся излишними, мы приступаемъ къ третьей стадіи работы,—къ самому переводу. Перевести текстъ это значитъ перевести всѣ слова изъ одной грамматической системы въ другую, измѣнивъ при этомъ и корень. При переводѣ каждаго отдѣльнаго слова намъ предстоитъ пройти въ системѣ латинской грамматики по возможности тѣ же самыя ступени, которыя мы прошли въ области русской грамматики при разборѣ русскаго слова. Въ результатѣ мы получимъ или какъ разъ то же низшее грамматическое понятіе, которое получили при разборѣ русскаго слова, или другое низшее грамматическое понятіе, если системы русскаго и латинскаго языковъ разойдутся. Въ послѣднемъ полученномъ нами понятіи будутъ заключаться нѣкоторые существенные его признаки и, между прочимъ, тотъ признакъ, что данная грамматическая категорія имѣетъ такое-то окончаніе. Узнать соотвѣтственное выясненнымъ категоріямъ окончаніе это и есть конечная цѣль при переводѣ каждаго даннаго слова.

При разборѣ слова «узнавши» мы прошли пять ступеней. По тѣмъ же ступенямъ нужно провести и слово cognoscere. Три первыя ступени нами уже пройдены при самомъ отыскиваніи слова въ словарѣ или въ памяти: мы знаемъ уже начало слова, знаемъ, какая это часть рѣчи и какого залога[1]). Переходимъ на четвертую ступень и ищемъ въ латинской этимологической системѣ наклоненіе, которое равнялось бы русскому дѣепричастію. Такой категоріей является причастіе, совмѣщающее въ себѣ логическія функ-

---

женію и имѣетъ типичныя для перваго спряженія главныя формы При изученіи же глаголовъ въ разбивку, по мѣрѣ встрѣчи ихъ въ текстѣ, онъ не имѣетъ этого критерія для сужденія о формахъ глагола. Затрудненія увеличиваются и отъ того, что въ словаряхъ принято считать началомъ глагола не infin., a praes. ind.; категорія спряженія при такой постановкѣ дѣла въ большинствѣ случаевъ (во всѣхъ глаголахъ перваго и третьяго спряженія) не находится ни въ какой связи съ началомъ глагола и должна быть запоминаема при каждомъ глаголѣ особо, по механической ассоціаціи, безъ всякихъ логическихъ для этого основаній.

[1]) Т.-е. знаемъ, что cognosco спрягается по образцу genus activum, а не какъ genus passivum или deponens.

ціи русскаго причастія и русскаго дѣепричастія. Переходимъ на пятую ступень и ищемъ категоріи времени. Но такого времени въ грамматической системѣ нѣтъ; и, значитъ, перевести слово невозможно. Остается, сохранивъ по возможности самую мысль, со всѣми ея оттѣнками, въ неприкосновенности, взять для ея выраженія другія формы, а если нельзя этого сдѣлать, то и другія слова. Замѣна сокращеннаго предложенія полнымъ—лучшій способъ достигнуть этой цѣли, потому что такія предложенія, различаясь по формѣ, обыкновенно остаются тожественными по смыслу. Вмѣсто «узнавши» мы имѣемъ предложеніе: «когда узналъ». Теперь у насъ новыя слова, и мы должны продѣлать надъ ними всю намѣченную процедуру съ самаго начала. Для слова «когда» можно было бы намѣтить двустепенную схему разбора (часть рѣчи? видъ союза?). Но этотъ разборъ былъ бы безцѣльнымъ. Конечная цѣль разбора и перенесенія слова изъ одной грамматической системы въ другую состоитъ въ отысканіи окончанія; а разъ слово не измѣняется, то и разборъ излишенъ. Слово «узналъ» для введенія въ грамматическую систему придется провести по слѣдующимъ ступенямъ системы: 1) начало слова? 2) часть рѣчи? 3) залогъ? 4) наклоненіе? 5) время? 6) лицо? 7) число? Пройдя по этимъ ступенямъ, мы получимъ слѣдующую грамматическую категорію: «глаголъ дѣйств. залога, изъяв. наклоненія, прош. времени, ед. числа, третьяго лица». Для выясненія категоріи лица намъ пришлось здѣсь обратиться къ русской синтаксической системѣ, которая и дала намъ критерій для выбора (мы рѣшали вопросъ, съ чѣмъ согласовано слово «узналъ»). Найдя низшее грамматическое понятіе, соотвѣтственное переводимому слову, мы должны теперь перенестись въ систему латинской грамматики и пройти въ ней по возможности тѣ же семь ступеней. Три первыя ступени нами пройдены еще на второй стадіи работы, при подыскиваніи латинскаго слова. Мы уже знаемъ начало латинскаго слова, знаемъ, что cognosco есть глаголъ и спрягается по типу verbum activum. На четвертой ступени рѣшается вопросъ о наклоненіи. Въ системѣ русской грамматики мы имѣли въ данномъ

случаѣ категорію изъявительнаго наклоненія. То же ли самое наклоненіе мы возьмемъ и въ латинской системѣ? Убѣжденіе, что наклоненіе нужно выбирать, а не прямо брать изъявительное, которое наблюдается въ русскомъ словѣ, вытекаетъ пока лишь изъ смутнаго сознанія, что латинская грамматика въ вопросѣ о наклоненіяхъ далеко расходится съ русскою. Для рѣшенія вопроса о наклоненіи намъ впервые приходится обратиться къ латинскому синтаксису.

III.

Роль синтаксиса при переводѣ является только вспомогательной: синтаксисъ руководитъ и помогаетъ при выборѣ этимологическихъ категорій и формъ. Переводъ заключается въ постановкѣ не синтаксическихъ категорій, а только этимологическихъ; синтаксическія же категоріи привлекаются къ дѣлу лишь для того, чтобы разобраться въ этимологическихъ.

Словамъ соотвѣтствуютъ понятія; простѣйшей формой сужденія является предложеніе, состоящее изъ подлежащаго и сказуемаго, т.-е. указывающее на понятіе и его признакъ. Прибавляя къ подлежащему и сказуемому сужденія различныя опредѣленія, дополненія и обстоятельственныя слова, мы этимъ самымъ понятія превращаемъ въ представленія, общее превращаемъ въ частное, абстрактное въ конкретное, родовыя понятія въ видовыя, и т. д. Распространеніе предложенія происходитъ по логическимъ категоріямъ,—категоріи свойства, мѣста, времени и т. д. По тѣмъ же категоріямъ простое предложеніе распространяются въ сложное въ томъ случаѣ, если данную категорію нельзя обозначить простымъ членомъ предложенія. Всѣ эти логическія отношенія обозначаются въ языкѣ съ помощью согласованія и управленія (подъ управленіемъ разумѣемъ и зависимость придаточнаго отъ главнаго). Но кромѣ этого, логическое сужденіе, принимая разные оттѣнки, измѣняется по видамъ. Измѣненіе сужденій по объему, касающееся подлежащаго сужденій, съ грамматиче-

ской стороны проявляется въ постановкѣ опредѣленій и дополненій къ этому подлежащему. Измѣненіе же сужденій по содержанію, по связи между подлежащимъ и сказуемымъ и по степени достовѣрности проявляется исключительно въ сказуемомъ съ относящимися къ нему членами предложенія; при чемъ измѣненіе сужденій по содержанію, т. е. отличіе сужденій утвердительныхъ и отрицательныхъ, проявляется въ постановкѣ или опущеніи отрицанія, а отличіе ихъ по связи между подлежащимъ и сказуемымъ и по степени достовѣрности проявляется въ постановкѣ наклоненій. Такимъ образомъ всевозможныя логическія отношенія между членами сужденія и между сужденіями съ грамматической стороны проявляются въ четырехъ видахъ: въ согласованіи, въ управленіи словъ, въ управленіи предложеній и въ постановкѣ наклоненій. Этими четырьмя способами пользуются всѣ индоевропейскіе языки, но детальное примѣненіе этихъ способовъ часто бываетъ различнымъ въ различныхъ языкахъ. Для насъ важно сравнить въ этомъ отношеніи русскій языкъ съ латинскимъ. Въ примѣненіи перваго способа, и вообще говоря, не можетъ быть большихъ различій, такъ какъ согласованіе выражается въ очень простомъ грамматическомъ законѣ, заключающемся въ уподобленіи формъ. Съ развитіемъ языка этотъ законъ не осложняется, а наоборотъ, выходитъ изъ практики. Само по себѣ согласованіе есть лишь нѣчто добавочное къ управленію; логическія отношенія выражаются собственно въ управленіи, въ постановкѣ падежа; прилагательное же, согласованное съ существительнымъ, не измѣняетъ этихъ отношеній, а лишь вторично подтверждаетъ ихъ, воспроизводя въ себѣ еще разъ категорію рода, числа и падежа, уже имѣющуюся въ существительномъ. Очевидно, въ этомъ вторичномъ подчеркиваніи тѣхъ же логическихъ отношеній съ развитіемъ языка, съ большею привычкою людей къ мышленію, не встрѣчается уже особенной надобности. И дѣйствительно, въ новыхъ языкахъ родовые окончанія прилагательныхъ постепенно утрачиваются, и согласованіе такимъ образомъ выходитъ изъ употребленія. Русскій языкъ въ вопросѣ о согласованіи ни въ

чемъ въ сущности не отличается отъ латинскаго. Въ объемистыхъ латинскихъ грамматикахъ, правда, помѣщаются цѣлыя главы, трактующія о согласованіи. Но всѣ приводимыя въ нихъ правила касаются не обычнаго, нормальнаго согласованія, а лишь одного рѣдкаго казуса; онѣ многорѣчиво рѣшаютъ все одинъ и тотъ же вопросъ: какъ согласовать слово при двухъ опредѣляемыхъ, относящихся къ различнымъ грамматическимъ категоріямъ? Подъ видомъ правилъ тутъ приводятся эмпирическіе выводы изъ практики: за правило признается то, что чаще встрѣчается. Уже изъ этого сомнительнаго критерія видно, что даже и въ этомъ исключительномъ случаѣ латинскій языкъ ничѣмъ не отличается въ вопросѣ о согласованіи отъ русскаго[1]). Въ управленіи предложеній тоже оба языка совершенно сходны, потому что это управленіе основано въ нихъ на однѣхъ и тѣхъ же логическихъ категоріяхъ: категоріямъ свойства, мѣста и т. д. въ томъ и другомъ языкѣ одинаково соотвѣтствуютъ придаточныя опредѣлительныя, придаточныя мѣста, и т. д. Всѣ замѣчаемыя здѣсь разнорѣчія между русскими и латинскими грамматиками являются лишь недостаткомъ классификаціи и не вытекаютъ изъ строя языковъ. Если, напримѣръ, условныя и уступительныя предложенія въ русскихъ грамматикахъ чаще относятся къ главнымъ, а въ латинскихъ грамматикахъ обыкновенно къ придаточнымъ, то это происходитъ только по недоразумѣнію, вслѣдствіе того, что составители грамматикъ не сознаютъ необходимости уничтожать эти противорѣчія, не существующія въ дѣйствительности, въ самомъ строѣ языковъ. Такимъ образомъ изъ четырехъ указанныхъ нами *способовъ* словесно изображать логическія отношенія между членами сужденія и качества сужденія два способа—согласованіе и управленіе предложеній—примѣняются совершенно одинаково и въ русскомъ и въ латинскомъ языкѣ. Въ системахъ той и другой грамматики они составляютъ общую часть; это *отдѣлы общей грам-*

---

[1]) **Для школьной практики полезно знать изъ этой области одинъ только случай—именно употребленіе мѣстоименія hic въ качествѣ подлежащаго при сказуемомъ-существительномъ.**

матики. Два другія способа—управленіе словъ и постановка наклоненій—примѣняются на практикѣ въ томъ и другомъ языкѣ далеко не одинаково; особенно это можно сказать о постановкѣ наклоненій.

Но кромѣ этихъ общихъ способовъ изображенія логическихъ отношеній въ томъ и другомъ языкѣ есть еще по одному способу, составляющему спеціальную особенность даннаго языка. Въ латинскомъ языкѣ этимъ спеціальнымъ, пятымъ по счету способомъ является постановка временъ въ придаточномъ предложеніи въ зависимости отъ главнаго предложенія. Терминомъ consecutio temporum грамматики пользуются обыкновенно лишь въ примѣненіи къ временамъ сослагательнаго наклоненія; но въ дѣйствительности послѣдовательность временъ, если принимать этотъ терминъ въ болѣе обширномъ значеніи, распространяется въ латинскомъ языкѣ на всѣ придаточныя, составляющія часть логическаго сужденія [1]), будь они выражены сослагательнымъ или изъявительнымъ наклоненіемъ, неопредѣленнымъ или причастіемъ. На первый взглядъ можетъ казаться, что этотъ способъ обозначать логическія отношенія постановкою временъ не составляетъ спеціальной особенности латинскаго языка, такъ какъ онъ, по-видимому, примѣняется и въ русскомъ языкѣ. Подробный анализъ временъ русскаго придаточнаго предложенія приводитъ къ выводу, что въ русскомъ языкѣ практикуются двѣ системы подчиненія предложеній: времена придаточнаго то ставятся совершенно независимо отъ времени главнаго предложенія, то обусловливаются временемъ главнаго предложенія; иначе сказать, русскій языкъ то подчиняется закону послѣдовательности временъ, то нѣтъ. Но дѣло въ томъ, что этотъ законъ примѣняется въ русскомъ языкѣ не въ опредѣлен-

[1]) Частью логическаго сужденія является всякое придаточное, замѣняющее собою недостающій членъ предложенія; но сюда не относятся, напримѣръ, предложенія слѣдствія, потому что каждое такое предложеніе есть не членъ или часть другого сужденія, а цѣлое, самостоятельное сужденіе. „Когда Цезарь узналъ“ — есть часть сужденія, замѣняющая обозначеніе времени за невозможностью обозначить время простымъ обстоятельственнымъ словомъ; но если мы отбросимъ „когда“, то, конечно, вмѣсто части будемъ имѣть уже особое, самостоятельное сужденіе: „Цезарь узналъ“.

ныхъ случаяхъ, а ad libitum, въ перемежку и параллельно съ самостоятельнымъ употребленіемъ временъ придаточнаго предложенія. Послѣдовательность временъ здѣсь оказывается возможной, но не обязательной. А при такомъ положеніи дѣла она не можетъ считаться общею частью той и другой грамматической системы. Въ латинскомъ языкѣ послѣдовательность временъ выражается въ рядѣ грамматическихъ законовъ; въ русскомъ языкѣ соотвѣтствующія грамматическія явленія не могутъ быть объединены въ законы; въ силу этого при выборѣ и постановкѣ латинскихъ временъ мы не можемъ опираться на синтаксическій разборъ русскихъ временъ, на послѣдовательность русскихъ временъ, потому что эта послѣдовательность не только можетъ быть иною, чѣмъ въ латинскомъ языкѣ, но и можетъ совершенно отсутствовать въ русской фразѣ. Странный фактъ, что послѣдовательность временъ примѣняется въ русскомъ языкѣ ad libitum (выходитъ, будто логическія отношенія можно обозначать въ рѣчи и можно не обозначать!), объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что эта послѣдовательность служитъ только вторичнымъ, дополнительнымъ средствомъ для обозначенія логическихъ отношеній, уже обозначенныхъ инымъ способомъ. Этимъ инымъ способомъ, спеціально свойственнымъ только русскому языку, является категорія видовъ. Логическія отношенія, выражаемыя въ латинскомъ языкѣ послѣдовательностью временъ, въ русскомъ языкѣ обозначаются при помощи глагольной категоріи видовъ.

Подводя итоги, мы получаемъ слѣдующій перечень способовъ словеснаго изображенія логическихъ отношеній между членами сужденія и качествъ сужденій:

1) согласованіе—одинаковое въ русскомъ и латинскомъ языкѣ;

2) управленіе словъ—во многомъ различное въ русскомъ и латинскомъ языкѣ;

3) управленіе предложеній—одинаковое въ русскомъ и латинскомъ языкѣ;

4) постановка наклоненій—во многомъ различная въ русскомъ и латинскомъ языкѣ;

5) послѣдовательность временъ—въ латинскомъ языкѣ;

6) выборъ глагольнаго вида—въ русскомъ языкѣ.

Первый и третій способъ входятъ въ составъ общей части грамматикъ, пятый способъ входитъ въ составъ спеціально-латинской грамматики, шестой—въ составъ спеціально-русской грамматики; второй же и четвертый способъ принадлежатъ то общей грамматикѣ, то спеціальнымъ частямъ русскаго и латинскаго синтаксиса. Такъ какъ вопросы, относящіеся къ области общей грамматики, всегда рѣшаются нами въ примѣненіи къ родной рѣчи, т.-е. на почвѣ русской грамматики, то, значитъ, изъ всѣхъ перечисленныхъ способовъ на долю спеціальной части латинскаго синтаксиса приходится только рѣшеніе вопросовъ (да и то не всегда) о падежахъ, о наклоненіяхъ и о временахъ придаточнаго предложенія.

IV.

Какую же роль играютъ синтаксическія правила въ томъ сложномъ умственномъ процессѣ, который происходитъ при переводѣ съ родного языка на латинскій? Переводъ, какъ мы сказали, заключается въ постановкѣ этимологическихъ категорій; синтаксическія же категоріи играютъ при этомъ только служебную роль, помогая и руководя нами при выборѣ этимологическихъ категорій; другими словами, синтаксисъ даетъ критерій для выбора, этимологія даетъ самую форму. Самый умственный процессъ отыскиванія этимологической категоріи по даннымъ синтаксиса, съ помощью синтаксическаго критерія, происходитъ въ слѣдующемъ порядкѣ.

Разыскивая въ латинской этимологической системѣ категорію, соотвѣтственную русской формѣ «узналъ», мы остановились на четвертой ступени системы—на рѣшеніи вопроса о наклоненіи. Критерій для рѣшенія этого вопроса мы должны найти въ латинскомъ синтаксисѣ. Для этого мы должны ввести подлежащее переводу придаточное предложеніе въ синтаксическую систему. Въ данномъ случаѣ мы уже заранѣе знаемъ, что имѣемъ дѣло не съ простымъ

сказуемымъ главнаго предложенія, а съ придаточнымъ предложеніемъ, такъ какъ при замѣнѣ слова «узнавши» мы уже рѣшили для себя этотъ вопросъ. Но въ другихъ случаяхъ бываетъ совершенно иное. Обыкновенно приходится прежде всего рѣшить наиболѣе трудный во всей этой работѣ вопросъ, именно: имѣемъ ли мы дѣло съ простымъ сказуемымъ или съ придаточнымъ предложеніемъ? Дѣло въ томъ, что всѣ формальныя функціи придаточнаго предложенія сводятся къ формальнымъ функціямъ его глагольнаго сказуемаго. Виды придаточнаго должны отличаться чѣмъ-нибудь другъ отъ друга по формѣ; но вѣдь нельзя цѣлое придаточное поставить въ какой-нибудь формѣ; форму имѣютъ только отдѣльныя слова, и вотъ всѣ формальные признаки придаточнаго предложенія помѣщаются въ двухъ этихъ частяхъ: въ томъ словѣ, съ котораго начинается придаточное (союзѣ, мѣстоименіи, нарѣчіи), и въ его глагольномъ сказуемомъ. Такимъ образомъ въ системѣ синтаксиса появляются два совершенно различныхъ вида глагольнаго сказуемаго: сказуемое главнаго предложенія и сказуемое придаточнаго. Они играютъ совершенно различную роль въ синтаксисѣ, особенно въ латинскомъ, и занимаютъ различныя мѣста въ системѣ. Умственный процессъ, потребный для перевода ихъ, тоже совершенно различенъ; онъ сравнительно простъ въ первомъ случаѣ и очень сложенъ во второмъ случаѣ. Такимъ образомъ при встрѣчѣ съ глагольнымъ сказуемымъ мы прежде всего должны рѣшить, какое это сказуемое. Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ весь дальнѣйшій нашъ путь. Отъ неправильнаго рѣшенія или игнорированія этого вопроса происходитъ большинство синтаксическихъ ошибокъ въ переводахъ съ родного языка. Для рѣшенія этого вопроса приходится часто производить большую и сложную работу: приходится предварительно расчленять на части всякое многочленное сложное предложеніе, всякій періодъ. Въ длинномъ періодѣ приходится предварительно найти главное предложеніе, отличить другъ отъ друга всѣ придаточныя и установить для каждаго изъ нихъ синтаксическую зависимость; и только послѣ этой работы мы можемъ узнать, имѣемъ ли въ

данномъ случаѣ простое сказуемое или сказуемое придаточнаго предложенія.

При переводѣ придаточнаго предложенія нужно прежде всего ввести его въ синтаксическую систему. Но въ какую? Прежде, когда мы имѣли дѣло съ этимологическими категоріями, мы сначала отыскивали для даннаго слова мѣсто въ системѣ русской грамматики и потомъ по тѣмъ же ступенямъ переводили его въ систему латинской грамматики, измѣнивъ корень. Теперь намъ не придется ничего переносить изъ одной системы въ другую. Синтаксическія системы обоихъ языковъ, въ противоположность этимологическимъ, очень близки другъ къ другу; онѣ отличаются внутреннимъ единствомъ, на первыхъ и среднихъ ступеняхъ совершенно совпадаютъ, образуя обширный отдѣлъ общей грамматики, и различаются только на самыхъ низшихъ ступеняхъ. Вопросы общей грамматики рѣшаются здѣсь, какъ и всегда, въ сферѣ того языка, на которомъ мы мыслимъ, т.-е. въ сферѣ родного языка. Такимъ образомъ первыя и среднія ступени мы будемъ проходить по системѣ русскаго синтаксиса, пока не дойдемъ до той ступени, гдѣ системы расходятся. Съ этого пункта мы перенесемся въ систему латинскаго языка. Не пройденныя низшія ступени системы русскаго синтаксиса мы оставимъ совершенно безъ вниманія: намъ нѣтъ нужды разбираться въ нихъ.

Итакъ предложеніе: «когда узналъ», мы проводимъ по системѣ русскаго синтаксиса до того пункта, гдѣ системы расходятся. Мы уже знаемъ, что слова: «когда узналъ», выражаютъ категорію времени (первая ступень дѣленія) и что они составляютъ придаточное предложеніе (вторая ступень дѣленія). На третьей ступени здѣсь системы уже расходятся. Латинская грамматика различаетъ: а) собственно временныя предложенія, б) временныя съ повторяющимися дѣйствіями (итеративныя), в) повѣствовательно-временныя, г) временныя, означающія неожиданный поворотъ дѣйствія [1]), и такъ далѣе. Русскія грамматики или вовсе

[1]) Не нужно забывать, что школьныя грамматики вмѣсто системы даютъ довольно причудливый конгломератъ категорій; временныя предложенія въ нихъ приходится разыскивать въ разныхъ отдѣлахъ.

прекращаютъ дѣленіе на этой ступени или дѣлятъ иначе (напр., на предложенія, означающія: а) современное дѣйствіе, б) предшествующее дѣйствіе и в) послѣдующее). Такимъ образомъ на третьей ступени системы мы переходимъ въ спеціальную область латинскаго синтаксиса и находимъ, что подлежащее переводу предложеніе представляетъ какъ разъ ту категорію, которая называется «повѣствовательно-временнымъ» придаточнымъ предложеніемъ (по принятой въ грамматикѣ терминологіи, это предложеніе съ cum historicum). Найденная нами синтаксическая категорія есть синтаксическое понятіе, заключающее въ себѣ нѣкоторые существенные признаки. Признаки эти слѣдующіе (беремъ только видовые признаки): 1) такое предложеніе употребляется въ разсказѣ о минувшихъ событіяхъ, 2) заключаетъ въ себѣ указаніе на внутреннюю, причинную связь событій, 3) выражается съ помощью сослагательнаго наклоненія. Этотъ послѣдній признакъ, заключающій въ себѣ указаніе на этимологическую категорію, и былъ цѣлью нашихъ поисковъ. Къ синтаксису при переводѣ мы обращаемся съ цѣлью найти тамъ критеріи для выбора этимологическихъ категорій. Поэтому намъ нужны изъ синтаксиса только тѣ правила, въ которыхъ синтаксическому понятію приписывается какая-нибудь этимологическая категорія. Въ этихъ именно пунктахъ синтаксисъ соприкасается съ этимологіей и служитъ руководителемъ при выборѣ этимологическихъ категорій.

Найдя критерій для выбора наклоненія, мы дѣлаемъ послѣ этого дедуктивное умозаключеніе.

Повѣствовательно-временное предложеніе выражается съ помощью сослагательнаго наклоненія (бóльшая посылка).

«Когда узналъ»—есть повѣствовательно-временное предложеніе (меньшая посылка).

Слѣдовательно, въ переводимомъ предложеніи должно стоять сослагательное наклоненіе.

Большей посылкой является здѣсь найденное нами въ синтаксической системѣ синтаксическое правило; оно и служитъ логическимъ основаніемъ для рѣшенія этимологическаго вопроса о наклоненіи. Аналогичныя умозаклю-

ченія мы дѣлали и при рѣшеніи вопросовъ о чисто этимологическихъ категоріяхъ, не требовавшихъ синтаксической справки; но тамъ большей посылкой было не синтаксическое правило, а этимологическое.

Вслѣдъ за выборомъ наклоненія намъ предстоитъ выбрать время. Эта этимологическая категорія тоже требуетъ синтаксической справки. Вопросъ о времени придаточнаго предложенія рѣшается, какъ мы видѣли, въ области спеціальной части латинскаго синтаксиса. Ученіе о послѣдовательности временъ, какъ это ни странно, въ школьныхъ латинскихъ грамматикахъ является далеко не выдержаннымъ. Всѣ согласны относительно примѣненія этого принципа къ временамъ сослагательнаго наклоненія; терминомъ consecutio temporum грамматики прямо и называютъ послѣдовательность временъ сослагательнаго наклоненія, не распространяя этого термина на отношеніе временъ изъявительнаго наклоненія. Времена изъявительнаго наклоненія въ придаточномъ предложеніи, по ученію грамматикъ, ставятся то въ зависимости отъ главнаго, то внѣ всякой зависимости; иначе сказать, они или подчиняются принципу послѣдовательности или не подчиняются. Дать такую дилемму это значитъ оставить ученика въ полной неизвѣстности, какъ ему поступать. Не устанавливая никакихъ границъ между той и другою практикою, грамматики въ то же время не утверждаютъ и того, что послѣдовательность примѣняется ad libitum. При такой постановкѣ дѣла переводчикъ долженъ бродить ощупью и не имѣетъ возможности ни узнать ни предупредить свою ошибку. Незаконченность и невыдержанность ученія о послѣдовательности временъ обусловлена нѣкоторою трудностью установить грани между принципами послѣдовательности временъ и категоріею вида, присущей латинскимъ прошедшимъ временамъ, а также трудностью разграничить придаточныя предложенія, составляющія часть сужденія, отъ такихъ предложеній, которыя являются придаточными только по внѣшней формѣ, по тѣмъ словамъ, съ которыхъ начинаются, но не по своей логической роли, такъ какъ съ развитіемъ языка придаточныя предложенія помимо

своей коренной роли начинаютъ служить искусственнымъ средствомъ для достиженія чисто стилистическихъ цѣлей. Отъ различной постановки вопроса о послѣдовательности временъ мѣняется, очевидно, въ соотвѣтственныхъ отдѣлахъ и синтаксическая система. При той постановкѣ, которая принята въ грамматикахъ, дѣленіе синтаксическихъ категорій на основаніи принципа послѣдовательности временъ войдетъ въ тѣ многочисленныя рубрики третьей ступени дѣленія, которыя характеризуются постановкой въ придаточномъ сослагательнаго наклоненія. Каждая синтаксическая категорія, имѣющая этотъ признакъ, будетъ подраздѣляться на нѣсколько категорій четвертой степени дѣленія, соотвѣтственныхъ тѣмъ разрядамъ придаточныхъ предложеній, которые могутъ быть различены другъ отъ друга по способу примѣненія этого принципа послѣдовательности временъ. При обычномъ изложеніи по способу примѣненія этого принципа различаются шесть синтаксическихъ категорій, изъ которыхъ каждая характеризуется особымъ временемъ. Разъ принципъ временъ примѣняется не въ одномъ какомъ-нибудь отдѣлѣ системы, а въ очень многочисленныхъ ея отдѣлахъ, то пользованіе системой для рѣшенія вопроса о времени должно быть дѣломъ довольно затруднительнымъ. Но въ данномъ случаѣ вопросъ о времени рѣшается гораздо проще; намъ нѣтъ нужды проходить для рѣшенія его по ступенямъ синтаксической системы, потому что потребную для этого работу мы только что сдѣлали въ поискахъ за наклоненіемъ. Если послѣдовательность временъ примѣняется только при сослагательномъ наклоненіи, то, очевидно, намъ нѣтъ нужды разыскивать время по всей синтаксической системѣ: найдя, что въ такомъ-то предложеніи должно стоять сослагательное наклоненіе, мы для рѣшенія вопроса о времени, не возвращаясь на прежнія ступени, спустимся лишь съ той ступени, на которой нашли наклоненіе, еще на одну ступень ниже. Но какъ быть въ тѣхъ случаяхъ, когда сказуемое придаточнаго не должно стоять въ сослагательномъ наклоненіи? Характеръ умственнаго процесса всецѣло зависитъ, конечно, отъ постановки самаго вопроса о послѣ-

довательности временъ. Если послѣдовательность временъ не примѣнима къ изъявительному наклоненію, то при изъявительномъ наклоненіи, очевидно, вовсе не нужно дѣлать синтаксической справки; такое предложеніе нужно переводить въ отношеніи его времени какъ главное. Если при изъявительномъ наклоненіи послѣдовательность временъ примѣняется ad libitum, то мы, значитъ, можемъ, какъ намъ вздумается, или итти по намѣченному нами пути (вступая однако въ систему не съ третьей ступени, а съ высшихъ) или вовсе не дѣлать синтаксической справки и рѣшать вопросъ о времени всецѣло въ области этимологическихъ категорій, какъ онъ рѣшается при переводѣ сказуемаго главнаго предложенія. Что касается неопредѣленнаго наклоненія и причастія, то грамматики, не употребляя термина «послѣдовательность временъ», въ дѣйствительности различіе между типами неопредѣленнаго наклоненія и причастія устанавливаютъ именно на основаніи послѣдовательности временъ (дѣйствіе, современное съ дѣйствіемъ главнаго предложенія, дѣйствіе предшествующее, и т. д.); такимъ образомъ при встрѣчахъ съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ или причастіемъ мы опять должны итти по тому же пути, по которому шли при встрѣчѣ съ сослагательнымъ наклоненіемъ съ тою разницею, что здѣсь на четвертой степени дѣленія будетъ не шесть синтаксическихъ категорій, а только три.

Послѣ рѣшенія вопросовъ о наклоненіи и времени для перевода слова «узналъ» намъ остается рѣшить вопросы о лицѣ и числѣ. Когда мы пройдемъ въ этимологической системѣ и эти двѣ послѣднія ступени, мы найдемъ въ системѣ латинскаго языка какъ разъ ту самую этимологическую категорію, которая намъ нужна и которая будетъ точно соотвѣтствовать послѣдней, низшей категоріи, найденной нами въ системѣ рускаго языка при разборѣ слова «узналъ». Въ системѣ русскаго языка эту категорію мы назовемъ «глаголомъ дѣйств. залога, изъяв. накл., прош. времени, третьяго лица, ед. числа». Въ латинской грамматической системѣ ей будетъ соотвѣтствовать категорія:

plusquamperfectum coniunctivi, дѣйствительнаго залога, третьяго лица, единственнаго числа.

Но, окончивъ всю эту работу, мы все-таки не можемъ еще получить требуемую форму: мы не знаемъ еще одной категоріи. Мы оставили въ сторонѣ категорію спряженія, когда проходили по ступенямъ системы русской грамматики. Русскій глаголъ тоже имѣетъ соотвѣтственную категорію, тоже бываетъ того или иного спряженія; но это дѣленіе не имѣетъ для насъ никакого значенія, потому что въ этомъ пунктѣ дѣленія грамматики русская и латинская всегда расходятся. Мы могли бы категорію спряженія поставить въ числѣ прочихъ, разыскивать ее въ русской системѣ и потомъ переводить въ латинскую; но эта работа была бы безцѣльной, разъ мы знаемъ, что между русской и латинской грамматикой тутъ никогда не можетъ быть ничего общаго. Въ виду этого категорію спряженія проще выдѣлить изъ схемы и разсматривать послѣ, особо отъ схемы. То же можно сказать и о категоріи склоненія по отношенію къ склоняемымъ именамъ: при разборѣ нѣтъ никакой нужды касаться системы русскихъ склоненій. Фактъ, что категоріи русскихъ склоненій или спряженій никогда не сходятся съ категоріями латинскихъ склоненій и спряженій, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что тутъ мы имѣемъ дѣло исключительно съ формальными различіями, не имѣющими подъ собою никакой логической основы. Различіе, напримѣръ, между первымъ и вторымъ склоненіемъ не заключаетъ въ себѣ рѣшительно никакой логической разницы, и основаніе дѣленія, т.-е. та или другая форма окончаній, не имѣетъ въ себѣ никакого логическаго элемента, въ противоположность всѣмъ остальнымъ дѣленіямъ, составляющимъ грамматическую систему. Это—послѣднее, внѣлогическое дѣленіе, ведущее насъ непосредственно къ конечной цѣли всей нашей продолжительной и сложной работы,—къ подысканію требуемаго окончанія въ латинскомъ словѣ. Эту послѣднюю, внѣлогическую категорію мы получаемъ уже не путемъ грамматическаго разбора, а прямо изъ словаря. Это одна изъ тѣхъ запасныхъ категорій, которыя мы нашли въ словарѣ при подысканіи

латинскаго слова; на той стадіи работы мы выписывали или запоминали эти категоріи про запасъ, не зная еще, какія изъ нихъ *намъ пригодятся*. Въ разбираемомъ нами случаѣ категорія спряженія замѣняется категоріей perfectum'а. Эти категоріи равносильны по своей роли. Для образованія какой-нибудь формы, относящейся къ категоріи настоящаго времени, imperfectum'а или fut. primum, намъ нужно было знать, къ какому спряженію относится глаголъ; теперь намъ не нужно этого знать: вмѣсто этого мы должны знать, какъ у глагола образуется perfectum. Въ школьной практикѣ мы привыкли различать четыре спряженія; но въ дѣйствительности такихъ формальныхъ категорій въ языкѣ гораздо больше; такъ, кромѣ обычныхъ четырехъ спряженій, есть парадигма глагола eo и сложныхъ съ нимъ, парадигма глагола sum и др.; такой же парадигмой можно считать таблицу формъ, производимыхъ отъ perfectum, или формъ, производимыхъ отъ супина; это не подраздѣленіе категоріи спряженій (формы эти не различаются по спряженіямъ), а особая формальная категорія, равнозначущая съ тѣми категоріями, которыя въ школьной практикѣ называются спряженіями.

V.

Выяснивши детали умственнаго процесса, происходящаго при переводѣ съ родного языка, на одномъ примѣрѣ, гдѣ работа оказалась особенно сложной, прослѣдимъ теперь тотъ же процессъ на переводѣ нѣсколькихъ другихъ частей взятой нами для образца фразы. Требуется перевести выраженіе: «черезъ лазутчиковъ». Для перевода слова «черезъ» не нужно никакого грамматическаго разбора; нужна только справка въ словарѣ о латинскомъ словѣ. Чтобы найти мѣсто въ системѣ русской грамматики для слова «лазутчиковъ», мы должны рѣшить слѣдующіе вопросы: 1) часть рѣчи? 2) родъ? 3) число? 4) падежъ? Вопросъ о родѣ рѣшается на третьей ступени дѣленія (родъ

по значенію). Проводя слово по ступенямъ русской этимологической системы, мы получимъ въ результатѣ слѣдующее низшее грамматическое понятіе: «существительное мужескаго рода, множественнаго числа, винительнаго падежа». При отысканіи слова въ словарѣ мы попутно пройдемъ двѣ первыхъ ступени латинской системы (часть рѣчи и родъ). Остается провести слово по остальнымъ ступенямъ латинской системы. При опредѣленіи падежа (управленіе словъ) придется дѣлать синтаксическую справку. Для этого мы спускаемся по ступенямъ русской синтаксической системы до пятой ступени дѣленія, на которой русская система расходится съ латинской, и проходимъ послѣднюю ступень уже въ латинской системѣ (ступени: 1) категорія объекта, 2) дополненіе, 3) дополненіе косвенное, 4) косвенное предложное дополненіе, 5) косвенное предложное дополненіе съ предлогомъ per). Переведя слово въ латинскую систему, мы получаемъ синтаксическую категорію: «косвенное предложное дополненіе съ предлогомъ per». Въ числѣ признаковъ, характеризующихъ эту категорію, есть формальный признакъ, что эта категорія выражается съ помощью винительнаго падежа. Синтаксическая справка дала намъ критерій для рѣшенія послѣдняго вопроса приведенной выше этимологической схемы,—вопроса о падежѣ. Въ результатѣ работы получена *категорія: «существительное мужескаго рода, множественнаго числа, винительнаго падежа».* Категорія эта совершенно совпала съ тою, на которой мы остановились въ русской системѣ при разборѣ слова «лазутчиковъ»; но совпаденіе въ падежѣ оказалось случайнымъ. Для перевода намъ придется взять еще одну, внѣлогическую категорію; это категорія склоненія, усмотрѣнная нами уже раньше, при справкѣ въ словарѣ (въ словарѣ стояло окончаніе родительнаго падежа, а изъ этого наблюденія легко выводится категорія склоненія).

Далѣе приходится переводить слова: «что свевы удалились въ лѣса». Какъ перевести «что»? Слово это настолько неопредѣленно, что мы даже первой ступени дѣленія не можемъ пройти безъ синтаксическаго разбора. Узнавши изъ

синтаксическаго разбора, что это союзъ, мы должны были бы, по прежнимъ аналогіямъ, сейчасъ же сдѣлать справку въ словарѣ или въ памяти о значеніи этого слова. Но тутъ мы наталкиваемся на новое, на этотъ разъ уже непреодолимое затрудненіе: оказывается, что слово имѣетъ столько значеній, что въ нихъ нѣтъ никакой возможности разобраться. Если мы справку дѣлаемъ въ своей памяти, а не въ словарѣ, то сейчасъ же припоминаемъ, что это слово предлагается въ качествѣ способа перевода разныхъ предложеній чуть не во всѣхъ отдѣлахъ синтаксиса. Вслѣдствіе этихъ неожиданно возникшихъ и непреодолимыхъ затрудненій мы оставляемъ это слово пока въ сторонѣ и обращаемся къ переводу слова «свевы». Когда мы будемъ проводить это слово по ступенямъ русской этимологической системы, то, опредѣляя падежъ, мы, между прочимъ, узнаемъ, что слово это есть подлежащее. Рѣшеніе вопроса о падежѣ происходитъ обыкновенно безъ синтаксическаго разбора фразы. Мы просто перебираемъ мысленно вопросы: кого? чего? кому? чему? и т. д., и на одномъ изъ нихъ останавливаемся. Но въ нѣкоторыхъ, немногочисленныхъ случаяхъ, именно при остановкѣ на вопросахъ: кого? что? необходимъ еще добавочный экскурсъ въ область синтаксиса, такъ какъ вопросы эти не рѣшаютъ еще дѣла о постановкѣ падежа. Подобнымъ же образомъ и при вопросѣ: кто? невольно, вслѣдствіе постоянной ассоціаціи, вспоминается категорія подлежащаго. При перенесеніи понятія, изображающаго подлежащее, въ систему латинской грамматики, мы обходимся уже безъ синтаксической справки. При постановкѣ подлежащаго мы, собственно говоря, вовсе не производимъ выбора между падежами, а прямо беремъ слово въ той формѣ, въ какой оно явилось въ *сознаніи или найдено нами въ словарѣ*. Эту постановку падежа нельзя назвать управленіемъ словъ. Завершивши необходимую работу, мы получимъ форму Suebi. Впослѣдствіи она окажется невѣрной. Но мы тѣмъ не менѣе не имѣемъ никакой возможности предвидѣть ошибку и исправить ее, пока не переведемъ сказуемаго. При переводѣ сказуемаго мы будемъ дѣлать синтаксическую справку

и тогда только убѣдимся, при рѣшеніи вопроса о наклоненіи, что въ данномъ случаѣ подлежащее латинскаго предложенія должно перейти въ винительный падежъ. Ошибочно было бы думать, что для избѣжанія ошибки слѣдовало бы перевести сначала сказуемое, а потомъ подлежащее. Подлежащее, при переводахъ съ русскаго, всегда должно быть переводимо раньше сказуемаго, потому что функціи сказуемаго опредѣляются функціями подлежащаго, а не наоборотъ.

При переводѣ слова «удалились» для введенія его въ систему русской этимологіи мы будемъ рѣшать тѣ же вопросы, которые рѣшили при переводѣ слова «узналъ», а именно: 1) начало слова? 2) часть рѣчи? 3) залогъ? 4) наклоненіе? 5) время? 6) лицо? 7) число? При справкѣ въ словарѣ мы найдемъ, что понятіе «удалиться» въ латинскомъ языкѣ оказывается разложившимся на два другихъ понятія: se recipere. Чтобы справиться съ этимъ сочетаніемъ, для этого требуется: 1) сдѣлать точный обратный переводъ латинскаго выраженія; 2) подставить въ переводимую фразу вмѣсто одного понятія два другихъ соотвѣтствующихъ понятія («себя удалили») и 3) перевести каждое слово отдѣльно. При переводѣ слова «себя» (слово это мы будемъ переводить или раньше слова «удалили», если будемъ слѣдовать порядку, наблюденному нами въ словарѣ, или послѣ слова «удалили», если будемъ слѣдовать обычной конструкціи русскаго предложенія), вводя понятіе въ систему латинской этимологіи, мы увидимъ, что уже на второй ступени дѣленія (виды мѣстоименій) грамматики расходятся. Группы дѣленія на этой ступени одинаковы, но объемы двухъ группъ—«мѣстоименіе личное» и «мѣстоименіе возвратное»—различны: русское мѣстоименіе «себя» захватило отчасти и область мѣстоименій перваго и второго лица (въ сочетаніяхъ: «я люблю себя», «ты любишь себя», и т. д. оно указываетъ на первое и второе лицо, межъ тѣмъ латинское возвратное указываетъ только на третье лицо). При переводѣ понятія «удалили» въ систему латинскаго языка, дѣлая синтаксическую справку для выбора наклоненія, мы остановимся

на третьей ступени синтаксической системы, гдѣ латинскій синтаксисъ различаетъ виды дополнительныхъ предложеній: а) дополнительныя съ ut obiectivum, б) съ quin, в) acc. c. inf. и др. Синтаксическая категорія «acc. c. inf.» заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ существенныхъ признаковъ; по однимъ изъ этихъ признаковъ мы узнаемъ это дополнительное предложеніе (ставится при такихъ-то глаголахъ на такой-то вопросъ); другими признаками мы воспользуемся для составленія самаго оборота; въ числѣ этихъ послѣднихъ будетъ не только постановка наклоненія, но и постановка подлежащаго въ винительномъ падежѣ. На этой именно стадіи работы намъ и придется исправить допущенную раньше ошибку при переводѣ подлежащаго. Вопросъ о времени и здѣсь, какъ при переводѣ слова «узналъ», будетъ рѣшенъ попутно съ рѣшеніемъ вопроса о наклоненіи.

При переводѣ слова «опасаясь» умственный процессъ будетъ тотъ же, который наблюдался нами при переводѣ слова «узнавши». Но тамъ, перенесши понятіе въ латинскую систему, мы встрѣтили на пятой ступени системы непреодолимое препятствіе: нужной категоріи времени не нашлось въ системѣ. Здѣсь мы имѣемъ и категорію времени. Работа осложнится, если мы при справкѣ въ словарѣ остановимъ свой выборъ не на словахъ timeo, metuo, а на словѣ vereor. Произведя методически всю работу, мы все-таки получимъ въ результатѣ verens, а не veritus. Какимъ же образомъ дойти до формы veritus? Если держаться значенія «опасаться», то до этой формы насъ не можетъ довести никакой логическій процессъ, такъ какъ настоящее время не можетъ неожиданно превратиться въ прошедшее, современное въ предшествующее. Въ школьной практикѣ комбинація: «veritus = опасаясь», заучивается механически, безъ всякой попытки проникнуть въ этотъ логическій абсурдъ. Онъ обусловленъ неточностью перевода или, лучше сказать, невозможностью точнаго перевода. Латинскій глаголъ означаетъ зарожденіе чувства («возымѣть опасеніе»), русскій глаголъ—продолжающееся состояніе чувствованія; въ силу этого различія для vereor

логически недопустимо причастіе настоящаго времени, для «опасаться»—дѣепричастіе прошедшаго времени [1]).

При переводѣ слова «недостатка», перенося понятіе въ систему латинской этимологіи, мы останавливаемся для синтаксической справки на категоріи падежа. При справкѣ спускаемся до третьей ступени синтаксической системы; на этой ступени (дополненіе прямое и косвенное) латинская грамматика расходится съ русской: латинская категорія прямого дополненія обширнѣе по объему русской категоріи, такъ какъ она охватываетъ и тѣ случаи, гдѣ объектомъ служитъ часть предмета, особенно часть вещества или гдѣ при глаголѣ имѣется отрицаніе (тутъ въ русскомъ языкѣ фигурируетъ уже косвенное дополненіе [2]). Переходя на этой ступени въ спеціальную часть латинской синтаксической системы, мы находимъ, что въ данномъ случаѣ по этой системѣ должно быть прямое дополненіе, а не косвенное. Признакомъ прямого дополненія является постановка его въ вин. п.

Мы не будемъ слѣдить за умственнымъ процессомъ, происходящимъ при переводѣ остальныхъ словъ взятой нами для образца фразы. Все это были бы лишь различныя варіаціи пріемовъ, уже намѣченныхъ нами. Остановимся только на двухъ еще пунктахъ фразы, представляющихъ нѣкоторыя особенности. При переводѣ слова «занимаются» мы имѣемъ типичный случай такого придаточнаго предложенія («такъ какъ германцы не всѣ занимаются земледѣліемъ»), которое не можетъ быть названо частью сужденія, хотя, по-видимому, и означаетъ причину. И въ самомъ дѣлѣ, оно было бы частью сужденія, если бы причина эта относилась къ сказуемому сужденія. Но тутъ причина не относится къ сказуемому сужденія (Цезарь опасался);

[1]) Такое же начало дѣйствія, именно зарожденіе мысли или чувствованія означаютъ причастія ratus, arbitratus, confisus, diffisus, consolatus и нѣк. др. Соотвѣтственныя русскія дѣепричастія: „думая", „довѣряя" и т. д., означаютъ не только возникновеніе, но и наличность мысли или чувствованія.

[2]) Въ русской системѣ, впрочемъ, часто терминъ „прямое дополненіе" берется и въ томъ же объемѣ, какъ въ латинской, т.-е. род. п. при обозначеніи части вещества и при отрицательномъ глаголѣ принимается за прямое дополненіе.

что не всѣ германцы занимаются земледѣліемъ, это служитъ причиной недостатка хлѣба, а не опасеній Цезаря. Ходъ мысли здѣсь такой: Цезарь опасался; почему? потому что былъ недостатокъ хлѣба; а почему былъ недостатокъ хлѣба? потому что не всѣ германцы занимаются земледѣліемъ. Въ придаточныхъ предложеніяхъ, являющихся цѣлымъ самостоятельнымъ сужденіемъ, а не частью сужденій, для опредѣленія времени не требуется, какъ мы указали, синтаксической справки: время ставится то самое, какое стоитъ въ русскомъ языкѣ. То же самое бываетъ и при переводѣ сказуемаго главнаго предложенія. При переводѣ слова «рѣшилъ» мы должны пройти тѣ семь ступеней системы, которыя мы проходили при переводѣ словъ «узналъ» или «удалили». Для выбора наклоненія нужно было бы сдѣлать синтаксическую справку. Для этого мы должны были бы дойти до третьей ступени синтаксической системы, на которой латинскій синтаксисъ категорію сказуемаго дѣлитъ на слѣдующіе виды: а) сказуемое обычное, не называемое особымъ терминомъ и выражаемое изъявительнымъ наклоненіемъ, б) сказуемое, выражающее возможность, в) сомнѣніе, г) приглашеніе, и т. д. Но обыкновенно, какъ это мы сейчасъ увидимъ, процедура перевода сказуемаго главнаго предложенія упрощается, и мы этой синтаксической справки не дѣлаемъ. Что касается времени, то въ главномъ предложеніи оно, вообще говоря, избирается безъ синтаксической справки[1]), прямо по этимологической схемѣ. Небольшое осложненіе вызываетъ только категорія прошедшаго времени. Въ латинской этимологической системѣ прошедшее дѣлится на три группы; одну изъ нихъ (plusquamperfectum) мы обыкновенно игнорируемъ, если имѣемъ дѣло съ главнымъ предложеніемъ. Двумъ остальнымъ соотвѣтствуютъ

[1]) Съ перваго разу можно подумать, что, разъ мы толкуемъ о „главномъ" предложеніи, то мы уже сдѣлали синтаксическій разборъ и нашли, что данное предложеніе есть главное, а не придаточное. Но въ дѣйствительности мы вовсе не дѣлаемъ такого разбора; мы просто не задаемся даже этимъ грамматическимъ вопросомъ и оперируемъ надъ предложеніемъ, нисколько не думая о томъ, каково оно. Идея главнаго предложенія появляется лишь тогда, когда рядомъ съ нимъ есть придаточное, подвергнутое нами разбору.

въ русской системѣ прошедшія времена двухъ видовъ. Такъ какъ глагольная категорія вида въ области латинской этимологической системы примѣнима только къ прошедшему времени, то вмѣсто того, чтобы вносить эту категорію обязательно, при разборѣ каждаго глагола, гораздо практичнѣе, не внося вопроса о видѣ въ схему разбора, рѣшать этотъ вопросъ послѣ всѣхъ другихъ и только въ томъ случаѣ, когда приходится дѣлать выборъ между латинскимъ imperfectum и perfectum.

VI.

Мы намѣтили типичные пріемы умственной работы, происходящей при переводѣ съ родного языка на латинскій; начиная отъ простѣйшаго, при переводѣ неизмѣняемой части рѣчи, и кончая наиболѣе сложнымъ, при переводѣ сказуемаго придаточнаго предложенія. Общимъ характеромъ выслѣженнаго нами умственнаго процесса является его необычайная сложность. Эта методическая работа, съ необходимыми варіаціями, должна повторяться при переводѣ каждаго слова текста. Сколько труда придется затратить для перевода цѣлой страницы! Придется пройти многія сотни ступеней по тѣмъ или инымъ грамматическимъ системамъ. Мы не слѣдили за той безконечной массой работы, которая требуется для выбора нужнаго члена изъ многихъ членовъ данной группы, для чего часто приходится перебирать въ памяти всѣ члены группы. А такой выборъ при переводѣ иного слова дѣлается семь-восемь разъ. Какимъ же образомъ упростить эту безконечную и многосложную работу? Преподаватель, хорошо изучившій языкъ, переведетъ страницу текста гораздо скорѣе, чѣмъ это можетъ сдѣлать ученикъ четвертаго или пятаго класса. И это зависитъ не столько отъ знанія грамматики или словаря, сколько отъ навыка къ быстрому грамматическому разбору, который одинаково необходимъ и плохому ученику четвертаго класса гимназіи и ученому переводчику классическихъ сочиненій. При большомъ навыкѣ къ дѣлу пред-

ставленія о сотнѣ грамматическихъ категорій настолько быстро мелькаютъ въ сознаніи, что мысль часто совершенно не успѣваетъ слѣдить за ними. Кромѣ изумительной быстроты самой умственной работы, опытный и напрактиковавшійся переводчикъ обладаетъ цѣлымъ запасомъ упрощенныхъ пріемовъ для работы. Успѣшность ученика, который съ теченіемъ времени все легче и легче справляется съ переводомъ, тоже зависитъ не столько отъ знанія грамматики въ томъ или иномъ объемѣ, сколько отъ пріобрѣтенныхъ имъ навыковъ вести работу упрощенными способами, несмотря даже на то, что эти способы не всегда ведутъ къ цѣли. Главная часть методической работы приходится, какъ мы видѣли, на безконечныя прохожденія сверху внизъ по ступенямъ той и другой грамматической системы. Идеальной задачей при упрощеніи пріемовъ разбора было бы умѣнье, не проходя общихъ ступеней, гдѣ системы грамматикъ сходятся, сразу становиться на ту ступень, гдѣ системы расходятся,—иначе сказать, умѣнье какъ можно меньше останавливаться на вопросахъ общей грамматики и прямо входить въ область спеціально-латинской системы.

Упрощеніе пріемовъ разбора достигается тремя способами: а) примѣненіемъ механическихъ ассоціацій, б) умѣньемъ заключать по внѣшнему наблюденію и в) игнорированіемъ явленій, не подходящихъ къ нормѣ.

Законъ механической ассоціаціи состоитъ въ томъ, что представленія, возникшія въ душѣ вмѣстѣ—одновременно или одно за другимъ—въ такомъ же порядкѣ и вспоминаются, такъ что при воспроизведеніи одного изъ нихъ воспроизводятся и другія.

Случаи примѣненія механической ассоціаціи можно вообще распредѣлить на три разряда. Въ однихъ случаяхъ механическая ассоціація является единственно возможнымъ способомъ пріобрѣсти знанія, примѣняемымъ къ дѣлу всякимъ переводчикомъ, будь онъ ученикъ перваго или второго класса или ученый профессоръ. Ко второму разряду можно отнести тѣ ассоціаціи, которыя устанавливаются грамматиками, комментаріями, искусствомъ опытнаго пре-

подавателя. Во всѣхъ этихъ случаяхъ составители грамматикъ и комментаріевъ и преподаватели стремятся къ тому, чтобы эти ассоціаціи были общими для всѣхъ учениковъ, чтобы ими пользовались по возможности всѣ ученики, изучающіе эти учебники и руководства и руководимые этими преподавателями. Третій разрядъ составляютъ ассоціаціи индивидуальныя, возникающія у каждаго ученика особо и совершенно различныя у разныхъ учениковъ. Къ первому разряду относится наибольшее число ассоціацій. Чтобы знать языкъ, нужно изучить его грамматику и его словарь; на изученіе послѣдняго тратится несравненно больше времени, чѣмъ на изученіе грамматики; а межъ тѣмъ все это изученіе словаря, изученіе словъ чужого языка производится однимъ путемъ—путемъ механической ассоціаціи по смежности. Пока между латинскимъ и русскимъ словомъ нѣтъ связи по механической ассоціаціи, латинское слово есть для насъ лишь непонятное звуковое сочетаніе. Изучая иностранный языкъ, мы устанавливаемъ между каждой парой словъ, словомъ иностраннымъ и словомъ русскимъ, механическую ассоціацію по смежности. Это единственно возможный способъ изученія словъ иностраннаго языка. Когда мы переводимъ или пытаемся говорить на иностранномъ языкѣ, то мы вспоминаемъ иностранныя слова не иначе какъ по ассоціаціи смежности съ отдѣльными русскими словами. Словарь, служащій намъ для переводовъ, есть не что иное, какъ руководство по составленію этихъ безчисленныхъ ассоціацій. Когда мы хорошо научились говорить на иностранномъ языкѣ, то иностранныя слова вспоминаются нами уже безъ посредства русскихъ словъ: у насъ устанавливается тогда другая ассоціація—именно ассоціація иностраннаго слова съ самымъ предметомъ, который называется этимъ словомъ, т.-е. съ зрительными, слуховыми и другими представленіями о предметѣ. При школьномъ изученіи латинскаго языка, очевидно, невозможно добиться способности соединять представленіе о латинскомъ словѣ съ представленіемъ не русскаго слова, а самаго предмета[1]).

---

[1]) При изученіи новыхъ языковъ „натуральнымъ" методомъ стараются добиться этой способности съ первыхъ же шаговъ изученія;

Механическими ассоціаціями второго разряда въ обширныхъ размѣрахъ пользуется любой курсъ грамматики. Въ области этимологіи сюда относятся прежде всего всевозможныя парадигмы склоненій и спряженій. Въ парадигмѣ спряженій сотни грамматическихъ представленій расположены въ смежности по мѣсту. Парадигма даетъ возможность закрѣплять грамматическія представленія въ сознаніи попарно, по три, по четыре, по десятку, цѣлыми гнѣздами и группами. Является возможность закрѣпить въ сознаніи даже цѣлую сотню ихъ въ одной общей схемѣ (парадигма одного латинскаго спряженія заключаетъ 212 паръ представленій; а съ включеніемъ всѣхъ формъ неопредѣленнаго наклоненія и причастія получится 278 паръ). Пользуясь парадигмой,мы можемъ вмѣсто длинныхъ размышленій и умозаключеній, вмѣсто постепеннаго анализа категорій, сразу перенестись въ требуемое мѣсто и сразу найти тамъ требуемую форму. Разъ парадигма закрѣпила въ нашемъ сознаніи, напримѣръ, ассоціацію: «ornans— украшающій», то, когда при переводѣ мы наталкиваемся на слово «украшающій», мы безъ всякаго акта мышленія, невольно, механически вспоминаемъ и слово ornans, соединенное въ нашемъ сознаніи со словомъ «украшающій» въ ассоціацію по смежности. Другимъ способомъ установленія ассоціацией въ области этимологіи служатъ перечни. Заучиванье перечней есть пользованіе ассоціаціями по единству времени, при чемъ здѣсь упражняются главнымъ образомъ голосовые мускулы, а отчасти слуховые и глазные нервы. Рядъ представленій, усвоенныхъ такимъ путемъ, настолько можетъ укрѣпиться въ душѣ, что за припоминаніемъ одного механически слѣдуетъ припоминаніе и всѣхъ остальныхъ членовъ ряда и при томъ всегда въ одномъ неизмѣнномъ порядкѣ.

Старинныя грамматики особенно заботились о построеніи такихъ ассоціацій: онѣ были переполнены перечнями; въ нихъ шли длинные перечни всякаго рода именъ, соединенныхъ въ группы по основамъ (исчисленіе основъ третьяго

но этотъ методъ никогда не можетъ быть выдержанъ до полнаго знакомства съ языкомъ, до окончанія всего курса изученія.

склоненія занимало, напр., многія страницы), отступающихъ глаголовъ, предлоговъ, нарѣчій, и т. д.; для укрѣпленія механическихъ ассоціацій всевозможныя «исключенія» излагались въ стихахъ. Но эта излишняя погоня за укрѣпленіемъ механическихъ ассоціацій давала обыкновенно очень плачевный результатъ, не окупавшій длинной работы по закрѣпленію въ памяти ассоціацій. Изучались въ перечняхъ, напримѣръ, глаголы, отступающіе отъ нормъ въ образованіи perfectum'a и супина. Перечни составлялись съ цѣлью облегчить работу, которая потребовалась бы при изученіи глаголовъ въ одиночку; но самое заучиваніе перечня требовало столько работы, что общій итогъ ея отъ этого вспомогательнаго способа не уменьшался, а увеличивался. Особенно заботились грамматики о перечняхъ, исчисляющихъ всевозможныя «исключенія». Но и эта забота не достигала цѣли. Объединенныя въ группы исключенія никакъ не удавалось связать ассоціацей съ самымъ правиломъ, съ нормой. Ученики знали на перечетъ слова, имѣющія въ вин. п. *im*; но эта группа словъ, объединенныхъ ассоціацій, все-таки не вспоминалась, когда нужно, потому что ничѣмъ не была связана съ нормой, съ представленіемъ объ обычномъ окончаніи винительнаго падежа третьяго склоненія. Исключеніе обыкновенно является не логическимъ выводомъ изъ правила, а наоборотъ, нарушеніемъ правила, логически не объяснимымъ. Вслѣдствіе невозможности связать правило съ исключеніемъ логическимъ путемъ (почему при нормальномъ окончаніи *em* нѣкоторыя слова имѣютъ *im*, это логически необъяснимо) остается одинъ способъ установить эту связь—это примѣненіе ассоціаціи по смежности. Если же такой ассоціаціи не удалось установить, то заучиваніе исключеній въ перечняхъ является, очевидно, безполезной работой. Заучиваніе перечней полезно только тогда, когда перечни не длинны и когда въ ассоціацію входитъ и самая норма, т.-е. когда перечень касается не исключеній, а нормальныхъ явленій. Если ученикъ заучитъ перечень: ante, apud, ad и т. д., и если въ этой группѣ первымъ или послѣднимъ представленіемъ будетъ представленіе о винительномъ падежѣ («требуютъ

вин. падежа»), то такая ассоціація будетъ для него очень полезной.

Въ области синтаксиса механическая ассоціація часто примѣняется при изложеніи самыхъ правилъ. Логически обоснованныя правила здѣсь часто переплетаются съ правилами, заключающими въ себѣ только механическую ассоціацію. Погоня за ассоціаціями часто совершенно нарушаетъ грамматическую систему и приводитъ къ такимъ группировкамъ и дѣленіямъ, которыя логически совершенно несостоятельны. Возьмемъ, напримѣръ, отдѣлъ, касающійся употребленія ablativus separationis. Здѣсь прежде всего сообщается, что «abl. separationis ставится на вопросы: откуда? отъ кого? отъ чего? изъ чего? при глаголахъ означающихъ отдѣленіе, удаленіе». Тутъ мы имѣемъ логически обоснованное правило, потому что передъ этимъ, при характеристикѣ творительнаго падежа вообще, сообщалось, что «собственный творительный означаетъ предметъ, отъ котораго что-либо отдѣляется или удаляется»[1]. Мы знаемъ, почему abl. separationis ставится на такіе-то вопросы при глаголахъ, означающихъ отдѣленіе. Онъ ставится здѣсь потому, что выражать отдѣленіе это и есть его главное назначеніе. Въ слѣдующемъ параграфѣ мы читаемъ: Abl. separationis ставится при глаголахъ: «освобождать», «лишать» и т. д. Еще ниже читаемъ: «При безличномъ выраженіи mihi opus est ставится творительный падежъ». Эти два правила уже не заключаютъ въ себѣ логическаго основанія, а представляютъ двѣ попытки установить механическую ассоціацію. Въ дѣйствительности третье правило есть частный случай по отношенію ко второму правилу, а второе правило есть частный случай по отношенію къ первому; но въ изложеніи грамматикъ родъ оказался на одной ступени съ видомъ и даже съ единичнымъ случаемъ, входящимъ въ составъ вида и рода. Это нарушеніе логической классификаціи сдѣлано съ единственной цѣлью примѣнить къ дѣлу механическую ассоціацію,—съ цѣлью лучше закрѣпить въ памяти учениковъ эти два частныхъ случая. Подобнымъ же образомъ

[1]) Цитируемъ по учебнику Никифорова.

рядомъ съ логически обоснованнымъ правиломъ относительно gen. obiectivus стоитъ необъяснимое съ этой логической точки зрѣнія правило о gen. obiectivus при прилагательныхъ, представляющее простую механическую ассоціацію; рядомъ съ логически обоснованнымъ правиломъ относительно dat. commodi идетъ еще перечень глаголовъ, соединяющихся съ дательнымъ падежомъ, хотя въ дѣйствительности при этихъ глаголахъ какъ разъ и стоитъ dat. commodi, и т. д. Синтаксисъ переполненъ правилами, гласящими, что при такихъ-то словахъ ставится то-то или что послѣ того-то ставится то-то. Этими способами грамматики пытаются установить разнаго рода механическія ассоціаціи вмѣсто логическаго обоснованія правилъ. Даже анализъ логическихъ отношеній между главнымъ и придаточнымъ предложеніемъ онѣ часто пытаются замѣнить простой механической ассоціацией. Возьмемъ, напримѣръ, правило о временахъ въ предложеніяхъ слѣдствія. «Въ предложеніяхъ слѣдствія», читаемъ мы въ грамматикѣ, «обыкновенно ставится такое время, какое они имѣли бы въ томъ случаѣ, если бы были независимыми. Однако послѣ прошедшаго времени въ главномъ предложеніи большею частью ставится coniunctivus imperfecti»,— гдѣ мы ожидали бы perf. historicum. «Всегда бываетъ coniunctivus imperfecti послѣ прошедшаго времени отъ глаголовъ: «происходитъ», «случается», и т. д. Но чѣмъ же объясняется эта прихотливая игра временами? Вмѣсто того, чтобы аппелировать къ мышленію ученика, грамматики даютъ только матеріалъ для механическихъ ассоціацій *по смежности*. Но представленія, которыя здѣсь приходится ассоціировать, настолько неопредѣленны и смутны, что закрѣпить такія ассоціаціи удается только послѣ безчисленныхъ повтореній этихъ правилъ. Когда онѣ наконецъ закрѣпятся въ памяти, работа при постановкѣ этихъ необъяснимыхъ временъ все-таки будетъ механическою, безсознательною.

Кромѣ указаннаго, въ *синтаксисѣ* непрерывно употребляется и другой способъ закрѣпленія ассоціацій. Этимъ вторымъ способомъ являются приводимые на каждое пра-

вило примѣры, состоящіе изъ отдѣльныхъ сочетаній словъ или изъ цѣлыхъ фразъ. Всякій примѣръ пытается закрѣпить въ умѣ признаки грамматической категоріи посредствомъ ассоціаціи по единству мѣста. Ученикъ видитъ эти признаки рядомъ, запоминаетъ примѣръ и при случаѣ пользуется заключенной въ немъ ассоціацией.

Кромѣ исчисленныхъ способовъ грамматика употребляетъ для закрѣпленія ассоціацій и многіе другіе способы, общіе у ней съ другими школьными предметами. Сюда относится употребленіе различныхъ шрифтовъ, курсива, красной строки, таблицъ, столбцовъ, искусное распредѣленіе параграфовъ, выдѣленіе «примѣчаній», ссылки на другіе отдѣлы, употребленіе особыхъ мнемоническихъ знаковъ (NB., кресты), и т. д.

Мы перечисляли способы закрѣпленія ассоціацій, употребляемые учебниками и предназначенные для всѣхъ учениковъ; но у каждаго ученика непрерывно создаются и его индивидуальныя ассоціаціи, которыми онъ одинъ только и пользуется. Эта область субъективныхъ ассоціацій не поддается уже никакому учету. Особенно это можно сказать о такихъ ассоціаціяхъ, въ которыхъ грамматическое представленіе соединяется не съ другимъ грамматическимъ представленіемъ, а съ представленіями о совершенно посторонних предметахъ. Индивидуальныя ассоціаціи образуются главнымъ образомъ изъ наблюденій ученика надъ переводимыми текстами; но могутъ получиться и изъ многихъ другихъ источниковъ; напримѣръ, ученикъ, хорошо знакомый съ французскимъ языкомъ, можетъ получить много ассоціацій изъ сопоставленія латинскихъ словъ съ французскими.

Замѣняя сложную логическую работу, ассоціаціи даютъ переводчику возможность вести работу упрощеннымъ способомъ; но онѣ, конечно, никоимъ образомъ не могутъ замѣнить мышленія, потому что, если бы мы руководились только ассоціаціями, не контролируя ихъ мышленіемъ, то мы часто впадали бы въ ошибку. Далеко не всякая ассоціація цѣнна. Наиболѣе цѣнной является та ассоціація, въ которой скрывается причинная связь между явленіями. Это

такъ называемая ассоціація причинности. Она бываетъ между такими двумя явленіями, которыя неизмѣнно и безусловно слѣдуютъ одно за другимъ, при чемъ одно (предыдущее) бываетъ причиною, а другое (послѣдующее) слѣдствіемъ. Но на ряду съ ассоціаціями причинности въ грамматикахъ дается много и другого рода ассоціацій, въ которыхъ между соединяемыми явленіями нѣтъ причинной связи, въ которыхъ одно явленіе встрѣчается съ другимъ случайно или подъ условіемъ существованія какого-нибудь третьяго явленія. Такъ какъ причинныя ассоціаціи въ изложеніи грамматикъ ничѣмъ не отличаются отъ случайныхъ ассоціацій, такъ какъ ученикъ склоненъ думать, что все почерпнутое изъ грамматики есть грамматическій законъ, то онъ ежеминутно можетъ впадать въ ошибку, принимая возникшую у него случайную ассоціацію за причинную, за грамматическій законъ. Пояснимъ это на примѣрахъ. Въ грамматикѣ два представленія: «abl. separationis» и глаголъ «освобождать», ассоціируются въ видѣ правила, что при глаголѣ «освобождать» ставится abl. separationis. Ученикъ, заучившій это правило, не гарантированъ все-таки отъ ошибки. Въ правилѣ заключается случайная ассоціація, а не причинная (потому что abl. separationis соединяется съ глаголомъ liberare не всегда и не безусловно, а лишь подъ условіемъ третьяго явленія, т.-е. если нужно отвѣтить на вопросъ: отъ чего?); но ученикъ можетъ принимать эту ассоціацію за причинную, можетъ вообразить, что при глаголѣ liberare всегда и безусловно ставится abl. separationis, и выраженіе: «освобождать отечество», можетъ перевести съ помощью творительнаго падежа. Пока онъ руководится т о л ь к о ассоціаціями, онъ ничѣмъ не гарантированъ отъ этой ошибки. Возьмемъ другой примѣръ. Грамматика три представленія: «acc. c. inf.», «verba dicendi» и слово «что» соединяетъ въ одну ассоціацію и даетъ правило: acc. c. inf. ставится п р и v. dicendi, *если предложеніе начинается словомъ «что».* Это ассоціація случайная, такъ какъ первое явленіе со вторымъ и второе съ третьимъ связаны не безусловно и не всегда, а лишь подъ условіемъ существованія другихъ

явленій (1. если при v. dicendi стоитъ придаточное дополнительное, 2. если «что» есть союзъ). Но ученикъ, не зная, случайная она или причинная, можетъ принимать ее за причинную и переводить посредствомъ acc. c. inf., напримѣръ, такую фразу: «онъ мнѣ не сказалъ, что̀ вчера дѣлалъ».

Такимъ образомъ, хотя пользованіе ассоціаціями и облегчаетъ умственную работу, потребную при переводахъ, но зато этотъ сокращенный путь не гарантируетъ насъ отъ ошибокъ. Къ вѣрному результату насъ приводитъ только причинная ассоціація; всѣ же остальныя ассоціаціи могутъ и привести и не превести къ вѣрному результату. Для ученика же этотъ сокращенный путь еще болѣе ненадеженъ, потому что онъ обыкновенно не умѣетъ отличить причинной ассоціаціи отъ случайныхъ и, идя по ложному пути, самъ не замѣчаетъ этого.

VII.

Вторымъ пріемомъ, облегчающимъ умственный процессъ, происходящій при переводахъ съ родного языка, является умѣнье заключать по внѣшнему наблюденію, помимо анализа внутреннихъ логическихъ отношеній. При изученіи русской грамматики ученикамъ даютъ обыкновенно два критерія для различенія грамматическихъ категорій: а) логическій, основанный на смыслѣ словъ, и б) внѣшній, поддающійся непосредственному наблюденію. Такъ, кромѣ различенія по смыслу, глагольные виды различаютъ по способу образованія будущаго времени или по отсутствію и наличности настоящаго времени, части предложенія отличаютъ по вопросамъ, придаточныя по начальнымъ словамъ, имена собственныя по заглавнымъ буквамъ, и т. д. Точно такъ же и въ примѣненіи къ латинской грамматикѣ является иногда возможность обходиться безъ анализа внутреннихъ, логическихъ отношеній и довольствоваться внѣшнимъ наблюденіемъ, хотя оно и не всегда безошибочно ведетъ къ цѣли. Такъ, встрѣчая предлогъ «для» при имени лица, мы

заключаемъ о необходимости употребить dat. commodi; по предлогу «у» при имени лица заключаемъ о необходимости постановки dat. possessivus; встрѣчая въ вопросѣ неопредѣленное наклоненіе въ сказуемомъ, приходимъ къ заключенію, что требуется поставить coniunctivus dubitativus; при verba timendi вмѣсто «что» подставляемъ союзъ ne, не справляясь съ логическимъ соотношеніемъ дѣйствій, и т. д. Эти упрощенные пріемы основаны въ сущности на ассоціаціяхъ. Слова: «можетъ-быть», ассоціируются съ представленіемъ о coniunctivus potentialis; поэтому, при встрѣчѣ въ текстѣ съ первымъ представленіемъ, механически вспоминается и второе. Но руководиться прямымъ наблюденіемъ при переводахъ приходится все-таки очень рѣдко. Дѣло въ томъ, что прямое наблюденіе легче всего было бы примѣнить къ окончаніямъ формъ; но при переводѣ эти окончанія какъ разъ и составляютъ искомый иксъ. Такимъ образомъ пользованіе наблюденіемъ при выборѣ окончанія оказывается возможнымъ лишь въ тѣхъ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ грамматическая категорія имѣетъ два внѣшнихъ признака: окончаніе и еще какой-нибудь другой внѣшній признакъ; по этому послѣднему мы и выбираемъ окончаніе. Къ безусловно вѣрному результату наблюденіе приводитъ опять только въ томъ случаѣ, если въ основѣ лежитъ причинная ассоціація. Если же въ основѣ его заключается случайная ассоціація, то выводъ можетъ быть вѣрнымъ и невѣрнымъ. Если мы узнаёмъ, напримѣръ, приложеніе или обращеніе по внѣшнему наблюденію надъ знаками препинанія, то мы можемъ и получить вѣрный результатъ и ошибиться, потому что соединеніе представленія о тѣхъ или иныхъ знакахъ препинанія съ представленіемъ о приложеніи или обращеніи представляетъ не причинную ассоціацію, а только случайную.

Третій способъ упрощать умственную работу, потребную для переводовъ съ родного языка, мы назвали игнорированіемъ всего выходящаго изъ предѣловъ нормы. Этотъ пріемъ практикуется чаще двухъ другихъ, уже разобранныхъ нами. Мало того, во многихъ случаяхъ онъ совершенно не-

обходимъ; а иначе работа наша удлинилась бы до безконечности.

Если правило есть обобщеніе всѣхъ однородныхъ случаевъ, а исключеніе есть указаніе нѣсколькихъ, строго опредѣленныхъ частныхъ случаевъ, не могущихъ войти въ родовое обобщеніе, то къ несомнѣнно вѣрному выводу мы приходимъ только тогда, если сначала перебираемъ мысленно всѣ исключенія, а потомъ уже обращаемся къ правилу. Прежде чѣмъ примѣнить правило, нужно удостовѣриться, не слѣдуетъ ли въ данномъ случаѣ примѣнить исключеніе; а иначе мы рискуемъ ошибиться. Рискъ ошибиться будетъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше знаменатель дроби, выражающей отношеніе исключенія къ правилу. Если мы хотимъ избѣжать всякаго риска, мы должны при переводѣ каждаго слова припомнить мысленно всѣ исключенія, относящіяся ко всѣмъ грамматическимъ категоріямъ, по которымъ разбирается данное слово. Если въ фразѣ имѣемъ десятка два словъ и каждое слово должны провести по 2—8 категоріямъ, то при переводѣ цѣлой фразы намъ придется припомнить мысленно по нѣскольку разъ всѣ исключенія, касающіяся рода именъ, падежныхъ окончаній и т. д. При переводѣ страницы текста придется мысленно «повторить» сотню разъ всѣ исключенія, которыми наполнены учебники грамматики. Къ счастью, нашъ мыслительный процессъ совершается обыкновенно въ обратномъ порядкѣ: если число случаевъ, обнимаемыхъ правиломъ, гораздо больше числа случаевъ, подходящихъ подъ исключеніе, то къ правильному результату мы приходимъ обыкновенно лишь по закону математической теоріи вѣроятности, вовсе не обдумывая исключеній. Если словъ на *us* мужескаго рода въ четвертомъ, напримѣръ, склоненіи—двѣ тысячи, а къ исключеніямъ относятся пять словъ, то въ 1.995 случаяхъ, даже ничего не зная объ исключеніяхъ, мы все-таки не ошибаемся въ опредѣленіи рода въ силу закона теоріи вѣроятности. При бо́льшемъ числѣ исключеній рискъ пропорціонально усиливается, но мы все-таки предпочитаемъ обыкновенно игнорировать исключенія, чтобы не обременять себя излишней работой. При переводахъ это

упрощеніе умственнаго процесса можно повести очень далеко. Это упрощеніе можно довести до того, что можно держаться только нормъ, совершенно игнорируя исключенія. Рискъ ошибиться при этомъ, конечно, усиливается. Исключеніемъ мы называемъ здѣсь, конечно, не только то, что въ грамматикахъ помѣчено этимъ именемъ. Исключеніе мы противополагаемъ нормѣ; два рядомъ стоящихъ въ грамматикѣ правила часто являются нормой и исключеніемъ. Изъявительное наклоненіе въ главномъ предложеніи — это норма; сослагательное въ главномъ — это исключеніе. Если бы мы переводили русскій текстъ, соотвѣтственный первой книгѣ Записокъ Цезаря, то мы имѣли бы 384 сказуемыхъ въ главныхъ предложеніяхъ. Въ текстѣ Цезаря изъ этой суммы 382 сказуемыхъ стоятъ въ изъявительномъ наклоненіи и 2 сказуемыхъ въ неопредѣленномъ наклоненіи (infinitivus historicus; предложенія косвенной рѣчи мы не считаемъ за главныя). Такимъ образомъ, если бы мы держались только нормы — именно правила, что въ главномъ предложеніи ставится изъявительное наклоненіе,—и совершенно игнорировали бы исключенія изъ этого правила, то мы изъ 384 случаевъ ошиблись бы только въ двухъ случаяхъ (математическая теорія вѣроятности давала бы здѣсь отношеніе 1:191; на 192 случая приходилась бы всего одна ошибка). При этомъ расчетѣ мы предполагаемъ, что для полнаго совпаденія нашего будущаго текста съ текстомъ Цезаря въ двухъ случаяхъ русское изъявительное наклоненіе мы должны были бы перевести неопредѣленнымъ наклоненіемъ (Caesar frumentum flagitare, Aedui diem dicere). Но на практикѣ, руководясь школьными грамматиками, ни одинъ самый опытный переводчикъ не могъ бы предусмотрѣть эти два случая, т.-е. заключить по русскому тексту, что здѣсь должно стоять infinitivus historicus. По изложенію грамматикъ, это неопредѣленное употребляется лишь «иногда, въ оживленномъ разсказѣ»; но этотъ критерій настолько неопредѣленъ, что имъ нѣтъ никакой возможности пользоваться. Если бы вмѣсто infinitivus мы поставили въ этихъ случаяхъ изъявительное наклоненіе, переводъ нельзя было бы назвать неправильнымъ.

Такимъ образомъ выходитъ, что первая книга Цезаря при обратномъ переводѣ представляла бы намъ 384 случая постановки въ главномъ предложеніи изъявительнаго наклоненія; и если бы мы 384 раза руководились только нормою и ни разу не подумали бы объ исключеніяхъ, т.-е. о возможности поставить сослагательное или неопредѣленное наклоненіе, то мы ни разу не ошиблись бы при постановкѣ наклоненія. Этотъ расчетъ позволяетъ намъ и вообще при переводѣ сказуемаго главнаго предложенія не дѣлать синтаксической справки и рѣшать вопросъ о наклоненіи исключительно въ предѣлахъ этимологическихъ схемъ, — иначе сказать, ставить то наклоненіе, которое стоитъ въ русскомъ языкѣ.

Возьмемъ другой примѣръ и вычислимъ вѣроятность ошибки при полномъ игнорированіи исключеній, касающихся рода именъ третьяго склоненія. Примемъ за норму, что слова на *x* относятся къ женскому роду и что слова на *us* съ род. *utis* или *udis* — женскаго рода, а съ род. на *ris* средняго рода. Для расчета возьмемъ 30 первыхъ главъ (съ предисловіемъ) I книги Тита Ливія и предположимъ, что мы съ точнаго русскаго перевода дѣлаемъ обратный переводъ, такъ чтобы въ результатѣ получить текстъ Ливія. На протяженіи этихъ 30 главъ мы будемъ имѣть 1.198 случаевъ постановки именъ существительныхъ третьяго склоненія. Предположимъ сначала, что слова на *do*, *go*, *io* относятся къ исключеніямъ. Изъ 1.198 случаевъ въ 1.048 случаяхъ родъ опредѣляется нормою, т.-е. «правилами» о родѣ именъ третьяго склоненія, а въ остальныхъ 150 случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ исключеніями изъ этихъ правилъ. Если мы будетъ знать только правила и руководиться только ими, не имѣя никакого понятія объ исключеніяхъ (не зная, между прочимъ, и того, что слова на *do*, *go*, *io* суть женскаго, а не мужескаго рода), то изъ всѣхъ 150 случаевъ, когда намъ придется имѣть дѣло съ исключеніями, мы сдѣлаемъ ошибку въ переводѣ только въ 47 случаяхъ; въ остальныхъ же 103 случаяхъ или категорія рода окажется для насъ совершенно излишней и ненужной для перевода, или наша неосвѣдомленность от-

носительно рода не помѣшаетъ намъ образовать вѣрную форму и сдѣлать вѣрный переводъ. Сюда, между прочимъ, войдутъ 71 случай, гдѣ мы будемъ имѣть дѣло съ словами на *do*, *go*, *io*. Хотя для образованія отъ этихъ словъ винительнаго падежа единственнаго числа или именительнаго и винительнаго множественнаго числа и нужна будетъ категорія рода (чтобы знать, склоняются ли эти слова по типу rex или по типу nomen), однако наша неосвѣдомленность относительно рода этихъ словъ (т.-е. если мы ихъ будемъ относить къ мужескому, руководясь нормой, а не къ женскому роду) все-таки не поведетъ насъ къ ошибкѣ, такъ какъ указанные падежи въ мужескомъ и женскомъ родѣ имѣютъ одинаковыя окончанія [1]).

Такимъ образомъ, если мы при опредѣленіи рода будемъ руководиться только нормою и не будемъ имѣть никакого понятія объ исключеніяхъ, то, имѣя на протяженіи текста, соотвѣтственнаго 30 главамъ Ливія, 1.198 случаевъ постановки именъ существительныхъ третьяго склоненія, мы сдѣлаемъ при переводѣ ошибку только 47 разъ; въ остальныхъ 1.151 случаѣ, не имѣя понятія объ исключеніяхъ, мы все-таки сдѣлаемъ совершенно вѣрный переводъ. Вѣроятность ошибки здѣсь выражается отношеніемъ 1 : 26, т.-е. одна ошибка приходится на 26 случаевъ правильнаго перевода.

Производя расчетъ, мы относили слова на *do*, *go*, *io* къ исключеніямъ; этимъ мы значительно увеличили общій процентъ исключеній [2]). Если же окончанія *do*, *go*, *io* мы включимъ въ норму и отнесемъ въ правилѣ къ окончаніямъ, отмѣчающимъ женскій родъ, то вѣроятность ошибокъ, при такой постановкѣ дѣла, значительно уменьшится. На 1.198 случаевъ тогда придется 1.146 случаевъ, гдѣ родъ опредѣляется нормою, т.-е. правилами о родѣ,

---

[1]) Кромѣ 71 случая, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ словами на *do, go, io*, въ указанную нами сумму (103 случая) входятъ слѣдующія слова: по одному разу—confluens, fons, iter, lapis, merces, oriens, quies, silex, sol, по два раза—amnis, arbor, collis, crinis, finis, sanguis, по три раза—mensis, orbis, пять разъ—mons. Незнаніе рода этихъ словъ не поведетъ къ ошибкѣ въ разбираемыхъ нами случаяхъ.

[2]) Изъ общей суммы 1.198 случаевъ на долю словъ съ окончаніями *do, go, io* падаетъ 101 случай, что составитъ, 9.2%.

и 52 случая, гдѣ родъ опредѣляется исключеніями. Но изъ этихъ 52 случаевъ въ 35 случаяхъ[1]) категорія рода намъ совершенно не нужна при переводѣ, или наша неосвѣдомленность относительно рода не поведетъ насъ къ ошибкѣ. Такимъ образомъ, если мы не будемъ знать никакихъ исключеній относительно рода именъ третьяго склоненія, то изъ 1.198 представившихся намъ случаевъ постановки именъ существительныхъ мы сдѣлаемъ ошибку при переводѣ только въ 17 случаяхъ (1.198 — 1.146 — 35=17). Математическая вѣроятность ошибки опредѣляется отношеніемъ 1: 70, т.-е. одна ошибка придется на 70 случаевъ правильнаго перевода. Изъ этихъ 17 ошибокъ три будутъ состоять въ неправильномъ выборѣ окончаній (мы не сумѣемъ образовать падежей: vasa, verbera, vultures) и 14 ошибокъ въ неправильномъ согласованіи опредѣленій (при словахъ: collis, merces, pulvis, quies—по одному разу, ordo, sanguis—по два раза, finis, mons—по три раза).

Приведенные расчеты доказываютъ, что игнорированіе исключеній, весьма облегчающее умственный процессъ перевода, часто почти не портитъ нашей работы. Отсюда же видно, насколько противоестественнымъ является тотъ методъ изученія грамматики, при которомъ въ элементарномъ курсѣ тратится масса времени на усвоеніе всевозможныхъ исключеній. Для этого составлялись бывало даже особые тексты, пересыпанные исключеніями, съ цѣлью какъ можно больше повысить математическую вѣроятность ошибки. Ученика пріучали къ тому, чтобы онъ при опредѣленіи каждой грамматической категоріи мысленно перебиралъ всѣ исключенія. Но этой привычки совершенно нельзя было вкоренить, потому что она совершенно противоестественна: такого способа мышленія человѣкъ не держится нигдѣ въ другомъ мѣстѣ,—ни въ сферѣ обыденнаго мышленія, ни въ сферѣ мышленія научнаго. Ученика заставляли методически производить умственную работу, которая оказывалась полезной изъ 70 случаевъ только въ одномъ! Но

---

[1]) Къ исчисленнымъ выше словамъ здѣсь прибавляется еще ordo (три раза въ текстѣ).

онъ ея не производилъ,—этимъ и объясняется, почему такъ плохо шли упражненія въ переводахъ съ русскаго на спеціально приготовленномъ для этого текстѣ, пересыпанномъ исключеніями и разными грамматическими раритетами.

При нормальномъ ходѣ мышленія переводчикъ всегда пользуется упрощенными пріемами умственной работы. Самымъ обычнымъ типомъ упрощенной работы здѣсь является одновременное пользованіе двумя упрощенными пріемами—игнорированіемъ исключеній и ассоціаціями. Игнорированіе исключеній устраняетъ съ пути массу ненужнаго, загромождающаго дорогу матеріала и ведетъ насъ къ цѣли кратчайшимъ и наиболѣе легкимъ путемъ. Тутъ возможны ошибки, можно—хотя это и рѣдко бываетъ—уклониться съ пути. Но насъ выручаютъ здѣсь ассоціаціи. Не думая при работѣ объ исключеніяхъ, умѣть все-таки вспомнить о нихъ, когда нужно,—въ этомъ и заключается искусство переводчика. Этимъ именно умѣньемъ, игнорируя исключенія, избѣгать все-таки ошибокъ при помощи ассоціаціи и отличается работа опытнаго переводчика отъ работы начинающаго ученика. При большомъ навыкѣ можно добиться умѣнья игнорировать не только мелкія исключенія, но и большіе отдѣлы грамматики,—и все-таки не дѣлать ни одной ошибки. Умѣнье это обусловливается особенною прочностью ассоціацій, которыя должны возникать въ сознаніи какъ разъ тогда, когда нужно. Кто умѣетъ, встрѣтивъ при переводѣ слово arbor, непремѣнно вспомнить по ассоціаціи о родѣ этого слова, тотъ гарантированъ отъ ошибки, возможной при игнорированіи исключеній. При большой практикѣ переводчикъ можетъ добиться умѣнья даже при постановкѣ падежей обходиться безъ синтаксической справки и руководиться исключительно ассоціаціями. Такому искусному переводчику весь отдѣлъ латинскаго синтаксиса падежей представляется длиннымъ рядомъ исключеній, а нормой является то, что онъ видитъ въ русскомъ текстѣ: игнорируя исключенія, т.-е. весь *латинскій синтаксисъ* падежей, онъ подставляетъ при переводѣ вмѣсто русскихъ падежей тѣ же падежи латинскихъ склоненій, пока не вспомнитъ по ассоціаціи о какомъ-нибудь «исключеніи»,

т.-е. о какомъ-нибудь параграфѣ латинскаго синтаксиса падежей.

Мы указали огромную роль ассоціацій при умственной работѣ, происходящей при переводахъ съ родного языка. Но какъ научить ученика этой упрощенной работѣ? Пользованіе ассоціаціями, какъ мы видѣли, есть работа совершенно субъективная, часто не поддающаяся никакому учету. Грамматики, считая, что пользоваться ассоціаціями легче, чѣмъ каждый разъ вести сложную методическую работу смыслового и логическаго разбора, излагаютъ правила съ такимъ расчетомъ, чтобы въ нихъ заключались ассоціаціи. Но ассоціаціи могутъ закрѣпиться въ умѣ ученика, могутъ и не закрѣпиться. Для закрѣпленія существуетъ одинъ путь—многократное повтореніе. Весь успѣхъ классной работы при пользованіи ассоціаціями зависитъ отъ многократнаго повторенія—до тѣхъ поръ, пока ассоціаціи прочно не закрѣпятся въ умѣ каждаго ученика. Но руководить въ этомъ дѣлѣ цѣлымъ классомъ, вести общую работу приходится только наугадъ. Мы должны хорошо помнить, что оперированіе съ ассоціаціями не есть мышленіе и что оно не можетъ происходить одновременно и однообразно въ умахъ всѣхъ сидящихъ въ классѣ учениковъ. При мыслительномъ процессѣ преподавателю легко руководить умственною работой цѣлаго класса. Онъ помогаетъ выводить заключенія, подсказываетъ посылки, поправляетъ ошибки въ терминахъ, и такъ далѣе,—все это тотчасъ же дѣлаетъ и каждый ученикъ въ своемъ собственномъ умѣ. Ничего подобнаго не можетъ быть при оперированіи съ ассоціаціями. Тутъ преподавателю въ случаѣ плохого закрѣпленія ассоціацій остается только повторять представленія въ одномъ и томъ же порядкѣ; а все остальное происходитъ и скрывается въ тайникахъ души ученика. Преподавателю остается только выжидать, улягутся или не улягутся представленія въ требуемомъ порядкѣ.

Такимъ образомъ анализъ умственнаго процесса, происходящаго при переводѣ съ родного языка, убѣдилъ насъ, что тутъ требуется въ высшей степени сложная и методическая работа, что эта сложность естественно побуждаетъ

насъ къ употребленію пріемовъ болѣе упрощенныхъ, но эти упрощенные пріемы, облегчая работу, не всегда даютъ вѣрный результатъ; кромѣ того, оперированіе этими пріемами является работою совершенно субъективною, трудно поддающеюся контролю и общему руководству. Въ результатѣ всего этого школьные переводы съ родного языка на латинскій бываютъ работою необычайно трудною и всегда плохо исполняемою. Чтобы добиться здѣсь успѣха, нужно употребить изумительно много времени. Эти переводы ни въ какомъ случаѣ нельзя сравнивать съ переводами на новые языки, гдѣ умственный процессъ бываетъ несравненно проще вслѣдствіе большого сходства грамматическихъ системъ и строя рѣчи, вслѣдствіе легкости закрѣпленія ассоціацій путемъ устныхъ упражненій въ языкѣ, и такъ далѣе. Новѣйшіе учебные планы отводятъ очень мало мѣста переводамъ съ русскаго на латинскій, и объ этомъ нечего жалѣть. Для такого рода переводовъ нужно было бы изученіе латинской грамматики, какъ системы. Школьныя руководства не давали этой системы, вслѣдствіе чего и преподаваніе было дѣломъ очень труднымъ. Теперь же, при новыхъ задачахъ, поставленныхъ въ области преподаванія, уже нѣтъ никакого резона вырабатывать эту систему, такъ какъ для переводовъ съ латинскаго этой системы, какъ мы увидимъ, не требуется.

VIII.

При переводахъ съ родного языка на языкъ иноземный переводимый текстъ даетъ намъ весь потребный матеріалъ для уразумѣнія рѣчи со всѣми оттѣнками въ мысляхъ. Вникнувъ въ отношенія словъ и предложеній, мы постепенно можемъ разложить связную рѣчь на всѣ составныя ея части и узнать всѣ грамматическія и логическія категоріи и соотношенія, примѣненныя въ данномъ текстѣ къ дѣлу. Весь этотъ грамматическій и логическій разборъ мы можемъ сдѣлать, не приступая еще къ переводу и не зная ни одного иностраннаго слова, нужнаго для пере-

вода. При переводѣ съ иноземнаго языка на родной картина выходитъ совершенно обратная. Тамъ еще до перевода мы могли произвести полный и всесторонній грамматическій и логическій анализъ рѣчи; здѣсь до перевода мы не можемъ сдѣлать ни малѣйшей попытки къ анализу; здѣсь до перевода иностранный текстъ представляетъ для насъ только прихотливыя сочетанія звуковъ, не вызывающихъ въ сознаніи ни малѣйшихъ слѣдовъ представленій или понятій о предметахъ. Внѣшнее наблюденіе показываетъ намъ, что чередующіеся звуки распредѣляются въ группы и составляютъ отдѣльныя слова,—больше мы ничего не знаемъ и не можемъ знать о тайнахъ рѣчи и мысли, заключенныхъ въ эти звуки. Тайны эти будутъ раскрываться только съ переводомъ и при томъ очень медленно, шагъ за шагомъ, слово за словомъ; вполнѣ онѣ будутъ раскрыты только тогда, когда переводъ будетъ законченъ.

Какимъ же образомъ и въ какой постепенности раскрывать эти тайны?

Есть прежде всего очень простой, очень незамысловатый способъ раскрыть сразу всѣ тайны рѣчи и мысли. Этотъ способъ, къ сожалѣнію, всюду практикуемый въ школѣ, состоитъ въ пользованіи подстрочникомъ или вообще готовымъ уже переводомъ. Цѣль тутъ не—перевести, а сколько-нибудь разобраться, съ помощью чужого перевода, въ иностранномъ текстѣ. Преподаватели языковъ съ негодованіемъ или сожалѣніемъ отзываются объ этомъ способѣ и, тѣмъ не менѣе, вездѣ его терпятъ, считая неизбѣжнымъ зломъ, съ которымъ почти невозможно бороться.

Въ былое время ярые враги подстрочниковъ видѣли въ нихъ «систематическое развращеніе учащейся молодежи посредствомъ пріученія ея къ заранѣе обдуманной лжи, къ обману, къ мошенничеству, къ лѣни, къ легкомыслію и шарлатанству»[1], а рьяные педагоги всячески преслѣдовали подстрочники, отбирали ихъ и т. д. Нынѣ, по всей видимости, на это зло махнули рукой. Въ послѣдніе годы гимназіи осаждаются толпами молодыхъ людей, подготовившихся къ экзамену по латинскому языку исклю-

[1]) *Язва нашей школы*, 1892.

чительно по подстрочникамъ и готовымъ переводамъ. Эти молодые люди выдерживаютъ экзаменъ «за курсъ гимназій», хотя преподаватели вполнѣ добросовѣстно спрашиваютъ ихъ и добросовѣстно оцѣниваютъ отвѣты. Существуетъ, значитъ, возможность добиться умѣнья переводить съ латинскаго языка не въ теченіе шести лѣтъ, а въ теченіе года или даже шести мѣсяцевъ. Правда, тутъ мы имѣемъ дѣло съ людьми взрослыми, уже изучившими два-три иностранныхъ языка и привыкшими къ грамматическому и логическому анализу; правда и то, что это умѣнье является пріобрѣтеніемъ очень жалкимъ, черезъ годъ и исчезающимъ. Тѣмъ не менѣе, является вопросъ: нельзя ли изъ этого способа изученія иноземнаго языка сдѣлать въ школѣ полезное употребленіе вмѣсто того, чтобы допускать его tacito consensu только въ видѣ контрабанды? Въ другихъ странахъ являлись теоретики-защитники этого способа. Припомнимъ брошюру Бенуа: *Le latin appris en trois ans, le grec en deux ans. L'enseignement classique en France, ce qu'il est—ce qu'il pourrait être.* По мнѣнію Бенуа, изученіе латинскихъ авторовъ съ помощью готовыхъ переводовъ дастъ возможность прочесть въ два-три года 10 — 15 латинскихъ книгъ, заинтересовать каждаго ученика содержаніемъ изучаемаго произведенія и легко научить грамматикѣ изъ самаго чтенія, путемъ наблюденія и постоянныхъ сравненій. Не входя въ детали этого метода, который Бенуа называетъ естественнымъ, такъ какъ онъ ближе, чѣмъ обычные школьные методы, подходитъ къ тѣмъ способамъ, которыми ребенокъ изучаетъ свою родную рѣчь, нельзя все-таки не признать, что этотъ методъ былъ бы очень полезенъ и въ нашей школѣ при первыхъ попыткахъ читать латинскихъ авторовъ. Большое достоинство этого метода состоитъ въ его наглядности и въ возможности итти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному путемъ систематическаго мышленія. Само собою разумѣется, что готовый переводъ, который мы дадимъ въ руки ученику, долженъ быть хорошимъ и точнымъ и что эти упражненія могутъ быть предметомъ только классныхъ занятій, подъ руководствомъ преподавателя.

Многочисленные сторонники и пропагандисты индуктивнаго метода давно уже дѣлаютъ попытки изученія грамматики съ помощью готоваго перевода. Въ любой начальной хрестоматіи, составленной по этому методу, при первыхъ изучаемыхъ статьяхъ мы находимъ, если не переводъ, то исчисленіе словъ, переведенныхъ въ томъ же порядкѣ и въ той же формѣ, въ какихъ они встрѣчаются въ латинскомъ текстѣ. Индуктивный методъ здѣсь примѣняется для изученія этимологіи или вообще для перваго ознакомленія съ грамматическими явленіями чуждаго языка. Но на этой ступени изученія языка этотъ методъ вызываетъ очень сильныя возраженія, такъ какъ онъ тутъ сводится къ употребленію наиболѣе грубаго вида индукціи— именно неполной индукціи черезъ простое перечисленіе, дѣлающей выводъ грамматическаго закона изъ двухъ-трехъ частныхъ случаевъ. Примѣняя индуктивный методъ къ элементарному изученію этимологіи, мы на десяти строкахъ текста встрѣчаемъ многіе десятки формъ изъ самыхъ разнообразныхъ отдѣловъ грамматики, такъ что у насъ получается безпорядочная куча единичныхъ явленій, общихъ понятій, категорій и терминовъ, въ которыхъ трудно разобраться. Самые выводы изъ наблюдаемыхъ явленій тутъ, въ сущности, подсказываются преподавателемъ, а не дѣлаются самими учениками. Совершенно иная картина получается, когда мы будемъ примѣнять этотъ методъ къ изученію синтаксическаго строя языка, послѣ достаточнаго ознакомленія съ этимологіей. Синтаксическій строй чужой рѣчи особенно удобно изучать путемъ нагляднаго сопоставленія его съ строемъ родной рѣчи. Разъ мы умѣемъ уже разбираться въ этимологическихъ формахъ, то сравнительное наблюденіе надъ латинскимъ и русскимъ текстами не будетъ уже подавлять насъ массою наблюдаемаго матеріала; игнорируя сходныя черты, мы все свое вниманіе сосредоточимъ на томъ, въ чемъ одна связная рѣчь отличается отъ другой связной рѣчи. Сопоставленіе русскаго текста съ латинскимъ дастъ намъ возможность сдѣлать рядъ индуктивныхъ выводовъ, касающихся строя рѣчи, управленія и расположенія словъ и предложеній и т. д.,

т.-е. такихъ грамматическихъ явленій, которыя можно уразумѣть только изъ наблюденій надъ связною рѣчью. Кромѣ того, оно наглядно ознакомитъ насъ съ массою такихъ явленій, которыя не могутъ быть подведены подъ грамматическіе законы и изучены a priori, изъ учебниковъ грамматики. Но болѣе всего пригоденъ этотъ методъ для изученія тѣхъ явленій языка, которыя относятся къ области семазіологіи и стилистики.

При примѣненіи этого метода умственный процессъ изученія иностраннаго текста состоитъ въ слѣдующемъ. Прежде всего тутъ необходимо апріорное убѣжденіе, что данный русскій текстъ представляетъ собою совершенно точный переводъ съ латинскаго. Точнымъ переводомъ мы называемъ такой, который удовлетворяетъ слѣдующимъ двумъ правиламъ: 1) при замѣнѣ корней одного языка корнями другого грамматическія категоріи по возможности остаются неизмѣнными, т.-е. формы одного языка должны по возможности точно соотвѣтствовать формамъ другого языка; 2) всякое измѣненіе грамматическихъ категорій въ одномъ языкѣ сравнительно съ другимъ должно имѣть *какое-нибудь точное основаніе*, т.-е. *должно быть оправдано* тѣми или иными законами грамматики или стиля. При наличности такого перевода наше наблюденіе будетъ направлено исключительно на тѣ пункты, гдѣ произошло измѣненіе грамматическихъ категорій или строя рѣчи. Первая стадія умственной работы будетъ состоять въ провѣркѣ грамматическихъ категорій съ цѣлью рѣшить, совпадаютъ онѣ въ обоихъ текстахъ или нѣтъ. Эта провѣрка поведетъ къ отбору тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ этого совпаденія нѣтъ. По мѣрѣ того, какъ мы будемъ подвигаться впередъ въ сопоставленіи текстовъ, у насъ будетъ накопляться запасъ однородныхъ случаевъ несовпаденія, который и послужитъ намъ матеріаломъ для индуктивныхъ выводовъ. Такъ какъ индуктивные выводы тутъ будутъ дѣлаться путемъ довольно ненадежнымъ—путемъ неполной индукціи per enumerationem simplicem,—то, очевидно, для правильности выводовъ тутъ необходима помощь преподавателя или справки въ грамматикѣ, гдѣ переводчикъ и найдетъ законъ, объясняющій наблюденныя имъ несовпаденія.

Изъ четырехъ видовъ индуктивнаго метода, употребляемыхъ при изученіи природы, здѣсь, при изученіи грамматическихъ явленій, мы будемъ пользоваться главнымъ образомъ двумя видами—методомъ согласія и методомъ разницы. Правило для примѣненія перваго метода гласитъ: «если два или болѣе случая подлежащаго изслѣдованію явленія имѣютъ общимъ лишь одно обстоятельство, то это обстоятельство, въ которомъ только и согласуются всѣ эти случаи, есть причина даннаго явленія». Сопоставляя послѣдовательно латинскій и русскій тексты, мы, напримѣръ, замѣтили, что въ ста случаяхъ латинскій творительный падежъ оказался неизмѣннымъ и въ русскомъ текстѣ, а въ пяти случаяхъ латинскому творительному въ русскомъ соотвѣтствуютъ предложныя сочетанія. Мы ищемъ то обстоятельство, въ которомъ всѣ эти пять случаевъ согласуются. Это обстоятельство находимъ въ значеніи управляющаго глагола: во всѣхъ этихъ пяти лучаяхъ управляющій глаголъ означаетъ удаленіе. Отсюда заключаемъ, что это значеніе глагола и есть причина наблюденныхъ нами несовпаденій въ текстахъ. Правило метода различія гласитъ: «если случай, въ которомъ изслѣдуемое явленіе наступаетъ, и случай, въ которомъ оно не наступаетъ, сходны во всѣхъ обстоятельствахъ, кромѣ одного, встрѣчающагося лишь въ первомъ случаѣ, то это обстоятельство, въ которомъ одномъ только и разнятся два случая, и есть причина». Если при сопоставленіи текстовъ оказывается, что при глаголахъ движенія имена собственныя, означающія мѣстность, на вопросъ: куда? стоятъ или въ вин. п. съ предлогомъ in или въ вин. п. безъ предлога, то, видя, что въ одномъ случаѣ это имя есть названіе города, а въ другихъ случаяхъ—названіе страны, мы по методу различія заключаемъ, что причина несовпаденія кроется здѣсь въ томъ обстоятельствѣ, что первое имя есть названіе города.

Чтобы показать, какіе результаты можетъ дать индуктивный методъ при сравнительномъ изученіи двухъ текстовъ, мы сдѣлаемъ одно исчисленіе въ примѣненіи къ первой книгѣ Записокъ Цезаря. Въ первой книгѣ мы

имѣемъ 448 случаевъ постановки родительнаго падежа, при чемъ въ 347 случаяхъ русскій текстъ долженъ совпадать съ латинскимъ (сюда входятъ 163 случая постановки родительнаго принадлежности и gen. subiectivus, 79 случаевъ употребленія gen. quantitatis и 5 случаевъ gen. obiectivus). Несовпаденіе текстовъ мы замѣтимъ въ 101 случаѣ; эти случаи распредѣляются по слѣдующимъ отдѣламъ: 1) 48 случаевъ постановки gen. obiectivus (при именахъ: amicitia, bellum, causa, cupiditas, facultas, fides, gloria, gratia, hospitium, imperium, iniuria, inopia, iudicium, memoria, offensio, periculum, possessio, potestas, principatus, simulatio, spes, studium, suspicio); 2) 16 случаевъ постановки gen. partitivus (изъ нихъ въ 4 случаяхъ—предлогъ «въ»); 3) 9 случаевъ род. при causa; 4) 8 случаевъ gen. qualitatis (всѣ для обозначенія количества и величины); 5) 5 случаевъ употребленія род. при именахъ прилагательныхъ; 6) 3 случая gen. generis (quid consilii, auxilii, negotii); 7) 3 случая gen. possessivus при esse; 8) три раза форма domi; 9) одинъ разъ gen. pretii (tanti); 10) одинъ разъ gen. при potiri; 11) одинъ разъ въ род. п. наименованіе города на вопросъ: где? Изъ этого перечня видно, что изученіе первой книги Цезаря путемъ индуктивнаго метода дастъ совершенно достаточное количество матеріала для индуктивнаго вывода главнѣйшихъ грамматическихъ законовъ, относящихся къ употребленію род. падежа. Этотъ подборъ случаевъ несовпаденія служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣриломъ того, что считать важнымъ и что—не особенно важнымъ при апріорномъ, теоретическомъ изученіи грамматики. Среди сотни случаевъ несовпаденія окажется десятка два такихъ, которые по своей сложности не могутъ служить матеріаломъ для индуктивнаго вывода законовъ. Это именно тѣ случаи, гдѣ для хорошаго перевода нужно не только знаніе грамматическаго закона, но и умѣнье дать обороту стилистическую обработку [1]).

---

[1]) **Изъ области примѣненія родительнаго падежа въ I книгѣ Цезаря сюда относятся слѣдующія выраженія:** gloria belli et fortitudinis, potestas sui, facultas omnium rerum, pro veteribus Helvetiorum iniuriis

IX.

Изученіе латинскаго текста съ помощью хорошихъ готовыхъ переводовъ особенно было бы полезно для выработки стилистическихъ навыковъ. Учебники теоріи словесности трактуютъ о правильности, чистотѣ, ясности и точности стиля, но они не даютъ точныхъ правилъ для этого и не устанавливаютъ законовъ стиля, подобныхъ законамъ грамматическимъ. Стилистическое искусство является такимъ образомъ только дѣломъ навыка; а при обычной классной работѣ, происходящей на урокахъ древнихъ языковъ, трудно пріобрѣсти эти навыки. Ученикъ не въ силахъ дать хорошій, литературный переводъ; преподаватель на каждомъ шагу поправляетъ учениковъ; въ классѣ все время слышится нескладная и необработанная рѣчь. Ученикъ, не видя хорошихъ образцовъ перевода, не получаетъ стилистическихъ навыковъ.

Въ стилистическомъ искусствѣ можно дойти до большого совершенства; но исходнымъ пунктомъ и основой всѣхъ стилистическихъ навыковъ является то, что на школьномъ языкѣ называется умѣньемъ «подбирать выраженія». Мы постоянно говоримъ, что языкъ состоитъ изъ словъ; но часто забываемъ, что онъ, съ точки зрѣнія стиля, состоитъ также и изъ «выраженій». Подъ «выраженіями» мы разумѣемъ парныя сочетанія словъ, установившіяся въ языкѣ и ставшія нормою, цѣлымъ, не подлежащимъ измѣненію. Измѣненіе ихъ и новое произвольное соединеніе паръ изъ другихъ, новыхъ элементовъ есть недостатокъ или порча стиля. Человѣкъ, изучившій съ дѣтства родной языкъ, усвоилъ эти нормальныя парныя сочетанія изъ практики языка *постепенно, незамѣтно для самого себя*. Въ чужомъ языкѣ эти парныя сочетанія мы изучаемъ преимущественно съ помощью словаря. Каждый словарь со-

---

populi Romani, simulatio rei frumentariae, Galliae totius factiones, in fines Vocontiorum ulterioris provinciae, spatium pila coniciendi, equitatus ad numerum quatuor millium, locum medium utriusque colloquio, in antiquum locum gratiae atque honoris, in parem iuris libertatisque conditionem, hominum milia sex eius pagi.

стоитъ не только изъ алфавитнаго перечня словъ, но и изъ безконечнаго собранія такихъ парныхъ сочетаній. Не умѣющій пользоваться словаремъ ученикъ, отыскавъ въ словарѣ слово facio, выпишетъ значенія: дѣлать, изготовлять, строить, сооружать, записывать, производить, добывать, доставлять, получать и т. д. Если бы онъ изучилъ эти значенія, онъ предпринялъ бы совершенно безполезный трудъ. Facio имѣетъ одно значеніе: «дѣлать». Вся остальная страница въ словарѣ при словѣ facio наполнена не значеніями этого слова, а нормальными парными сочетаніями, принятыми въ русскомъ языкѣ и не соотвѣтствующими въ буквальномъ смыслѣ латинскимъ сочетаніямъ. Римлянинъ, произнося выраженія: facere arma, litteram, sermonem, gradum, impetum, ignem, orationem, manum, pacem и т. д., подъ словомъ facio во всѣхъ этихъ случаяхъ разумѣлъ только одно понятіе—только то, которое мы обозначаемъ нашимъ словомъ «дѣлать». Тутъ для него не было никакихъ парныхъ нормъ, никакихъ «выраженій». Но русскій человѣкъ по отношенію къ буквѣ, рѣчи, огню, обряду, миру, лагерю, добычѣ, деньгамъ, словамъ, войнѣ и т. д. уже не можетъ употреблять понятія «дѣлать»: онъ вмѣсто этого долженъ брать различныя парныя нормы, различныя «выраженія», установившіяся въ русскомъ языкѣ и обязательныя для русскаго человѣка. То же происходитъ, конечно, и въ обратномъ порядкѣ. Въ русско-латинскомъ словарѣ при словѣ «дѣлать» найдемъ значенія: facio, ago, reddo, creo и т. д.; значенія эти вмѣстѣ со стоящими при нихъ дополненіями и образуютъ рядъ выраженій, обязательныхъ для латинской рѣчи и не имѣющихъ себѣ буквальнаго соотвѣтствія въ русской рѣчи.

Трудно прослѣдить исторически, когда и гдѣ впервые возникло въ языкѣ то или иное выраженіе. Однако несомнѣнно, что, разъ выраженіе выработалось, оно передается потомъ уже изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ нѣчто готовое и обязательное для рѣчи; эти стилистическія нормы составляютъ такое же существенное содержаніе языка, какъ и его грамматическіе законы, съ тою разницею, что нарушеніе грамматическихъ законовъ дѣлаетъ

рѣчь безграмотною, а нарушеніе стилистическихъ нормъ лишаетъ ее чистоты, точности и ясности. По своей роли въ языкѣ выраженія сходны съ поговорками. Поговорки — это одинъ изъ разрядовъ выраженій; это—«выраженія», употребляемыя въ народной лишь рѣчи и заключающія въ себѣ сравненіе. Стилистическія нормы, названныя нами «выраженіями», составляются не только изъ парныхъ сочетаній глагола съ дополненіемъ, но и изъ другимъ грамматическихъ элементовъ, напримѣръ, изъ существительнаго и прилагательнаго или изъ глагола и нарѣчія. Съ логической точки зрѣнія выраженія суть выработанные языкомъ способы общее понятіе замѣнять частнымъ. Возьмемъ рядъ выраженій: «написать букву», «составить рѣчь», «дать сигналъ», «получить добычу», «собрать отрядъ», «совершить преступленіе», «возбудить войну», «дать сраженіе», «совершить путь» и т. д. Всѣ эти выраженія въ латинскомъ языкѣ можно передать глаголомъ facere. Римлянинъ появленіе, благодаря чьему-либо дѣйствію, буквы, рѣчи, сигнала, добычи, отряда и т. д. обозначалъ словомъ, соотвѣтствующимъ нашему понятію «дѣлать». Онъ думалъ, что такой-то «дѣлаетъ» букву, «дѣлаетъ» рѣчь, сигналъ, добычу, сраженіе и т. д. Русскій, думая какъ разъ о тѣхъ же вещахъ и о тѣхъ же дѣйствіяхъ, употребляетъ глаголы: «написать», «составить», «дать», «получить» и т. д. Логика у римлянина и у русскаго одна и та же, и предметы, подлежащіе мышленію, одни и тѣ же. Откуда же эта разница выраженій? Она произошла оттого, что римлянинъ во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ употребляетъ общее, родовое понятіе, а русскій это общее понятіе замѣнилъ вездѣ частными, видовыми. У римлянина, говорящаго: facere litteram, sermonem, signum, praedam и т. д., въ данныхъ случаяхъ нѣтъ того, что мы называемъ «выраженіями». У русскаго, вслѣдствіе замѣны одного общаго понятія многими частными, получились «выраженія». Такое же суженіе понятія можетъ итти и въ обратномъ порядкѣ. Русское общее понятіе «дѣлать» у римлянина превращается въ рядъ другихъ, видовыхъ понятій, когда онъ составляетъ выраженія равносильныя русскимъ оборотамъ: «дѣлать» консуломъ,

посредникомъ, участникомъ, «дѣлать» внушеніе, наставленіе, осѣчку, выстрѣлъ, движеніе и т. д. Роль дополненій въ приведенныхъ выраженіяхъ сводится къ тому, что они опредѣляютъ видовое отличіе (видовой признакъ) видового понятія, получившагося изъ родового. Въ сочетаніяхъ словъ: facio arma, litteram, sermonem и т. д., понятіе «дѣлать» не заключаетъ указанія на способъ дѣланія; наоборотъ, въ выраженіяхъ: «приготовить оружіе», «написать букву», «составить рѣчь» и т. д., къ понятію «дѣлать» присоединены уже видовыя отличія, указывающія на способы дѣланія; эти видовыя отличія вытекаютъ изъ того, что прибавленіе дополненій привноситъ въ понятіе новыя черты. Такое же превращеніе понятій происходитъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда выраженіе составляется изъ существительнаго и прилагательнаго или изъ глагола и опредѣляющаго его нарѣчія. Общее понятіе «большой»—magnus въ латинскомъ языкѣ приложимо къ словамъ: pretium, clamor, annus, causa, animus, imperium и т. д. Въ русскомъ языкѣ общее понятіе разлагается на рядъ видовыхъ: «высокая» цѣна, «громкій» крикъ, «полный» годъ, «важное» дѣло, «отважный» духъ, «строгое» приказаніе и т. д. Видовыя отличія въ выраженіяхъ здѣсь опредѣляются уже не дополненіями, а подборомъ тѣхъ или иныхъ опредѣляемыхъ предметовъ. Латинское общее понятіе «хорошо»—bene можно примѣнить къ глаголамъ: dicere, facere, pugnare и т. д. Въ русскомъ языкѣ вмѣсто общаго понятія мы возьмемъ видовыя: «правильно» или «благосклонно» говорить, «правильно» или «благодѣтельно» поступить, «удачно» сразиться и т. д. Видовыя отличія здѣсь опредѣляются глаголомъ, стоящимъ при нарѣчіи.

Приводя примѣры латинскихъ и русскихъ выраженій, мы вовсе не настаиваемъ на томъ, что въ русскомъ языкѣ больше выраженій, чѣмъ въ латинскомъ, или наоборотъ. Въ любомъ языкѣ рядомъ съ общими понятіями употребляется огромная масса спеціальныхъ выраженій. Но дѣло въ томъ, что въ каждомъ языкѣ превращеніе общихъ понятій въ видовыя путемъ установленія выраженій идетъ, конечно, своимъ чередомъ, независимо отъ аналогичныхъ

процессовъ, совершающихся въ другомъ языкѣ; вслѣдствіе этого, выраженія одного языка обыкновенно не сходятся съ выраженіями другого, а отсюда возникаютъ большія трудности при передачѣ выраженій одного языка съ помощью словъ другого языка. *Эти трудности преодолѣваются* тремя путями: 1) для перевода выраженій чужихъ языковъ подыскиваются аналогичныя выраженія родного языка; 2) выраженія чужихъ языковъ замѣняются при переводѣ общими понятіями; 3) выраженія чужихъ языковъ цѣликомъ переносятся въ родной языкъ. Правильнымъ можно назвать только первый путь; но имъ не всегда можно итти, потому что аналогичныхъ выраженій въ родномъ языкѣ можетъ и не оказаться. Еще чаще потому не идутъ первымъ путемъ, что второй и третій пути легче. Чтобы подыскивать аналогичныя выраженія, для этого нужно хорошее знакомство со всѣми особенностями родного языка, со всѣмъ его богатствомъ, и нужна тщательная работа по выслѣживанію въ родномъ языкѣ такихъ аналогичныхъ выраженій. Гораздо легче, вмѣсто всякихъ поисковъ, взять прямо общее понятіе или чужое выраженіе изъ иноземнаго языка, переводя его буквально. При продолжительныхъ взаимныхъ сношеніяхъ между двумя народами, при которыхъ требуются постоянные переводы съ одного языка на другой, у каждаго такого народа получается въ словарѣ масса буквально переведенныхъ иностранныхъ выраженій. Эти варваризмы труднѣе выслѣдить въ языкѣ, чѣмъ тѣ, которые состоятъ изъ единичныхъ непереведенныхъ словъ, потому что они не улавливаются нашимъ слухомъ (слова оказываются родными, но въ сочетаніи ихъ кроется варваризмъ) и потому что для опознанія ихъ нужно большое знакомство съ тѣми иноземными языками, откуда они взяты. Черезъ обильное внесеніе чужихъ выраженій родной языкъ портится, теряетъ значительную долю чистоты. Нагляднымъ примѣромъ такой порчи вслѣдствіе внесенія непомѣрнаго количества иноземныхъ выраженій служитъ обычный газетный жаргонъ. Когда мы, за неимѣніемъ или трудностью подыскивать аналогичныя выраженія, идемъ вторымъ путемъ, т.-е. прямо беремъ общія понятія, то

нашъ языкъ не портится, потому что въ него не проникаютъ чуждые элементы, но зато нашъ переводъ, по сравненію съ подлинникомъ, теряетъ колоритность и конкретность образовъ, становится блѣднымъ и невыразительнымъ. Яркое народное произведеніе, переведенное литературнымъ языкомъ, съ замѣною выраженій общими понятіями, теряетъ вслѣдствіе этого всю свою оригинальность и прелесть.

Явленія, указанныя нами въ примѣненіи къ литературнымъ сношеніямъ, ежечасно и въ самой рѣзкой и нежелательной формѣ происходятъ и на каждомъ урокѣ, когда ученики переводятъ съ иностранныхъ языковъ, а особенно съ древнихъ, которые совершенно разошлись съ русскимъ и даже вообще съ новыми языками въ области выраженій. Ученики при переводахъ почти всегда склонны прежде всего итти по второму или третьему пути, и нужно большое искусство преподавателя, чтобы направлять ихъ на первый путь. Чтобы получить хорошій переводъ, ученикъ долженъ держаться трехъ правилъ: 1) не брать выраженій изъ иностраннаго языка, 2) какъ можно рѣже при переводѣ выраженій прибѣгать къ помощи общихъ понятій и 3) старательно разыскивать въ родномъ языкѣ выраженія, аналогичныя иностраннымъ. Упражненія въ сопоставленіи иностраннаго текста съ хорошимъ переводомъ могли бы сослужить тутъ большую службу. Для удачнаго выполненія указанной нами работы нужны хорошіе образцы; а при методахъ, обычно практикуемыхъ въ школѣ, ученикъ никогда почти не видитъ хорошихъ образцовъ перевода. Преподаватели часто и не ставятъ цѣлью—получить, послѣ длинной и многосложной работы, хорошій литературный переводъ и довольствуются самымъ жалкимъ переводомъ, лишь бы было въ немъ пониманіе текста.

Изощряться въ переводѣ выраженій ученикамъ предоставляется только съ помощью словаря. Но тутъ возникаетъ не мало трудностей. Прежде всего, словарь, правда, исчисляетъ при общихъ понятіяхъ и возникшія изъ нихъ выраженія, но далеко не всѣ. Далѣе, общія понятія это чаще всего суть наиболѣе обычныя въ языкѣ слова, уже изученныя ученикомъ; такимъ образомъ, въ поискахъ за выра-

женіями ему постоянно приходится просматривать въ словарѣ слова, которыя онъ уже знаетъ. Наконецъ—и это самое главное—выбрать выраженіе можно только въ томъ случаѣ, если понимаешь контекстъ, а понимать контекстъ можно только послѣ выписки словъ и перевода. Чтобы выйти изъ этой дилеммы, ученики употребляютъ четыре пріема; они: 1) то, зная еще, какое выраженіе имъ потребуется, выписываютъ наугадъ какъ можно больше значеній, 2) то выписываютъ наугадъ нѣсколько выраженій, 3) то, не выписывая ни видовыхъ значеній ни выраженій, довольствуются однимъ общимъ понятіемъ, 4) то справляются въ словарѣ объ одномъ и томъ же словѣ по нѣскольку разъ, чтобы только послѣ пониманія контекста выписать тѣ значенія, которыя оказались нужными. Первый пріемъ, вообще говоря, совершенно негоденъ. Если ученикъ заучитъ, что facio значитъ: «строить, сооружать, записывать, составлять, добывать, получать, собирать», то это знаніе ему будетъ не только безполезно, но и вредно: оно внесетъ въ его сознаніе большую путаницу и много фальши; такой ученикъ будетъ потомъ глаголъ facio употреблять въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ слѣдуетъ употребить struere, componere, accipere, colligere и т. д. Задачей изученія словаря должно быть разграниченіе понятій, а не смѣшеніе синонимовъ въ одну безпорядочную кучу. При второмъ пріемѣ ученикъ производитъ безполезную работу и все-таки чаще всего не достигаетъ цѣли, потому что при случайномъ выхватываніи двухъ-трехъ выраженій изъ цѣлой ихъ массы, частью помѣщенной и частью не помѣщенной въ словарѣ, у него крайне ничтожный шансъ выбрать какъ разъ то, что нужно. При третьемъ пріемѣ ученикъ въ сущности отказывается искать въ словарѣ помощь себѣ для перевода выраженій и разсчитываетъ исключительно на свое стилистическое искусство въ родномъ языкѣ. При четвертомъ пріемѣ тратится много излишней работы, и требуется большая память или, по крайней мѣрѣ, большой навыкъ къ словеснымъ ассоціаціямъ для того, чтобы, прочитавши много значеній, не забывать ихъ до тѣхъ поръ, пока не получится хорошій переводъ и не явится возможность

выбранное значеніе или выраженіе закрѣпить записью. Изъ анализа этихъ условій приходится прійти къ заключенію, что при переводѣ выраженій нужнѣе всего помощь преподавателя, безъ которой ученикъ пойдетъ по одному изъ двухъ указанныхъ выше фальшивыхъ путей. Для ученика же, въ качествѣ компромисса, можно рекомендовать слѣдующія правила: 1) никогда не выписывать видовыхъ значеній безъ дополнительныхъ словъ (т.-е. безъ дополненія— при глаголахъ, безъ существительнаго—при прилагательномъ, безъ глагола—при нарѣчіи); 2) выраженіе выписывать только тогда, когда въ контекстѣ уже найдено дополнительное слово и контекстъ въ общихъ чертахъ понятъ; 3) въ противномъ случаѣ не выписывать никакихъ выраженій и довольствоваться общимъ понятіемъ, соотвѣтствующимъ слову. Этимъ и ограничивается помощь словаря. Если словарь, послѣ этихъ пріемовъ, въ концѣ концовъ все-таки не дастъ нужнаго матеріала, то придется прибѣгнуть только къ своему стилистическому искусству и къ помощи преподавателя; при этомъ можно сначала составить переводъ съ помощью общихъ понятій и потомъ уже замѣнять въ этомъ черновомъ переводѣ общія понятія придуманными выраженіями.

X.

Обращаясь къ выясненію умственнаго процесса, происходящаго при самостоятельномъ переводѣ латинскаго текста, мы прежде всего должны оговориться, что процессъ этотъ значительно видоизмѣняется по мѣрѣ нашихъ навыковъ въ работѣ. Съ пріобрѣтеніемъ навыковъ работа сильно ускоряется вслѣдствіе упрощенія пріемовъ ея и замѣны методическаго мышленія быстрыми заключеніями по ассоціаціи и по догадкѣ. Мы начнемъ съ анализа умственной работы въ ту пору, когда навыковъ еще нѣтъ.

Передъ глазами ученика латинскій текстъ. Прямое наблюденіе показываетъ ученику, что передъ нимъ группы звуковъ, составляющія отдѣльныя слова; больше ничего пока онъ не знаетъ. Онъ не имѣетъ въ нѣкоторыхъ слу-

чаяхъ даже возможности правильно произнести эти слова: такія слова, какъ eadem, sequere, occidit, convenit, всѣ формы неопредѣленнаго наклоненія на *ere* и т. п., онъ будетъ читать наугадъ, безъ всякаго критерія, такъ какъ критерій можно получить только послѣ справокъ въ словарѣ или даже послѣ перевода. Первая задача для ученика—узнать изъ словаря слова; тутъ же онъ впервые сталкивается и съ грамматикою. Слова, принадлежащія къ служебнымъ частямъ рѣчи, можно найти въ словарѣ безъ всякихъ грамматическихъ справокъ; но для нахожденія измѣняемыхъ частей рѣчи нужны уже нѣкоторые грамматическіе критеріи. Эти первые грамматическіе критеріи получаются не путемъ мышленія, а лишь по догадкѣ, путемъ ассоціацій. Вслѣдствіе этого, они, конечно, легко могутъ оказаться ошибочными. Критеріи эти берутся изъ окончаній латинскихъ словъ. Значенія словъ мы еще не знаемъ, но по окончанію ихъ уже догадываемся, съ какою частью рѣчи имѣемъ дѣло. Догадка эта основана на ассоціаціи: видя окончаніе, мы по ассоціаціи смежности вспоминаемъ о склоненіи или спряженіи. Пока ученикъ изучаетъ, напр., только еще первое склоненіе и настоящее время глагола въ изъявительномъ наклоненіи, грамматическими критеріями при отыскиваніи словъ ему служатъ окончанія *a*, *ae*, *am*, *arum* для именъ и личныя окончанія для глаголовъ; но уже и на этой ступени окончанія *as* и *is* не могутъ быть критеріями. По мѣрѣ прохожденія этимологіи число изученныхъ окончаній увеличивается, но зато сами ассоціаціи дѣлаются прочнѣе. Когда этимологія изучена, ученикъ узнаетъ изъ нея всѣ мѣстоименія, всѣ числительныя, и при отыскиваніи словъ ему тогда приходится рѣшать предварительно всего одну дилемму: похоже ли данное слово на имя существительное или прилагательное (отличить эти части рѣчи другъ отъ друга до разбора текста, *по однимъ окончаніямъ, почти невозможно; для нихъ*— одинъ и тотъ же грамматическій критерій), или оно скорѣе похоже на глаголъ. На первыхъ порахъ, пока ученикъ при переводѣ пользуется приспособленными къ тексту словарями, онъ можетъ до перевода выписывать всѣ слова

фразы. Такъ же онъ будетъ поступать и тогда, когда пріобрѣтетъ большой навыкъ въ переводѣ и когда для перевода длинной фразы ему нужно будетъ заглядывать въ словарь не больше двухъ-трехъ разъ. Но на всѣхъ среднихъ ступеняхъ механическое выписываніе всѣхъ словъ до перевода являлось бы во многихъ случаяхъ безплодной и неосмысленной работой. Ученикъ выпишетъ неподходящія значенія и потомъ будетъ принуравливать переводъ къ выписаннымъ значеніямъ, пока безплодныя усилія не убѣдятъ его, что ему нужно сдѣлать вторичныя справки въ словарѣ, чтобы исправить свои недочеты при выписываніи словъ, т.-е. выбрать новыя значенія и вычеркнуть ненужныя. Наиболѣе раціональнымъ пріемомъ на этихъ ступеняхъ являются постепенныя справки въ словарѣ, по мѣрѣ перевода или по мѣрѣ перехода отъ одного предложенія къ другому.

Сдѣлавши справки въ словарѣ, мы приступаемъ къ переводу; но на первой стадіи намъ долго придется имѣть дѣло лишь съ формальными категоріями, не проникая еще въ смыслъ словъ. Для выясненія умственнаго процесса, происходящаго при переводѣ, возьмемъ на первый разъ элементарную фразу. Требуется перевести фразу: Mores hominum artibus emolliuntur. Что значитъ перевести слово mores? При отыскиваніи слова грамматическимъ критеріемъ для рѣшенія вопроса, имѣемъ ли мы дѣло съ существительнымъ или прилагательнымъ или съ глаголомъ, служитъ окончаніе *es*. Но этотъ критерій—самый неопредѣленный; окончаніе это въ сущности не можетъ быть критеріемъ, потому что на *es* могутъ оканчиваться и именныя формы и глагольныя. Изъ нашего прежняго опыта мы вынесли смутное убѣжденіе, что окончаніе *es* чаще встрѣчается въ именахъ, чѣмъ въ глаголахъ; и только на этомъ шаткомъ основаніи принимаемъ окончаніе *es* за грамматическій критерій и рѣшаемъ, что намъ нужно искать въ словарѣ имя, а не глаголъ. Ученикъ, не имѣющій этого опыта, не можетъ опереться на окончаніе. Ему остается взять изъ словаря первое попавшее подъ руку слово съ основой mor и продѣлывать всю дальнѣйшую процедуру разбора и перевода до тѣхъ поръ, пока не убѣдится въ

своей ошибкѣ. Онъ можетъ поочередно брать слова mora, morior, moror, morum, morus и вести дальнѣйшій разборъ, пока не убѣдится поочередно при каждомъ словѣ, что у нихъ нѣтъ формъ съ окончаніемъ *es*. Если ученики обыкновенно не пускаются въ эти блужданія, то это происходитъ лишь потому, что на этой ступени занятій они пользуются спеціально приспособленными къ тексту словарями.

Предположимъ, что мы по догадкѣ или случайно выбрали вѣрный путь и остановились на словѣ mos. Словарь даетъ намъ такую справку: «mos, moris m. нравъ». Мы имѣемъ теперь въ наличности слѣдующія данныя: о словѣ mos путемъ прямого наблюденія знаемъ, что 1) начало слова—mos, 2) что корень его mor, 3) что оно мужескаго рода, 4) что оно значитъ «нравъ», и путемъ очень простого заключенія знаемъ, что 5) оно есть имя существительное и 6) склоняется по третьему склоненію. О стоящемъ въ текстѣ словѣ mores мы пока знаемъ только то, что 1) оно имѣетъ корень mor и 2) окончаніе *es*; больше ничего о немъ не знаемъ. Теперь намъ предстоитъ убѣдиться въ тожествѣ найденнаго въ словарѣ слова съ словомъ, подлежащимъ переводу. Одинъ общій признакъ у этихъ словъ уже есть: оба имѣютъ корень mor. Спрашивается, не имѣетъ ли найденное въ словарѣ слово и другого признака, принадлежащаго слову mores, т.-е. не можетъ ли слово mos имѣть въ нѣкоторыхъ случаяхъ окончаніе *es*. Имѣя въ виду, что слово mos принадлежитъ къ третьему склоненію, мы убѣждаемся, что mos, дѣйствительно, можетъ иной разъ имѣть и окончаніе *es*. Такимъ образомъ оба признака, принадлежащіе переводимому слову, оказались въ наличности и у найденнаго въ словарѣ слова. Отсюда мы заключаемъ и о тожествѣ остальныхъ четырехъ признаковъ, т.-е. о томъ, что переводимое слово 1) имѣетъ началомъ mos, 2) есть имя существительное и 3) означаетъ «нравъ». По наличности двухъ общихъ признаковъ мы дѣлаемъ выводъ, что и остальные четыре признака этихъ двухъ словъ тоже—общіе. Разсматриваемый нами умственный процессъ есть

заключеніе по аналогіи. Аналогіей, какъ извѣстно, называется умозаключеніе, въ которомъ отъ сходства двухъ вещей въ извѣстномъ числѣ свойствъ мы заключаемъ къ сходству въ другихъ свойствахъ. Заключеніе по аналогіи даетъ выводъ вѣроятный. Степень вѣроятности умозаключенія по аналогіи зависитъ отъ трехъ обстоятельствъ: 1) количества наблюденныхъ сходствъ, 2) количества извѣстныхъ несходствъ между вещами и 3) объема нашего знанія наблюдаемыхъ и сравнимаемыхъ вещей. Вѣроятность заключенія по аналогіи будетъ очень высокой, если число признаковъ, въ которыхъ мы усмотрѣли сходство, очень велико, а число пунктовъ, гдѣ мы усмотрѣли несходство, незначительно, и если мы убѣждены, что наше знакомство съ вещами довольно полно, т.-е. число наблюденныхъ нами признаковъ гораздо больше числа ненаблюденныхъ. При обратныхъ условіяхъ заключеніе наше будетъ въ высшей степени проблематичнымъ. Въ разбираемомъ нами случаѣ второе условіе весьма благопріятно, такъ какъ тутъ у насъ вовсе нѣтъ наблюденныхъ несходствъ[1]. Но первое и третье условія весьма неблагопріятны. Наше знакомство со словомъ, стоящимъ въ текстѣ, весьма неполно: число наблюденныхъ признаковъ очень незначительно, а число ненаблюденныхъ даже больше числа наблюденныхъ. Чѣмъ больше число неизвѣстныхъ свойствъ, тѣмъ проблематичнѣе нашъ выводъ. Если мы найдемъ, что B сходно съ A въ 9 изъ 10 извѣстныхъ намъ свойствъ его, то вѣроятность, что оно будетъ сходно и въ другихъ отношеніяхъ, будетъ равна 9 : 10. Но въ разбираемомъ нами случаѣ эта вѣроятность равна лишь 2 : 6, или 1 : 3; это значитъ, что вѣрный выводъ, при такихъ условіяхъ, мы можемъ сдѣлать только въ одномъ случаѣ изъ трехъ случаевъ; иначе сказать, ошибиться здѣсь больше шансовъ, нежели сдѣлать вѣрный выводъ.

---

[1]) Строго говоря, несходства тутъ есть; напр., одно слово стоитъ въ словарѣ и написано съ малой буквы, другое стоитъ въ текстѣ и написано съ прописной буквы; но эти несходства совсѣмъ не идутъ въ счетъ, потому что они лежатъ за предѣлами подлежащихъ разбору грамматическихъ и логическихъ отношеній.

Такъ это и было бы, если бы мы имѣли дѣло, напр., съ явленіями природы или вообще съ какими-нибудь другими явленіями, а не съ словами, составляющими человѣческую рѣчь. Умозаключеніе по аналогіи въ примѣненіи къ словамъ языка имѣетъ совершенно специфическую особенность, не наблюдаемую въ примѣненіи къ другимъ предметамъ. Тутъ вѣроятность въ высокой степени усиливается, благодаря одному добавочному фактору—именно благодаря апріорному нашему убѣжденію, что въ языкѣ сходство звуковыхъ частей, составляющихъ два слова, почти всегда ведетъ къ сходству и остальныхъ признаковъ этихъ двухъ словъ, напр., ихъ грамматическихъ категорій и значеній. Если бы въ языкѣ слова, сходныя въ своихъ звуковыхъ частяхъ и одинаково произносимыя, постоянно различались по своимъ грамматическимъ категоріямъ и значенію, то на такомъ языкѣ было бы трудно говорить или писать, потому что для слушателя и читателя не представлялось бы возможности различать эти одинаково звучащія, но различныя по смыслу слова. Такія слова существуютъ, но апріорное разсужденіе и постоянный опытъ нашъ убѣждаютъ насъ, что ихъ очень мало. Вслѣдствіе апріорнаго убѣжденія, что полное звуковое сходство двухъ словъ почти всегда сопровождается сходствомъ этихъ словъ и въ остальныхъ отношеніяхъ, что это есть conditio sine qua non самаго существованія языка, и самыя умозаключенія по аналогіи пріобрѣтаютъ для насъ большую вѣроятность, несмотря на неблагопріятность остальныхъ условій, при которыхъ совершается умозаключеніе.

Наше заключеніе по аналогіи бываетъ и ошибочнымъ, потому что въ языкѣ, какъ мы сказали, все-таки есть слова, сходныя по звуковому составу, но различныя въ другихъ отношеніяхъ. Возьмемъ, напримѣръ, фразу: Bona opinio hominum tutior est pecunia, и представимъ такой случай. Ученикъ дѣлаетъ въ словарѣ справку: «bonum, i n. благо». Изъ наблюденій надъ этимъ найденнымъ въ словарѣ словомъ онъ видитъ, что 1) начало этого слова bonum, 2) что корень его bon, 3) что оно средняго рода, 4) что оно значитъ «благо», а путемъ умозаключенія

узнаетъ и еще два его признака: 5) что оно склоняется по второму склоненію и 6) принадлежитъ къ именамъ существительнымъ. Наблюденное въ текстѣ слово имѣетъ всего два признака: 1) оно имѣетъ основу bon и 2) окончаніе *a*.

Первый изъ этихъ признаковъ оказывается общимъ у обоихъ словъ—у найденнаго въ словарѣ слова и у того, которое стоитъ въ текстѣ. Зная, что найденное въ словарѣ слово относится ко второму склоненію, мы убѣждаемся (припомнивъ окончанія этого склоненія), что оно можетъ въ иныхъ случаяхъ имѣть окончаніе *a*. Такимъ образомъ оба признака подлежащаго переводу слова оказались въ числѣ признаковъ слова, найденнаго въ словарѣ. Остается сдѣлать умозаключеніе по аналогіи отъ сходства двухъ признаковъ къ сходству остальныхъ четырехъ. Условія для вывода по аналогіи и шансы вѣроятности этого вывода здѣсь совершенно такіе же, какъ и въ первомъ разобранномъ нами случаѣ. И однако же нашъ выводъ, что стоящее въ текстѣ слово bona вслѣдствіе сходства двухъ признаковъ его съ признаками слова bonum будетъ сходно съ этимъ послѣднимъ словомъ и въ остальныхъ четырехъ признакахъ, является *ошибочнымъ*: bona не имѣетъ началомъ своимъ bonum, не средняго рода, не значитъ «благо» и не принадлежитъ къ именамъ существительнымъ. Наше заключеніе оказалось ошибочнымъ вслѣдствіе того, что мы здѣсь имѣемъ *дѣло какъ разъ съ такими* словами, которыя сходны по звуковому составу, но различны по значенію. Сдѣлавши ошибку, мы въ то же время не имѣемъ возможности ее замѣтить, сколько ни наблюдали бы надъ словами bonum и bona. Не сознавая ошибки, мы долго еще пойдемъ по ложному пути. Мы перейдемъ къ двумъ послѣдующимъ стадіямъ умственной работы надъ словомъ bona, проведемъ *по всѣмъ стадіямъ* работу надъ слѣдующимъ въ текстѣ словомъ,—и только тогда уже, только при попыткахъ соединить въ переводѣ значеніе перваго слова со значеніемъ второго замѣтимъ наконецъ свою ошибку. Для исправленія ея намъ придется начать работу съ самаго начала, съ новой справки по словарю для перваго стоящаго въ текстѣ слова, потому что этотъ

именно первый фальшивый шагъ и сбилъ насъ съ пути. При первой справкѣ по словарю мы не имѣли грамматическаго критерія и наугадъ взяли имя существительное, тогда какъ слѣдовало взять имя прилагательное.

Доселѣ мы прослѣдили двѣ стадіи умственной работы—подыскиваніе слова въ словарѣ и умозаключеніе по аналогіи. Въ результатѣ этой работы получился болѣе или менѣе проблематическій выводъ, что подлежащее переводу слово имѣетъ такія-то грамматическія функціи и означаетъ то-то. Переходимъ теперь къ третьей стадіи работы. На этой стадіи мы вводимъ переводимое слово въ систему латинской грамматики, отыскивая грамматическое понятіе, соотвѣтственное этому слову. На второй стадіи работы мы уже задавались вопросомъ, можетъ ли найденное въ словарѣ слово имѣть окончаніе, наблюденное нами въ текстѣ. Для рѣшенія этого вопроса мы, очевидно, или перебирали умственно окончанія данной парадигмы, пока не столкнулись съ окончаніемъ, котораго искали, или сразу, по ассоціаціи съ представленіемъ о склоненіи, вспомнили это окончаніе. Но мы тогда нисколько не углублялись въ вопросъ о грамматической роли этого окончанія и даже не интересовались тѣмъ, *одну ли роль играетъ это окончаніе или нѣсколько ролей*. Теперь мы должны детально разсмотрѣть эти роли. Система грамматики состоитъ, какъ мы знаемъ, изъ ряда грамматическихъ законовъ или грамматическихъ сужденій. Каждый такой законъ и каждое сужденіе заключается въ томъ, что такому-то грамматическому понятію приписываются такіе-то существенные признаки. Окончаніе словъ есть одинъ изъ такихъ признаковъ. А всякая парадигма есть мнемоническое, сокращенное изображеніе ряда грамматическихъ законовъ. Таблица, напримѣръ, третьяго склоненія заключаетъ въ себѣ рядъ такихъ законовъ: 1) имя существительное третьяго склоненія единственнаго числа родительнаго падежа имѣетъ окончаніе *is*, 2) имя существительное третьяго склоненія единственнаго числа дат. падежа оканчивается на *i*, и т. д. На третьей ступени нашей работы намъ предстоитъ рѣшить такую задачу: по данному признаку, т.-е. по окончанію, найти на основаніи

грамматическихъ законовъ соотвѣтственное этому признаку грамматическое понятіе. Но объ этомъ понятіи мы кое-что уже знаемъ; мы знаемъ родъ, къ которому оно относится. Родъ этотъ будетъ: «имя существительное третьяго склоненія». Остается найти видовыя отличія, т.-е. число и падежъ. Такимъ образомъ задача является уже упрощенной: требуется по данному окончанію опредѣлить число и падежъ. Въ парадигмѣ третьяго склоненія [1]) оказалось цѣлыхъ три грамматическихъ закона, на которые въ данномъ случаѣ можно опереться: 1) законъ, касающійся им. п. множ. числа, 2) законъ, относящійся къ вин. п. множ. числа, и 3) законъ, относящійся къ зват. п. множ. числа. Въ результатѣ получаются три рѣшенія задачи, и мы пока не имѣемъ никакого критерія для выбора между этими рѣшеніями. Такимъ образомъ въ концѣ третьей стадіи работы мы получили три грамматическихъ понятія безъ возможности выбора между ними: 1) имя существительное третьяго склоненія множ. ч. имен. падежа, 2) имя существительное третьяго склоненія множ. ч. вин. падежа, 3) имя существительное третьяго склоненія множ. ч. зват. падежа.

XI.

Переходимъ теперь въ четвертую стадію работы, которая является уже переводомъ въ собственномъ смыслѣ. Теперь намъ нужно перенестись въ систему русской грамматики и, перемѣнивъ латинскій корень слова на русскій, найти въ ней какъ разъ то же грамматическое понятіе, какое получили на третьей стадіи работы въ системѣ латинской

---

[1]) Въ первомъ грамматическомъ законѣ третьяго склоненія грамматическое понятіе выражено такими словами: „имя существительное третьяго склоненія ед. числа род. падежа". Въ этомъ обозначеніи *низшаго понятія* заключается въ сущности цѣлая лѣстница убывающихъ по объему понятій: *имена дѣлятся на существительныя*, прилагательныя и т. д.; существительныя—на имена перваго, второго и т. д. склоненій; имена третьяго склоненія—на имена ед. числа и множ. числа, и т. д. Низшее понятіе обозначается исчисленіемъ высшихъ понятій и видовыхъ отличій, служащихъ переходомъ отъ каждаго высшаго къ слѣдующему низшему.

грамматики. Сдѣланная въ словарѣ справка уже нѣсколько облегчила нашу задачу. Вслѣдствіе общаго апріорнаго убѣжденія, что въ словаряхъ русскія и латинскія слова такъ расположены, что каждая пара сопоставляемыхъ словъ (латинское и русское) представляетъ одну и ту же часть рѣчи[1]), мы уже съ значительною долею вѣроятности знаемъ, что русское слово представляетъ ту же часть рѣчи, что и латинское. Въ категоріи склоненія грамматики расходятся. Такимъ образомъ, чтобы найти въ системѣ русской грамматики какъ разъ то же грамматическое понятіе, какое мы нашли въ системѣ латинской грамматики, намъ остается подставить только двѣ категоріи — категорію числа и категорію падежа, т.-е. какъ разъ тѣ двѣ категоріи, которыя мы разыскивали при опредѣленіи грамматическаго понятія соотвѣтственнаго слову mores и которыхъ намъ не дала справка въ словарѣ. Для слова mores у насъ получилось въ латинской системѣ три грамматическихъ понятія; остается и въ системѣ русской грамматики взять пока всѣ три понятія, соотвѣтственныя полученнымъ въ латинской системѣ. По грамматическимъ законамъ русской грамматики мы каждому изъ трехъ полученныхъ понятій приписываемъ существенный его признакъ, заключающійся въ окончаніи. Понятію: «имя существительное такого-то склоненія множ. ч. имен. падежа», соотвѣтствуетъ окончаніе *ы*; понятію: «имя существительное такого-то склоненія множ. ч. вин. падежа», соотвѣтствуетъ опять оконніе *ы*; наконецъ, и понятію: «имя существительное такого-то склоненія множ. ч. зват. п.», тоже соотвѣтствуетъ окончаніе *ы*. Для всѣхъ трехъ случаевъ получается форма: «нравы». Это и есть переводъ слова mores. Благодаря совершенно случайному обстоятельству, именно совпаденію въ русскомъ языкѣ окончаній всѣхъ трехъ падежей, мы выпутались изъ невозможности сдѣлать выборъ между тремя грамматическими понятіями, полученными на третьей стадіи работы. Мы знаемъ теперь, что слово mores можно смѣло передать съ помощью слова «нравы»; но все-таки еще не

---

[1]) Въ дѣйствительности этотъ принципъ допускаетъ, конечно, много исключеній.

знаемъ и не имѣли пока возможности знать, какой же это падежъ. Эту возможность мы получимъ значительно позже, только послѣ перевода другихъ словъ, составляющихъ предложеніе. Если бы указанное выше случайное совпаденіе русскихъ окончаній не выпутало насъ изъ диленимы, то у насъ, конечно, получились бы три перевода для даннаго латинскаго слова, и опять безъ всякой возможности сдѣлать между ними выборъ. Намъ пришлось бы тогда до поры до времени хранить эти три перевода въ своей памяти, пока послѣ перевода другихъ словъ не представится возможность сдѣлать выборъ. Выборъ этотъ будетъ производиться при связываніи переведенныхъ словъ въ одно цѣлое предложеніе или вообще при выясненіи синтаксической связи между словами.

При переводѣ глаголовъ умственный процессъ, измѣняясь лишь въ деталяхъ, проходитъ тѣ же стадіи. Прослѣдимъ его въ примѣненіи къ слову emolliuntur. Наблюденіе надъ составомъ слова даетъ намъ грамматическій критерій для справки въ словарѣ: по окончанію untur или ntur мы заключаемъ, что, очевидно, имѣемъ дѣло съ глаголомъ. Справка въ словарѣ оказывается въ высшей степени удачной: въ словарѣ, кромѣ слова emollio, нѣтъ другихъ словъ съ тѣмъ же корнемъ. Справка устанавливаетъ слѣдующіе признаки для слова emollio: 1) начало слова есть emollio, 2) корень или основа его emolli, 3) оно есть глаголъ, 4) оно имѣетъ perfectum—emollivi, 5) supinum—emollitum, 6) infinitivus—emollire (или: оно четвертаго спряженія), 7) оно значитъ «смягчать» [1]). Для находящагося въ текстѣ слова имѣемъ признаки: 1) корень его emolli, 2) окончаніе *untur*. Перебирая парадигму, мы убѣждаемся, что слово emollio тоже можетъ имѣть окончаніе *untur*; такимъ образомъ къ семи признакамъ слова emollio прибавляется восьмой признакъ. Изъ общности двухъ признаковъ мы по аналогіи дѣлаемъ заключеніе объ общности и остальныхъ шести

---

[1]) Въ словарѣ стоятъ три значенія: размягчать, смягчать, разслаблять. Первое значеніе есть общее понятіе; но при второмъ значеніи въ словарѣ помѣчено: mores, т.-е. дается готовое выраженіе, которымъ мы прямо и пользуемся.

признаковъ, усмотрѣнныхъ нами при справкѣ въ словарѣ. Это умозаключенiе по аналогiи въ данномъ случаѣ будетъ дѣлать только тотъ переводчикъ, который не убѣжденъ въ томъ, что имѣющiйся у него въ рукахъ словарь есть thesaurus totius latinitatis и что, если въ словарѣ нѣтъ другихъ словъ съ корнемъ emolli, то ихъ нѣтъ и вообще въ языкѣ. Для ученика же дѣло въ данномъ случаѣ представляется въ упрощенномъ видѣ: ему нѣтъ нужды перебирать парадигму спряженiя и удостовѣряться въ томъ, есть ли у глагола emollio форма съ окончанiемъ *untur*. Онъ, не разыскивая этого признака, дѣлаетъ заключенiе по аналогiи, исходя всего изъ одного признака—изъ общности корня. Онъ такъ выводитъ заключенiе: если emolliuntur имѣетъ тотъ же корень, какъ и emollio, то, значитъ, слово emolliuntur имѣетъ и остальные признаки, найденные для слова emollio, — иначе сказать, это совершенно тожественныя по смыслу и возможнымъ функцiямъ слова. Такое смѣлое заключенiе сдѣлано имъ въ силу доказаннаго справкой въ словарѣ убѣжденiя, что другихъ словъ съ корнемъ emolli совершенно не существуетъ, что въ языкѣ есть всего одно такое слово. На третьей ступени работы, вводя слово emolliuntur въ систему латинской грамматики, мы приходимъ къ выводу, что ему соотвѣтствуетъ одно лишь грамматическое понятiе, а именно: «глаголъ страдательнаго залога изъяв. наклоненiя наст. времени множ. числа третьяго лица». Остается теперь найти соотвѣтственное грамматическое понятiе въ системѣ русской грамматики. Такъ какъ въ сферѣ этихъ грамматическихъ понятiй системы русской и латинской грамматики не расходятся, то при переходѣ изъ одной системы въ другую грамматическое понятiе остается во всей своей цѣлости. По закону русской грамматики найденное понятiе имѣетъ существенный признакъ, состоящiй въ окончанiи *ются* [1]). Присоединивши это окончанiе къ корню русскаго слова, мы получимъ переводъ: emolliuntur = смягчаются.

---

[1]) **Мы не касаемся очень сложнаго вопроса о парадигмахъ русскаго глагола, т.-е. о томъ, въ какой парадигмѣ найдено окончанiе *ются*.**

Когда указанная нами методичная работа будетъ продѣлана со всѣми словами переводимой фразы, у насъ получится такой подборъ словъ:

Нравы людей $\frac{\text{искусствамъ}}{\text{искусствами}}$ смягчаются. Для слова artibus получилось два перевода, сообразно двойной роли оконнія *ibus*. Эти два перевода мы временно удерживали въ памяти, пока не окончили работы съ послѣднимъ словомъ фразы. Послѣ этого намъ осталось только испробовать первый переводъ и испробовать второй. Русскому человѣку стоитъ только прочесть первую фразу (съ дат. п.) и прочесть вторую (съ твор. п.), чтобы сразу, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разборовъ и разсужденій, рѣшить, что пригоденъ второй, а не первый переводъ. Это потому, что вторая фраза сразу вызываетъ въ умѣ стройное и законченное сужденіе, всѣ элементы котораго ясны; а первая фраза безъ слова «искусствамъ» является темной по смыслу и незаконченной, а добавочное слово «искусствамъ» вызываетъ недоумѣніе вслѣдствіе невозможности связать его съ остальными словами.

XII.

Припомнивъ шагъ за шагомъ весь процессъ, мы видимъ, что за все время работы мы ни разу не затрогивали синтаксическихъ функцій словъ, что намъ ни разу не потребовалось никакого синтаксическаго разбора. Въ свое время мы не имѣли никакого критерія для рѣшенія вопроса о падежѣ слова mores. Этотъ вопросъ такъ и остается нерѣшеннымъ. Мы подставили слово «нравы» и получили готовый подлинный переводъ, не зная до самаго конца всей работы, въ какомъ же, наконецъ, падежѣ стоитъ слово mores—«нравы». Мы получили уже готовую и осмысленную фразу, совершенно обойдя этотъ вопросъ. Если намъ заблагоразсудится, мы можемъ заняться синтаксическимъ разборомъ, но этотъ разборъ уже не будетъ имѣть никакого отношенія къ нашей предыдущей работѣ и будетъ всецѣло относиться только къ русской фразѣ. Въ школьной практикѣ создается фикція, будто синтаксиче-

скому разбору можно подвергнуть латинскую фразу. Но это большое, конечно, заблужденіе. Синтаксическій разборъ основанъ на анализѣ логическихъ категорій, а мыслитъ человѣкъ только на родномъ языкѣ. Латинскій текстъ безъ сопоставленія съ русскимъ можетъ разбирать съ синтаксической стороны только человѣкъ, бѣгло говорящій по-латыни. Когда же такой разборъ производится въ классѣ, учениками, то это бываетъ лишь самообманомъ: разбираются не латинскія слова, а подставляемыя вмѣсто нихъ русскія.

Возьмемъ латинскую фразу: Mores hominum artibus emolliuntur, и представимъ себѣ, что она еще не переведена нами, что мы еще не имѣемъ возможности вмѣсто латинскихъ словъ мысленно подставлять русскія. Намъ задана задача: сдѣлать синтаксическій разборъ, т.-е. узнать, какими словами и какіе члены предложенія обозначены. Мы уже не говоримъ объ абсурдности самой задачи— дѣлать разборъ, основанный на логическихъ отношеніяхъ представленій и понятій, когда самыхъ представленій и понятій нѣтъ, а есть только звуковыя сочетанія, не вызывающія никакихъ представленій. Какой матеріалъ данъ намъ для разбора? Даны корни, окончанія и звуковыя группы изъ корней и окончаній. По окончаніямъ мы можемъ кое о чемъ догадываться. Окончаніе *untur* обыкновенно принадлежитъ глаголамъ; глаголы обыкновенно бываютъ сказуемымъ; emolliuntur, должно-быть, есть сказуемое. Вотъ единственно доступныя намъ заключенія по данному намъ матеріалу. Ясно, что вѣроятность такихъ заключеній совершенно ничтожна. Еще труднѣе найти по окончанію подлежащее, такъ какъ всѣ три оставшіяся слова имѣютъ такія окончанія, которыя могутъ быть въ именительномъ падежѣ (*us*[1]), *um*, *es*). Нельзя думать, что разборъ облегчится съ подстановкою русскихъ значеній, послѣ справокъ въ словарѣ. Мы получимъ для второй взятой нами фразы такой наборъ словъ: хорошій, мнѣніе, человѣкъ, безопасный, деньги. Найти въ этомъ на-

---

[1]) Безъ справки въ словарѣ невозможно отличить, какое окончаніе въ словѣ artibus,—*ibus* или *us*.

борѣ словъ члены предложенія — это будетъ неразрѣшимая шарада. О такихъ упражненіяхъ нельзя говорить серьезно. Впослѣдствіи мы укажемъ, какую роль играетъ въ переводѣ угадываніе, которое является однимъ изъ упрощенныхъ пріемовъ перевода, основанныхъ на ассоціаціяхъ, и примѣнимо только послѣ пріобрѣтенія большихъ навыковъ въ переводѣ.

Другой характерною чертою выслѣженнаго нами процесса является то обстоятельство, что мы все время до послѣдняго акта имѣемъ дѣло только съ формальными функціями словъ, что смысла и логическихъ отношеній мы не знаемъ до тѣхъ поръ, пока не поставимъ рядомъ полученныхъ послѣ анализа русскихъ словъ. Переводъ и всѣ подготовительныя операціи до этого послѣдняго акта есть лишь работа надъ отдѣльными словами, работа этимологическая, безъ проникновенія въ смыслъ фразы, который проясняется только послѣ соединенія полученныхъ формъ въ одно цѣлое. Смыслъ фразы, заключенная въ ней мысль есть сразу, цѣликомъ возникающій результатъ работы надъ формальными функціями, если эта работа произведена методически и безъ ошибокъ. Нельзя думать, что, переводя фразу, мы постепенно вникали въ смыслъ. Постепенное проникновеніе въ смыслъ имѣетъ мѣсто только при переводѣ сложныхъ предложеній, которыя должны быть переведены по очереди: закончивши работу надъ формальными функціями словъ, составляющихъ одно предложеніе, мы узнаемъ смыслъ этого предложенія; то же дѣлаемъ съ другимъ, третьимъ и т. д. предложеніемъ; въ общемъ итогѣ эту постепенную работу можно назвать постепеннымъ проникновеніемъ въ смыслъ періода или сложнаго предложенія. Но въ примѣненіи къ одному предложенію смыслъ нельзя раздробить на куски и усвоивать по частямъ. Если мы будемъ брать послѣдовательно одно, два, три слова фразы (1. хорошее, 2. хорошее мнѣніе, 3. хорошее мнѣніе людей, 4. хорошее мнѣніе людей безопаснѣе), то у *насъ будетъ рядъ понятій, но не будетъ* мысли. Мысль получится только тогда, когда мы возьмемъ всѣ слова предложенія или, если не всѣ, то два главнѣй-

шихъ слова—подлежащее и сказуемое. Фраза: «хорошее мнѣніе людей безопаснѣе денегъ», есть логическое сужденіе, состоящее изъ субъекта: «хорошее мнѣніе людей», и предиката: «безопаснѣе денегъ». Узнать, усвоить мысль, заключенную въ фразѣ, можно не иначе, какъ ознакомившись съ субьектомъ и предикатомъ во всемъ ихъ составѣ. Но въ эту мысль можно проникать постепенно: можно начать съ грамматическаго подлежащаго и сказуемаго (т.-е. взять субъектъ и предикатъ безъ всякихъ дополненій, опредѣленій и т. д.). Мы получимъ сочетаніе: «мнѣніе безопасно» (съ замѣною сравнительной степени, невозможной безъ дополнительнаго слова «денегъ», положительною). Это сочетаніе тоже есть сужденіе, мысль, но очень далекая отъ той, которая заключена въ цѣлой фразѣ. Это мысль—неясная, неопредѣленная, вызывающая недоумѣніе. Съ добавленіемъ остальныхъ словъ она проясняется и дѣлается все опредѣленнѣе. Этотъ путь можно назвать постепеннымъ проникновеніемъ въ смыслъ. Но онъ, какъ видно изъ произведеннаго нами анализа умственнаго процесса, невозможенъ для переводчика, не пріобрѣтшаго еще большихъ навыковъ. Этотъ путь предполагаетъ умѣнье въ непереведенной и непонятой еще фразѣ сразу найти по догадкѣ, но безошибочно подлежащее и сказуемое.

Смыслъ, какъ мы видѣли, возникаетъ сразу, отъ механическаго соединенія отдѣльныхъ словъ, получившихся въ результатѣ методической работы надъ латинскими отдѣльными словами. Но всегда ли это бываетъ? всегда ли такое соединеніе даетъ осмысленную и точно соотвѣтствующую тексту фразу? Далеко не всегда. Мы еще не принимали въ расчетъ синтаксическихъ особенностей латинской грамматики.

При переводѣ фразы: Bona opinio и т. д., для слова pecunia въ результатѣ методической работы получился бы двойной переводъ: «деньги» и «деньгами». На третьей стадіи работы для слова pecunia мы получили бы три грамматическихъ понятія: 1. существительное перваго склоненія единственнаго числа именительнаго падежа, 2. существительное перваго склоненія единственнаго числа звательнаго

падежа, 3. существительное перваго склоненія творительнаго падежа. На четвертой стадіи, при перенесеніи этихъ понятій въ русскую систему, у насъ тоже получилось бы три грамматическихъ понятія; но двумъ первымъ изъ нихъ соотвѣтствуетъ одно и то же окончаніе, такъ что въ окончательномъ результатѣ получаются всего двѣ формы: «деньги» и «деньгами». Подставляя эти формы, мы получаемъ такое сочетаніе словъ:

«Хорошее мнѣніе людей безопаснѣе $\frac{\text{деньги}}{\text{деньгами}}$».

Фраза оказывается незаконченною и непонятной: для слова pecunia, очевидно, не годится ни тотъ ни другой переводъ. Вотъ тутъ-то и приходится прибѣгнуть къ латинскому синтаксису. Чтобы правильно перевести слово pecunia, для этого нужно знать синтаксическое правило относительно ablativus comparativus.

XIII.

Возникаетъ вопросъ, когда же и гдѣ при переводахъ является необходимость синтаксической справки. Пока отвѣтимъ на этотъ вопросъ въ общей формѣ: синтаксическая справка нужна тамъ, гдѣ намѣченная выше методическая работа по подбору и замѣнѣ этимологическихъ категорій не привела къ желанному результату, т.-е. не дала при соединеніи словъ смысла; синтаксическая справка нужна для того именно слова, которое не укладывается въ составляющееся сужденіе, которое при составленіи сужденія задерживаетъ нашу мысль, вызывая недоумѣніе. Эта задержка происходитъ оттого, что предшествующая методическая работа дала намъ не ту грамматическую категорію, которая требуется. Нужно найти новую категорію путемъ иной работы—путемъ синтаксической справки. Это несовпаденіе категорій является очевиднымъ доказательствомъ того, что латинскій синтаксисъ въ данномъ случаѣ разошелся съ русскимъ. Въ наличности мы имѣемъ лишь неразрѣшимое для насъ несовпаденіе окончаній, полученныхъ нами, съ тѣмъ неизвѣстнымъ пока для насъ окончаніемъ, которое требуется. Но эта самая этимологическая

проблема, и разрѣшается съ помощью синтаксической справки. Синтаксическіе законы устанавливаютъ условія для постановки тѣхъ или иныхъ этимологическихъ формъ. Синтаксическій законъ есть сужденіе, въ которомъ такому-то синтаксическому понятію приписываются такіе-то существенные признаки, главнѣйшимъ изъ которыхъ служитъ этимологическая форма, служащая для обозначенія этого синтаксическаго понятія. Послѣ синтаксической справки мы узнаемъ, какую именно этимологическую категорію мы должны взять въ замѣнъ категорій, полученныхъ нами путемъ методической работы и оказавшихся однако непригодными.

Детальный процессъ синтаксической справки состоитъ въ слѣдующемъ. Прежде всего, полученная путемъ методической работы форма, задерживая нашу мысль и внося нѣкоторый разладъ въ составляющееся сужденіе, вызываетъ въ насъ нѣкоторое недоумѣніе. Это душевное состояніе относится къ такъ называемымъ интеллектуальнымъ чувствамъ (чувство смущенія, недоумѣнія). За этимъ чувствомъ слѣдуетъ «моментъ вопроса», или «моментъ любопытства», по терминологіи Рибо[1]), когда мы задаемъ себѣ два вопроса: что это такое? и почему это? За этимъ проявленіемъ интеллектуальнаго чувства начинается умственная работа. Первая стадія ея состоитъ въ припоминаніи синтаксическаго правила изъ той области синтаксиса, которую мы назвали спеціально-латинскою. Это припоминаніе происходитъ съ помощью ассоціацій или съ помощью методическаго мышленія, если ассоціаціи не возникаютъ въ сознаніи. Мы уже указали, что составители грамматикъ обыкновенно стараются такъ излагать синтаксическія правила, чтобы у учащихся по возможности легче возникали ассоціаціи, чтобы правило легко вспоминалось при встрѣчѣ съ тѣми или иными словами. Правила излагаются обыкновенно по схемѣ: п р и томъ-то ставится то-то (или п о с л ѣ того-то ставится то-то). Эта схема имѣетъ въ виду облегчить возникновеніе ассоціаціи: при встрѣчѣ съ первымъ элементомъ долженъ механически возникнуть въ сознаніи и

[1]) *Психологія чувствъ*, 318.

второй элементъ. Грамматика, напримѣръ, учитъ, что ablativus comparativus ставится при сравнительной степени. Такое изложеніе имѣетъ въ виду представленіе объ ablativus comparativus соединить по ассоціаціи съ представленіемъ о сравнительной степени, такъ чтобы при мысли о послѣдней механически, невольно возникала мысль объ ablativus comparativus. Такимъ образомъ, чтобы устранить свое недоумѣніе и разрѣшить возникшіе въ умѣ вопросы, мы прежде всего должны прочитать внимательно всѣ слова латинской фразы, кромѣ слова, вызвавшаго недоумѣніе, въ надеждѣ, что какое-нибудь слово фразы или присущая ему грамматическая категорія вызоветъ, быть-можетъ, въ умѣ, по закону ассоціаціи, мысль о потребномъ синтаксическомъ законѣ. Въ разбираемой нами фразѣ такую ассоціацію должна вызвать категорія сравнительной степени, заключенная въ словѣ tutior. Послѣ первой неудачи мы повторяемъ попытку, перечитывая слова и мысленно перебирая заключенныя въ нихъ категоріи. При классной работѣ послѣ неудачныхъ мысленныхъ попытокъ ученика учитель можетъ остановить его вниманіе на томъ словѣ или на той грамматической категоріи слова, которыя должны, по его расчету, вызвать ассоціацію. Если ассоціаціи не возникаютъ, остается длинный окольный путь методическаго мышленія. Такъ какъ перебирать всю синтаксическую систему немыслимо, то задачей нашей въ этомъ случаѣ будетъ—какъ можно скорѣе попасть въ тотъ отдѣлъ синтаксиса, гдѣ находится потребное правило. Выполненію этой задачи много помогаетъ то обстоятельство, что синтаксическій матеріалъ въ учебникахъ грамматики обыкновенно бываетъ распредѣленъ по такимъ рубрикамъ, которыя какъ разъ соотвѣтствуютъ этимологическимъ категоріямъ, вызывающимъ наше недоумѣніе. Недоумѣнія могутъ вызвать этимологическія категоріи падежа (при имени) и наклоненіи или времени (при глаголѣ); а синтаксическій матеріалъ распредѣляется въ учебникахъ именно по падежамъ, временамъ и наклоненіямъ [1]). Если, напри-

[1]) **Такое распредѣленіе, однако, всегда бываетъ невыдержаннымъ до конца; такъ, о падежахъ герундія часто говорится особо, о вини-**

мѣръ, наше недоумѣніе вызвано встрѣчею въ латинскомъ текстѣ съ непереводимымъ творительнымъ падежомъ, то синтаксическое правило мы ищемъ не по всей системѣ синтаксиса, а прямо подъ рубрикою: «творительный падежъ».

Возвращаясь къ слову pecunia, мы видимъ, что по формѣ оно можетъ быть или именительнымъ падежомъ, или звательнымъ, или творительнымъ. Но предположеніе о звательномъ падежѣ мы можемъ откинуть уже a priori, до наведенія справокъ, въ силу нашего общаго убѣжденія, вынесеннаго даже изъ поверхностнаго знакомства съ латинскимъ синтаксисомъ, что въ употребленіи звательнаго падежа нѣтъ и не можетъ быть разногласія между русскимъ и латинскимъ языками.

Такимъ образомъ отвѣта на занимающій насъ вопросъ мы въ данномъ случаѣ ищемъ подъ рубриками: «именительный падежъ» и «творительный падежъ». Мы должны мысленно перебирать синтаксическія понятія, опредѣляемыя въ этихъ отдѣлахъ, пока не встрѣтимся съ такими признаками понятія, которые окажутся и въ данной латинской фразѣ. Два указанные отдѣла заключаютъ въ себѣ слѣдующіе грамматическіе законы[1]: 1) сказуемое при fio, evado и т. д. ставится въ именительномъ падежѣ; 2) дополненіе при глаголахъ «отдѣленія» на вопросъ: откуда? отъ кого? и т. д. ставится въ творительномъ падежѣ (abl. separationis); 3) дополненіе при глаголахъ: «освобождать» и др., ставится въ творительномъ падежѣ (abl. separationis); 4) при mihi opus est ставится творительный падежъ; 5) обстоятельственное слово, означающее ограниченіе или отношеніе и отвѣчающее на вопросъ: въ какомъ отношеніи? ставится въ творительномъ падежѣ (abl. limitationis); 6) при dignus и indignus ставится творительный падежъ; 7) обстоятельство или дополненіе, означающее орудіе или средство и отвѣчающее на вопросы: чѣмъ? черезъ что? ставится въ творительномъ падежѣ; 8) причина

тельномъ падежѣ при неопредѣленномъ наклоненіи говорится не въ отдѣлѣ падежей, а въ отдѣлѣ наклоненій, и т. д.

[1]) Будемъ придерживаться *классификаціи, принятой* въ грамматикѣ Никифорова.

или основаніе, особенно при страдательномъ залогѣ и при verba affectuum, обозначается творительнымъ падежомъ (abl. causae); 9) при сравнительной степени вмѣсто quam съ именительнымъ или винительнымъ падежомъ ставится творительный падежъ; 10) при сравнительной степени и т. д. на вопросъ: насколько? чѣмъ? ставится творительный падежъ; 11) при глаголахъ: emere и т. д. ставится творительный падежъ; 12) обстоятельство образа дѣйствія на вопросъ: какъ? какимъ образомъ? обозначается творительнымъ падежомъ; 13) качество предмета обозначается творительнымъ падежомъ существительнаго, соединеннаго съ опредѣлительнымъ словомъ; 14) мѣсто при totus и т. д. обозначается твор. падежомъ; 15) время обозначается твор. падежомъ. Изъ этого перечня видно, что большинство законовъ изложено съ такимъ расчетомъ, чтобы они вызывали механическія ассоціаціи; сюда относятся законы 1, 2, 3, 4, 6, 9, 10, 11 и 14; кромѣ того, ассоціація должна помогать также при 8 и 15 законахъ, хотя и не во всѣхъ случаяхъ примѣненія ихъ[1]). Всѣ эти законы построены по схемѣ: при томъ-то ставится то-то. При нашей первой попыткѣ вызвать ассоціаціи, т.-е. при перечитываніи латинской фразы, мы разсчитывали, что, встрѣтивъ въ фразѣ первый элементъ ассоціаціи, мы механически по закону ассоціаціи припомнимъ и второй элементъ. Но надежды наши не оправдались: сравнительная степень слова tutior проскользнула въ нашемъ сознаніи, не вызвавъ въ памяти другого элемента, который долженъ былъ бы быть связанъ по ассоціаціи съ представленіемъ о сравнительной степени. Потерпѣвъ неудачу, мы теперь начинаемъ систематическую работу и при томъ съ другого, такъ сказать, конца: мы начинаемъ мысленно перебирать по порядку всѣ *парныя представленія, связанныя по закону* ассоціаціи и входящія въ данный отдѣлъ синтаксиса, и продолжаемъ это мысленное перебираніе до тѣхъ поръ, пока въ какой-нибудь парѣ, въ качествѣ перваго элемента, не встрѣтимъ такого слова или такой грамматической ка-

[1]) При 15 законѣ ассоціацію можетъ вызвать самое латинское слово, подлежащее переводу (если оно само обозначаетъ время).

тегоріи, которая только что была наблюдена нами въ латинской фразѣ при нашей предшествующей работѣ [1]). Если искомый законъ принадлежитъ къ числу законовъ, разсчитанныхъ на ассоціацію, то эта работа должна въ концѣ концовъ непремѣнно привести насъ къ цѣли, потому что при данномъ условіи это единственный путь къ нашей цѣли. Если же мы систематически и безъ пропусковъ перебрали мысленно всѣ парныя представленія, разсчитанныя на ассоціацію, и все-таки не нашли подходящаго закона, то это значитъ, что искомый законъ не заключаетъ въ себѣ элементовъ для ассоціаціи, что онъ построенъ и изложенъ какъ-нибудь иначе. Въ приведенномъ нами перечнѣ законовъ объ употребленіи именительнаго и творительнаго падежей законы 5, 7, 12, 13 не заключаютъ въ себѣ элементовъ для ассоціаціи [2]). Спрашивается: какимъ же образомъ дѣлать выборъ между этими законами, не разсчитанными на ассоціацію? Какъ при переводѣ остановить свое вниманіе на такомъ законѣ, въ которомъ непримѣнима ассоціація? Какъ это ни странно, но мы должны отвѣтить, что критерія для выбора здѣсь нѣтъ и не можетъ быть, что предварительный выборъ здѣсь невозможенъ: мы должны просто перепробовать по порядку всѣ такіе законы, сдѣлать послѣдовательный опытъ примѣненія ихъ, пока при переводѣ не получимъ удовлетворительнаго смысла. И въ самомъ дѣлѣ, латинскій текстъ въ этихъ случаяхъ не заключаетъ въ себѣ никакого критерія для предварительнаго выбора того или иного закона: сколько бы мы ни всматривались въ латинское слово, мы не узнаемъ, служитъ ли оно, напримѣръ, для обозначенія отношенія или для обозначенія причины. Грамматика предлагаетъ различать виды падежей по вопросамъ; но этотъ критерій непримѣнимъ къ латинскому тексту:

---

[1]) Это *узнаваніе* элемента есть простѣйшій логическій актъ, не разложимый на другіе, болѣе простые. Если бы мы не узнавали тожественнаго, то *невозможно* было бы никакое накопленіе знаній.

[2]) Мы говоримъ о самыхъ законахъ, но не о приводимыхъ въ соотвѣтствующихъ параграфахъ примѣрахъ, выраженіяхъ и т. д., которые могутъ служить элементами для побочныхъ ассоціацій, хотя въ самомъ законѣ и нѣтъ такихъ элементовъ.

до перевода мы, несмотря ни на какія усилія, не сумѣемъ отличить abl. modi отъ abl. limitationis или qualitatis— по вопросамъ; до перевода всѣ виды творительнаго падежа отвѣчаютъ для насъ на одинъ вопросъ: кѣмъ? чѣмъ? Такъ какъ различать виды падежей по вопросамъ значитъ выслѣживать синтаксическую связь, основанную на логическихъ отношеніяхъ, то это различіе возможно только въ примѣненіи къ родному языку, къ тому языку, на которомъ мыслимъ. Различать виды падежей можно только послѣ перевода. Но какъ переводить безъ умѣнья различить эти виды? За отсутствіемъ критерія для выбора тутъ возможенъ лишь одинъ исходъ: приходится дѣлать пробные переводы, переходя отъ закона къ закону, пока фраза не получитъ удовлетворительнаго смысла.

Весь процессъ работы при выборѣ синтаксическаго правила можно представить въ слѣдующей схемѣ:

1. Перечитываніе фразы съ цѣлью вызвать въ памяти ассоціаціи [1]).

2. Послѣдовательное перебираніе въ умѣ парныхъ ассоціацій, относящихся къ извѣстному отдѣлу грамматики.

3. Поочередное пробное примѣненіе остальныхъ правилъ, не заключающихъ въ себѣ элементовъ для ассоціаціи.

Эти три ступени, какъ видно изъ предыдущаго, не являются обязательными стадіями работы: на вторую ступень мы переходимъ лишь при неуспѣшномъ примѣненіи перваго пріема; на третью ступень переходимъ лишь послѣ неудачнаго примѣненія перваго и второго пріемовъ работы. Наконецъ, если мы прошли всѣ три ступени и все-таки не достигли цѣли, то это значитъ, что промахъ нами сдѣланъ на второй ступени работы, гдѣ мы, очевидно, сдѣлали пропуски. Въ этомъ случаѣ приходится возвращаться на вторую ступень и продѣлывать соотвѣтственную

---

[1]) Сюда относятся не только тѣ ассоціаціи, которыя заключаются въ синтаксическомъ правилѣ, но и всякія другія, побочныя ассоціаціи, напримѣръ, ассоціаціи, основанныя на заучиваніи примѣровъ къ правиламъ, наиболѣе употребительныхъ оборотовъ, перечисляемыхъ при томъ или иномъ синтаксическомъ правилѣ, ассоціаціи, основанныя на соединеніи изучаемыхъ глаголовъ со стоящими при нихъ вопросами („освобождать отъ чего“, „лишать чего“, избирать кого во что“, и т. д.).

ей работу второй, третій разъ. Однако до перехода на третью ступень безполезно было бы повторять работу второй ступени, потому что на третьей ступени мы имѣемъ дѣло съ такими законами, съ которыми не могли встрѣтиться на первой и второй ступеняхъ, и поэтому, прежде чѣмъ повторять перебираніе ассоціацій, необходимо убѣдиться, что законы, которые относятся къ третьей ступени, непримѣнимы къ данному случаю. Съ другой стороны, при вторичномъ прохожденіи ступеней нѣтъ нужды переходить вторично на третью ступень: нужно, во что бы то ни стало, покончить дѣло на второй ступени.

XIV.

Успѣшность и быстрота работы зависятъ, какъ видно изъ предыдущаго, отъ степени закрѣпленія ассоціацій. Если ассоціаціи у ученика не закрѣплены, о такомъ ученикѣ мы говоримъ, что онъ плохо знаетъ грамматику. На первой ступени работы у такого ученика не возникаетъ ассоціацій: ему нужна постоянная помощь учителя, который подсказываетъ неукрѣпившіяся ассоціаціи; на второй ступени работы такой ученикъ, кромѣ возможности искаженія самыхъ грамматическихъ законовъ, дѣлаетъ постоянные пропуски при перебираніи парныхъ ассоціацій: онъ не въ силахъ умственно перебрать в с ѣ пары; а когда онъ пропускаетъ потребную ассоціацію, то вся дальнѣйшая его работа является безплодной. Къ довершенію бѣды, самъ онъ не замѣчаетъ пропусковъ. Чтобы поправить дѣло, для этого у него есть одно только средство—вторичная работа по тому же плану и въ той же послѣдовательности. Изъ разбора процесса работы, между прочимъ, видно, какъ важны для нея тѣ параграфы грамматики, въ которыхъ исчисляются виды того или иного падежа или всѣ значенія словъ, съ помощью которыхъ одно предложеніе подчиняется другому. Межъ тѣмъ въ учебникахъ грамматики такихъ параграфовъ, заключающихъ схемы, чаще всего вовсе нѣтъ, или они печатаются мелкимъ шрифтомъ,

какъ нѣчто неважное. Ученику самому приходится умственно составлять себѣ такія схемы и постоянно держать ихъ въ умѣ наготовѣ, потому что онѣ нужны при каждой синтаксической справкѣ, когда простое перечитываніе фразы не вызываетъ ассоціацій.

Припоминаніе синтаксическаго правила составляетъ первую стадію работы при синтаксической справкѣ. Второй стадіей является дедуктивное умозаключеніе, подводящее частный случай подъ общій законъ.

Синтаксическія понятія въ учебникахъ и въ школьной практикѣ обыкновенно обозначаются сокращенными терминами, указывающими на этимологическую категорію или служебную часть рѣчи, служащую для обозначенія логическихъ отношеній, и на синтаксическую роль этой этимологической категоріи или этой части рѣчи. Самыя синтаксическія правила въ изложеніи грамматикъ обыкновенно являются лишь опредѣленіями этихъ парныхъ терминовъ. Такое изложеніе имѣетъ въ виду механическія цѣли: законы въ такомъ видѣ легче заучивать и перечислять. Но для мыслительной работы, происходящей при переводѣ, это изложеніе совершенно неудобное: для этой работы намъ приходится предварительно дѣлать такъ называемое «обращеніе» сужденій, т.-е. перемѣщеніе подлежащаго на мѣсто сказуемаго и обратно. И въ самомъ дѣлѣ, грамматика излагаетъ, напримѣръ, такимъ образомъ правило: «abl. pretii обозначаетъ цѣну при глаголахъ: emere, vendere и т. д.» Но въ такомъ изложеніи мы не можемъ пользоваться этимъ правиломъ при нашей мыслительной работѣ, потребной для перевода: для насъ «abl. pretii» есть пока лишь нѣкоторый *x*, неизвѣстная величина, которая не можетъ быть исходнымъ пунктомъ для нашихъ разсужденій, какъ это оказывается въ изложенномъ правилѣ, гдѣ этотъ *x* есть подлежащее сужденія. Послѣ логическаго «обращенія» правило получаетъ такой видъ: «дополненіе при глаголахъ: emere, vendere и т. д., обозначающее цѣну, ставится въ творительномъ падежѣ», который и называется abl. pretii. Въ такомъ именно видѣ это правило и должно было получиться въ то время, когда оно добывалось индуктивнымъ

путемъ изъ анализа рѣчи; въ такомъ же видѣ оно должно быть и тогда, когда вносится въ систему синтаксиса и предназначается для опредѣленія синтаксической категоріи (категорія эта—«дополненіе»). Но и въ этомъ видѣ правило это еще не совсѣмъ удобно для нашей цѣли: пока мы не опредѣлили синтаксической категоріи, пока находимся еще на пути поисковъ, правило для насъ является лишь въ видѣ условнаго сужденія такого рода: «если слово есть дополненіе, стоящее при глаголахъ: emere, vendere и т. д., и обозначающее цѣну, то оно ставится въ творительномъ падежѣ». Эта формула и есть наиболѣе точное и детальное обозначеніе синтаксическаго закона, наиболѣе соотвѣтствующее самому логическому процессу.

Какимъ образомъ составляется дедуктивное умозаключеніе, подводящее частный случай, т.-е. переводимое нами слово, подъ общій законъ? Заключеніе будетъ, конечно, итти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Что намъ извѣстно о данномъ частномъ случаѣ? Только то, что переводимое слово стоитъ въ такомъ-то падежѣ. Если слово раньше оказывалось сходнымъ по окончанію съ нѣсколькими различными падежами, то эта дилемма разрѣшается обыкновенно въ тотъ моментъ, когда мы припоминаемъ по ассоціаціи правило, потому что правило относится къ одному опредѣленному падежу. Такъ слово pecunia по окончанію могло быть или именительнымъ, или звательнымъ, или творительнымъ падежомъ; но представленіе о сравнительной степени слова tutior, вызвавъ собою представленіе о творительномъ падежѣ, а не о звательномъ или именительномъ, разрѣшило эту дилемму, и мы знаемъ теперь или, по крайней мѣрѣ, временно предполагаемъ, что pecunia стоитъ въ творительномъ падежѣ. Такимъ образомъ исходнымъ пунктомъ для нашего умозаключенія будетъ тотъ фактъ, что переводимое слово стоитъ въ такомъ-то падежѣ, и умозаключеніе будетъ имѣть форму условнаго силлогизма по слѣдующей схемѣ:

Общій законъ: Если слово есть такой-то членъ предложенія съ такимъ-то значеніемъ, то оно ставится въ такомъ-то падежѣ.

Частный случай: Переводимое слово стоитъ какъ разъ въ этомъ падежѣ.

Заключеніе: Переводимое слово есть такой-то членъ предложенія съ такимъ-то значеніемъ.

Является вопросъ: насколько цѣнны заключенія, проведенныя по этой схемѣ? Они не имѣли бы никакой цѣны, если бы мы ихъ примѣняли не въ области грамматическихъ правилъ, а въ какой-нибудь иной области. И въ самомъ дѣлѣ, по законамъ логики, въ условныхъ силлогизмахъ можно умозаключать только лишь отъ утвержденія основанія (условія) къ утвержденію слѣдствія или отъ отрицанія слѣдствія къ отрицанію основанія (условія); умозаключеніе же отъ утвержденія слѣдствія къ утвержденію условія можетъ вести къ ошибочнымъ выводамъ, потому что, если я утверждаю, что данное слѣдствіе произошло, то это не значитъ, что оно порождено данной именно причиной: оно могло произойти и отъ другихъ причинъ, пока мнѣ неизвѣстныхъ. Вѣроятность получить здѣсь правильный выводъ зависитъ отъ количества причинъ, которыя могли бы произвести данное слѣдствіе. Когда мы этихъ причинъ не знаемъ и не можемъ учесть ихъ, нашъ выводъ не имѣетъ никакого логическаго значенія. Но въ разбираемой нами области нѣтъ этой неопредѣленности. Правда, если мы возьмемъ, напримѣръ, глаголы: emere, vendere и другіе, то при нихъ [1]) можетъ оказаться въ фразѣ не только gen. pretii, но и какой-нибудь другой родительный падежъ; но дѣло въ томъ, что всѣ другіе родительные падежи *или вовсе не вызовутъ синтаксической справки*, вслѣдствіе совпаденія ихъ съ русскими формами, или войдутъ въ другія ассоціаціи съ другими словами фразы и будутъ объяснены съ помощью другихъ законовъ. Если при глаголахъ: emere, vendere и др., окажется въ фразѣ родительный падежъ, не переводимый родительнымъ же па-

---

[1]) Не нужно забывать, что ассоціація подтверждаетъ только сосуществованіе *явленій*, а не *причинную* ихъ связь. О томъ, *зависитъ* ли gen. pretii отъ глагола emere или vendere, мы узнаемъ только *послѣ* перевода; до перевода мы знаемъ лишь то, что gen. pretii стоитъ *при* глаголѣ emere или vendere, т.-е. стоитъ рядомъ или вообще въ той же фразѣ.

дежомъ и не соединяемый по ассоціаціи съ другими словами фразы, то этотъ родительный непремѣнно будетъ gen. pretii, потому что выдержанность и систематичность грамматики въ томъ и заключается, что въ ней для каждаго несовпаденія указывается по возможности своя особая причина. А разъ правила по возможности такъ изложены, чтобы для каждаго слѣдствія была своя особая причина, то является большая возможность дѣлать правильные выводы, умозаключая отъ утвержденія слѣдствія къ утвержденію условія. Если же выводъ сдѣланъ неправильный, если слѣдствіе произошло не отъ той причины, которой мы его приписали, то наше заблужденіе тотчасъ же должно обнаружиться. Дѣло въ томъ, что за дедуктивнымъ умозаключеніемъ тотчасъ же должна слѣдовать повѣрка его. Повѣрка будетъ состоять въ той заключительной работѣ, которая и является переводомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова.

При синтаксическихъ справкахъ намъ приходится имѣть дѣло исключительно съ тѣми законами, которые относятся къ области спеціально латинской части синтаксиса и въ примѣненіи которыхъ латинскій языкъ расходится съ русскимъ. Законы эти даютъ указаніе, какъ синтаксическое понятіе одного языка замѣнить синтаксическимъ понятіемъ другого языка. Каждый законъ устанавливаетъ смысловое тожество между двумя синтаксическими понятіями, латинскимъ и русскимъ, хотя эти понятія и выражаются съ помощью различныхъ этимологическихъ категорій. Дедуктивное умозаключеніе привело насъ къ выводу, что переводимое слово есть такой-то членъ предложенія съ такимъ-то значеніемъ. Этотъ выводъ съ переводимаго слова долженъ быть распространенъ и на искомое русское слово, потому что устанавливаемая имъ синтаксическая категорія основана на логическихъ отношеніяхъ между словами, а отношенія эти должны быть одинаковы и въ переводимой латинской фразѣ и въ получаемой при переводѣ русской фразѣ. Теперь спрашивается: *какими этимологическими категоріями обозначить въ русскомъ языкѣ установленный нами членъ предложенія?* Грамматика далеко не всегда даетъ на этотъ вопросъ категорическій отвѣтъ. Чаще всего

она довольствуется лишь тѣмъ, что намѣчаетъ возможные пути, предоставляя переводчику руководиться своимъ собственнымъ знаніемъ родного языка и своими стилистическими навыками и стилистическимъ чутьемъ. Она, вообще говоря, даетъ переводчику слѣдующія вспомогательныя средства: 1) указываетъ вопросъ, на который должно отвѣчать искомое русское слово [1]; 2) указываетъ способъ перевода, если этотъ способъ есть единственно возможный; 3) даетъ нѣсколько способовъ для употребленія ихъ ad libitum, не устанавливая между ними разницы; 4) исчисляетъ примѣрные способы, предоставляя переводчику придумывать и другіе; 5) исчисляетъ наиболѣе употребительные обороты, гдѣ примѣняется данное правило; 6) приводитъ нѣсколько выраженій (парныхъ сочетаній) съ соотвѣтствующимъ переводомъ.

Лучшимъ вспомогательнымъ средствомъ является первое изъ указанныхъ: оно даетъ переводчику точный путь и въ то же время большую свободу въ выборѣ оборотовъ; но зато оно предполагаетъ въ переводчикѣ стилистическіе навыки и стилистическое чутье, обусловленное хорошимъ знакомствомъ со всѣмъ разнообразіемъ и богатствомъ оборотовъ родной рѣчи. Второй способъ прямо ведетъ къ цѣли; но зато часто, вслѣдствіе ошибочнаго взгляда грамматикъ, вноситъ въ стиль переводчика шаблонное и ненужное единообразіе. Если, напримѣръ, грамматика ошибочно учитъ, что gen. partitivus переводится всегда съ помощью предлога «изъ», то этимъ она устанавливаетъ для ученика ненужный шаблонъ, а изобиліе такихъ шаблоновъ, искусственно созданныхъ латинскими грамматиками, дѣлаетъ рѣчь переводчика безцвѣтною и однообразною. Это изобиліе шаблоновъ и создало тотъ невыносимый школьный жаргонъ, на которомъ пишутся школьныя латинскія хрестоматіи и

---

[1]) Вопросъ грамматики часто относятъ не къ русскимъ словамъ, а къ переводимымъ латинскимъ; напримѣръ, грамматики говорятъ такъ: abl. separationis ставится на вопросъ: отъ чего? abl. auctoris ставится на вопросъ: кѣмъ? и т. д. Но это, конечно, большое недоразумѣніе: pugna въ выраженіи: prohibere pugna, отвѣчаетъ на вопросъ: qua re? т.-е. *чѣмъ?* а не: *отъ чего?* abl. auctoris отвѣчаетъ на вопросъ: a quo? т.-е. *отъ кого?* а не: *кѣмъ?* и т. д.

подстрочники. Остальные исчисленные нами способы, руководящие ученикомъ только въ извѣстныхъ случаяхъ и не дающіе ему точныхъ критеріевъ, разсчитаны главнымъ образомъ на стилистическіе навыки переводчика, пріобрѣтенные имъ путемъ практическаго изученія родной рѣчи. Это умѣнье руководиться своими стилистическими навыками, пріобрѣтенными изъ практическаго изученія родной рѣчи, мы и называемъ *стилистическимъ чутьемъ*. Такимъ образомъ, длинная методическая работа черезъ многочисленныя ступени привела насъ къ такому предѣлу, гдѣ грамматика уже мало намъ помогаетъ, гдѣ, оставивъ ее въ сторонѣ, мы должны руководиться часто лишь своимъ чутьемъ *и своими практическими* навыками въ русской рѣчи. Этотъ неожиданный исходъ объясняется недостаточною разработанностью русскаго синтаксиса падежей и возможностью на практикѣ обходиться безъ теоретическаго ученія о падежахъ въ русской рѣчи.

Въ старинныхъ русскихъ грамматикахъ (напр., въ синтаксисѣ Говорова) были обширные отдѣлы, трактующіе объ употребленіи падежей; но потомъ эти отдѣлы исчезли изъ учебниковъ за ненадобностью: при сокращеніи школьнаго курса русской грамматики нашли возможность обойтись безъ этихъ отдѣловъ, такъ какъ они не учили правописанію и, кромѣ систематизаціи грамматическихъ явленій, не давали никакихъ новыхъ знаній ученику, практически изучившему строй родной рѣчи. Теперешній русскій школьникъ не изучаетъ синтаксиса русскихъ падежей и, приступая къ изученію латинскаго синтаксиса падежей, не имѣетъ, въ сущности, русской системы для сопоставленія ея съ латинскою; онъ практически умѣетъ употреблять всѣ разновидности русскихъ падежей, но не умѣетъ связать всѣ эти знанія въ систему. *Родному языку мы учимся* не изъ грамматики; прежде чѣмъ приступить къ грамматикѣ, мы бываемъ уже знакомы съ явленіями, изучаемыми въ грамматикѣ: мы склоняемъ, спрягаемъ, согласуемъ и т. д., не имѣя еще понятія о грамматической терминологіи *и системѣ. Вслѣдствіе этого же, изучая* грамматику, мы можемъ довольствоваться въ ней приблизительными

обобщеніями, можемъ устанавливать группы безъ точныхъ критеріевъ. Но картина совершенно мѣняется, какъ только ту же русскую грамматику начинаетъ изучать, напримѣръ, нѣмецъ, т.-е. какъ только грамматику начинаютъ изучать съ цѣлью пользоваться ею для переводовъ. Русскій человѣкъ можетъ довольствоваться приблизительнымъ обобщеніемъ, что, напримѣръ, слова на ъ имѣютъ въ родительномъ множественнаго числа то *овъ*, то просто ъ; но для иностранца это правило совершенно безполезно: ему нуженъ точный критерій, нужно точно знать, какія же именно слова имѣютъ окончаніе *овъ* и какія — ъ. Образованный русскій человѣкъ можетъ совершенно не знать никакихъ «правилъ» о русскомъ удареніи, о томъ, какъ отъ неопредѣленнаго наклоненія глагола образовать настоящее время изъявительнаго наклоненія или отъ несовершеннаго вида видъ совершенный, и т. д. Но иностранецъ [1]), изучающій русскую грамматику для пользованія ею при переводахъ, долженъ имѣть для всѣхъ такихъ случаевъ точныя правила и точные критеріи, а иначе изученіе не приведетъ его къ цѣли.

Вообще можно сказать, что необходимость точныхъ правилъ и точныхъ критеріевъ возникаетъ съ того момента, какъ грамматика начинаетъ изучаться для переводовъ. Русская школьная грамматика у насъ никогда не изучалась и не разрабатывалась съ этою цѣлью, а межъ тѣмъ ученикамъ нашей средней школы постоянно приходится переводить: за неимѣніемъ точныхъ критеріевъ и незнаніемъ системы имъ приходится руководиться чутьемъ и практическими навыками. Но было бы, конечно, гораздо лучше, если бы они знали систему и имѣли критеріи, если бы они могли руководиться грамматикою или, по крайней мѣрѣ, справляться съ нею въ случаѣ затрудненій

[1]) Этимъ и объясняется тотъ странный на первый взглядъ фактъ, что, напр., у нѣмцевъ русская грамматика детальнѣе и точнѣе разработана, чѣмъ въ нашихъ *безчисленныхъ учебникахъ русской грамматики*. Мы имѣемъ въ виду пользующіяся всемірною извѣстностью руководства по оригинальной методѣ Туссэна-Лавгеншейдта. Руководство для изученія русскаго языка (Brieflicher Sprach-und-Sprech-Unterricht für das Selbsstudium der russischen Sprache) составлено Гарбелемъ, Блатнеромъ и пишущимъ эти строки.

на практикѣ. Эта разработка грамматики пока еще — дѣло отдаленнаго будущаго. Этимъ вопросомъ пока еще не заинтересованы ни спеціалисты, изучающіе русскую грамматику научно, ни составители русскихъ грамматикъ, ни составители латинскихъ. Наши латинскія грамматики доселѣ являются лишь простымъ переводомъ нѣмецкихъ руководствъ: ихъ «приспособленія» и «примѣненія» касаются лишь мелочей. Онѣ учатъ тому, гдѣ ставить такой-то падежъ, такое-то время или наклоненіе, и т. д., т.-е. учатъ тому, какъ переводить съ русскаго языка на латинскій, а не тому, какъ съ латинскаго переводить на русскій. Русскую рѣчь онѣ берутъ какъ нѣчто уже готовое, составленное, уложившееся въ формы, какъ нѣчто такое, что требуется перевести на латинскій языкъ. Наоборотъ, реформированная грамматика должна учить искусству переводить съ латинскаго на родной языкъ: она должна учить тому, какъ, на основаніи анализа латинской рѣчи, строить русскую рѣчь. Если исходить изъ этого принципа, то наша обычная учебная латинская грамматика, особенно въ ея синтаксической части, должна быть пересмотрѣна и передѣлана съ начала до конца.

Повѣрка дедуктивнаго вывода, какъ мы сказали, заключается въ послѣднемъ актѣ нашей работы, въ переводѣ. Латинская грамматика или нашъ собственный навыкъ и чутье подсказываютъ намъ, что установленный нами членъ предложенія долженъ быть въ русской фразѣ выраженъ съ помощью такой-то этимологической категоріи, т.-е. такимъ-то падежомъ, безъ предлога или съ предлогомъ. Мы беремъ русское слово въ этой категоріи и вставляемъ его въ возникающую русскую фразу. При вставленіи возникаетъ смыслъ, или смысла не возникаетъ; это и есть провѣрка вывода. Если смысла не получилось, то, значитъ, наше дедуктивное умозаключеніе было невѣрное. Въ этомъ случаѣ намъ приходится обратиться къ другому синтаксическому закону, сдѣлать новое умозаключеніе съ новою повѣркою, и т. д.

Отправнымъ пунктомъ, приведшимъ насъ къ дедуктивному умозаключенію, была ассоціація. При примѣненіи

же законовъ, въ которыхъ не содержится элементовъ для ассоціацій, у насъ не будетъ и дедуктивныхъ умозаключеній. Эти законы мы будемъ перебирать безъ всякаго критерія, просто по очереди, и при каждомъ будемъ дѣлать пробный переводъ, пока возникшій смыслъ не убѣдитъ насъ, что мы нашли вѣрный путь.

Мы прослѣдили процессъ синтаксической справки относительно падежа, вызываемой несовпаденіемъ въ управленіи словъ. Что касается согласованія словъ, то, хотя законы согласованія одни и тѣ же въ обоихъ языкахъ, но результаты согласованія получаются не одни и тѣ же. Латинское прилагательное, согласованное въ родѣ и падежѣ съ латинскимъ существительнымъ, часто приходится замѣнять русскимъ прилагательнымъ, стоящимъ совершенно въ другомъ родѣ и падежѣ. Надъ прилагательнымъ было бы безполезно сполна производить всю ту работу, которую мы намѣтили для существительнаго. Такъ какъ этимологическія категоріи согласуемыхъ словъ всецѣло опредѣляются категоріями тѣхъ словъ, съ которыми производится согласованіе, то, очевидно, мы должны прежде покончить всю свою работу съ этими послѣдними словами, съ словами опредѣляемыми, и только послѣ этого производить согласованіе, т.-е. ставить русское согласуемое слово въ томъ родѣ, числѣ и падежѣ, въ какихъ стоитъ русское опредѣляемое слово. Иначе сказать, всякое латинское слово, измѣняющееся по родамъ: прилагательное, причастіе, порядковое числительное, согласуемое мѣстоименіе,—требуетъ отъ насъ на извѣстной стадіи работы выжиданія, остановки. Эту остановку лучше всего произвести послѣ второй стадіи намѣченной нами работы, не переступая на третью стадію, т.-е. не внося еще переводимаго слова въ латинскую грамматическую систему. Это можно рекомендовать особенно потому, что внесеніе согласуемаго слова, взятаго отдѣльно, безъ опредѣляемаго слова, въ грамматическую систему лишь въ рѣдкихъ случаяхъ дастъ намъ сразу пригодный для насъ результатъ. Не нужно забывать, что склоненіе прилагательнаго, причастія или измѣняемаго по родамъ числительнаго и мѣстоименія обыкновенно совмѣщаетъ въ

себѣ нѣсколько парадигмъ (двѣ или три), такъ что въ общемъ итогѣ получается много сходныхъ формъ и, значитъ, много грамматическихъ понятій, безъ возможности сдѣлать между ними выборъ. Если бы, переводя сочетаніе: bona opinio, мы пытались внести форму bona въ систему латинской грамматики, то у насъ получилось бы 6 грамматическихъ понятій: 1) именительный падежъ женскаго рода единственнаго числа, 2) звательный падежъ женскаго рода единственнаго числа, 4) именительный падежъ средняго рода множественнаго числа, 5) винительный падежъ средняго рода множественнаго числа, 6) звательный падежъ средняго рода множественнаго числа. Не имѣя пока возможности сдѣлать выборъ, мы принуждены были бы держать въ умѣ эти шесть понятій до тѣхъ поръ, пока не будетъ окончена наша работа надъ опредѣляемымъ словомъ. Гораздо поэтому практичнѣе, не переходя на третью ступень, остановиться въ выжидательномъ положеніи на второй. Выписавши изъ словаря латинское слово и убѣдившись, на основаніи заключенія по аналогіи, что переводимое слово есть слово, измѣняющееся по родамъ, мы должны оставить на время его совершенно въ сторонѣ и заняться работой надъ другими словами, въ числѣ которыхъ окажется потомъ и слово опредѣляемое. При вторичномъ возвращеніи къ согласуемому слову намъ прежде всего представится вопросъ: съ чѣмъ согласовано это слово? Въ лучшемъ случаѣ опредѣляемое слово будетъ стоять рядомъ съ словомъ сказуемымъ, но оно можетъ оказаться и далеко отъ него, даже въ другой фразѣ, отдѣленной точкою отъ переводимой фразы. Спрашивается: какъ найти это опредѣляемое слово?

Если согласуемое слово уже раньше, до остановки, введено нами въ грамматическую систему и если мы помнимъ рядъ грамматическихъ понятій, которымъ оно можетъ соотвѣтствовать, то намъ остается брать эти понятія по очереди и каждое сопоставлять съ оказавшимися въ фразѣ именами существительными, начиная съ ближайшихъ, пока не встрѣтимъ совпаденія категорій, т.-е. пока категоріи согласуемаго слова не окажутся въ наличности у какого-

нибудь имени существительнаго. Путь этотъ, какъ видно, очень длинный. Проще обстоитъ дѣло, если согласуемое слово мы еще не ввели въ систему. Въ этомъ случаѣ мы начнемъ сопоставленія съ обратнаго конца—не съ согласуемаго слова, а съ именъ существительныхъ. Перебирая ихъ, начиная съ ближайшихъ, мы будемъ брать у каждаго три его категоріи—категорію рода, числа и падежа и дѣлать отъ нихъ заключеніе о согласуемомъ словѣ. Заключеніе это будетъ производиться по слѣдующей схемѣ:

Если данное слово согласовано съ именемъ существительнымъ, то оно стоитъ въ такомъ-то родѣ, числѣ и падежѣ.

Если оно стоитъ въ такомъ-то родѣ, числѣ и падежѣ, то оно должно имѣть такое-то окончаніе (грамматическій законъ, заключенный въ парадигмѣ).

Оно имѣетъ это самое окончаніе.

Слѣдовательно, оно стоитъ въ такомъ-то родѣ, числѣ и падежѣ и согласовано съ именемъ существительнымъ.

Схема эта представляетъ двойной условный силлогизмъ. Въ той и другой его половинѣ мы заключаемъ отъ утвержденія слѣдствія къ утвержденію условія. Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь тотъ же самый процессъ, который примѣнялся нами при синтаксической справкѣ о падежѣ. Мы уже говорили о малой цѣнности выводовъ по этой схемѣ. Мы сказали, что вѣроятность получить правильный выводъ здѣсь зависитъ отъ количества причинъ, которыя могли бы произвести данное слѣдствіе. Въ разбираемомъ нами случаѣ что условіе весьма благопріятное. Другихъ причинъ, которыя могли бы произвести данное слѣдствіе, т.-е. данную форму согласуемаго слова, въ этомъ случаѣ почти никогда не бываетъ. Согласованіе и есть тотъ способъ, посредствомъ котораго говорящій отмѣчаетъ, что изъ многихъ существительныхъ, стоящихъ въ данной и предшествующей фразѣ, разбираемое слово относится къ одному лишь такому-то. Если бы оно могло относиться и къ другому, третьему и т. д., то фраза была бы двусмысленной и даже непонятной. Въ обычной, правильно построенной рѣчи не можетъ быть д в у х ъ причинъ, вызвавшихъ данную форму согласуемаго слова; поэтому и заключенія

наши отъ слѣдствія къ причинѣ здѣсь, въ примѣненіи къ согласованію, даютъ почти всегда вѣрный выводъ. Выводъ этотъ подвергается повѣркѣ, которая и составляетъ послѣднюю стадію работы—переводъ въ тѣсномъ смыслѣ. Возникновеніе смысла служитъ доказательствомъ вѣрности вывода. При переводѣ мы, игнорируя всѣ грамматическія категоріи латинскаго согласуемаго слова, просто согласуемъ русское слово съ русскимъ именемъ существительнымъ.

При переводѣ мѣстоименій, замѣняющихъ имя существительное и согласуемыхъ только въ родѣ и числѣ, примѣняется обыкновенно болѣе упрощенный пріемъ. Такъ какъ имя, къ которому относится такое мѣстоименіе, обыкновенно стоитъ довольно далеко впереди мѣстоименія и часто даже въ другой фразѣ, то разыскать сразу это имя, до перевода всей фразы, довольно трудно. Поэтому мы съ такимъ мѣстоименіемъ обращаемся обыкновенно, какъ съ именемъ существительнымъ, т.-е. при переводѣ его, не задаваясь вопросомъ о согласованіи, прямо подставляемъ тѣ грамматическія категоріи, которыя находимъ въ латинскомъ мѣстоименіи; напримѣръ, формы eos, eas, ea переводимъ словомъ «ихъ», не обращая вниманія на то, съ чѣмъ эти латинскія слова согласованы. Возможность употреблять такой грубый пріемъ вытекаетъ изъ того, что категоріи числа въ русскомъ и латинскомъ языкахъ здѣсь обыкновенно совпадаютъ, а кромѣ того, въ русскомъ языкѣ вслѣдствіе совпаденія мужескаго и средняго родовъ въ единственномъ числѣ и всѣхъ трехъ родовъ во множественномъ числѣ нѣтъ нужды въ примѣненіи къ этимъ формамъ различать родъ. *Возможныя ошибки здѣсь исправляются послѣ окончательнаго перевода фразы*: когда вслѣдствіе ошибки не *возникаетъ смысла (напр., если въ дѣйствительности нѣтъ* предполагаемаго нами совпаденія категорій числа, если ea *мы перевели «ихъ», а межъ тѣмъ это слово относится* къ слову castra), то мы разыскиваемъ, съ какимъ существительнымъ должно быть согласовано въ родѣ и числѣ переводимое мѣстоименіе, и исправляемъ свою ошибку.

XV.

Доселѣ мы говорили объ именныхъ формахъ. При переводѣ глагольныхъ формъ процессъ, какъ мы уже указывали выше, остается тотъ же; но нѣкоторыя категоріи латинскаго глагола могутъ не совпадать при переводѣ съ категоріями русскаго глагола. Является вопросъ: какъ поступить въ этихъ случаяхъ несовпаденія? нужны ли здѣсь, какъ при переводѣ именъ, синтаксическія справки? Несовпаденіе можетъ касаться категоріи залога, наклоненія и времени. Несовпаденіе залога[1]) есть, однако, явленіе довольно рѣдкое и исключительное. Оно наблюдается лишь при употребленіи безличныхъ формъ страд. залога отъ нѣкоторыхъ verba intransitiva. О немъ можно сказать все то, что мы говорили объ исключеніяхъ: при нашей обычной работѣ надъ переводомъ глагольныхъ формъ намъ нѣтъ нужды помнить объ этомъ исключеніи и принимать мѣры противъ возможной ошибки, потому что вѣроятность этой ошибки совершенно ничтожна. Ошибку даже прямо можно назвать невѣроятной, такъ какъ латинскія глагольныя формы въ данномъ случаѣ являются настолько необычными для русскаго человѣка, что неизбѣжно вызываютъ въ немъ недоумѣніе, остановку, которая и разрѣшается справкою въ парадигмѣ или припоминаніемъ соотвѣтствующаго правила. Что касается латинскихъ отложительныхъ глаголовъ, то они спрягаются по особой парадигмѣ, отличной отъ genus activum и genus passivum; поэтому при встрѣчѣ съ отложительнымъ глаголомъ мы должны совершенно игнорировать категорію залога, что при небольшой привычкѣ легко и достигается нами. Если при справкѣ въ словарѣ оказывается, что глаголъ оканчивается на *or*, то это значитъ, что мы въ дальнѣйшей работѣ имѣемъ право совершенно игнорировать категорію залога и можемъ прямо брать стоящій въ словарѣ русскій глаголъ, не заботясь о выборѣ залога.

---

[1]) Мы говоримъ о формальной категоріи (genus activum и genus passivum).

Гораздо сложнѣе обстоитъ дѣло съ постановкою наклоненій и временъ. Тутъ мы прежде всего должны выдѣлить два совершенно спеціальныхъ латинскихъ оборота: ablativus absolutus [1]) и acc. или nom. cum infinitivo.

При переводѣ этихъ оборотовъ работа на первыхъ трехъ стадіяхъ идетъ обычнымъ порядкомъ. На четвертой стадіи, при попыткахъ замѣнить латинское грамматическое понятіе соотвѣтственнымъ русскимъ, мы сталкиваемся съ непреодолимымъ затрудненіемъ (у насъ не возникаетъ смысла). По обычному ходу работы это затрудненіе должно было бы заставить насъ дѣлать синтаксическую справку. Такъ какъ разборъ оборота мы начали бы съ перваго слова, т.-е. съ подлежащаго этихъ оборотовъ, то за синтаксической справкою мы должны были обратиться къ отдѣлу о творительномъ или винительномъ падежѣ. Но при обычномъ изложеніи грамматиками синтаксическаго матеріала наши самыя тщательныя справки въ этихъ отдѣлахъ ни къ чему не привели бы: мы тамъ не нашли бы нужной разновидности падежа, и наша работа пропала бы даромъ. Дѣло въ томъ,что эти разновидности помѣщаются обыкновенно въ другомъ мѣстѣ системы, и самый процессъ работы, соотвѣтствующій четвертой стадіи, здѣсь идетъ совершенно иначе. Въ грамматикахъ подробно излагается процессъ перевода разбираемыхъ оборотовъ, и мы здѣсь не будемъ его анализировать—тѣмъ болѣе, что главнѣйшія трудности при переводѣ этихъ оборотовъ касаются стиля, а не грамматическихъ явленій. Чтобы не пускаться въ излишніе поиски, чтобы сразу воспользоваться предлагаемыми въ грамматикахъ пріемами перевода, для этого нужно умѣнье какъ можно скорѣе узнавать эти обороты. Въ правила относительно acc. и nom. c. infinitivo грамматики пытаются всегда внести элементы для ассоціаціи, такъ чтобы переводчикъ узнавалъ этотъ оборотъ по тѣмъ глаголамъ, отъ которыхъ онъ зависитъ. Но эти ассоціаціи помогаютъ сравнительно рѣдко: вслѣдствіе большого изобилія и трудности

[1]) **Мы уже указывали, что причастіе по своей грамматической роли должно въ парадигмѣ стоять въ одномъ рангѣ съ наклоненіями.**

сгруппировать въ стройную систему управляющіе глаголы ассоціаціи эти бываютъ прочны только для очень немногихъ глаголовъ, чаще другихъ встрѣчающихся[1]). Лучшимъ критеріемъ для узнаванія оборотовъ acc. и nom. c. infinitivo служитъ, конечно, самое неопредѣленное наклоненіе, особенно infinitivus perfecti и futuri. Въ парадигмѣ спряженія должно быть помѣчено, что infinitivus perfecti и futuri переводится только съ помощью союза что и изъяв. наклоненія, такъ чтобы у учениковъ возникла прочная ассоціація, соединяющая представленіе объ этихъ формахъ съ представленіемъ объ acc. и nom. c. infinitivo, чтобы ученики были убѣждены, что, разъ они встрѣчаютъ одну изъ этихъ формъ, то, значитъ, имѣютъ дѣло съ указанными оборотами. Кромѣ того, въ парадигмѣ рядомъ съ формой, составленной съ помощью глагола esse, должна стоять и простая (ornaturum esse и просто ornaturum, ornatum esse и ornatum). Труднѣе узнать оборотъ, когда въ немъ стоитъ infinitivus praesentis, такъ какъ эта форма играетъ въ грамматикѣ иныя роли. Въ этомъ случаѣ, если не поможетъ ассоціація, вызванная управляющимъ глаголомъ, ученику часто приходится дѣлать пробный переводъ (съ помощью винительнаго же падежа) и искать, отъ чего зависитъ винительный падежъ, и только безплодныя попытки убѣждаютъ его, что онъ имѣетъ дѣло съ независимымъ винительнымъ падежомъ. Послѣ небольшой практики легко вырабатывается привычка—при всякой встрѣчѣ съ непереводимымъ вин. падежомъ искать неопредѣленнаго наклоненія, и обратно—при всякой встрѣчѣ съ непереводимымъ неопредѣленнымъ наклоненіемъ искать винительнаго падежа. Узнавать оборотъ nom. c. infinitivo сравнительно легко вслѣдствіе полной невозможности переводить его буквально и вслѣдствіе легкаго ассоціированія представленій о неопредѣленномъ наклоненіи и о сопровождающемъ его страд. залогѣ.

---

[1]) Въ дѣйствительности глаголы эти сводятся въ очень простую систему, соотвѣтственную тремъ душевнымъ способностямъ: уму, чувству и волѣ; но грамматики не знаютъ этой системы и вносятъ въ распредѣленіе большую путаницу.

Правило, касающееся оборота ablativus absolutus, не заключаетъ въ себѣ элементовъ для ассоціаціи. На первыхъ порахъ, до пріобрѣтенія навыковъ, узнавать этотъ оборотъ можно только при помощи буквальнаго пробнаго перевода, и только невозможность поставить творительный падежъ въ зависимость отъ какого-нибудь слова, заключающагося въ фразѣ, убѣждаетъ насъ, что мы имѣемъ дѣло съ творительнымъ независимымъ, «самостоятельнымъ». Умѣнье узнавать этотъ оборотъ пріобрѣтается весьма скоро, такъ какъ при чтеніи связныхъ текстовъ онъ встрѣчается, можно сказать, на каждомъ шагу. Послѣ небольшой практики возникаетъ привычка при всякой встрѣчѣ съ причастіемъ, стоящимъ въ творительномъ падежѣ, искать и имя, стоящее въ томъ же падежѣ. Въ основѣ этихъ навыковъ лежитъ тоже ассоціація представленій; но эти ассоціаціи возникаютъ не при изученіи грамматическаго закона, а лишь впослѣдствіи, благодаря практикѣ въ переводахъ; основаніемъ ихъ служитъ не грамматическій законъ, а постоянное повтореніе при переводахъ двухъ такихъ-то рядомъ стоящихъ грамматическихъ категорій.

Процессъ перевода причастій, не входящихъ въ составъ оборота ablativus absolutus, въ однихъ случаяхъ ничѣмъ не отличается отъ процесса перевода другихъ согласуемыхъ словъ; въ другихъ случаяхъ, когда латинское причастіе должно быть переведено русскимъ дѣепричастіемъ, онъ— сравнительно проще, такъ какъ дѣепричастія мы можемъ ставить безъ предварительнаго разсмотрѣнія тѣхъ категорій, въ которыхъ латинское причастіе согласовано съ опредѣляемымъ имъ словомъ: для постановки дѣепричастія намъ нужно знать только время и залогъ латинскаго причастія, но совсѣмъ не нужно знать, въ какомъ стоитъ оно родѣ, числѣ и падежѣ и съ чѣмъ согласовано. Трудности въ переводѣ, однако, возникаютъ съ другой стороны: встрѣтившись съ латинскимъ причастіемъ, мы обыкновенно прежде всего не знаемъ, какой изъ двухъ указанныхъ выше путей намъ избрать: переводить ли его причастіемъ или дѣепричастіемъ. Грамматики различаютъ въ латинскомъ языкѣ причастіе аттрибутивное, употребляемое въ качествѣ опре-

дѣлительнаго слова, и причастіе предикативное, замѣняющее собою различнаго рода обстоятельственныя предложенія, а именно—предложенія времени, причины, уступленія, условія и образа дѣйствія. Но если присоединить сюда возможность постановки причастія въ дополнительномъ предложеніи (acc. cum participio при video, audio и др.) и въ предложеніи цѣли (у позднѣйшихъ писателей) и принять въ расчетъ, что предложенія мѣста вообще, какъ и въ русскомъ языкѣ, не подлежатъ сокращенію, то окажется, что латинское причастіе въ извѣстныхъ случаяхъ пригодно для сокращенія всѣхъ видовъ придаточнаго. Русскія придаточныя сокращаются съ помощью причастій, дѣепричастій и отглагольныхъ именъ[1]). Такимъ образомъ латинское причастіе одно играетъ ту роль, которая въ русскомъ языкѣ принадлежитъ причастію, дѣепричастію и отглагольнымъ именамъ. Но обыкновенно мы не имѣемъ возможности при переводѣ латинскаго причастія узнать по внѣшнимъ признакамъ, какую изъ этихъ трехъ ролей оно играетъ въ данномъ случаѣ и какъ его перевести. Это мы узнаемъ только послѣ установленія смысла цѣлаго сложнаго предложенія, т.-е. по окончаніи всей нашей работы надъ отдѣльными словами фразы. До этого же момента мы можемъ брать лишь примѣрный, пробный переводъ. Пока изъ синтаксическаго разбора зависимости между предложеніями мы не получимъ критерія для выбора, мы принуждены латинское причастіе переводить наугадъ—или причастіемъ или дѣепричастіемъ. Впрочемъ, во многихъ случаяхъ даже послѣ синтаксическаго разбора предложеній мы не будемъ имѣть точнаго и опредѣленнаго критерія для выбора между причастіемъ и дѣепричастіемъ и должны будемъ руководиться лишь стилистическимъ чутьемъ вслѣдствіе неразработанности соотвѣтственныхъ отдѣловъ русской грамматики. Русскія предложенія причины, условія, уступленія, времени могутъ сокращаться не только черезъ дѣепричастіе, но и черезъ причастіе; а межъ тѣмъ ни одинъ образованный русскій

---

[1]) Предложенія цѣли сокращаются съ помощью неопр. наклоненія, но ему и въ латинскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ особый, спеціальный способъ сокращенія—съ помощью супина.

человѣкъ не могъ бы въ точности указать, гдѣ же берется дѣепричастіе и гдѣ—причастіе. За невозможностью имѣть точные критеріи при пробныхъ переводахъ латинскаго причастія можно руководиться слѣдующими правилами, допускающими, конечно, массу исключеній: 1) participium perfecti passivi выгоднѣе всего прямо переводить причастіемъ, а не дѣепричастіемъ (дѣепричастіе прошедшаго времени страдательнаго залога есть вообще форма книжнаго языка, мало употребительная); 2) *participium futuri activi*, не соединенное съ формою глагола esse, есть, вообще говоря, замѣна infinitivi futuri activi; 3) participium perfecti отложительнаго глагола въ именительномъ падежѣ выгоднѣе переводить дѣепричастіемъ; 4) participium praesentis activi, поставленное не въ именительномъ падежѣ, слѣдуетъ переводить причастіемъ (которое потомъ, при стилистической отдѣлкѣ фразы, обыкновенно превращается въ полное придаточное предложеніе или замѣняется отглагольнымъ существительнымъ).

Въ школьной практикѣ наиболѣе трудною для перевода формою обыкновенно считается герундивъ. Но эти трудности, въ сущности, созданы грамматиками искусственно и вытекаютъ изъ стремленія выводить всѣ способы перевода герундива изъ того основного значенія, которое помѣчается въ парадигмѣ. Онѣ возникаютъ главнымъ образомъ при переводахъ съ русскаго. У переводчика же, имѣющаго дѣло съ связнымъ латинскимъ текстомъ, послѣ небольшой практики образуется прочная ассоціація, связывающая представленіе о герундивѣ, употребленномъ безъ вспомогательнаго глагола, съ представленіемъ категоріи русскаго отглагольнаго существительнаго.

XVI.

Наибольшія усилія при изученіи латинскаго синтаксиса употребляются на ознакомленіе съ правилами о постановкѣ сослагательнаго наклоненія, въ которыхъ латинскій языкъ чаще всего совершенно расходится съ русскимъ. Можно думать, что здѣсь особенно необходимы синтаксическія

справки. Однако, мы уже видѣли, что въ главномъ предложеніи сослагательное употребляется настолько рѣдко, что постановку его можно отнести къ исключеніямъ, которыя можно, безъ особеннаго риска ошибиться, игнорировать при обычной работѣ надъ связнымъ текстомъ, т.-е. не держать ихъ въ своемъ умѣ во время работы. Процессъ перевода сказуемаго главнаго предложенія проходитъ по обычнымъ стадіямъ безъ всякихъ отклоненій съ пути: латинское изъявительное наклоненіе мы переводимъ русскимъ изъявительнымъ, латинское сослагательное—русскимъ сослагательнымъ, и только въ нѣкоторыхъ, очень немногихъ случаяхъ при этой послѣдней замѣнѣ не возникаетъ смысла, чѣмъ и доказывается необходимость синтаксической справки. Справка нужна при встрѣчѣ съ coniunctivus dubitativus, coni. concessivus, coni. hortativus и съ сослагательнымъ въ косвенной рѣчи, стоящимъ вмѣсто повелительнаго прямой рѣчи. Справку эту дѣлать очень легко вслѣдствіе незначительнаго числа разновидностей сослагательнаго. При выборѣ здѣсь помогаютъ случайныя ассоціаціи; напримѣръ, мысль о coni. dubitativus можетъ быть вызвана встрѣчею съ вопросомъ или съ знакомъ вопросительнымъ, coni. hortativus мы можемъ узнавать по знаку восклицательному, сослагательное косвенной рѣчи—по управляющему глаголу или по предшествующимъ оборотамъ acc. c. infinitivo. Труднѣе всего отличить coni. concessivus, особенно если въ главномъ предложеніи нѣтъ слова tamen; но зато эта разновидность и употребляется всего рѣже. По обычной классификаціи русскихъ грамматикъ къ главнымъ предложеніямъ относится и протазисъ условнаго періода. Латинское условное предложеніе при переводѣ требуетъ совершенно тѣхъ же пріемовъ работы, какъ и главное. Подставляя вмѣсто изъявительнаго наклоненія изъявительное и вмѣсто сослагательнаго сослагательное, мы тутъ всегда получимъ правильный переводъ, если даже ничего не будетъ знать объ оттѣнкахъ въ смыслѣ и о разновидностяхъ условнаго періода.

При переводѣ сказуемаго придаточныхъ предложеній въ намѣченный нами процессъ мы, очевидно, должны внести

нѣкоторую поправку. Здѣсь не можетъ быть правила: сослагательное переводить сослагательнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, русское сослагательное въ сущности есть искусственная, описательная форма. Частица *бы* вмѣсто того, чтобы стоять при глаголѣ, часто сливается съ словомъ, начинающимъ предложеніе; сослагательное въ этихъ случаяхъ какъ бы исчезаетъ и можетъ быть усмотрѣно лишь по разложеніи союза на составныя части. Это свойство сослагательнаго оказывается въ высшей степени благопріятнымъ для переводовъ: мы можемъ получить правильный переводъ, не задаваясь мыслью о выборѣ наклоненій; для этого нужно только правильно перевести начинающій предложеніе союзъ. Если мы знаемъ, что ut finale значитъ «чтобы», то для перевода фразы нѣтъ нужды думать о сослагательномъ наклоненіи; послѣ «чтобы» мы поставимъ обычное, изъявительное наклоненіе, и переводъ окажется правильнымъ. Ничего не думая о сослагательномъ наклоненіи, мы механически составляемъ такую русскую фразу, въ которой неожиданно для насъ оказывается сослагательное наклоненіе. Во многихъ другихъ случаяхъ латинское сослагательное совершенно не можетъ быть переводимо русскимъ сослагательнымъ, такъ что и здѣсь вмѣсто латинскаго сослагательнаго мы въ русскомъ языкѣ, нисколько не думая о наклоненіи, ставимъ обычное, т.-е. изъявительное, и не дѣлаемъ ошибки. Такъ мы переводимъ придаточныя предложенія съ союзами quod, quia, quando, cum, dum, donec, antequam, priusquam, косвенные вопросы, придаточныя косвенной рѣчи, придаточныя съ сослагательнымъ вслѣдствіе attractio modi, придаточныя съ qui, замѣняющимъ cum или ut consecutivum. Механически сослагательное наклоненіе получается при переводѣ предложеній съ ut finale и условныхъ предложеній, выражающихъ желаніе, гдѣ частицу *бы* мы механически сливаемъ съ союзами: «лишь», «только». При переводѣ придаточныхъ съ ut obiectivum, ut consecutivum, съ quin, quominus, придаточныхъ при verba timendi мы идемъ или первымъ путемъ или вторымъ: русское сослагательное здѣсь или со-

вершенно не нужно или получается механически. Среди всевозможныхъ видовъ латинскаго придаточнаго предложенія есть только два случая, гдѣ при переводѣ намъ необходимо думать о постановкѣ и въ русской фразѣ сослагательнаго наклоненія. Это бываетъ лишь при словѣ qui, замѣняющемъ ut finale, и при quin, замѣняющемъ qui non. Такимъ образомъ въ общемъ итогѣ можно сказать, что при переводѣ сказуемаго придаточнаго предложенія категорія сослагательнаго наклоненія не играетъ никакой роли, что на четвертой стадіи работы, при отыскиваніи русской формы, которая соотвѣтствовала бы латинской, мы можемъ совершенно игнорировать категорію сослагательнаго наклоненія и при переводѣ ничего не думать о наклоненіи или, что—то же, употреблять наклоненіе обычное, т.-е. изъявительное. Этотъ пріемъ непримѣнимъ только въ двухъ указанныхъ выше случаяхъ. Сослагательное при quin легко можетъ вспоминаться по ассоціаціи съ представленіемъ о самомъ quin. Но для qui, стоящаго вмѣсто ut finale, къ сожалѣнію, не можетъ быть подобной ассоціаціи; переводчикъ, мало опытный, обыкновенно не замѣчаетъ такого qui, переводитъ предложеніе съ помощью изъявительнаго наклоненія, и только неясность мысли, вслѣдствіе ошибочной попытки замѣнить возможное дѣйствіе дѣйствіемъ фактическимъ, заставляетъ его вернуться назадъ и измѣнить наклоненіе. При большомъ навыкѣ въ переводахъ такое qui мы узнаемъ чаще всего по ходу предшествующей мысли и по тѣмъ сочетаніямъ понятій, которыя встрѣтились въ главномъ предложеніи (напр., послѣ выраженія: «послать пословъ», естественно возникаетъ прежде всего мысль о цѣли).

Изъ сказаннаго нами о сослагательномъ наклоненіи видно, что обширный отдѣлъ синтаксиса, трактующій объ употребленіи сослагательнаго наклоненія, не имѣетъ особеннаго значенія, когда латинскій языкъ изучается съ единственно практическою цѣлью—кое-какъ научиться переводить. Правильный переводъ въ большинствѣ случаевъ можетъ получаться механически, безъ проникновенія въ

тайны употребленія латинскаго сослагательнаго, подобно тому, какъ человѣкъ, не имѣющій понятія о французскомъ синтаксисѣ, можетъ съ помощью этимологіи и словаря переводить цѣлыя книги.

Значительная часть латинскаго синтаксиса посвящена изученію употребленія временъ. Но категорія времени при переводахъ тоже обыкновенно не требуетъ синтаксической справки. Оперируя съ главными и придаточными предложеніями, мы можемъ получать правильный переводъ, довольствуясь тѣми сопоставленіями латинскихъ и русскихъ временъ, которыя находимъ въ парадигмахъ. Вопросъ о соотвѣтствіи латинскихъ временъ русскимъ временамъ и глагольнымъ видамъ въ школьныхъ грамматикахъ является совершенно неразработаннымъ; при случаяхъ несовпаденія временъ приходится руководиться главнымъ образомъ стилистическимъ чутьемъ. Русскій человѣкъ, привыкшій правильно употреблять глагольные виды, perfectum при saepe, semper и т. д. или при cum iterativum переведетъ несовершеннымъ видомъ по стилистическому чутью, а не въ силу того или иного параграфа латинскаго синтаксиса.

Изъ всего сказаннаго очевидно, что умѣнье перевести придаточное предложеніе зависитъ не столько отъ выбора русскихъ временъ и наклоненій, сколько отъ умѣнья перевести союзъ или вообще то слово, посредствомъ котораго придаточное подчинено главному. Всѣ виды придаточныхъ въ языкѣ возникли изъ сравненій, и всѣ способы подчиненія придаточнаго главному сводятся въ русскомъ и латинскомъ языкахъ къ мѣстоименному корню *к*, отъ котораго въ латинскомъ языкѣ образовались три главнѣйшія слова, *служащія для подчиненія придаточнаго главному*,— quum, quam, quod (винительный падежъ трехъ грамматическихъ родовъ). Отъ того же корня произошли и всѣ русскія слова, играющія въ синтаксисѣ такую же роль. Такимъ образомъ и въ русскомъ и въ латинскомъ языкахъ въ этихъ подчиняющихъ словахъ нѣтъ никакого намека на ту или другую разновидность придаточнаго предложенія. Эти разновидности возникаютъ только вслѣдствіе прибавленія добавочныхъ нарѣчій, мѣстоименій и пр.; если же

нѣтъ добавочныхъ словъ, то разновидность не проявляется ни въ какой внѣшней формѣ и можетъ быть узнана только по вопросу, поставленному при томъ или иномъ словѣ главнаго предложенія. Но ставить вопросъ мы можемъ только примѣнительно къ русскому тексту; латинскій же, еще не переведенный текстъ не можетъ быть подвергнутъ такому синтаксическому разбору. Такимъ образомъ въ латинскомъ языкѣ, если разновидность придаточнаго не помѣчена добавочнымъ словомъ, мы лишены возможности узнать ее иначе, какъ съ помощью пробнаго, сдѣланнаго наудачу перевода; а чтобы дѣлать такіе переводы, мы должны прежде всего держать въ умѣ схему всѣхъ значеній даннаго подчиняющаго слова. Если нельзя узнать или мы не сумѣли узнать разновидности придаточнаго по добавочному слову, то намъ остается одинъ путь—перебирать поочередно всѣ значенія подчиняющаго слова, пока возникшій смыслъ не убѣдитъ насъ въ томъ, что мы избрали вѣрный путь. Ходъ работы здѣсь, въ сущности, тотъ же, какъ и при синтаксической справкѣ о падежѣ. Добавочное слово съ подчиняющимъ словомъ образуютъ ассоціацію; стоящее при cum добавочное subito заставляетъ вспомнить о cum inversum, добавочное ita при ut вызываетъ мысль объ ut consecutivum, и т. д. Синтаксическія правила часто излагаются и такъ, чтобы ассоціація возникла между представленіемъ о союзѣ и представленіемъ о глаголѣ, послѣ котораго ставится такое-то придаточное (такіе-то союзы при verba timendi, impediendi, dubitandi и т. д.). Если элементовъ для ассоціаціи нѣтъ или если она не возникла, то остается, какъ и при синтаксической справкѣ о падежѣ, перебирать по очереди значенія подчиняющаго слова. Въ рѣдкихъ случаяхъ вопросъ можно рѣшить по времени и наклоненію, стоящему при союзѣ (ut съ perfectum indicativi, dum съ praesens indicativi и др.). Изъ этого видно, какъ важны здѣсь перечни всѣхъ значеній каждаго союза. Если грамматика не озаботилась дать такіе перечни, ученику самому приходится умственно перестраивать ея систему и составлять себѣ эти перечни.

XVII.

По мѣрѣ навыка въ переводахъ методическая мыслительная работа постепенно превращается въ работу съ помощью ассоціацій. Отъ этой замѣны работа выигрываетъ въ быстротѣ и интенсивности. Чѣмъ больше у насъ въ памяти словъ, формъ, выраженій, чѣмъ легче и обильнѣе возникаютъ всевозможныя связанныя съ ними ассоціаціи, тѣмъ процессъ перевода идетъ быстрѣе. Наивысшей степени быстроты и легкости онъ достигаетъ тогда, когда у переводчика въ обширныхъ размѣрахъ произошло такъ называемое «перенесеніе» ассоціацій, т.-е. когда представленія о латинскихъ словахъ начали связываться по ассоціаціи смежности не съ русскими словами, а прямо съ представленіями о предметахъ. Кто достигъ до этого искусства, тотъ въ сущности уже не переводитъ, а читаетъ латинскій текстъ такъ же, какъ читалъ бы русскій текстъ, т.-е. понимая смыслъ текста безъ предварительнаго перевода. Между этимъ конечнымъ пунктомъ и намѣченною нами выше методической работой существуетъ масса переходныхъ ступеней. Чѣмъ выше мы поднимаемся по этимъ ступенямъ, тѣмъ обширнѣе бываетъ роль ассоціацій въ процессѣ перевода. Но выслѣдить детально эти ступени почти невозможно, ибо огромное число ассоціацій носитъ *совершенно субъективный* характеръ и не поддается даже учету. У каждаго переводчика, у каждаго лица, изучающаго чужой языкъ, съ теченіемъ времени образуется большой запасъ *своихъ* собственныхъ ассоціацій, *не схожихъ съ* запасами ассоціацій, образующихся у другихъ лицъ, занимающихся тѣмъ же дѣломъ. Подвести итоги тѣмъ труднѣе, что даже въ каждомъ отдѣльномъ умѣ ассоціаціи складываются безсистемно. Если, напримѣръ, переводчикъ знаетъ массу словъ иноземнаго языка, то это знаніе не образуетъ системы. Изученныя слова иноземнаго языка, если происходятъ отъ одного общаго корня, могутъ соединяться по законамъ ассоціаціи въ группы, гнѣзда; но рядъ этихъ группъ или гнѣздъ все-таки не образуетъ одной си-

стемы. То же можно сказать о всѣхъ грамматическихъ ассоціаціяхъ, которыя не подсказаны переводчику учебникомъ грамматики, а составлены имъ самимъ, на основаніи его собственныхъ наблюденій и личной практики. Можно и интересно было бы прослѣдить ростъ ассоціацій и постепенное вытѣсненіе ими методической мыслительной работы на примѣрѣ какого-нибудь одного лица, отъ первыхъ опытовъ перевода дошедшаго въ теченіе ряда мѣсяцевъ и лѣтъ до искусства сразу понимать иностранный текстъ, безъ предварительнаго перевода. Но такой попытки, требующей ежедневнаго детальнаго наблюденія за процессомъ работы и постоянныхъ записей, еще нигдѣ не было сдѣлано. Это—задача, которую предстоитъ еще выполнить въ области экспериментальной психологіи. Когда будетъ произведено много подобныхъ изслѣдованій въ примѣненіи къ отдѣльнымъ лицамъ, тогда, быть-можетъ, и явится возможность найти общіе законы упрощенія логическаго процесса путемъ обширнаго примѣненія ассоціацій.

Кромѣ ассоціацій, подсказываемыхъ учебникомъ грамматики, есть, конечно, много такихъ ассоціацій, которыя возникаютъ при работѣ не въ отдѣльныхъ только умахъ, а почти у всякаго переводчика, значительное время упражнявшагося въ переводахъ. Это тѣ ассоціаціи, которыя, хотя и вытекаютъ изъ единообразныхъ и постоянно повторяющихся отношеній между словами и мыслями, тѣмъ не менѣе являются лишь обычными, но не постоянными, возникающими очень часто, но не обязательно. Такія ассоціаціи очень полезны при нашей работѣ; мы ежечасно ими пользуемся, особенно при синтаксическомъ разборѣ текста; запасъ ихъ образуетъ то, что мы называемъ навыкомъ въ переводахъ; тѣмъ не менѣе онѣ не включаются обыкновенно въ грамматику, потому что заключающаяся въ нихъ связь между представленіями и понятіями не есть необходимая и не даетъ въ результатѣ грамматическаго закона. Изъ своей практики мы знаемъ, что такое-то соотношеніе поминутно встрѣчается. Лично, для собственнаго обихода, мы могли бы это соотношеніе формулировать въ точныхъ терминахъ и про себя считаемъ его зако-

номъ; но оно не можетъ явиться закономъ для всѣхъ, грамматическимъ закономъ, потому что не заключаетъ въ себѣ причинной связи и поэтому неизмѣнно допускаетъ массу исключеній. Наше обобщеніе, формулированное pro domo sua, легко можетъ оказаться для очень многихъ случаевъ ошибочнымъ. Изъ своей практики я могу составить себѣ правило, что qui послѣ точки переводится: «онъ», «они» и т. п. Къ такому же убѣжденію могутъ прійти и многіе другіе переводчики. Тѣмъ не менѣе это правило не можетъ быть включено въ число грамматическихъ законовъ, потому что связь между представленіемъ о точкѣ и представленіемъ о qui въ роли личнаго или указательнаго мѣстоименія есть связь случайная, а не причинная. Я убѣжденъ, что это соотношеніе бываетъ «часто», «обыкновенно»; но ни я ни кто-либо другой не могли бы рѣшить, когда же именно это бываетъ[1]). Въ учебникахъ грамматики мы иногда встрѣчаемъ подобныя приблизительныя обобщенія съ помѣткою: «часто», «обыкновенно» (безъ такой помѣтки правило было бы ложнымъ обобщеніемъ). Но вообще нельзя рекомендовать этого смѣшенія грамматическихъ законовъ съ приблизительными обобщеніями. Лучше было бы выдѣлить такія обобщенія, если не въ особую книгу (нѣчто въ родѣ стилистическаго руководства для переводовъ), то, по крайней мѣрѣ, въ особый, совершенно самостоятельный отдѣлъ грамматики. Если бы процессы упрощенной работы съ помощью ассоціацій были болѣе разработаны, если бы произведено было много соотвѣтственныхъ изслѣдованій въ примѣненіи къ работѣ отдѣльныхъ лицъ, то этотъ отдѣлъ былъ бы очень обширенъ и давалъ бы переводчику много полезныхъ рецептовъ. Съ другой стороны, ученикъ зналъ бы, что эти рецепты не обязательны, что они—не законы, а только полезное подспорье.

Въ общемъ итогѣ для упрощенія методической работы при переводахъ съ латинскаго языка пользуются тѣми же тремя пріемами, которые примѣняются для упрощенія работы *при переводахъ съ русскаго языка* на латинскій.

---

[1]) Разсужденіе, что это бываетъ тогда, когда послѣ точки стоитъ главное предложеніе, а не придаточное, есть petitio principii.

Пріемы эти: 1) руководство внѣшнимъ наблюденіемъ, 2) игнорированіе исключеній и 3) пользованіе ассоціаціями въ тѣсномъ смыслѣ слова. Такъ какъ внѣшнее наблюденіе служитъ для того, чтобы вызвать въ сознаніи потребныя ассоціаціи, а игнорированіемъ исключеній мы имѣемъ въ виду облегчить возникновеніе ассоціацій и не разстраивать нашихъ привычныхъ, хотя, быть-можетъ, и не всегда ведущихъ къ истинѣ ассоціацій, то всѣ три пріема въ сущности сводятся къ пользованію ассоціаціями въ обширномъ смыслѣ слова. Желаніе упростить работу перевода выражается въ стремленіи, если не прямо, то, по крайней мѣрѣ, какъ можно скорѣе прійти къ концу ея. Конецъ работы—это переводъ. У кого уже произошло въ обширныхъ размѣрахъ «перенесеніе» ассоціацій, тотъ, дѣйствительно, начинаетъ прямо съ конца: прямо читаетъ латинскій текстъ, какъ русскую книгу, безъ предварительнаго перевода. Кто не достигъ этого искусства, тотъ пытается какъ можно скорѣе перейти на вторую отъ конца ступень, минуя многія среднія ступени. Предпослѣдней ступенью, какъ видѣли, является синтаксическій разборъ. При упрощенномъ пріемѣ работы пріобрѣтшій навыки переводчикъ, если не можетъ сразу понять весь текстъ со всѣми оттѣнками мыслей, то пытается, послѣ бѣглаго просмотра словъ (съ точки зрѣнія ихъ значенія), прямо произвести посильный синтаксическій разборъ. Такъ какъ разборъ безъ перевода и до перевода невозможенъ, то онъ довольствуется проблематическимъ разборомъ по догадкѣ, на основаніи лишь внѣшнихъ признаковъ, безъ проникновенія въ смыслъ текста. Упрощеніе работы такимъ образомъ сводится прежде всего къ угадыванію по внѣшнимъ признакамъ синтаксической роли словъ и предложеній, т.-е. къ выдѣленію членовъ предложенія и предложеній главныхъ и придаточныхъ. Въ отдѣльномъ предложеніи переводчикъ, пользующійся упрощенными пріемами, прежде всего старается найти главные его члены, а въ сложномъ предложеніи—различить главное предложеніе и придаточныя. Въ длинномъ періодѣ такой переводчикъ прежде всего пытается угадать синтаксическую схему всего періода и потомъ уже приступаетъ къ разбору отдѣль-

ныхъ предложеній, начиная то съ главнаго, то съ перваго по порядку и переходя потомъ къ слѣдующимъ.

Въ отдѣльномъ предложеніи легче всего отыскивается сказуемое, если оно выражено съ помощью verbum finitum. Оно больше всего доступно внѣшнему наблюденію, потому что стоитъ обыкновенно въ концѣ предложенія и чаще всего имѣетъ специфическія окончанія *t*, *nt*, *tur*, *ntur*, почти не встрѣчающіяся у другихъ членовъ предложенія. По этимъ окончаніямъ и по занимаемому имъ мѣсту мы сразу узнаемъ его. Если въ предложеніи оказалось два слова съ подобными окончаніями, то мы ищемъ между ними соединительнаго союза, равнозначущаго русскому «и» (et, ac, atque, nec, neque); внѣшнее наблюденіе надъ такимъ союзомъ убѣждаетъ насъ, что мы имѣемъ дѣло съ слитнымъ предложеніемъ, въ которомъ два или болѣе сказуемыхъ. Угадавши сказуемое, мы ищемъ подлежащее. Критеріемъ для угадыванія подлежащаго служатъ окончанія именительнаго падежа. Угадыванье это облегчается двумя обстоятельствами: 1) по окончанію сказуемаго мы уже знаемъ, въ какомъ числѣ должно стоять подлежащее, и поэтому перебираемъ только тѣ слова, которыя по окончанію можно принять за именительный падежъ того самаго числа, въ какомъ стоитъ сказуемое; 2) вмѣсто именительнаго падежа единственнаго числа мы можемъ искать въ предложеніи прямо такое слово, которое сохранило форму, найденную нами въ словарѣ въ качествѣ «начала» слова, т.-е., нисколько не думая объ окончаніяхъ именительнаго падежа, прямо искать такое слово, которое сохранило свое «начало». Когда сказуемымъ оказался глаголъ вспомогательный, то за отысканіемъ подлежащаго предстоитъ найти имя сказуемаго, т.-е. существительное или прилагательное, стоящее въ именительномъ падежѣ того же числа, въ какомъ стоитъ вспомогательный глаголъ. Когда найдено подлежащее и сказуемое, то изъ соединенія ихъ возникаетъ сужденіе, пока еще неясное и неопредѣленное, не соотвѣтствующее заключенной въ текстѣ мысли. Остается прояснить и дополнить его съ помощью перевода остальныхъ словъ предложенія. При методической работѣ

мы эти слова разбирали бы и переводили бы постепенно, одно за другимъ. При упрощенной работѣ мы поступаемъ тремя способами: 1) переводимъ слова, не рѣшая вопроса о ихъ синтаксической роли, т.-е. поступаемъ такъ же, какъ поступали бы при методической работѣ; 2) ищемъ въ предложеніи словъ, которыя соотвѣтствовали бы ассоціаціямъ, вызваннымъ въ нашемъ сознаніи подлежащимъ и сказуемымъ; 3) пытаемся распространить сужденіе съ помощью вопросовъ, на какіе отвѣчаютъ различнаго рода второстепенные члены предложенія. Первый пріемъ мы употребляемъ прежде всего при встрѣчѣ съ неизмѣняемыми частями рѣчи и съ предложными сочетаніями. Предложныя сочетанія бываютъ въ предложеніи опредѣленіями, дополненіями, обстоятельственными словами; но для перевода ихъ нѣтъ нужды знать ихъ синтаксическую роль, такъ какъ каждый предлогъ, независимо отъ синтаксической роли предложнаго сочетанія, всегда требуетъ одного и того же падежа (за исключеніемъ in и sub) и такъ какъ падежъ, стоящій при латинскомъ предлогѣ, совершенно не вліяетъ (за тѣми же двумя исключеніями) на постановку падежа при соотвѣтственномъ русскомъ предлогѣ. Второй изъ указанныхъ пріемовъ примѣняется, когда подлежащее или сказуемое вызываетъ въ умѣ ассоціацію и мы ищемъ въ предложеніи слово, соотвѣтственное другому члену этой ассоціаціи, когда, напримѣръ, усмотрѣвши въ сказуемомъ глаголъ emere, мы ищемъ въ предложеніи родительный или творительный «цѣны» или, встрѣтивъ въ имени сказуемаго сравнительную степень, ищемъ при ней abl. comparationis. Третій пріемъ есть распространеніе возникающихъ сужденій по одной общей схемѣ, основанной на тѣхъ общихъ понятіяхъ, которыя еще Аристотель назвалъ «категоріями». Зная подлежащее и сказуемое, мы мысленно распространяемъ сужденіе по вопросамъ: чей? гдѣ? куда? когда? кого? кому? и т. д., и ищемъ въ предложеніи отвѣтовъ на такіе вопросы. Вопросы эти ставятся нами безъ всякой системы и вытекаютъ изъ содержанія понятій, заключающихся въ тѣхъ словахъ предложенія, которыя уже переведены. Сначала такіе вопросы мы ставимъ при подлежа-

щемъ и сказуемомъ, а потомъ и при другихъ словахъ предложенія, по мѣрѣ перевода ихъ. При встрѣчѣ съ глаголомъ, означающимъ, напримѣръ, движеніе, у насъ прежде всего явился бы вопросъ: куда? откуда? При встрѣчѣ съ переходнымъ глаголомъ скорѣе всего возникаетъ вопросъ: кого? что? При глаголахъ взаимнаго залога невольно возникаетъ вопросъ: съ кѣмъ? и т. д. Очевидно, что урегулировать эти вопросы не представляется никакой возможности; перебирать же при каждомъ сказуемомъ или подлежащемъ всѣ вопросы, на которые могли бы отвѣчать всякаго рода второстепенные члены предложенія, будетъ въ большинствѣ случаевъ безцѣльной работой, потому что мы найдемъ отвѣтъ лишь на очень немногіе изъ нихъ. Такое перебираніе было бы не упрощеніемъ работы, а излишнимъ затягиваніемъ ея. Неудовлетворенная неопредѣленностью сужденія, состоящаго лишь изъ подлежащаго и сказуемаго, наша мысль ищетъ выхода изъ этой неопредѣленности; но въ какомъ направленіи пойдутъ эти поиски у того или иного ученика или переводчика, это трудно предугадать, и тѣмъ болѣе нельзя урегулировать эту работу. Имѣя фразу: Themistocles Xerxem litteris de consilio Graecorum certiorem fecit, можно увѣренно разсчитывать, что понятіе «увѣдомилъ» вызоветъ у многихъ учениковъ вопросъ: кого? и, быть-можетъ, вопросъ: о чемъ? что выраженіе: «о планѣ», вызоветъ вопросъ: о какомъ? о чьемъ? Но для слова litteris въ сознаніи учениковъ, несомнѣнно, не возникнетъ наводящаго вопроса, и имъ придется при переводѣ этого слова начать работу съ другого конца, съ подстановками этимологическихъ формъ. Въ фразѣ: Milites Romani maxima fortitudine dimicaverunt, сказуемое можетъ вызвать вопросы: гдѣ? съ кѣмъ? когда? какъ? и т. д. Здѣсь вмѣсто того, чтобы безполезно перебирать въ умѣ вопросы и искать отвѣтовъ на нихъ, выгоднѣе и проще прямо обратиться къ этимологической формѣ словъ. Но дѣло въ томъ, что ученикъ не можетъ знать напередъ, гдѣ и какой путь выгоднѣе. При классномъ преподаваніи часто создается фикція, будто эту работу можетъ направлять учитель. Но въ дѣйствительности ее

никакъ нельзя направлять: учитель, зная напередъ синтаксическую роль каждаго слова въ предложеніи, можетъ только подсказывать ученику вопросы, а не вызывать ихъ. Несомнѣнно только одно, что нѣкоторыя слова могутъ невольно вызывать въ сознаніи тѣ или иные вопросы, а другія слова не вызываютъ такихъ вопросовъ. Нужно припомнить, что̀ въ логикѣ называется «относительнымъ» и «абсолютнымъ» терминами. Абсолютный терминъ—«это такой, который въ своемъ значеніи не содержитъ никакого отношенія къ чему-либо другому: онъ не принуждаетъ насъ мыслить о какихъ-либо другихъ вещахъ, кромѣ тѣхъ, которыя онъ обозначаетъ». Относительный же терминъ, кромѣ предмета, имъ обозначеннаго, предполагаетъ существованіе и чего-нибудь другого. «Ѳемистоклъ», «воины», «римскіе» и т. д.—термины абсолютные; «увѣдомлять», «сражаться» и т. п.—термины относительные. Вопросы возникаютъ прежде всего при встрѣчѣ съ терминами относительными; эти вопросы вытекаютъ изъ самаго содержанія терминовъ. Что же касается абсолютныхъ терминовъ, то здѣсь вопросы возникаютъ изъ другого источника—изъ необходимости превратить понятіе въ представленіе. Абсолютный терминъ «воины», вырванный изъ непереведенной еще фразы, есть родовое обобщеніе, понятіе, обнимающее всѣ однородные предметы. Видовымъ и конкретнымъ онъ дѣлается только тогда, когда стоитъ въ контекстѣ, когда изъ предыдущихъ и послѣдующихъ словъ и мыслей мы заключаемъ, что здѣсь рѣчь идетъ о точно опредѣленныхъ воинахъ, а не о воинахъ вообще. Если же мы еще не знаемъ контекста, если родовое понятіе не превратилось еще для насъ въ видовое и конкретное, то оно ставитъ насъ въ тупикъ и невольно вызываетъ вопросы: кто же это? какой? чей? и т. д. Путемъ этихъ вопросовъ мы ищемъ признаковъ, прибавленіе которыхъ могло бы превратить его въ видовое и конкретное. Отвѣтить на эти вопросы значитъ найти такіе признаки. Но направлять эту работу опять въ высшей степени затруднительно, потому что самые вопросы возникаютъ въ сознаніи обыкновенно въ неясномъ видѣ, въ видѣ смутнаго затрудненія и стремленія найти

хоть какіе-нибудь признаки, которые прояснили бы родовое понятіе и превратили бы его въ видовое или въ представленіе о конкретныхъ предметахъ. Особенно это можно сказать о понятіяхъ, обозначаемыхъ глаголами. Превращеніе родовыхъ понятій въ видовыя и единичныя и въ представленія о конкретномъ дѣйствіи или состояніи идетъ путемъ подбора и прибавленія дополненій и обстоятельственныхъ словъ. Вслѣдствіе обилія этихъ категорій соотвѣтственные имъ вопросы при поясненіи понятія возникаютъ безпорядочно (какъ это мы видѣли при словѣ «сражались») и вмѣсто ускоренія работы могутъ только тормозить ее. Чтобы найти отвѣты на эти вопросы, нужно постепенно сдѣлать рядъ пробныхъ переводовъ отдѣльныхъ словъ (убѣдиться, напримѣръ, при словѣ dimicaverunt, что fortitudine не есть обозначеніе времени, мѣста, цѣли и т. п.); но вмѣсто этихъ угадываній и пробныхъ попытокъ гораздо проще начать дѣло обычнымъ путемъ—съ этимологическаго разбора и подстановки формъ. Путь угадыванія прямо можетъ вести къ цѣли только въ томъ случаѣ, когда мы ищемъ дополненія и при томъ къ глаголу, который всегда требуетъ только опредѣленнаго падежа. Самый вопросъ о такомъ дополненіи является наиболѣе для насъ естественнымъ и обычнымъ, вслѣдствіе постояннаго употребленія при такихъ-то глаголахъ такихъ-то падежей, и возникаетъ раньше другихъ вопросовъ. Понятія единичныя и всѣ понятія и представленія, ясно опредѣлившіяся для насъ въ предыдущемъ контекстѣ, не вызываютъ въ сознаніи никакихъ вопросовъ, и поэтому новыя относящіяся къ нимъ слова, указывающія на новые ихъ признаки, не могутъ быть переводимы съ помощью угадыванія.

XVIII.

Доселѣ мы говорили о простомъ предложеніи. Предварительный схематическій разборъ сложнаго предложенія состоитъ въ угадываніи синтаксической схемы, т.-е. въ угадываніи числа предложеній и разграниченіи главнаго отъ

придаточныхъ; до нѣкоторой степени этотъ разборъ можетъ простираться и дальше—до умѣнья по внѣшнимъ признакамъ различить виды придаточныхъ предложеній. Внѣшними признаками, по которымъ угадывается схема, служатъ: 1) слова, съ помощью которыхъ придаточныя предложенія подчиняются главному, 2) употребленіе соединительныхъ союзовъ и 3) знаки припинанія.

Для успѣшности работы необходимо самое отчетливое представленіе о словахъ, съ помощью которыхъ придаточныя подчиняются главному, и умѣнье отличать ихъ отъ другихъ сходныхъ съ ними словъ, не играющихъ однако этой роли. Латинское придаточное предложеніе, какъ извѣстно, можетъ начинаться слѣдующими словами: quis, qui (quin, quo, qua, quod, quoad, quousque и пр.), qualis, quantus, quot (quotus, quoties); quia, cum, quoniam, quam (antequam, postquam, priusquam, quamdiu, quamvis, quamquam, tanquam, quasi, quando); uter; ubi, unde, ut; cur; si; dum, donec; simulac; modo; num; ne; an. Въ этотъ перечень входятъ мѣстоименія, нарѣчія и союзы, и жаль, что грамматики не выработали доселѣ особаго грамматическаго термина для наименованія словъ, съ помощью которыхъ придаточное подчиняется главному. Будемъ называть эти слова «вступительными». Вступительныя слова служатъ вѣхами, по которымъ мы находимъ придаточныя предложенія. Сами по себѣ эти слова (за немногими исключеніями,—кромѣ quia, quoniam, antequam, postquam, priusquam, donec, simulac)[1]) не служатъ еще доказательствомъ того, что мы имѣемъ дѣло съ придаточнымъ предложеніемъ: съ этихъ словъ можетъ начинаться и главное предложеніе. Но дѣло въ томъ, что главное предложеніе сравнительно рѣдко начинается съ этихъ словъ. Слова эти встрѣчаются въ вопросительныхъ главныхъ предложеніяхъ (лишь немногія, въ родѣ cum, modo, ne, могутъ встрѣтиться и во всякихъ другихъ предложеніяхъ). Но такія предложенія въ связномъ текстѣ, особенно если этотъ текстъ не есть ораторская рѣчь, встрѣчаются рѣдко сравнительно съ массою главныхъ пред-

---

[1]) **Слова *si* и *dum*, хотя крайне рѣдко, но все-таки могутъ фигурировать и въ главномъ предложеніи.**

ложеній повѣствовательнаго характера. Еще рѣже встрѣчается та комбинація, которая можетъ поставить переводчика въ тупикъ, т.-е. въ *которой вопросительное или восклицательное главное предложеніе* соединено въ одинъ періодъ съ рядомъ придаточныхъ, такъ что исчезаетъ возможность отличить главное отъ придаточныхъ по вступительнымъ словамъ. Угадываніе схемы основано на игнорированіи исключительныхъ случаяхъ. Мы tacito consensu соглашаемся, что съ перечисленныхъ нами выше словъ начинается только придаточное предложеніе, и считаемъ это положеніе дѣла за норму, игнорируя возможность исключеній или внося въ норму только самыя необходимыя поправки, напр., добавочное соображеніе, что «послѣ точки qui очень часто не бываетъ признакомъ придаточнаго». Мы пользуемся нормой, пока не наталкиваемся на исключительный случай, гдѣ примѣненіе ея ставитъ насъ въ тупикъ и поэтому побуждаетъ искать другого выхода. Встрѣтивъ указанную выше исключительную комбинацію, мы съ недоумѣніемъ замѣчаемъ, что всѣ предложенія періода начинаются съ тѣхъ словъ, которыя мы назвали вступительными. По первому внѣшнему наблюденію выходитъ, что весь періодъ состоитъ изъ однихъ придаточныхъ. Эта самая несообразность и заставляетъ насъ остановиться и подробнѣе вникнуть въ дѣло. Послѣ небольшой практики мы уже знаемъ, какъ устранять это затрудненіе: мы знаемъ, что оно происходитъ всегда отъ одной и той же причины (между придаточными замѣшалось вопросительное или восклицательное главное) и что для устраненія его существуетъ одно только средство: нужно разыскать въ періодѣ вопросительное или восклицательное главное. При нѣкоторой привычкѣ эти комбинаціи замѣчаются сразу—по знаку препинанія.

При переводѣ многочисленныхъ сложныхъ предложеній преподаватели рекомендуютъ обыкновенно найти прежде всего главное предложеніе. Но какъ это сдѣлать? До постепеннаго выясненія общей схемы періода есть только одинъ критерій для того, чтобы сразу найти главное предложеніе: это постановка его *въ самомъ концѣ періода*. Но критерій этотъ въ высшей степени ненадеженъ, такъ какъ

главное часто стоитъ не въ концѣ періода или въ концѣ оказывается только нѣкоторая часть главнаго, а другія его части бываютъ затеряны среди придаточныхъ предложеній или даже стоятъ на противоположномъ концѣ періода, т.-е. въ началѣ его. Угадыванье же безъ критерія есть работа логически несообразная и ни къ чему не ведущая. И при методической и при упрощенной работѣ одинаково приходится итти только двумя путями: 1) или выбирать, но только тогда, когда есть точный критерій для выбора, или 2), при отсутствіи критерія, разбирать и переводить слова въ порядкѣ текста. Кто привыкъ выхватывать изъ текста слова для составленія изъ нихъ всякихъ случайныхъ комбинацій, тотъ никогда не научится переводить. Это самая опасная привычка, отъ которой нужно всячески оберегать ученика. Выхватыванье словъ и ни на чемъ не основанныя попытки комбинировать ихъ ни къ чему не ведутъ даже тогда, когда мы имѣемъ дѣло съ простымъ предложеніемъ. Еще нелѣпѣе эта работа въ примѣненіи къ сложнымъ предложеніямъ, когда ученикъ пытается связать слова, выхваченныя изъ разныхъ даже предложеній. Примѣняя этотъ принципъ къ разбираемому нами вопросу, мы должны притти къ убѣжденію, что въ многочленномъ сложномъ предложеніи найти главное можно только однимъ путемъ—путемъ исключенія придаточныхъ. Для придаточныхъ мы имѣемъ *внѣшніе признаки (вступительныя слова)*, по которымъ можемъ узнать ихъ; для главнаго же не имѣемъ никакихъ внѣшнихъ признаковъ; отбросивъ придаточныя, мы получимъ главное; иначе говоря, главное есть то, въ которомъ не наблюдается вступительныхъ словъ. Разборъ синтаксической схемы состоитъ въ постепенномъ узнаваніи придаточныхъ и постепенномъ отчисленіи ихъ отъ оставшейся части періода, пока въ остаткѣ не получимъ предложенія, отъ котораго уже нельзя отнять другого; этотъ остатокъ и есть главное предложеніе. Если главное *предложеніе разбито въ текстѣ на нѣсколько частей*, то остатки получатся у насъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ періода, и намъ потомъ придется собрать ихъ, чтобы составить изъ нихъ цѣлое главное предложеніе.

При отыскиваніи и отборѣ придаточныхъ мы руководимся четырьмя критеріями: 1) вступительными словами, 2) соединительными союзами, равнозначущими русскому «и» (et, que, ac, atque, nec, neque, non solum—sed etiam), 3) знаками препинанія (запятыми) и 4) тѣмъ обстоятельствомъ, что сказуемое ставится обыкновенно въ концѣ предложенія. Всѣ четыре критерія мы пускаемъ въ дѣло одновременно. Однако, прежде чѣмъ детально намѣтить процессъ угадыванія, нужно сдѣлать одну оговорку. Такъ какъ acc. c. infinitivo, ablativus absolutus и participium coniunctum не имѣютъ при себѣ вступительныхъ словъ и не выдѣляются въ латинскихъ текстахъ запятыми, то при разборѣ схемы эти предложенія приходится временно считать частями другихъ предложеній и принимать за одно цѣлое съ тѣми главными или придаточными, къ которымъ они относятся. Эти придаточныя узнаются по другимъ критеріямъ,—главнымъ образомъ по формѣ сказуемаго. При небольшомъ навыкѣ переводчикъ сразу замѣчаетъ въ текстѣ причастіе, поставленное въ творительномъ падежѣ, и infinitivus perfecti и futuri и находитъ по этимъ признакамъ ablativus absolutus и acc. c. infinitivo; труднѣе замѣтить participium coniunctum и особенно трудно—acc. c. inf. съ infinitivus praesentis и ablativus absolutus, не заключающее въ себѣ причастія. Всѣ эти незамѣченныя придаточныя предложенія могутъ быть усмотрѣны только послѣ схематическаго разбора періода, при детальномъ разборѣ отдѣльныхъ предложеній, на которыя распалась схема.

Разборъ синтаксической схемы идетъ обыкновенно въ такомъ порядкѣ. Читается начало періода или сложнаго предложенія—до первой запятой. Тутъ возможны два случая: въ прочитанной части мы можемъ или найти вступительное слово или не найти его. Если мы не нашли вступительнаго слова, это значитъ, что мы имѣемъ дѣло съ главнымъ предложеніемъ или съ частью его; при чемъ эта послѣдняя дилемма разрѣшается слѣдующимъ образомъ: если до запятой мы не нашли verbum finitum или замѣняющаго его infinitivus perfecti или futuri, то, значитъ, мы имѣемъ дѣло съ частью главнаго; если до запятой мы встрѣтили verbum

finitum или infinitivus perfecti или futuri, то, значитъ, имѣемъ дѣло съ полнымъ главнымъ предложеніемъ. Нерѣшенной остается дилемма лишь въ томъ случаѣ, если до запятой мы нашли infinitivus praesentis и не нашли verbum finitum: тутъ прочитанный нами текстъ можетъ быть и частью предложенія и цѣлымъ предложеніемъ; узнать же, что именно онъ представляетъ собою, можно лишь изъ болѣе детальнаго разбора текста: цѣлымъ предложеніе будетъ въ томъ случаѣ, если тутъ окажется acc. c. infinitivo, т.-е. если мы переводимъ косвенную рѣчь. Встрѣтивъ до запятой цѣлое главное предложеніе, мы должны воспользоваться этимъ благопріятнымъ случаемъ и тотчасъ же приступить къ переводу этого главнаго предложенія, потому что переводъ этотъ въ значительной степени облегчитъ для насъ работу при дальнѣйшемъ разборѣ схемы. Если до запятой оказалась лишь часть главнаго, то полезно тотчасъ же найти въ этой части подлежащее, т.-е. имя, стоящее въ именительномъ падежѣ: это поможетъ намъ скорѣе и легче узнать вторую половину главнаго, когда мы потомъ ее встрѣтимъ и сопоставимъ сказуемое, по формѣ и значенію, съ подлежащимъ.

Если въ прочитанной нами части періода до первой запятой оказалось на-лицо вступительное слово, то мы съ очень большою вѣроятностью можетъ прійти къ заключенію, что имѣемъ дѣло съ придаточнымъ предложеніемъ. Тутъ возможны три отдѣльныхъ случая: 1) вступительное слово можетъ оказаться въ самомъ началѣ періода; 2) оно можетъ стоять не въ началѣ, а послѣ одного или двухъ-трехъ словъ; 3) въ самомъ началѣ могутъ оказаться подъ рядъ два слова — вступительное и ложно-вступительное (напр., qui cum, quod cum, qui nisi и т. п.; мѣстоименія: qui, quod и др., здѣсь являются ложно-вступительными словами). Двѣ послѣднихъ комбинаціи съ несомнѣнностью доказываютъ, что мы имѣемъ дѣло съ придаточнымъ предложеніемъ; при первой комбинаціи мы имѣемъ дѣло тоже чаще всего съ придаточнымъ предложеніемъ, но не всегда, потому что вступительное слово можетъ оказаться ложно-вступительнымъ, т.-е. съ него можетъ начинаться не придаточное, а главное.

Выяснивши синтаксическую роль первой части періода, просматриваемъ вторую часть—до второй запятой. Тутъ возникаютъ три комбинаціи: 1) послѣ первой запятой находимъ вступительное слово; 2) до первой запятой было главное предложеніе, а послѣ первой запятой не находимъ вступительнаго слова; 3) до первой запятой было придаточное, а послѣ первой запятой нѣтъ вступительнаго слова. Первая комбинація даетъ право заключить, что мы во второй прочитанной нами части имѣемъ дѣло съ придаточнымъ; вторая комбинація доказываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ продолженіемъ того же главнаго или съ новымъ главнымъ, имѣющимъ новое подлежащее; третья комбинація доказываетъ, что послѣ первой запятой стоитъ главное предложеніе.

Чтобы показать, что намѣченные нами пріемы угадыванія и умозаключенія по внѣшнимъ признакамъ являются нормальными и наиболѣе цѣлесообразными, разсмотримъ ихъ въ примѣненіи къ I книгѣ Цезаря. Возьмемъ для этого стереотипное изданіе Тейбнера. Въ I книгѣ мы имѣемъ 296 сложныхъ предложеній и періодовъ. Изъ этого числа въ 194 случаяхъ, не встрѣчая до первой запятой вступительнаго слова, мы приходимъ къ правильному заключенію, что имѣемъ дѣло съ цѣлымъ главнымъ предложеніемъ (125 разъ, при чемъ въ 24 случаяхъ въ составъ этого главнаго входитъ также не отдѣляемое запятою participium coniunctum или acc. c. infinitivo) или частью главнаго (69 разъ). Вступительное слово въ первой части періода мы встрѣтимъ 102 раза. Изъ этого числа 16 разъ вступительное слово окажется не въ началѣ періода, и мы придемъ къ правильному заключенію, что имѣемъ дѣло съ придаточнымъ предложеніемъ (13 разъ вступительное слово оказалось на второмъ мѣстѣ—9 разъ послѣ стоящаго на первомъ мѣстѣ мѣстоименія, по одному разу послѣ дополненія, послѣ eo, diu, diutius и 3 раза не на второмъ мѣстѣ, а далѣе—послѣ подлежащаго, послѣ сочетаній eius rei и interim saepe ultro citroque). 6 разъ въ началѣ періода окажется вступительное слово въ соединеніи съ стоящимъ передъ нимъ ложно-вступительнымъ словомъ (qui cum,

qui si—два раза, qui nisi, quod cum, quod ubi), и мы опять придёмъ къ правильному заключенію, что имѣемъ дѣло съ придаточнымъ предложеніемъ. Въ остальныхъ 80 случаяхъ вступительное слово будетъ стоять въ началѣ періода, и мы не можемъ прійти къ несомнѣнному заключенію, что имѣемъ дѣло съ придаточнымъ предложеніемъ, такъ какъ не знаемъ, подлинное ли это вступительное слово или ложно-вступительное. Посмотримъ, однако, не найдемъ ли критерія въ самомъ подборѣ этихъ вступительныхъ словъ. A posteriori, послѣ перевода, мы убѣдились бы, что въ это число входитъ 62 придаточныхъ предложенія и 18 главныхъ. Придаточныя начинаются словами: ubi—8 разъ, cum—7 разъ, dum и post(ea)quam—по 3 раза, quod (въ рѣчахъ, для перехода къ чему-нибудь новому)—8 разъ, si—18, quod si (считаемъ за одно вступительное слово, тѣмъ болѣе, что оно часто пишется слитно)—7, nisi, quoniam, ut («какъ»)—по одному разу, qui (въ очень короткихъ фразахъ)—4 раза, quid—1 разъ. Ложно-вступительными словами оказываются: мѣстоименіе qui (въ разныхъ формахъ)—15 разъ, quare, quam ob rem и quin—по одному разу. Этотъ обзоръ убѣждаетъ насъ, что главное предложеніе начинается главнымъ образомъ мѣстоименіемъ относительнымъ и что, наоборотъ, относительное придаточное весьма рѣдко встрѣчается въ началѣ сложнаго предложенія. Это и можетъ служить приблизительнымъ критеріемъ для распознаванія вступительныхъ словъ придаточнаго отъ ложно-вступительныхъ главнаго: qui въ началѣ періода обыкновенно бываетъ ложно-вступительнымъ словомъ и начинаетъ собою главное предложеніе; то же можно сказать о quare и quam ob rem, состоящихъ изъ того же qui.

При чтеніи второй части періода, отъ первой запятой до второй запятой, въ I книгѣ Цезаря вторая изъ помѣченныхъ нами комбинацій (до первой запятой главное предложеніе, а послѣ первой запятой нѣтъ все-таки вступительнаго слова) встрѣчается 23 раза. Такая комбинація показываетъ, что мы имѣемъ дѣло или съ слитнымъ предложеніемъ (у Цезаря 14 разъ), или съ приложеніемъ (у Цезаря 6 разъ),

или съ новымъ главнымъ, соединеннымъ при помощи союза «и» (2 раза; помимо всего этого у Цезаря въ изданіи Тейбнера мы нашли бы 1 разъ запятую передъ: et eo magis). Одинъ разъ во второй части періода вступительное слово оказывается не послѣ запятой, а на второмъ мѣстѣ (Ariovistus, ex equis ut etc.), и одинъ разъ мы встрѣтимъ конструкцію, которую, по ученію грамматикъ, одинаково можно было бы принимать и за главное и за придаточное (consolatus rogat, finem orandi faciat). Наконецъ, въ трехъ случаяхъ мы въ изданіи Тейбнера встрѣтились бы съ невѣрно поставленными знаками препинанія и потому не могли бы сразу, безъ внимательнаго разсмотрѣнія остальныхъ частей, вникнуть въ схему (Helvetii seu quod—опущена запятая; Treveri autem, pagos consedisse—лишняя запятая, и одинъ разъ запятая стоитъ между сложными предложеніями); кромѣ того, одинъ разъ большое затрудненіе возникло бы вслѣдствіе особаго свойства союза que,—поставленный сзади слова quae, этотъ союзъ сдѣлалъ невозможною постановку запятой (quaeque—«и то, что»).

Мы указали пріемы для разбора схемы двухъ первыхъ частей періода; но мы еще не касались случаевъ, когда въ началѣ періода или послѣ первой запятой стоитъ не простое придаточное, не включающее въ себѣ запятыхъ, а часть придаточнаго, или когда за первымъ придаточнымъ сейчасъ же слѣдуетъ второе. За частью придаточнаго должно слѣдовать, конечно, другое придаточное, а не главное, потому что члены придаточнаго не могутъ быть раздѣлены главнымъ,—главное не вставляется въ придаточное[1]). Когда мы по вступительному слову нашли начало придаточнаго, вся дальнѣйшая работа по угадыванію схемы сводится къ задачѣ—найти конецъ каждаго такого придаточнаго. Для этого мы просматриваемъ текстъ, начиная съ вступитель-

---

[1]) Эта вставка бываетъ только при сочетаніи главнаго съ acc. c. infinitivo. У писателей можно найти и другіе случаи вставки, но они являются рѣдкими исключеніями (напр., у Цицерона: In oratoribus vero, Graecis quidem, admirabile est, quantum inter omnes unus excellat. Primum ista nostra assiduitas nescis, quantum interdum afferat hominibus fastidii).

наго слова и до слѣдующей запятой, съ цѣлью найти въ этой новой части verbum finitum. Если за verbum finitum идетъ не запятая, а соединительный союзъ, то ищемъ послѣ него другого verbum finitum; стоящее передъ запятою verbum finitum служитъ самымъ нагляднымъ признакомъ конца придаточнаго предложенія; этотъ критерій оказывается ложнымъ только въ тѣхъ очень рѣдкихъ случаяхъ, когда въ придаточномъ слитномъ оказывается три сказуемыхъ и два первыя изъ нихъ раздѣлены запятою. Найдя конецъ придаточнаго, наблюдаемъ опять первое слово, стоящее послѣ запятой; если это слово является вступительнымъ, значитъ, имѣемъ дѣло съ новымъ придаточнымъ; если послѣ этой новой запятой нѣтъ вступительнаго слова, значитъ, имѣемъ дѣло съ главнымъ или его частью. Если, просматривая текстъ, начиная отъ вступительнаго слова и до новой запятой, съ цѣлью найти verbum finitum, мы не нашли этого verbum finitum, а встрѣтились съ запятою и новымъ вступительнымъ словомъ, то, значитъ, мы имѣемъ дѣло съ включеніемъ предложеній, съ подчиненіемъ придаточнаго придаточному. Оставляя на время въ сторонѣ незаконченное придаточное, мы теперь просматриваемъ включенное предложеніе съ цѣлью найти его конецъ, пользуясь опять только-что указанными пріемами. За концомъ включеннаго предложенія непремѣнно слѣдуетъ остальная часть того придаточнаго, которое было только-что прервано включеннымъ предложеніемъ. При отысканіи verbum finitum во включенномъ предложеніи мы опять можемъ вмѣсто verbum finitum сначала встрѣтить запятую и за нею вступительное слово; это значитъ, что мы натолкнулись на включенное предложеніе второй степени—на такое, которое включено въ включенное уже предложеніе. Оставляя пока въ сторонѣ эту вторую незаконченную часть второго незаконченнаго придаточнаго, мы ищемъ конца включеннаго предложенія второй степени. Когда мы нашли этотъ конецъ, за нимъ непремѣнно долженъ слѣдовать конецъ перваго включеннаго предложенія. Для облегченія работы мы постепенно выключаемъ умственно всѣ включенныя предложенія и связываемъ концы придаточныхъ съ ихъ нача-

лами. При большомъ навыкѣ переводчику для выясненія схемы нѣтъ даже нужды прочитывать весь текстъ: онъ все свое вниманіе направляетъ исключительно на запятыя и слова, стоящія впереди и позади запятой; впереди запятой онъ ищетъ verbum finitum, наличность котораго указываетъ ему, что тутъ конецъ предложенія; сзади запятой онъ ищетъ вступительнаго слова или соединительнаго союза, а если не находитъ ни того ни другого, то выводитъ заключеніе, что имѣетъ дѣло съ главнымъ предложеніемъ или частью его или съ частью придаточнаго, прерваннаго включеннымъ предложеніемъ. Въ школьной практикѣ при разборѣ длинныхъ періодовъ полезно на первыхъ порахъ тѣ вѣхи, по которымъ идетъ разборъ, т.-е. вступительныя слова, соединительные союзы и verba finita, подчеркивать или помѣчать знаками, разнообразя эти знаки въ различныхъ предложеніяхъ и оставляя одинаковыми для одного и того же предложенія.

За разборомъ схемы или одновременно съ нимъ можетъ итти опредѣленіе видовъ придаточнаго. Критеріемъ тутъ служатъ вступительныя слова и связанная съ ними постановка наклоненій и временъ. Къ разсмотрѣнію временъ и наклоненій мы прибѣгаемъ лишь тогда, когда первый критерій—вступительное слово—не рѣшаетъ вопроса, т.-е. когда оно имѣетъ различныя значенія; если же и второй критерій не помогаетъ дѣлу, то приходится потомъ дѣлать лишь пробные переводы, перебирая постепенно различныя значенія вступительнаго слова. Переводчику очень важно знать всѣ значенія каждаго вступительнаго слова въ одной общей схемѣ; онъ постоянно и твердо долженъ держать въ памяти перечни этихъ значеній. Учебники грамматики обращаютъ мало вниманія на эту важную сторону дѣла; часто эти перечни приходится искать даже не въ самомъ учебникѣ, а въ оглавленіи его или въ указателѣ терминовъ, помѣщаемомъ въ концѣ учебника.

За разборомъ синтаксической схемы слѣдуетъ детальный этимологическій разборъ каждаго отдѣльнаго предложенія и переводъ. Мы намѣтили только норму и общіе пріемы. Детально эти вопросы еще не разработаны: это работа для

будущаго. Совершенно неразработанными остаются въ нашихъ учебникахъ (и въ скудныхъ трактатахъ по методикѣ) вопросы стилистики и особенно вопросы о пріемахъ перевода многочисленныхъ сложныхъ предложеній, столь излюбленныхъ латинскими авторами.

Методологическія наблюденія изъ области латинскаго синтаксиса.

Consecutio temporum въ латинскомъ языкѣ сравнительно съ русскимъ языкомъ.

Ученію о consecutio temporum въ школьныхъ латинскихъ грамматикахъ предшествуетъ глава о значеніи временъ. Перечисляя значенія каждаго отдѣльнаго времени, однѣ грамматики относятъ эти значенія къ изъявительному наклоненію; другія же, ничего не упоминая о наклоненіи, говорятъ о временахъ вообще. Но въ томъ и другомъ случаѣ, сопоставляя всѣ эти разсужденія о значеніи временъ съ правилами о consecutio temporum, внимательный ученикъ долженъ оказаться въ большомъ недоумѣніи. Если эти значенія принадлежатъ только изъявительному наклоненію, то почему же утратило ихъ сослагательное наклоненіе, почему съ перемѣною наклоненія такъ измѣнились и функціи времени? Еще болѣе возникаетъ недоумѣній, если грамматика распространяетъ эти значенія и на сослагательное наклоненіе придаточныхъ предложеній, такъ какъ многое изъ того, что говорится о роли временъ въ главѣ о consecutio temporum, не только не вытекаетъ изъ сказаннаго о значеніи временъ, но даже, повидимому, не имѣетъ никакого отношенія къ этимъ установленнымъ раньше нормамъ. Напримѣръ, дѣйствіе, «совершающееся во всякое время», должно быть обозначаемо настоящимъ временемъ, а межъ тѣмъ мы обязаны сказать: Simonides interrogatus, ubi Deus *esset*, etc.,—а не sit; «совершившійся фактъ» долженъ быть обозначенъ черезъ perfectum, а межъ тѣмъ читаемъ: accidit, ut una nocte omnes Hermae *deicerentur*, и т. д. Иногда утвержденіе, что «времена сослагательнаго наклоненія вообще согласуются по значенію съ соотвѣтственными временами изъявительнаго наклоненія»,

сопровождается оговорками, совершенно подрывающими это утвержденіе,—напримѣръ, дѣлается добавленіе: «во многихъ же, однако, случаяхъ они имѣютъ особое значеніе, отличное отъ изъявительнаго наклоненія» (Кесслеръ). Иныя грамматики добавляютъ, что «только imperfectum coniunctivi представляетъ исключеніе» (Элл.-Зейфертъ); но если за прошедшимъ главнаго предложенія въ придаточномъ вмѣсто praesens находимъ imperfectum, если ожидаемое imperfectum часто замѣняется въ придаточномъ черезъ perfectum, то, очевидно, къ «исключеніямъ» относится не только imperfectum, но также praesens, которое, значитъ, утратило одно изъ своихъ значеній, и perfectum, которое пріобрѣло какую-то новую функцію. Еще скорѣе можно отнести къ исключеніямъ будущія времена, которыя, по ученію грамматикъ, не имѣютъ сослагательнаго наклоненія и, значитъ, совершенно непримѣнимы при consecutio temporum, гдѣ ихъ замѣняютъ формы описательнаго спряженія.

Постараемся разобраться въ этихъ недомолвкахъ. Конечно, время не есть функція наклоненія. По своему значенію, времена, являясь самостоятельной грамматической категоріей, независимой отъ категоріи наклоненія, всегда остаются одною и тою же величиной, независимо отъ того, стоятъ ли они въ изъявительномъ или сослагательномъ наклоненіи. Но и фактическое содержаніе рѣчи, т.-е. тѣ дѣйствія, которыя мы изображаемъ словами, тоже не зависятъ, конечно, отъ выбора наклоненій. Сверженіе гермъ всегда будетъ совершившимся фактомъ, независимо отъ того, употребимъ ли мы perfectum или imperfectum для изображенія этого факта, скажемъ ли: Hermae deiectae sunt, или: accidit, ut Hermae deicerentur. Если же съ измѣненіемъ главнаго предложенія въ придаточное не измѣняется ни значеніе временъ ни содержаніе рѣчи, то спрашивается: почему же съ перемѣною наклоненія мы должны перемѣнять и времена? Если не измѣняется ни содержаніе рѣчи ни значеніе временъ, то что же измѣняется при обращеніи главнаго предложенія въ придаточное, связанномъ съ перемѣною наклоненія? Измѣняется наше отношеніе

къ факту, измѣняется точка зрѣнія, съ которой разсматривается содержаніе рѣчи.

Говоря о послѣдовательности временъ, школьныя грамматики даютъ лишь рядъ частныхъ правилъ, не уясняя сущности явленій. Утверждать, что послѣдовательностью временъ выражается «зависимость» одного предложенія отъ другого, значитъ неопредѣленный терминъ замѣнять другимъ, столь же неопредѣленнымъ и еще болѣе обширнымъ. «Зависимость» не представляетъ ничего характернаго для consecutio temporum, такъ какъ зависимымъ мы называемъ всякое придаточное предложеніе, т.-е. и то, въ которомъ стоитъ, напримѣръ, изъявительное или неопредѣленное наклоненіе. Грамматическая зависимость между двумя предложеніями есть выраженіе логической зависимости между двумя сужденіями или между членами одного и того же сужденія: она означаетъ, что предложеніе, именуемое придаточнымъ, есть не что иное, какъ часть другого, простого или сложного сужденія. При consecutio temporum дѣло усложняется, связь дѣлается болѣе тѣсною, она распространяется и на категорію времени. При обычной грамматической зависимости каждое отдѣльное дѣйствіе разсматривается съ точки зрѣнія момента рѣчи, т.-е., что совпадаетъ съ моментомъ рѣчи, то обозначается настоящимъ временемъ, что же окончилось для даннаго момента рѣчи, то выражается черезъ perfectum, и т. д. При consecutio temporum дѣйствіе придаточнаго разсматривается уже съ иной точки зрѣнія: тутъ является болѣе тѣсная, внутренняя связь между главнымъ дѣйствіемъ и второстепеннымъ, и дѣйствіе придаточнаго разсматривается уже съ точки зрѣнія не момента рѣчи, а момента дѣйствія главнаго предложенія. Съ перемѣною точки зрѣнія на дѣйствіе придаточнаго предложенія измѣняется и наклоненіе. Coniunctivus придаточнаго въ латинскомъ языкѣ означаетъ, что данное дѣйствіе разсматривается по отношенію къ времени съ точки зрѣнія момента главнаго дѣйствія. Обѣ точки зрѣнія допускаетъ и русскій языкъ, но здѣсь съ перемѣною точки зрѣнія не мѣняется наклоненіе, поэтому и области того или иного сочетанія предложенія не разгра-

ничены между собою такъ строго, какъ въ латинскомъ языкѣ. Можно сказать, что послѣдовательность временъ примѣняется и въ русскомъ языкѣ, но здѣсь нѣтъ случаевъ, гдѣ она была бы обязательна: вторую точку зрѣнія русскій языкъ допускаетъ параллельно съ первою, въ однихъ и тѣхъ же предложеніяхъ.

Чтобы уяснить эту разницу между латинскимъ и русскимъ языками, возьмемъ главное и придаточное предложенія и разберемъ всѣ возможныя комбинаціи временъ и видовъ въ томъ и другомъ языкѣ.

Если въ главномъ настоящее, то русскій языкъ допускаетъ пять комбинацій, латинскій—три:

1. Я знаю, что̀ ты дѣлаешь.	a) Scio, quid facias.
2. Я знаю, что̀ ты дѣлалъ. 3. Я знаю, что̀ ты сдѣлалъ.	b) Scio, quid feceris.
4. Я знаю, что̀ ты будешь дѣлать. 5. Я знаю, что̀ ты сдѣлаешь.	c) Scio, quid facturus sis.

При взаимномъ сопоставленіи этихъ комбинацій насъ останавливаютъ два вопроса: 1) почему латинскій языкъ не допускаетъ здѣсь imperfectum въ придаточномъ? и 2) почему будущее въ латинскомъ замѣнено описательнымъ спряженіемъ? Перечисленныя комбинаціи представляютъ собою простѣйшій случай сочетанія придаточнаго съ главнымъ: моментъ главнаго дѣйствія здѣсь совпадаетъ съ моментомъ рѣчи. Русскій языкъ въ комбинаціяхъ 2 и 3 дѣйствіе придаточнаго разсматриваетъ самостоятельно, безъ отношенія къ главному дѣйствію, и поэтому допускаетъ оба вида, несовершенный и совершенный. Несовершеннымъ видомъ онъ означаетъ, что дѣйствіе не распространилось еще на весь предметъ, на точно опредѣленную часть предмета или группу предметовъ, что дѣйствію подвергались только еще нѣкоторыя части предмета или нѣкоторые члены группы; наоборотъ, совершенный видъ означаетъ, что дѣйствіе охватило весь точно обозначенный объектъ. То же самое бываетъ въ латинскомъ языкѣ, когда извѣстное дѣйствіе разсматривается самостоятельно, безъ отношенія къ другимъ дѣйствіямъ. Это мы видимъ въ главныхъ, самостоятельныхъ

предложеніяхъ и въ тѣхъ придаточныхъ, которыя не подчинены внутренней зависимости, выражаемой въ consecutio temporum. Обозначая рядъ самостоятельныхъ дѣйствій, мы при каждомъ отдѣльномъ дѣйствіи мысленно переносимся къ тому моменту, когда оно происходитъ, и отмѣчаемъ это соотвѣтственной категоріей времени. При consecutio же temporum не бываетъ подобнаго перехода нашего сознанія отъ одного момента къ другому, мы не переносимся сознаніемъ отъ момента главнаго дѣйствія къ моменту придаточнаго, а остаемся такъ сказать на одномъ и томъ же пунктѣ и съ этого пункта судимъ не только о главномъ дѣйствіи, но и о всѣхъ второстепенныхъ, выражаемыхъ придаточными предложеніями. Устанавливать consecutio temporum—это значитъ оцѣнивать всѣ дѣйствія съ одной и той же точки зрѣнія, представлять ихъ такими, какими они будутъ для сознанія въ тотъ моментъ, къ которому относится главное дѣйствіе. Въ разбираемыхъ сочетаніяхъ моментъ главнаго дѣйствія есть настоящій моментъ или, иначе говоря, моментъ рѣчи, а всякое прошлое дѣйствіе для этого момента будетъ лишь дѣйствіемъ законченнымъ—и только. Для настоящаго момента законченнымъ будетъ и то дѣйствіе, которое въ прошломъ распространялось по объекту, но не успѣло охватить объекта. Когда предложеніе было самостоятельнымъ, мы при обозначеніи дѣйствія переносились сознаніемъ въ прошлое и прежде всего рѣшали вопросъ, распространилось это дѣйствіе по объекту или нѣтъ; отъ рѣшенія этого вопроса и зависитъ выборъ времени и вида. Теперь, при consecntio temporum, мы не переносимся *сознаніемъ въ прошлое: дѣйствіе мы изображаемъ* такимъ, какимъ оно является для нашего сознанія въ настоящій моментъ; намъ не приходится уже рѣшать вопроса о томъ, распространилось ли дѣйствіе по объекту или нѣтъ, а значитъ, не приходится и дѣлать выбора между видами. Но съ другой стороны, мы не можемъ также сказать, что съ установленіемъ consecutio temporum всякое прошедшее дѣйствіе стало обозначаться совершеннымъ видомъ. Форма feceris—въ комбинаціи: scio, quid feceris—выполняетъ совершенно иную функцію, чѣмъ форма fecisti,

которая была бы въ самостоятельномъ предложеніи. Употребляя главное предложеніе, мы выбирали бы соотвѣтственный видъ и сказали бы или: faciebas, или: fecisti. Теперь, при consecutio temporum, мы не обращаемъ вниманія на категорію вида въ томъ ея значеніи, какое она имѣетъ въ русскомъ языкѣ; теперь у насъ совершенно иная точка зрѣнія на то или другое дѣйствіе; съ этой точки зрѣнія всякое прошедшее, даже то, которое въ независимомъ предложеніи обозначалось несовершеннымъ видомъ, черезъ imperfectum, стало совершеннымъ, законченнымъ. Русскія грамматики, опредѣляя виды, часто указываютъ, что совершеннымъ видомъ обозначается то, что совершено, что теперь закончено. Подъ это опредѣленіе, совершенно ошибочное и непримѣнимое къ русскому языку, подходитъ по своей роли латинское perfectum coniunctivi, употребленное при consecutio temporum.

При 4 и 5 комбинаціи въ русскомъ языкѣ, употребляя формы: «будешь дѣлать» или «сдѣлаешь», мы переносимся сознаніемъ въ будущее время и представляемъ себѣ, что въ этотъ будущій моментъ дѣйствіе или распространится по всему объекту или не распространится. Если же не переноситься сознаніемъ въ будущіе моменты, а обозначать лишь то, что есть въ сознаніи въ моментъ главнаго дѣйствія, совпадающій здѣсь съ моментомъ рѣчи, то дѣйствіе придаточнаго должно намъ представляться настоящимъ намѣреніемъ—и только. Въ настоящій моментъ ты хочешь дѣлать, ты намѣренъ дѣлать,—это я только и знаю. При consecutio temporum о будущемъ дѣйствіи мы говоримъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно проявляется въ настоящій моментъ, а въ настоящій моментъ проявляется не самый фактъ, а лишь намѣреніе, готовность приступить къ дѣйствію или, по крайней мѣрѣ, мое убѣжденіе и предположеніе, что дѣйствіе будетъ. Это настоящее намѣреніе и выражается формою: facturus sis, представляющею своими двумя элементами (facturus и sis) какъ бы связующее звено между подлиннымъ будущимъ и настоящимъ. Если я констатирую лишь настоящее намѣреніе, не предрѣшая даже вопроса, осуществится ли на самомъ дѣлѣ такое-то

дѣйствіе или нѣтъ, то тѣмъ менѣе я могъ бы предрѣшить еще болѣе отдаленный вопросъ о томъ, охватитъ ли дѣйствіе весь объектъ или нѣтъ, окончится ли оно въ извѣстный срокъ или нѣтъ. Такимъ образомъ и здѣсь латинскій языкъ совершенно игнорируетъ категорію вида.

Беремъ теперь комбинаціи съ будущимъ временемъ въ главномъ предложеніи:

1. Я буду знать, что̀ ты дѣлаешь.
2. Я буду знать, что̀ ты дѣлалъ.
3. Я буду знать, что̀ ты сдѣлалъ.
4. Я буду знать, что̀ ты будешь дѣлать.
5. Я буду знать, что̀ ты сдѣлаешь.

Нѣкоторыя изъ этихъ комбинацій могутъ совмѣщать въ себѣ различное фактическое содержаніе. Предположимъ, напримѣръ, что ты что-нибудь дѣлаешь сегодня, а я буду знать объ этомъ только завтра, ничего не зная сегодня. Это фактическое содержаніе можно обозначить тремя способами: 1. «завтра я буду знать, что̀ ты сегодня дѣлаешь»; 2. «я буду знать, что̀ ты дѣлалъ»; 3. «я буду знать, что̀ ты сдѣлалъ». Всѣ эти три комбинаціи обозначають отъ различія точекъ зрѣнія на дѣйствіе придаточнаго. одинъ и тотъ же фактъ; различіе въ формахъ зависитъ Въ первой комбинаціи оба дѣйствія разсматриваются самостоятельно, безъ взаимнаго подчиненія, — они разсматриваются съ точки зрѣнія момента рѣчи. Во второй и третьей комбинаціи дѣйствіе придаточнаго разсматривается съ точки зрѣнія момента главнаго дѣйствія, которое относится къ будущему, къ завтрашнему дню. Мое значеніе обнаружится завтра, а завтра о твоемъ сегодняшнемъ поступкѣ я могу сказать: «ты дѣлалъ», «ты сдѣлалъ», но не могу уже сказать: «ты дѣлаешь» или «ты будешь дѣлать». Такимъ образомъ фактическое настоящее (ты дѣлаешь сегодня, теперь) при подчиненіи главному предложенію превращается въ прошедшее. При первой комбинаціи русскій языкъ не устанавливаетъ еще подчиненія временъ, извѣстнаго подъ именемъ consecutio temporum. Вторая и третья комбинаціи построены по принципу по-

слѣдовательности временъ; при обозначеніи дѣйствія придаточнаго предложенія въ русскомъ языкѣ, какъ и въ латинскомъ, формальное время (прошедшее) расходится съ фактическимъ временемъ (настоящимъ). Вопросъ о видѣ въ латинскомъ языкѣ опять оставляется въ сторонѣ: сегодняшнее твое дѣйствіе для завтрашняго дня будетъ законченнымъ, совершенно независимо отъ того, распространилось оно сегодня на весь объектъ или нѣтъ. Въ русскомъ языкѣ приходится брать одну изъ двухъ наличныхъ формъ, приходится останавливаться или на несовершенномъ видѣ или на совершенномъ, а такъ какъ фактическаго критерія для выбора вида нѣтъ (сегодня, въ моментъ рѣчи, я не могу рѣшить вопроса о видѣ, такъ какъ дѣйствіе только еще совершается и неизвѣстно пока, охватитъ оно объектъ или нѣтъ), то я совершенно безразлично могу сказать: «я буду знать, что̀ ты дѣлалъ», или: «я буду знать, что̀ ты сдѣлалъ».

Возьмемъ теперь другой фактическій случай. Положимъ, ты будешь что-либо дѣлать завтра, а сегодня пока ничего не дѣлаешь; положимъ я узнаю тоже завтра, а сегодня ничего не знаю. Это фактическое содержаніе я могу выразить опять тремя способами. Если оба дѣйствія разсматривать съ точки зрѣнія момента рѣчи, то оба они представляются будущими, и я могу сказать: «я буду знать, что̀ ты будешь дѣлать». Такъ какъ сегодня мнѣ неизвѣстно, распространится твое дѣйствіе по всему объекту или нѣтъ, то, за неимѣніемъ критерія для выбора вида, я опять могу употребить и совершенный видъ, параллельно съ видомъ несовершеннымъ; я могу сказать: «я буду знать, что̀ ты сдѣлаешь». Но я могу смотрѣть на дѣйствіе придаточнаго съ точки зрѣнія не момента рѣчи (настоящее время), а момента главнаго дѣйствія (будущее время). Завтра, когда я получу возможность знать, твое дѣйствіе будетъ для меня не будущимъ, а настоящимъ. Такимъ образомъ я могу сказать: «я буду знать, что̀ ты дѣлаешь», и разумѣть при этомъ не сегодняшнее твое дѣйствіе, а лишь завтрашнее, будущее для момента моей рѣчи. Если, напримѣръ, я сегодня не знаю, что̀ завтра идетъ на сценѣ, и узнаю объ этомъ

только завтра, то это фактическое содержаніе я могу выразить тремя способами:

1. Я завтра узнаю, что̀ будетъ идти на сценѣ.
2. Я завтра узнаю, что̀ пойдетъ на сценѣ.
3. Я завтра узнаю, что̀ идетъ на сценѣ.

Такимъ образомъ и здѣсь фактическое время не всегда совпадаетъ съ формальнымъ. Совпаденіе это бываетъ, когда оба дѣйствія мы разсматриваемъ независимо другъ отъ друга, съ точки зрѣнія момента рѣчи: мы выражаемся въ этихъ случаяхъ совершенно согласно съ тѣмъ, какъ оба дѣйствія представляются нашему сознанію въ данный моментъ, въ моментъ рѣчи, и выборъ времени обусловленъ здѣсь исключительно фактическимъ содержаніемъ. Когда же дѣйствіе придаточнаго я разсматриваю съ точки зрѣнія момента главнаго дѣйствія, то для обозначенія дѣйствія придаточнаго я беру иную форму, не соотвѣтственную фактическому времени, обусловленному моментомъ рѣчи. Фактическое настоящее отодвигается на одну степень назадъ и дѣлается прошедшимъ. Фактическое будущее тоже отодвигается на одну степень назадъ и съ точки зрѣнія момента главнаго дѣйствія становится настоящимъ (сегодня завтрашнее твое дѣйствіе есть для меня будущее, а завтра завтрашнее твое дѣйствіе будетъ для меня настоящимъ).

Сопоставляя комбинаціи перваго и второго фактическаго случая, мы замѣчаемъ, что комбинація: «я буду знать, что̀ ты дѣлаешь», у насъ встрѣтилась дважды. Она означаетъ двоякаго рода фактическое содержаніе и говоритъ то о фактическомъ настоящемъ (сегодня ты дѣлаешь, завтра я узнаю), то о фактическомъ будущемъ (завтра ты будешь дѣлать, завтра я узнаю); въ первомъ случаѣ мы судимъ съ точки зрѣнія момента рѣчи, во второмъ—съ точки зрѣнія момента главнаго дѣйствія.

Мы разобрали два фактическихъ случая. Остается указать третій. Положимъ, завтра я буду знать, сегодня не знаю, но все-таки высказываю свою мысль, а дѣлалъ ты нѣчто **вчера**. Тутъ моментъ рѣчи есть (какъ и всегда) настоящее время, моментъ главнаго дѣйствія относится къ буду-

щему, а моментъ второстепеннаго дѣйствія—къ прошедшему. Второстепенное дѣйствіе здѣсь безусловно относится къ прошедшему, съ какой бы точки зрѣнія мы ни смотрѣли на него. Если смотрѣть на него съ точки зрѣнія момента рѣчи, то оно, какъ бывшее вчера, сегодня стало для меня прошедшимъ; но и завтра, т.-е. въ моментъ главнаго дѣйствія, оно будетъ для меня только прошедшимъ, — никогда оно не *можетъ* оказаться ни будущимъ ни настоящимъ. Такъ какъ обѣ точки зрѣнія здѣсь совпадаютъ, то для разбираемаго фактическаго случая допустима, значитъ, только одна форма выраженія: «я буду знать, что̀ ты дѣлалъ» или: «сдѣлалъ».

Сопоставляя этотъ фактическій случай съ первымъ, мы видимъ, что комбинаціи: «я буду знать, что̀ ты дѣлалъ», и: «буду знать, что̀ ты сдѣлалъ», имѣютъ двоякое фактическое содержаніе. Онѣ указываютъ или на фактическое настоящее (сегодня ты дѣлаешь, завтра я узнаю) или на фактическое прошедшее (ты дѣлалъ вчера, завтра я узнаю); въ первомъ случаѣ берется точка зрѣнія момента главнаго дѣйствія, во второмъ—или та же точка зрѣнія или точка зрѣнія момента рѣчи (обѣ точки зрѣнія въ этомъ случаѣ, какъ мы сейчасъ сказали, совпадаетъ).

Сдѣлаемъ теперь сводъ всѣхъ комбинацій, употребляемыхъ для обозначенія тѣхъ случаевъ, когда главное дѣйствіе относится къ будущему, а второстепенное дѣйствіе къ настоящему, прошедшему или будущему съ точки зрѣнія момента рѣчи. Время придаточнаго, разсматриваемое съ точки зрѣнія момента рѣчи, независимо отъ главнаго дѣйствія, и есть фактическое время придаточнаго. Форма же то совпадаетъ съ этимъ фактическимъ временемъ, то нѣтъ. Формальное время совпадающее съ фактическимъ, мы назовемъ фактическо-формальнымъ. Всѣ комбинаціи *можно представить въ слѣдующей схемѣ.*

Фактъ.	*А. Отн. момента рѣчи.*	*Б. Отн. момента главнаго дѣйствія.*	
I. Ты сегодня дѣлаешь.	Что̀ ты дѣлаешь.		(a)
	—	Что̀ ты дѣлалъ.	(b)
	—	Что̀ ты сдѣлалъ.	(c)

II. Ты завтра будешь дѣлать.	Что̀ ты будешь дѣлать.	—	(d)
	Что̀ ты сдѣлаешь.	—	(e)
	—	Что̀ ты дѣлаешь.	(f)
III. Ты вчера дѣлалъ или сдѣлалъ.	Что̀ ты дѣлалъ.	Что̀ ты дѣлалъ.	(g)
	Что̀ ты сдѣлалъ.	Что̀ ты сдѣлалъ.	(h)

Соотвѣтствіе между фактическими и формальными временами представляется въ слѣдующей схемѣ.

А. Факт. вр.	*Б. Факт.-форм. вр.*	*В. Формальное вр.*
I. Настоящее.	Настоящее (a).	—
	—	Прошедшее (b и c).
II. Будущее.	Будущее (d и e).	—
	—	Настоящее (f).
III. Прошедшее.	Прошедшее (g и h).	

Въ первомъ столбцѣ (А)—тѣ времена, которыя пришлось бы употребить, если бы вмѣсто придаточнаго мы имѣли главное, самостоятельное предложеніе; во второмъ (Б) и третьемъ (В) столбцѣ берется только форма глагола; она то совпадаетъ съ фактическимъ временемъ (Б), то не совпадаетъ (В). Несовпаденіе это происходитъ отъ того, что на второстепенное дѣйствіе смотрятъ съ точки зрѣнія момента главнаго дѣйствія. Такими исключительно формальными временами могутъ быть только два времени—настоящее и прошедшее; будущее же находимъ только въ столбцѣ Б: оно можетъ употребляться при обозначеніи только такого дѣйствія, которое и фактически, съ точки зрѣнія момента рѣчи, относится къ будущему времени. Формы прошедшаго и настоящаго имѣютъ каждая по двѣ роли, указываютъ каждая на два различныхъ фактическихъ времени; форма же будущаго всегда имѣетъ одинъ и тотъ же смыслъ и допустима только при точкѣ зрѣнія момента рѣчи. Съ внѣшней стороны комбинація (a) тожественна комбинаціи (f), а комбинаціи (b) и (c) тожественны комбинаціямъ (g) и (h); комбинаціи же (d) и (e) стоятъ въ одиночку и не находятъ себѣ внѣшняго соотвѣт-

ствія въ столбцѣ В, среди временъ исключительно формальныхъ.

Перейдемъ теперь на почву латинскаго языка. Даже поверхностное разсмотрѣніе приведенныхъ схемъ ясно рѣшаетъ вопросъ, почему 8 русскихъ комбинацій сведены въ латинскомъ языкѣ только къ двумъ:

Sciam, quid facias.
Sciam, quid feceris.

Латинскій языкъ допускаетъ только тѣ комбинаціи, которыя помѣщены нами въ столбцѣ В, такъ какъ только въ этихъ сочетаніяхъ второстепенное дѣйствіе разсматривается относительно времени съ точки зрѣнія момента главнаго дѣйствія. Послѣдовательность временъ, наблюдаемая въ русскомъ языкѣ въ комбинаціяхъ (b), (c), (f), (g) и (h) и для русскаго языка, какъ это видно изъ разобранныхъ примѣровъ, необязательная, на почвѣ латинскаго языка становится обязательнымъ и единственно возможнымъ способомъ выраженія. Комбинація: sciam, quid facias, по формамъ и принципу построенія вполнѣ тожественна комбинаціи (f), въ которой фактическое будущее (ты будешь дѣлать завтра) съ точки зрѣнія момента главнаго дѣйствія («я буду знать») превращается въ настоящее (твое завтрашнее дѣйствіе будетъ завтра для меня настоящимъ). Но такъ какъ то же фактическое содержаніе передается въ русскомъ языкѣ и комбинаціями (d) и (e), построенными по иному принципу, то, значитъ, сочетаніе: sciam, quid facias, можно перевести тремя способами:

1. Я буду знать, что̀ ты будешь дѣлать (d).
2. Я буду знать, что̀ ты сдѣлаешь (e).
3. Я буду знать, что̀ ты дѣлаешь (f).

Комбинація: sciam, quid feceris, обнимаетъ два фактическихъ случая: I и III. Она можетъ означать и настоящее фактическое время и прошедшее фактическое время. Въ первомъ случаѣ она по формамъ и принципу построенія тожественна комбинаціямъ (b) и (c): что ты дѣлаешь сегодня, то завтра, въ моментъ главнаго дѣйствія,

станетъ для меня прошедшимъ. А такъ какъ то же фактическое содержаніе въ русскомъ языкѣ передается еще комбинаціей (а), построенной по иному принципу, то, значитъ, при обозначеніи фактическаго настоящаго времени, комбинацію: sciam, quid feceris, можно переводить тремя способами:

1. Я буду знать, что̀ ты дѣлалъ (b).
2. Я буду знать, что̀ ты сдѣлалъ (c).
3. Я буду знать, что̀ ты дѣлаешь (а).

Та же комбинація при обозначеніи фактическаго прошедшаго времени передается съ помощью русскихъ комбинацій (g) и (h), въ которыхъ точка зрѣнія момента рѣчи не отдѣлима отъ точки зрѣнія момента главнаго дѣйствія, такъ какъ то, что ты дѣлалъ вчера, есть прошедшее не только для ожидаемаго въ будущемъ момента главнаго дѣйствія, но и для настоящаго момента рѣчи. Латинская комбинація въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, построена по принципу послѣдовательности временъ. Но о русскихъ комбинаціяхъ (g) и (h) этого нельзя прямо сказать, такъ какъ при этомъ фактическомъ случаѣ обѣ точки зрѣнія даютъ въ результатѣ одни и тѣ же сочетанія.

Такимъ образомъ 8 русскихъ комбинацій распредѣляются слѣдующимъ образомъ по двумъ латинскимъ:

Sciam, quid facias = комб. (d), (e), (f).
Sciam, quid feceris = комб. (а), (b), (c), (g), (h).

Употребляя прошедшее время, латинскій языкъ опять не различаетъ видовъ (нельзя сказать: sciam, quid faceres): съ точки зрѣнія будущаго времени, т.-е. завтра твое дѣйствіе необходимо будетъ для меня законченнымъ, несмотря на то, охватило оно весь объектъ или нѣтъ.

Доселѣ мы разобрали три фактическихъ случая, обнимающіе три фактическія времени: настоящее, прошедшее и будущее. Но на почвѣ латинскаго языка дѣло значительно усложняется по отношенію къ будущему времени. Въ латинскомъ языкѣ есть особое будущее, не-

равносильное по значенію обоимъ будущимъ русскаго языка. Мы говоримъ о futurum II, указывающемъ на такое будущее дѣйствіе, которое будетъ раньше другого будущаго дѣйствія. Различіе между futurum I и futurum II ведетъ къ *возможности представить* рядомъ съ разобраннымъ выше II фактическимъ случаемъ еще особый, побочный случай, гдѣ соотношеніе дѣйствій будетъ еще болѣе осложненнымъ. Положимъ, *я говорю* с е г о д н я, ты будешь дѣлать з а в т р а, а п о с л ѣ з а в т р а *я* узнаю о твоемъ дѣлѣ. Твое дѣйствіе и мое—оба только еще будутъ, но твое произойдетъ раньше моего. Съ точки зрѣнія момента рѣчи эту побочную фактическую комбинацію можно выразить такъ: «я буду знать послѣзавтра, что завтра ты будешь дѣлать» или «сдѣлаешь. Но стоитъ связать два предложенія принципомъ послѣдовательности временъ, стоитъ посмотрѣть на второстепенное дѣйствіе съ точки зрѣнія момента главнаго дѣйствія, и время придаточнаго измѣнится. Послѣзавтра твое завтрашнее дѣло будетъ для меня уже не будущимъ, а прошедшимъ. Такимъ образомъ фактическое будущее здѣсь превратится въ формальное прошедшее. Полученная нами формальная комбинація не совпадаетъ уже съ формальной комбинаціей (f) II фактическаго случая. Фактическое время—то же, но чисто формальныя времена не одинаковы: въ побочной комбинаціи—прошедшее, а во II основной—настоящее. Въ латинскомъ языкѣ для разбираемаго нами побочнаго случая возможно въ придаточномъ одно только время—perfectum. Такимъ образомъ perfectum означаетъ три фактическихъ *случая:* I, III и *побочный.* Послѣзавтра *прошедшимъ окажется* то, что ты будешь дѣлать завтра (*побочный случай*); *завтра прошедшимъ окажется то, что ты дѣлаешь* сегодня (*I фактическій случай*); завтра прошедшимъ *останется* то, *что ты* дѣлалъ вчера (III фактическій случай). Форма fecеris безразлично означаетъ и фактическое прошедшее, и *фактическое настоящее,* и такое фактическое будущее, которое будтъ раньше главнаго дѣйствія. Для момента дѣйствія, обозначеннаго формою sciam, все это будетъ законченнымъ прошлымъ. Въ

русскомъ языкѣ для обозначенія побочнаго случая можно, кромѣ указанныхъ выше сочетаній съ будущимъ временемъ въ придаточномъ, употребить также комбинацію, тожественную съ латинской, т.-е. построенную по принципу послѣдовательности временъ. Если завтра, напримѣръ, идетъ на сценѣ трагедія «Отелло», а послѣзавтра я узнаю изъ газетъ, какъ ее сыграли, то я могу сегодня сказать: «послѣзавтра я узнаю изъ газетъ, какъ ее сыграли».

Сдѣлаемъ, наконецъ, общій сводъ всѣхъ возможныхъ способовъ перевода обоихъ латинскихъ комбинацій:

Sciam, quid facias, можетъ означать:

1. Я буду знать, чтò ты будешь дѣлать (d).
2. Я буду знать, чтò ты сдѣлаешь (e).
3. Я буду знать, чтò ты дѣлаешь (f).

Sciam, quid feceris, можетъ означать:

1. Я буду знать, чтò ты дѣлалъ (b), (g).
2. Я буду знать, чтò ты сдѣлалъ (c), (h).
3. Я буду знать, чтò ты дѣлаешь (a).
4. Я буду знать, чтò ты будешь дѣлать (i).
5. Я буду знать, чтò ты сдѣлаешь (k).

Сопоставляя между собою эти способы перевода, мы прежде всего видимъ, что обѣ латинскія комбинаціи можно переводить обоими же видами будущаго времени. Такимъ образомъ установившаяся въ учебникахъ практика facias переводить несовершеннымъ видомъ («чтò ты будешь дѣлать»), а feceris — совершеннымъ видомъ («чтò ты сдѣлаешь»), не имѣетъ за собою достаточныхъ основаній. Латинское будущее не имѣетъ категоріи вида, а различіе между futurum I и futurum II вовсе не соотвѣтствуетъ различію между видами будущаго времени въ русскомъ языкѣ; такимъ образомъ видъ русскаго придаточнаго не можетъ быть подчиненъ или ограниченъ какими-нибудь категоріями главнаго глагола, онъ употребляется совершенно независимо отъ глагола главнаго предложенія. Если дѣлать ты будешь завтра, а узнаю я объ этомъ послѣ-

завтра, то латинскую фразу: sciam, quid feceris, означающую это фактическое содержаніе, можно съ одинаковымъ правомъ перевести и совершеннымъ видомъ и несовершеннымъ видомъ.

Другую подробность, довольно неожиданную для школьныхъ грамматикъ, составляетъ внѣшнее совпаденіе комбинацій (a) и (f), не сводимыхъ въ латинскомъ языкѣ къ одному способу выраженія. Грамматики не указываютъ, что фразу: sciam, quid feceris, можно (при обозначеніи I фактическаго случая) перевести: «я буду знать, что̀ ты дѣлаешь» (фактическое настоящее, оставшееся въ русскомъ языкѣ и измѣнившееся въ латинскомъ въ прошедшее).

Комбинаціи, соотвѣтствующія I фактическому случаю, вообще бываютъ въ грамматикахъ недостаточно выясненными. Послѣ обычныхъ правилъ о послѣдовательности временъ въ учебникахъ обыкновенно слѣдуетъ глава о «сослагательномъ будущихъ временъ». Исходной точкой здѣсь служитъ предполагаемое отсутствіе въ латинскомъ языкѣ сослагательнаго будущаго и вызываемая этимъ замѣна будущаго другими временами. Но̀ такая постановка вопроса съ методической точки зрѣнія не можетъ быть одобрена. Отсутствіе формъ никогда не бываетъ необъяснимою случайностью: отсутствуетъ то, чего не нужно или что логически не возможно. Не удобенъ и пріемъ построенія грамматическихъ законовъ на принципѣ «замѣнъ». Чего нѣтъ, на томъ мы не имѣемъ права основываться, устанавливая законы языка; а что есть, то существуетъ само по себѣ и ничего не «замѣняетъ»; мы должны имѣть дѣло лишь съ наличнымъ матеріаломъ. Перечисляя различныя «замѣны», грамматики прежде всего недостаточно ясно отвѣчаютъ на вопросъ, гдѣ сослагательное будущаго «замѣняется» описательнымъ спряженіемъ и гдѣ другими временами. Мы, напримѣръ, находимъ иногда такое разграниченіе: «если въ главномъ предложеніи находится будущее время, то въ замѣнъ coniunctivus futuri I употребляется coniunctivus praesentis», и т. д.; «если въ главномъ предложеніи находится настоящее или про-

шедшее время, то вмѣсто coniunctivus futuri употребляются описательныя формы» (Кесслеръ). Другія грамматики добавляютъ, что въ первомъ случаѣ «будущее время уже достаточно выражено главнымъ предложеніемъ». Такимъ образомъ выходитъ, что выборъ между coniugatio periphrastica и другими временами обусловленъ не внутреннею зависимостью предложеній, не принципомъ послѣдовательности временъ (при которой настоящее главнаго предложенія должно было бы стоять на одномъ ряду съ будущимъ, но не съ прошедшимъ), а какимъ-то непонятнымъ измѣреніемъ того, «достаточно» ли выражено въ главномъ предложеніи будущее время. Выходитъ, что послѣ будущаго въ главномъ coniugatio periphrastica не употребляется, что вмѣсто coniunctivus praesentis, imperfecti, perfecti и plusquamperfecti мы почему-то должны были бы (очевидно, въ силу послѣдовательности временъ) ожидать не этихъ временъ, а сослагательнаго будущаго. Наконецъ, если: sciam, quid facias, значитъ: «я буду знать, что ты б у д е ш ь дѣлать», если coniunctivus praesentis есть лишь замѣна будущаго, то какъ перевести фразу: «я буду знать, что ты дѣлаешь»,—фразу, въ которой является подлинное настоящее, ничего собою не замѣняющее? Весь этотъ рядъ недоумѣній и противорѣчій является результатомъ ложной исходной точки зрѣнія. Въ дѣйствительности никакихъ «замѣнъ» нигдѣ не происходило и не происходитъ. Coniugatio periphrastica (съ формами sim, essem) есть сослагательное будущаго времени и употребляется только тамъ, гдѣ мы должны ожидать сослагательнаго будущаго; coniunctivus praesentis, imperfecti и т. д. употребляется тамъ, гдѣ мы должны ожидать, въ силу послѣдовательности временъ, этихъ именно формъ, а не сослагательнаго будущаго. Если фраза: sciam, quid facias, значитъ: «я буду знать, что ты будешь дѣлать», то мы не имѣли никакихъ основаній ожидать здѣсь *сослагательнаго* будущаго. По основному правилу послѣдовательности временъ современное съ главнымъ дѣйствіемъ выражается черезъ praesens; дѣйствіе, современное будущему (sciam), конечно, фактически относится тоже къ будущему времени, но, съ примѣненіемъ

принципа послѣдовательности временъ, оно должно быть выражено, какъ дѣйствіе современное съ главнымъ, формальнымъ настоящимъ. Сослагательнаго будущаго мы не могли ожидать; при обращеніи придаточнаго въ главное предложеніе мы имѣли бы изъявительное будущаго, но мы не можемъ переносить вопроса на эту новую почву: если бы мы стали изслѣдовать, что̀ дѣлается съ каждымъ отдѣльнымъ временемъ при обращеніи главнаго въ придаточное, то вмѣсто простого правила о послѣдовательности временъ мы получили бы цѣлую массу ничѣмъ не связанныхъ и не объединенныхъ никакимъ общимъ принципомъ «правилъ» и «исключеній», совершенно непригодныхъ для школьной практики,—намъ пришлось бы объяснить, когда praesens замѣняется черезъ imperfectum (ср. quid est Deus? и: Simonides interrogatus, quid esset Deus, etc.), когда imperfectum превращается въ perfectum, въ plusquamperfectum и т. д., и т. д.

Фраза: sciam, quid facias, можетъ имѣть, какъ мы видѣли, только одно фактическое содержаніе. Когда мы переводимъ ее настоящимъ временемъ (*«я буду знать, что̀ ты дѣлаешь»*), то и въ русскомъ языкѣ, подобно латинскому, мы переносимся сознаніемъ въ будущее и второстепенное дѣйствіе представляемъ современнымъ главному; но фактическаго настоящаго времени она все-таки не означаетъ. Въ латинскихъ грамматикахъ мы находимъ иной разъ такое замѣчаніе: coniunctivus praesentis, imperfecti и т. д. «въ зависимости отъ futurum сами нѣкоторымъ образомъ принимаютъ значеніе сослагательнаго наклоненія будущаго времени; но въ косвенныхъ вопросахъ эти же сослагательныя наклоненія, хотя бы они и зависѣли отъ будущаго времени, могутъ удерживать свое собственное значеніе» (Кесслеръ). Изъ этого замѣчанія какъ будто слѣдуетъ, что фактическое настоящее въ нѣкоторыхъ случаяхъ *обозначается* черезъ praesens (послѣ будущаго въ главномъ предложеніи). Но это заключеніе было бы неправильнымъ. Грамматика приводитъ примѣръ: «ea quae sint (то, что есть) et cuiusmodi, poterit ex Pomponio cognoscere» (Cic., *Fam.*, 5,5). Но подобные примѣры,

представляющіе соединеніе перваго фактическаго случая со вторымъ, не доказываетъ, что фактическое настоящее передается настоящимъ же. Если ты сегодня что-либо дѣлаешь и завтра будешь дѣлать то же самое, безъ перерыва, то на такое твое дѣйствіе я и сегодня и завтра могу смотрѣть, какъ на настоящее. Въ дѣйствительности отмѣчаемое въ придаточномъ предложеніи дѣйствіе, непрерывно продолжаясь и сегодня и завтра, является такимъ образомъ настоящимъ и для момента рѣчи и для момента главнаго дѣйствія, но формально въ латинской фразѣ, построенной по принципу послѣдовательности временъ, отмѣчается лишь то, что это дѣйствіе есть настоящее, современное для момента главнаго дѣйствія. Такое совмѣщеніе двухъ фактическихъ случаевъ особенно часто встрѣчаемъ въ пословицахъ, сентенціяхъ, вообще при обозначеніи такихъ дѣйствій, которыя совершаются всегда, во всякое время. Можно сказать, что тутъ точнаго фактическаго времени нѣтъ, если дѣйствіе безразлично можетъ относиться къ какому угодно времени. Такимъ образомъ фактическое настоящее въ разбираемыхъ нами комбинаціяхъ, т.-е. послѣ будущаго въ главномъ, никогда не можетъ быть означаемо формальнымъ настоящимъ; латинское coniunctivus praesentis не означаетъ фактическаго настоящаго. Фактическое настоящее, въ силу послѣдовательности временъ, должно, послѣ будущаго въ главномъ, превратиться въ прошедшее: что ты дѣлаешь сегодня, то завтра для меня будетъ прошедшимъ, и это фактическое содержаніе обозначается только однимъ способомъ: sciam, quid feceris. И только въ русскомъ языкѣ, строя фразу по иному принципу, съ точки зрѣнія момента рѣчи, фактическое настоящее можно передать настоящимъ же (quod nihil de ea re scripserim, facile ignosces,—«а что я ничего тебѣ объ этомъ не пишу, ты въ этомъ легко извинишь»).

Грамматики настаиваютъ, что, если въ главномъ будущее, то сослагательное будущаго въ придаточномъ замѣняется другими временами. Но правильнѣе было бы утверждать, что сослагательное будущаго никогда и ничѣмъ не можетъ быть за-

мѣнено, что, если по ходу мыслей и въ силу послѣдовательности временъ мы ожидаемъ будущаго сослагательнаго то будущее сослагательное (иначе, coniugatio periphrastica съ формами sim и essem) непремѣнно и ставится. Когда мы говорили: sciam, quid facias, то мы «ожидали» въ придаточномъ не будущаго, а настоящаго, такъ какъ лишь настоящимъ можно обозначить дѣйствіе современное съ главнымъ дѣйствіемъ, — и въ придаточномъ дѣйствительно оказалось настоящее. Но возможенъ все-таки и такой случай, что въ придаточномъ мы должны ожидать будущаго: второстепенное дѣйствіе можетъ совершиться послѣ главнаго дѣйствія, выраженнаго будущимъ. Во всѣхъ разобранныхъ выше комбинаціяхъ дѣйствіе придаточнаго съ точки зрѣнія момента главнаго дѣйствія представлялось лишь или прошедшимъ, или настоящимъ. Мы ни разу еще не говорили о времени будущемъ съ точки зрѣнія момента главнаго дѣйствія. Но вѣдь возможно и такое фактическое содержаніе: я узнаю завтра, а ты будешь дѣлать послѣзавтра или еще позже. Это фактическое будущее не превращается въ настоящее для момента главнаго дѣйствія; оно остается будущимъ не только для *момента рѣчи, но и для момента главнаго дѣйствія*. Передать это фактическое содержаніе можно однимъ лишь способомъ — допустивъ сослагательное будущаго послѣ будущаго въ главномъ предложеніи. На русскій языкъ комбинацію: sciam, quid facturus sis, можно перевести однимъ только способомъ, — съ помощью будущаго времени: «я буду знать, что̀ ты будешь дѣлать» или «сдѣлаешь»; дѣйствіе здѣсь остается будущимъ и для момента рѣчи и для момента главнаго дѣйствія: обѣ эти точки зрѣнія совпадаютъ. Вотъ другіе примѣры этой комбинаціи: Utrum sim facturus, eo ipso die scies (Cic., *Att.*, 12. 14). Scies, qui dies is futurus sit, si puero negotium dederis, ut quaerat (*Att.*, 13, 4). Ego quoque te disertum putab, si ostenderis, quomodo sis eos inter sicarios defensurus (Cic., *Phil.*, 2, 4). Et quisquam dubitabit, quid virtute perfecturus sit (Cic., *Pro l. Man.*, 15, 45), и т. д.

Такимъ образомъ, при будущемъ въ главномъ пред-

женіи, латинскій языкъ допускаетъ три комбинаціи. Фактическіе случаи, обозначаемые этими комбинаціями, представляются въ слѣдующей схемѣ:

А. *Мое дѣйствіе.*	Б. *Твое дѣйствіе.*	*Латинская комбинація.*
1. Завтра.	Завтра.	Facias.
2. Завтра.	Сегодня.	Feceris.
3. Завтра.	Вчера.	Feceris.
4. Завтра.	Послѣзавтра.	Facturus sis.
5. Послѣзавтра.	Завтра.	Feceris.
6. Завтра.	Сегодня и завтра.	Facias.

Переходимъ наконецъ къ тѣмъ комбинаціямъ, при которыхъ въ главномъ предложеніи мы имѣемъ прошедшее или историческое время (по терминологіи латинскихъ грамматикъ). Въ русскомъ языкѣ допустимы пять комбинацій:

Я зналъ, что̀ ты дѣлаешь.
Я зналъ, что̀ ты дѣлалъ.
Я зналъ, что̀ ты сдѣлалъ.
Я зналъ, что̀ ты будешь дѣлать.
Я зналъ, что̀ ты сдѣлаешь.

Разсмотримъ, какому фактическому содержанію соотвѣтствуютъ эти комбинаціи. Положимъ, главное дѣйствіе относится къ вчерашнему дню. Твое дѣйствіе можетъ предшествовать моему знанію, быть одновременнымъ съ нимъ и слѣдовать за нимъ. Если я зналъ вчера, а ты дѣлалъ третьяго дня, то я могу сказать: «я зналъ, что̀ ты дѣлалъ» или «сдѣлалъ». Здѣсь твое дѣйствіе является прошедшимъ и для момента рѣчи и для момента главнаго дѣйствія, т.-е. обѣ точки зрѣнія совпадаютъ, и, значитъ, русскій языкъ допускаетъ одинъ всего способъ выраженія (помимо различія въ видахъ). Беремъ другой фактическій случай: я узналъ вчера, дѣлалъ ты тоже вчера. Тутъ точка зрѣнія момента главнаго дѣйствія не совпадаетъ съ точкой зрѣнія момента рѣчи. Для момента рѣчи твое дѣйствіе есть прошедшее, но для момента главнаго дѣйствія твое дѣйствіе есть настоящее.

Соотвѣтственно этимъ двумъ точкамъ зрѣнія русскій языкъ допускаетъ и два способа выраженія. Можно сказать: «я зналъ, что̀ ты дѣлалъ» или «сдѣлалъ» (точка зрѣнія момента рѣчи), или: «я зналъ, что̀ ты дѣлаешь» (точка зрѣнія момента главнаго дѣйствія). Беремъ третій случай: я узналъ вчера, а ты дѣлаешь сегодня. Съ точки зрѣнія момента рѣчи твое дѣйствіе есть настоящее, съ точки зрѣнія момента главнаго дѣйствія—будущее. Сообразно этимъ двумъ точкамъ зрѣнія опять возможны два способа выраженія: въ придаточномъ возможны настоящее и будущее. Послѣднее употребляется чаще перваго, такъ какъ при употребленіи настоящаго этотъ случай смѣшивался бы со вторымъ случаемъ. Когда нужно ясно выразить, что твое дѣйствіе и мое дѣйствіе относятся къ различнымъ моментамъ,—твое слѣдуетъ за моимъ,—то берется обязательно будущее: настоящее могло бы указывать на совпаденіе моментовъ твоего и моего дѣйствія. Но точка зрѣнія момента рѣчи все-таки возможна. Никто не станетъ отрицать возможности такихъ, напримѣръ, комбинацій: «я еще вчера узналъ, что̀ сегодня идетъ на сценѣ», «я еще вчера зналъ, гдѣ вы сегодня обѣдаете», и т. п. Требуемое разграниченіе моментовъ здѣсь достаточно уже выражено противоположеніемъ нарѣчій «вчера» и «сегодня»,—тѣмъ болѣе, что формы «иду» и «обѣдаю», даже отдѣльно взятыя, легко замѣняютъ собою будущее время. Беремъ наконецъ четвертый случай: я узналъ вчера, ты будешь дѣлать завтра. Твое дѣйствіе тутъ является будущимъ и для момента рѣчи и для момента главнаго дѣйствія, обѣ точки зрѣнія совпадаютъ, какъ это было и при первомъ случаѣ, и, значитъ, русскій языкъ допускаетъ одну лишь комбинацію: «я зналъ, что̀ ты будешь дѣлать» или «сдѣлаешь».

Составимъ теперь общую схему для перечисленныхъ нами четырехъ фактическихъ случаевъ:

Твое дѣйствіе.	*А. Для момента рѣчи.*	*Б. Для момента главнаго дѣйствія.*	
I. Третьяго дня.		Прошедшее	(a).
II. Вчера.	Прошедшее	—	(b).
	—	Настоящее	(c).

III. Сегодня.	Настоящее		—	(d).
	—		Будущее	(e).
IV. Завтра.		Будущее.		(f).

Такимъ образомъ комбинація: «я зналъ, что ты дѣлаешь», пригодна для II фактическаго случая и рѣже для III. Комбинація: «я зналъ, что ты дѣлалъ» или «сдѣлалъ», обнимаетъ I и II случаи. Наконецъ, комбинація: «я зналъ, что ты будешь дѣлать» или «сдѣлаешь», служитъ для III и IV случаевъ.

Перейдемъ теперь на почву латинскаго языка. Обязательная для латинскаго языка послѣдовательность временъ исключаетъ возможность комбинацій, построенныхъ по иному принципу, т.-е. такихъ, въ которыхъ дѣйствіе придаточнаго оцѣнивается съ точки зрѣнія момента рѣчи. Въ латинскомъ не возможны, значитъ, комбинаціи, аналогичныя русскимъ (b) и (d). Если бы мы хотѣли составить комбинацію тожественную по принципу образованія съ комбинаціей (b), то мы должны были бы сказать: sciebam, quid feceris, т.-е. должны были бы употребить въ придаточномъ perfectum, такъ какъ дѣйствіе для момента рѣчи представлялось бы законченнымъ; но perfectum въ придаточномъ, послѣ прошедшаго въ главномъ, какъ мы знаемъ, не ставится. Остаются комбинаціи, аналогичныя тѣмъ, которыя мы помѣстили въ столбцѣ Б. Въ русскомъ языкѣ онѣ построены по принципу послѣдовательности временъ. Казалось бы, что и латинскій языкъ, слѣдуя тому же принципу, долженъ былъ бы дать тѣ же комбинаціи; но на самомъ дѣлѣ мы видимъ нѣчто иное.

Мы видѣли, что при будущемъ главнаго предложенія въ латинскомъ языкѣ выборъ времени дѣлался исключительно съ точки зрѣнія момента главнаго дѣйствія. При настоящемъ главнаго предложенія обѣ точки зрѣнія совпадали, но руководящей была все-таки точка зрѣнія момента главнаго дѣйствія. Когда мы имѣли въ главномъ будущее, то воображеніе говорящаго переносилось къ моменту дѣйствія, и сознаніе въ сферѣ воображаемыхъ и предстоящихъ дѣйствій ощущало себя какъ въ сферѣ настоящаго; поэтому-то комбинаціи послѣ настоящаго въ

главномъ въ латинскомъ языкѣ вполнѣ совпали съ комбинаціями при будущемъ главнаго предложенія. Facias, feceris и facturus sis одинаково возможны и послѣ scio и послѣ sciam, и одинаково невозможны другія времена. Если бы воображеніе говорящаго и въ сферу прошедшаго переносилось точно такъ же, какъ оно переносится въ сферу будущаго, то и послѣ прошедшаго въ главномъ возможны были бы опять только тѣ же три времени: facias, feceris и facturus sis. Такимъ образомъ, что бы ни стояло въ главномъ—настоящее, будущее или прошедшее, мы встрѣчали бы въ придаточномъ неизмѣнно одни и тѣ же времена: facias, feceris и facturus sis. Но на самомъ дѣлѣ послѣ прошедшаго въ главномъ мы встрѣчаемъ уже иныя формы, не употребляемыя послѣ настоящаго или будущаго. Послѣ прошедшаго вмѣсто facturus sis берется facturus esses, вмѣсто facias—faceres, а вмѣсто feceris—новая разновидность прошедшаго, plusquamperfectum. Очевидно, тутъ дѣло значительно осложнилось добавленіемъ какого-то новаго элемента. Это не точка зрѣнія момента рѣчи, но это не совсѣмъ соотвѣтствуетъ и точкѣ зрѣнія момента главнаго дѣйствія, какъ мы ее понимали при разборѣ комбинацій съ будущимъ главнаго предложенія. Точка зрѣнія момента главнаго дѣйствія тутъ осложнилась какимъ-то добавочнымъ элементомъ. Чтобы выяснить это осложненіе, сравнимъ параллельно формы, употребляемыя послѣ прошедшаго въ главномъ, съ формами, употребляемыми послѣ настоящаго и будущаго. Начнемъ съ новой разновидности прошедшаго.

При самостоятельномъ предложеніи въ латинскомъ языкѣ и при всякомъ предложеніи въ русскомъ языкѣ критеріемъ для отличія разновидностей прошедшаго времени является глагольная категорія вида. Соотвѣтственно двумъ видамъ въ каждомъ языкѣ существуетъ по два прошедшихъ. Всякое новое время изъ числа прошедшихъ должно относиться къ одному изъ двухъ видовъ. Русское прошедшее многократнаго вида составляетъ разновидность несовершеннаго вида, латинское plusquamperfectum всецѣло относится къ совершенному виду, но, кромѣ

того, заключаетъ въ себѣ и нѣкоторый добавочный элементъ. Уже самый терминъ plusquamperfectum условно намекаетъ, что тутъ разумѣется perfectum и еще что-то [1]. По образованію plusquamperfectum тоже есть не что иное, какъ осложненное perfectum: къ feci прибавлено новое прошедшее eram и essem, и получилось plusquamperfectum. По значенію своему, plusquamperfectum указываетъ на дѣйствіе, совершившееся раньше другого прошедшаго дѣйствія, т.-е. оно совмѣщаетъ въ себѣ всѣ признаки совершеннаго вида и, кромѣ того, ту самую точку зрѣнія, съ которой дѣйствіе представляется законченнымъ, переноситъ въ прошлое; дѣйствіе представлено здѣсь законченнымъ не только для момента рѣчи, какъ это бываетъ при perfectum, но и для другого, болѣе ранняго момента. Однимъ словомъ, plusquamperfectum есть perfectum, усиленное вторичнымъ указаніемъ на прошлый моментъ дѣйствія (perfectum in praeterito). Подобное же соотношеніе наблюдается между facias и faceres. Обѣ формы означаютъ дѣйствіе, которое продолжается и распространяется по объекту, обѣ формы принадлежатъ несовершенному виду и означаютъ дѣйствіе, современное съ главнымъ, но faceres все, выражаемое формою facias, переноситъ въ прошлое. Точно такъ же facturus sis и facturus esses одинаково означаютъ намѣреніе, современное главному дѣйствію, но только facturus esses переноситъ это намѣреніе въ прошлое. Такимъ образомъ всѣ три формы, употребляемыя послѣ прошедшаго въ главномъ, представляя своимъ отношеніемъ къ главному дѣйствію и своими видовыми категоріями полную аналогію формъ: facias, feceris и facturus sis, заключаютъ въ себѣ, кромѣ того, добавочный элементъ—указаніе на прошлое. Присутствіе этого до-

---

1) Строго говоря, терминъ этотъ не имѣетъ никакого смысла. Что значитъ: „больше, чѣмъ совершенное?“ Выражая понятіе о количествѣ, plus не можетъ быть поставлено ни въ какую связь съ понятіемъ о моментѣ. Русскій терминъ „давнопрошедшее“ тоже не даетъ понятія о значеніи времени, такъ какъ онъ не указываетъ самаго главнаго—точки отправленія; если точка отправленія есть моментъ рѣчи, то „давно прошло“ для насъ и все то, что мы обозначаемъ черезъ perfectum.

бавочнаго элемента въ формахъ: faceres, fecisses и facturus esses, не есть прихоть языка. Явленіе это имѣетъ логическую основу *и обусловлено законами дѣятельности нашего* сознанія. Отношеніе нашего сознанія къ настоящимъ и будущимъ дѣйствіямъ, въ совокупности со всѣми побочными и второстепенными дѣйствіями, вовсе не таково, какъ отношеніе его къ прошедшимъ дѣйствіямъ.

Настоящими дѣйствіями мы называемъ такія, которыя теперь, въ моментъ рѣчи, проходятъ въ нашемъ сознаніи и въ то же время соотвѣтствуютъ объективной дѣйствительности. Если воображеніе допускаетъ, что сознаваемое нами дѣйствіе и впредь когда-нибудь будетъ нами сознаваемо, такое дѣйствіе мы называемъ будущимъ. Настоящее опирается на факты, но будущее создается лишь воображеніемъ и не соотвѣтствуетъ никакому реальному факту. Сфера будущихъ дѣйствій—это исключительно сфера идей, а для идей единственный регуляторъ—само же сознаніе. Воображая будущія дѣйствія, сознаніе не переносится ни въ какую реальную сферу фактовъ, не бываетъ стѣснено реальными фактами; реальнымъ остается для сознанія только настоящее, и по этому настоящему (и прошлому) оно самостоятельно судитъ о будущемъ, такъ что идеи будущаго всецѣло создаются сознаніемъ. Послѣ этого вполнѣ естественно, что сознаніе въ сферѣ будущихъ дѣйствій работаетъ какъ въ сферѣ настоящихъ, что оно всецѣло можетъ переноситься въ сферу будущихъ дѣйствій, такъ что отношеніе второстепенныхъ дѣйствій къ главному будущему дѣйствію будетъ для него тожественнымъ отношенію второстепенныхъ дѣйствій къ главному настоящему.

Не то совсѣмъ мы видимъ въ сферѣ прошлаго. Тутъ вся сила въ фактахъ: безъ фактовъ не было бы и идей въ сознаніи, факты—единственный регуляторъ идей. Сознаніе ничего не можетъ здѣсь создать само изъ себя: оно неизмѣнно и необходимо идетъ вслѣдъ за фактами. Если бы оно отрѣшилось отъ реальной дѣйствительности, идеи потеряли бы свой характеръ прошедшаго. Прошедшимъ мы называемъ такое дѣйствіе, которое, помимо присутствія въ сознаніи въ настоящій моментъ, и раньше проходило въ

нашемъ или чьемъ-нибудь другомъ сознаніи. Судя о прошедшихъ дѣйствіяхъ, мы не можемъ упустить изъ виду того, что они и прежде были въ сознаніи, такъ какъ только это обстоятельство и дѣлаетъ дѣйствіе прошедшимъ. Идея прошедшаго дѣйствія всецѣло обусловлена фактомъ и возможна только въ силу того, что данное представленіе не первый разъ проходитъ въ сознаніи. Если мы идеи станемъ совершенно отдѣлять отъ фактовъ и перестанемъ относить каждую идею къ реальному прошлому, наши идеи тотчасъ примутъ такой же характеръ, какой имѣютъ идеи будущаго, и мы станемъ не судить о прошломъ, а произвольно воображать. Свои собственныя прошедшія впечатлѣнія сознаніе иногда еще можетъ настолько ясно и живо представлять въ моментъ рѣчи, что прошедшія дѣйствія становятся для сознанія какъ бы настоящими. Но это гораздо труднѣе сдѣлать относительно дѣйствій, которыя въ прошломъ проходили не черезъ наше сознаніе, а черезъ сознаніе другихъ людей, т.-е. когда мы говоримъ не о томъ, что сами испытали, слышали или видѣли. Если же сознаніе не регулируетъ фактовъ, а само слѣдуетъ за фактами, постепенно припоминая прошлое, но не переносясь въ него, какъ въ сферу настоящаго, то при обозначеніи всякаго, даже второстепеннаго дѣйствія, связаннаго съ другимъ, главнымъ, необходимо это указаніе на прошлое.

Но переносить каждое второстепенное дѣйствіе въ прошлое—это не значитъ возвращаться снова къ точкѣ зрѣнія момента рѣчи. Взаимная зависимость между временемъ главнаго и временами придаточнаго и здѣсь, какъ въ остальныхъ случаяхъ, регулируется исключительно съ точки зрѣнія момента главнаго дѣйствія, а точка зрѣнія момента рѣчи совершенно не примѣнима. И въ самомъ дѣлѣ, мы уже говорили, что комбинацій аналогичныхъ русскимъ (b) и (d) латинскій языкъ не допускаетъ. Съ точки зрѣнія момента рѣчи, и I фактическій случай мы обозначили бы съ помощью perfectum, а не plusquamperfectum, такъ какъ для момента рѣчи второстепенное дѣйствіе здѣсь представлялось бы просто законченнымъ. Если

esses y нась получились бы въ результатѣ различныя другія времена. Если я узналъ, напримѣръ, третьяго дня, а твое дѣйствіе происходило вчера, то съ точки зрѣнія момента рѣчи оно было бы прошедшимъ; сегодняшнее твое дѣйствіе было бы опять не будущимъ, а настоящимъ; и только завтрашнее твое дѣйствіе для момента рѣчи станетъ будущимъ. Представимъ это въ схемѣ:

Мое дѣйствіе.	*Твое дѣйствіе.*	*Для момента рѣчи.*
Третьяго дня.	Вчера.	Прошедшее.
	Завтра.	Настоящее.
	Сегодня.	Будущее.

Если бы латинскій языкъ смотрѣлъ здѣсь на дѣйствіе придаточнаго съ точки зрѣнія момента рѣчи, то въ этихъ трехъ случаяхъ мы имѣли бы три различныя времени. Но въ латинскомъ языкѣ эти случаи обнимаются одной комбинаціей: sciebam, quid facturus esses, въ которой дѣйствіе придаточнаго разсматривается съ точки зрѣнія главнаго дѣйствія, какъ современное ему намѣреніе.

Imperfectum, стоящее въ придаточномъ, сохраняетъ, повидимому, всѣ свойства несовершеннаго вида. И въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ, какую логическую основу имѣетъ то соотношеніе дѣйствій, которое мы называемъ ихъ современностью. Положимъ, ораторъ произноситъ рѣчь, и я обозначаю этотъ фактъ сужденіемъ: «ораторъ произноситъ рѣчь». Что означаетъ здѣсь настоящее время? Въ тотъ моментъ, когда я говорю, часть рѣчи, произнесенная до этого момента, уже стала для меня прошедшимъ фактомъ, а та часть, которой я еще не выслушалъ, относится къ будущему времени. Къ фактическому же настоящему времени относится только та самая небольшая часть рѣчи, которую я слышу въ моментъ выраженія своего сужденія. Говоря: «ораторъ произноситъ рѣчь», я разумѣю не все дѣйствіе оратора въ совокупности, а только тотъ моментъ дѣйствія, который проходитъ въ моментъ моей рѣчи въ моемъ сознаніи. Фразой этой я констатирую наличность впечатлѣнія, воспринимаемаго въ настоящій моментъ моимъ слухомъ. Настоящее время означаетъ одновременность двухъ

бы мы руководились моментомъ рѣчи, то и вмѣсто facturus моментовъ двухъ дѣйствій, изъ которыхъ одно—фактическое—выражено даннымъ глаголомъ, а другое—дѣйствіе слушанія—относится къ дѣятельности моего сознанія. Такимъ образомъ настоящее время означаетъ современность факта съ идеей о фактѣ, современность внѣшняго, по отношенію къ сознанію, дѣйствія съ даннымъ моментомъ работы самаго сознанія. Словами: «ораторъ произноситъ рѣчь», я какъ бы говорю: «я слышу, что ораторъ произноситъ рѣчь». Въ этой фразѣ, составленной изъ главнаго предложенія и придаточнаго и иллюстрирующей отношеніе нашего сознанія къ внѣшнему, наблюдаемому нами дѣйствію, можно видѣть точное воспроизведеніе того явленія, которое въ ученіи о послѣдовательности временъ мы называемъ современностью. Когда послѣ настоящаго или будущаго въ главномъ мы ставимъ въ придаточномъ praesens coniunctivi, то мы въ этомъ построеніи фразы создаемъ точную копію логическаго процесса, воспроизводимъ отношеніе нашего сознанія къ внѣшнему дѣйствію, воспринимаемому сознаніемъ. При употребленіи imperfectum въ придаточномъ, явленія языка опять представляютъ лишь точную копію съ явленій въ сферѣ сознанія: грамматическій законъ основанъ на законѣ дѣятельности сознанія. Положимъ, я говорю: «ораторъ произносилъ рѣчь». Дѣйствіе не распространилось еще по всему объекту («рѣчь»): часть рѣчи произнесена уже, другая часть еще не произнесена. Я говорю не о совокупномъ дѣйствіи оратора, а лишь объ одномъ его моментѣ. Моментъ этотъ опредѣляется дѣятельностью моего сознанія: я говорю лишь о томъ моментѣ, когда внѣшнее дѣйствіе совпало съ работой моего сознанія, со слушаніемъ рѣчи. Говоря: «ораторъ произносилъ рѣчь», я воспроизвожу въ своей памяти то впечатлѣніе, которое я получилъ когда-то раньше, въ моментъ фактическаго дѣйствія; а прежнее мое впечатлѣніе и состояло именно въ томъ совпаденіи момента внѣшняго дѣйствія съ моментомъ дѣятельности моего сознанія, которое языкъ выражаетъ настоящимъ временемъ, стоящимъ послѣ настоящаго или будущаго въ главномъ предложеніи. Если бы мы всецѣло перенеслись въ прошлое,

то тамъ у насъ получилась бы та картина отношеній сознанія къ внѣшнимъ дѣйствіямъ, которая представляется въ сочетаніи: «я слышу, что ораторъ произноситъ рѣчь». Но этой картины теперь нѣтъ,—она лишь вспоминается. Въ этомъ воспоминаніи и заключается тотъ добавочный элементъ, который отличаетъ времена, употребляемыя послѣ настоящаго и будущаго въ главномъ, отъ временъ, употребляемыхъ послѣ прошедшаго. Съ логической точки зрѣнія въ фразѣ: «ораторъ произносилъ рѣчь», заключаются три элемента; она указываетъ 1) на внѣшній реальный фактъ—произнесеніе рѣчи, 2) на прежнее впечатлѣніе моего сознанія—слушаніе нѣкоторой части рѣчи, и 3) на воспроизведеніе въ настоящій моментъ въ моей памяти прежняго впечатлѣнія. Первые два элемента даютъ въ совокупности ту картину, которая воспроизводится при употребленіи настоящаго въ придаточномъ предложеніи. Съ присоединеніемъ третьяго элемента получается картина, которую мы воспроизводимъ, употребляя imperfectum въ придаточномъ предложеніи. Комбинація: «я слышалъ, какъ ораторъ произносилъ рѣчь», есть не что иное, какъ болѣе наглядное изображеніе того, что уже заключалось въ фразѣ: «ораторъ произносилъ рѣчь». Главное предложеніе, къ которому присоединяется придаточное, обыкновенно прямо и указываетъ на ту дѣятельность сознанія или памяти, которая сопровождаетъ фактъ, обозначаемый черезъ imperfectum. Составляя комбинацію съ imperfectum въ придаточномъ предложеніи, мы детально воспроизводимъ логическій процессъ; послѣдовательность временъ оказывается точнымъ воспроизведеніемъ логическихъ отношеній между сознаніемъ и фактами. Въ фразѣ: «ораторъ произносилъ рѣчь», логическаго процесса не видно, и его можно прослѣдить лишь путемъ анализа; комбинація же: «я слышалъ, какъ краснорѣчиво говорилъ ораторъ, воспроизводитъ наглядно весь процессъ, добавляя и то, что прежде лишь подразумѣвалось. Такимъ образомъ, стоитъ лишь выразить словами ту логическую работу, которая происходитъ при обозначеніи дѣйствія глагольной формой настоящаго или прошедшаго несовершеннаго вида, и мы получаемъ то, что называется въ грамматикѣ послѣдо-

вательностью временъ. Все сказанное о формахъ facias и faceres вполнѣ примѣнимо и къ формамъ facturus sis и facturus esses, съ тою разницею, что въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ фактомъ, а лишь съ намѣреніемъ дѣйствовать. Facturus sis означаетъ современное намѣреніе; facturus esses—современное намѣреніе, снова воспроизводимое въ сознаніи.

Рядомъ съ praesens и futurum главнаго предложенія нѣкоторыя грамматики ставятъ и такъ называемое perfectum praesens. Но здѣсь можно подразумѣвать лишь немногіе глаголы, означающіе дѣятельность сознанія: cognovi, accepi, intellexi и т. д. Всѣ эти формы означаютъ собственно воспріятіе впечатлѣній въ прошломъ, но въ то же время впечатлѣнія эти представляются оставшимися въ сознаніи и послѣ воспріятія—вплоть до момента рѣчи. Perfectum здѣсь означаетъ настоящее состояніе нашего сознанія, явившееся результатомъ прежней дѣятельности органовъ чувствъ, и при выборѣ времени для придаточнаго принимается за настоящее. Обратное явленіе мы видимъ при глаголахъ, означающихъ спрашиванье и вообще выраженіе мыслей со стороны того, къ кому обращаются съ рѣчью. Мы постоянно встрѣчаемъ такіе обороты, какъ: cum quaereret—dixit, cum interrogaret—respondit, cum commemoraret—inquit, и т. д. Отвѣтъ, конечно, не можетъ быть современнымъ вопросу. Но глаголы: quarere, rogare и др., означаютъ въ такихъ случаяхъ не самый актъ произнесенія словъ, а то состояніе сознанія, которое проявляется въ ожиданіи отвѣта на вопросъ. Rogare собственно значитъ «просить», quaerere—«искать» и т. д. Всѣ эти глаголы означаютъ состояніе недоумѣнія, поведшее къ вопросу.

Синтаксическая роль союза ut въ латинскомъ языкѣ и генесисъ придаточнаго предложенія.

I.

Многочисленныя значенія латинскаго союза ut и разнообразныя роли его въ синтаксическомъ построеніи рѣчи даютъ особенно удобный случай выяснить происхожденіе придаточнаго предложенія вообще и общіе принципы подчиненія его главному предложенію.

Процессъ развитія сложнаго предложенія однороденъ съ процессомъ развитія простого предложенія. Стремленіе отвлеченное сдѣлать болѣе или менѣе конкретнымъ есть тотъ логическій мотивъ, который ведетъ за собою образованіе второстепенныхъ членовъ предложенія. Слово обыкновенно означаетъ понятіе, а когда къ подлежащему и сказуемому предложенія мы прибавляемъ опредѣленія, дополненія, обстоятельственныя слова, то понятія мы превращаемъ въ представленія, общее превращаемъ въ частное, родовыя понятія въ видовыя, и т. д. Распространеніе предложенія происходитъ по извѣстнаго рода логическимъ категоріямъ,— категоріи свойства, мѣста, времени, образа дѣйствія и т. д. Но далеко не всегда въ языкѣ есть слово, которымъ можно было бы прямо обозначить свойство, мѣсто, время и т. д. Не имѣя для этого отдѣльныхъ словъ, мы прибѣгаемъ къ сравненію. Сравненіе есть основной принципъ и подчиненія придаточнаго предложенія главному.

Сравненіе, вообще говоря, играетъ огромную роль въ исторіи образованія и развитія языка. Все, что мы называемъ переноснымъ значеніемъ словъ, обязано своимъ существованіемъ исключительно взаимному сравненію предме-

товъ, свойствъ и дѣйствій. Все отвлеченное, все, что человѣкъ мыслилъ, но что не было реальнымъ, получало названіе отъ сравненія съ предметомъ реальнымъ. Міръ идей несоизмѣримъ съ міромъ словъ. Какой богатый ни возьмемъ языкъ, словъ въ немъ все-таки несравненно меньше, чѣмъ понятій и представленій у народа, имъ пользующагося. Каждый моментъ въ работѣ сознанія не похожъ ни на одинъ изъ предыдущихъ; проявленія сознанія безчисленны, а число словъ въ языкѣ всегда ничтожно въ сравненіи съ числомъ этихъ проявленій. И тутъ опять помогаетъ процессъ сравненія. Если небольшую часть этихъ проявленій мы можемъ точно назвать существующими въ языкѣ словами, то огромное большинство проявленій мы можемъ только описывать при помощи разныхъ сравненій. Все, чего мы не можемъ прямо и точно выразить тѣмъ или инымъ словомъ, мы выражаемъ путемъ сравненія съ другими предметами. Сравненіе лежитъ въ основѣ всей семазіологіи языка. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ мы этими сравненіями пользуемся механически, безсознательно, нисколько не думая о томъ, что наше выраженіе есть сравненіе; и только детальный анализъ корней, сопоставленіе съ другими языками и т. д. обнаруживаетъ намъ, что такое-то слово заключаетъ въ себѣ сравненіе одного предмета съ другимъ. Сравненіе проникаетъ и въ синтаксическій строй языка. Когда и для чего мы употребляемъ придаточныя предложенія? Очевидно, тогда, когда не можемъ выразить того, что нужно, простыми членами предложенія.

Придаточныя предложенія создаются путемъ сравненія. Когда мы не можемъ обозначить, напр., время дѣйствія простымъ обстоятельственнымъ словомъ, то мы беремъ какое-нибудь другое дѣйствіе и сравниваемъ его съ первымъ по времени. Вмѣсто того, чтобы обозначить, что данное дѣйствіе произошло въ такомъ-то году, въ такой-то день и т. д., мы говоримъ, что оно произошло одновременно, раньше или позже какого-нибудь другого дѣйствія. Придаточное предложеніе времени есть обозначеніе другого, побочнаго дѣйствія, по сравненію съ которымъ мы опредѣ-

ляемъ время главнаго дѣйствія. Когда мы почему-либо не можетъ прямо обозначить однимъ словомъ мѣсто дѣйствія, мы беремъ другое дѣйствіе, бывшее въ томъ же мѣстѣ, и изъ сравненія двухъ дѣйствій заключаемъ о мѣстѣ перваго дѣйствія. По тому же принципу строится и всякое другое придаточное предложеніе. При однихъ придаточныхъ, для обозначенія разныхъ обстоятельствъ, сравниваются два дѣйствія по времени, мѣсту, способу, степени, по причинной связи; при другихъ придаточныхъ сравниваются два предмета по качеству. На сравненіи предметовъ по качеству основаны придаточныя-подлежащія, придаточныя-сказуемыя и часто придаточныя-опредѣлительныя; другія опредѣлительныя основаны на сравненіи дѣйствій. Когда мы говоримъ: «домъ, въ которомъ мы живемъ, стоитъ на берегу рѣки», мы свойство дома опредѣляемъ путемъ обозначенія другого, побочнаго дѣйствія, которое, какъ и главное дѣйствіе, относится къ тому же предмету: для опредѣленія свойства мы сравниваемъ два дѣйствія по мѣсту («стоитъ» тамъ, гдѣ «живемъ»,—оба дѣйствія происходятъ въ одномъ мѣстѣ). Менѣе нагляденъ принципъ сравненія въ предложеніяхъ дополнительныхъ. Всякое дополнительное предложеніе устанавливаетъ *отношеніе* нашего сознанія къ наблюдаемому или воображаемому факту. Это отношеніе опять основано исключительно на сравненіи. Главное предложеніе при дополнительномъ означаетъ дѣятельность сознанія, придаточное обозначаетъ матеріалъ, надъ которымъ происходитъ эта дѣятельность. Соединеніе главнаго съ придаточнымъ констатируетъ совпаденіе впечатлѣнія сознанія съ внѣшнимъ фактомъ, его произведшимъ. Фактъ сравнивается съ впечатлѣніемъ; сравненіе устанавливаетъ совпаденіе содержанія факта съ содержаніемъ впечатлѣнія. Говоря: «*я слышу*, какъ ты читаешь», я устанавливаю, путемъ сравненія, полное совпаденіе между моимъ впечатлѣніемъ, между моимъ слуховымъ воспріятіемъ и внѣшнимъ фактомъ, давшимъ впечатлѣніе.

Что сравненіе есть единственный принципъ, по которому *составляются придаточныя предложенія*, въ этомъ мы убѣждаемся и изъ разбора коренного состава всѣхъ мѣсто-

именій, нарѣчій и союзовъ, служащихъ для соединенія придаточнаго съ главнымъ. Въ русскомъ языкѣ придаточное подчиняется главному при помощи слѣдующихъ словъ: кто, что (мѣст. и союзъ), какой, каковъ, который, чей, гдѣ, куда, откуда; отколѣ, доколѣ, коль, когда, пока, какъ, сколько, чѣмъ, почему, зачѣмъ, нежели, чтобы, будто, ли, если, хотя, пусть. Остановимся прежде всего на словахъ: пусть, будто, хотя. Слова эти сохраняютъ формальную функцію глагола,—все это формы повелительнаго наклоненія (будто—будь то). Формы эти наглядно обозначаютъ тотъ логическій процессъ, который ведетъ къ образованію придаточныхъ предложеній. Не имѣя словъ для обозначенія какого-нибудь представленія, мы прежде всего испытываемъ нѣкотораго рода затрудненіе выразить свою мысль, и это затрудненіе разрѣшается тѣмъ, что мы изъ массы предметовъ, свойствъ или дѣйствій дѣлаемъ выборъ одного, основываясь на сравненіи и уподобленіи выбираемаго нами предмета, свойства или дѣйствія нашему наличному проявленію сознанія. Вся эта умственная работа точно обозначается формами: пусть, будь, хоть. Положимъ, мы говоримъ о чрезвычайной быстротѣ какого-либо движенія; затрудняясь выразить наглядно степень быстроты однимъ какимъ-нибудь нарѣчіемъ, мы изъ массы предметовъ дѣлаемъ выборъ такого, который движется съ тою именно быстротою, какую мы представляемъ себѣ въ настоящій моментъ въ сознаніи. Мы какъ бы разсуждаемъ сами съ собою: какой бы намъ предметъ взять для сравненія? Ну будь то хоть стрѣла... Я получилъ извѣстіе о твоемъ братѣ; затрудняясь на нѣкоторое время въ способѣ формулировать проявленіе своего сознанія, я выбираю дѣйствіе, которое, по моему мнѣнію, очень сходно съ впечатлѣніемъ, воспринятымъ въ моемъ сознаніи, и вотъ это-то сходство, основанное на сравненіи, я выражаю фразой: «я слышалъ, будто пріѣхалъ твой братъ». На такой же выборъ указываетъ раздѣлительный союзъ ли, происходящій отъ того же глагольнаго корня, какъ слова: или (=и+ли), либо, любой, libet (quili-

bet, quolibet и др.); нежели и если заключаютъ въ себѣ тотъ же раздѣлительный союзъ (не + же + ли, есть + ли).

Обращаясь къ остальнымъ способамъ соединенія придаточнаго предложенія съ главнымъ, мы прежде всего поражаемся той невообразимой путаницей въ терминологіи и распредѣленіи словъ по частямъ рѣчи, которую находимъ въ грамматикахъ. Однѣ грамматики, напримѣръ, выраженіе послѣ того какъ считаютъ нарѣчіемъ, другія союзомъ, третьи видятъ здѣсь мѣстоименіе и союзъ, четвертыя мѣстоимѣніе и нарѣчіе и т. д. Стремленіе установить для каждаго вида придаточныхъ предложеній спеціальные способы соединенія повело къ тому, что соединеніе предлога, мѣстоименія и нарѣчія, три совершенно различныя части рѣчи, стали называть «союзомъ»! Но если изъ случайнаго, даваемаго грамматиками перечня выраженій, соединяющихъ придаточное съ главнымъ, мы отбросимъ всѣ добавочные элементы, которые должны быть отнесены къ главному предложенію (межъ тѣмъ, съ тѣхъ поръ, послѣ того и т. д.), и всѣ нарѣчія, только такъ или иначе ограничивающія основной элементъ (скоро, только, вдругъ и др.), и если не будемъ считать особо различныхъ падежей одного и того же слова и предложныхъ сочетаній, то мы получаемъ лишь слѣдующіе способы соединенія придаточнаго съ главнымъ: какой (каковъ), который, кто, что, чей, какъ, когда, пока, коль, гдѣ, куда. Такъ какъ *ч* есть видоизмѣненіе звука *к*, а гдѣ = церк.-слав. къде, то выходитъ, что придаточное можетъ соединяться съ главнымъ однимъ только способомъ— *именно съ помощью корня к, отъ котораго произошли всѣ* только что перечисленныя мѣстоименія и нарѣчія. Далѣе, мы видимъ, что всѣ эти мѣстоименія и нарѣчія суть вопросительныя,—если не считать пока, утратившаго въ современномъ языкѣ вопросительный смыслъ (коль—устарѣлое слово, но сколь, доколѣ—вопросительныя нарѣчія). Грамматики всѣ эти слова называютъ въ данномъ случаѣ относительными; но этотъ терминъ, не указывая значенія словъ, отмѣчаетъ только ихъ синтаксическую роль—именно то, что они служатъ для «отнесенія» при-

даточнаго къ главному; и во всякомъ случаѣ относительное значеніе развилось изъ основного, вопросительнаго. Мы спрашиваемъ о томъ, чего не знаемъ, и при томъ для того, чтобы получить отвѣтъ. Нашъ вопросъ показываетъ, что мы не въ состояніи назвать извѣстный предметъ, извѣстное свойство или дѣйствіе, и мы спрашиваемъ это названіе у другого. Отвѣчающій даетъ требуемое названіе. Тотъ же процессъ совершается и въ томъ случаѣ, если собесѣдника нѣтъ, если говорящій самъ для себя выражаетъ свою мысль. Не имѣя названія для извѣстнаго предмета, свойства или дѣйствія, затрудняясь назвать его, говорящій ставитъ вопросъ объ этомъ предметѣ, свойствѣ или дѣйствіи и вопросъ этотъ приставляетъ, прибавляетъ къ главному предложенію. Это и есть единственный способъ происхожденія всякаго придаточнаго предложенія. Вмѣсто недостающаго намъ названія для обозначенія предмета, мѣста, времени, причины и т. д. мы ставимъ вопросъ о другомъ предметѣ, о другомъ дѣйствіи, сходномъ съ первымъ по мѣсту, времени и т. д., и этотъ вопросъ прибавляемъ къ главному предложенію. Такимъ образомъ всякое придаточное создается путемъ сравненія, а выражается въ видѣ вопроса.

Если всякое придаточное развилось изъ вопроса, не обращеннаго или обращеннаго къ другому лицу, если всякое придаточное связывается съ главнымъ при помощи одного и того же корня *к*, знаменующаго вопросъ, если всякое придаточное выражаетъ лишь сравненіе одного предмета, свойства или дѣйствія съ другимъ, выраженнымъ при помощи главнаго предложенія, то, очевидно, распредѣленіе придаточныхъ предложеній по логическимъ категоріямъ подлежащаго, сказуемаго, опредѣленія и т. д. не можетъ основываться на способахъ соединенія придаточнаго съ главнымъ. Всѣ способы выражаютъ сравненіе,—и больше ничего. Чѣмъ нагляднѣе извѣстный способъ выражаетъ сравненіе, тѣмъ онъ чаще употребляется. Самымъ нагляднымъ и общимъ по значенію способомъ является нарѣчіе **какъ**. Съ этого нарѣчія могутъ начинаться предложенія дополнительныя, опредѣлительныя, предложенія обстоятельства времени, образа дѣйствія, причины, цѣли, условныя,

уступительныя. Само нарѣчіе выражаетъ лишь сравненіе,—принципъ, на которомъ основано образованіе всякихъ придаточныхъ предложеній, и только добавочныя нарѣчія (только, скоро, вдругъ), мѣстоименія (межъ тѣмъ, послѣ того), имена (съ тѣхъ поръ, въ то время и т. д.) придаютъ предложенію видовой оттѣнокъ, дающій основаніе сопоставлять его съ тою или иною синтаксическою категоріею. Какъ выражаетъ сравненіе, а присоединеніе сюда, напр., словъ послѣ того показываетъ, что это сравненіе сдѣлано съ точки зрѣнія времени, и т. д. Иногда видовое отличіе основано даже на томъ или иномъ способѣ произношенія слова, на удареніи (ср. фразы: «я сдѣлаю это такъ, какъ ты велѣлъ»; «я сдѣлаю это, такъ какъ ты велѣлъ».)

Изъ другихъ способовъ соединенія наиболѣе обычный—это слово что, служащее для подчиненія предложеній—подлежащихъ, сказуемыхъ, опредѣлительныхъ, дополнительныхъ, предложеній обстоятельства времени, образа дѣйствія, причины и цѣли. Само по себѣ слово что является такимъ же общимъ способомъ для выраженія сравненія, какъ и нарѣчіе какъ, и всѣ видовые оттѣнки получаются лишь при помощи другихъ, добавочныхъ мѣстоименій и нарѣчій. Съ развитіемъ языка область примѣненія придаточныхъ предложеній все болѣе и болѣе расширяется; является рѣчь періодическая, въ которой придаточныя предложенія составляются искусственнымъ образомъ, безъ всякой цѣли, кромѣ требованій плавности и округленности періода; вмѣсто того, чтобы излагать мысли поодиночкѣ, одну за другою, говорящій искусственно соединяетъ ихъ различнаго рода связью, выискиваетъ различныя соотношенія между мыслями; подчиненіе предложеній дѣлается въ этомъ случаѣ лишь стилистическимъ пріемомъ.

II.

Все сказанное нами о происхожденіи и подчиненіи придаточнаго предложенія можно одинаково примѣнять и къ латинскому языку. Придаточныя предложенія здѣсь начи-

чаются словами: *quis*, *qui* (quin, quo, qua, quoad, quod, quosque и т. д.), *qualis*, *quantus*, *quot* (quotus, quoties); *quia*, *cum*, *quoniam*, *quam* (antequam, postquam, priusquam, quamdiu, quamvis, quamquam, tanquam, quasi, quando); *uter; ubi, unde, ut; cur; si; dum, donec; simulac; modo; num; ne.* Остановимся прежде всего на нѣкоторыхъ соединительныхъ словахъ, стоящихъ особнякомъ. Предложенія, начинающіяся словомъ *modo*, подчиняются, собственно говоря, безъ помощи соединительнаго союза; *modo* употребляется какъ русское лишь только (ср.: «лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ, корабль одинокій несется»). *Simulac* состоитъ изъ основного *ac*, означающаго сравненіе (*ac* = какъ), и добавочнаго *simul* (*simulac* = вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ). *Donec* произошло изъ *do—ni—cum*, гдѣ *do* образовалось изъ *dio*, творительнаго падежа отъ *dius* («день», «время»), *ni* есть мѣстный падежъ мѣстоименной темы *na* или *no* и, наконецъ, *c* = *cum* — когда, такъ что *donec* значитъ собственно: «въ то время, въ тотъ день, когда»; основнымъ элементомъ является *cum* — когда. *Dum* есть винительный падежъ устарѣвшаго слова *dius*, давшаго цѣлый рядъ нарѣчій, заключающихъ въ себѣ понятіе о днѣ или времени (diu, pridem, tandem, quondam, dudum, oondum. nedum, vixdum, interdiu, interdum, perdiu, iam=diam=diem и др.). Если сравнить, значитъ, *dum* съ выраженіемъ, напр.: въ то время, какъ, то *dum* соотвѣтствуетъ только добавочному элементу: въ то время, и не заключаетъ въ себѣ сравнительнаго союза (какъ). Различныя значенія частицы *ne* развились изъ ея основного отрицательнаго значенія, такъ что мы и здѣсь опять имѣемъ въ сущности безсоюзное сочетаніе. *Num* одни производятъ изъ *ne—um*, другіе отъ мѣстоименнаго корня *na* или *no*; слово это во всякомъ случаѣ совершенно аналогично вопросительной частицѣ *ne*. *Si*, съ параллельной древней формой *sei*, производятъ отъ мѣстоименнаго корня *so*, давшаго въ греческомъ языкѣ мѣстоименіе ὁ. *Cur* имѣетъ при себѣ параллельную древнюю форму *quor* (Ter., *Andr.*, 103, 886) и = qua re. Слова *uter, unde, ubi, ut* произошли отъ одного корня, который сохранился во многихъ сложныхъ

нарѣчіяхъ: ali—*cubi*, ali—*cunde*, ne—*cubi*, ne—*cunde*, si—*cubi*, si—*cunde*, nun—*cubi* (=ли гдѣ, Ter., *Eun.*, 162) [1]. Рядомъ съ *ut* существуетъ полная форма *uti*: къ корню, общему со словами *ubi* и *unde*, здѣсь приставленъ мѣстный падежъ мѣстоименнаго корня *to*. *Uter* аналогично греческому πότερος, іон. κότερος, и въ древности писалось иногда съ помощью звука *c* (*cuter*). Вмѣсто обычнаго *neuter* въ надписяхъ встрѣчается *necuter*, образованное, подобно нарѣчіямъ necubi, necunde, изъ *ne* и *cuter* (Marini, *Inscr. Alb.*, 139: In necurto mihi consto repetens pristinos casus meos). Итакъ, внѣ соединительныя слова, начинающіяся звукомъ *u*, произошли, очевидно, отъ корня *cu*. Перебирая всѣ остальные способы соединенія придаточнаго съ главнымъ, не разсмотрѣнные еще нами, мы видимъ, что вездѣ въ началѣ стоитъ звуковое сочетаніе *qu*. Но *c* и *q* — это только различные пріемы написанія одного и того же звука. Въ надписяхъ, древнѣйшемъ и новѣйшемъ языкѣ вмѣсто *c* мы часто находимъ *q* (persequtio qum и т. д.); *c* и *qu* одинаково соотвѣтствуютъ санскритскому *k*; даже въ латинскихъ словахъ, происходящихъ отъ одного корня, пишется то *c*, то *qu* (coquo, cocus, inquilinus, incola и т. д.).

Такимъ образомъ, обзоръ всѣхъ способовъ соединенія придаточнаго съ главнымъ приводитъ насъ къ выводу, что и въ латинскомъ языкѣ придаточное соединяется съ главнымъ по тому же принципу и съ помощью того же мѣстоименнаго корня, какъ въ русскомъ языкѣ. Латинское придаточное есть тоже описательная замѣна съ помощью вопросительнаго предложенія такого названія предмета, свойства или дѣйствія, для котораго въ распоряженіи говорящаго лица не оказалось подходящаго слова. Роль соединительныхъ словъ въ латинскомъ языкѣ вполнѣ аналогична роли подобныхъ словъ въ русскомъ языкѣ. Одни и тѣ же способы соединенія пригодны для различныхъ видовъ придаточнаго. *Qui*, напр., вовсе не показываетъ, что предложе-

---

[1] Въ древнихъ памятникахъ встрѣчаемъ даже форму cube вмѣсто ubi.

ніе, начинающееся съ этого мѣстоименія, есть непремѣнно опредѣлительное, т.-е. означающее свойство предмета: съ *qui* одинаково можетъ начинаться и причинное предложеніе, и предложеніе цѣли, и дополнительное, и предложеніе, означающее степень дѣйствія или свойства (qui послѣ dignus). Самыми обычными способами соединенія и здѣсь, какъ и въ русскомъ языкѣ, являются нарѣчія, указывающія вообще на сравненіе: это—*quam* и *ut*. Эти нарѣчія имѣютъ больше всего разновидностей въ значеніи и употребленіи, обусловленныхъ разными добавочными элементами. Къ такимъ же сравнительнымъ нарѣчіямъ общаго характера принадлежитъ и называемое обыкновенно союзомъ *cum* (quum). Видовыя отличія придаточнаго всецѣло зависятъ, какъ и въ русскомъ языкѣ, отъ добавочныхъ элементовъ, которыми дополняется нарѣчіе, выражающее сравненіе вообще. Такъ добавочный элементъ primum («разъ») придаетъ сравнительному предложенію смыслъ предложенія времени. Усиливая сравнительное нарѣчіе *quam* нарѣчіями времени (ante, post, prius, diu), мы получаемъ спеціализованное сравнительное предложеніе, именно предложеніе времени; усиливая то же нарѣчіе словами tam и si, мы получаемъ спеціально-сравнительное и сравнительно-условное предложеніе; удваивая quam или прибавляя къ нему глагольную форму, аналогичную русскимъ соединительнымъ выраженіемъ: хоть, пусть, будь, именно vis, мы получаемъ сравнительно-уступительное предложеніе.

III.

Основываясь на всѣхъ этихъ соображеніяхъ о происхожденіи придаточнаго предложенія и о типичномъ способѣ соединенія придаточнаго съ главнымъ, остановимся теперь подробнѣе на синтаксической роли слова ut и прослѣдимъ на этомъ словѣ всѣ способы спеціализаціи основного, сравнительнаго значенія его. Принявши роль связующаго звена между предложеніями, ut стало союзомъ. Разборъ значеній союза ut начнемъ съ тѣхъ случаевъ, гдѣ ut наиболѣе

сохранило свои основныя черты, т.-е. гдѣ оно означаетъ сравненіе по преимуществу.

Наименѣе спеціальный случай—это употребленіе ut въ такъ называемыхъ вводныхъ предложеніяхъ. Въ стройной системѣ русскаго или латинскаго синтаксиса вводныя предложенія служатъ большою помѣхою. Установивши два вида сочетанія — сочиненіе и подчиненіе, грамматики не знаютъ, куда помѣстить предложенія вводныя, такъ какъ въ данномъ случаѣ нѣтъ ни сочиненія ни подчиненія. Но синтаксическая роль этихъ предложеній легко выясняется изъ указаннаго нами общаго принципа, на которомъ основано подчиненіе придаточнаго предложенія главному. Вводныя предложенія устанавливаютъ путемъ сравненія сходство между нашимъ впечатлѣніемъ и фактомъ, вызвавшимъ впечатлѣніе. Глаголъ вводнаго предложенія обыкновенно означаетъ дѣятельность сознанія или внѣшнее ея проявленіе, путемъ рѣчи или инымъ способомъ; а основное предложеніе, т.-е. то, въ которое вставлено вводное, означаетъ внѣшній фактъ, давшій воспріятіе. Соединеніемъ двухъ предложеній констатируется совпаденіе впечатлѣнія сознанія съ внѣшнимъ фактомъ. Дополнительныя предложенія образуются по тому же принципу, но тутъ есть и разница. Въ томъ и другомъ случаѣ впечатлѣніе сравнивается съ внѣшнимъ фактомъ, но исходныя точки тутъ и тамъ неодинаковы; начать сравненіе можно съ одного конца и съ другого, можно сравнивать впечатлѣніе съ фактомъ и фактъ съ впечатлѣніемъ. Такъ какъ впечатлѣніе ближе факта къ говорящему лицу, то обыкновенно сравненіе начинается съ впечатлѣнія, и тогда получаются дополнительныя придаточныя предложенія. Но иногда внѣшняя связь фактовъ настолько сильна, что говорящій начинаетъ сравненіе съ факта: тогда впечатлѣніе будетъ вещью, съ которою сравниваютъ; въ этомъ случаѣ получается то, что грамматики называютъ вводнымъ предложеніемъ. Если предложеніе: «я слышу», констатируетъ мое слуховое впечатлѣніе, а предложеніе: «ты читаешь», указываетъ на фактъ, произведшій впечатлѣніе, то сравненіе между фактомъ и впечатлѣніемъ могло идти двоякимъ

путемъ. Если передъ этимъ я говорилъ о себѣ, если въ рѣчи на первомъ планѣ стоитъ моя личность, то я начинаю сравненіе съ своего впечатлѣнія, а твое чтеніе будетъ для меня предметомъ, съ которымъ я сравниваю; въ этомъ случаѣ я говорю: «я слышу, какъ ты читаешь». Но если передъ этимъ шла рѣчь о тебѣ, то свое сравненіе я начинаю съ твоего дѣйствія, съ внѣшняго факта, а свое впечатлѣніе подвожу подъ внѣшній фактъ, давшій это впечатлѣніе; въ этомъ случаѣ я говорю: «ты, я слышу, читаешь», или: «ты, какъ я слышу, читаешь». Здѣсь мы имѣемъ дѣло уже съ вводнымъ предложеніемъ. Такимъ образомъ, вводное предложеніе есть такое придаточное, при которомъ сравненіе начинается не съ самаго впечатлѣнія, а съ внѣшняго факта, давшаго вечатлѣніе. По ученію латинскихъ грамматикъ, употребленіе ut во вводныхъ предложеніяхъ обусловливается постановкою verba sentiendi и declarandi;—подъ этимъ терминомъ мы и должны разумѣть глаголы, означающіе дѣятельность нашего сознанія (или словесное ея проявленіе), отъ которыхъ, при иной исходной точкѣ сравненія, зависятъ предложенія дополнительныя (въ латинскомъ языкѣ—косвенные вопросы и оборотъ accusativus cum infinitivo).

IV.

Кромѣ вводныхъ предложеній, немалое затрудненіе для грамматикъ представляютъ и такъ называемые сравнительные періоды. Ни русскія ни латинскія грамматики никогда не даютъ точнаго критерія для отличія сложнаго предложенія отъ періода, ограничиваясь общей фразой, что періодъ есть такое предложеніе, которое «отличается особенною распространенностью и законченностью», и не рѣшая вопроса, считать ли сравненіе въ періодѣ за главное предложеніе или за придаточное. Мы уже говорили, что въ періодической рѣчи придаточное предложеніе часто является искусственнымъ пріемомъ, употребляемымъ для округленія и плавности рѣчи. Сравнительный періодъ отличается еще большею искусственностью. Возьмемъ примѣръ: Ut hirun-

dines aestivo tempore praesto sunt, frigore pulsae recedunt, item falsi amici sereno vitae tempore praesto sunt, simulatque hiemem fortunae viderunt, devolant omnes (Cic., *Her.*, 4, 48). Сравненіе здѣсь явилось вовсе не въ силу логической необходимости, не въ силу невозможности выразить ту же мысль простымъ членомъ предложенія; оно здѣсь оказывается лишь однимъ изъ пріемовъ для достиженія поэтической изобразительности. Оно, въ противоположность придаточнымъ предложеніямъ, основано на цѣломъ рядѣ сходныхъ пунктовъ: времена года сравниваются съ обстоятельствами жизни, лѣто съ свѣтлой порой жизни, прилетъ ласточекъ съ появленіемъ друзей, холодъ съ тяжолой порой жизни, и т. д. При такой массѣ сходныхъ пунктовъ, составляющихъ tertium comparationis, это сравнительное предложеніе мы не можемъ, конечно, назвать придаточнымъ образа дѣйствія, при которомъ сравнивается только степень энергіи или способъ двухъ дѣйствій.

Въ области собственно придаточныхъ предложеній наиболѣе простую роль ut играетъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ родовое понятіе сравнивается съ видовымъ. Беремъ рядъ примѣровъ: Multi gloriose mortui sunt, ut Leonidas, ut Epaminondas, alii. — Ea sola percipere dicunt, quae tactu intimo sentiant, ut dolorem, ut voluptatem (Cic., *2 Acad.*, 24). — In libero populo, ut Rhodi, ut Athenis, nemo est etc. (Cic., *Rep.*, 1). Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ сравненіе не развилось еще въ цѣлое предложеніе, и напрасно грамматики считаютъ подобныя сравненія сокращенными предложеніями: они не «сокращались» и никогда не были полными. Добавленіе сказуемыхъ при словахъ: Leonidas и т. д., было бы простой тавтологіей. Если въ подобныхъ предложеніяхъ и стоитъ иной разъ сказуемое, то оно всегда выражаетъ ту же мысль, которая выражена и въ главномъ предложеніи: она выражается лишь иными словами, съ бо́льшими подробностями или въ болѣе конкретномъ видѣ (напр., multi gloriose mortui sunt, ut Epaminondas sine gemitu cum sanguine vitam effluere sensit). Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ

главное предложеніе указываетъ на родовое понятіе, а въ сравненіи идетъ перечень видовыхъ понятій, входящихъ въ составъ даннаго родового. Сравненіе здѣсь основывается на томъ логическомъ законѣ, что признакъ, принадлежащій роду, необходимо принадлежитъ и виду. Здѣсь нѣтъ нужды повторять нѣсколько разъ указаніе признака; достаточно констатировать связь между двумя понятіями, какъ между родовымъ и видовымъ: все, приписываемое въ главномъ предложеніи родовому понятію, логически необходимо принадлежитъ и видовымъ, введеннымъ въ рѣчь съ помощью ut (какъ-то; какъ; какъ, напр.; такъ, напр.).

Иногда сравненіе идетъ въ обратномъ порядкѣ, не отъ родового понятія къ видовымъ, а отъ видового понятія къ родному, напр.: Cicero ea, quae nunc usu veniunt, cecinit, ut vates (Nep., *Att.*, 16). Говорящій въ этихъ случаяхъ устанавливаетъ принадлежность вида къ роду, а сравненіе констатируетъ, что по данному признаку данное видовое понятіе можно отнести къ такому-то роду.

Изъ сопоставленія видового понятія съ родовымъ легко развивается отношеніе причинности. Возьмемъ примѣры: Alcibiades in dicendo satis exercitatus fuit, ut Atheniensis (Cic., *Tusc.*, 1). — Diogenes liberius, ut cynicus, Alexandro inquit (ib., 5). Такъ какъ понятіе объ Алкивіадѣ входитъ, какъ видовое, въ составъ понятія объ аѳинянинѣ, то мы имѣемъ достаточное логическое основаніе приписать и видовому понятію признакъ, присущій родовому. Почему Діогенъ отличался свободой выраженія? Потому что онъ былъ циникъ. Разъ мы знаемъ, что циники не стѣснялись въ выраженіи мыслей, то, констатировавъ, что понятіе о Діогенѣ есть видовое по отношенію къ понятію о циникахъ, мы тѣмъ самымъ указали *причину*, почему Діогенъ *такъ свободно выражался*. Родовой признакъ по закону достаточнаго основанія логически необходимо принадлежитъ видовому понятію; это достаточное логическое основаніе и есть причина указаннаго въ главномъ предложеніи дѣйствія. Такимъ же путемъ получилось

причинное отношеніе и въ такихъ примѣрахъ, какъ: Ille, ut semper fuit apertissimus, non se purgavit (Cic., *Mur.*, 25). — Aiunt hominem, ut erat furiosus, respondisse (Cic., *Rosc. Am.*, 12), и т. д. Грамматики для такихъ предложеній придумали особое правило: «ut est, erat, fuit съ прилагательнымъ употребляется какъ вводное предложеніе для означенія качества, которое въ данномъ случаѣ поясняетъ дѣйствіе» (Кесслеръ, 190 §). Но почему же ut играетъ такую роль только при имени прилагательномъ и что означаетъ это «поясненіе дѣйствія»? Тутъ все дѣло опять въ соотношеніи между родовымъ и видовымъ понятіемъ. Признакъ, приписываемый предмету въ главномъ предложеніи, есть видовое понятіе по отношенію къ признаку, приписываемому тому же предмету въ сравнительномъ предложеніи. Въ первомъ, напримѣръ, предложеніи Катилинѣ приписывается и откровенность вообще и нежеланіе оправдываться въ данномъ случаѣ; откровенность есть родовое понятіе по отношенію къ нежеланію оправдываться. Приписываніе предмету родового, общаго признака (полная откровенность Катилины) есть достаточное логическое основаніе для того, чтобы приписать ему и видовой, частный, входящій въ составъ родового (Катилина не хочетъ оправдываться и въ данномъ случаѣ). Неудивительно, что родовое понятіе выражено прилагательнымъ, а видовое глаголомъ. Глаголы означаютъ частные случаи, отдѣльныя проявленія, а объединеніе всѣхъ однородныхъ частныхъ случаевъ и проявленій и есть свойство предмета, выражаемое прилагательнымъ. Въ русскомъ языкѣ въ аналогичныхъ случаяхъ оказывается уже недостаточнымъ простое сравненіе признаковъ; сравненіе спеціализируется, слово как ъ получаетъ добавочный элементъ такъ, и въ результатѣ мы имѣемъ уже причинный союзъ такъ какъ. Когда сравненію подвергаются предметы, то и въ русскомъ, какъ въ латинскомъ, мы ограничиваемся соединительнымъ словомъ какъ («Діогенъ, какъ циникъ»); но если сравниваются признаки (общій, родовой и частный, видовой), то мы употребляемъ уже спеціализован-

ный сравнительный союзъ такъ какъ и называемъ его уже союзомъ причиннымъ. Для фразы: Catilina, ut semper fuit apertisimus etc., грамматики даютъ три способа перевода: 1) «такъ какъ всегда былъ вполнѣ откровененъ», 2) «какъ человѣкъ откровенный», 3) «какъ и слѣдовало ожидать отъ такого откровеннаго человѣка». Ближе къ латинскому обороту первый способъ; во второмъ способѣ сравненіе признаковъ замѣнено сравненіемъ предметовъ, а третій способъ есть лишь словесное изображеніе той логической работы, которая происходитъ при сопоставленіи родового понятія съ видовымъ.

Наряду съ значеніемъ причинности можно поставить значеніе ut, какъ ограниченія. Беремъ примѣры: Ex opulentissima, ut tum res erant, Etrusca civitate etc. (Liv., II, 50).—Triumphavit insigni, ut illorum temporum habitus erat, triumpho (ib., X, 46).—Clisthenes multum, ut temporibus illis, valuit dicendo (Cic., *Brut.*, 7).—Multae in Fabio, ut in homine Romano, litterae erant (Cic., *Cat. M.*, 4), и др. Для перевода такихъ примѣровъ употребляется то выраженіе: какъ, по крайней мѣрѣ, то предлоги для, по. Многія свойства могутъ быть приписываемы предмету лишь по сравненію съ другими предметами. Названіе предмета длиннымъ или короткимъ, большимъ или малымъ, теплымъ или холоднымъ и т. д. только тогда логически допустимо, когда есть другіе предметы для сравненія. Но этихъ другихъ предметовъ мы обыкновенно не указываемъ и сравниваемъ данный предметъ не съ другимъ опредѣленнымъ предметомъ, а съ типичной нормой. Если я лежащую на столѣ книгу называю «маленькою», то я имѣю въ виду обычный, привычный для насъ форматъ книги: данная книга «маленькая» потому именно, что форматъ ея ниже нормы. Если свойство можетъ имѣть бо́льшую или меньшую степень, то, приписывая предмету это свойство безъ сравнительнаго его сопоставленія съ другими предметами, мы всегда разумѣемъ это свойство въ его нормальной степени. Съ теченіемъ времени многія нормы измѣняются: что для предковъ было роскошнымъ,

то для насъ можетъ стать простымъ и бѣднымъ; кого предки считали мудрымъ, тотъ для насъ можетъ казаться смышленымъ, и т. д.; кромѣ того, нормы различны у различныхъ классовъ людей. Приведенныя выше латинскія фразы означаютъ именно такія отступленія отъ нормъ при обозначеніи свойствъ. Клисѳенъ названъ краснорѣчивымъ, тріумфъ славнымъ, этрусское государство богатымъ, но всѣ эти свойства взяты не въ обычной для эпохи автора нормѣ; краснорѣчіе Клисѳена авторъ по своей мѣркѣ, можетъ-быть, ужъ не назвалъ бы краснорѣчіемъ. Такимъ образомъ, въ этихъ примѣрахъ свойства берутся по сравненію не съ обычной для говорящаго нормой, а съ другой, прежней, принятой другими. Ограниченіе получилось въ силу того, что прежняя норма оказалась ниже современной или обычной для автора. Выраженіе: «по крайней мѣрѣ», означаетъ именно уменьшеніе этой обычной нормы. Въ сравнительномъ предложеніи здѣсь можно различать два элемента: 1) указаніе эпохи, круга людей, общества и т. д., гдѣ норма принята, и 2) слово, указывающее, что норма существуетъ. Первый элементъ не можетъ быть опущенъ (tum, illis temporibus, in homine Romano и т. д.); второй часто опускается, такъ какъ онъ вездѣ одинъ и тотъ же: при ut стоитъ или подразумѣвается всегда одно и то же понятіе, именно понятіе о существованіи общей мѣрки, общепринятаго взгляда и т. п. Фразу: Clisthenes etc., мы могли бы перевести: «Клисѳенъ былъ очень силенъ въ краснорѣчіи, какъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣ времена думали» (т.-е. всѣ думали, обыкновенно думали). Слова: «думали», «полагали», «считали» и т. д., и указываютъ на существованіе нормы. При сокращенномъ переводѣ берутся или оба элемента («по понятіямъ того времени») или только первый («по тому времени, по тѣмъ временамъ»).

Простѣйшій случай спеціализаціи ut находимъ въ сочетаніи ut primum. Добавочное primum («сперва») указываетъ, что первое дѣйствіе закончилось, когда началось другое. Употребляясь даже въ историческомъ разсказѣ съ perfectum indicativi, это ut (temporale) не подчинилось

еще правиламъ послѣдовательности временъ; оба предложенія въ этомъ сочетаніи стоятъ, можно сказать, самостоятельно, и мы имѣемъ здѣсь не возникшее придаточное, а лишь возникающее,—видимъ путь, какъ изъ двухъ самостоятельныхъ предложеній, сравниваемыхъ по времени («сперва» одно дѣйствіе, а потомъ другое), возникаетъ подчиненіе предложеній. Отсутствіе промежутка за оконченнымъ первымъ дѣйствіемъ обозначается иногда словомъ simul, аналогичнымъ русскому «скоро» («какъ скоро»), напримѣръ, говорятъ: tu, mi frater, simul ut ille venerit, primam navigationem ne omiseris (Cic., *Qu. fr.*, 2). Впослѣдствіи ut стало употребляться во временномъ значеніи и безъ добавочнаго primum, a simul стало обычнымъ добавочнымъ элементомъ при другомъ сравнительномъ нарѣчіи *ac*.

V.

Временное значеніе ut нашло себѣ конкурентовъ въ другихъ союзахъ, особенно въ quam и cum, которыми стали соединяться уже совершенно специализованныя придаточныя временныя предложенія, подчиненныя правиламъ послѣдовательности временъ; а союзъ ut сталъ играть главную роль при подчиненіи предложеній цѣли и слѣдствія. Въ грамматикахъ разграничивается ut finale и ut consecutivum, но въ дѣйствительности переходъ отъ одной области къ другой настолько постепененъ и незамѣтенъ, что даетъ часто мѣсто и для всякихъ новыхъ рубрикъ (ut obiectivum, explicativum, imperativum и т. д.). Всѣ эти критеріи, основанные на подборѣ словъ, *послѣ* которыхъ ставится то или иное ut, часто являются произвольными и несостоятельными, такъ какъ они, ограничиваясь внѣшностью, не проникаютъ въ сущность грамматическаго закона или логическаго процесса. Ut consecutivum ставится, по ученію грамматикъ, прежде всего «послѣ мѣстоименій и прилагательныхъ talis, is, his, ille, tantus, tot и послѣ нарѣчій: ita, sic, eo» и т. д. Но вслѣдъ за параграфомъ, заключающимъ въ себѣ это «правило», ставится «примѣ-

чаніе», лишающее этотъ критерій всякаго значенія: оказывается, что слова is, hic, ille, ita, sic «служатъ указаніемъ» и на «предложенія съ ut finale, съ acc. c. inf. и съ quod». Особенное затрудненіе представляютъ для грамматикъ тѣ случаи, когда передъ ut вовсе нѣтъ приведенныхъ выше мѣстоименій и нарѣчій. Грамматики учатъ, что въ такихъ случаяхъ ita «подразумѣвается» или «опускается». Эти выраженія предполагаютъ такимъ образомъ, что гдѣ-то когда-то существовала болѣе правильно построенная фраза, въ которой ita не было «опущено» и не «подразумѣвалось», а стояло на лицо. Нечего говорить, конечно, о томъ, что ut здѣсь никогда не «опускалось», потому что оно никогда тутъ и не стояло. Всѣ эти странныя «правила» основаны исключительно на сопоставленіи латинской фразы съ русской,—изъ нихъ выходитъ, будто латинскій языкъ приноравливался къ русскому. Иногда грамматики пытаются найти критерій для рѣшенія вопроса, нужно ли «опускать» ita. Однѣ изъ нихъ учатъ, что ita опускается въ томъ случаѣ, «если слѣдствіе означается какъ нѣчто случайное или если выражается умозаключеніе». «Если же слѣдствіе непосредственно и необходимо вытекаетъ изъ главнаго дѣйствія, то къ ut прибавляется ita» (Кесслеръ). Являются вопросы: какъ отличить случайное слѣдствіе отъ непосредственнаго? можетъ ли тутъ быть какая-нибудь противоположность? неужели умозаключеніе не заключаетъ въ себѣ необходимости вывода? и т. д. Другія грамматики учатъ: «когда говорящій высказываетъ только свое личное мнѣніе, а не дѣлаетъ логическаго вывода изъ предыдущаго, то союзъ ut и безъ предшествующаго нарѣчія ita значитъ т а к ъ ч т о» (Эллендтъ-Зейффертъ). Опять являются вопросы: а развѣ личное мнѣніе бываетъ обыкновенно нелогичнымъ? развѣ личное мнѣніе по-русски обязательно обозначается словами «такъ что»? и т. д. Мало того: одна грамматика утверждаетъ совершенно противоположное сравнительно съ другой; по одной, ita опускается, «если выражается умозаключеніе»; по другой, ita опускается, если говорящій «*не* дѣлаетъ логическаго вывода», т.-е. не выражаетъ умозаключенія.

И обѣ грамматики, для подтвержденія своихъ противоположныхъ выводовъ, приводятъ одинъ и тотъ же примѣръ [1]).

Вторымъ случаемъ употребленія ut consecutivum грамматики ставятъ употребленіе его послѣ сравнительной степени съ quam. Но это въ сущности тотъ же первый случай: сравнительная степень съ quam есть лишь перифразъ положительной степени съ словомъ tam (urbs munitior erat, quam ut etc. = urbs *tam* munita erat, ut *non* etc.).

На третьемъ мѣстѣ грамматики ставятъ употребленіе ut послѣ словъ: est, fit, accidit и т. п. Здѣсь основная роль союза и способъ происхожденія придаточнаго совершенно очевидны: здѣсь мы опять подводимъ, посредствомъ сравненія, частное подъ общее. Фраза: Saepe evenit, ut utilitas cum honestate certet, по своему логическому построенію и происхожденію означаетъ: «часто бываютъ такіе случаи, к а к ъ, н а п р и м ѣ р ъ,—польза идетъ въ разрѣзъ съ честностью». Слова: fit, accidit и т. д., служатъ для выраженія многократности и соотвѣтствуютъ по значенію словамъ: «часто», «иной разъ», «не разъ», такъ что, если повторяемость выражена уже нарѣчіемъ, то безличные глаголы являются плеоназмомъ. Когда многократное дѣйствіе имѣетъ значеніе обычая, привычки, закона и т. д., получаются выраженія: mos est, consuetudo est, lex est, ut и т. д.

Послѣднюю группу составляютъ выраженія: accedit, sequitur, relinquitur, proximum est и т. д. Все это не что иное, какъ различные искусственные способы перехода отъ одной мысли къ другой; это просто стилистическіе пріемы, выработанные для періодической рѣчи; новой мысли, новаго дѣйствія они не обозначаютъ, а намѣчаютъ лишь планъ разсужденія. Эти искусственные обороты составились, очевидно, по аналогіи съ выраженіями: fit, accidit, ut и т. д.,

---

[1]) Вотъ этотъ примѣръ: Quanta Scipionis fuit gravitas, quanta in oratione maiestas, ut facile ducem populi Romani diceres (Cic., *Lael.*, 25). Грамматики толкуютъ о какомъ-то опущенномъ ita, не замѣчая, что искомое ими предшествующее мѣстоименіе или нарѣчіе здѣсь стоитъ на лицо (quantus, играющее здѣсь такую же роль, какъ въ другихъ случаяхъ tantus). Кромѣ того, онѣ рекомендуютъ такой, значитъ, переводъ: Сколь велика была—т а к ъ ч т о его легко можно было", и т. д., но очевидно, что это оборотъ совершенно невозможный.

хотя самаго существеннаго элемента, многократности дѣйствія, здѣсь уже нѣтъ.

Таковы случаи употребленія ut consecutivum. Что же представляетъ собою ut consecutivum вообще? Оно означаетъ слѣдствіе,—вотъ общепринятый отвѣтъ. Но тутъ является нѣсколько затрудненій. И прежде всего въ русской грамматикѣ, которая, основываясь на тѣхъ же логическихъ законахъ и категоріяхъ, должна быть въ этомъ случаѣ согласной съ латинской, между различными видами придаточнаго предложенія мы не находимъ предложеній слѣдствія. Число и виды придаточныхъ предложеній аналогичны числу и видамъ тѣхъ логическихъ категорій, по которымъ мы различаемъ члены одного предложенія: такъ какъ въ числѣ обстоятельствъ нѣтъ обстоятельства слѣдствія, то нѣтъ и придаточныхъ предложеній слѣдствія. И въ самомъ дѣлѣ, если слѣдствіе еще не исполнилось, а лишь имѣется въ виду, то оно есть цѣль и выражается обстоятельственнымъ словомъ или предложеніемъ цѣли. Если же слѣдствіе исполнилось и стало фактомъ, то оно, какъ фактъ, какъ особая мысль, выражается особымъ предложеніемъ, а не членомъ предложенія. Возьмемъ фразу: «я не засталъ тебя, такъ что принужденъ былъ вернуться назадъ». Первое предложеніе здѣсь означаетъ причину, второе—слѣдствіе. Но русскія грамматики оба эти предложенія признаютъ самостоятельными и говорятъ здѣсь не о подчиненіи предложеній, а о сочиненіи; «такъ что» здѣсь можетъ быть замѣнено, безъ измѣненія смысла и грамматическаго строя рѣчи, словами: «и такъ», «поэтому». Ту же мысль можно выразить и иначе: «такъ какъ я не засталъ тебя дома, то» и т. д.,—здѣсь мы имѣемъ причинное придаточное. Итакъ, въ русскомъ языкѣ, при наличности причины и слѣдствія, причина можетъ быть выражена придаточнымъ, а слѣдствіе не можетъ быть выражено придаточнымъ. Не то ли самое бываетъ и въ латинскомъ языкѣ? Почему же латинская грамматика, не признавая особой категоріи—обстоятельствъ слѣдствія, признаетъ придаточныя предложенія слѣдствія?

Разъ придаточное мы признали замѣною простыхъ членовъ предложенія за невозможностью обозначить предметъ, дѣйствіе или свойство простымъ членомъ предложенія, то, за неимѣніемъ особыхъ членовъ предложенія, означающихъ именно слѣдствіе, мы и не составляемъ никогда придаточныхъ слѣдствія. Приведенную нами русскую фразу мы и въ латинскомъ языкѣ не могли бы перевести съ помощью ut consecutivum. Составленныя по такому типу фразы и въ латинскомъ языкѣ передаются двумя самостоятельными предложеніями, соединяемыми при помощи словъ: itaque, igitur, quare и др. Если понятіе «слѣдствіе» понимать въ обычномъ значеніи, если слѣдствіе противополагать причинѣ, то мы должны признать, что и въ латинскомъ языкѣ нѣтъ придаточныхъ предложеній слѣдствія. И въ самомъ дѣлѣ, неужели въ сочетаніяхъ, когда ut стоитъ послѣ глаголовъ: est, fit и т. д. или sequitur, relinquitur и т. д., можно въ главномъ предложеніи усмотрѣть причину, а въ придаточномъ слѣдствіе? Ardebat Hortensius cupiditate dicendi sic, ut in nullo unquam flagrantius studium viderim, — неужели любовь Гортензія къ краснорѣчію могла быть причиной того, что говорящій ни въ комъ еще не видалъ такого рвенія? Mihi deliberatum est et constitutum est ita gerere consulatum, ut rem nullam, quae a tribuno plebis impediri possit, appetiturus sim, — неужели нежеланіе столкновенія съ трибуномъ есть слѣдствіе исправленія консульской должности? Mos est hominum, ut nolint eundem pluribus rebus excellere, — неужели нежеланіе выдвигать личность есть слѣдствіе какого-то обычая, а не самый обычай? и т. д. Нельзя усматривать слѣдствіе и въ тѣхъ предложеніяхъ, которыя стоятъ послѣ talis, hic, tam, ita и т. д. Возьмемъ фразу: Tantus fuit timor hostium, ut nemo loco cedere ausus sit. Нельзя сказать, что причиной неподвижности было чувство страха вообще; страхъ не былъ бы причиной неподвижности, если бы онъ былъ не силенъ. Такимъ образомъ причиной оказывается не страхъ вообще, а лишь извѣстная степень страха. Придаточное служитъ указаніемъ не послѣдствій страха вообще,

а лишь обозначеніемъ степени, силы страха. Фраза, какъ и всякое придаточное, построена на принципѣ сравненія. Непріятели боялись, — нужно обозначить степень страха; но говорящій затрудняется иллюстрировать степень страха простымъ нарѣчіемъ и беретъ для сравненія другое дѣйствіе, именно то обстоятельство, что непріятели остались на мѣстѣ. Непріятели боялись — насколько? Настолько, насколько боятся, когда никто не трогается съ мѣста [1]).

Русская грамматика тоже признаетъ придаточныя, означающія степень дѣйствія или качества, и считаетъ ихъ разновидностью придаточныхъ образа дѣйствія. Эти послѣднія предложенія обыкновенно дѣлятся на двѣ или на три группы: сравнительныя и изъяснительныя, или: образныя, сравнительныя и изъяснительныя. Предложенія изъяснительныя «объясняютъ», по ученію грамматикъ, «силу, степень или мѣру какой-нибудь части главнаго предложенія». Итакъ, предложенія, въ которыхъ ut consecutivum стоитъ послѣ мѣстоименій и нарѣчій: talis, tam и т. д., совершенно аналогичны изъяснительнымъ предложеніямъ русскихъ грамматикъ и суть не предложенія слѣдствія, а предложенія образа дѣйствія. Правда, этотъ послѣдній терминъ, принятый во всѣхъ грамматикахъ, не совсѣмъ удаченъ: онъ слишкомъ узокъ, такъ какъ не обнимаетъ обѣихъ разновидностей — способа дѣйствія и степени дѣйствія, а соотвѣтствуетъ въ сущности только первой изъ нихъ; «образъ» дѣйствія это и есть «способъ» дѣйствія, а степень не есть «образъ» дѣйствія. Въ латинскомъ языкѣ признакъ или дѣйствіе, степень которыхъ обозначается, или прямо выражаются прилагательными и глаголами,—и тогда при нихъ мы имѣемъ нарѣчія: tam, ita и т. д.,—или выражаются мѣстоименіемъ, замѣняющимъ прилагательное (talis, tantus, hic, ille и т. д.). Когда говорятъ, напр.: In eo statu res nostrae sunt, ut non possint esse miseriores, то мѣстоименіе is замѣняетъ указаніе самаго признака и стоитъ вмѣсто

---

[1]) И въ русскомъ языкѣ фразу: „Весною такъ въ своихъ грядахъ рылся огородникъ, какъ будто бы хотѣлъ онъ вырыть кладъ" (Крыловъ), легко замѣнить сочетаніемъ, означающимъ цѣль дѣйствія.

словъ, означающихъ: «плохи», «затруднительны», «тяжелы», а придаточное измѣряетъ степень этого признака, не выраженнаго прилагательнымъ и замѣненнаго мѣстоименіемъ.

Придаточныя съ ut consecutivum послѣ безличныхъ глаголовъ суть всегда придаточныя-подлежащія, а самый безличный глаголъ является для нихъ сказуемымъ. Нѣкоторыя грамматики для этой разновидности берутъ терминъ ut explicativum, т.-е. тотъ самый терминъ («изъяснительное предложеніе»), который мы приняли для первой разновидности, сообразно съ терминологіей русскихъ грамматикъ. Въ сущности терминъ этотъ совершенно неопредѣленный: въ школьной практикѣ и въ учебникахъ терминомъ «поясняется» означается безразлично всякое синтаксическое соотношеніе словъ, или, напр., «пояснительными словами» называются всѣ второстепенные члены предложенія. И если, кромѣ того, изъяснительными называются предложенія, показывающія степень или мѣру, то въ сущности въ самомъ терминѣ нѣтъ никакого указанія на существенныя свойства этихъ предложеній (они «изъясняютъ», но что?—неизвѣстно). И все-таки, чтобы быть въ согласіи съ общепринятой терминологіей русскихъ грамматикъ, мы предпочли бы «изъяснительными» предложеніями называть именно первую разновидность, а не вторую, потому что называть «изъяснительными» вторую разновидность, т.-е. предложенія-подлежащія, уже совершенно нѣтъ никакихъ основаній. Иныя грамматики употребляютъ терминъ ut periphrasticum, «описательное» (Опацкій), но этотъ терминъ тоже нисколько не выясняетъ значенія предложеній, указывая лишь на то, что данное предложеніе есть описательный оборотъ, замѣняющій простой членъ предложенія, т.-е. что данное предложеніе есть придаточное, но какое—неизвѣстно.

Такимъ образомъ, на основаніи всего вышесказаннаго, мы приходимъ къ заключенію, что было бы гораздо цѣлесообразнѣе—по требованіямъ методическимъ—вмѣсто механическаго перечня словъ, «послѣ» которыхъ ставится ut consecutivum, различать двѣ разновидности ut: предложенія-подлежащія съ ut и предложенія, означающія степень

качества или дѣйствія. Предложенія, въ которыхъ, по терминологіи грамматикъ, ita или вообще нарѣчіе «опущено» или «подразумѣвается», отошли бы, конечно, ко второй разновидности, потому что указательныя нарѣчія здѣсь играютъ такую же роль, какъ и указательныя мѣстоименія при относительныхъ мѣстоименіяхъ, т.-е. они необязательны.

VI.

Обратимся теперь къ ut finale, съ котораго грамматики обыкновенно и начинаютъ изложеніе правилъ объ употребленіи ut. Указывая, что ut finale означаетъ цѣль, онѣ добавляютъ, что это ut ставится «при всякомъ глаголѣ» или «независимо отъ состава управляющаго предложенія». Это странное добавленіе, которое съ такимъ же правомъ можно было бы сдѣлать при изученіи и всякаго другого союза: cum, quod, postquam и т. д., объясняется тѣмъ, что грамматики, давши единственно правильный критерій для отличія даннаго типа предложеній, т.-е. указавши ихъ значеніе, сейчасъ же послѣ этого снова переходятъ къ механическимъ критеріямъ и начинаютъ перечислять глаголы, послѣ которыхъ ставится это же ut finale. Выходитъ совершенно несообразная классификація: оказывается, что ut finale ставится, во-первыхъ, «послѣ всѣхъ глаголовъ», а во-вторыхъ, «послѣ глаголовъ: curo, opto» и т. д. Главнѣйшее затрудненіе при толкованіи ut finale заключается въ отношеніяхъ этого ut къ правиламъ о послѣдовательности временъ. Всякая цѣль есть ожидаемое будущее, а между тѣмъ ut finale не соединяется съ будущимъ временемъ. Въ школьной практикѣ, гдѣ правила о послѣдовательности временъ изучаются почти одновременно съ правилами объ употребленіи ut, а самое ut finale служитъ часто первымъ опытомъ примѣненія этихъ правилъ, это несоотвѣтствіе особенно ощутительно: оно сразу же вноситъ путаницу въ понятія, которыя должны быть особенно отчетливыми и ясными. Praesens и imperfectum при ut finale не есть, конечно, «замѣна» будущаго времени. Предложенія цѣли,

какъ и всякія другія придаточныя, построены на принципѣ сравненія, и времена въ нихъ ставятся именно тѣ, которыя вытекаютъ изъ этого построенія. По своему логическому построенію фраза: Leges breves esse debent, ut facile ab imperitis teneantur, заключаетъ сравненіе двухъ дѣйствій не съ точки зрѣнія причинности или цѣлесообразности, а съ точки зрѣнія образа дѣйствій. Законы должны быть кратки,—но к а к ъ? н а с к о л ь к о?—Насколько они удерживаются въ памяти простыми людьми, насколько они удерживались бы въ памяти. Послѣднее дѣйствіе—предполагаемое, взятое какъ бы для примѣра; поэтому второе предложеніе въ латинскомъ языкѣ выражено сослагательнымъ наклоненіемъ. Amicitiae comparantur, ut commune commodum mutuis officiis gubernetur (Cic., *Rosc. Am.*, 38). Дружескія связи устанавливаются,—п о с к о л ь к у онѣ устанавливаются?—Поскольку осуществляется взаимная выгода. К а к ъ заключается дружба? А такъ, чтобы общая польза обусловливалась взаимными услугами. Когда я шелъ къ тебѣ, мое затрудненіе выражалось мыслью: к а к ъ б ы мнѣ увидѣться съ тобою? Какъ разъ эту мысль я и выражаю въ придаточномъ цѣли, нисколько не измѣняя даже внѣшней ея формы: veni, ut te viderem. Въ русскомъ языкѣ первичный ходъ построенія предложеній особенно ясно виденъ въ предложеніяхъ, зависящихъ отъ глаголовъ: «заботиться», «стараться», «пытаться» и т. д., объединяемыхъ въ латинскомъ языкѣ терминомъ verba studii et voluntatis. Латинская фраза: cura, ut valeas, есть точная копія русской фразы: «заботься, к а к ъ б ы быть здоровымъ», всецѣло основанной на сравненіи и даже по внѣшей формѣ выражающей лишь сравненіе двухъ дѣйствій: «заботься», т.-е. поступай извѣстнымъ образомъ, но к а к ъ?—Такъ, какъ можно быть здоровымъ.

Многія грамматики ut, стоящее при verba studii и voluntatis, называютъ ut obiectivum, т.-е. «дополнительнымъ». И дѣйствительно, придаточное предложеніе въ этихъ случаяхъ обыкновенно есть придаточное дополнительное. Такъ какъ оборотъ accusativus cum infinitivo въ грамматикахъ

тоже считается предложеніемъ дополнительнымъ (сокращеннымъ), то имъ приходится употреблять не мало усилій для того, чтобы разграничить сферы употребленія этихъ двухъ разновидностей дополнительнаго предложенія. Но для этого онѣ берутъ всегда чисто внѣшній, механическій критерій; обыкновенно онѣ ограничиваются перечнями глаголовъ,—перечисляютъ глаголы, требующіе ut, и глаголы, требующіе accusativus cum infinitivo; иногда сопоставляютъ латинскіе обороты съ русскими (если въ русскомъ языкѣ «что», то въ латинскомъ acc. c. inf.; если въ русскомъ «чтобы», то въ латинскомъ ut). Но различіе здѣсь лежитъ, конечно, глубже. Accusativus cum infinitivo, оборотъ, спеціально свойственный латинскому языку, построенъ не на томъ логическомъ принципѣ, на которомъ построены всѣ прочіе виды латинскаго придаточнаго и всѣ виды русскаго придаточнаго. При постановкѣ acc. c. inf. нѣтъ никакого сравненія. Accus c. inf. есть выраженіе сужденія, какъ результата, получаемаго при актѣ мышленія. Всякая рѣчь состоитъ изъ сужденій; но подобный составъ рѣчи виденъ только для посторонняго наблюдателя, для лица, которое подвергаетъ рѣчь анализу; говорящее же лицо въ этомъ случаѣ можно сравнить съ Мольеровскимъ героемъ, который весь вѣкъ говорилъ прозой, не зная, что такое проза. Какъ только говорящее лицо начнетъ выдавать высказываемыя имъ мысли за результатъ мышленія, какъ только станетъ указывать источникъ своихъ или чужихъ сужденій, является acc. c. inf. Оборотъ этотъ отличается и отъ главнаго предложенія и отъ всѣхъ прочихъ видовъ придаточнаго. Придаточное есть замѣна какого-нибудь члена главнаго предложенія; но acc. c. inf. никогда не бываетъ замѣною одного члена, потому что одинъ элементъ не даетъ сужденія: всякое сужденіе есть сочетаніе minimum двухъ элементовъ. Мы прослѣдили путь образованія придаточныхъ. Обращаясь къ acc. c. inf., мы не находимъ тутъ ничего подобнаго. Съ самаго перваго момента здѣсь требовалось не одно названіе, а minimum два члена для образованія сужденія; здѣсь не было никакого затрудненія при под-

борѣ словъ, не было вопроса, не было сравненія и замѣны, нѣтъ и особаго слова для выраженія подчиненія. Глаголы, «требующіе» acc. c. inf., непремѣнно указываютъ на мыслительную дѣятельность; если они означаютъ чувствованіе или волю, то непремѣнно такія проявленія чувства и воли, которыя связаны съ мышленіемъ. Наоборотъ, verba studii и voluntatis, требующіе ut, выражаютъ не душевный актъ, соединенный съ мышленіемъ, а какое-нибудь внѣшнее, реальное дѣйствіе, какой-нибудь поступокъ: optare указываетъ на выборъ, edicere на изданіе эдикта, concedere на уступку, permittere на пропускъ и т. д. Можно сказать, что эти глаголы «требуютъ» ut не потому, что выражаютъ намѣреніе, а потому что, помимо намѣренія, означаютъ еще какое-нибудь конкретное дѣйствіе. Phäethon optavit, ut in currum patris tolleretur, Фаэтонъ сдѣлалъ выборъ,—но к а к ъ? А такъ, чтобы взойти на колесницу. Такимъ образомъ, терминъ verba voluntatis для этихъ глаголовъ неумѣстенъ, потому что воля здѣсь—элементъ второстепенный, не вліяющій на логическое построеніе фразы. Точно такъ же совершенно неумѣстенъ терминъ ut imperativum, предлагаемый нѣкоторыми грамматиками для этой разновидности союза, такъ какъ тутъ ни въ чемъ не выражается никакого повелѣнія, не говоря уже о томъ, что рекомендуемая въ качествѣ критерія для отличія этого ut замѣна придаточнаго предложенія самостоятельнымъ (тогда получается будто предложеніе съ повелительнымъ наклоненіемъ) на практикѣ совершенно невыполнима, потому что для этого нужно придумать новую обстановку дѣйствія, придумать разговоръ, бесѣдующихъ лицъ и т. д.

Къ глаголамъ, требующимъ послѣ себя ut finale или ut obiectivum, грамматики, между прочимъ, относятъ facio, efficio, adipiscor, assequor и др. Но если даже держаться критеріевъ, принятыхъ грамматиками,—эти глаголы не означаютъ намѣренія или воли: они указываютъ на слѣдствіе, на то, что стремленіе достигло результата. Еще неопредѣленнѣе поставлено дѣло у тѣхъ грамматикъ, которыя учатъ, что при facio, efficio и др. ставится и ut

finale и ut consecutivum; признавая эту двоякую роль союза ut, онѣ все-таки не могутъ дать никакого критерія для различенія одного ut отъ другого и, какъ на доказательство, ссылаются только на то, что отрицательное предложеніе выражается при этихъ глаголахъ съ помощью ne и съ помощью ut non. Въ дѣйствительности же разбираемый случай составляетъ полную аналогію употребленію ut consecutivum послѣ глаголовъ: fit, accidit и др. Здѣсь обозначается не что иное, какъ участіе подлежащаго въ томъ дѣйствіи, которое выражено глаголомъ придаточнаго предложенія. По происхожденію своему, это сочетаніе представляетъ собою сравнительное подчиненіе видового понятія родовому. Invitus feci, ut Flaminium e senatu eicerem (Cic., *Sen.*, 12), — означаетъ: «я неохотно совершилъ такой поступокъ, к а к ъ» и т. д. Какъ и при безличныхъ глаголахъ: fit, accidit и др., главное предложеніе, выражающее родовое понятіе, является плеоназмомъ, лишнимъ словомъ, указывающимъ лишь на дѣйствіе вообще. Часто это такой плеоназмъ, который даже неудобно удерживать въ русскомъ переводѣ (напр., въ фразѣ: faciendum mihi putavi, ut his litteris breviter responderem, Cic., *Fam.*, 3). При разныхъ подлежащихъ въ главномъ и придаточномъ этотъ оборотъ обыкновенно служитъ способомъ выразить дѣйствіе глаголомъ, означающимъ состояніе. Floreo—«цвѣту» означаетъ состояніе; когда же требуется обозначить дѣйствіе, иначе говоря, переходъ въ это состояніе, то, за неимѣніемъ глагола, означающаго дѣйствіе, параллельнаго глаголу floreo, языкъ употребляетъ описательный оборотъ: sol efficit, ut omnia floreant. Точно такъ же выраженія: facere, ut aliquis sciat; facere, ut aliquis non possit («извѣщать», «отнимать возможность») и т. д., суть описательные обороты для обозначенія дѣйствія, результатъ котораго означается глаголами scire и posse. Замѣна недостающаго въ языкѣ переходнаго глагола, означающаго приведеніе въ извѣстное состояніе, глаголомъ «дѣлать» въ соединеніи съ непереходнымъ глаголомъ, означающимъ это самое состояніе, особенно практикуется въ новыхъ языкахъ; припомнимъ,

напр., тѣ многочисленные обороты, которые во французскомъ языкѣ составляются изъ соединенія глагола faire съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ другихъ глаголовъ.

Предлагаемые грамматиками способы перевода предложеній съ ut часто слишкомъ грѣшатъ близостью къ латинскому тексту. Школьное изученіе этого союза много способствуетъ порчѣ русскаго стиля; въ сборникахъ упражненій мы находимъ обыкновенно цѣлыя страницы невозможныхъ въ стилистическомъ отношеніи фразъ съ неизмѣнно повторяющимся «чтобы», «чтобы не». Но, въ дѣйствительности, русскій языкъ, создавшій цѣлый рядъ способовъ сокращать придаточное предложеніе, и въ данномъ случаѣ далеко разошелся съ латинскимъ и постоянно прибѣгаетъ съ болѣе краткимъ оборотамъ. По ученію русскихъ грамматикъ, предложенія цѣли сокращаются въ неопредѣленное наклоненіе съ союзомъ «чтобы» въ двухъ случаяхъ: 1) когда подлежащія главнаго и придаточнаго одинаковы, и 2) когда главное предложеніе безличное. Но нужно замѣтить, что въ первомъ условіи можетъ быть рѣчь только о логическомъ подлежащемъ, а не о грамматическомъ; второе условіе тоже требуетъ ограниченій. Большинство безличныхъ глаголовъ вовсе не допускаютъ при себѣ предложеній цѣли, означая такое дѣйствіе, которое некому приписать; таковы всѣ глаголы, означающіе различныя явленія въ природѣ («свѣтаетъ», «морозитъ» и т. д.) или безотчетныя состоянія человѣческаго духа («кажется», «думается», вѣрится» и т. д.). Предложеніе цѣли можетъ явиться лишь при тѣхъ безличныхъ оборотахъ, въ которыхъ дѣйствіе приписывается неопредѣленной группѣ лицъ. Далѣе, «чтобы» съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ можетъ оказаться и въ такомъ сочетаніи, гдѣ подлежащія главнаго и придаточнаго различны; это бываетъ, когда личный глаголъ мы замѣняемъ безличнымъ неопредѣленнымъ съ дательнымъ падежемъ, означающимъ дѣйствующее лицо (напр., говорятъ: «войны предпринимаются для того, чтобы намъ жить безопасно»; «куры согрѣваютъ птенцовъ, чтобы имъ не страдать отъ холода», и т. д.). При verba studii и voluntatis рус-

скій языкъ почти не нуждается въ придаточномъ предложеніи, довольствуясь почти вездѣ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, и два латинскихъ предложенія нужно при переводѣ сводить по возможности къ одному, замѣняя страдательный оборотъ дѣйствительнымъ, глаголъ средняго залога глаголомъ переходнымъ, пользуясь описательными оборотами (напр., senatus decrevit, ut consul videret и т. д.,—«сенатъ рѣшилъ предложить консулу»; Tanaquil coniugi persuasit, ut educaret и т. д.,—«внушила мысль воспитать», и т. п.). Еще больше даетъ свободы для переводовъ замѣна глагольныхъ формъ отглагольными существительными, означающими дѣйствіе. Простое неопредѣленное ставится въ русскомъ языкѣ не только при verba studii и voluntatis, но и при всѣхъ глаголахъ движенія. Въ латинскомъ языкѣ для означенія цѣли при глаголахъ движенія тоже есть форма, параллельная съ ut finale, именно супинъ, но область употребленія русскаго неопредѣленнаго гораздо шире области примѣненія супина: неопредѣленное ставится не только при глаголахъ, означающихъ движеніе по извѣстной линіи (иду, отправляюсь, посылаю, спѣшу и т. д.), но и при означеніи всякаго другого движенія, напр., при глаголахъ: «сажусь», «встаю», «поднимаюсь», «забираюсь», «ложусь» и др. («сажусь отдыхать», «ложусь спать», «встаю слушать»,—но нельзя сказать: «сижу отдохнуть», такъ какъ «сижу» уже не означаетъ движенія).

VII.

Послѣ правилъ объ ut finale и ut consecutivum грамматики обыкновенно говорятъ объ ut при verba timendi. Онѣ не называютъ этого ut никакимъ спеціальнымъ терминомъ, потому что не знаютъ, куда въ сущности отнести это ut. Хуже всего поступаютъ тѣ грамматики, которыя прямо относятъ его къ разновидности ut finale, такъ какъ предложеній цѣли вовсе не можетъ быть при глаголахъ: «бояться», «опасаться» и др.; понятіе о страхѣ логически несовмѣстимо съ понятіемъ о намѣреніи; никто не боится—нарочно, съ такою-то цѣлью.

Прежде чѣмъ говорить о роли ut при verba timendi, отмѣтимъ, что такъ называемый союзъ ne не есть въ сущности союзъ, параллельный союзу ut. Лишь при механическомъ сравненіи латинской фразы съ русской, при сравненіи, основанномъ на простомъ счетѣ словъ, можно сказать, что ne означаетъ «что». Въ дѣйствительности же между словомъ ne и союзомъ «что» нѣтъ ничего общаго. Ne и здѣсь, какъ вездѣ, есть въ сущности отрицаніе, и больше ничего. Когда ne переводится словами «чтобы не», то латинскому отрицанію ne соовѣтствуетъ русское отрицаніе «не», а для «чтобы» нѣтъ соотвѣтственнаго слова въ латинской фразѣ. Грамматики даютъ правило, что «вмѣсто ne ставится послѣ глаголовъ, требующихъ ut finale, для большей выразительности, «ut ne» (Элл.-Зейффертъ). Но откуда же слѣдуетъ, что ut ne выразительнѣе простого ne? Наоборотъ, ut здѣсь не есть позднѣйшее и почти излишнее добавленіе; ut ne есть первичная форма для предложеній, выражающихъ отрицательную цѣль. Не ut ne образовалось, путемъ наращенія, изъ ne, а наоборотъ, ne образовалось, путемъ опущенія, изъ ut ne. Гдѣ придаточное начинается съ ne, тамъ мы имѣемъ въ сущности безсоюзное сочетаніе, и только для практическихъ цѣлей ne можно считать союзомъ.

Основное значеніе ut при verba timendi, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, есть как ъ. Это значеніе удерживается и въ русскомъ языкѣ. Timeo, ne veniat, значитъ: «я боюсь, как ъ бы не пришелъ онъ». Правда, фразу: timeo, ne non veniat, нельзя перевести съ помощью слова «какъ», но въ русскомъ языкѣ глаголы, выражающіе опасеніе, разсматриваются съ различныхъ точекъ зрѣнія, имѣютъ при себѣ много конструкцій, и при томъ такихъ, которыя не соотвѣтствуютъ латинской. Фразу: *timeo, ne ei occurram*, можно перевести слѣдующими способами:

1. Боюсь, *какъ бы не* встрѣтиться съ нимъ.
2. Боюсь, *чтобы не* встрѣтиться съ нимъ.
3. Боюсь, *что* встрѣчусь съ нимъ.
4. Боюсь, *не* встрѣтиться *бы* съ нимъ.

5. Боюсь, не встрѣчусь ли съ нимъ.
6. Боюсь встрѣтиться съ нимъ.
7. Боюсь встрѣчи съ нимъ.

Психическое явленіе страха есть явленіе сложное. Языкъ не можетъ сразу обнять всѣ элементы этого сложнаго явленія: онъ выбираетъ то одинъ, то другой изъ нихъ, и отъ различія въ выборѣ получаются различные способы выраженія. Въ явленіи страха есть и ощущеніе, и чувствованіе, и желаніе, а иногда и дѣятельность. Положимъ, страхъ для насъ есть желаніе, т.-е., главнымъ образомъ, проявленіе воли. Съ этой точки зрѣнія, глаголъ «боюсь» легко долженъ замѣняться глаголомъ «не желаю». И дѣйствительно, при 6-мъ способѣ выраженія, послѣ замѣны, мы получаемъ вполнѣ правильный оборотъ: «я не желаю встрѣтиться съ нимъ». Но попробуемъ сдѣлать такую замѣну при 1-мъ, 2-мъ, 3-мъ, 4-мъ или 5-мъ способѣ, и у насъ получатся невозможныя фразы. Наоборотъ, при 2-мъ способѣ пригодно выраженіе «желаю». Такимъ образомъ оказывается, что «боюсь» то равняется глаголу «не желаю», то равняется глаголу «желаю». Можно было бы подумать, что въ одномъ и томъ же глаголѣ совмѣщаются два противорѣчивыхъ понятія. Въ дѣйствительности же это произошло оттого, что явленіе страха разсматривается въ томъ и другомъ случаѣ не съ одной и той же стороны.

Всѣ перечисленные нами способы сводятся къ слѣдующимъ основнымъ типамъ:

a) какъ бы не (1).
чтобы не (2).
бы не (4).
b) что (3).
c) не ли (5).
d) неопред. накл. или отглаг. существ. (6) и (7).

У каждаго изъ этихъ типовъ особая точка зрѣнія на психологическое явленіе страха. Послѣдняя изъ трехъ комбинацій перваго типа характеризуется отсутствіемъ союза, хотя здѣсь сохраняются остальные элементы двухъ первыхъ

комбинацій: признакъ условнаго или возможнаго (частица «бы»), неопредѣленное наклоненіе и отрицаніе. Въ этомъ отсутствіи сравнительнаго союза можно видѣть полную аналогію употребленія ne безъ ut, когда это ne принимается грамматиками за союзъ («чтобы не»). Двѣ первыя комбинаціи тожественны по происхожденію, такъ какъ роли союзовъ «что» и «какъ» одинаковы («что», напр., бываетъ въ сравнительныхъ предложеніяхъ образа дѣйствія вмѣсто обычнаго «какъ», а «какъ» ставится въ дополнительномъ предложеніи вмѣсто обычнаго «что»). Явленіе страха въ первомъ типѣ разсматривается не какъ простое чувство, но какъ дѣятельность, какъ принятіе мѣръ предосторожности. «Боюсь, какъ бы не встрѣтиться», значитъ: «хлопочу, принимаю мѣры предосторожности, какъ бы не встрѣтиться». Если я не боюсь, то не принимаю мѣръ предосторожности, не проявляю никакой дѣятельности: во мнѣ есть чувство смѣлости, и только. При такомъ положеніи дѣла не можетъ быть обозначаемъ и способъ дѣйствія, такъ какъ и самаго дѣйствія нѣтъ; и дѣйствительно, выраженіе «не боюсь» уже не можетъ соединиться съ комбинаціями перваго типа. Далѣе, если я желаю встрѣчи, если встрѣча для меня не есть опасность, то, конечно, такой случай тоже не подходитъ къ первому типу, потому что понятіе о принятіи мѣръ предосторожности не совмѣстимо съ понятіемъ о желаемомъ; и въ самомъ дѣлѣ, для перевода фразы: timeo, ut occurram, комбинаціи перваго типа опять не годятся.

При второмъ типѣ мы встрѣчаемъ уже нѣчто иное. Придаточное указываетъ на будущее время и относится къ предложеніямъ дополнительнымъ. Мы уже видѣли, что дополнительныя предложенія суть выраженіе тѣхъ фактовъ, которые произвели впечатлѣніе на наше сознаніе, и что самое сопоставленіе главнаго съ придаточнымъ выражаетъ это совпаденіе внѣшняго факта съ впечатлѣніемъ, полученнымъ въ сознаніи. Такимъ образомъ, глаголъ «боюсь» тутъ играетъ такую же роль, какъ глаголы: «думаю», «полагаю», «замѣчаю» и др., вообще какъ глаголы, выражающіе мыслительную дѣятельность нашего сознанія. Значитъ, изъ

всѣхъ сторонъ сложнаго явленія страха во второмъ типѣ берется та стороона, которая выражается въ мысли, сопровождающей чувство. «Боюсь, что встрѣчусь» или «что не встрѣчусь», значитъ: «думаю» о предстоящей встрѣчѣ, думаю, что она то возможна и будетъ, то невозможна и не будетъ. Постановка отрицанія въ главномъ и придаточномъ даетъ четыре логически возможныхъ случая. Въ латинскомъ языкѣ эти четыре случая можно выразить слѣдующими четырьмя фразами: 1) Timeo, ne occurram. 2) Non timeo, ne occurram. 3) Timeo, ut occurram. 4) Non timeo, ne non occurram. Въ русскомъ языкѣ по второму типу выражаются только три первыхъ случая, а четвертый случай обыкновенно не выражается по второму типу. Возможно сказать:

1. Боюсь, что встрѣчусь.
2. Не боюсь, что встрѣчусь.
3. Боюсь, что не встрѣчусь.

Но не говорятъ: «не боюсь, что не встрѣчусь»; для пониманія такой фразы требовалось бы нѣкоторое умственное напряженіе; поэтому для выраженія этой мысли прибѣгаютъ къ другимъ, болѣе простымъ оборотамъ. Языкъ предпочитаетъ такіе способы выраженія, при которыхъ мысль сразу понятна, безъ всякаго напряженія вниманія. Если бы фразу: Non vereor, ne hoc officium meum iudici non probem (Cic., *Verr.*, 4) мы перевели: «Я не боюсь, что судья не будетъ доволенъ моимъ усердіемъ», то для пониманія такого оборота нужна извѣстная доля напряженія мысли; выраженіе упрощается, когда мы два отрицанія замѣняемъ положительнымъ оборотомъ и говоримъ, напримѣръ, такъ: «я убѣжденъ, что судья будетъ доволенъ моимъ усердіемъ» («я увѣренъ», «несомнѣнно», «конечно» и т. п.).

Третій типъ представляетъ собою косвенный вопросъ: глаголъ «боюсь» приравненъ къ глаголамъ, которые соединяются съ вопросительными предложеніями. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ элементовъ страха здѣсь берется недоумѣніе, сомнѣніе, нерѣшительность сознанія; предметъ со-

мнѣнія является въ видѣ вопроса, обращеннаго лицомъ говорящимъ къ самому себѣ. Вопросительная частица не ли предполагаетъ или прямо утвердительный отвѣтъ (не ли = nonne) или бо́льшую склонность спрашивающаго къ утвержденію, чѣмъ къ отрицанію. Такимъ образомъ, вопросъ: «не встрѣчусь ли я?» предполагаетъ утвердительный отвѣтъ и указываетъ, значитъ, на опасность, которой я подвергаюсь и боюсь. Но фразу: Timeo, ut occurram, уже нельзя перевести по этому третьему типу; здѣсь пришлось бы найти такую вопросительную частицу, которая предполагала бы отрицательный отвѣтъ, а простое «ли» не заключаетъ въ себѣ, въ противоположность «не ли», указанія на отрицаніе: частица «ли» не предполагала бы никакого опредѣленнаго отвѣта. Такимъ образомъ, переводъ: «боюсь, встрѣчусь ли», не можетъ быть допущенъ. Правда, въ обыденной рѣчи мы слышимъ иной разъ такія фразы, какъ: «боюсь, застану ли его», «боюсь, пустятъ ли меня»; но эти обороты неуклюжи и неправильны; въ такихъ случаяхъ слово «боюсь» мы прямо замѣнили бы глаголомъ «не знаю». Точно также невозможны комбинаціи: «не боюсь, не встрѣчусь ли», или «не боюсь, встрѣчусь ли». И въ самомъ дѣлѣ, если глаголъ «боюсь» соединенъ съ отрицаніемъ, т.-е. если извѣстное лицо не боится, то въ немъ нѣтъ и никакого сомнѣнія, его сознаніе не испытываетъ и нерѣшительности. А если нѣтъ сомнѣнія и нерѣшительности, то не можетъ стоять и вопросительное предложеніе.

Остается четвертый типъ, при которомъ бываютъ двѣ комбинаціи—неопредѣленное наклоненіе и отглагольное существительное. Это тѣ самыя комбинаціи, которыя указаны нами выше, при обозрѣніи такъ называемыхъ verba studii и voluntatis. Такимъ образомъ, явленіе страха въ этомъ типѣ разсматривается, какъ явленіе, относящееся къ сферѣ воли: «бояться» значитъ «не желать». Логически этотъ типъ возможенъ для четырехъ указанныхъ выше случаевъ. Можно сказать:

1. Боюсь встрѣтиться. Timeo, ne occurram.
2. Не боюсь встрѣтиться. Non timeo, ne occurram.

3. Боюсь не встрѣтиться. Timeo, ut occurram.
4. Не боюсь не встрѣтиться. Non timeo, ne non occurram.

Четвертое сочетаніе, неудобное въ стилистическомъ отношеніи, рѣдко употребляется; стеченіе отрицаній затемняетъ мысль, поэтому языкъ предпочитаетъ положительные обороты (Non timeo, ne non occurram,—«надѣюсь встрѣтиться»). Если отлагательное существительное можетъ соединиться съ отрицаніемъ, то оно можетъ употребляться, подобно неопредѣленному, для всѣхъ четырехъ случаевъ. Можно сказать:

1. Боюсь успѣха.
2. Не боюсь успѣха.
3. Боюсь неуспѣха.
4. Не боюсь успѣха.

Сдѣлаемъ теперь сводъ всѣхъ комбинацій, возможныхъ для четырехъ случаевъ выраженія страха, при чемъ недостающія комбинаціи отмѣтимъ чертою.

I. Timeo, ne occurram.

1. Боюсь, как ъ бы не встрѣтиться.
2. Боюсь, чтобы не встрѣтиться.
3. Боюсь, не встрѣтиться бы.
4. Боюсь, что встрѣчусь.
5. Боюсь, не встрѣчусь ли.
6. Боюсь встрѣтиться.
7. Боюсь встрѣчи.

II. Non timeo, ne occurram.

1. ————
2. ————
3. ————
4. Не боюсь, что встрѣчусь.
5. ————
6. Не боюсь встрѣтиться.
7. Не боюсь встрѣчи.

III. Timeo, ut occurram.

1. ―――――
2. ―――――
3. ―――――
4. Боюсь, что не встрѣчусь.
5. ―――――
6. Боюсь не встрѣтиться.
7. ―――――

IV. Non timeo, ne non occurram.

1. ―――――
2. ―――――
3. ―――――
4. ―――――
5. ―――――
6. ―――――
7. ―――――

Такимъ образомъ, для перваго случая возможны всѣ семь комбинацій; для второго случая возможны только три комбинаціи второго и четвертаго типа; для третьяго или тѣ же три (напр.: 1 «боюсь, что не успѣю»; 2 «боюсь не успѣть»; 3 «боюсь неуспѣха») или только двѣ; наконецъ, для четвертаго случая нѣтъ ни одной комбинаціи, такъ какъ нѣкоторыя комбинаціи логически не мыслимы (именно 1, 2, 3 и 5), а нѣкоторыя нетерпимы съ стилистической стороны (4 и 6). Для четвертаго случая приходится довольствоваться только аналогичными по смыслу выраженіями («я убѣжденъ», «я увѣренъ» и др.), и только при наличности отрицательнаго отглагольнаго существительнаго возможна одна изъ комбинацій, именно 7 (напр.: «я не боюсь неуспѣха»). Кромѣ того, нужно замѣтить, что при различныхъ подлежащихъ въ главномъ и придаточномъ 7-й комбинаціи вообще не бываетъ, подобно тому, какъ и при глаголахъ, означающихъ проявленіе воли, неопредѣленное

наклоненіе ставится только тогда, когда дѣйствіе и воля принадлежатъ одному и тому же лицу.

Теперь спрашивается, по какому же типу построены латинскія фразы. Если бы онѣ относились къ одному изъ послѣднихъ типовъ, то мы имѣли бы въ придаточномъ accusativus cum infinitivo, косвенный вопросъ или неопредѣленное наклоненіе. Остался первый типъ. Но и первому типу латинскія фразы не соотвѣтствуютъ: первый типъ логически примѣнимъ только къ первому случаю, а латинскія фразы обнимаютъ всѣ четыре случая. Если страхъ разсматривать, какъ принятіе мѣръ предосторожности, то нельзя объяснить, напримѣръ, такую фразу: Timeo, ut occurram, такъ какъ въ ней нѣтъ рѣчи о предосторожности: встрѣчи я не только не остерегаюсь, но даже желаю. Для объясненія латинскихъ оборотовъ мы должны расширить значеніе, принятое для перваго типа: въ латинскомъ языкѣ verba timendi разсматриваются съ точки зрѣнія принятія не мѣръ предосторожности, а мѣръ вообще, и аналогичны такимъ глаголамъ, какъ: contendere, niti, id spectare и др. Изъ всѣхъ элементовъ, составляющихъ сложное явленіе страха, при образованіи латинской фразы на первомъ планѣ стоитъ одинъ элементъ, именно стремленіе выйти изъ непріятнаго душевнаго состоянія, стремленіе принять тѣ или иныя мѣры, чтобы получить или устранить что-нибудь. Такимъ образомъ, ut при verba timendi ближе всего подходитъ къ той разновидности ut, которую мы имѣемъ при verba studii и voluntatis. Латинскія грамматики игнорируютъ обыкновенно указанное нами разнообразіе русскихъ оборотовъ. Узаконяя изъ многихъ возможныхъ способовъ выраженія лишь одинъ или два, онѣ искусственно создаютъ однообразіе и бѣдность языка переводовъ.

При изученіи конструкцій при verba timendi особо приходится остановиться на томъ случаѣ, когда въ придаточномъ стоитъ perfectum или plusquamperfectum. Возьмемъ фразу: Timeo, ne frustra laborem susceperis. Дѣйствіе придаточнаго здѣсь предшествуетъ дѣйствію главнаго предложенія, — трудъ твой уже оконченъ. Но возникаетъ

вопросъ: какимъ образомъ можно бояться того, что уже прошло? Чтобы выйти изъ затрудненія, мы должны различать въ данномъ случаѣ два элемента: прошлый фактъ и то, чего я боюсь, что только предполагается. Что ты предпринялъ труды,—это прошлый фактъ, это я хорошо знаю, но я не знаю характера, результата этихъ трудовъ. Я боюсь не того, что ты предпринялъ труды; я боюсь ихъ безполезности, такъ что предметъ опасенія выраженъ не въ глаголѣ susceperis, а въ словѣ frustra. Въ латинскомъ языкѣ оба элемента слились въ одной глагольной формѣ, при чемъ въ отношеніи категоріи времени пересиливаетъ первый элементъ, т.-е. время ставится то, которое нужно для обозначенія прошлаго факта, а не то, которымъ выражается нѣчто предполагаемое, желательное или нежелательное. Посмотримъ, то ли самое оказывается и въ русскомъ языкѣ. При переводѣ приведенной выше фразы мы должны, конечно, сохранить указаніе на прошлый фактъ; поэтому комбинаціи 1, 2, 3, 6 и 7, какъ не заключающія въ себѣ указанія на прошлое, въ данномъ случаѣ непремѣнимы. Былъ бы ошибоченъ такой, напримѣръ, переводъ: «боюсь, чтобы ты не предпринялъ трудовъ напрасно», такъ какъ «бы» съ формою прошедшаго времени не служитъ для указанія на прошлый фактъ: это сочетаніе есть замѣна сослагательнаго наклоненія, означающаго нѣчто возможное или предполагаемое, а не совершившееся прошлое. Для указанія на прошлый фактъ возможно воспользоваться только комбинаціями 4 и 5, замѣнивъ въ нихъ будущее прошедшимъ. Такимъ образомъ для приведенной выше латинской фразы можно было бы принять два способа перевода:

1. Боюсь, что ты напрасно предпринялъ труды.
2. Боюсь, не напрасно ли ты предпринялъ труды.

Но и первый изъ этихъ способовъ мало употребителенъ. Такъ какъ явленіе страха разсматривается при этомъ способѣ, главнымъ образомъ, какъ проявленіе мышленія и такъ какъ предметъ мышленія относится къ прошлому, есть прошлый фактъ, противорѣчащій, значитъ, понятію объ угрожающій опасности, о томъ, чего можно бояться, то

роль глагола «боюсь» здѣсь почти тожественна съ ролью глагола «думаю»; ту же мысль проще и нагляднѣе можно выразить фразой: «думаю, что ты напрасно предпринялъ труды». Такимъ образомъ, остается одинъ способъ перевода,—переводъ съ помощью косвеннаго вопроса, при которомъ оба указанные выше элемента придаточнаго предложенія совпадаютъ, какъ и въ латинской фразѣ, въ одной глагольной формѣ. Но въ русскомъ языкѣ возможенъ и даже болѣе правиленъ, точенъ и употребителенъ другой способъ выраженія, при которомъ оба эти элемента не совпадаютъ и отмѣчаются каждый особо,—мы разумѣемъ переводъ съ помощью глагола «оказываться». Приведенную выше фразу правильнѣе всего было бы перевести такъ: «я боюсь, чтобы не оказалось, что ты напрасно предпринялъ труды», или: «боюсь, чтобы не оказались напрасными предпринятые тобою труды». Здѣсь ясно обозначенъ двойной элементъ латинской фразы: ясно обозначенъ и прошлый фактъ и то, чего мы боимся; мы боимся не факта, а результатовъ его. Такимъ образомъ, въ русскомъ языкѣ допустимы два оборота: одинъ аналогичный латинскому—безъ раздѣленія элементовъ, другой — болѣе употребительный и наглядный, съ разграниченіемъ элементовъ. Латинскій языкъ не знаетъ этого второго способа; русскую фразу: «чтобы не оказалось, что ты предпринялъ», можно перевести на латинскій языкъ не иначе, какъ съ пропускомъ глагола «оказываться», такъ какъ аналогичнаго вспомогательнаго глагола въ латинскомъ языкѣ нѣтъ. Въ одной и той же глагольной формѣ въ латинскомъ языкѣ заключено указаніе и на прошлый фактъ и на то, что тутъ есть нѣчто предполагаемое, внушающее опасенія: фактъ выраженъ категоріей времени (perfectum или plusquamperfectum), предположеніе выражено категоріей наклоненія (сослагательное, означающее нѣчто предполагаемое).

Это совпаденіе въ одной формѣ двухъ элементовъ—указаніе на фактъ, выраженное категоріей времени, и указаніе на предполагаемое, выраженное категоріей наклоненія, — мы встрѣчаемъ также при ut consecutivum, въ

предложеніяхъ слѣдствія, которыя, по ученію грамматикъ, не подчиняются правиламъ о послѣдовательности временъ. Возьмемъ фразу: Tantus terror omnes occupavit, ut ipse rex ad flumen perfugerit. Придаточное означаетъ степень страха: страхъ былъ такой, какой заставилъ бы даже царя бѣжать. Чтобы выразить степень дѣйствія, говорящій подбираетъ такое предполагаемое явленіе или дѣйствіе, которое могло бы иллюстрировать эту степень,—это первый элементъ. Но царь, дѣйствительно, бѣжалъ,—это второй элементъ. Схема фразы такая: «Страхъ былъ столь великъ, что могъ бы убѣжать самъ царь, что̀ и въ самомъ дѣлѣ оказалось». Фактъ сливается съ тѣмъ, что оказалось. Сослагательное означаетъ то колебаніе въ выборѣ выраженій для обозначенія степени, которое повело за собою образованіе придаточнаго предложенія; но дѣйствіе, взятое только для примѣра, для сравненія, оказалось реальнымъ факторомъ. Время показываетъ на самостоятельный фактъ, а наклоненіе на то, что это дѣйствіе берется для примѣрнаго обозначенія степени. Если дѣйствіе есть реальный фактъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣчто предполагаемое для поясненія степени другого дѣйствія, то первый элементъ при выборѣ времени пересиливаетъ. Если же взятое для показанія степени дѣйствіе не стало фактомъ, а осталось въ сферѣ предполагаемаго, то и при ut consecutivum строго соблюдаются правила послѣдовательности временъ, т.-е. дѣйствіе придаточнаго разсматривается не съ точки зрѣнія момента рѣчи, а съ точки зрѣнія момента главнаго дѣйствія.

VIII.

Кромѣ ut finale и consecutivum, сослагательнаго требуетъ ut concessivum. Оно тоже возникло изъ основного сравнительнаго значенія. Въ такихъ фразахъ, какъ: Ut errare potuisti, sic decipi te non potuisse quis non videt? (Cic., *Fam.*, 10). Ut nihil boni est in morte, sic certe nihil mali, и т. д., мы встрѣчаемъ еще простое сравненіе,

не осложненное ни сослагательнымъ наклоненіемъ ни указателемъ уступительнаго значенія (tamen). Переводить эти фразы можно еще съ помощью сравнительныхъ нарѣчій «какъ» — «такъ». Но, выражая сравненіе, ut имѣетъ здѣсь уже уступительное значеніе. Является вопросъ: какимъ образомъ можно было совмѣстить въ одномъ выраженіи и сравнительный и уступительный смыслъ? Вѣдь, съ одной стороны, уступительное сочетаніе разсматривается въ грамматикѣ, какъ выраженіе противоположности, а съ другой, — сравнивать можно только такіе предметы, которые имѣютъ что-нибудь общее: когда нѣтъ tertium comparationis, нѣтъ ни одной общей черты, то и сравненіе невозможно. Какъ примирить такія разнородныя вещи, какъ сравненіе и противоположеніе? Конечно, дѣйствительно противоположныя вещи не допускаютъ сравненія, но сравненіе возможно между вещами, которыя только *кажутся* противоположными. Если одному предмету мы приписываемъ два противоположные признака, то при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла противорѣчіе всегда окажется только кажущимся: въ одномъ признакѣ мы имѣемъ въ виду одну сторону предмета, одинъ рядъ случаевъ, въ другомъ—другую сторону или другой рядъ случаевъ, такъ что и тотъ и другой признакъ оказывается дѣйствительно принадлежащимъ предмету. Ut concessivum всегда указываетъ на два подобнаго рода признака предмета. Сознаніе наше настолько чутко къ основному логическому закону противорѣчія, что приписываніе одному предмету двухъ противоположныхъ признаковъ всегда повергаетъ слушателя въ недоумѣніе: союзъ ut имѣетъ цѣлью установить равновѣсіе въ сознаніи, онъ подчеркиваетъ *одинаковую* принадлежность предмету обоихъ признаковъ. Для сознанія признаки съ перваго же разу являются противоположными, но въ уступительномъ сочетаніи мы указываемъ на необходимость или возможность соединенія этихъ противоположностей. Уступительное сочетаніе, примиряя противоположности, настаиваетъ на томъ, что нужно признать *какъ* одинъ признакъ, *такъ* и другой, что нужно или можно взять *одина́ково*

оба признака. Въ русскомъ языкѣ на это значеніе уступительныхъ предложеній указываютъ даже самые союзы, употребляемые при уступительномъ сочетаніи; слова: «хотя», «пусть», указываютъ, какъ мы выше сказали, на затрудненіе при подысканіи выраженій и на примѣрный выходъ изъ затрудненія и, значитъ, указываютъ не на противоположность, а только на обычный процессъ при образованіи придаточныхъ предложеній вообще. Слово же «однако», употребляемое при уступительномъ сочетаніи, происходя отъ числительнаго «одинъ», указываетъ опять не на противоположность, а именно на одинаковость, на равносильность («однако»=одинаково). Такимъ образомъ, образованіе русскихъ уступительныхъ предложеній шло совершенно тѣмъ же путемъ, какъ и образованіе латинскихъ. Уступленіе и въ русскомъ и въ латинскомъ языкѣ есть констатированіе сходства, примиреніе противоположности, признаніе какъ одного признака, такъ и другого, иначе говоря, признаніе одинаково обоихъ признаковъ.

Противоположные признаки *приписываются* предмету обыкновенно въ томъ случаѣ, если предметъ разсматриваютъ два лица, при чемъ одно лицо видитъ одну сторону предмета, а другое лицо другую сторону или другой признакъ. Противорѣчіе—самое естественное слѣдствіе столкновенія мнѣній двухъ лицъ. Въ главномъ предложеніи говорящій приписываетъ предмету тотъ признакъ, который онъ усмотрѣлъ, а въ *придаточномъ—признакъ*, усмотрѣнный другимъ. Для говорящаго лица этотъ второй признакъ часто бываетъ только предполагаемымъ, такъ какъ это для него есть лишь мнѣніе другого лица. Вотъ почему въ придаточномъ *предложеніи часто ставится сослагательное* наклоненіе. Переводъ союза ut съ помощью выраженій: «положимъ, что», «допустимъ, что», какъ разъ оттѣняетъ этотъ контрастъ между личнымъ мнѣніемъ говорящаго и гипотетичными для него мнѣніями другихъ лицъ.

IX.

Обращаемся, наконецъ, къ тѣмъ союзамъ, въ которые ut входитъ лишь какъ составная часть. Сюда относятся: utinam, utut, utcunque. Изъ нихъ utinam есть не что иное, какъ ut, усиленное частицею nam, подобно тому, какъ усиливаются съ помощью той же частицы вопросительныя мѣстоименія и нарѣчія: quisnam, quinam, ubinam, undenam, quonam, quanam и др. По-русски это усиленіе выражается частицею «же»: «кто же?» «такъ кто же?» и т. д. Предложенія съ utinam относятся къ восклицательнымъ, осложненнымъ функціями условныхъ предложеній. Но было бы ошибочнымъ считать предложенія съ utinam за протасисъ условнаго предложенія, при которомъ будто бы опущенъ какой-то аподосисъ. Это странное предположеніе о подразумѣваемомъ аподосисѣ объясняется чисто внѣшнимъ сопоставленіемъ русскаго «о, если бы» съ латинскимъ utinam. Но русская фраза: «О, если бы мы менѣе страстно желали жить!» и латинская: Utinam minus vitae cupidi fuissemus! образованы различнымъ путемъ. Въ русской фразѣ выраженіе: «если бы желали страстно жить», можно, пожалуй, принять за протасисъ; для аподосиса остается тогда междометіе «о!», которое, дѣйствительно, можетъ служить для выраженія разнаго рода чувствъ, обусловленнаго протасисомъ. Латинское же utinam значитъ «какъ», которое, въ соединеніи съ признакомъ предполагаемаго или желаемаго дѣйствія «бы», образуетъ сложный союзъ «к а б ы», «в о т ъ к а б ы», точно передающій какъ значеніе латинскаго ut, такъ и способъ образованія латинскаго предложенія. Приведенную фразу лучше всего можно было бы перевести: «вотъ кабы мы менѣе страстно желали жить!» Замѣняя народный оборотъ «вотъ кабы» словами: «о, если бы», мы, въ сущности, прибѣгаемъ уже къ иному способу выраженія своей мысли, построенному по иному пути.

Utut и utcunque принадлежатъ къ такъ называемымъ «обще-относительнымъ» нарѣчіямъ. Обычный переводъ этихъ

нарѣчій словами: «какъ бы ни», отличается отъ простого оборота, выражающаго сравненіе, двумя усложняющими дѣло элементами,—употребленіемъ сослагательнаго наклоненія и отрицанія «ни». Роль этихъ двухъ элементовъ въ латинскомъ языкѣ и выполняетъ удвоеніе слова ut. Посмотримъ, для чего языкъ прибѣгаетъ къ удвоенію словъ. Возьмемъ такія, напр., сочетанія: «вода—водой», «честь—честью», «высокимъ—высоко», «одинъ—одинешенекъ», «мало—мальски», «день—деньской», «вѣки—вѣчные» и т. д.,—здѣсь повтореніе вездѣ служитъ для усиленія понятія: удваивая слово, мы какъ бы удваиваемъ степень свойства, потому что удвоенныя слова обыкновенно обозначаютъ не предметъ, а именно свойство другого предмета и служатъ не подлежащимъ, а сказуемымъ, опредѣленіемъ и обстоятельственнымъ словомъ (говоря, напр., о водѣ, мы не употребимъ выраженія «вода-водой», но можемъ это сказать, напр., о чаѣ, уже спитомъ и похожемъ на воду). Удваиваются чаще всего прилагательныя—для обозначенія высшей степени качествъ («длинная-длинная дорога», «старый-престарый» и т. д.), глаголы—для обозначенія усиленнаго и продолжительнаго дѣйствія («везъ-везъ», «шелъ-шелъ», «искалъ—искалъ» и т. д.); но могутъ удваиваться съ тою цѣлью и нарѣчія («гдѣ-гдѣ торчитъ словечко»). Въ латинскомъ языкѣ удвоеніе употребляется, хотя и рѣже, съ тою же цѣлью (ср. iam-iam «теперь-то ужъ», «наконецъ-то ужъ» и др.). Конечно, удвоеніе не имѣетъ математически точнаго соотвѣтствія съ понятіемъ. Говоря: «шелъ—шелъ», я разумѣю не двойную непремѣнно норму ходьбы: можетъ-быть, я шелъ не вдвое больше, а во много разъ больше нормы. Поэтому, какъ слова «гдѣ—гдѣ» означаютъ не два непремѣнно мѣста, а неопредѣленный рядъ мѣстъ, точно такъ же и utut означаетъ не два способа, а цѣлый рядъ способовъ. Удвоеніе указываетъ, что способовъ существуетъ больше одного, но сколько ихъ,—это неизвѣстно и неважно знать. Союзъ utut возможно передать и въ русскомъ языкѣ оборотомъ, основаннымъ на повтореніи: utut значитъ «какъ ни какъ» («какъ ни какъ, а итти надо»).

Наконецъ, и слово utcunque совершенно сходно съ utut не только по значенію, но и по происхожденію: оно тоже представляетъ собою удвоеніе. Utcunque состоитъ изъ трехъ словъ: ut, cum и que, причемъ que играетъ роль союза, соединяющаго ut и cum. Cum же есть одна изъ трехъ параллельныхъ формъ винительнаго падежа, соотвѣтственныхъ тремъ категоріямъ грамматическаго рода: quum, quam, quod. Ut и эти три формы винительнаго падежа одного и того же мѣстоименія исчерпываютъ собою почти всѣ способы соединенія латинскаго придаточнаго съ главнымъ, если не принимать въ расчетъ дополнительныхъ предложеній. Само по себѣ cum не означаетъ ни времени, ни причины, ни уступленія, а служитъ, какъ и всѣ остальные способы соединенія придаточнаго съ главнымъ, однимъ изъ средствъ приравнять одно дѣйствіе, одинъ признакъ или предметъ другому дѣйствію, признаку или предмету. Соединеніе ut съ cum есть повтореніе одного и того же элемента, служащаго для связи придаточнаго съ главнымъ, такъ какъ основныя роли союзовъ ut и cum, не спеціализованныя еще логическими отношеніями предложеній, были почти тожественны.

Сдѣлаемъ въ заключеніе сводъ основныхъ положеній, къ которымъ мы пришли при анализѣ способовъ образованія придаточныхъ предложеній и разборѣ синтаксической роли союза ut:

1. Сравненіе есть основной принципъ, на которомъ основаны не только различныя формы логическаго мышленія, но и масса явленій въ области языка: переносное значеніе словъ, отвлеченныя названія, изобразительность рѣчи и, главное, весь синтаксическій строй и русскаго и латинскаго языка.

2. Придаточныя предложенія возникаютъ, когда нѣтъ одного простого слова для выраженія того или иного логическаго отношенія.

3. Всякое придаточное предложеніе создалось путемъ сравненія и развилось изъ вопроса.

4. Всѣ способы соединенія придаточнаго съ главнымъ какъ въ русскомъ, такъ и въ латинскомъ языкахъ сводятся къ одному, именно къ мѣстоименному корню *к*, выражающему сравненіе путемъ вопроса.

5. Видовыя отличія придаточныхъ предложеній основаны не на союзахъ, а на добавочныхъ къ нимъ словахъ и вообще на логическихъ отношеніяхъ одного предложенія къ другому.

6. Вводныя предложенія констатируютъ совпаденіе впечатлѣнія съ внѣшнимъ фактомъ и отличаются отъ дополнительныхъ лишь точкою отправленія при сравненіи.

7. Въ области собственно сравнительныхъ предложеній ut устанавливаетъ отношеніе между родовымъ и видовымъ понятіемъ.

8. Отношеніе между родовымъ и видовымъ понятіемъ служитъ достаточнымъ основаніемъ и для установленія причинности, такъ что ut изъ чисто-сравнительнаго дѣлается причиннымъ союзомъ.

9. Ограничительное ut основано на соотносительности извѣстнаго рода свойствъ предмета и указываетъ на различіе между нормой, принимаемой говорящимъ, и другой какой-нибудь нормой, особенно нормой прежняго времени.

10. Временное значеніе ut устанавливаетъ сравненіе между двумя фактами, непосредственно слѣдующими другъ за другомъ.

11. Логическое слѣдствіе не можетъ выражаться придаточнымъ предложеніемъ.

12. *Предложенія съ ut consecutivum основаны на сравненіи* степени двухъ дѣйствій или свойствъ или замѣняютъ подлежащее, плеонастически выражая отношеніе частнаго къ общему.

13. Ut finale означаетъ сравненіе предполагаемаго дѣйствія съ фактическимъ.

14. Ut finale ставится только послѣ глаголовъ, означающихъ дѣятельность, а не волевое душевное движеніе.

15. Разсматривая явленія страха, какъ проявленіе дѣятельности, латинскій языкъ не сходится ни съ одной изъ четырехъ точекъ зрѣнія на явленія страха, усвоенныхъ русскимъ языкомъ и дающихъ семь различныхъ комбинацій для обозначенія причины и предмета страха.

16. Уступительное значеніе ut основано на одинаковой принадлежности предмету двухъ, по-видимому, противоположныхъ признаковъ.

17. Значеніе союзовъ utut и utcunque основано на повтореніи сравнительнаго элемента, означающемъ неопредѣленный рядъ способовъ дѣйствія.

Accusativus cum infinitivo.

Грамматическо-логическая роль этого оборота въ ряду другихъ явленій языка.

I.

Естественной классификаціей для синтаксиса, какъ ученія о сочетаніи словъ и предложеній, будетъ постепенное разсмотрѣніе членовъ предложенія и видовъ предложеній. Эта классификація основана на законахъ мышленія. Ее мы находимъ въ русской грамматикѣ, точно такъ же, какъ французъ находитъ ее въ своей французской грамматикѣ, нѣмецъ въ нѣмецкой и т. д. Но дѣло значительно измѣняется, когда грамматика предназначена для изученія иностраннаго языка. Излагая отличія одного языка отъ другого, такая грамматика почти игнорируетъ элементы общіе, т.-е. какъ разъ тѣ, которые непосредственно вытекаютъ изъ законовъ мышленія и составляютъ основу того и другого языка. Это игнорированіе вполнѣ понятно, потому что предполагается, что приступающій къ изученію иностраннаго языка съ этими общими элементами уже ознакомился изъ русской грамматики, а главное потому, что при той мыслительной работѣ, которая извѣстна подъ именемъ синтаксическаго разбора, мы оперируемъ исключительно надъ элементами родной рѣчи, даже тогда, когда разбираемъ иностранный текстъ: пока мы не подставимъ мысленно русскихъ словъ и предложеній, у насъ не можетъ быть никакого разбора. Обращаясь къ латинскому синтаксису, мы, какъ и слѣдовало ожидать, не найдемъ тамъ естественной классификаціи. Послѣ двухъ синтаксическихъ рубрикъ («подлежащее и сказуемое», «опредѣленіе и приложеніе») мы обыкновенно встрѣчаемъ неожиданный переходъ къ руб-

рикамъ этимологическимъ: идутъ главы о «прилагательномъ и мѣстоименіи», о «глаголѣ», о «союзахъ» и т. д.; второстепенныя рубрики тоже этимологическія: «залоги», «времена» и т. д., такъ что ученіе, напр., о сочиненіи предложеній превращается въ часть главы о «соединительныхъ союзахъ», а синтаксисъ сложнаго предложенія въ ученіе о временахъ и наклоненіяхъ, которыя ставятся послѣ тѣхъ или иныхъ союзовъ. Такимъ образомъ вмѣсто логическаго критерія для различенія видовъ придаточнаго предложенія берется критерій формальный—союзы и вообще слова, которыми можетъ начинаться предложеніе. При такой классификаціи ученикъ не скоро найдетъ привычные для него и обязательные для каждаго языка виды придаточныхъ предложеній: предложеній, напр., образа дѣйствія ему придется искать подъ шестью или болѣе рубриками, а предложеній мѣста онъ и совсѣмъ не найдетъ, если только они не скрываются подъ рубрикою «относительныхъ», и т. п. А гдѣ одинъ и тотъ же союзъ, имѣя нѣсколько значеній, можетъ начинать собою различные виды предложеній или гдѣ вовсе нѣтъ подобныхъ примѣтъ для различенія предложеній, тамъ приходится прибѣгать къ какимъ-нибудь вспомогательнымъ пріемамъ. Однимъ изъ такихъ второстепенныхъ искусственныхъ пріемовъ, вовсе не нужныхъ тамъ, гдѣ, какъ въ грамматикѣ родного языка, группировка синтаксическихъ явленій основана исключительно на законахъ логическихъ, служитъ перечень словъ, «послѣ» которыхъ ставится тотъ или иной видъ предложеній.

Говоря объ acc. inf., грамматики, по-видимому, указываютъ всѣ три критерія для отличія этого вида предложеній отъ всѣхъ другихъ, такъ какъ чрезъ acc. c. inf. выражается предложеніе, «замѣняющее подлежащее или дополненіе» (логическій критерій), начинающееся союзомъ «что» (формальный критерій) и зависящее отъ verba sentiendi, dicendi etc. (вспомогательно-формальный). Но первые два критерія безъ помощи третьяго почти не ведутъ ученика къ цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ искать этихъ воображаемыхъ «подлежащихъ» и «дополненій», которыя «за-

мѣнены» въ данномъ случаѣ? какъ можно «замѣнять» то, чего никогда и не было? Если приведенное выраженіе понимать въ томъ смыслѣ, что acc. c. inf. отвѣчаетъ на тѣ же вопросы, какъ и подлежащее или дополненіе, и, значитъ, соотвѣтствуетъ дополнительному придаточному предложенію [1]), все-таки прежде всего нужно знать, какія дополнительныя такъ выражаются, какъ отличить ихъ отъ другихъ дополнительныхъ, а между тѣмъ латинскія грамматики, говоря о косвенномъ вопросѣ, о quin, о quod въ придаточныхъ, «которыя служатъ поясненіемъ (?) одной только части предложенія», и т. д., вовсе не указываютъ синтаксической роли всѣхъ этихъ предложеній. Еще труднѣе опираться на такое слово, какъ «что», которое то опускается, то переводится и при томъ множествомъ различныхъ способовъ (ut, ne, ne non, quin, quod, quia, ac, cur, quid, qui, quae, quod и т. д.). Не трудно замѣтить въ русскомъ текстѣ слово «что», но не такъ-то легко узнать, союзъ ли это или мѣстоименіе. Какъ ученику разобраться въ такихъ, напр., однородныхъ по составу словъ фразахъ: 1) «я помню, что я читалъ» (не забываю прочитаннаго), 2) «я помню, что̀ я читалъ (помню сюжетъ, книгу), 3) «я помню, что я читалъ» (а не другое что-либо дѣлалъ)? Во всѣхъ трехъ фразахъ есть и дополнительное предложеніе, и v. sentiendi, и слово «что», а переводятся онѣ все-таки различно. Болѣе надежнымъ исходнымъ пунктомъ будетъ для ученика все-таки вспомогательно-формальный критерій. Съ него мы и приступимъ къ рѣшенію вопроса о роли оборота acc. c. inf. въ общемъ строѣ синтаксическихъ явленій языка.

Глаголы, требующіе acc. c. inf., распредѣляются грамматиками по слѣд. категоріямъ: 1) verba sentiendi; 2) v. declarandi, 3) v. studii et voluntatis и 4) v. affectuum. Но рядомъ съ этимъ дѣленіемъ по значенію грамматики говорятъ объ acc. c. inf. при «esse съ прилаг. и сущ.» и при «безличныхъ глаголахъ». Чтобы быть послѣдовательнымъ,

---

[1]) Этимъ терминомъ русская грамматика часто обозначаетъ и тѣ предложенія, которыя „замѣняютъ“ подлежащее.

нужно было бы и въ этомъ случаѣ взять принципомъ дѣленія не этимологическую функцію, а значеніе словъ и распредѣлить ихъ по тѣмъ же четыремъ категоріямъ.

Терминъ v. sentiendi принадлежитъ къ очень неудачнымъ. Глаголъ sentire имѣетъ два основныхъ значенія: онъ указываетъ на дѣятельность органовъ чувствъ и затѣмъ на «чувствованіе», т.-е. на ту душевную способность, которая со временъ еще Платона, раздѣлившаго душу на три части, противополагается двумъ другимъ—уму и волѣ. Наше слово «чувство» тоже указываетъ на то и другое, но дѣятельность органовъ чувствъ не принято называть «чувствованіемъ» [1]. Терминъ v. sentiendi мы могли бы перевести словами: «глаголы, выражающіе чувство», или, пользуясь обычнымъ, сокращеннымъ школьнымъ жаргономъ:—«глаголы чувствованія». Но перебирая приводимые подъ этой рубрикой глаголы, мы не найдемъ между ними ни одного такого, который указывалъ бы на психологическое понятіе чувствованія. «Замѣчать», «знать», «узнавать», «понимать», «думать», «полагать», «подозрѣвать», помнить», «забывать» и др.,—всѣ эти слова указываютъ на проявленія мышленія, на дѣятельность ума, а не чувствованія, и объединять ихъ подъ общей рубрикой «глаголовъ чувствованія» значитъ грѣшить противъ психологіи и логики. Два глагола audire и videre могли бы быть понятіями видовыми по отношенію къ sentire въ первомъ его значеніи, но дѣло въ томъ, что, когда эти глаголы означаютъ только непосредственное воспріятіе органовъ чувствъ, то они соединяются не съ acc. c. inf. Кромѣ главнаго значенія «чувствовать» въ словаряхъ находимъ при sentire не мало и второстепенныхъ значеній: «узнавать», «испытывать», «замѣчать», «догадываться», «имѣть мнѣніе», «полагать», «думать» и др. Такъ какъ дѣятельность органовъ чувствъ служитъ внѣшнимъ проявленіемъ душевной жизни

[1] Русскій глаголъ „чувствовать“ въ первомъ смыслѣ употребляется рѣже латинскаго sentire, а во второмъ чаще, такъ какъ выраженія sentire sonitum, sentire colorem не могутъ переводиться съ помощью слова „чувствовать“, а описательныя выраженія: „чувствовать страхъ, радость, скуку, разочарованіе, смущеніе, сожалѣніе“ и т. д., не могутъ передаваться съ помощью sentire.

человѣка, то словомъ, означающимъ эту дѣятельность, языкъ сталъ обозначать самыя разнообразныя проявленія сознанія. Но вводя слово въ употребленіе въ качествѣ школьнаго термина, нельзя безъ всякаго основанія игнорировать главное и обычное его значеніе и брать одно изъ второстепенныхъ: если sentire мы перевели бы, напр., словомъ «думать», то содержаніе понятія «думать» только соприкасалось бы въ нѣкоторыхъ частяхъ съ содержаніемъ понятія sentire, а не совпадало бы съ нимъ. Если мы хотимъ подыскать общее названіе для всѣхъ глаголовъ первой категоріи, то мы должны взять такое слово, которое означало бы не чувство, а мыслительную дѣятельность вообще, безъ всякихъ видовыхъ ея оттѣнковъ. Глаголы второй категоріи тоже названы не совсѣмъ удачно. Пользуясь словаремъ Шульца, ученикъ даже не найдетъ въ немъ того значенія, при которомъ declarare требуетъ acc. c. inf. (у позднѣйшихъ только писателей), да и самое слово declarare безъ дополненія вовсе не значитъ «выражать рѣчью свои мысли». Но если терминъ v. declarandi слишкомъ широкъ, зато другой терминъ—v. dicendi—нѣсколько узокъ: scribere, memoriare tradere вѣдь не значитъ «говорить». Двѣ первыя категоріи часто объединяютъ въ одну группу, такъ какъ выраженіе мыслей невозможно безъ предварительнаго акта мышленія, а съ другой стороны, и о мышленіи мы узнаемъ только тогда, когда выражены словесно его результаты. Что касается третьей категоріи, то грамматики обыкновенно не обозначаютъ ея особымъ терминомъ, затрудняясь придумать названіе, которое не только обобщало бы глаголы этой категоріи, но и отличало бы ихъ отъ многихъ другихъ, имѣющихъ то же значеніе, но не соединяющихся съ acc. c. inf. Какъ бы то ни было, глаголы этой категоріи означаютъ другую изъ трехъ душевныхъ способностей—именно волю. Послѣдняя категорія носитъ названіе v. affectuum. Терминъ этотъ тоже представляетъ историческое «переживаніе». Дѣйствительно, со времени стоиковъ и до XVIII в. въ понятіи аффекта объединялись понятія удовольствія и страданія. Но въ началѣ XVIII в. понятія удоволь-

ствія и страданія были выдѣлены изъ объема понятія аффекта; тогда же появилось понятіе чувства, пріобрѣтшее постепенно то родовое значеніе, которое ему придаетъ современная психологія. Такимъ образомъ терминомъ «аффекты» (мало понятнымъ для ученика) обозначается не что иное, какъ третья душевная способность,—чувствованіе. Отдѣльно грамматики помѣщаютъ глаголы statuo, constituo, decerno, но они выражаютъ тоже волю.

Такимъ образомъ, глаголы, требующіе acc. c. inf., означая умъ, волю и чувство, обнимаютъ, по-видимому, всю духовную жизнь человѣка, всѣ виды сознанія. Но такъ какъ глаголы, означающіе волю и чувство, не всѣ и не всегда требуютъ acc. c. inf., то сущность этого оборота нужно искать не здѣсь, а тамъ, гдѣ онъ обязателенъ, т.-е. при глаголахъ, означающихъ мышленіе.

Прямымъ и непосредственнымъ предметомъ познанія служатъ внутреннія состоянія нашей собственной души. Языкъ выражаетъ это сознаніе глаголами, которые пока не нуждаются ни въ какомъ дополненіи. Элементарнѣйшей формой познанія всего остальнаго служитъ ощущеніе, при чемъ одни ощущенія знакомятъ насъ съ состояніями нашего тѣла, другія съ состояніями внѣшнихъ предметовъ. Въ первомъ случаѣ языкъ или опять пользуется одними только глаголами, или отдѣляетъ актъ познанія отъ предмета познанія и первый выражаетъ глаголомъ, а второй винительнымъ объекта [1]). Во второмъ случаѣ ощущеніе возникаетъ съ помощью органовъ чувствъ, и языкъ уже обязательно отдѣляетъ актъ познанія, выражаемый глаголами, означающими дѣятельность органовъ чувствъ, отъ объекта познанія («ощущать горечь, сладость», «слышать звукъ» и т. п., sentire calida, frigida, dulcia, amara,

[1]) Латинскій языкъ предпочитаетъ одни глаголы (esurio, sitio, fatigor, vigeo etc.), а русскій предпочитаетъ второй способъ, при чемъ актъ познанія выражается глаголами: „чувствовать“, „ощущать“, „терпѣть“, „испытывать“, а объектомъ служатъ слова: „голодъ“, „жажда“, „холодъ“, „сила“, „усталость“, „изнуреніе“ и мн. др. Выраженія: fame, siti premi, lassitudine confici и т. д., вовсе не указываютъ на познаніе.

audire sonitum etc.). Когда ощущеніе отнесено къ внѣшнему предмету, то оно становится **воспріятіемъ**. Языкъ въ этомъ случаѣ указываетъ на свойство и на предметъ, имѣющій это свойство, или только на предметъ; послѣднее бываетъ, когда мы воспринимаемъ не одно свойство и не опредѣленныя свойства, а вообще всѣ свойства предмета, доступныя познанію черезъ данный органъ. Говоря: video hunc hominem, я не указываю признаковъ, разумѣя вообще все доступное зрѣнію въ данномъ человѣкѣ. Винительный объекта познанія остается и тогда, если признакомъ служитъ дѣйствіе предмета, которое латинскій языкъ обозначаетъ въ этомъ случаѣ причастіемъ: video pueros in prato ludentes, audio te legentem [1]). Самый актъ воспріятія выражается глаголами, означающими зрѣніе и слухъ (video, conspicio, considero, tueor, audio etc.) [2]), но сюда присоединяются и нѣкоторые другіе глаголы, напр., animadverto, указывающее на перенесеніе ощущенія на самый предметъ, cerno, указывающее на различеніе, которое лежитъ въ основѣ всякаго познавательнаго процесса. Воспріятіе, разъ возникши въ сознаніи, можетъ впослѣдствіи возродиться въ немъ въ видѣ **представленія**. Актъ познанія здѣсь выражается глаголами, означающими уже не дѣятельность органовъ чувствъ, а припоминаніе и воспроизведеніе прежнихъ воспріятій. Сюда относятся глаголы, означающіе знаніе предметовъ, такъ какъ знать какой-нибудь предметъ значитъ на основаніи воспріятія, полученнаго раньше путемъ зрѣнія или слуха, снова воспроизводить его въ сознаніи со всѣми признаками: scio (viam, Ter.), novi (leges, aliquem), ignoro (causam), cognovi (totum cognovimus amnem), comperi (indicia mortis) etc. Затѣмъ сюда относятся глаголы: memini (Cinnam, officia), obliviscor (iniu-

---

[1]) Иногда дѣйствіе не считается прямо признакомъ предмета, а констатируется только одновременность его съ самымъ актомъ познанія: audivi te, cum diceres.

[2]) Воспріятіе другими органами выражается съ помощью общаго понятія sentire: s. suavitatem cibi, varios rerum odores.

rias)[1]), reminiscor (pristini temporis acerbitatem, Nep.), cogito (proscriptiones et dictaturas). Perfecta: memini, novi, cognovi и др., одновременно означаютъ и прошлое воспріятіе и настоящее представленіе. При глаголахъ, выражающихъ представленіе о предметѣ, мы впервые встрѣчаемъ двойную конструкцію: знаю «кого-нибудь» и «о комъ-нибудь», помню «кого-нибудь» и «о комъ-нибудь» и т. д. Изъ простыхъ представленій, соотвѣтствующихъ отдѣльнымъ свойствамъ предмета, получается сложное представленіе—о цѣломъ предметѣ со всѣми или многими признаками. Какъ воспріятіе отдѣльныхъ свойствъ языкъ отличаетъ отъ воспріятія совокупности свойствъ, точно такъ же и простыя представленія онъ отличаетъ отъ сложныхъ. Винительный объекта означаетъ сложное представленіе, а косвеннымъ дополненіемъ обозначается только предметъ, къ которому относится простое представленіе; рядомъ съ этимъ указаніемъ предмета иногда указывается и представляемый признакъ, но опять-таки съ помощью винительнаго падежа (знать «о комъ-нибудь что-нибудь»). Въ латинскомъ языкѣ предметъ, къ которому относится представленіе о его признакѣ, обозначается не только съ помощью предлога de (scire de Sulla, de bello, «nunc cognosce de Bruto», recordari de aliquo и т. п.), но и съ помощью простого родительнаго при verba memoriae[2]). Путемъ ассоціаціи происходитъ соединеніе представленій и всевозможное комбинированіе ихъ съ воспріятіями и ощущеніями. Напр., глаголомъ agnosco выражается соединеніе воспріятія съ представленіемъ, вызваннымъ другимъ, прежнимъ воспріятіемъ.

Всѣ доселѣ разсмотрѣнные нами познавательные процессы не составляютъ еще мышленія. Даже самое сложное комбинированіе представленій и воспріятій носитъ всегда

---

[1]) Объектомъ при глаголѣ „забывать" служитъ то, что вспоминается въ моментъ рѣчи.

[2]) Это нѣчто въ родѣ gen. possessivus: имъ указывается предметъ, которому принадлежитъ подразумѣваемый признакъ. Сложное представленіе о лицѣ получается послѣ того, какъ мы видѣли это лицо: этимъ объясняется грамматическое правило, что memini съ вин. лица значитъ: „я зналъ кого-нибудь при жизни".

механическій характеръ. Сознанію доступны только результаты этого комбинированія, а не самый процессъ. Лишь только освѣщается сознаніемъ и самый процессъ комбинированія, получается мышленіе. Такимъ образомъ мышленіе есть сознательное комбинированіе представленій, которыя должны, значитъ, существовать прежде мышленія и не могутъ создаваться имъ. Но комбинировать можно minimum два элемента. И дѣйствительно, мышленіе проявляется въ составленіи понятій, сужденій, умозаключеній, опредѣленій и т. д., но всѣ эти формы мышленія сводятся къ одной основной и элементарной — именно къ сужденію, а всякое сужденіе заключаетъ въ себѣ minimum два элемента. Къ формамъ мышленія относятъ иногда и понятіе, но понятіе это не процессъ. Мыслительный процессъ заключается въ составленіи понятій, а оно происходитъ путемъ сужденій; образовавшееся же понятіе служитъ, какъ и представленіе, только матеріаломъ для мыслительной дѣятельности. Изъ всего сказаннаго вытекаютъ два слѣдствія: 1) при глаголахъ, означающихъ мышленіе [1]), не можетъ быть такого прямого дополненія, какъ при глаголахъ воспріятія, потому что для мышленія недостаточно одного элемента познанія; 2) если существуетъ какой-нибудь особый оборотъ для выраженія объекта познанія при глаголахъ, означающихъ мышленіе, то этотъ оборотъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ с у ж д е н і я, такъ какъ всѣ мыслительные процессы въ концѣ концовъ сводятся къ сужденію.

Слова играютъ въ рѣчи троякую роль: они то являются въ качествѣ звукового сочетанія, то служатъ внѣшними знаками для обозначенія понятій, то, наконецъ, указываютъ на предметы, т.-е. служатъ знаками для выраженія представленій. Служа объектомъ при глаголахъ, означающихъ механическую дѣятельность познанія, они являются только въ этой послѣдней роли, потому что оперированіе съ понятіями относится къ сознательно-мыслительной дѣятельности, а ко-

---

1) Сюда мы относимъ и глаголы, обозначающіе словесное выраженіе мысли.

гда предметомъ воспріятія служитъ звуковое сочетаніе, то дополненіемъ бываетъ не самое воспринимаемое слово, а добавочныя названія: «слово», «звукъ», «крикъ» и т. д. Но при глаголахъ, означающихъ мышленіе и выраженіе мыслей, не можетъ быть такого рода объекта. Невозможность винительнаго лица видна уже изъ того, что при этихъ глаголахъ немыслимъ вопросъ «кого»? Но они не могутъ требовать и винительнаго вещи, хотя при нихъ и возможенъ вопросъ «что?» Въ самомъ дѣлѣ, нельзя сказать: «я думаю домъ», «полагаю зиму», «говорю книгу» и т. п. [1]). На вопросъ «что?» можно отвѣтить не названіемъ вещи, а или сужденіемъ, которое мы мыслимъ или высказываемъ, или такимъ словомъ, которое указываетъ на подразумѣваемое сужденіе. Къ такимъ словамъ относятся прежде всего мѣстоименія. Хотя грамматика и самая этимологія слова указываетъ, что мѣстоименіемъ замѣняется имя, но на самомъ дѣлѣ роль мѣстоименія шире этого: средній родъ мѣстоименія можетъ стоять не только вмѣсто имени, но и вмѣсто сужденія; такъ употребляются слова: quid, quod, aliquid, hoc, illud, unum hoc, idem, nihil, multa, pauca etc. Затѣмъ сужденіе, какъ конкретное цѣлое, можетъ замѣняться простымъ названіемъ этого конкретнаго цѣлаго, т.-е. вмѣсто сужденія берется самое слово «сужденіе» («высказать сужденіе»), или синонимъ его, или, наконецъ, названіе ряда высказанныхъ сужденій: думать думу, говорить рѣчь, сказать сказку, разсказать повѣсть, подсказывать урокъ, высказать мнѣніе, dicere verbum turpe, sententiam, causam, ius, narrare fabulam и т. д. Иногда вмѣсто самаго сужденія отмѣчается только то или иное качество его: говорить глупости, дѣло (т.-е. нѣчто дѣльное), изрекать истину, отвѣчать чушь, fateri verum, dicere mendacium, nugas и т. д. Наконецъ, замѣна сужденія производится съ помощью цѣлаго предложенія, начинающагося относительнымъ мѣстоименіемъ сред-

---

[1]) Въ сочиненіяхъ философскаго содержанія обычно выраженіе „мыслить предметъ", но оно указываетъ обыкновенно на представленіе.

няго рода: «говорю, что знаю; слышалъ, помню, что приходитъ на умъ, что всѣмъ извѣстно», и т. д. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ придаточное предложеніе указываетъ, какъ и главное, на актъ познанія; чаще всего первое указываетъ на источникъ познанія, а второе на словесное выраженіе мыслей. Другой типъ представляютъ сочетанія, гдѣ въ придаточномъ глаголъ, означающій познаніе или выраженіе мыслей, только подразумѣвается, — обыкновенно это тотъ же самый глаголъ, который стоитъ и въ главномъ: «онъ отвѣчалъ, что слѣдовало» (отвѣтить); «онъ сказалъ, что требовалось» (сказать); «говорю, что считаю нужнымъ» (сказать), и т. п. Въ обоихъ типахъ нѣтъ никакихъ указаній на самое содержаніе сужденій, которыя мыслятся или высказываются. Вмѣсто того, чтобы указать самый объектъ, привести самыя мысли, подобныя сочетанія указываютъ намъ только на то, что объектъ при первомъ актѣ былъ тотъ же самый, что и при второмъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь нѣчто въ родѣ уравненія: приравниваются два акта познанія вслѣдствіе тожества объекта, который при всемъ томъ остается для насъ неизвѣстнымъ. Указанными тремя способами замѣняется сужденіе, а не представленіе и не понятіе, такъ что такой винительный нельзя назвать винительнымъ вещи, который мы видимъ при глаголахъ, означающихъ механическую дѣятельность познанія. Что же касается понятій, то они, какъ мы сказали, служатъ только матеріаломъ для мыслительной дѣятельности. Понятіе можетъ въ извѣстные моменты находиться въ сознаніи, но это нахожденіе не есть дѣятельность: понятіе само по себѣ, взятое отдѣльно, не даетъ еще процесса мышленія, который начинается только съ того момента, какъ мы начнемъ комбинировать понятія. А при комбинированіи мы рѣдко беремъ понятія во всей цѣлости ихъ содержанія: употребляя слово, означающее то или иное понятіе, мы обыкновенно мыслимъ только часть его содержанія, только нѣкоторые признаки, именно тѣ, которые намъ нужны по ходу рѣчи. Такимъ образомъ роль понятій въ нашей рѣчи очень близка къ роли такъ называемыхъ общихъ представленій.

Но если изъ одного понятія невозможно составить сужденіе, отсюда не слѣдуетъ еще, что нельзя съ помощью одного слова выразить сужденіе. Хотя рѣчь наша есть сочетаніе словъ, но все-таки бываютъ случаи, когда мы употребляемъ въ дѣло и отдѣльныя слова, безъ сочетанія ихъ съ другими. Такъ, желая обратиться къ кому-нибудь съ рѣчью, мы окликаемъ или зовемъ это лицо по имени, и одно уже произнесеніе имени служитъ достаточнымъ выраженіемъ нашего желанія. Точно такъ же, при коллегіальномъ избраніи какихъ-нибудь должностныхъ лицъ, желаніе и выборъ избирателя вполнѣ выражается простымъ произнесеніемъ или записью имени того или иного кандидата. Произносимое имя есть одна изъ составныхъ частей сужденія, остальные члены котораго легко подразумѣваются и дополняются въ умѣ слушателями. Одни имена мы употребляемъ при перечняхъ, въ заглавіяхъ, при выраженіи одобренія или порицанія («молодецъ!» «умница!»), и т. д. Въ подобныхъ случаяхъ произносимое имя при обозначеніи акта произнесенія можетъ остаться безъ всякаго измѣненія, безъ всякой грамматической связи съ глаголомъ, означающимъ это произнесеніе. Но уже и въ русскомъ языкѣ иногда устанавливается грамматическая связь между глаголомъ и произносимымъ именемъ: послѣднее становится прямымъ дополненіемъ, и получается, напр., выраженіе: «сказать кому-нибудь дурака». Такъ какъ произнесеніе по чьему-либо аресу «дуракъ» есть достаточно полное выраженіе нашей мысли объ этомъ человѣкѣ, то вин. лица здѣсь является какъ бы символомъ цѣлаго сужденія. Но такая точка зрѣнія возможна только въ томъ случаѣ, если мы дополняемъ мысленно всѣ остальные члены сужденія и воспроизводимъ всю обстановку дѣйствія; съ формальной же точки зрѣнія здѣсь констатируется не что иное, какъ произнесеніе такого-то слова, такъ что данное выраженіе совершенно аналогично такимъ оборотамъ, какъ «сказать такое-то слово», dicere litteram и др., которые указываютъ не на дѣятельность сознанія, а на дѣятельность органовъ произношенія: языка, гортани и др. Въ латинскомъ языкѣ подобнаго рода сочетанія гораздо

употребительнѣе. Здѣсь слово, взятое даже въ смыслѣ звукового сочетанія, можетъ принимать всѣ грамматическія функціи, какъ это бываетъ тогда, когда подъ словами мы разумѣемъ предметы; здѣсь говорятъ: primae litterae, quae sunt in sapiente atque felice («въ словахъ sapiens и felix»); delere sororem (Ov., *Met.*, 9, 528) въ смыслѣ: «стереть» слово «сестра», и т. п.; на томъ же принципѣ основанъ и такъ называемый genitivus epexegeticus при словахъ nomen, vox, vocabulum: nomen amicitiae, vox voluptatis и пр. Послѣ этого нисколько не удивительно появленіе при v. dicendi не только вин. вещи, но и вин. лица. Dicere diem, pretium, narrare virtutes, iurare deos,—подобныя выраженія употребляются о такихъ случаяхъ, когда одного произнесенія имени или одного перечня именъ вполнѣ достаточно, чтобы выразить требуемую мысль [1]). Сюда же относится и двойной вин. при v. dicendi. Выраженія: dicere aliquem dictatorem, declarare aliquem victorem, iudicare aliquem hostem patriae и др., указываютъ на два неизбѣжныхъ при всякомъ избраніи и провозглашеніи момента—на произнесеніе имени лица и на произнесеніе титула (почетнаго или позорнаго), такъ что dicere dictatorem (т.-е. «говорить диктатора») образовалось изъ dicere: «dictator», и т. п. Языкъ констатируетъ только произнесеніе имени, но для насъ это выраженіе указываетъ не только на произнесеніе имени, но и на всю процедуру избранія, такъ какъ мы дополняемъ мысленно недостающіе элементы и воспроизводимъ всю обстановку дѣйствія. Двойной вин. мы встрѣчаемъ и при нѣкоторыхъ глаголахъ мышленія: putare, existimare, arbitrari и др., но этотъ оборотъ развился по аналогіи съ вин. при v. dicendi, такъ какъ второй вин. здѣсь тоже указываетъ чаще всего на названіе, которое мы даемъ мысленно предмету, чтобы обозначить выполняемую имъ роль.

---

[1]) Подобный же вин. объекта ставится при dicere и тогда, если добавочные члены для составленія цѣлаго сужденія находятся въ предыдущемъ предложеніи; напр.: nec quemquam vidi, qui magis ea, quae timenda esse negaret, timeret — mortem dico et deos (Cic., *N. D.*, I, 31).

Предыдущія соображенія привели насъ къ выводу, что acc. c. inf. есть выраженіе сужденія, какъ результата, получаемаго при актѣ мышленія. Это такое сужденіе, которое прямо выдается лицомъ говорящимъ за продуктъ чьего-либо мышленія. Какъ сужденіе, acc. c. inf. никоимъ образомъ не могло развиться изъ простого дополненія. Къ придаточнымъ предложеніямъ языкъ прибѣгаетъ тогда, когда нѣтъ готоваго слова для обозначенія тѣхъ или иныхъ предметовъ, свойствъ и дѣйствій. Я прошу книгу и, не имѣя готоваго слова для опредѣленія свойствъ ея, выражаю свое затрудненіе вопросомъ: «которую ты вчера читалъ?» Этотъ вопросъ и есть замѣна требуемаго опредѣленія: онъ прямо и прибавляется къ опредѣляемому слову. Вмѣсто опредѣленія свойствъ предмета здѣсь берется другое дѣйствіе и констатируется тожество объектовъ при обоихъ дѣйствіяхъ. Всѣ придаточныя развились изъ подобныхъ вопросовъ; даже всѣ союзы, нарѣчія и другія слова, выражающія подчиненіе придаточнаго главному, сводятся къ одному вопросительно-мѣстоименному корню *k*, какъ въ латинскомъ, такъ, за небольшими исключеніями, и въ русскомъ языкѣ. Обращаясь къ acc. c. inf., мы не находимъ ничего подобнаго. Здѣсь не имѣла приложенія ни одна стадія того процесса, путемъ котораго образуются остальныя придаточныя предложенія. Кромѣ того, отдѣльно взятое придаточное предложеніе не заключаетъ въ себѣ вполнѣ законченной мысли: оно въ такомъ случаѣ превращается въ вопросъ, т.-е. въ сужденіе, одинъ членъ котораго неизвѣстенъ, хотя извѣстно, что онъ есть; что же касается acc. c. inf., то здѣсь имѣется на лицо вполнѣ законченное сужденіе, не нуждающееся въ пополненіи путемъ сопоставленія съ главнымъ предложеніемъ.

Средину между acc. c. inf. и другими придаточными предложеніями занимаетъ косвенный вопросъ. Онъ пользуется тѣмъ же мѣстоименнымъ корнемъ для соединенія съ главнымъ, какъ и остальные виды придаточныхъ, но онъ, подобно acc. c. inf., не можетъ быть сведенъ къ одному члену предложенія. При всемъ томъ косвенный

вопросъ не представляетъ логически-законченнаго сужденія. Вопросы, прямые и косвенные, можно свести къ тремъ основнымъ типамъ. Въ однихъ вопросахъ не обозначенъ точно одинъ изъ членовъ сужденія. Мы говоримъ объ отсутствіи точнаго обозначенія, а не о полномъ отсутствіи члена, потому что въ послѣднемъ случаѣ невозможно было бы и сужденіе. Когда мы спрашиваемъ: «кто пришелъ? что ты читаешь?» мы знаемъ, что кто-то пришелъ, что ты что-то дѣлаешь, но не имѣемъ возможности точно обозначить предметъ или дѣйствіе, потому что въ первомъ случаѣ знаемъ только тотъ признакъ предмета, который обозначенъ въ предикатѣ («пришелъ») [1]), и не знаемъ остальныхъ признаковъ, а во второмъ случаѣ точно знаемъ предметъ и знаемъ, что признакъ его проявляется въ дѣйствіи, но не знаемъ вещественнаго содержанія этого дѣйствія. Къ этому же типу относятся и тѣ предложенія, гдѣ вопросъ касается причины, цѣли, мѣста, времени и т. д., потому что всѣ подобные случаи сводятся къ неточному обозначенію предиката или субъекта сужденія; распространенное предложеніе часто представляетъ собою соединеніе въ одно цѣлое нѣсколькихъ сужденій, такъ что изъ нѣсколькихъ членовъ, вошедшихъ въ составъ такого предложенія, вопросъ можетъ касаться только одного члена одного изъ сужденій. Ко второму типу относятся вопросы, въ которыхъ неизвѣстно качество сужденія. Спрашивающій беретъ утвердительную или отрицательную форму для вопроса («пришелъ ли?» «не пришелъ ли?»), но эта форма нисколько не указываетъ на дѣйствительное качество сужденія. Между утвержденіемъ и отрицаніемъ ничего не можетъ быть средняго, и такой вопросъ нельзя назвать сужденіемъ въ строго-логическомъ смыслѣ этого слова: онъ заключаетъ два необходимые элемента сужденія, но связь здѣсь берется наугадъ и на время, только до полученія отвѣта, такъ что вопросъ заключаетъ въ себѣ не категорическое сужденіе, а

---

[1]) Косвеннымъ образомъ обозначаются здѣсь и нѣкоторые другіе признаки; напр., мѣстоименіе „кто“ указываетъ, что предметъ есть одушевленное существо.

только возможность утвердительнаго или отрицательнаго сужденія. То же можно сказать и о раздѣлительныхъ сужденіяхъ, представляющихъ третій типъ вопросовъ: здѣсь тоже не устанавливается связи между такимъ-то предметомъ и признакомъ, а только констатируется возможность тѣхъ или иныхъ сужденій, для которыхъ дается полный матеріалъ. Остальныя придаточныя, развившіяся изъ вопросовъ, не считаются въ грамматикѣ вопросами, потому что не заключаютъ въ себѣ указанной нами неопредѣленности: присоединеніе ихъ къ главному предложенію устраняетъ всякую неопредѣленность сужденія. Присоединивши вопросъ: «которую ты читалъ?» къ слову «книга», мы этимъ самымъ достигаемъ всей необходимой для насъ точности сужденія. Наоборотъ, вопросы въ тѣсномъ смыслѣ слова всегда и вездѣ сохраняютъ свою неопредѣленность.

II.

Указавши основное значеніе acc. c. inf., перейдемъ теперь къ обзору глаголовъ, «требующихъ» этого оборота. Самою естественною является зависимость его отъ глаголовъ, означающихъ мышленіе или высказываніе мыслей. Общее понятіе о мыслительной дѣятельности дается глаголомъ cogitare (cum и agito, работаю самъ съ собою, мыслію), но означая дѣятельность вообще, а не оперированіе надъ такимъ-то матеріаломъ, онъ сравнительно рѣдко сочиняется съ acc. c. inf. Мыслительная работа проявляется, какъ мы видѣли, въ комбинированіи представленій. И дѣйствительно, не мало глаголовъ, означающихъ мышленіе и требующихъ acc. c. inf., указываютъ именно на это комбинированіе, на то, какъ мы разбираемся въ своихъ впечатлѣніяхъ, взаимно сравниваемъ ихъ, соединяемъ въ группы, выдѣляемъ элементы, нужные для насъ и, наконецъ, соединяемъ ихъ въ сужденіе; таковы: arbitrari (отъ arbiter третейскій судья) — взвѣшивать pro и contra и составлять мнѣніе; intellegere—собирать и разбираться въ своихъ впечатлѣніяхъ, разбирать всѣ свойства предмета и такимъ образомъ обнаружить «пониманіе»; opinari —

разобраться въ своихъ субъективныхъ взглядахъ, предположеніяхъ, ожиданіяхъ и т. п.; putare—обрубить лишнія вѣтви, ожидать, разобрать, что нужно и что не нужно; existimare—оцѣнить всѣ свойства предмета и затѣмъ составить свой взглядъ на него, и т. д. Но мышленіе обозначается и многими другими глаголами, которые первоначально указывали только на одну какую-нибудь стадію познавательнаго процесса, и прежде всего сюда относятся глаголы, означающіе чувственное воспріятіе на различныхъ его ступеняхъ: animadvetro, adverto (первая ступень—направленіе органа на предметы внѣшняго міра), cerno (вторая ступень—различеніе внѣшнихъ предметовъ), accipio, percipio (третья ступень — полученіе впечатлѣнія), video, tueor, audio, conspicio, suspicor, exspecto, considero, audio и др. (коренной глаголъ означаетъ самую дѣятельность органа— зрѣніе и слухъ, а приставки—отношеніе къ внѣшнему предмету; напр., sub въ suspicor указываетъ направленіе зрѣнія снизу вверхъ). Такъ какъ источникомъ мышленія служитъ воспріятіе, такъ какъ душа весь матеріалъ для своей дѣятельности почерпаетъ съ помощью органовъ чувствъ, то дѣятельность мысли языкъ сталъ часто представлять въ видѣ дѣятельности органовъ чувствъ. Возьмемъ фразу: Exspecto te venturum esse. Глаголъ exspecto означаетъ «часто и съ нетерпѣніемъ высматривать», часто смотрѣть «вонъ», напр., изъ окна. Если же при exspecto мы находимъ сужденіе: «ты придешь», то, очевидно, языкъ восполнилъ въ значеніи глагола всѣ элементы, отдѣляющіе простое высматриваніе отъ послѣдней ступени процесса—составленія изъ полученныхъ впечатлѣній сужденія. Расширеніе значеній словъ въ томъ и состоитъ, что слово, означающее извѣстную дѣятельность, начинаетъ со временемъ обозначать и ту дѣятельность, которая является результатомъ первой. Video nivem albam указываетъ только на воспріятіе впечатлѣній снѣга и бѣлизны, а въ выраженіи: video nivem albam esse, глаголъ video указываетъ не только воспріятіе, но и послѣдующую дѣятельность мысли — комбинированіе полученныхъ воспріятій, такъ что video здѣсь значитъ не

только «вижу», но и «составляю сужденіе» на основаніи полученныхъ чрезъ зрѣніе впечатлѣній (ср. animus videt, Cic., *Sen.*, 23; video animo, Cic., *Fam.*, 6, 3). Точно такъ же и animadverto, напр., начавши съ первой ступени воспріятія, прошло постепенно всѣ остальныя ступени (русское «замѣчаю» начало расширеніе своего значенія со второй ступени воспріятія,—въ основномъ значеніи оно указываетъ на различеніе внѣшнихъ предметовъ), стало означать комбинированіе впечатлѣній и, наконецъ, соединеніе нѣкоторыхъ въ одно цѣлое—въ сужденіе. Само собою разумѣется, что не у всѣхъ глаголовъ, означавшихъ первоначально чувственное воспріятіе, расширеніе значеній пошло въ этомъ именно направленіи. Направленіе зависитъ, напр., отъ того спеціальнаго оттѣнка, который придается основному глаголу съ помощью приставокъ и суффиксовъ. Spectare значитъ «часто взглядывать», и расширеніе значенія этого глагола опредѣляется его спеціальнымъ оттѣнкомъ («часто»); отсюда значенія: «имѣть въ виду», «домогаться», «клониться». Если respicere значитъ «смотрѣть назадъ», то при дальнѣйшемъ расширеніи значенія этого слова никакъ нельзя было игнорировать его спеціальнаго оттѣнка («назадъ»), такъ что respicere не могло получить значенія «комбинировать свои впечатлѣнія, соединять ихъ» и т. д.,—такому расширенію мѣшаетъ спеціальный оттѣнокъ. Предлоги per и con не служатъ такою помѣхою, потому что не вліяютъ на качество дѣйствія. Per означаетъ проникновеніе дѣйствія сквозь весь предметъ, а con—охватыванье объекта со всѣхъ сторонъ, т.-е., не измѣняя качества дѣйствія, предлоги эти выражаютъ только то, что составляетъ сущность совершеннаго вида; поэтому perspicere, какъ и простой глаголъ videre, легко могло расширить свое значеніе до того, что стало обозначать актъ мышленія.

Еще легче переходъ отъ v. cognoscendi и memoriae къ глаголамъ, означающимъ мышленіе. При механическомъ воспроизведеніи и припоминаніи представленія являются не только въ одиночку, но и въ сочетаніяхъ (сложныя представленія и ассоціаціи представленій); при мышленіи тоже

происходитъ сочетаніе представленій, но только сознательное. Допуская при v. cognoscendi и memoriae то простой объектъ, то acc. c. inf., языкъ, очевидно, не отличаетъ въ самомъ глаголѣ механическаго сочетанія отъ сознательнаго. Бываютъ и такіе случаи, что мы «узнаемъ» или «вспоминаемъ уже готовое сочетаніе, сознательно произведенное кѣмъ-нибудь другимъ. Если мы слышали отъ когонибудь, что такая-то рѣка глубока, то выраженіе: «мы знаемъ, что эта рѣка глубока», констатируетъ не сознательное сочетаніе представленій, а механическое воспроизведеніе сочетанія, сознательно произведеннаго другими раньше насъ.

Особую группу составляютъ глаголы, дающіе не только сужденіе, но и указаніе на степень его достовѣрности (модальность сужденій); таковы: credo, confido, diffido, spero, despero, non dubito, timeo и нѣк. др.; требуя acc. c. inf., глаголы эти означаютъ только большую или меньшую увѣренность въ истинѣ высказываемаго сужденія, а не тѣ въ высшей степени сложныя психическія состоянія, которыя мы называемъ «вѣрой», «надеждой» и т. д. Наконецъ къ глаголамъ, означающимъ мышленіе, относятъ нѣкоторые глаголы, имѣющіе вещественное, конкретное значеніе: «беру»—sumo, «ставлю»—statuo, «нахожу»—invenio и др. Но къ процессу мышленія глаголы эти не имѣютъ никакого отношенія. Готовое сужденіе здѣсь разсматривается, какъ какой-нибудь конкретный предметъ, который легко «взять» въ руки, «поставить»[1]), «положить»[2]), «найти» на дорогѣ и т. д. Русскій языкъ часто прибѣгаетъ къ тѣмъ же понятіямъ, когда говорится о мысляхъ или мнѣніяхъ: «держаться» мнѣнія, «полагать» (т.-е. «класть», параллельно съ sumere «брать»), «ставить» тезисъ, «настаивать», «находить, что» и т. д.

Обращаясь къ v. dicendi, мы прежде всего замѣтимъ,

---

[1]) Sumo и statuo берутся, когда рѣчь идетъ о спорящихъ, которые „принимаютъ" такое-то мнѣніе, „ставятъ" положенія, „настаиваютъ" и т. д.

[2]) Ponere у Тер. въ смыслѣ „предположить, вообразить".

что не всегда легко отличить ихъ отъ глаголовъ, означающихъ мышленіе. Напр., iudicare значитъ и «произносить рѣшеніе въ качествѣ судьи» (ius dico) и «составить мнѣніе по извѣстному вопросу», censere—«держаться мнѣнія» и «подавать мнѣніе» и т. д.; съ другой стороны, mentiri и fingere относятъ къ v. dicendi, но эти глаголы указываютъ на «выдумываніе», на дѣятельность мысли, а не на выраженіе мыслей (mentior—отъ mens, вымышляю, т.-е. составляю произвольное, не соотвѣтствующее дѣйствительности сужденіе; fingere создавать воображеніемъ). Употребительнѣйшія v. dicendi можно свести къ слѣдующимъ типамъ: 1) простѣйшій типъ—глаголы, означающіе обнаруженіе мысли: dicere (ср. δείκνυμι, отсюда же и docere), fari (ср. φημί, φαίνω), declarare, nuntiare и др., съ производными: fateri, profiteri, infitiari, dictitare и т. д.; 2) глаголы, означающіе передачу мыслей отъ одного лица къ другому: ferre, tradere, prodere и др.; 3) глаголы, указывающіе на взаимное соединеніе и группировку высказанныхъ мыслей: addere, adicere; conicere, colligere, concludere и др.; 4) глаголы, означающіе передачу мыслей изъ сознанія одного лица въ сознаніе другого, т.-е. возбужденіе въ сознаніи другого лица той же мысли: memorare, commemorare, monere, demonstrare (корень общій съ mens, а cum указываетъ на взаимность), (per)suadere (санскр. корень svad=sapere), narrare (gnarus, «знакомить другого съ событіемъ») и др.; 5) глаголы, означающіе оцѣнку высказываемой мысли со стороны достовѣрности, важности и т. п.: affirmare, confirmare (firmus твердый, — «утверждаю»), probare, comprobare (probus добрый, — «одобряю»), asseverare, gloriari и т. д. Затѣмъ къ v. dicendi относятъ и такіе глаголы, которые обозначаютъ не высказываніе или передачу мыслей, а какое-нибудь конкретное дѣйствіе, которое вызываетъ въ другомъ лицѣ ту или иную мысль: scribere, significare, concedere, minari, spondere, abnuere и др.; кто начертываетъ буквы, дѣлаетъ знакъ, отходитъ, грозитъ, киваетъ и т. д., тотъ этими конкретными дѣйствіями и символами вызываетъ въ другомъ тѣ мысли, которыя находятся въ его собственномъ сознаніи.

III.

Выше мы говорили о глаголахъ, означающихъ мышленіе или выраженіе мысли, при которыхъ вполнѣ естественно встрѣтить acc. c. inf., если этотъ оборотъ есть выраженіе получаемаго при актѣ мышленія сужденія. Но какимъ же образомъ возможна постановка этого оборота при v. voluntatis и affectuum? какимъ образомъ можно «желать» или «чувствовать» какую-нибудь мысль? Въ отвѣтъ на это мы должны сказать, что acc. c. inf. и въ этомъ случаѣ вполнѣ сохраняетъ свои признаки и свою роль. И здѣсь acc. c. inf. есть сужденіе, получаемое при актѣ мышленія. Оперировать надъ мыслью можно только двумя способами: можно имѣть ее въ сознаніи и можно высказывать ее, но ее нельзя «чувствовать» или «желать». Переходя отъ мышленія къ явленіямъ чувствованія и воли, мы изъ области логики переходимъ въ область чистой психологіи. Въ самомъ дѣлѣ чувствованіями называются тѣ пассивныя психическія состоянія, которыя являются продуктомъ субъективной оцѣнки дѣйствующихъ на нервную систему раздраженій, внутреннихъ или внѣшнихъ. Извнѣ чувства выражаются движеніями, выраженіемъ лица, звуками, интонаціей голоса, смѣхомъ и т. д.; въ области языка непосредственнымъ выраженіемъ чувствованій служатъ междометія. Желанія тоже суть субъективныя состоянія нашей души; извнѣ они выражаются въ движеніи и дѣйствіяхъ, а не въ оперированіи надъ логическими элементами. Все дѣло сводится къ тому, что чувствованіями и желаніями могутъ сопровождаться процессы мышленія, такъ что и здѣсь вся суть въ мышленіи, а не въ этихъ добавочныхъ элементахъ. Дѣленіе глаголовъ, требующихъ acc. c. inf., по тремъ основнымъ видамъ душевной дѣятельности есть пріемъ дидактическій, вовсе не основанный на сущности этого оборота, который всегда и вездѣ сохраняетъ свое единственное значеніе. Въ основѣ этого дѣленія лежитъ научный принципъ, но, чтобы правильно судить о роли и значеніи разбираемыхъ глаголовъ, мы должны обратиться не къ

научной, а къ народной психологіи, мы должны перенестись къ тому времени, когда оборотъ этотъ возникалъ и развивался. Народъ по-своему разбирается въ массѣ душевныхъ проявленій; его понятія о душевной жизни, его классификація всецѣло отражается въ языкѣ. Если, напр., центромъ чувствованій онъ считаетъ сердце, то вездѣ, гдѣ нужно говорить о чувствованіяхъ, онъ говоритъ о дѣятельности сердца: «защемило, ноетъ сердце», «сержусь», «въ сердцахъ», «сердечный» (любимый) и т. д. Самая познавательная дѣятельность въ древнѣйшую эпоху носила коллективный характеръ. Всякое понятіе создавалось массой, цѣлымъ рядомъ лицъ и поколѣній. При такихъ условіяхъ не могло быть единства знаній: каждое понятіе имѣло массу оттѣнковъ, различныхъ для различныхъ лицъ; понятія смѣшивались другъ съ другомъ. Отвлеченныя понятія особенно подвергались этой участи. Кромѣ того, чѣмъ болѣе сложно явленіе, тѣмъ труднѣе его обозначить. При называніи предметовъ по признакамъ изъ многихъ признаковъ предмета языкъ выбираетъ только одинъ; точно такъ же онъ поступаетъ и при обозначеніи сложныхъ душевныхъ явленій; онъ выбираетъ одинъ изъ входящихъ элементовъ, наиболѣе рѣзкій или важный.

Изъ всей массы глаголовъ, означающихъ чувствованіе, съ acc. c. inf. сочиняются весьма немногіе. Сюда совершенно не относятся всѣ такъ называемыя органическія чувствованія, происходящія отъ непосредственнаго вліянія на душу тѣлеснаго организма. Такія чувствованія не связаны съ представленіями, поэтому и при глаголахъ, обозначающихъ эти чувствованія, немыслимъ acc. c. inf. Изъ чувствованій, основанныхъ на представленіяхъ, сюда относятся опять-таки весьма немногіе, именно только тѣ, которыя сопровождаютъ умственный процессъ прилаживанія новыхъ представленій къ прежнимъ[1]). Къ чувствованіямъ

[1]) Чтобы нагляднѣе представить количественное отношеніе этого вида чувствованій ко всѣмъ остальнымъ, приведемъ классификацію, усвоенную Каптеревымъ, переработавшимъ ученіе англійскихъ психологовъ (Педаг. псих., гл. IX—XII). Каптеревъ дѣлитъ чувствова-

этого вида принадлежать: 1) чувство умственнаго напряженія, 2) чувство ожиданія, 3) чувство неожиданности: а) чувство обмана и б) чувство удивленія, 4) чувство сомнѣнія и увѣренности, 5) чувство непримиримаго контраста (смѣшного) и 6) чувство успѣха[1]). Для выраженія чувства умственнаго напряженія, чувства смѣшного и чувства успѣха латинскій языкъ пользуется разными описательными оборотами; чувства ожиданія, сомнѣнія и увѣренности выражаются глаголами exspectare, dubitare, credere, confidere, sperare и др.; чувство неожиданности обозначается словами me fallit, miror и др. Такимъ образомъ мы видимъ, что глаголы, напр., credere и mirari, означаютъ совершенно однородныя душевныя явленія, хотя первый изъ нихъ грамматики относятъ къ глаголамъ мышленія, а второй—къ v. affectuum: оба они указываютъ на оцѣнку представленій, и въ обоихъ есть элементъ добавочный—вызываемое этой оцѣнкой чувствованіе, но въ первомъ случаѣ грамматики обратили вниманіе только на актъ познанія и отнесли слово къ глаголамъ мышленія, а во второмъ—только на добавочный элементъ и отнесли слово къ v. affectuum. То же самое мы увидимъ, если сравнимъ, напр., comprobare съ indignari. Оба эти глагола указываютъ на оцѣнку представленій (probus и dignus—близкіе синонимы), въ обоихъ есть элементъ добавочный—чувство увѣренности въ первомъ и чувство неожиданности во второмъ, но одинъ глаголъ грамматики относятъ къ v. dicendi (на основаніи другого добавочнаго элемента, именно на основаніи того, что сужденіе высказывается), а другой—къ v. affectuum.

нія такъ: I физическія (это то же, что мы назвали органическими); II идеальныя: 1) эгоистическія: а) чувство силы, б) чувство безсилія, в) чувства, связанныя съ познавательнымъ процессомъ; 2) альтруистическія: а) эстетическія, б) симпатическія, в) нѣжныя, г) нравственныя. Изъ всѣхъ этихъ отдѣловъ и подъотдѣловъ мы беремъ пунктъ в.) изъ отдѣла идеальныхъ-эгоистическихъ, именно „чувствованія, связанныя съ познавательнымъ процессомъ".

[1]) Это классификація, принятая Ушинскимъ (Педаг. антроп. т. II.). Мы опустили только „чувство сходства и различія", такъ какъ подразумѣваемыя подъ этимъ терминомъ явленія едва ли можно относить къ чувствованіямъ.

Чтобы выпутаться изъ этихъ противорѣчій, нужно было бы или выдѣлить всѣ глаголы, означающіе оцѣнку представленій съ добавочнымъ элементомъ чувствованія, въ особую группу или отнести ихъ всѣ къ глаголамъ мышленія, не обращая вниманія на элементы добавочные.

Выше мы перечислили спеціальные виды чувствованій, связанныхъ съ оцѣнкою представленій; но чувствованія имѣютъ и одну общую основу: всякое спеціальное чувствованіе есть только видъ удовольствія или страданія; иначе говоря, чувствованіе есть болѣе или менѣе осложненное проявленіе удовольствія или страданія. Рядъ глаголовъ, относимыхъ къ v. affectuum, означаютъ именно эту общую основу всякаго чувствованія: gaudeo, laetor, doleo, maereo, lugeo, angor и т. д.,—всѣ эти глаголы служатъ выраженіемъ общаго понятія объ удовольствіи и страданіи. Обнимая всѣ виды чувствованій, это общее понятіе обнимаетъ, конечно, и тѣ чувствованія, которыя связаны съ умственнымъ процессомъ прилаживанія новыхъ представленій къ прежнимъ. Соединеніе глаголовъ gaudeo, doleo и т. д. съ acc. c. inf. есть не что иное, какъ выраженіе съ помощью общаго понятія спеціальныхъ чувствованій, связанныхъ съ процессомъ этого прилаживанія. Если же эти общія понятія указываютъ на какой-нибудь другой видъ чувствованій, если подъ выраженіями: gaudeo, doleo и т. д., нужно разумѣть чувствованія физическія, чувство силы или безсилія и т. п., то при этихъ глаголахъ не можетъ стоять acc. c. inf. Грамматики говорятъ, что acc. c. inf. при этихъ глаголахъ «показываетъ предметъ чувства», а предложеніе съ союзомъ quod—«причину его» (ср. Кесслеръ, 170). Но такъ какъ это разграниченіе мало непонятно, то имъ приходится добавлять, что «по большей части, безъ существенной разницы, могутъ быть употреблены обѣ конструкціи» (ibid). Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ «предметъ чувства?» Такъ какъ чувствованіями называются психическія состоянія, являющіяся результатомъ оцѣнки внѣшнихъ впечатлѣній (или внутреннихъ раздраженій), то, значитъ, внѣшніе предметы ничѣмъ инымъ не могутъ быть по отношенію къ чув-

ствованіямъ, какъ только причиной. Въ русскомъ языкѣ говорится: негодовать, сердиться «на кого-нибудь», печалиться, горевать «о чемъ-либо», радоваться, удивляться «чему-нибудь» и т. д. Это значитъ, что народная психологія расходится въ этомъ случаѣ съ научной: предметъ или фактъ, бывшій причиною чувствованія, народная психологія считаетъ объектомъ, на который направляется возникшее чувствованіе. Но такой взглядъ на чувствованія не исключаетъ и другого, согласнаго съ научными представленіями; говорятъ: «съ чего тебѣ горевать?» сердиться «изъ-за чего-нибудь», радоваться «по поводу чего-нибудь» и т. д. Въ латинскомъ языкѣ чаще встрѣчаемъ вторую точку зрѣнія: глаголы gaudere, laetari, dolere, maerere и др. сочиняются съ abl. causae; но опять-таки возможна и первая точка зрѣнія: dolere, mirari и др. соединяются съ вин. п. На первый взглядъ можетъ казаться, что приводимое грамматиками различіе между «предметомъ чувства» и «причиной его» соотвѣтствуетъ этимъ двумъ точкамъ зрѣнія. Но такое соотвѣтствіе, если бы даже и существовало, не привело бы ни къ какимъ практическимъ результатамъ. Правило учитъ, что надо отличать «предметъ чувства» отъ «причины» его. Но такъ какъ въ дѣйствительности нѣтъ этого отличія (предметъ чувства и есть причина его), такъ какъ это отличіе обусловлено лишь ложнымъ взглядомъ народной психологіи на отношеніе чувствованій къ внѣшнему міру, то приведенное правило, констатируя двѣ точки зрѣнія на психологическій процессъ чувствованія, не даетъ намъ никакого критерія для выбора конструкціи. Гдѣ бываетъ одна точка зрѣнія и гдѣ другая? какъ искать опоры на почвѣ представленій завѣдомо ложныхъ? Притомъ же иные глаголы и не допускаютъ двухъ точекъ зрѣнія, напр., mirari, queri соединяются только съ вин., — какъ же объяснить послѣ этого появленіе при этихъ глаголахъ союза quod?

Чтобы выпутаться изъ подобныхъ противорѣчій, мы должны разъ навсегда признать, что представленія о внѣшнихъ предметахъ бываютъ только причиною чувствованій, что

комбинація представленій есть результатъ мышленія, а не чувствованія, что, если глаголы чувствованія требуютъ acc. c. inf., то въ основѣ чувствованій лежитъ комбинированіе представленій.

Говоря объ acc. c. inf. при v. affectuum, грамматики обыкновенно добавляютъ, что послѣ laudare, vituperare, reprehendere, gratulari, gratias agere, gratias habere, accusare ставится quod, а не acc. c. inf. «Правило» это явилось вслѣдствіе ошибочнаго причисленія этихъ глаголовъ къ v. affectuum. Неужели, напр., кто, порицаетъ, тотъ печалится, а кто хвалитъ, тотъ радуется? какое чувство обязательно для обвинителя? Правда, похвала вызываетъ пріятное чувство, а обвиняемый чувствуетъ себя не совсѣмъ хорошо, но эти чувствованія переживаются не лицомъ дѣйствующимъ, не тѣмъ, кто хвалитъ или обвиняетъ. Не проще ли выпустить эти глаголы и при перечнѣ v. affectuum, требующихъ quod, такъ какъ, кромѣ подлинныхъ v. affectuum, союзъ quod можетъ означать причину и при всякомъ другомъ глаголѣ главнаго предложенія. Ожидать при глаголахъ «хвалить», «поздравлять», «порицать» оборота acc. c. inf. можно было бы по другой причинѣ, именно потому, что глаголы эти означаютъ выраженіе мыслей. Но дѣло въ томъ, что они не только указываютъ на выраженіе мысли, но и заключаютъ въ себѣ одинъ изъ тѣхъ двухъ элементовъ, которые въ совокупности составили бы мысль. Глаголъ «хвалить» указываетъ на выраженіе мыслей, но вмѣстѣ съ тѣмъ заключаетъ въ себѣ и предикатъ выражаемаго сужденія («хорошъ», «прекрасенъ» и т. п.). Чтобы мысль была вполнѣ законченною, требуется добавить всего одинъ членъ—именно субъектъ сужденія; онъ и добавляется въ видѣ дополненія при глаголѣ. То же можно сказать и о глаголахъ vituperare, gratulari, gratias agere, habere: и здѣсь одинъ членъ высказываемаго сужденія заключается уже въ самомъ глаголѣ (gratias, vituperare сродно съ vitium). Что же касается глагола accusare, то грамматики противопоставляютъ его глаголамъ arguere, criminari, insimulare, требующимъ acc. c. inf. Дѣйствительно, accusare

есть юридическій терминъ и значитъ «считать виновнымъ», «настаивать на виновности», т.-е. глаголъ этотъ, подобно laudare, заключаетъ уже въ себѣ указаніе на предикатъ сужденія, поэтому требуетъ простого дополненія; наоборотъ, criminari происходитъ отъ crimen, назвать же словомъ crimen можно не лицо, а фактъ, для обозначенія котораго нужно сужденіе; arguere значитъ «уличать» (собственно «схватывать»,—такого же происхожденія и глаголъ reprehendere),—здѣсь высказывается не общее сужденіе о виновности, а утверждается, что такое-то лицо совершило такое-то дѣйствіе[1]); insimulare значитъ «винить неосновательно» и, подобно глаголамъ simulare и dissimulare, указываетъ на неправдоподобіе сужденія.

Многочисленныя v. affectuum, приводимыя въ подробныхъ грамматикахъ, всѣ сводятся къ формулѣ: меня повергаетъ въ такое-то чувство мысль, что... Въ лучшіе періоды латинской литературы такихъ глаголовъ, соединяющихся съ acc. c. inf., было гораздо меньше, потому что писатели, тщательно обрабатывая слогъ, заботились, между прочимъ, и о точности выраженій: они внимательно отмѣчали въ рѣчи каждое особое дѣйствіе или душевное движеніе, и, если, напр., явленіе страха въ чьемъ-либо сознаніи соединялось съ актомъ мысли, то они отмѣчали то и другое: и актъ мысли и явленіе страха. При позднѣйшей небрежности слога чаще стало встрѣчаться смѣшеніе понятій. Но было бы излишнимъ трудомъ анализировать всю массу глаголовъ, при которыхъ ставилось acc. c. inf. въ позднѣйшей латыни, потому что тутъ дѣло не въ глаголахъ: нельзя думать, что, если timeo стало употребляться съ acc. c. inf., то оно, значитъ, пріобрѣло спеціальное значеніе и особую конструкцію. Все дѣло въ томъ, что писатели не стали иногда отдѣлять двухъ различныхъ душевныхъ актовъ — страха и мышленія, возникавшаго при

---

1) Мы говоримъ объ основной роли глаголовъ; съ теченіемъ времени роли перемѣшались, такъ что и при accusare стало возможнымъ acc. c. inf. (напр., Tac., *An.*, 14, 18).

страхѣ. Acc. c. inf. стали ставить даже при такихъ глаголахъ, какъ frendere — «скрежетать зубами», fremere — «шумѣть», «ревѣть», invidere, offendi, cruciari и т. д.

IV.

Отъ чувствованій переходимъ къ послѣднему моменту полнаго оборота психической дѣятельности — къ волѣ, за которою слѣдуетъ уже объективная дѣятельность — движенія и поступки. Явленія воли вытекаютъ изъ предшествовавшихъ ощущеній и чувствованій. Желанія вырабатываются на почвѣ полученныхъ раньше представленій [1]). Во всякій актъ желанія входитъ представленіе о томъ, къ чему мы стремимся, и воспоминаніе того чувствованія, которое мы испытывали при прежнихъ опытахъ удовлетворенія нашихъ стремленій: желанія являются тогда, когда мы вспоминаемъ представленія и сопровождавшія ихъ чувствованія. Но чувствованія эти сводятся къ двумъ элементарнымъ видамъ (желанія вызываются воспоминаніемъ удовольствія, нежеланіе — воспоминаніемъ страданія), а все разнообразіе желаній зависитъ отъ разнообразія представленій. Представленіе—настолько существенный элементъ въ актѣ желанія, что языкъ, говоря объ актѣ желанія, всегда отмѣчаетъ особо оба элемента этого акта—стремленіе и представленіе. Въ одиночку взятые глаголы volo, nolo, malo, cupio не имѣютъ реальнаго содержанія и употребляются не въ связной рѣчи, а развѣ только въ словаряхъ или грамматикахъ; чтобы выразить актъ желанія, мы должны къ этимъ глаголамъ добавить обозначеніе того представленія, которымъ вызвано стремленіе. Когда актъ желанія выражается однимъ всего словомъ, то въ этомъ

---

[1]) Появленіе такъ называемыхъ „инстинктивныхъ" стремленій объясняется тѣмъ, что вызвавшія ихъ ощущенія относятся къ области безсознательнаго, напр., къ области физіологическихъ процессовъ, совершающихся въ организмѣ.

словѣ обязательно заключается и представленіе; такъ латинскіе глаголы на urio, обозначая желаніе, своимъ корнемъ указываютъ на то представленіе, которымъ вызвано желаніе [1]). Представленіе, вызвавшее собою стремленіе, обозначается обыкновенно неопредѣленнымъ наклоненіемъ. Это вполнѣ естественно, такъ какъ за внутреннимъ стремленіемъ слѣдуетъ внѣшнее движеніе или дѣйствіе, а движенія и дѣйствія обозначаются именно глаголами, а не именами. По-русски говорится: «я хочу хлѣба», «хочу воды», но здѣсь мы имѣемъ дѣло съ совершенно оригинальнымъ явленіемъ, которое встрѣчаемъ и въ латинскомъ языкѣ, но только не въ этомъ случаѣ. Извѣстно, что русскіе глаголы, требующіе вин. п., получая отрицаніе, измѣняютъ этотъ вин. на род. п. Глаголъ съ отрицаніемъ означаетъ, что дѣйствія нѣтъ или не было, что существуетъ только представленіе о дѣйствіи. Что же касается предмета дѣйствія, то онъ, конечно, можетъ быть у насъ на глазахъ, можетъ существовать для насъ и въ дѣйствительности, а не только въ представленіи, хотя дѣйствіе на него и не распространялось. Но ставя предметъ въ соотношеніе съ дѣйствіемъ, мы имѣемъ въ виду не всѣ признаки этого предмета, а только тотъ признакъ, который имѣетъ прямое отношеніе къ дѣйствію. Если самое дѣйствіе существуетъ только въ нашей мысли, какъ наше представленіе, если признакъ, на который направлено дѣйствіе, тоже существуетъ лишь въ представленіи, то родительнымъ падежомъ и обозначается предметъ, признакъ котораго мы представляемъ. Тутъ мы встрѣчаемся какъ разъ съ тѣмъ явленіемъ, которое уже отмѣчено было нами, когда рѣчь шла о род. п. при verba memoriae; genitivus memoriae именно и указываетъ на предметъ, признаки котораго мы представляемъ. Точно такую же роль играетъ и род. п. при русскихъ глаголахъ: хотѣть,

---

[1]) Иногда въ актѣ желанія языкъ отмѣчаетъ всѣ три составные элемента, т.-е., кромѣ стремленія и представленія, указываетъ и на чувствованіе; напр., placet нравится — угодно (съ неопр. н.); desiderare и desiderium „тоска“; gestire восхищаться — желать.

желать, жаждать, ждать, требовать, просить, домогаться, искать [1]). Дѣло здѣсь осложняется впрочемъ пропускомъ глагола, обозначающаго представляемое дѣйствіе, такъ что на лицо бываетъ только глаголъ, означающій стремленіе, и род. падежъ предмета признаки котораго представляются. Въ выраженіи: «я хочу хлѣба», обозначенъ глаголъ, выражающій стремленіе («хочу»), обозначенъ предметъ («хлѣбъ»), признакъ (что его можно ѣсть) котораго представляется, но нѣтъ самаго глагола «ѣсть». И дѣйствительно, этотъ глаголъ былъ бы излишнимъ добавленіемъ, такъ какъ уже самый род. падежъ достаточно указываетъ, что мы имѣемъ дѣло не съ дѣйствительностью, а съ представленіемъ.

Итакъ, мы выяснили роль неопредѣленнаго наклоненія при глаголахъ «хотѣть», «желать» и т. п.: имъ обозначается представленіе, какъ неизбѣжный источникъ всякаго сознательнаго стремленія; представленіе и вытекающее изъ него стремленіе въ совокупности и образуютъ актъ желанія. Но явленія воли могутъ значительно осложняться: дѣйствіе можетъ быть результатомъ не одного стремленія и связаннаго съ нимъ представленія, а многихъ стремленій и представленій. Эта сложность стремленій проявляется или въ формѣ взаимнаго содѣйствія стремленій, или въ формѣ взаимнаго противодѣйствія стремленій. Взаимное содѣйствіе ведетъ, конечно, къ усиленію акта воли, но для насъ важнѣе случай, когда стремленія противодѣйствуютъ другъ другу. Это противодѣйствіе и ведетъ насъ къ размышленію. Когда два или нѣсколько возникшихъ въ душѣ представленій порождаютъ въ ней и нѣсколько стремленій, то тутъ необходимо дѣлать выборъ. Мы должны взвѣсить и сравнить борющіяся представленія, — а это и есть та сознательно комбинирующая работа ума, которая называется мышленіемъ. Взаимное противодѣйствіе пред-

---

[1]) Грамматики говорятъ, что родительнымъ п. здѣсь обозначается не весь предметъ, но только часть его; но это объясненіе совершенно непримѣнимо къ глаголамъ „просить", „домогаться", „искать" и нѣк. др. и къ род., зависящему отъ глагола съ отрицаніемъ.

ставленій и вытекающихъ изъ нихъ стремленій ведетъ къ акту сужденія; результатомъ этого процесса обсужденія будетъ рѣшеніе въ пользу того, что мы найдемъ наиболѣе достойнымъ и желательнымъ. Этотъ актъ выбора проявляется въ томъ, что мы отличаемъ лучшую вещь отъ другой, худшей. Acc. c. inf. при глаголахъ velle, nolle, malle, cupere и есть выраженіе этого акта выбора. Процессъ выбора долженъ выражаться съ помощью сужденія, т.-е. цѣлаго предложенія (а не съ помощью, напр., вин. объекта или неопр. наклоненія). Когда требуется сдѣлать выборъ между двумя предметами и мы указываемъ или называемъ одинъ предметъ предпочтительнаго передъ другимъ, то языкъ обозначаетъ этотъ актъ глаголомъ и винительнымъ объекта [1]; но это не есть актъ выбора, это только результатъ выбора, это результатъ сдѣланнаго въ умѣ сопоставленія свойствъ того и другого предмета. Говоря объ актѣ выбора, мы разумѣемъ именно эту оцѣнку предмета со стороны свойствъ или предпочтеніе одного свойства (желательнаго) другимъ свойствамъ (нежелательнымъ). За актомъ выбора слѣдуетъ такъ называемая рѣшимость, т.-е. установившееся въ сознаніи рѣшеніе сдѣлать что-нибудь, рѣшеніе, предшествующее моменту выполненія дѣйствія. Языкъ употребляетъ здѣсь такіе глаголы, какъ: statuere, constituere, decernere, destinare и др. Такъ какъ на этой стадіи проявленій воли выборъ уже сдѣланъ, то эти глаголы уже не нуждаются въ acc. c. inf., которымъ обозначался актъ выбора. Актъ рѣшимости сопровождается представленіемъ о дѣйствіи, которое опять, какъ и при выраженіи воли, вытекавшей изъ одного или однородныхъ представленій, выражается неопредѣленнымъ наклоненіемъ [2]. За рѣшимостью слѣдуемъ самое дѣйствіе.

Но взаимное противодѣйствіе стремленій можетъ вести

---

[1]) Вин. п. ставится при такихъ глаголахъ желанія, которые въ основномъ своемъ значеніи прямо указываютъ на **дѣйствіе**: captare (хватать) plausus, favorem, appetere (протягивать руку), requirere и др. Optare тоже обозначаетъ не актъ, а результатъ.

[2]) Statuere, constituere, decernere съ acc. c. inf. хотя и переводятся „рѣшать", но вовсе не означаютъ рѣшимости.

и къ другого рода конфликтамъ. Доселѣ мы говорили о волѣ одного лица; а такъ какъ каждый человѣкъ имѣетъ свою волю и свои собственныя желанія, то, кромѣ столкновенія стремленій въ сознаніи одного лица, можетъ быть столкновеніе между желаніями разныхъ лицъ, между волей одного лица и волей другого. Если противоположныя воли двухъ лицъ совершенно равносильны, то мы не будемъ имѣть никакого взаимодѣйствія между лицами, а просто будемъ имѣть два параллельныхъ ряда явленій воли, анализованныхъ нами выше. Взаимодѣйствіе начинается только съ того момента, когда одна воля парализуетъ другую, а это бываетъ, когда на одной сторонѣ больше силы, авторитета или власти, чѣмъ на другой. Глаголы, означающіе подобное воздѣйствіе воли одного лица на волю другого, бываютъ двоякаго рода: одни означаютъ проявленіе воли пересиливающей (iubere, vetare, pati, sinere и др.), другіе указываютъ на волю уступающую, на повиновеніе (parere, oboedire, obtemperare и т. д.). Для воздѣйствія нашей воли на волю другого лица необходимо, конечно, внѣшнее выраженіе нашей воли: пока мы не выразимъ волю, не можетъ быть и взаимодѣйствія. Когда воля выражается путемъ рѣчи, то при глаголахъ первой категоріи является acc. c. inf. Такимъ образомъ, актъ воли, воздѣйствующей на волю другого, сводится къ выраженію мыслей. Пока воля была процессомъ исключительно субъективнымъ, языкъ, отмѣчая вызвавшее волю представленіе, довольствовался при глаголахъ желанія однимъ неопредѣленнымъ наклоненіемъ. Съ переходомъ воли въ міръ объективный пришлось обозначать не только представленіе о дѣйствіи, но и то лицо или тотъ предметъ, на который воздѣйствуетъ воля, такъ что явилась надобность въ комбинированіи представленій: комбинированіе представленія о дѣйствіи съ представленіемъ о предметѣ и дало въ результатѣ то сужденіе, которое выражается черезъ acc. c. inf. Вмѣсто словеснаго выраженія воли мы часто прибѣгаемъ къ реальному воздѣйствію на предметъ. Глаголъ permittere или impedire можно, пожалуй, отнести къ v. voluntatis, но онъ означаетъ уже не самый актъ воли, а реальное воздѣйствіе, какъ

результатъ акта воли (permittere — пропускать, impedire — опутывать); придаточное съ ut или quominus будетъ обозначать не выраженіе нашей воли, а слѣдствіе нашего реальнаго воздѣйствія. Съ теченіемъ времени acc. c. inf. стало иногда встрѣчаться и при этихъ глаголахъ, обозначающихъ реальное воздѣйствіе. Это значитъ, что писатели стали иногда игнорировать реальное значеніе глаголовъ, имѣя въ виду исключительно тотъ актъ воли, который повелъ къ реальному воздѣйствію на предметъ. Acc. c. inf. стало встрѣчаться при такихъ глаголахъ, какъ: mandare (поручать), ferre, tolerare (переносить), sustinere (Cic., *Verr.*, II, 1, 4), nihil morari, avertere, obstare и др.; дѣло дошло до того, что оно стало появляться даже при такихъ глаголахъ, какъ quiesco, которые означаютъ состояніе (Cic., *Att.*, 7, 9: quiescat rem adduci ad interregnum): пассивное состояніе (quiescere «покоиться») принято за отсутствіе реальнаго воздѣйствія.

V.

Отъ acc. c. inf., стоящаго при глаголахъ, грамматики отличаютъ acc. c. inf., «какъ подлежащее». Категорію эту онѣ помѣщаютъ обыкновенно на первомъ мѣстѣ, переходя отъ нея къ acc. c. inf., «какъ дополненію». Но такой порядокъ очень неудобенъ въ школьной практикѣ. Не говоря уже о томъ, что «какъ подлежащее» acc. c. inf. употребляется гораздо рѣже, чѣмъ «какъ дополненіе», первая категорія даже совершенно непонятна безъ ознакомленія со второй и сама по себѣ не даетъ понятія о сущности этого оборота. Кромѣ того, говоря, что acc. c. inf., какъ подлежащее, ставится «при esse съ именемъ сказуемаго» и «при многихъ impersonalia», мы пропускаемъ случаи, когда acc. c. inf. бываетъ подлежащимъ при v. sentiendi и declarandi [1]). Для учениковъ перечень этихъ «именъ ска-

[1]) Иныя грамматики прибавляютъ, что acc. c. inf., какъ подлежащее, ставится и „при страд. з. отъ v. sentiendi и declarandi“ (Кесслеръ), но такое добавленіе понятно будетъ только послѣ перечня этихъ глаголовъ и послѣ правилъ объ употребленіи при нихъ acc. c. inf. въ видѣ дополненія.

зуемаго» и безличныхъ глаголовъ всегда является чѣмъ-то совершенно случайнымъ, особенно если они сопоставляютъ съ ними другія имена и глаголы, которые почти однородны съ первыми, но уже требуютъ не acc. c. inf., a ut или quod. Въ самомъ дѣлѣ, почему, напр., при convenit нужно ставить acc. c. inf., а при evenit — ut? почему, при всей близости понятій fas и ius, при первомъ ставится acc. c. inf., а при второмъ ut? Всѣ подобныя недоумѣнія легко устраняются, если мы будемъ выходить изъ положенія, что acc. c. inf. есть выраженіе сужденія, получаемаго при актѣ мышленія. Когда при словахъ: mos, ius est и т. д., и при безличныхъ глаголахъ ставится ut consec., то этимъ указывается, что въ ряду многихъ другихъ явленій и дѣйствій есть и такіе-то примѣры [1]): предложеніе съ ut представляетъ самый примѣръ (ut = «какъ, напримѣръ»). Здѣсь придаточное берется не въ качествѣ результата мышленія, а обозначаетъ фактъ, занимающій мѣсто въ ряду многихъ другихъ явленій и дѣйствій. Точно такъ же предложеніе съ quod послѣ выраженій: bene, male accidit и др., указываетъ на реальный случай. Совершенно не то мы видимъ, когда стоитъ acc. c. inf. Когда послѣ выраженія facinus est стоитъ acc. c. inf., то этимъ указывается не на убійство какое-нибудь, не на реальный случай совершеннаго преступленія, а на возможность преступленія, на «злодѣйскую» мысль. Lex заключается въ документахъ, a fas въ мысляхъ, въ сердцѣ; convenit и decet указываетъ не на то, что такой-то человѣкъ поступилъ прилично, а на то, что такъ-то поступать прилично, и т. д. Acc. c. inf. во всѣхъ подобныхъ случаяхъ указываетъ не на отдѣльные случаи, а на общую мысль, на предполагаемую возможность. Если acc. c. inf. есть подлежащее, то сказуемое должно указывать на признакъ подлежащаго, т.-е. на свойства сужденія, такъ

---

1) Когда берется опредѣленный рядъ явленій или дѣйствій, то употребляются выраженія: restat, relinquitur, sequitur и т. д., которыя просто указываютъ на порядокъ мыслей; когда же берется рядъ вообще возможныхъ дѣйствій и явленій, то примѣръ, входящій въ такой рядъ, обозначается словами: fit, accidit, mos est и т. д.

какъ подлежащее въ этомъ случаѣ есть сужденіе. Такимъ образомъ тѣ выраженія и глаголы, которые «требуютъ» acc. c. inf., какъ подлежащаго, должны указывать на свойства сужденія. Здѣсь мы опять переходимъ на почву логики, такъ какъ она учитъ о свойствахъ сужденія. Логика разсматриваетъ сужденія со стороны количества, качества, со стороны отношеній подлежащаго къ сказуемому и со стороны модальности. Въ трехъ первыхъ случаяхъ анализируется не все сужденіе въ полномъ его составѣ, а или одно подлежащее, или одно сказуемое, или, наконецъ, разсматриваются способы соединенія подлежащаго со сказуемымъ; и только въ послѣднемъ случаѣ сужденіе берется, какъ одно цѣлое. При томъ же намъ незачѣмъ констатировать, что высказываемое нами сужденіе есть, напр., общее или частное, условное или раздѣлительное, — подобнаго рода формальный анализъ умѣстенъ при изученіи формъ и законовъ мышленія, а не въ нашей обыденной рѣчи. Точно такъ же намъ незачѣмъ констатировать, что приводимое нами сужденіе есть утвердительное или отрицательное: это вполнѣ очевидно изъ присутствія или отсутствія отрицанія. Другое дѣло — модальность сужденій. Здѣсь анализуется достовѣрность сужденія, которая имѣетъ множество переходныхъ степеней. Когда мы констатируемъ въ нашей рѣчи свойство сужденія, то мы имѣемъ дѣло именно съ модальностью сужденія, со степенью его достовѣрности. Логика различаетъ три главныхъ степени достовѣрности: возможность, дѣйствительность и необходимость. Но дѣйствительныя сужденія имѣютъ дѣло съ отдѣльными фактами. Здѣсь мы судимъ о достовѣрности факта: иначе говоря, не отдѣляемъ мысль о фактѣ отъ самаго факта, дѣлаемъ оцѣнку самаго факта, а не мысли о немъ [1]). Такимъ образомъ acc. c. inf. здѣсь почти не имѣетъ приложенія,

[1]) Мы говоримъ о нашей обыденной точкѣ зрѣнія на вещи, не различающей объективнаго явленія — факта отъ субъективнаго процесса — мысли о фактѣ.

потому что, ограничиваясь констатированіемъ фактовъ, мы не переходимъ къ оцѣнкѣ сужденія о нихъ. Но бываютъ и такіе случаи, когда намъ приходится указывать на фактическую очевидность. Это бываетъ, когда мы думаемъ, что фактъ не для всѣхъ очевиденъ. Указаніе на фактическую очевидность сужденія есть первый случай употребленія acc. c. inf. въ качествѣ подлежащаго. Сказуемымъ здѣсь бываютъ выраженія: apparet, constat, apertum, perspicuum, *manifestum*, certum, verum est и т. п. Сужденія возможныя представляютъ сравнительно низкую степень достовѣрности: такія сужденія само лицо говорящее считаетъ недостаточно обоснованными. Оцѣнка этихъ сужденій со стороны достовѣрности представляетъ второй случай употребленія acc. c. inf. въ видѣ подлежащаго. Возможность въ этомъ случаѣ обозначается сказуемыми: licet, fas, nefas, credibile, verisimile, probabile, facile (= легко допустить), difficile, utile [1]) est и т. д. Высшую степень достовѣрности представляютъ сужденія необходимыя, основныя на рѣшительномъ доказательствѣ. Но въ обычномъ употребленіи понятіе необходимости имѣетъ болѣе обширное значеніе: необходимыми мы считаемъ не только научно доказанныя положенія, но и такіе выводы, которые сдѣланы, напр., на основаніи нашего личнаго опыта, на основаніи не всѣхъ однородныхъ явленій, а только тѣхъ, которыя были у насъ подъ рукою. Указаніе на необходимость, если понимать это слово въ наиболѣе обширномъ его значеніи, составляетъ третій случай употребленія acc. c. inf. въ качествѣ подлежащаго. Понятіе необходимости обозначается такими выраженіями, какъ: oportet, decet, necesse, opus est, interest, refert, aequum, iniquum, iustum, rectum, par, tempus (= пора, т.-е. теперь слѣдуетъ) est и др. Такимъ образомъ мы пришли къ выводу, что, когда acc. c. inf. играетъ роль подлежащаго, то относящееся къ нему сказуемое, т.-е. главное *предложеніе, указываетъ на различныя степени* достовѣр-

---

[1]) Cic., *Rosc. Am.*, 20: accusatores multos esse in civitate utile est, — **полезно, если они есть; но ихъ можетъ и не быть.**

ности сужденія. Но къ числу именъ и безличныхъ глаголовъ, при которыхъ acc. c. inf. является въ роли подлежащаго, грамматики относятъ и такія, напр., выраженія: opinio, spes, fama est и т. д. Это едва ли основательно. Ошибочно думать, что въ фразѣ: ne spes quidem ulla est fore melius, слова spes est составляютъ сказуемое къ acc. c. inf.: сужденіе не есть надежда; надежда есть чувство, состояніе духа, а не такъ или иначе соединенныя другъ съ другомъ слова; самое слово est нельзя назвать здѣсь простою связкою. Выраженія: opinio est, fama est и др., указываютъ на существованіе среди другихъ мнѣній или слуховъ и такого-то мнѣнія или слуха, а не на то, что данное сужденіе есть мнѣніе, есть молва. При томъ же къ чему намъ отдѣлять эти выраженія отъ многихъ другихъ, совершенно однородныхъ: habere opinionem, esse in opinione, venit in opinionem, spes me tenet, magna in spe sum, magnam in spem venio и т. д.?

Послѣ обозрѣнія глаголовъ, требующихъ acc. c. inf., грамматики дѣлаютъ обыкновенно добавленіе, что acc. c. inf. ставится и послѣ многихъ другихъ «выраженій, однозначущихъ» съ перечисленными глаголами. Этимъ добавленіемъ строго очерченная предыдущими рубриками область употребованія acc. c. inf. снова расширяется до самыхъ неопредѣленныхъ предѣловъ. Это скромное добавленіе, очевидно, предполагаетъ, что указанная грамматиками роль acc. c. inf. во всей точности сохраняется и при этихъ «однозначащихъ выраженіяхъ». Но съ перемѣною грамматическихъ функцій управляющихъ словъ должны вѣдь измѣниться и управляемыя слова или предложенія. Если послѣ maereo acc. c. inf. есть, по ученію грамматикъ, дополнительное предложеніе, соотвѣтственное русскому дополнительному съ союзомъ «что», то какимъ же образомъ возможно это дополнительное предложеніе послѣ выраженія maestus sum [1])? Вѣдь maestus значитъ «печальный»: какое же возможно дополненіе послѣ этого прилагательнаго? Сказать, что mae-

---

[1]) Maestus sum съ acc. c. inf. у Plaut., *Most.*, 796, *Curc.*, 336 и др.

stus sum значитъ: «я опечаленъ», это не значитъ рѣшить дѣло: это мы не объясняемъ, а дѣлаемъ произвольную и грубую замѣну и потомъ вмѣсто того, чтобы объяснять латинскій оборотъ, въ которомъ стоитъ прилагательное, объясняемъ русскую фразу, въ которой стоитъ глаголъ. Или, напр., попробуйте найти грамматическую связь между выраженіями: cerebrum mihi uritur (Plaut., *Poen.*, 3, 5), obsides dare (Liv., 34, 35), и стоящимъ послѣ нихъ acc. c. inf. !

Грамматики указываютъ и на такіе случаи, гдѣ acc. c. inf. стоитъ внѣ всякой зависимости. Это бываетъ «въ восклицаніяхъ и вопросахъ, выражающихъ удивленіе или негодованіе». Что въ другихъ случаяхъ обозначалось глаголомъ, то здѣсь обозначается самою формою рѣчи — восклицаніемъ и вопросомъ. Негодованіе и удивленіе суть виды чувства неожиданности, которое вызывается въ насъ необычнымъ для насъ комбинированіемъ представленій. Въ этихъ вопросахъ мы имѣемъ въ виду не самый фактъ, а мысль о немъ, возможность его: вопросы эти обозначаютъ, что мы приходимъ въ удивленіе или негодованіе при одной мысли о томъ-то. Мы удивляемся не свойству какого-нибудь предмета, не качеству дѣйствія, а возможности необычнаго для насъ комбинированія представленій, на которое вызываютъ насъ факты внѣшняго міра или которое уже сдѣлано какимъ-нибудь другимъ лицомъ (т.-е. мы удивляемся мысли, возникшей первоначально въ сознаніи другого лица и потомъ уже отразившейся въ нашемъ сознаніи). Такимъ образомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что и въ этихъ вопросахъ acc. c. inf. сохраняетъ свою обычную роль. Хотя здѣсь нѣтъ глагола, означающаго мышленіе или удивленіе, но уже самая вопросительная форма рѣчи указываетъ на то, что мы анализируемъ здѣсь не внѣшніе факты, а самую нашу мысль. Въ другихъ случаяхъ вопросъ указываетъ, что намъ неизвѣстенъ въ точности тотъ или иной членъ сужденія; а въ этихъ вопросахъ всѣ члены сужденія въ точности извѣстны, и вопросъ касается исключительно возможности сопоставлять такія-то представленія, т.-е. касается не членовъ сужденія, а свойства сужденія. Вопросительная

форма безъ существенной разницы можетъ замѣняться и восклицательной. Если бы вопросъ касался члена сужденія, то этой замѣны не могло бы быть. Но отъ восклицаній, обусловленныхъ необычнымъ для насъ комбинированіемъ представленій и легко переходящихъ въ вопросы, нужно отличать другого рода восклицанія, которыя не могутъ переходить въ вопросъ. Восклицанія этой второй категоріи обыкновенно помѣщаются грамматиками въ главу о вин. п. и часто не признаются за acc. c. inf., потому что въ нихъ часто нѣтъ неопредѣленнаго наклоненія или, точнѣе говоря, нѣтъ связи. Но это отсутствіе связки есть признакъ всевозможныхъ восклицательныхъ предложеній. Чѣмъ сильнѣе душевное волненіе, тѣмъ отрывочнѣе бываетъ наша рѣчь. Отрывочность эта достигается главнымъ образомъ пропускомъ служебныхъ и связующихъ частей рѣчи. Въ восклицаніи всякое слово произносится съ бо̀льшимъ или меньшимъ повышеніемъ голоса, и было бы совершенно неестественнымъ дѣлать повышенія на такихъ словахъ, которыя берутся только для связи другихъ словъ. Въ восклицаніяхъ этого рода, состоящихъ обыкновенно изъ подлежащаго и имени сказуемаго, нельзя не видѣть полнаго сужденія [1]). Здѣсь мы имѣемъ дѣло опять-таки съ субъективнымъ сужденіемъ, которое сопровождается чувствомъ. О чувствѣ мы заключаемъ по интонаціи, движеніямъ, жестамъ и выраженію лица говорящаго. Эти аксессуары совершенно достаточны, чтобы показать намъ, что данное сужденіе есть выраженіе чувствованій лица говорящаго: они указываютъ намъ источникъ мысли, выполняя такимъ образомъ ту роль, которая въ другихъ случаяхъ принадлежитъ v. sentiendi или affectuum.

Говоря объ употребленіи acc. c. inf. въ видѣ восклицательныхъ и вопросительныхъ предложеній, грамматики умалчиваютъ о другомъ случаѣ самостоятельнаго употребленія этого оборота, случаѣ, который встрѣчается несравненно

---

[1]) Иные въ этомъ вин. видятъ „древнее безразличіе имен. и вин. п." (Синт. этюды проф. Нетушила, II, 90), но какимъ образомъ могло сохраниться это безразличіе при полномъ различіи формъ и функцій этихъ падежей?

чаще и несравненно больше заслуживаетъ вниманія. При переводѣ латинскихъ текстовъ мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ такіе случаи, гдѣ acc. c. inf. въ переводѣ никоимъ образомъ нельзя присоединить непосредственно къ глаголу предшествующаго главнаго предложенія, гдѣ нѣтъ совершенно никакой грамматической связи между acc. c. inf. и предыдущими предложеніями, гдѣ, наконецъ, acc. c. inf. связывается съ предшествующимъ текстомъ союзами соединительными (nam, enim и т. д.). Обыкновенно говорятъ, что acc. c. inf. зависитъ въ этихъ случаяхъ не отъ тѣхъ глаголовъ, которые мы находимъ въ предыдущихъ предложеніяхъ, а отъ подразумѣваемыхъ verba dicendi или sentiendi. Но подобный взглядъ на дѣло въ высшей степени неправиленъ. Латинскій текстъ даетъ намъ всѣ слова, которыя нужны въ латинской рѣчи. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго права говорить, что онъ пропускаетъ нѣкоторыя слова: онъ не пропускаетъ ни одного нужнаго слова. Ошибочное мнѣніе о пропускѣ словъ навѣяно сравненіемъ латинскихъ оборотовъ съ русскими: законы и свойства русской рѣчи ошибочно перенести и на латинскую рѣчь. Если налицо нѣтъ грамматической связи, мы не имѣемъ права ее придумывать: мы должны считать подобнаго рода acc. c. inf. за предложеніе вполнѣ самостоятельное. Косвенная рѣчь иногда занимаетъ цѣлыя страницы текстовъ. Если бы даже впереди стоялъ какой-нибудь глаголъ — dixit или dicunt, странно было бы думать, что языкъ допускаетъ сплошь цѣлыя страницы однихъ придаточныхъ предложеній, и для чего же? чтобы «пояснить» слово dixit или dicunt! Acc. c. inf. косвенной рѣчи мы должны считать не иначе, какъ главными предложеніями. Каждое отдѣльное acc. c. inf. берется, какъ сужденіе, высказываемое такимъ-то лицомъ, а не какъ дополнительный членъ къ стоящему впереди рѣчи глаголу, котораго часто и не бываетъ.

Въ виду всего вышеизложеннаго является вопросъ, справедливо ли вообще считать acc. c. inf. придаточнымъ предложеніемъ. Мы видѣли, что 1) образованіе и происхожденіе его не имѣетъ ничего общаго съ образованіемъ другихъ при-

даточныхъ предложеній, что 2) оно не замѣняетъ какого-нибудь члена главнаго предложенія, какъ это бываетъ съ прочими придаточными, что 3) оно представляетъ мысль вполнѣ законченную и самостоятельную, что 4) оно не нуждается въ подчиняющемъ союзѣ или какой-нибудь внѣшней связи съ главнымъ. Наконецъ, мы видимъ, что 5) оно ставится вполнѣ самостоятельно, безъ всякаго главнаго предложенія. Мало того, 6) оно заключаетъ въ себѣ болѣе важное содержаніе, чѣмъ глаголъ главнаго, если даже онъ и есть: съ помощью этого придаточнаго излагаются самые факты, а главное прибавляетъ собою только такое второстепенное указаніе, что объ этихъ фактахъ кто-либо думалъ или говорилъ. Во всякомъ случаѣ мы должны признать, что всѣ функціи этого оборота принадлежатъ ему сами по себѣ, а не вытекаютъ изъ отношеній его къ какимъ-нибудь другимъ предложеніямъ. Оборотъ этотъ самъ по себѣ, безъ всякаго отношенія къ другимъ предложеніямъ, обозначаетъ процессъ образованія сужденій путемъ мышленія или словеснаго выраженія этихъ сужденій.

Употребленіе родительнаго падежа въ латинскомъ языкѣ сравнительно съ русскимъ.

I. Genitivus subiectivus и obiectivus.

Обзоръ родительнаго падежа въ грамматикахъ начинается чаще всего съ gen. subiectivus, при чемъ этому термину придается обыкновенно родовое значеніе: g. subiectivus дѣлятъ на g. possessivus, g. auctoris, g. при causa и др. При такой постановкѣ дѣла за родовымъ опредѣленіемъ должны были бы слѣдовать опредѣленія видовыя, вытекающія изъ родового. Но въ грамматикахъ никогда этого не бываетъ: онѣ или вовсе не даютъ родового опредѣленія, ограничиваясь формальнымъ объясненіемъ латинскаго термина, или, если даютъ, то такое, изъ котораго совершенно не вытекаютъ видовыя опредѣленія. Да и самое родовое опредѣленіе обыкновенно бываетъ логически несостоятельнымъ. Приведемъ примѣры подобныхъ опредѣленій: «имя въ родит. п. бываетъ подлежащимъ» (Кесслеръ); означаетъ предметъ, «который, какъ подлежащее, что-либо имѣетъ или дѣлаетъ» (Шульцъ); который «узнается не только какъ опредѣленіе, но и какъ подлежащее» (Салчурскій); «означаетъ субъектъ, которому что-нибудь принадлежитъ или отъ котораго что-нибудь исходитъ» (Эллендтъ-Зейффертъ); это — «род. подлежащаго, выражающій дѣйствующее лицо или вещь по отношенію къ понятію, отъ котораго онъ зависитъ и которое имъ опредѣляется» (проф. Нетушилъ), и т. п. Такимъ образомъ однѣ грамматики прямо утверждаютъ, что въ род. стоитъ подлежащее, другія всячески стараются сгладить это странное положеніе разными оговорками и неопредѣленными выраженіями, то замѣняя терминъ

«подлежащее» менѣе понятнымъ для учениковъ терминомъ «субъектъ», то приписывая одному и тому же слову одновременно двѣ противоположныя грамматическія роли— роль подлежащаго и роль опредѣленія, то прибѣгая въ такимъ выраженіямъ, какъ: «замѣняетъ подлежащее», «въ смыслѣ подлежащаго», «какъ подлежащее» и т. п. Оговорки эти чаще всего имѣютъ тотъ смыслъ, что, если не въ данной фразѣ, то гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ разбираемое слово бываетъ подлежащимъ. И мы прежде всего должны вооружиться противъ этого ненаучнаго и непедагогичнаго пріема—объяснять данное явленіе языка не само по себѣ, а на основаніи какихъ-то другихъ, предполагаемыхъ явленій, на основаніи выраженій, которыя будто гдѣ-то были или гдѣ-то есть, но въ данномъ случаѣ «замѣнены». Каждый оборотъ въ языкѣ имѣетъ свое собственное право на существованіе: логическая и синтаксическая роль каждаго слова данной фразы опредѣляется смысломъ этой же самой фразы, а не какой-то воображаемой, другой. Въ фразахъ: domus patris in monte sita est; Numae Pompilii nepos annos viginti quattuor regnavit, и др., род. patris и Numae Pompilii, по ученію грамматиковъ, «замѣняетъ» подлежащее, потому что здѣсь «подразумѣвается», что pater habet domum и что Нума Помпилій «имѣлъ» или «произвелъ» внука. Грамматическими подлежащими въ приведенныхъ фразахъ служатъ слова domus и nepos, логическія подлежащія обозначены словами domus patris и Numae Pompilii nepos, а другого рода подлежащихъ, кромѣ грамматическаго и логическаго, никакихъ не бываетъ. Если же мы возьмемъ отдѣльно слова domus patris или Numae Pompilii nepos, то тутъ вовсе не будетъ подлежащихъ, такъ какъ не будетъ сужденія. Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ, какой логическій смыслъ заключается въ такихъ соединеніяхъ словъ, какъ domus patris и Numae Pompilii nepos.

Не каждый предметъ въ природѣ имѣетъ особое названіе. Когда названія нѣтъ, то приходится прибѣгать къ сочетанію нѣсколькихъ словъ. Вмѣсто одного названія въ этомъ случаѣ берутъ родъ и видовое отличіе, общее понятіе

и аттрибутъ. Логика различаетъ слова соозначающія (connotativa) и несоозначающія [1]). Ко второй категоріи относятся слова, означающія или только предметъ или только свойство; къ первой—слова, которыя означаютъ предметъ и обнимаютъ его свойство. Слова соозначающія и служатъ для названія предметовъ, не имѣющихъ своего особаго названія. Для даннаго дома, стоящаго на такой-то горѣ, нѣтъ особаго названія. Чтобы обозначить этотъ предметъ, мы беремъ общее, родовое понятіе («домъ») и прибавляемъ къ нему обозначеніе видового отличія («отца»). Такимъ образомъ общее названіе становится у насъ конкретнымъ; является возможность выразить съ помощью родового понятія не только понятіе видимое, но даже и представленіе. Собственныя имена никогда не бываютъ соозначающими: они не указываютъ свойствъ. Но и вмѣсто собственныхъ именъ мы можемъ, для разнообразія или красоты рѣчи, употреблять названія соозначающія: Анка Марція можемъ назвать «внукомъ Нумы». Такимъ образомъ присоединеніе къ родовому понятію родительнаго падежа есть не что иное, какъ указаніе новаго признака въ дополненіе къ признакамъ, заключающимся въ родовомъ понятіи, но недостаточнымъ для отличія даннаго предмета отъ другихъ подобныхъ. Этотъ дополнительный признакъ обозначается не только родительнымъ падежомъ, но и прилагательными, мѣстоименіями, другими падежами существительнаго и даже нарѣчіями [2]). Въ дѣйствительности дополнительный признакъ принадлежитъ, конечно, предмету, но сочетаніе domus patris не есть утвержденіе, что такому-то предмету принадлежитъ такой-то признакъ. Domus здѣсь не есть обозначеніе предмета; оно указываетъ на совокупность нѣкоторыхъ признаковъ, но этой совокупности еще мало, она еще не тождественна по содержанію съ даннымъ предметомъ: нуженъ еще признакъ—именно признакъ видовой, присоединеніе котораго къ ро-

---

[1]) Милль, Система логики, I, 37.
[2]) Въ греческомъ яз. обычно нарѣчіе съ членомъ.

довому названію и составить понятіе о данномъ предметѣ. Чтобы приписывать что-нибудь предмету, мы должны сначала его назвать, а одно слово domus не есть еще названіе даннаго предмета: названіемъ этимъ будетъ сочетаніе domus patris. Если мы будемъ продолжать рѣчь о томъ же самомъ домѣ, то мы его станемъ называть уже однимъ словомъ domus, безъ добавленія patris: разъ понятіе установлено и перешло въ сознаніе слушателя, намъ уже нѣтъ нужды повторять названіе цѣликомъ, со всѣмъ содержаніемъ понятія, и мы обыкновенно опускаемъ дополнительный видовой признакъ. Составивши для предмета названіе, мы можемъ уже говорить что-нибудь о предметѣ, т.-е. предмету приписывать признакъ. Соединяя слова domus patris, мы устанавливали названіе для предмета, а говоря: domus patris in monte sita est, мы уже приписываемъ предмету (domus patris) признакъ (in monte sita est). Такимъ образомъ дополнительный признакъ и признакъ сказуемаго играютъ въ нашей рѣчи совершенно различныя роли. Указавши на логическое отношеніе дополнительнаго признака къ родовому понятію, посмотримъ теперь на реальную связь этого признака съ самимъ предметомъ. Здѣсь мы не найдемъ разницы между дополнительнымъ признакомъ и всякимъ другимъ, напр., признакомъ сказуемаго. Если признаки распредѣлять, напр., по 10 категоріямъ Аристотеля, то и дополнительный признакъ можетъ относиться къ каждой изъ этихъ категорій: онъ можетъ означать сущность (exemplum veritatis), количество (cibaria trium mensium, puer decem annorum), качество (res eius modi, homo magni ingenii), отношеніе (pater Socratis), дѣйствіе (causa bellandi, illecebra peccandi), мѣсто (pugna apud Mantineam), время (superiorum dierum cunctatio, multorum annorum dissensio), и т. д. Но классификація Аристотеля страдаетъ, какъ это давно уже указано, неполнотой и непослѣдовательностью: въ нее не входятъ явленія психическія, изъ категоріи отношеній неосновательно исключены дѣйствіе, страданіе и положеніе, не ясны мотивы выдѣленія въ особую группу состоянія и т. д. Въ современной системѣ логики признаки

дѣлятся обыкновенно на три группы: качества, количества и отношенія. Эта классификація—самая естественная и для дополнительнаго признака, выраженнаго род. падежомъ или другими способами. То, что грамматики называютъ gen. subiectivus, possessivus, auctoris, causae, и относится къ послѣдней группѣ признаковъ—къ группѣ отношенія. Отношенія логика въ свою очередь дѣлитъ на двѣ категоріи. Къ первой относится сходство и несходство, послѣдовательность и одновременность, ко второй—остальные виды отношеній. Отношеніе второй категоріи получается тогда, когда два предмета совмѣстно причастны одному и тому же факту или явленію. Эти факты и явленія составляютъ то, что логики Аристотелевской школы называли fundamentum relationis—основаніемъ отношенія[1]). Въ отношеніяхъ первой категоріи такого основанія нѣтъ, такъ какъ тамъ предметы сравниваются сами по себѣ, а не на основаніи чего-нибудь третьяго. Въ языкѣ отношенія этой категоріи обозначаются сужденіями. Дополнительнымъ признакомъ бываютъ отношенія второй категоріи. Такъ для выраженія domus patris основаніемъ отношенія служитъ принадлежность, какъ результатъ купли-продажи или наслѣдованія: этимъ фактамъ причастны оба предмета, хотя и различнымъ способомъ. Для выраженія: «слуга такого-то лица», fundamentum relationis заключается въ томъ фактѣ, что одно лицо обязалось исполнять нѣкоторыя службы въ пользу и по приказанію другого, и т. п. Основанія эти столь же разнообразны, какъ разнообразны самые факты и способы отношенія къ нимъ предметовъ. Основаніе отношенія иногда бываетъ настолько сложнымъ, что состоитъ изъ цѣлаго ряда фактовъ, и часто требуется не мало знаній, чтобы выразить его въ точныхъ терминахъ («кліентъ такого-то лица», «первый министръ Англіи», и т. п.). Нѣкоторые виды отношеній обозначаются въ грамматикахъ терминомъ gen. possessivus, но толкованіе этого термина бываетъ различно: однѣ грамматики разумѣютъ здѣсь «обладаніе», другія—«принад-

---

[1]) Милль, **Система логики**, I, 83 и д.

лежность», третьи утверждают, что здѣсь обозначается предметъ, который «имѣетъ» что-нибудь. Этимологически правильнымъ является первое толкованіе. Понятіе принадлежности уже обширнѣе понятія «обладаніе»; кромѣ обладанія, сюда входитъ и другого рода отношеніе—именно принадлежность части цѣлому[1]). Основаніемъ отношенія здѣсь служитъ тотъ фактъ, что часть и цѣлое составляютъ или могутъ составлять нѣчто единое. Этого рода принадлежность нужно отличать отъ того, что грамматики называютъ терминомъ g. totius: въ послѣднемъ случаѣ часть не есть особый предметъ, имѣющій особое названіе: носъ принадлежитъ кораблю, но нельзя сказать, что фунтъ или мѣра «принадлежитъ» хлѣбу. Третье толкованіе еще обширнѣе, но оно совершенно уже не соотвѣтствуетъ латинскому термину: понятіе habere несравненно обширнѣе понятія possidere, а русское «имѣть», въ свою очередь, обширнѣе латинскаго понятія habere. Если отъ опредѣленій обратимся къ примѣрамъ, приводимымъ въ грамматикахъ, то тутъ часто встрѣчаемъ иного рода несоотвѣтствіе. Толкуя g. possessivus въ смыслѣ «обладанія» и «принадлежности», грамматики приводятъ такіе примѣры, какъ: «сынъ», «дочь», «отецъ» такого-то лица, calamitas belli, sors hominum и т. д.; но можно ли отношенія между сыномъ и отцомъ, между жребіемъ и людьми, между войной и бѣдствіями обозначать понятіемъ «обладаніе» или «принадлежность»? Для обозначенія всѣхъ подобныхъ отношеній только и годно такое обширное и неопредѣленное понятіе, какъ «имѣть». При обозначеніи признака понятіе это можетъ играть троякую роль: его можно относить или къ опредѣляемому слову (homo magni ingenii—человѣкъ имѣетъ большой умъ), или къ слову, стоящему въ род. падежѣ (domus patris—отецъ имѣетъ домъ), или, наконецъ, безразлично къ тому и къ другому (filius horum parentum—сынъ имѣетъ родителей и родители имѣютъ сына). Въ первомъ случаѣ признакъ озна-

[1]) Принадлежность части къ собирательному цѣлому обозначается въ русскомъ языкѣ выраженіемъ: „принадлежать къ чему" (а не „чему").

чаетъ качество или количество, во второмъ и третьемъ случаѣ—отношеніе. Чтобы различить второй и третій случаи, нужно обратить вниманіе на различіе, которое логика устанавливаетъ между словами относительными и безотносительными. Названіе считается относительнымъ, «когда, сверхъ означаемаго имъ предмета, его смыслъ обнимаетъ еще существованіе другого предмета, также заимствующаго свое названіе отъ того же факта, который служитъ основаніемъ и первому названію»[1]). Понятія «отецъ» и «сынъ, «правитель» и «подданный», «причина» и «слѣдствіе», «имущество» и «хозяинъ», «слуга» и «господинъ» и т. п., заимствуютъ попарно свои названія отъ одного и того же ряда фактовъ; поэтому въ каждой парѣ понятіе «имѣть» можетъ быть прилагаемо къ любому изъ нихъ. Понятія «домъ» и «отецъ»—безотносительныя, поэтому можно сказать: «отецъ имѣетъ домъ», но нельзя сказать, что домъ имѣетъ отца; наоборотъ, «домъ» въ смыслѣ имущества и «хозяинъ»—понятія относительныя, поэтому одинаково можно сказать и: «хозяинъ имѣетъ домъ», и: «домъ имѣетъ хозяина». Чрезмѣрная обширность и неопредѣленность понятія «имѣть» дѣлаетъ его въ дидактическомъ отношеніи совершенно непригоднымъ для установленія на основаніи его особой синтаксической группы. Но даже въ самомъ обширномъ своемъ значеніи оно не обнимаетъ всѣхъ случаевъ употребленія род. падежа при названіи предмета, за вычетомъ тѣхъ, которые подведены въ грамматикахъ подъ особыя рубрики и обозначены особыми терминами. Возьмемъ, напр., выраженіе: statua Phidiae. Даже при самомъ обширномъ толкованіи термина g. possessivus подъ этотъ терминъ подойдетъ только одно изъ трехъ значеній этого выраженія—именно случай, когда статуя принадлежитъ Фидію, и не подойдутъ два остальныхъ случая: когда статуя изображаетъ Фидія и когда Фидій сдѣлалъ статую; для выраженія: libri Ciceronis, подойдетъ случай, когда книги принадлежатъ Цицерону, и не подойдетъ тотъ случай, что Цицеронъ

---

[1]) **Милль, Система логики, I, 54.**

написалъ книги, и т. д. Есть грамматики, которыя даже прямо говорятъ, что, кромѣ принадлежности, этотъ род. означаетъ «также» тотъ предметъ, отъ котораго другой происходитъ (Никифоровъ—по Штегману); но такъ злоупотреблять словомъ «также»—это значитъ подводить подъ опредѣленіе такія явленія, въ которыхъ даже вовсе нѣтъ признаковъ, составляющихъ опредѣленіе. Такимъ образомъ терминъ g. possessivus мы должны признать простымъ эмпирическимъ обобщеніемъ, не имѣющимъ точныхъ границъ и мало пригоднымъ въ школьной практикѣ, особенно при изученіи иностраннаго языка, когда грамматика должна анализировать не общія логическія основы двухъ языковъ, а отличія одного языка отъ другого. Терминъ этотъ мало полезенъ и для того случая, когда этотъ род. играетъ роль сказуемаго, потому что сочетаніе: domus patris est, есть только частный примѣръ того явленія, которое видимъ и въ такихъ сочетаніяхъ, какъ: est iudicis, levitatis est, а послѣднія сочетанія и въ грамматикахъ рѣдко подводятся подъ рубрику g. possessivus. Gen. subiectivus въ тѣсномъ смыслѣ, извѣстный въ грамматикахъ также подъ терминомъ g. auctoris и causae, находясь въ тѣсной связи съ g. obiectivus, не имѣетъ уже ничего общаго съ g. possessivus. Тутъ мы имѣемъ дѣло уже не съ предметомъ и его признаками, а съ дѣйствіемъ. Грамматики мало обращаютъ вниманія на это существенное различіе, которое совершенно измѣняетъ логическую роль этого падежа. Рѣдко грамматики прямо указываютъ, что g. subiectivus и obiectivus ставятся только при словахъ, означающихъ дѣйствіе: чаще всего онѣ ограничиваются неопредѣленной фразой, что g. subiectivus—это названіе предмета, отъ котораго «что-нибудь» происходитъ («исходитъ»); но вѣдь это безсодержательное слово «что-нибудь» можно понимать и въ смыслѣ предмета и относить такимъ образомъ даже сочетаніе Tarquinii filius подъ рубрику g. auctoris, такъ какъ сынъ тоже «происходитъ» отъ отца.—Понятіе «дѣйствіе» можно брать въ обширномъ и тѣсномъ смыслѣ. Въ обширномъ смыслѣ всякій глаголъ означаетъ дѣйствіе. Когда взаимодѣйствіе происходитъ не

между отдѣльными предметами, а между элементами одного и того же предмета или понятія, то мы говоримъ, что глаголъ означаетъ дѣйствіе непереходное или состояніе. Взаимодѣйствіе не мыслимо безъ двухъ элементовъ, но при глаголахъ, выражающихъ состояніе, мы обозначаемъ обыкновенно не самые взаимодѣйствующіе элементы (они иногда даже не достаточно очевидны для насъ), а тотъ предметъ или то понятіе, которое обнимаетъ эти элементы. Дѣйствіемъ въ тѣсномъ смыслѣ мы называемъ взаимодѣйствіе между отдѣльными предметами: тутъ есть субъектъ и объектъ. Оба родительные, subiectivus и obiectivus, ставятся при словахъ, означающихъ дѣйствіе, но съ тою разницею, что въ первомъ случаѣ понятіе «дѣйствіе» берется въ обширномъ смыслѣ, а во второмъ—въ тѣсномъ смыслѣ. Самое дѣйствіе обозначается не глаголами, а особаго рода именами. Имена эти рѣзко отличаются и въ грамматическомъ и въ логическомъ отношеніи отъ тѣхъ именъ, которыми обозначаются предметы. Въ умственной дѣятельности нужно различать механическіе познавательные процессы (воспріятіе, представленіе и ассоціаціи представленій) и мышленіе, т.-е. сознательное сочетаніе представленій. Когда мы мыслимъ о фактѣ, т.-е. сознательно анализируетъ его элементы, у насъ получается сужденіе. Но мы можемъ и не дойти до сознательнаго анализа: тотъ же фактъ можетъ оставить слѣдъ въ сознаніи въ видѣ болѣе или менѣе сложнаго представленія, составившагося путемъ механической ассоціаціи, по закону смежности или сходства. Когда мы говоримъ: «дерево упало», то мы сознательно анализируемъ воспринятое сознаніемъ дѣйствіе; наоборотъ, когда тотъ же фактъ является въ сознаніи въ видѣ представленія, то языкъ употребляетъ для его обозначенія выраженіе: «паденіе дерева». Такимъ образомъ имена, означающія дѣйствіе, соотвѣтствуютъ представленію, получаемому отъ факта. Представленія эти— по необходимости сложны: уже для самаго взаимодѣйствія необходимы minimum два элемента, но въ сложное представленіе о дѣйствіи можетъ входить не мало и частныхъ представленій о мѣстѣ, времени, образѣ дѣйствія и т. д.;

сложность представленія можетъ доходить до сложности картины. Но при словесномъ обозначеніи представленія, имѣющемъ цѣлью передать представленіе слушателю или читателю, языкъ довольствуется только наиболѣе существенными элементами сложнаго представленія и рѣдко прибѣгаетъ къ такимъ выраженіямъ, которыя отмѣчаютъ четыре-пять элементовъ сложнаго представленія (напр.: «внезапное паденіе дерева въ лѣсу во время бури»). Если обозначеніе существенныхъ элементовъ представленія не вызываетъ въ сознаніи слушателя или читателя остальныхъ элементовъ, необходимыхъ для представленія цѣлой картины, то приходится сознательно и намѣренно разлагать сложное представленіе, т.-е. вмѣсто обозначенія механической ассоціаціи представленій перейти къ анализу частей картины, къ сужденіямъ. Изъ составныхъ элементовъ сложнаго представленія о дѣйствіи чаще всего обозначаются предметы, участвующіе въ дѣйствіи. Для обозначенія ихъ служитъ между прочимъ и род. падежъ—g. subiectivus и obiectivus. Но называя этотъ род. терминомъ subiectivus, нужно помнить, что онъ не обозначаетъ логическаго подлежащаго; выраженіе: «паденіе дерева», еще не обозначаетъ логическаго акта мышленія; тутъ мы имѣемъ дѣло не съ сознательнымъ, а съ механическимъ познавательнымъ процессомъ, это не «сокращенное» сужденіе, а лишь словесный знакъ для сложнаго представленія, въ которомъ элементы соединены не въ силу законовъ мышленія, а въ силу ассоціаціи по смежности. Конечно, о томъ же фактѣ можно и «мыслить», но тогда и словесное выраженіе получится иное, и никакого g. subiectivus не будетъ. Въ грамматическомъ отношеніи слова, обозначающія дѣйствіе, имѣютъ тоже много особенностей: они рѣдко укладываются въ тѣ рамки, которыя пригодны для другихъ именъ. Они имѣютъ при себѣ дополненія, они сочетаются съ различными словами обстоятельственными, вопреки правилу грамматикъ, что дополненія и обстоятельства относятся къ глаголу, а не къ имени; они противорѣчатъ даже самому опредѣленію имени существительнаго («названіе предмета»). Число особенностей неизмѣ-

римо увеличится, если мы будемъ сравнивать одинъ языкъ съ другимъ. Русскій языкъ обиліемъ отглагольныхъ существительныхъ весьма рѣзко отличается отъ латинскаго. Чуть не каждый русскій глаголъ производитъ отъ себя отглагольное имя, означающее дѣйствіе, имя, которое рѣдко-рѣдко находитъ себѣ соотвѣтствіе въ латинскомъ словарѣ. Латинскія имена, означающія дѣйствіе, принадлежатъ въ большинствѣ случаевъ позднѣйшимъ авторамъ и потому считаются, съ точки зрѣнія грамматикъ, не совсѣмъ удобными для употребленія. Иные въ нихъ видятъ даже порчу языка. Но посмотримъ, такъ ли это. Отглагольное имя съ своими аттрибутами есть выраженіе сложнаго представленія о фактѣ. Какъ же поступаетъ языкъ, если такого имени въ немъ нѣтъ? Говорящій по необходимости разлагаетъ сложное представленіе на элементы и такимъ образомъ имѣетъ дѣло не съ цѣлымъ, а съ частями. Пока не было имени, означающаго дѣйствіе, вмѣсто одного предложенія съ такимъ именемъ употреблялись minimum два предложенія. Разлагать одинъ познавательный актъ, одну картину на составные элементы, за невозможностью обозначить этотъ актъ цѣликомъ, съ помощью одного выраженія,— это пріемъ болѣе элементарный, чѣмъ обозначеніе того же акта цѣликомъ, съ помощью одного имени. Съ появленіемъ именъ, означающихъ дѣйствіе, является возможность выражаться короче, обозначать сразу цѣлый познавательный процессъ, не прибѣгая къ разложенію его на элементы. Съ развитіемъ народнаго сознанія развивается и языкъ, и это развитіе выражается не только въ постоянно увеличивающейся способности языка къ сложнымъ сочетаніямъ предложеній и періодической законченности, но и въ созданіи новыхъ способовъ для обозначенія сложныхъ познавательныхъ актовъ. Способность языка къ сложнымъ сочетаніямъ остается достояніемъ книжной рѣчи, достояніемъ отдѣльныхъ писателей, а новыя слова и выраженія могутъ быть достояніемъ всѣхъ говорящихъ на этомъ языкѣ. Въ многочисленныхъ отглагольныхъ именахъ позднѣйшей латыни мы должны видѣть не искаженіе, а ростъ языка, обо-

гащеніе его готовыми формулами для обозначенія сложныхъ познавательныхъ процессовъ. Чѣмъ дольше языкъ остается живымъ, разговорнымъ языкомъ, тѣмъ больше въ немъ именъ, означающихъ дѣйствіе. Перебирая отглагольныя имена родного языка, мы больше всего поражаемся ихъ замѣчательною неустойчивостью. Они такъ легко образуются отъ глаголовъ, что иногда природный русскій человѣкъ не можетъ категорически отвѣтить на вопросъ, употребляется ли такое-то оглагольное имя въ русскомъ языкѣ. Эта неустойчивость показываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ такимъ процессомъ, который въ широкихъ размѣрахъ совершается на нашихъ же глазахъ: всѣ эти спорныя слова и выраженія нарождаются, но еще не народились. Обогащеніе языка оглагольными именами нельзя назвать обогащеніемъ его новыми понятіями. Не легко составить новое слово для обозначенія новаго предмета или понятія, еще труднѣе пустить его въ оборотъ: въ этомъ случаѣ гораздо проще взять варваризмъ,—готовое звукосочетаніе изъ чужого языка. Отглагольныя имена—это не новыя понятія, а готовыя формулы для краткаго обозначенія сложныхъ познавательныхъ актовъ: съ помощью ихъ предложенія сокращаются, нѣсколько предложеній превращаются въ одно, рѣчь дѣлается болѣе краткою при томъ же содержаніи. Огромное численное превосходство русскихъ отглагольныхъ именъ надъ отглагольными именами классической латыни, при томъ понятіи о точности перевода, которое господствуетъ въ школьной практикѣ, ведетъ къ тому, что на урокахъ латинскаго языка, при изученіи грамматики и при переводахъ, совершенно не употребляются въ дѣло русскія имена и выраженія, не находящія себѣ прямого соотвѣтствія въ латинскомъ словарѣ. Русскія отглагольныя имена учатъ ставить только тамъ, гдѣ стоятъ латинскія; если и расширяютъ область ихъ употребленія, то развѣ только на такіе обороты, какъ abl. absolutus или ab urbe condita и т. д. Переводъ считается не точнымъ, если ученикъ употребитъ отглагольное имя при передачѣ на русскій языкъ acc. c. inf., косвеннаго вопроса, предложенія съ quod, предложенія причин-

наго или временнаго и т. д. Языкъ переводовъ такимъ образомъ искусственно дѣлается бѣднымъ: изъ него изгоняется вся та масса готовыхъ формулъ и оборотовъ для выраженія сложныхъ познавательныхъ процессовъ, которая явилась съ широкимъ развитіемъ отглагольныхъ именъ. Отглагольныя имена измѣняютъ самый принципъ построенія предложеній. Передавая каждое латинское предложеніе русскимъ предложеніемъ, мы такимъ образомъ игнорируемъ всѣ явившіеся съ развитіемъ отглагольныхъ именъ способы сокращать рѣчь, цѣликомъ обозначать сложные познавательные процессы, не разлагая ихъ на составные элементы. Важная роль русскихъ отглагольныхъ именъ сравнительно съ незначительною ролью именъ латинскихъ ведетъ къ тому, что и грамматическія функціи русскихъ отглагольныхъ именъ гораздо сложнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ функціи латинскихъ именъ. Латинскія грамматики кратко говорятъ о g. subiectivus и obiectivus при именахъ, означающихъ дѣйствіе, но онѣ не касаются другихъ, не менѣе важныхъ вопросовъ: какъ передать русское отглагольное имя, если нѣтъ соотвѣтствующаго латинскаго? когда и какъ употребляется латинское отглагольное имя и чѣмъ оно отличается отъ gerundium? какъ передаются при отглагольномъ имени обозначеніе мѣста, времени, образа дѣйствія, причины и цѣли? и т. д. По всѣмъ этимъ пунктамъ между русскимъ и латинскимъ языкомъ болѣе существенное различіе, чѣмъ въ употребленіи родительнаго падежа при отглагольныхъ именахъ.

Ученіе о g. obiectivus—самый трудный отдѣлъ въ синтаксисѣ падежей. И это происходитъ не оттого, что ученику трудно понять самое «правило»: онъ легко пойметъ и усвоитъ приведенные въ грамматикѣ примѣры и все-таки не сумѣетъ при переводахъ примѣнить, гдѣ нужно, это правило къ дѣлу. Это происходитъ оттого, что грамматика не даетъ точныхъ границъ для примѣненія «правила» и не устанваливаетъ точнаго соотвѣтствія между однимъ и другимъ языкомъ, прибѣгая къ такимъ неопредѣленнымъ выраженіямъ, какъ: «часто», «обыкновенно», «иногда» и др.

Въ самомъ дѣлѣ, по ученію грамматикъ, g. obiectivus соотвѣтствуетъ не только русскому род. п., но и всякимъ другимъ падежамъ, съ предлогами и безъ нихъ. Такимъ образомъ съ одной стороны мы имѣемъ одинъ изъ многихъ отдѣловъ одного только падежа, а съ другой—всѣ падежи, «съ предлогами и безъ нихъ», т.-е. всѣ, какія только возможны, синтаксическія функціи имени; съ одной стороны—узкія границы латинскаго g. obiectivus, съ другой—вся безграничная область русскаго синтаксиса падежей. Можно ли послѣ этого ожидать, чтобы ученикъ легко находилъ въ русскомъ текстѣ случаи, гдѣ при переводѣ требуется ставить g. obiectivus. Далѣе, g. obiectivus означаетъ «предметъ, на который переходитъ дѣйствіе», а если онъ переводится всякими падежами, съ предлогами и безъ нихъ, то вѣдь отсюда должно выходить, что «предметъ, на который переходитъ дѣйствіе», т.-е. прямое дополненіе выражается въ русскомъ языкѣ не только вин. или род., но и всякимъ другимъ падежомъ и даже съ предлогами. Какъ же, спрашивается, выйти изъ этой неопредѣленности и противорѣчій?

Русское отглагольное имя неизмѣнно сохраняетъ за собою то управленіе, которое имѣлъ соотвѣтственный ему глаголъ, съ тѣмъ только отличіемъ, что вин. падежъ замѣняется родительнымъ. Но и это отличіе принадлежитъ не самому имени, а глаголу, такъ какъ здѣсь мы встрѣчаемъ то самое явленіе, которое наблюдается при глаголѣ съ отрицаніемъ. Такимъ образомъ можно сказать, что отглагольное имя имѣетъ точно такое же управленіе, какъ соотвѣтственный ему глаголъ съ отрицаніемъ. Вполнѣ естественно, что отглагольное имя по своему управленію сходно не съ простымъ глаголомъ, а съ глаголомъ отрицательнымъ. Глаголъ съ отрицаніемъ означаетъ, что дѣйствія нѣтъ или не было, а есть только представленіе о дѣйствіи. Род. падежъ при такомъ глаголѣ, равно какъ латинскій g. memoriae и род. при глаголахъ: хотѣть, желать, жаждать, требовать, просить, искать и др., обозначаетъ предметъ, признакъ котораго находится въ нашемъ сознаніи какъ.

представленіе. Точно такую же логическую роль играетъ, какъ мы видѣли, и отглагольное имя, и род. падежомъ здѣсь, какъ и при глаголѣ съ отрицаніемъ, обозначается предметъ, который вмѣстѣ съ самымъ отглагольнымъ именемъ образуетъ сложное представленіе.

Такимъ образомъ, если при русскомъ отглагольномъ имени мы находимъ род. падежъ, то при соотвѣтственномъ глаголѣ былъ или тоже род. падежъ или вин., но не могло быть ни другихъ падежей ни падежа съ предлогами, потому что другіе падежи и падежи съ предлогами остаются безъ измѣненія и при отглагольномъ имени. Род. при русскомъ отглагольномъ имени есть исключительно родительный прямого дополненія: косвенное дополненіе не можетъ перейти въ род. падежъ.

Обращаясь къ латинскому языку, мы прежде всего должны помнить, что сопоставлять можно только вещи равныя. Выборъ того или другого падежа или предлога при глаголѣ не есть прихоть даннаго языка: онъ обусловленъ реальнымъ отношеніемъ предметовъ и логическими законами и процессами мышленія. Когда глаголъ въ одномъ языкѣ требуетъ не того падежа или предлога, котораго требуетъ въ другомъ, то это значитъ, что языки смотрятъ на данное дѣйствіе съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Когда грамматика учитъ, что, напр., глаголъ communicare требуетъ предлога cum «несогласно съ русскимъ языкомъ», то тутъ есть нѣкоторое недоразумѣніе: между латинскимъ communicare и русскимъ «сообщать» есть сходство по значенію, но нѣтъ тождества; тутъ двѣ совершенно различныхъ точки зрѣнія на дѣйствіе: одинъ глаголъ указываетъ на общеніе двухъ лицъ по поводу предмета, другой на общеніе предмета и лица; communicare есть не что иное, какъ синонимъ по отношенію къ «сообщать». Сопоставляя управленіе латинскихъ и русскихъ глаголовъ, мы должны строго слѣдить, чтобы вмѣсто сравненія тождественныхъ по значенію глаголовъ не пуститься въ подобную область синонимовъ.

Сдѣлавши это предварительное замѣчаніе, посмотримъ теперь, насколько область латинскаго g. obiectivus шире тѣхъ границъ, которыя мы отмѣтили для род. при отглагольномъ имени въ русскомъ языкѣ. И прежде всего мы должны замѣтить, что падежъ съ предлогомъ и въ латинскомъ языкѣ не переходитъ въ род. Въ латинскомъ языкѣ, совершенно согласно съ русскимъ языкомъ, говорятъ: provocatio ad populum, quaestio de natura deorum, defectio a Romanis, Ciceronis in patriam merita, concitatio contra patres, dissensio de iure, digressio a proposita oratione, transitio ad hostem, excessus e vita, actio de pace, dominatio in libidinem, и т. д. Такимъ образомъ, за вычетомъ падежей съ предлогами, падежа вин. и род., остается всего два падежа, относительно которыхъ можетъ быть разногласіе между русскимъ и латинскимъ языкомъ,—это дат. и твор. падежи. И дѣйствительно, латинскій твор. при замѣнѣ глагола именемъ переходитъ въ род.: functio muneris (Cic., *Verr.*, 5, 6), fructus voluptatum (Cic., *Amic.*, 23), interdictio aquae et ignis, usus rerum nauticarum, lusus pilae, satietas cibi (Cic., *Invent.*, 1, 17), egestas pabuli (Sall., *B. Iug.*, 44), privatio doloris (Cic., *Fin.*, 1, 11), spoliatio consulatus (Cic., *Mur.*, 40), vacatio militiae (Caes., *B. G.*, 6, 13), liberatio culpae (Cic., *Lig.*, 1) и т. д. Замѣна дат. падежа принадлежитъ почти исключительно позднѣйшимъ писателямъ, напр.: oboedientia imperiorum (Plin.), ira fugae (Liv.), supellectilis parsimonia (Suet.), successio Caesaris («Цезарю», Flor.). Единичные случаи такой замѣны у лучшихъ писателей объясняются тѣмъ, что соотвѣтственные глаголы, кромѣ дат., могли сочиняться иногда и съ вин. или род.; напр., studeo въ древней латыни сочинялось съ род. п., studiosus всегда съ род., поэтому постоянно говорится: studium litterarum, rei publicae и т. п.; род. при fides, fiducia вытекаетъ не изъ дат., а изъ твор.; рядомъ съ выраженіями: obtrectatio laudis (Caes., *B. C.*, 1,7), gratulatio laudis (Cic., *Att.*, 1,17), invidia tiranni, встрѣчаемъ сочетанія: obtrectare laudes (Liv., 45,37), glatulari libertatem (Cic., *Phil.*, 2,12), invi-

dere naturam (Cic., *Tusc.*, 3,2), и т. д. [1]). Дат. замѣняется рѣже творительнаго, потому что послѣднiй по значенiю ближе подходитъ къ род., особенно когда рѣчь идетъ о лишенiи, изобилiи и т. п.

Итакъ русскiй род. при отглагольномъ имени соотвѣтствуетъ род. и вин. при глаголѣ, латинскiй род. тѣмъ же падежамъ и, кромѣ того, твор. и рѣже дат. Область g. obiectivus нѣсколько шире области подобнаго же род. въ русскомъ языкѣ, но это, конечно, еще не значитъ, что латинскiй род. въ языкѣ встрѣчается чаще, чѣмъ русскiй. Въ русскомъ языкѣ отглагольныхъ именъ несравненно болѣе, чѣмъ въ латинскомъ, поэтому въ общемъ итогѣ русскiй род. при отглагольномъ имени встрѣчается гораздо чаще въ русской рѣчи, чѣмъ латинскiй g. obiectivus въ латинской рѣчи.

Способы перевода g. obiectivus вытекаютъ изъ указанныхъ правилъ замѣны. Если бы всѣ латинскiе глаголы имѣли одинаковое управленiе, какъ и соотвѣтственные имъ русскiе, то g. obiectivus переводился бы всегда тѣмъ самымъ падежомъ, котораго требуетъ латинскiй глаголъ, съ замѣною вин. падежа родительнымъ. При одинаковомъ управленiи совершенно невозможенъ былъ бы такой случай, чтобы g. obiectivus переводился падежомъ съ предлогомъ, потому что падежъ съ предлогомъ не можетъ перейти въ род. п. Всѣ кажущiяся исключенiя изъ общаго правила объясняются различiемъ въ управленiи глаголовъ латинскихъ и русскихъ. Выраженiе: «тоска по родинѣ», было бы невозможно передать съ помощью g. obiectivus, если бы латинскiй глаголъ desiderare требовалъ не вин., а падежа съ предлогомъ. Гдѣ

---

[1]) Дат. при этихъ именахъ тоже рѣдко ставится (напр., Cic., *Leg.*, I, 15: obtemperatio scriptis ligibus). Если же мы встрѣчаемъ такiя фразы, какъ: miseriis suis remedium, mortem exspectant (Sall., *Cat.*, 41); bibliothecam, subsidium senectuti, parare (Cic., *Att.*, 1,8), то, во-первыхъ, слова remedium и subsidium здѣсь утратили значенiе дѣйствiя, а во-вторыхъ, они служатъ приложенiемъ, т.-е. составляютъ сокращенное предложенiе, въ которомъ дат. п. относится къ глагольному сказуемому; у позднѣйшихъ писателей и здѣсь имѣемъ род. п.: remedium infirmae memoriae (Quintil.), subsidium iniuriae et vetustatis (Plin).

при переводѣ мы пользуемся падежомъ съ предлогомъ, тамъ вездѣ латинскій глаголъ требовалъ падежа безъ предлога и обыкновенно вин. Самый выборъ предлога зависитъ отъ управленія русскаго глагола, замѣняющаго латинскій переходный глаголъ; такъ употребляются предлоги: *въ*—confessio culpae, consolatio doloris, desperatio vitae, dubitatio adventus (Caes., *B. G.*, 5,48, рядомъ и dubitatio de omnibus rebus, Cic., *Acad.*, 1,4, такъ какъ говорится: dubitare aliquid и de aliqua re), excusatio peccati («извиненіе»), negatio facti («запирательство»,—«отрицаніе» съ род.), opinio deorum («вѣра»), simulatio amicitiae, suspicio insidiarum и др.; *за*—cupiditas gloriae («погоня»), ultio necati infantis и др.; *къ*—appetitio, cupiditas gloriae («стремленіе»), incitamentum laboris, introitus defensionis («приступъ»,—рядомъ: introitus in urbem) и др.; *на*—aspectus urbis («взглядъ»), inscriptio statuae («надпись»,—inscribere statuam), querimonia acceptae cladis, spes salutis и др.; *надъ*—observatio siderum (иначе: «звѣздъ», «наблюдать» надъ чѣмъ и что-н.) и др.; *о*—commentatio mortis («размышленіе», иначе: «приготовленіе себя къ»), cura rerum alienarum, fama istius suspicionis (fari, иначе: fama de Afranio), incuria tantae rei («нерадѣніе»,—переводя: «небрежность въ такомъ дѣлѣ», мы указываемъ уже не на дѣйствіе, а на качество), iudicium facti, luctus filii, quaestio de natura deorum и др.; *отъ*—dolor iniuriae (выраженіе: «отъ обиды», указываетъ уже не предметъ дѣйствія, какъ въ латинскомъ, а на причину), fuga laboris, perfugium omnium laborum (такъ называется, напр., сонъ, Cic., *Divin.*, 2,72), remissio poenae («освобожденіе») и др.; *по*—desiderium patriae; *чрезъ*—transitus fluminis, и т. д. Падежъ съ предлогомъ иногда служитъ замѣной и род. при латинскомъ глаголѣ: memoria calamitatum, oblivio veteris belli, paenitentia gestae rei (Plin.), taedium vitae, и т. д. Наконецъ, различіемъ въ управленіи латинскаго и русскаго глагола объясняется и переводъ дат. и твор. падежами g. obiectivus, возникшаго изъ вин. п. при глаголѣ: admiratio rei, adoratio Dei («поклоненіе»),

imitatio senis, proditio amicitiarum, administratio belli, iactatio, ostentatio alicuius rei («хвастовство», «важничанье»), moderatio regni, permutatio mercium («мѣна товарами»), possessio urbis («обладаніе»), и т. д.

Такимъ образомъ мы видѣли, что возможность постановки g. obiectivus опредѣляется исключительно управленіемъ соотвѣтственнаго латинскаго глагола, а способы перевода опредѣляются управленіемъ русскаго глагола. Намъ остается сказать о тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда, повидимому, происходитъ отступленіе отъ послѣдняго правила. При словахъ: любовь, дружба, уваженіе, почтеніе, милость, страсть, пренебреженіе, презрѣніе, отвращеніе, ненависть, зависть и т. п., бываетъ не то управленіе, какъ и при глаголѣ, а ставится предлогъ къ. Это вполнѣ естественно: слова эти означаютъ не дѣйствіе, а душевное настроеніе, чувство. Соотвѣтственныя латинскія имена въ большинствѣ случаевъ имѣютъ то же самое значеніе и ту же конструкцію (erga, in, adversus), но иной разъ нѣкоторыя изъ нихъ получаютъ значеніе и дѣйствія и тогда сочиняются съ род.; invidia, напр., значитъ и «зависть» (erga, in) и «завидованіе» (съ род.), verecundia—и «почтеніе» (adversus regem, Liv., 37,54) и «почитаніе» (deorum, Liv., 39,11), но слова: pietas, iustitia и т. п., не означаютъ дѣйствія и, значитъ, не сочиняются съ род. По отношенію къ лицамъ любовь, ненависть, зависть и т. д. остаются обыкновенно явленіями исключительно психическими, но по отношенію къ вещамъ эти же чувства обнаруживаются обыкновенно въ дѣйствіи, — этимъ объясняется приводимое въ грамматикахъ эмпирическое обобщеніе, что имена, означающія расположеніе, сочиняются съ предлогомъ «обыкновенно» не при названіи вещи, а при названіи лица. Переводя выраженіе: «metus, hostis», словами: «страхъ передъ врагомъ», мы тоже въ переводѣ обозначаемъ не дѣйствіе, какъ въ латинскомъ языкѣ («боязнь врага»), а душевное состояніе, словами же: «передъ врагомъ», указываемъ на его причину. Результатъ умственной работы, а не самую работу указываютъ и слова «понятіе», «пред-

ставленіе о чемъ-либо», тогда какъ латинскія сочетанія: informatio, opinio, suspicio Dei, означаютъ не «понятіе», а самое «пониманіе», «уразумѣніе», «представленіе Бога». Наконецъ, при переводѣ иной разъ смѣшивается g. subiectivus съ g. obiectivus (lapsus scalarum—«паденіе лѣстницъ», а переводятъ: «паденіе съ лѣстницъ») [1]), или даже пріемы, годные для перевода g. obiectivus, употребляются и въ томъ случаѣ, когда въ латинскомъ сочетаніи нѣтъ имени, означающаго дѣйствіе; такъ переводъ выраженій: caritas patriae, operae pretium, praemium belli, intemperantia libidinum, словами: «любовь къ отечеству», «награда за трудъ», «за войну», «невоздержность въ страстяхъ», есть произвольная замѣна отглагольными именами именъ, не означающихъ дѣйствія и не соединяющихся съ g. obiectivus: caritas значитъ «дорогая цѣна» (caritas Hieronis—«популярность Гіерона»), pretium—«стоимость», praemium belli—«даръ войны», и т. д. При именахъ, означающихъ такое дѣйствіе, которое совершается взаимно двумя лицами по отношенію другъ къ другу, g. subiectivus не только по способу выраженія, но и по смыслу совпадаетъ съ g. obiectivus: наша «встрѣча съ людьми» (occursus hominum) и «встрѣча людей» съ нами—это одно и то же дѣйствіе и одно и то же понятіе, понятіе о нашемъ «общеніи съ кѣмъ-нибудь» (consuetudo alicuius) не отличается отъ понятія объ «общеніи кого-нибудь» съ нами, понятіе о «бесѣдѣ боговъ» съ кѣмъ-нибудь (colloquium deorum) тождественно съ понятіемъ о «бесѣдѣ съ богами», и т. д.

Такимъ образомъ мы указали, что возможность постановки g. obiectivus зависитъ отъ конструкціи латинскаго глагола, а все кажущееся разнообразіе способовъ перевода, столь трудное для школьнаго изученія, объясняется несоотвѣтствіями въ управленіи латинскихъ и русскихъ гла-

---

[1]) Рядомъ съ выраженіями; quies ab armis, a labore встрѣчаемъ сочетаніе: laborum et miseriarum quies (Cic., *Cat.*, 4,4), въ которомъ можно видѣть или g. subiectivus (говорится: arma, venti, voces etc. quiescunt) или конструкцію, основанную на употребленіи твор. при quiescere.

головъ. Отсюда получается выводъ, особенно важный для школьной практики: изученіе g. obiectivus не должно стоять во главѣ обзора падежей, оно должно непосредственно слѣдовать за обзоромъ глаголовъ, требующихъ не того падежа, какой бываетъ въ русскомъ языкѣ [1]).

Доселѣ мы говорили о g. obiectivus при именахъ, означающихъ дѣйствіе, но иногда одно и то же имя указываетъ и на дѣйствіе и на лицо дѣйствующее. Этотъ случай грамматики оставляютъ совершенно безъ вниманія. Условія возможности род. при этихъ именахъ и способы его перевода тѣ же самые, что и при именахъ, означающихъ одно только дѣйствіе. Сочетанія: imitator principum, observator bonorum nostrorum, obtrectator beneficii, cuius rei libet simulator, ultor iniuriarum и т. д., совершенно аналогичны выраженіямъ: imitatio principum и т. д. Но имена, указывающія на лицо дѣйствующее, могутъ и не указывать на опредѣленное дѣйствіе, а обозначать лицо, вообще способное, могущее или предназначенное что-то дѣлать. Когда нѣтъ указанія на опредѣленное дѣйствіе, то управленіе въ русскомъ языкѣ отличается отъ управленія именъ, означающихъ одно только дѣйствіе: род. п. ставится и тогда, если отглагольное имя, означающее дѣйствіе, соединялось съ дат. или твор. падежомъ; такимъ образомъ говорятъ: «управленіе страной» и «управитель страны», «обладаніе имѣніемъ» и «обладатель имѣнія», «руководство собраніемъ» и «руководитель собранія», и т. д.; при словѣ proditio род. patriae значитъ «отечеству», а при словѣ proditor и «отечеству» и «отечества», и т. д.

Дополненіе съ предлогомъ, стоявшее при латинскомъ глаголѣ, не переходитъ, какъ мы видѣли, въ род. п. при замѣнѣ глагола отглагольнымъ именемъ. Послѣ этого само собою разумѣется, что и обстоятельства тоже не могутъ переходить въ род. п., такъ какъ они еще менѣе, чѣмъ

[1]) Такъ какъ замѣна твор. и дат. падежа съ помощью g. obiectivus — явленіе сравнительно рѣдкое, которое при изученіи синтаксиса падежей въ среднихъ классахъ можно и обойти молчаніемъ, то, значитъ, g. obiectivus практичнѣе всего изучать послѣ ознакомленія съ глаголами, требующими „несогласно съ русскимъ“, вин. п.

дополненіе, связаны съ глаголомъ. Обстоятельства при отглагольномъ имени выражаются такъ же, какъ и при глаголѣ: reditus in castra, fuga ab Thermopylis, eodem flumine invectio, introitus Smyrnam, mansio Formiis, reditio domum и т. д. (мѣсто); clarorum virorum post mortem honores («почитаніе»,—время), aegritudo ex miseria (причина), tactio digito, interitus ferro, lectio sine ulla delectatione, sine ratione animi elatio (образъ дѣйствія), и т. д. Мы упоминали о g. causae, но подъ этимъ совершенно неудачнымъ терминомъ скрывается вовсе не обозначеніе причины. Грамматики приводятъ примѣры: calamitas belli, incendium domus, но здѣсь въ первомъ случаѣ нѣтъ даже слова, означающаго дѣйствіе, а пожары происходятъ отъ разныхъ причинъ, но только не «отъ домовъ». Изъ сопоставленія съ терминомъ g. auctoris можно заключить, что подъ g. causae разумѣется g. subiectivus, указывающій не на лицо, а на предметъ. Въ философскомъ языкѣ, дѣйствительно, всякое дѣйствіе и всякое явленіе разсматривается какъ результатъ какой-нибудь «причины»: что производитъ дѣйствіе, то и называется «причиной». Но для чего же намъ вносить въ грамматику этотъ философскій терминъ, если грамматика давнымъ-давно уже назвала предметъ, производящій дѣйствіе, подлежащимъ, а терминъ «причина» употребляетъ совершенно въ иномъ значеніи? Да и въ философскомъ языкѣ терминомъ «причина» обозначается безразлично и предметъ и лицо, такъ что въ составъ g. causae долженъ былъ бы входить и g. auctoris, какъ часть цѣлаго. Затѣмъ иныя грамматики видятъ g. obiectivus, означающій время, въ сочетаніяхъ: superiorum dierum cunctatio, eorum dierum consuetudo, multorum annorum dissensio, trium dierum supplicatio, trium bellorum victor, и т. д. Но этотъ род. обязательно имѣетъ при себѣ опредѣлительное слово и относится къ категоріи g. qualitatis.

Такимъ образомъ дополненія съ предлогомъ и слова обстоятельственныя, съ предлогами и безъ нихъ, остаются безъ измѣненія какъ при русскомъ отглагольномъ имени, такъ

и при латинскомъ. Но изъ употребленія косвенныхъ падежей, съ предлогомъ и безъ нихъ, при русскомъ отглагольномъ имени, означающемъ дѣйствіе, вытекаетъ въ русскомъ языкѣ еще одно явленіе, совершенно необычное для латинскаго языка. Падежи дат. и твор. и падежи съ предлогами для обозначенія дополненій и обстоятельствъ остаются въ русскомъ языкѣ и тогда, когда вмѣсто слова, означающаго дѣйствіе, мы имѣемъ слово, означающее результатъ этого дѣйствія. Косвенное дополненіе, возможное, напр., при глаголѣ «заключать» («съ кѣмъ-либо»), остается не только при имени, означающемъ дѣйствіе («заключеніе съ кѣмъ-либо мира»), но и при словѣ, указывающемъ результатъ этого дѣйствія («миръ съ кѣмъ-либо»); дополненіе: «отъ отца», возможное при глаголѣ «получить», остается не только при имени, означающемъ дѣйствіе («полученіе отъ отца»), но и при словѣ «письмо», указывающемъ на результатъ дѣйствія, и т. д. Такимъ путемъ получается масса сочетаній, совершенно необычныхъ для латинскаго языка: «мостъ у Женевы», «ровъ передъ городомъ», «заговоръ противъ консула» (въ смыслѣ «сообщества»), «благодарственное молебствіе богамъ», «пораженіе при Иссѣ», «войны за религію», «дорога въ Римъ», «добыча съ поля битвы», «разсказъ изъ дѣйствительной жизни», «пожаръ на морѣ», и т. д. Въ латинскомъ языкѣ всѣ эти дополненія и обстоятельственныя слова должны обратиться въ придаточное предложеніе, потому что является необходимость рядомъ съ результатомъ обозначить и дѣйствіе. «Мостъ» есть результатъ «постройки», поэтому для передачи на латинскій языкъ сочетанія: «мостъ у Женевы», требуется дополнительное обозначеніе дѣйствія, давшаго въ результатѣ мостъ: латинскій оборотъ будетъ соотвѣтствовать сочетанію: «мостъ, построенный у Женевы». Такъ какъ мы имѣемъ налицо предметъ, испытывающій дѣйствіе или получившійся въ результатѣ дѣйствія, и не имѣемъ самаго дѣйствующаго лица, то для обозначенія дѣйствія необходимо, конечно, воспользоваться формою страдательнаго залога, но иногда эта форма замѣняется формою глагола

роль доставляла имъ удовольствіе. Чтобы убѣдиться въ важной роли этой радости отъ активности, стоитъ только исключить активность (напримѣръ, произвольныя движенія), и игра оказывается уничтоженной. Этимъ чувствомъ активности, его необходимостью для возможности игры объясняется то, что непремѣннымъ условіемъ нормальной игры,—правда, далеко не всегда выполняемымъ,—является отсутствіе принудительности, а вмѣстѣ съ ней серьезно-жизненной отвѣтственности. Приказаніе играть и тяготѣніе надъ играющими внѣшней отвѣтственности превращаетъ игру-удовольствіе въ мученіе или тяжелый трудъ: на мѣсто активности, своей воли становится пассивность, чужая воля, а чувство внѣшней отвѣтственности поселяетъ тревогу и страхъ за исходъ игры и свою роль. Въ этихъ условіяхъ игра утрачиваетъ весь свой смыслъ.

7. Моментъ экспериментированія. Среди другихъ моментовъ въ играхъ дѣтей отмѣтимъ экспериментированіе. Напримѣръ, дѣти забавляются тѣмъ, что кружатся и наблюдаютъ, какъ вскорѣ затѣмъ вмѣстѣ съ ними или, когда они останавливаются, вращаются всѣ предметы. Стремленіе къ проявленію жизни создаетъ часто много неподдающихся объясненію явленій, напримѣръ, безпричинный смѣхъ и т. д. Но въ общемъ, несомнѣнно, правой оказывается не какая-либо одна изъ перечисленныхъ теорій, а истина заключается въ ихъ соединеніи: онѣ намѣчаютъ отдѣльные моменты и стороны въ игрѣ, которые въ общей сложности даютъ достаточно твердый фундаментъ, чтобы разобраться со значеніемъ игръ и нашимъ отношеніемъ къ нимъ.

8. Игра, какъ главная сфера дѣтскаго опыта и общенія. Игра настоящая сфера дѣтей и именно она открываетъ намъ широкую возможность дѣйствительнаго воспитанія. Воспитаніе протекаетъ преимущественно дѣятельнымъ путемъ. Въ этомъ смыслѣ одни слова и наставленія оказываются совершенно безсильными; какъ и всякой дѣятельности, будущей жизнедѣятельности надо учить не только теоретически, но главнымъ образомъ, опытомъ,

практически, если мы не хотимъ, чтобы наши питомцы попали въ положеніе того ученаго, который теоретически за своимъ кабинетнымъ столомъ изучилъ плаваніе и затѣмъ, отправившись купаться, пошелъ ко дну. Игры именно и открываютъ возможность соединить слово съ дѣломъ, такъ какъ въ нихъ дается возможность дѣятельнымъ путемъ готовиться къ жизни, въ то же время не подвергаясь или мало подвергаясь опасностямъ, сопряженнымъ съ жизнью взрослыхъ. Въ особенности въ наше время все больше повышаются требованія къ самостоятельности, къ самодѣятельности личности, къ ея умѣнію найтись въ все усложняющейся обстановкѣ и жить въ обществѣ, предъявляющемъ къ намъ опредѣленныя требованія, налагающемъ на насъ опредѣленныя обязательства. И вотъ дѣти въ игрѣ вступаютъ въ общеніе другъ съ другомъ, создается своя маленькая общественная жизнь. Кто жилъ съ дѣтьми и наблюдалъ ихъ, тотъ знаетъ, что въ этомъ маленькомъ обществѣ устанавливается свой кодексъ законовъ и общепринятыхъ велѣній, которымъ всѣ подчиняются сами собой. Мы напомнимъ хотя бы о нерушимо соблюдающемся среди большинства дѣтей правѣ первенства. «Чуръ я первый», «я первый взялъ»,—эти восклицанія, если они отвѣчаютъ дѣйствительности, ставятъ права даннаго индивида внѣ сомнѣнія. И такихъ дѣтскихъ установленій много. Было бы вообще интересно изучить эти «законы дѣтей»; если насъ не обманываютъ наши наблюденія, въ нихъ много неслучайнаго, очевидно, вытекающаго изъ природы людей, какъ соціальныхъ животныхъ или прививающагося окружающей общественной жизнью. Въ числѣ ихъ у дѣтей почти вездѣ встрѣчается право первенства въ захватѣ, обязательство нести взятыя на себя въ игрѣ обязанности до конца и т. д. Когда дѣти переходятъ въ своемъ развитіи въ стадію сознательности, т.-е. становятся способными принимать участіе въ коллективной игрѣ, они сталкиваются впервые съ коллективомъ, и начинается настоящее обученіе жизни, познаніе самого себя. Каждый человѣкъ вообще особенно тепло и ин-

тимно чувствуетъ свое «я», свои интересы, волю, силы, и только потомъ выростаетъ сознаніе чужого «я» и законности его интересовъ. У дѣтей это чувство своего «я» нормально носитъ вначалѣ почти исключительную форму: какъ ни много любознательности проявляютъ дѣти во всѣхъ отношеніяхъ къ тому, что ихъ окружаетъ, они все относятъ къ своему «я» и его интересамъ; этимъ отчасти объясняется то, что они ни минуту не сомнѣваются въ томъ, что, напримѣръ, коровушка существуетъ только для того, чтобы давать людямъ и въ особенности ему, маленькому царю природы, молочко, курочкино назначеніе носить ему яички, и т. д.—однимъ словомъ то, что педагогическая психологія называетъ «прирожденнымъ утилитаризмомъ» или что можно было бы характеризовать какъ «естественный эгоизмъ», являющійся у большинства дѣтей неизбѣжной первой стадіей духовнаго развитія. Реально, конкретно дитя тутъ знаетъ только свое «я» и его интересы. И вотъ наступаетъ моментъ вступленія въ общество дѣтей, моментъ открытія своего рода дѣтской Америки. Сколько бы взрослые ни разъясняли дѣтямъ права другихъ, интересы чужой личности, результаты будутъ ничтожны до тѣхъ поръ, пока воля маленькаго человѣка не столкнется съ волей такихъ же маленькихъ людей. Съ нѣкоторой натяжкой можно утверждать, что только тутъ у маленькихъ дѣтей действительно появляется реальное сознаніе существованія такихъ же людей, какъ онъ самъ. Воля взрослыхъ находится надъ ребенкомъ и потому она этого реальнаго знанія въ плодотворной, ненасилующей формѣ дать не можетъ. Когда дитя начинаетъ играть съ другими дѣтьми, тутъ только у него открываются въ настоящемъ смыслѣ слова глаза, и онъ, заполнявшій свое сознаніе только собой и тѣмъ, что относилось къ нему, дѣятельно знакомится съ существованіемъ другой такой же воли, какъ у него. Дѣти на этой первой стадіи часто протестуютъ, прибѣгаютъ къ жалобамъ и крикамъ, но дѣйствительность и природа «соціальнаго животнаго» беретъ верхъ; тогда дѣятельное—единственно воз-

можное—познаніе существованія чужихъ воль, другихъ «я» приходитъ къ благополучному концу, и дѣти становятся членами маленькаго общества. Съ этого момента и начинается то соціальное воспитаніе, которое заставляетъ насъ такъ дорожить играми.

9. Воспитаніе соціальныхъ свойствъ въ игрѣ. Прежде всего, почти исключительно на этой почвѣ рождается уваженіе къ чужой личности и ея правамъ,—словесное поученіе является въ лучшемъ случаѣ предисловіемъ или дополненіемъ къ дѣятельному усвоенію этого основного принципа общественности. Пусть юристы спорятъ о происхожденіи права, для педагога вопросъ ясенъ: признаніе правъ чужой личности создается противодѣйствующей силой чужой воли, на которую наталкивается воля даннаго, до того самодержавнаго маленькаго человѣка. Это познаніе лучше всего дается игрой, потому что она даетъ при разумномъ контролѣ возможность лишить этотъ первый серьезный жизненный конфликтъ его остроты и вреднаго вліянія на самосознаніе и самочувствіе дѣтей. Далѣе, на этомъ же пути выростаетъ громадный факторъ, чувство солидарности,—факторъ, недостатокъ въ которомъ даетъ себя чувствовать такъ тяжело въ нашей современной культурной жизни. Не только жизнь и условія дробятъ людей, ихъ воля воспитана недостаточно соціально, нѣтъ привычки жить въ коллективѣ и коллективомъ съ дѣтства. Пресловутый конфликтъ индивида и общества разрастается при такихъ условіяхъ въ настоящій пожаръ и хоть отчасти примиримое становится абсолютно непримиримымъ. Въ игрѣ дѣти, слѣдуя своему естественному влеченію, пріучаются къ жизни въ обществѣ, знакомятся съ правами и обязанностями и взращиваютъ чувство общественной солидарности. Игра приводитъ къ самымъ различнымъ комбинаціямъ, мѣняются положенія, задачи и все это течетъ добровольнымъ, непринудительнымъ путемъ. У каждаго изъ участниковъ своя роль и задача, и посмотрите, какъ дѣти строго выдерживаютъ характеръ своей роли, сохраняя полную жизненную серьезность. Въ игрѣ какъ

въ калейдоскопѣ мѣняются роли и задачи участниковъ и вездѣ они должны найтись сами и проявить свою пригодность къ симулируемой жизни; уже тутъ—опять-таки не на словахъ, а на дѣлѣ—они знакомятся съ значеніемъ энергіи, рѣшительности, дѣеспособности и т. д.

10. Игры мальчиковъ и дѣвочекъ. Мы не можемъ не упомянуть здѣсь, что многіе въ наше время находятся въ опасности занять нежизненную позицію въ рѣшеніи вопроса объ особыхъ играхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, старательно исключая всякія особенности. И тутъ вопросъ долженъ рѣшаться на достаточно реальной, жизненной почвѣ. Игры открываютъ широкій просторъ подготовкѣ къ жизни, въ этомъ ихъ огромное соціально-жизненное значеніе, но этимъ же на насъ налагаются опредѣленныя обязательства. Такъ какъ дѣтямъ придется въ будущемъ жить вмѣстѣ, то естественно уже въ дѣтствѣ не раздѣлять ихъ по возможности и въ играхъ. Въ основѣ должны лежать общія игры. Но рядомъ съ ними, именно въ интересахъ подготовки къ жизни, должны стоять или, по крайней мѣрѣ не исключаться особыя игры для мальчиковъ и дѣвочекъ. Повторяя ростъ культурнаго человѣчества, мальчики неудержимо стремятся къ игрѣ въ охоту, борьбу и т. д.; здоровый инстинктъ влечетъ дѣвочекъ къ игрѣ, связанной съ атмосферой материнства, напримѣръ, къ игрѣ въ куклы. Конечно, мы не должны впадать въ крайность, не воспитывать психологію «насѣдки», но было бы грубой ошибкой мѣшать играмъ дѣвочекъ, въ которыхъ сказывается инстинктъ будущей матери. Въ сущности нужно считать большимъ недостаткомъ нашей школы, что тамъ почти ничто не говоритъ и не напоминаетъ о **здоровыхъ** материнскихъ и отцовскихъ задачахъ, съ которыми встрѣтятся дѣти въ предстоящей имъ жизни. Позаботившись въ дѣтствѣ о **культурно**-нормальномъ развитіи этой стороны, мы убережемъ дѣтей отъ многихъ тяжелыхъ переживаній; при этомъ воспитаніе здороваго материнскаго инстинкта нисколько не противорѣчитъ требованію открыть женщинѣ широкій просторъ въ образованіи и въ дѣятельности. Та-

кимъ образомъ, специфическія игры дѣвочекъ и мальчиковъ, какъ частность на ряду съ общими, диктуются смысломъ игръ какъ подготовки къ соціальной жизни.

11. Игра какъ питомникъ характера. Игра же на первыхъ порахъ является питомникомъ характера, потому что онъ растетъ и вырабатывается дѣятельнымъ путемъ, а дѣятельность дѣтей сосредоточена въ области игры. Опытъ и общеніе являются въ данномъ случаѣ, какъ и вообще, незамѣнимыми факторами воспитанія, въ значительной степени опредѣляющими характеръ индивида. Тутъ невольно вспоминается великая идея античнаго міра (Платонъ, Аристотель), что дружба и общеніе—величайшій, незамѣнимый даръ боговъ. Это не только основное воспитательное средство, но въ счастливыхъ условіяхъ и могучій источникъ образованія. У дѣтей младшаго возраста этотъ опытъ и общеніе дается почти исключительно игрой въ широкомъ смыслѣ этого слова, велика ея роль въ этомъ отношеніи и на дальнѣйшей стадіи. Это сразу подымаетъ значеніе игръ на неизмѣримую высоту, потому что опытъ и общеніе незамѣнимы. Попытки поставить на ихъ мѣсто разъясненія взрослыхъ, замѣнить ихъ обученіемъ въ какой бы то ни было формѣ равносильны попыткѣ замѣнить свѣтъ солнца свѣтомъ свѣчи[1]). Жизнь въ игрѣ даетъ при этомъ все жизненное богатство разнообразныхъ положеній, сочетаній, требованій и притязаній, въ которыхъ дѣтямъ приходится самимъ рѣшать вопросъ, научаясь собственнымъ опытомъ бороться за свою позицію въ жизни. Тотъ же опытъ и общеніе въ игрѣ, какъ мы уже замѣтили, знакомитъ дѣтей съ силой коллектива, съ значеніемъ «общественнаго мнѣнія», несомнѣнно имѣющагося и у дѣтей.

12. Отрицательные моменты въ играхъ. Таковы въ общихъ чертахъ положительныя стороны дѣтскихъ игръ. Но есть и въ этомъ вопросѣ свое «но», своя оборотная сторона медали. Мы уже указывали на то, что все животное царство обнаруживаетъ неудержимую тягу къ игрѣ, инстинктивно

---

[1]) Сравненіе, данное Гербартомъ.

чувствуя ея глубокое жизненное значеніе. Этимъ, а также радостью игры объясняется то, что игра затягиваетъ, опьяняетъ, увлеченіе все повышается и на этой почвѣ возникаютъ крайности: грубость, разнузданность, пробуждаются дурные инстинкты. У дѣтей часто въ пылу увлеченія борьба-игра легко переходитъ въ разгоряченной атмосферѣ въ грубую драку, проявленіе силы можетъ незамѣтно обратиться въ насиліе, побѣдитель часто забываетъ о великодушіи и обращается въ примитивнаго дикаря, незнающаго жалости и пощады. Дѣти, какъ говорятъ у насъ, тутъ уже начинаютъ «бѣситься». Все это возникаетъ естественнымъ путемъ на почвѣ увлеченія. Но, къ сожалѣнію, этими естественными недостатками дѣло не исчерпывается. Какъ мы указали вначалѣ, игры стоятъ въ довольно тѣсной связи съ развитіемъ взгляда на жизнь и смѣна въ характерѣ игръ обусловливается въ значительной степени перемѣнами въ характерѣ и жизни общества. Учась жить въ игрѣ, дѣти стремятся создать въ ней возможно болѣе точную копію съ тѣхъ сторонъ жизни, которыя удается подсмотрѣть и схватить этимъ маленькимъ ревнивымъ наблюдателямъ. Такимъ образомъ, дѣтскія игры становятся во многихъ отношеніяхъ яркимъ показателемъ культурнаго уровня и характера жизни даннаго общества. Въ особенности въ наше время мы нерѣдко наблюдаемъ, какъ атмосфера дѣтскихъ интересовъ и игръ заражается грязью и пороками взрослыхъ. Дѣти стремятся подражать въ играхъ взрослымъ, а тѣ творятъ безобразія и въ результатѣ получается та тягостная картина, что богатый источникъ воспитанія, чистый самъ по себѣ, оказывается загрязненнымъ. Наша пресса не разъ отмѣчала, какъ въ атмосферѣ военныхъ судовъ, висѣлицъ, экспропріацій и всѣхъ тѣхъ ужасовъ, которые пришлось пережить русскому обществу на развалинахъ освободительнаго движенія, игры дѣтей въ широкой массѣ обезобразились сколками съ отвратительныхъ явленій общественной жизни взрослыхъ. Кто сталкивался последнее время съ массой народныхъ учителей и учи-

тельницъ,—напримѣръ, на лѣтнихъ учительскихъ курсахъ,— тотъ знаетъ, что тамъ въ ужасающемъ количествѣ слышатся наряду съ жалобами на явленія воровства и обмана, притомъ еще поддерживаемаго взрослыми, просьбы сказать, какъ бороться съ безобразными играми дѣтей, подражающихъ взрослымъ, уснащающихъ свою рѣчь площадной бранью, изображающихъ пьяныхъ и ихъ поведеніе, и т. д. включительно до сценъ полового характера, азартныхъ игръ въ перья, пуговицы, которыя проигрываются до послѣдней съ своего платья. Все это прямое дѣтище нашей общественной жизни. Ужасъ распада не только въ томъ, что онъ всей своей тяжестью ложится на современниковъ, но чуть ли не самое страшное кроется въ томъ, что этотъ распадъ налагаетъ свою руку на будущее, губя духовно и нравственно дѣтей, будущихъ дѣятелей будущаго общества. Къ этому присоединяется еще одно обстоятельство. Вялость, нравственно-религіозная расшатанность переходной эпохи отразилась и на дѣтяхъ. Во многихъ случаяхъ у нихъ замѣчается вялость, отсутствіе иниціативы, и дѣти часто бродятъ, скучая, изъ угла въ уголъ, не умѣя заняться или взяться за игру. Сила жизни и желанія какъ будто ослабла и у дѣтей; да это и понятно,—ихъ съ большимъ правомъ можно было бы назвать барометромъ общества.

13. Вопросъ о контролѣ въ играхъ. Вотъ на этой почвѣ и выросла идея игръ, руководимыхъ взрослыми. Необходимость въ такомъ руководствѣ, помимо указанныхъ причинъ и стремленія создать противовѣсъ отрицательнымъ сторонамъ, порождающимъ уродливости игръ, замѣнить недостающую иниціативу, подчеркивается еще и крайне сложными условіями нашей жизни, желаніемъ использовать игру на первыхъ порахъ для цѣлесообразнаго ознакомленія съ окружающимъ міромъ и его явленіями. Защитники такой организаціи игръ справедливо указываютъ, что дѣтская изобрѣтательность и опытъ въ общемъ остаются на уровнѣ примитивнаго и не поспѣваютъ за современнымъ сложнымъ механизмомъ жизни. Все это въ общей сложности создаетъ

необходимость вмѣшательства взрослыхъ руководителей и контроля. И вотъ тутъ увлеченіе тоже угрожаетъ создать крайность: игры, руководимыя взрослыми, угрожаютъ исключить самостоятельныя игры дѣтей. Что это опасность и угроза здоровому отношенію къ играмъ, въ этомъ не трудно убѣдиться, если припомнить, въ чемъ заключается сущность и назначеніе игръ. Въ центрѣ всего стоитъ дѣтскій опытъ и общеніе, самостоятельность рѣшеній и поступковъ, корректируемыхъ не внѣшнимъ контролемъ, но самимъ ходомъ игры и дѣтскаго общенія,—при незамѣтномъ контролѣ взрослыхъ, — дѣтская самодѣятельность, — свойства, которыя все болѣе настойчиво требуются всѣмъ укладомъ нашей соціальной жизни. Можетъ быть, никогда общественная жизнь не связывала такъ индивида, какъ въ наше время, но, съ другой стороны, никогда не предъявлялись и большія требованія къ его самостоятельности и самодѣятельности въ служеніи этому обществу и своимъ собственнымъ интересамъ. И въ игрѣ дается наиболѣе благопріятная обстановка—безопасная и безобидная, если за ней разумно наблюдаютъ,—для развитія этихъ свойствъ. Контроль-же и чрезмѣрное руководство по самому существу дѣла отрѣзываютъ путь къ этому опыту, самостоятельности и самодѣятельности. Это не требуетъ дальнѣйшихъ поясненій. Ясно также, что контроль и руководство взрослыхъ уничтожаетъ дѣтскую иниціативу и при широкомъ пользованіи ими могутъ легко поселить пассивность. Они уничтожаютъ то, что въ играхъ дѣтей является особенно цѣннымъ: выработка воли, характера, умѣнія найтись. Мы здѣсь должны—хотя и мимоходомъ—коснуться больного мѣста всей нашей системы образованія и воспитанія: мы въ школѣ переоцѣниваемомъ цѣнность готоваго знанія и формулъ поведенія и до крайности недооцѣниваемъ значеніе **метода**, умѣнія найти это знаніе и формулы. Вотъ почему, когда наши питомцы покидаютъ школу и сталкиваются внѣ ея съ вопросами, требующими умѣнія использовать свои знанія самостоятельно и неукладывающимися въ готовыя формулы,

вынесенныя изъ школы, они чувствуютъ себя безпомощными и вызываютъ нареканія людей жизни на людей только школы. Для жизни и дѣятельности методъ если не болѣе, то во всякомъ случаѣ не менѣе цѣненъ, чѣмъ готовое знаніе. Однимъ изъ важныхъ факторовъ въ этомъ отношеніи—въ отношеніи умѣнія найтись въ различныхъ положеніяхъ и условіяхъ—является игра, игра не по программѣ, неизбѣжно вносимой взрослыми руководителями даже въ лучшемъ случаѣ хотя бы въ малой степени, а игра самопроизвольная, протекающая по изворотамъ дѣтской фантазіи и изобрѣтательности. Вотъ почему, опираясь особенно на самую сущность и смыслъ дѣтскихъ игръ, приходится, признавая огромную пользу такихъ организованныхъ и руководимыхъ взрослыми игръ, все-таки подчеркивать, что онѣ ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить замѣной самостоятельныхъ игръ дѣтей, рождающихся и протекающихъ по ихъ собственной иниціативѣ и не должны ни въ чемъ вытѣснять ихъ. Тамъ, гдѣ тяжелыя условія современной культурной жизни, распущенность, природная несдержанность и т. д. создаютъ необходимость такого вмѣшательства и контроля, нужно прибѣгнуть къ нимъ, но твердо помня, что ихъ назначеніе чисто временное, что, давъ иниціативу, организовавъ разбредающихся въ разныя стороны дѣтей, взрослый руководитель долженъ свести свою роль на минимумъ, а при удобномъ случаѣ вовсе предоставить дѣтей самимъ себѣ. Руководимыя игры не замѣщеніе, а только дополненіе самопроизвольныхъ дѣтскихъ игръ. Контроль устранитъ при умѣломъ и разумномъ отношеніи къ дѣлу отрицательныя явленія въ играхъ, но онъ исключитъ всѣ тѣ положительныя стороны, которыя особенно важны въ дѣтскихъ играхъ, составляя ихъ огромное соціально-жизненное значеніе.

14. Организуемыя взрослыми игры — только какъ дополненіе.

Намъ укажутъ на то, сколько счастія и радости внесли въ дѣтскую жизнь игры, организованныя для дѣтей на бульварахъ, напримѣръ, въ Москвѣ. Дѣйствительно, было-бы

несправедливо отрицать, что они при умѣлой постановкѣ могутъ стать праздниками для дѣтей, но, во-первыхъ, онѣ не ежечасны и не ежедневны; онѣ именно и являются крайне желательнымъ дополненіемъ, о которомъ говорили мы. Самое-же главное, ихъ назначеніе служить многочисленнымъ дѣтямъ улицы; жизнь лишила ихъ въ сущности семьи; мать и отецъ на работѣ, дѣти предоставляются самимъ себѣ и улицѣ, которая отравляетъ ихъ смрадомъ оборотной стороны культурной жизни, площаднымъ духомъ городовъ, особенно большихъ. Туда-же гонитъ дѣтей бѣдныхъ семей нищета и нужда, рождающія домашній адъ и злобное желаніе освободиться отъ докучнаго шума и требованій дѣтей. Рано обездоленные, лишенные естественной радости семьи, они, конечно, счастливы организуемыми играми, какъ единственнымъ просвѣтомъ въ ихъ жизни, заставляющимъ ихъ хоть на два, три часа забыть объ удушливомъ смрадѣ повседневной жизни. Тутъ онѣ необходимы, но ссылка на дѣтей улицъ большихъ городовъ это—ссылка на патологію нашей соціальной жизни, диктующую и обосновывающую иные пути; мы же имѣемъ въ виду нормальное развитіе дѣтей и нормальныя школы. Тамъ на нашъ взглядъ вопросъ рѣшается простымъ разсужденіемъ: игра должна быть удовольствіемъ; нѣтъ этого удовольствія отъ игры, нѣтъ и самой игры; но радость ея зиждется главнымъ образомъ на чувствѣ активности и сознанія себя, хотя бы и смутно, какъ самостоятельной силы, являющейся причиной, созидающимъ факторомъ; тамъ, гдѣ контроль и руководство возводятся въ систему, игра утрачиваетъ этотъ свой основной характеръ, потому что она должна быть свободна какъ отъ внѣшней отвѣтственности, такъ и — въ особенности—отъ принудительности. Надо дать дѣтямъ по возможности широкій просторъ въ этой области, потому что характеръ, воля, личность—все это плодъ дѣйствій, а не словъ. Понеобходимости мы вынуждены руководить всей жизнью дѣтей; пусть же эта ихъ специфическая об-

ласть, міръ дѣтской жизни, опыта и общенія, останется внѣ контроля и руководства взрослыхъ,—по крайней мѣрѣ, контроль долженъ быть незамѣтнымъ, а руководимыя взрослыми игры только дополненіемъ. Когда дѣти въ разбродѣ, не проявляютъ иниціативы, не сходятся, мѣшаютъ другъ другу, организуйте ихъ, дайте толчокъ къ игрѣ, но затѣмъ во-время уйдите и предоставьте имъ жить этой маленькой жизнью самимъ. Это необходимо для воспитанія самостоятельности, самодѣятельности, для полной широты дѣтскаго житейскаго опыта.

15. Заключеніе. Гербартъ когда-то подчеркнулъ необходимость «nicht zu viel zu erziehen» («не слишкомъ много воспитывать»), и въ этомъ есть доля глубокой правды. Опутавъ область воспитанія чрезмѣрно тонкой, хитросплетенной сѣтью искусственныхъ мѣръ, мы легко впадемъ въ ложь искусственности. Надъ всѣмъ все-таки стоитъ требованіе для оздоровленія области дѣтскихъ игръ, какъ и вообще всей дѣтской жизни, параллельно стремиться оздоровить прежде всего жизнь взрослыхъ, потому что дѣти все-таки идутъ много имитативнымъ, подражательнымъ путемъ. Они съ жадностью слѣдятъ за жизнью «большихъ», ловятъ въ ней все, что имъ удается подмѣтить, хорошее и дурное, и переносятъ свои наблюденія и въ игры. Съ дурными сторонами надо всѣми силами бороться; кое-что въ этомъ отношеніи могутъ сдѣлать контролируемыя и руководимыя взрослыми игры, но не слѣдуетъ тонуть въ искусственности. Намъ необходимо помнить, что въ концѣ концовъ никто не создастъ дѣтскаго міра и переживаній лучше, чѣмъ сами дѣти. Это остается справедливымъ и въ отношеніи игръ. Въ нихъ дѣти выращиваютъ свою личность, въ нихъ они познаютъ самихъ себя. Для этого необходимы прежде всего самостоятельность и свободная самодѣятельность, а затѣмъ уже въ качествѣ корректива и дополненія на второмъ мѣстѣ контроль и руководство.

Гл. XXI. Воображеніе и его роль въ духовномъ развитіи.

1. Игры и воображеніе. Игры, какъ мы видѣли, служатъ широкой атмосферой дѣтской самостоятельной жизни, въ которой дѣти со всей присущей имъ серьезностью принимаютъ вымышленную дѣйствительность за настоящую. Въ этой замѣнѣ основную роль играютъ функціи воображенія или фантазіи, безъ которыхъ почти всѣ игры безъ исключенія стали бы совершенно немыслимыми: стулъ, изображающій по мѣрѣ надобности то желѣзнодорожный вагонъ, то горячую верховую лошадь, то бѣшено мчащійся автомобиль и т. д., остался бы простымъ прозаическимъ стуломъ, безжизненнымъ и неподвижнымъ, тоскливымъ предметомъ, пригоднымъ только для сидѣнія, и только фантазія помогаетъ сдѣлать изъ него занимательнѣйшую игрушку, безъ которой не обходится почти ни одинъ ребенокъ и передъ которой нерѣдко стушевываются самыя дорогія и причудливыя игрушки, изготовленныя руками взрослыхъ. Роль воображенія въ жизни дѣтей необъятно велика, и вотъ мы, не удовлетворяясь фактомъ, ищемъ въ педагогикѣ отвѣта на вопросъ, какъ относиться къ этому факту, узаконять ли его, признавая его цѣлесообразность, или же задерживать по возможности развитіе фантазіи, считая ее факторомъ, вредно отражающимся на формированіи цѣльной и жизнеспособной личности. Разберемся коротко съ психологіей его воображенія и его отношеніемъ къ дѣйствительности.

2. Воображеніе и дѣйствительность. Въ понятіи воображенія мы сталкиваемся съ необычайно сложной психологической проблемой, и эта сложность для педагога увеличивается еще тѣмъ недоразумѣніемъ, которое возникаетъ на почвѣ житейскаго, вульгарнаго пониманія дѣятельности фантазіи. Въ ней мы различаемъ такъ называемое воспроизводящее или репродуктивное воображеніе, близко родственное во многихъ отношеніяхъ къ воспоминанію, и продуктив-

ное или творческое воображеніе, въ которое переносится центръ тяжести. Говоря о фантазіи въ болѣе узкомъ смыслѣ слова, обыкновенно и имѣютъ въ виду творческое воображеніе. Вспоминая о быломъ, разъ видѣнномъ, слышанномъ и т. д., описывая мѣсто, время, людей, мы нерѣдко переносимся въ эту дѣйствительность, какъ въ живую, возстанавливая ее,—конечно, въ далеко неточномъ и частью прикрашенномъ видѣ—въ своемъ духѣ съ помощью воспроизводящаго воображенія. Въ жизни въ этихъ случаяхъ говорятъ о живомъ, наглядномъ представленіи. Въ другой разъ та же фантазія способна унести насъ, окруженныхъ прозаической мрачной дѣйствительностью, въ царство никогда невиданнаго свѣта и тепла, въ атмосферу такой красочной дѣйствительности, передъ которой меркнетъ даже сама дѣйдѣйствительность, — это дѣятельность творческаго воображенія, рисующаго свои образы, не страшась никакихъ контрастовъ и противорѣчій съ такъ называемой реальной дѣйствительностью. И вотъ на этой почвѣ трезвый духъ взрослыхъ людей, загипнотизированный трезвыми заботами жизни, заклеймилъ фантазію печатью лживаго мышленія и созидателя ложныхъ образовъ, оторванныхъ отъ дѣйствительности и совершенно произвольныхъ. Простой анализъ образовъ фантазіи показываетъ намъ, оставляя пока въ сторонѣ вопросъ объ умѣстности рѣчей о «лжи» въ примѣненіи къ фантазіи, всю ошибочность этого взгляда. Какъ бы ни былъ богатъ полетъ творческаго воображенія, о воспроизводящемъ воображеніи и говорить нечего: всѣ составные элементы его образовъ взяты изъ самой неподдѣльной настоящей реальной дѣйствительности. Въ психикѣ нашей по чувственному содержанію ея нѣтъ ничего, что пришло бы въ нее помимо дѣйствительныхъ воспріятій и переживаній. Въ этомъ смыслѣ даже самые разнузданные фантастическіе образы не оторваны въ своихъ составныхъ частяхъ отъ реальной дѣйствительности, данной воспріятіями и опытами, но что полагаетъ пропасть между ними и дѣйствительностью, это то, что въ дѣятельности фантазіи мы произвольно

слагаемъ эти элементы въ новое цѣлое, не стѣсняясь ни величиной, ни разстояніемъ, ни временемъ. Вотъ на этой почвѣ и вырастаютъ образы фантазіи. Содержаніе ихъ взято—въ видѣ свойствъ, положеній, отношеній и т. д., отдѣльныхъ отъ предметовъ, явленій, переживаній и т. д. — изъ реальной дѣйствительности, а форму имъ какъ сочетаніямъ отдѣльныхъ элементовъ далъ нашъ духъ съ помощью своего активнаго творческаго воображенія. Въ продуктахъ античнаго творчества, въ центаврахъ, фавнахъ, въ крылатыхъ лошадяхъ и т. д. передъ нами новое цѣлое, въ которомъ при всей его необычайности мы безъ труда выдѣляемъ реальные дѣйствительные элементы: получеловѣкъ, полукозелъ, полулошадь и т. д.—все это поражаетъ насъ какъ цѣлое, но оно неразрывно связано съ реальной, изъ воспріятія взятой дѣйствительностью въ его частяхъ. Исключенія не составляютъ даже образы больной фантазіи. И въ сказкахъ, и въ миѳахъ, гдѣ воображеніе рисуетъ намъ Кощея безсмертнаго, бабу-Ягу, змѣя Горыныча, передъ нами фигуры, совершенно оторванныя отъ дѣйствительности только какъ цѣлое. Содержаніе и тутъ даетъ дѣйствительность, а форму — нашъ духъ, но не считаясь уже съ требованіями соотвѣтствія этой дѣйствительности. Для педагогической теоріи это рѣшающая черта въ психологіи воображенія, бросающая яркій свѣтъ на воображеніе дѣтей и на правильное отношеніе къ его воспитанію.

3. Понятіе воображенія. Какъ ни спорно понятіе воображенія въ психологіи и до сихъ поръ, мы можемъ теперь на почвѣ выясненія его отношенія къ реальной дѣйствительности попытаться съ нѣкоторой достовѣрностью опредѣлить его сущность. Не кто иной, какъ отецъ современной экспериментальной психологіи, Вильгельмъ Вундтъ подчеркиваетъ большую близость воображенія со всей сферой мыслительной дѣятельности человѣка; онъ смотритъ на воображеніе, какъ на общую душевную функцію, появляющуюся вездѣ, гдѣ только обнаруживается творческая «образующая дѣятельность», такъ что она охватываетъ и воспоминаніе, и

творчество новаго и т. д. Такимъ образомъ, фантазія въ широкомъ смыслѣ слова есть тоже своего рода мышленіе, оно также характеризуется обработкой дѣйствительныхъ элементовъ, составныхъ частей дѣйствительности, которыя воображеніе то одѣваетъ въ совершенно новую форму сочетанія, отношенія и т. д., то видоизмѣняетъ ихъ тѣмъ, что производитъ изъ нихъ выборъ, нестѣсненный ихъ дѣйствительными отношеніями, или же выдвигаетъ ихъ тѣмъ, что оживляетъ усиленнымъ потокомъ чувства. Такъ какъ характерный признакъ мышленія заключается также въ активномъ, перерабатывающемъ отношеніи къ дѣйствительности, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ современной психологіи подчеркивается ихъ близость. Такимъ образомъ, воображеніе или фантазію съ этой стороны можно было бы опредѣлить такъ: фантазіей называется всякая психическая дѣятельность, протекающая въ представленіяхъ, тѣсно связанныхъ съ чувствомъ, поскольку она совершается независимо отъ контролирующихъ ее образовъ и отношеній дѣйствительности [1]. Какъ только въ эту дѣятельность вторгается реальная дѣйствительность и вводитъ свой контроль, регулируя всю эту жизнь точностью и соотвѣтствіемъ своимъ образамъ, мы вступаемъ въ колею психической жизни, которую мы называемъ мышленіемъ. Само собой разумѣется, что дѣятельность фантазіи становится тѣмъ менѣе самостоятельной, чѣмъ сильнѣе вырастаетъ такое критическое отношеніе къ ея функціямъ. Надо при этомъ не забывать только, что критическое отношеніе не исчерпывается контролемъ съ помощью установленія соотвѣтствія или несоотвѣтствія дѣйствительности, а оно можетъ руководиться просто требованіями логической связи и правдивости, оставляя во многомъ дѣйствительность какъ таковую въ сторонѣ, какъ мы это увидимъ дальше.

4. Типы воображенія. Дѣятельность фантазіи какъ у дѣтей, такъ и у взрослыхъ можетъ протекать въ различ-

[1] См. статью A. Henselling „Begriff und Entwicklung der Phantasie", Zeitschr. f. Päd. Psych. 1912, V.

обозначается не одно конкретное дѣйствіе, но и скрывающаяся за нимъ воля: съ уничтоженіемъ или замѣной неопр. наклон. теряется единственный признакъ, указывавшій на волю, и отглагольное имя означаетъ уже просто конкретное дѣйствіе.

Глаголы первой и второй группы означали субъективную возможность[1]). Но бываетъ еще объективная возможность и объективная необходимость, зависящая не отъ желанія или умѣнья дѣйствующаго лица, а отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, отъ обстановки, мѣста, времени и т. д. Говоря: «я могу то-то сдѣлать», я указываю на два дѣйствія—на свое объективное ощущеніе способности и на предполагаемое конкретное дѣйствіе; выраженіе же: «можно то-то сдѣлать», указываетъ на объективную возможность, зависящую отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, и обозначаетъ всего одно дѣйствіе. Возможность или необходимость, какъ свойство сужденія, обозначается выраженіями: licet, fas, credibile est, oportet, decet и т. п., при чемъ самое сужденіе, оцѣниваемое со стороны модальности, выражается съ помощью acc. c. inf. Въ этомъ случаѣ мы обозначаемъ и тотъ предметъ, который можетъ или долженъ дѣйствовать въ зависимости отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Но иногда активная роль этого предмета настолько ничтожна, что мы, не называя предмета, отмѣчаемъ одно только предполагаемое дѣйствіе. Въ этомъ случаѣ дѣйствіе выражается съ помощью неопр. наклон., а сказуемымъ сужденія служатъ опять или безличные глаголы: licet, decet, oportet, convenit, praestat и др., или имена, означающія понятіе объективной возможности или необходимости. То же бываетъ, когда предполагаемое дѣйствіе принадлежитъ неопредѣленной группѣ лицъ. Иногда лицо, которое можетъ или должно дѣйствовать, обозначается дат. падежомъ имени; падежъ этотъ указываетъ такимъ образомъ на тотъ предметъ, въ пользу или во вредъ котораго

---

[1]) Беремъ это понятіе въ наиболѣе обширномъ смыслѣ, въ смыслѣ Аристотелевскаго термина *δύναμις*, по отношенію къ которому „способность" есть понятіе видовое.

сложились внѣшнія обстоятельства[1]). Доселѣ у насъ еще не было герундія. Когда же мы означаемъ не сужденіе о возможности или необходимости, а понятіе или представленіе, на сцену являются имена, требующія род. пад. герундія. Это четвертая категорія именъ, требующихъ этого падежа. Здѣсь мы уже выходимъ изъ сферы отглагольныхъ именъ[2]): указывать на объективную возможность или необходимость дѣйствія значитъ указывать не на новое дѣйствіе, а на обстоятельства, отъ которыхъ зависитъ предполагаемое дѣйствіе. Имена, означающія объективную возможность и необходимость, можно раздѣлить на двѣ группы. Одни означаютъ общее понятіе возможности или необходимости; таковы: licentia, necessitas, facultas, copia, venia, potestas и др. Но понятіе это можетъ и спеціализироваться: общее понятіе о возможности дѣйствія можно замѣнить понятіемъ о мѣстѣ, гдѣ это дѣйствіе возможно, о времени, когда оно возможно, о способѣ, которымъ оно можетъ проявиться, и, наконецъ, о поводѣ, т.-е. о причинѣ или цѣли, наличность которыхъ дѣлаетъ дѣйствіе возможнымъ. Такимъ образомъ спеціальныя понятія сводятся какъ разъ къ тѣмъ видамъ, на которые грамматика дѣлитъ обстоятельственныя слова: спеціальныя понятія, замѣняющія общее понятіе объективной возможности и необходимости, указываютъ на мѣсто—locus, spatium, время — tempus, occasio, образъ дѣйствія — conditio, genus, modus, mos, ratio, причину и цѣль—causa, illecebra. Впрочемъ нельзя думать, что языкъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ строго различаетъ, чѣмъ обусловлена возможность или необходимость дѣйствія. Часто спеціальный оттѣнокъ настолько скрывается за общимъ понятіемъ, что, напр., слова locus и spatium находимъ даже и тамъ, гдѣ ожидаемъ понятія

---

[1]) Особенно часто употребляется этотъ дат. въ русскомъ языкѣ: здѣсь берется простое предложеніе съ дат. пад. лица даже и тогда, когда въ латинскомъ языкѣ мы имѣемъ сложное предложеніе, заключающее въ себѣ оцѣнку *сужденія со стороны модальности.*

[2]) Слова: licentia, facultas, potestas („удобный случай"), conditio и мн. др., хотя происходятъ отъ глаголовъ, но въ этомъ случаѣ не означаютъ уже дѣйствія.

времени [1]) (ср.: nactus locum resecandae libidinis et coërcendae inveutntis, Cic., *Att.*, 1, 18; spatium — vocandi, sacrificandi dabitur paululum, Ter., *Phorm.*, 4, 4). При переводѣ на русскій языкъ словъ: locus, tempus, occasio и т. д., иногда приходится прибавлять опредѣленія: «удобный», «подходящій», «представившійся» и др. Въ латинскомъ языкѣ подобныя опредѣленія являются плеоназмомъ, потому что обозначаемый ими признакъ достаточно уже констатируется герундіемъ, указывающимъ на дѣйствіе предполагаемое для такого-то времени или мѣста и, значитъ, подходящее къ этому времени или мѣсту. Иное мы видимъ въ русскомъ языкѣ. Точно соотвѣтствуютъ латинскимъ выраженіямъ только тѣ сочетанія, въ которыхъ при именахъ: «мѣсто», «время», «пора», «случай», «способъ» и др., стоитъ неопр. наклон. («за тѣснотой не было мѣста сѣсть»; «пришла пора отдохнуть», «способъ оправдаться», «случай отличиться», и т. п.). Отглагольныя же имена сами по себѣ не означаютъ предполагаемаго дѣйствія. Ими обозначается всякое дѣйствіе вообще, безъ отношенія ко времени, такъ что, напр., выраженіе; «время сбора», можетъ указывать и на фактическое дѣйствіе, т.-е. относящееся къ прошлому или настоящему времени. Если мы хотимъ констатировать объективную возможность или необходимость дѣйствія, то, очевидно, не достаточно будетъ сказать: «время сбора», потому что слушатель не будетъ знать, указываемъ ли здѣсь на предполагаемое дѣйствіе или на фактическое, не говоря уже о томъ, что самое отглагольное имя «сборъ» можетъ имѣть двоякое значеніе, т.-е. можетъ быть замѣной глагола «собирать» и глагола «собираться». Употребляя вмѣсто отглагольнаго имени неопр. наклон., мы избѣгаемъ той и другой неопредѣленности; выраженіе: «пора собирать» («пришла пора, пришло время собирать плоды»), будетъ указывать уже прямо на дѣйствіе предполагаемое и переходное. Такимъ образомъ род. пад.

---

[1]) По-русски говорятъ иногда: „это событіе имѣло мѣсто въ концѣ прошлаго года", но это галлицизмъ — avoir lieu.

герундія при словахъ: tempus, occasio и т. д., только тогда передается съ помощью отглагольнаго имени, когда мы, не особенно заботясь о точности и ясности выраженія, ставимъ это имя вмѣсто обычнаго и болѣе точно передающаго нашу мысль неопр. наклон. Само собою разумѣется, что герундій непригоденъ для перевода тѣхъ отглагольныхъ именъ, которыя означаютъ фактическое дѣйствіе. Выраженія: «мѣсто сраженія», «мѣсто собранія», «время рожденія» и т. п., переводятся не съ помощью герундія, а описательными оборотами: locus, ubi pugnatum est, ubi pugnatur, quo convenerunt, quo conveniunt; tempus, quo natus est, и т. д. Отглагольное имя при выраженіи: «во время», — одинъ изъ обычныхъ способовъ сокращенія временныхъ предложеній, совершенно невозможный въ латинскомъ языкѣ. Отглагольныя имена ставятся въ русскомъ языкѣ не только при родовыхъ понятіяхъ: «мѣсто», «время», «способъ» и др., но и при тѣхъ видовыхъ, на которыя могутъ разлагаться эти родовыя: «край изгнанія», «поле сраженія», «годъ, день, часъ, минута рожденія», «аккуратность исполненія», и т. д. Означая фактическое дѣйствіе, подобныя сочетанія также не могутъ быть переводимы герундіемъ.

Намѣчая категоріи именъ, требующихъ род. пад. герундія, мы говорили только о тѣхъ отглагольныхъ именахъ, которыя означаютъ дѣйствіе или временной аттрибутъ дѣйствія. Но род. пад. герундія, какъ и gen. obiectivus именъ существительныхъ, можетъ зависѣть и отъ словъ, указывающихъ на дѣйствующее лицо. По значенію слова эти не будутъ составлять особой категоріи: они распредѣляются между указанными выше категоріями. Но четвертая категорія останется совершенно въ сторонѣ, потому что указанное нами понятіе объективной возможности или необходимости несовмѣстимо съ представленіемъ о дѣйствующемъ лицѣ: съ появленіемъ дѣйствующаго лица объективная возможность переходитъ въ субъективную. Первая категорія тоже почти остается въ сторонѣ. Существительное, указывающее на дѣйствующее лицо, съ логической точки зрѣ-

нія есть обозначеніе простого понятія о предметѣ, т.-е. имѣющаго всего одинъ признакъ — именно приписываемое предмету дѣйствіе. Дѣйствіе это не заключаетъ въ себѣ категоріи времени: «слушателемъ», напр., мы называемъ и того, кто слушалъ или слушаетъ, и того, кто будетъ только слушать. Но въ связной рѣчи существительныя эти чаще всего имѣютъ служебное значеніе: они или замѣняютъ собою подлинное названіе предмета, имѣющаго, кромѣ означаемаго ими признака, много и другихъ, извѣстныхъ намъ признаковъ, или даже прямо ставятся рядомъ съ этими подлинными названіями, въ качествѣ приложенія или сказуемаго, и означаютъ не особый предметъ, а только особое свойство тутъ же названнаго предмета. Означаемое существительнымъ дѣйствіе въ томъ и другомъ случаѣ можетъ относиться къ одному, опредѣленному времени, но эта категорія времени опредѣляется не самымъ существительнымъ, а исключительно контекстомъ рѣчи. Приписывать же предмету дѣйствіе безъ опредѣленной категоріи времени это обыкновенно значитъ указывать на способность предмета къ дѣйствію, которое на самомъ дѣлѣ могло осуществиться, но могло и не произойти еще. Особенно это можно сказать о такихъ дѣйствіяхъ, которыя относятся къ душевной жизни человѣка и во внѣшнемъ мірѣ проявляются не сами по себѣ, а съ помощью другихъ, конкретныхъ дѣйствій. Возьмемъ, напр., сферу воли. Отдѣльный актъ воли, заключая въ себѣ категорію времени, выражается глаголомъ, который означаетъ или самое хотѣніе или внѣшнее его проявленіе съ помощью другого, конкретнаго дѣйствія, *напр.*, *движенія* или произнесенія словъ. Когда эти внѣшнія проявленія повторяются, то мы заключаемъ о присутствіи воли, какъ способности, какъ болѣе или менѣе постояннаго свойства души; а для выраженія постоянныхъ свойствъ предмета или, по крайней мѣрѣ, присущихъ ему въ теченіе неопредѣленнаго времени языкъ имѣетъ особый разрядъ словъ—имена прилагательныя. И дѣйствительно, воля въ смыслѣ свойства души выражается прилагательными: cupidus, avidus, studiosus, при которыхъ ставится тотъ же род. пад. герундія.

Та же замѣна происходитъ и при обозначеніи другихъ проявленій душевной жизни[1]) и особенно при обозначеніи способности, какъ запаса умственныхъ, нравственныхъ или физическихъ силъ: вмѣсто существительныхъ, означающихъ дѣйствующее лицо, мы въ послѣднемъ случаѣ опять встрѣчаемся съ прилагательными, требующими того же род. пад. герундія. Сюда относятся: memor, immemor (память—какъ запасъ знаній), conscius, gnarus, ignarus, peritus, imperitus, insuetus, validus (orandi validus, Tac., *Ann.*, 4, 21) и др.[2]). Но во второй категоріи именъ, требующихъ род. пад. герундія, кромѣ прилагательныхъ, есть уже и существительныя. Если прилагательныя означаютъ здѣсь способность, какъ свойство лица, то существительными обозначается уже не только наличное присутствіе способности, но и передача ея другому: данное лицо передаетъ свои знанія, учитъ, руководитъ и т. д. Подобнаго рода передача и руководство есть уже не свойство, а дѣйствіе, поэтому прилагательныя здѣсь уступаютъ мѣсто существительнымъ, указывающимъ на дѣйствующее лицо. Сюда относятся имена: praeceptor, magister (dicendi effector ac magister, Cic., *Orat.*, 1, 33; dicendi auctor et magister, Cic., *Orat.*, 3), doctor, dux (regendae civitatis, Cic., *Orat.*, 3, 17; bene vivendi, Cic., *Amic.*, 5), auctor — виновникъ, руководитель (suscipiendi belli, alicuius interficiendi) и др. Рѣже гораздо существительными обозначается не передача, а наличное присутствіе способности или силы (artifex, existimator dicendi,—sui quemque iuris et retinendi et dimittendi esse dominum, Balb., 13, 31). Что касается, наконецъ, третьей категоріи словъ, требующихъ род. пад. герундія, то здѣсь остается намъ отмѣтить имена, указывающія на лицо, которое начинаетъ дѣйствіе, является зачинщикомъ, главою

---

[1]) Существительнымъ: „завистникъ", „ненавистникъ", „любитель", „мечтатель" и др., въ латинскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ прилагательныя.

[2]) Иныя прилагательныя съ одинаковымъ правомъ можно относить и къ первому и ко второму разряду, напр., nandi pavidus (Tac., *H.*, 5, 14,—отъ страха не желающій и неспособный), ambiguus imperandi (Tac., *Ann.*, 1, 7).

и т. д., — имена эти по значенію, очевидно, очень близко подходятъ къ только что указаннымъ именамъ второй категоріи, означающимъ руководителя. Въ третьей категоріи мы опять встрѣчаемъ и существительныя и прилагательныя: princeps (proelii faciendi, Cic., *Phil.*, 14, 9), caput (Graecorum concitandorum, Cic., *Flacc.*, 18), praecipuus (praecipuus circumveniendi Titii et luendae poenae primus, Tac., *Ann.*, 6, 4) и др.

Изъ всѣхъ сочетаній, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ род. пад. герундія, наиболѣе оригинальнымъ по сравненію съ русскимъ языкомъ является род. при causa. Нами уже указана роль этого слова при род. пад. герундія. Относя къ четвертой категоріи имена, означающія объективную возможность или необходимость, въ числѣ частныхъ, спеціальныхъ понятій мы отмѣтили, между прочимъ, и слово causa, означающее причину и цѣль. Но въ сочетаніи съ род. пад. герундія слово это пріобрѣло уже тѣсное значеніе. Чтобы выяснить значеніе слова во всемъ его объемѣ, нужно обратиться къ другимъ сочетаніямъ, къ случаямъ, когда causa соединяется съ род. пад. имени существительнаго.

Правило объ употребленіи causa грамматики помѣщаютъ въ главу о род. пад. и видятъ въ род. при causa то g. subiectivus, то g. auctoris, то g. obiectivus. Такую постановку дѣла едва ли можно назвать правильной. Анализируя этотъ оборотъ, грамматики все вниманіе устремляютъ на значеніе род. пад., а не на грамматическую роль самаго слова causa. Такъ какъ causa не есть отглагольное имя и даже не означаетъ дѣйствія, то, конечно, стоящій при этомъ словѣ род. пад. нельзя отнести ни къ g. subiectivus въ тѣсномъ смыслѣ, ни къ g. auctoris или obiectivus. Если ужъ помѣщать этотъ род. въ какую-либо категорію, то естественнѣе всего отнести къ той неопредѣленной группѣ, которую грамматики обозначаютъ терминомъ g. possessivus. Но оригинальность этого оборота заключается вовсе не въ этомъ род. пад., а въ грамматической роли самаго слова causa; такъ что и объясненіе оборота умѣстнѣе было бы встрѣтить въ главѣ о твор. пад. Твор. causa — это «творительный

причины, въ которомъ ставятся слова, означающія побужденіе (внутреннее—amore, ira и т. д., или внѣшнее—iussu, mandatu и т. д.). Первоначальный корень слова causa находимъ въ глаголѣ cavere—«остерегаться», «беречься», беречь свои интересы или интересы другихъ (въ послѣднемъ случаѣ съ дат. пад.), такъ что въ коренномъ значеніи causa указываетъ на «оберегаемые интересы». Изъ этого кореннаго значенія развились и всѣ остальныя: интересы судебные—«тяжба», судебное «дѣло», «положеніе» дѣла, «отношеніе», дѣло—«порученіе», дѣло—«обстоятельство», а затѣмъ: «причина», «основаніе», «поводъ», «предлогъ» и др. (интересы—какъ мотивъ дѣйствія). Такимъ образомъ amicorum causa, rei publicae causa, sua causa, sui purgandi causa и т. п. значитъ: «въ интересахъ» друзей, государства, «въ своихъ интересахъ», «въ интересахъ» оправданія и т. п. Понятіе о мотивѣ дѣйствія можно разсматривать и какъ причину дѣйствія и какъ цѣль, такъ какъ цѣль—это тоже причина, но только представляемая въ будущемъ. При род. пад. герундія твор. causa самъ по себѣ указываетъ только на понятіе мотива, а такъ какъ герундіемъ обозначается дѣйствіе предполагаемое, то сочетаніе этого герундія съ твор. causa стало обозначать цѣль. Само по себѣ слово causa значило бы: «по причинѣ», но къ понятію причины добавляется признакъ, заимствованный отъ формы герундія (причина представляется предполагаемою въ будущемъ), и такимъ образомъ для выраженія, напр.: purgandi causa, является возможнымъ переводъ: «съ цѣлью» оправданія. Предлогъ «для», которымъ чаще всего переводятъ твор. causa, по происхожденію и значенію очень близокъ къ латинскому causa. Онъ происходитъ отъ корня глагола «дѣлать» и въ церковно-славянскомъ языкѣ сохраняетъ даже коренную гласную— дѣлꙗ [1]). Такимъ образомъ этимологія этого предлога указываетъ на одно изъ понятій, обозначаемыхъ и словомъ causa. Теперь «для» употребляется въ смыслѣ цѣли, но прежде, съ древнѣйшихъ временъ и

---

[1]) Эта полная форма сохранилась въ словѣ „богадѣльня“ (ср. въ Поученіи Мономаха: „Бога дѣля“).

кончая Карамзинымъ, онъ употреблялся и въ смыслѣ причины [1]). Causa часто переводятъ и нарѣчіемъ «ради»; нарѣчіе это по значенію очень близко къ латинскому gratia, которое собственно значитъ: «въ угоду» (корень gra есть видоизмѣненіе корня ghar, который мы находимъ въ греческомъ χαίρειν — радоваться).

III. Genitivus possessivus при esse.

Говоря о gen. possessivus, грамматики обыкновенно добавляютъ, что этотъ род. употребляется и въ смыслѣ сказуемаго при esse и fieri; иначе говоря, намѣтивъ извѣстныя границы для gen. possessivus въ смыслѣ опредѣленія, онѣ не суживаютъ этихъ границъ и для gen. possessivus, играющаго роль сказуемаго, хотя въ дѣйствительности лишь въ незначительномъ числѣ примѣровъ, относимыхъ грамматиками къ категоріи gen. possessivus, род. падежъ можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, изъ опредѣленія превратиться въ сказуемое.

Мы уже видѣли, насколько неопредѣленно и обширно въ грамматикахъ толкованіе термина gen. possessivus, и пришли къ заключенію, что этотъ род. п., указывающій на дополнительный признакъ, дѣлающій родовое понятіе видовымъ, въ сущности обозначаетъ логическую категорію о т н о ш е н і я, которое получается тогда, когда два предмета совмѣстно причастны однимъ и тѣмъ же фактамъ, составляющимъ о с н о в а н і е отношенія. Присоединеніе род. п. указываетъ только, что между двумя данными предметами есть отношеніе, но каково оно въ частности, это можно узнать лишь изъ контекста или изъ другихъ источниковъ, а не изъ самаго сочетанія. Чтобы понять выраженіе: statua Phidiae,

---

[1]) Напр., у Ломоносова: „единоборство славянъ съ сарматами, для многихъ ясныхъ доказательствъ, неоспоримо". Едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ Буслаева, который, основываясь на малороссійскомъ „гля" (= „для" и „подлѣ"), полагаетъ, что „для" первоначально было предлогомъ въ собственномъ смыслѣ, т.-е. означало мѣсто: наличность глагольнаго корня показываетъ, что „для" есть нарѣчіе, ставшее потомъ предлогомъ; то же нужно сказать и о словѣ „ради".

нужно, положимъ, знать въ точности основаніе отношенія, но читатель или слушатель узнаетъ о немъ изъ контекста, а не изъ самаго сочетанія, констатирующаго лишь, что между Фидіемъ и статуей есть отношеніе, но неизвѣстно, какое изъ трехъ наиболѣе вѣроятныхъ (работа, собственность или изображеніе Фидія). Но въ большинствѣ случаевъ говорящій не имѣетъ нужды указывать, а слушатель не имѣетъ нужды въ точности знать, въ чемъ заключается это отношеніе. Когда мы говоримъ: «первый министръ Англіи», то дополнительнымъ признакомъ хотимъ лишь отличить видовое понятіе отъ другихъ видовыхъ, но не имѣемъ ни малѣйшей нужды указывать въ точности, въ чемъ заключается отношеніе между Англіей и ея первымъ министромъ; прибавивши род. п., т.-е. установивши самый фактъ отношенія, мы вполнѣ достигли своей цѣли: слушатель точно знаетъ, о какомъ мы говоримъ предметѣ, хотя, быть-можетъ, и не знаетъ основаній отношенія или представляетъ ихъ себѣ очень туманно.

Является вопросъ, какъ этотъ род. п., указывающій на отношеніе, можетъ перейти въ сказуемое. Замѣтимъ прежде всего, что дополнительный признакъ не можетъ перейти въ сказуемое, если онъ не возмѣщенъ какимъ-нибудь другимъ дополнительнымъ признакомъ. Чтобы назвать данный домъ, мы употребляемъ сочетаніе: domus patris, и только впослѣдствіи, при продолженіи рѣчи, когда названіе уже установлено и перешло въ сознаніе слушателя, обходимся безъ дополнительнаго признака, называя данный домъ однимъ словомъ domus. Въ фразѣ: domus est patris, слово domus опять остается безъ дополнительнаго признака, опять становится родовымъ понятіемъ, къ которому не можетъ относиться такой случайный признакъ, какъ принадлежность отцу. Очевидно, фразу эту можно употребить только при продолженіи рѣчи, когда домъ уже названъ точно; если же мы хотимъ выразить подобную мысль ex abrupto, ничего еще не говоривши о данномъ домѣ, то мы должны взамѣнъ перенесеннаго въ сказуемое дополнительнаго признака прибавить къ слову domus по-

вый дополнительный признакъ, чтобы изъ родового понятія снова сдѣлать видовое.

Перенести въ сказуемое дополнительный признакъ, указывающій отношеніе, это значитъ найти основаніе, которое прежде только подразумѣвалось и котораго не требовалось даже въ точности знать, и выразить это основаніе въ точныхъ терминахъ. Но основанія эти, какъ мы говорили раньше, столь же разнообразны, какъ разнообразны самые факты и способы отношенія къ нимъ предметовъ. Чтобы составить сужденіе изъ сочетанія cliens Clodii и сохранить, по возможности, заключающійся въ немъ логическій смыслъ, придется знать въ точности отношенія между патрономъ и кліентомъ и умѣть выражать ихъ въ точныхъ терминахъ; а для подобнаго же превращенія сочетанія: «первый министръ Англіи», нужно знать, что дѣлаетъ съ Англіей первый министръ, и т. д. Такимъ образомъ превращеніе дополнительнаго признака въ сказуемое оказывается задачей совершенно фантастической и не поддающейся грамматическимъ правиламъ, а то превращеніе gen. possessivus въ сказуемое, о которомъ говорятъ грамматики, есть явленіе совершенно частное, далеко не обнимающее тѣхъ случаевъ, которые объединяются въ грамматикахъ терминомъ gen. possessivus. Превращеніе род. п. въ сказуемое съ глаголомъ esse или fieri возможно лишь въ томъ случаѣ, когда все основаніе отношенія исчерпывается этимъ добавочнымъ глаголомъ и значеніемъ род. падежа, взятаго отдѣльно отъ подлежащаго, внѣ той логической связи, которую мы называли отношеніемъ.

Нельзя думать, что род. при esse сохраняетъ какъ разъ то значеніе, которое онъ имѣетъ въ роли опредѣленія. Если бы онъ сохранялъ это значеніе, то фраза: statua est Phidiae, имѣла бы три различныхъ смысла соотвѣтственно троякому значенію сочетанія: statua Phidiae; фраза: liber est fratris, не только значила бы: «книга принадлежитъ брату», но и могла бы указывать, что братъ написалъ книгу, и т. д. Такимъ образомъ, если даже род. п. сохраняется въ сказуемомъ, онъ не играетъ уже тутъ той об-

ширной роли, которая ему принадлежала прежде, когда онъ былъ опредѣленіемъ. Связь этого род. съ именемъ существительнымъ нарушена; чтобы понять значеніе этого род., нужно разсматривать его въ связи съ глаголомъ esse, какъ самостоятельный членъ сужденія. Грамматики говорятъ, что esse здѣсь значитъ: «принадлежать», «быть собственностью». Въ дѣйствительности «esse», конечно, значитъ только «быть» («есть»), а указанія на принадлежность и собственность нужно искать въ значеніи самаго род. падежа. «Со времени Гефера», говоритъ проф. Нетушилъ, «объясненіе род. изъ прилагательнаго сдѣлалось общимъ достояніемъ науки» [1]). Чтобы понять это сближеніе, нужно имѣть въ виду не качественное прилагательное, а производное отъ существительныхъ и при томъ въ древнѣйшемъ, основномъ его значеніи — въ значеніи принадлежности. Такимъ образомъ разбираемый нами видъ род. падежа лучше всего сохранилъ основное значеніе род. падежа. Въ другихъ случаяхъ, подъ вліяніемъ связи съ другими словами, подъ вліяніемъ зависимости отъ именъ и глаголовъ, род. п. принялъ разнообразные оттѣнки, осложнивъ и расширивъ свое значеніе. Но въ данномъ случаѣ нѣтъ никакихъ осложняющихъ вліяній, потому что глаголъ esse указываетъ на простое существованіе [2]) и не означаетъ никакихъ другихъ, болѣе спеціальныхъ отношеній между предметами. Къ этому род., дѣйствительно, подходитъ наименованіе possessivus.

Для esse грамматики даютъ два значенія: «быть собственностью» и «принадлежать», но первое понятіе составляетъ лишь часть второго. «Принадлежать» значитъ: 1) быть «собственностью» и 2) быть частью собирательнаго цѣлаго; кромѣ того, понятіе это употребляется въ переносномъ смыслѣ, и тогда имъ обозначаются нѣкоторыя другія отношенія. Къ переноснымъ значеніямъ можно отнести и тотъ случай, когда мы говоримъ о «принадлежности» къ

---

1) Этюды, т. II, 144.
2) Fieri указываетъ на то, что это существованіе началось.

единичному цѣлому его составной части. Такія выраженія, какъ: «носъ принадлежитъ кораблю», «вѣтвь принадлежитъ дереву», и т. п., нужно считать искусственными: они терпимы въ философскомъ языкѣ, но въ обыденной рѣчи мы сказали бы: «носъ есть часть корабля», «вѣтвь — часть дерева», и т. п. Esse съ род. соотвѣтствуетъ обоимъ основнымъ значеніямъ глагола «принадлежать», но не соотвѣтствуетъ переноснымъ (здѣсь берутся слова: pertinere, spectare, referri ad aliquid, contineri и др.), а въ томъ числѣ и тому, которое указываетъ на отношеніе составной части къ единичному цѣлому; изъ сочетанія: rostrum navis, не можетъ получиться фразы: rostrum est navis, и т. п. Взаимный переходъ дополнительнаго признака въ сказуемое и обратно возможенъ лишь въ томъ случаѣ, гдѣ принадлежность берется въ смыслѣ собственности. Что же касается род., означающаго принадлежность части къ собирательному цѣлому, то здѣсь возможны два случая. Чтобы различить ихъ, нужно припомнить разницу между словами **относительными** и **безотносительными** [1]). Если собирательное цѣлое назовемъ, напр., словами: «торговое общество», то одинаково можно мыслить о «принадлежности» къ этому цѣлому и такого-то «купца» и такого-то «члена»; можно сказать: «такой-то купецъ принадлежитъ къ обществу», и «такой-то членъ принадлежитъ къ обществу». Но дополнительнымъ признакомъ понятіе «общество» можетъ служить только при словѣ «членъ»; возможно сочетаніе: «членъ общества», но невозможно сочетаніе: «купецъ общества». «Членъ» и «общество» понятія относительныя, поэтому род. «общества» можетъ служить опредѣленіемъ. Но понятія «купецъ» и «общество» суть понятія безотносительныя, и сопоставленіе словъ: «купецъ» и «общество», не заключало бы въ себѣ никакихъ данныхъ, которыя позволяли бы слушателю подразумѣвать опредѣленное отношеніе между предметами [2]). Если мы

---

1) Милль, Система логики, 1,54.

2) Выраженіе: „человѣкъ партіи", есть галлицизмъ (homme de parti).

имѣемъ дѣло съ понятіями безотносительными, то мы можемъ выражать сужденіе о «принадлежности» части къ собирательному цѣлому, и въ латинскомъ языкѣ род. п. можетъ являться въ роли сказуемаго, но ни въ томъ ни въ другомъ языкѣ невозможна въ этомъ случаѣ постановка род. въ видѣ опредѣленія. Латинскій род. п. не могъ въ этомъ случаѣ произойти изъ опредѣленія, потому что онъ никогда не могъ означать дополнительнаго признака при имени. Возможны сужденія: Ariminenses erant duodecim coloniarum (Cic., *Caec.*, 35); ars earum rerum est, quae sciuntur (Cic., *De or.*, 2, 7, — «искусство принадлежитъ къ предметамъ знанія»); но невозможны сочетанія: Ariminenses duodecim coloniarum, ars earum rerum [1]). Когда же мы имѣемъ дѣло съ понятіями относительными, у насъ получается результатъ совершенно обратный. Мы сказали, что можно мыслить о принадлежности «члена» къ «обществу» и можно сказать: «такой-то членъ принадлежитъ къ обществу». Въ дѣйствительности же высказывать подобныя сужденія почти не приходится. Дѣло въ томъ, что сужденія, построенныя по такой схемѣ, заключаютъ въ себѣ тавтологію. Уже самая возможность назвать извѣстное лицо «членомъ», «сторонникомъ», «главою», «сообщникомъ», «участникомъ» и т. д. предполагаетъ предварительную принадлежность этого лица къ «партіи», «обществу», «группѣ», «союзу», «собранію» и т. д. Констатировать эту принадлежность значитъ безцѣльно повторять сужденіе, которое уже прошло въ сознаніи слушателя въ тотъ моментъ, когда лицо впервые названо «членомъ», «сторонникомъ» и т. д.

Такимъ образомъ въ общемъ итогѣ отношеніе род. опре-

---

[1]) По аналогіи съ понятіями „партія“, „общество“ употребляется и понятіе „интересы“ партіи (res) и даже имя лица, стоящаго во главѣ партіи; ср. plebs novarum rerum atque Hannibalis tota esse (Liv., 23, 14); Nolae senatus Romanorum, plebs Hannibalis erat (ib., 39), и т. п. Сенатъ города Нолы, стоявшій на сторонѣ римлянъ, не могъ быть названъ словами: senatus Romanorum.—Нельзя сказать: „государство ахейскаго союза“, но можно: „государства ахейскаго союза“; множеств. число („государства“) указываетъ уже не часть, а весь составъ союза: всѣ вмѣстѣ они уже не „принадлежатъ“, а сами составляютъ союзъ.

дѣленія къ род. сказуемаго можетъ быть троякаго рода: въ однихъ случаяхъ опредѣленіе не можетъ являться въ роли сказуемаго, — здѣсь нѣтъ принадлежности въ собственномъ смыслѣ, и самый род. неосновательно называется терминомъ gen. possessivus; въ другихъ случаяхъ род. опредѣленія можетъ превращаться и въ часть сказуемаго; наконецъ есть случаи, гдѣ род. является въ роли сказуемаго, но не можетъ быть опредѣленіемъ.

Въ русскомъ языкѣ род. п., означающій принадлежность, не можетъ служить сказуемымъ. Неуклюжей и неправильной была бы фраза: «домъ, стоящій на углу, — Горшкова». Мы предпочли бы сказать: «на углу — домъ Горшкова». Род. сказуемаго возмѣщается прилагательными и глаголами съ дополненіемъ. Кромѣ того, однимъ изъ способовъ возмѣщенія служитъ такое построеніе фразы, при которомъ этотъ род., дѣлаясь составною частью логическаго сказуемаго, остается все-таки въ зависимости отъ имени существительнаго, т.-е. сохраняетъ за собою грамматическую роль опредѣленія. Иногда этимъ опредѣляемымъ словомъ дѣлается прежнее подлежащее, какъ это всегда бываетъ при употребленіи слова «это». Послѣ сужденія: «мы шли лѣсомъ», вмѣсто ожидаемой фразы: «этотъ лѣсъ — помѣщика», мы говоримъ: «это — лѣсъ помѣщика». Мѣстоимѣніе является подлежащимъ, а сказуемымъ оказывается цѣлое сочетаніе: «лѣсъ помѣщика» [1]). Такимъ образомъ мы выразили сужденіе о принадлежности, а род. падежъ все-таки остался опредѣленіемъ. Здѣсь мы имѣли перемѣщеніе членовъ сужденія. Но еще чаще въ сужденіе вносится *новое понятіе; относясь къ этому добавочному понятію*, составляющему сказуемое сужденія, род. п. опять остается въ своей грамматической роли опредѣленія. Къ подобному же пріему прибѣгаетъ иной разъ и латинскій языкъ въ тѣхъ случаяхъ, когда род. дополнительнаго признака не

[1]) Въ отрывистой или разговорной рѣчи при словѣ „это“ можетъ даже опускаться опредѣляемое род. падежомъ имя. „Чья эта картина? Это — Рафаэля“; ср.: ex altera parte (erat) Hercules egregie factus ex aere; is dicebatur esse Myconis (Cic., *Verr.*, 4, 3), — „это, говорятъ, былъ Геркулесъ (статуя) Микона“.

можетъ прямо перейти въ сказуемое. Добавляемымъ именемъ всегда бываетъ понятіе родовое; въ немъ-то и заключается указаніе на основаніе отношенія между двумя предметами: haec statua est opus Phidiae; «видѣнная нами картина — произведеніе Рафаэля», и т. д. Слова «собственность» и «принадлежность», которыми мы пользуемся при переводѣ род. съ глаголомъ esse, относятся именно къ такимъ добавочнымъ родовымъ понятіямъ, обнаруживающимъ основаніе отношенія. Впрочемъ и въ латинскомъ языкѣ иногда бываетъ недостаточно для выраженія принадлежности одного глагола esse съ род., означающимъ обладателя: приходится иной разъ добавлять общее понятіе, которое точнѣе опредѣляло бы отношеніе между предметами; такими добавочными понятіями служатъ слова: dicionis, potestatis, curae, tutelae, fidei и нѣк. др. Чаще добавленіе это дѣлается при facere, потому что глаголъ этотъ, означая, кромѣ возникновенія принадлежности, и другія, самыя разнообразныя дѣйствія, отличается большею неопредѣленностью, чѣмъ esse. Добавляемое слово, въ противоположность русскому языку, остается все-таки въ род. п. Вмѣсто непосредственной принадлежности лицу здѣсь устанавливается принадлежность вещи къ «области власти», къ «области заботъ» лица, къ кругу его вѣдомства и т. д. Подобные описательные обороты особенно нужны тамъ, гдѣ вмѣсто имени существительнаго, означающаго обладателя, мы имѣли бы прилагательное или мѣстоименіе (suae fidei tutelaeque, Liv., 24, 22; publicae curae, ib., 42, 19; dicionis alienae, ib., 1, 25, и т. д.).

Говоря о gen. possessivus при esse, грамматики обыкновенно сопоставляютъ его съ дат. п. при esse и объясняютъ, что при род. «удареніе лежитъ при имени лица владѣющаго», а при дат. — удареніе «на имени предмета, которымъ владѣютъ» [1]). Но логическое удареніе въ томъ и другомъ оборотѣ можетъ быть и на имени вещи и на имени лица.

---

[1]) А иногда вмѣсто выраженія: „лежитъ удареніе“, находимъ совершенно неопредѣленныя слова: „преимущественно обращается вниманіе“ (Кесслеръ).

Дат. при esse указываетъ уже не на понятіе о собственности въ тѣсномъ смыслѣ, а на другія отношенія, болѣе обширныя и неопредѣленныя. При род. п. вещь, о которой мы составляемъ сужденіе, является опредѣленной, точно извѣстной слушателю, а при дат. вещь эта настолько остается неопредѣленной, что мы можемъ даже довольствоваться для обозначенія ея родовымъ понятіемъ, а въ русскомъ языкѣ даже категорія числа, въ которомъ стоитъ это родовое *понятіе, совершенно игнорируется,* и при подлежащемъ множ. числа слово «есть» остается все-таки въ ед. числѣ. Если мы говоримъ: domus est patris, то наше вниманіе сосредоточено именно на домѣ — на опредѣленномъ предметѣ, которому мы приписываемъ частный признакъ; наоборотъ, говоря: patri est domus, мы продолжаемъ свои сужденія не о домѣ, а объ отцѣ, «домъ» же является для насъ предметомъ новымъ, пока еще неопредѣленнымъ [1]).

Къ категоріи gen. possessivus нѣкоторыя грамматики относятъ и тотъ случай, когда для перевода esse съ род. мы пользуемся понятіями: «долгъ», «дѣло» и т. д. Въ большинствѣ, впрочемъ, грамматикъ случай этотъ не отнесенъ ни къ одной категоріи, на которыя распадается род. п., а прямо ex abrupto дается правило: «est (fuit и т. д.) съ род. также значитъ» и т. д. Эта изолированность и выдѣленіе правила изъ обычныхъ категорій род. п. ведетъ къ немалымъ неудобствамъ въ школьной практикѣ: учителю трудно ссылаться на это правило, если разсматриваемое въ немъ явленіе не помѣчено особымъ терминомъ и если изъ самаго правила не выдѣленъ его существенный пунктъ, отличающій этотъ род. при esse отъ другихъ род. при томъ же esse. Что касается содержанія правила, то ученики обыкновенно выносятъ изъ него убѣжденіе, что въ латинскомъ языкѣ пропускаются слова: «долгъ», «обязанность» и т. д., — слова самыя важныя и существенныя

---

[1]) Въ русской фразѣ: „у отца есть домъ", нельзя опустить слово „есть". Съ пропускомъ слова „есть" разбираемый нами оборотъ опять принимаетъ новое значеніе; фразы: „у меня есть деньги", и „деньги — у меня", имѣютъ совершенно различный смыслъ.

въ предложеніи! Большой загадкой остается и то, почему фраза: hominis est errare, переводится съ помощью слова «свойственно», но не съ помощью, напр., слова «долгъ», а для перевода фразы: est adolescentis maiores natu vereri, наоборотъ, годится слово «долгъ» и не годится выраженіе: «свойственно», — какъ будто при переводѣ преслѣдуютъ задачу, чтобы мысли были какъ можно нравственнѣе, такъ чтобы похвальное называлось «долгомъ», а непохвальное — только «свойствомъ»! Немалое недоумѣніе вызываетъ и самый подборъ дополняемыхъ въ переводѣ понятій, которыя должны, по-видимому, очень рѣзко другъ отъ друга отличаться. Чтобы выпутаться изъ этихъ затрудненій, нужно обратиться прежде всего къ самому существенному пункту правила — къ неопр. наклоненію. Грамматики говорятъ о немъ какъ бы мимоходомъ, прибѣгая къ своему любимому словечку «обыкновенно» («подлежащимъ обыкновенно бываетъ» и т. д.), которое всегда отнимаетъ у правила столь необходимую для ученика устойчивость. Межъ тѣмъ изъ этого существеннаго пункта въ данномъ случаѣ вытекаетъ все остальное. Неопр. наклоненіе есть общее понятіе о данномъ дѣйствіи. Понятіе о дѣйствіи вытекаетъ не изъ наблюденія какого-нибудь отдѣльнаго факта, а сложнымъ путемъ обобщенія и отвлеченія, тѣмъ же путемъ, какимъ возникаетъ и понятіе о предметѣ. Какъ общее понятіе о предметѣ не можетъ быть пріурочено къ какому-нибудь одному предмету, такъ и общее понятіе о дѣйствіи не можетъ быть пріурочено къ одному факту съ однимъ, опредѣленнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Когда неопр. н. зависитъ отъ другого глагола, т.-е. является второстепеннымъ сказуемымъ, то категоріи логическаго сказуемаго опредѣляются этимъ основнымъ глаголомъ. Возьмемъ фразу: «ораторъ начинаетъ говорить». Само по себѣ неопр. «говорить» означало бы общее понятіе о дѣйствіи, но при соединеніи его съ глаголомъ «начинаетъ» сказуемое пріобрѣтаетъ всѣ категоріи, которыхъ недоставало неопредѣленному, и означаетъ уже не общее понятіе о дѣйствіи, а частный фактъ. Другое дѣло, когда неопр. ни отъ чего не зависитъ, когда является

само по себѣ и даже самымъ главнымъ членомъ предложенія, какъ въ разбираемомъ нами случаѣ, гдѣ неопр. есть подлежащее. Если бы при такомъ неопр. мы захотѣли обозначить и дѣйствующее лицо, то въ этой роли можетъ быть только вся та совокупность лицъ, по отношенію къ которой данное дѣйствіе есть существенный признакъ [1]). «Петръ заблуждается»,—это частный фактъ, и неопр. тутъ еще нѣтъ. «Петръ склоненъ заблуждаться», — тутъ есть уже обобщеніе, но общее понятіе «заблуждаться» сужено категоріями основнаго сказуемаго — «склоненъ». Чтобы неопр. оставалось общимъ понятіемъ о заблужденіи, нужно охватить всѣ случаи заблужденій, нужно принять въ расчетъ не только заблужденія Петра, но и всѣхъ другихъ лицъ, которыя могутъ заблуждаться. Дѣйствіе, какъ общее понятіе, принадлежитъ не одному лицу и не отдѣльнымъ лицамъ, а всѣмъ, по отношенію къ кому оно наблюдается. Такимъ образомъ дѣйствіе, какъ общее понятіе, можно приписывать только той группѣ предметовъ, по отношенію къ которой оно обыкновенно наблюдается: оно оказывается существеннымъ свойствомъ такой-то группы лицъ.

Изъ логической роли неопр. наклоненія, являющагося подлежащимъ при esse съ род. п., вытекаетъ, что этотъ род., означающій предметы, которымъ приписывается дѣйствіе, какъ понятіе общее, можетъ указывать лишь на цѣлую группу предметовъ и при томъ такихъ, которымъ это дѣйствіе принадлежитъ какъ существенный признакъ [2]). Разбираемыя нами сужденія всегда констатируютъ дѣйствіе какъ общее свойство цѣлой группы предметовъ и указываютъ на то, что обычно бываетъ: они всегда заключаютъ въ себѣ эмпирическое обобщеніе, общую мысль, какъ логическій выводъ изъ многихъ обобщенныхъ случаевъ. Это въ большинствѣ случаевъ—сентенціи. Но въ основномъ

[1]) Общее понятіе о дѣйствіи можно пріурочить къ одному лицу лишь въ томъ случаѣ, когда, кромѣ этого лица, никто и никогда не совершаетъ даннаго дѣйствія. Такъ грекъ могъ пріурочить къ одному Зевесу общее понятіе о явленіи дождя, какъ дѣйствія.

[2]) Слово „существенный“ употребляемъ въ обширномъ смыслѣ, разумѣя тутъ не только необходимые, но и обыкновенные, весьма часто наблюдаемые признаки.

значеніи такая фраза не заключаетъ въ себѣ никакого наставленія, никакихъ указаній на долгъ, обязанность и т. д. Всѣ эти оттѣнки развились впослѣдствіи, изъ общаго смысла сужденія, но вовсе не вытекаютъ изъ грамматической роли отдѣльныхъ словъ, составляющихъ фразу. Разбираемая нами форма сужденія испытала ту же судьбу, какую имѣли пословицы и сентенціи у всѣхъ народовъ и во всѣ времена. Въ первоначальномъ своемъ видѣ пословица есть простой эмпирическій выводъ, простое обобщеніе массы частныхъ случаевъ. Она указываетъ не на то, что должно быть, но на то, что бываетъ. Многія пословицы и доселѣ сохраняютъ исключительно это значеніе. Но чаще всего эмпирическій выводъ принимается за законъ, запасъ опыта становится руководствомъ для настоящаго и будущаго времени. Пословица: «тише ѣдешь, дальше будешь», есть эмпирическое обобщеніе частныхъ случаевъ, но въ устахъ народа, послѣ вѣкового употребленія, она получаетъ смыслъ наставленія, правила, хотя грамматическія формы употребленныхъ въ ней словъ не выражаютъ никакого наставленія. Съ формальной стороны пословица указываетъ лишь на то, что обыкновенно бываетъ, но въ употребленіи она принимается за правило, за предписаніе, которому должно слѣдовать. Такія же превращенія испытала и разбираемая нами форма сужденія. Съ формальной стороны сужденіе констатируетъ лишь то, что такое-то дѣйствіе есть обычное свойство такой-то группы лицъ, но та же форма выраженія берется и для обозначенія долга, обязанности и т. д., потому что обычный признакъ легко принимается за необходимый признакъ. Употребляя въ переводѣ понятія: «долгъ», «обязанность» и др., мы, такъ сказать, осмысливаемъ латинскій оборотъ и, руководствуясь частнымъ содержаніемъ даннаго сужденія, общей формѣ выраженія придаемъ спеціальный оттѣнокъ. Наиболѣе соотвѣтствующими тексту способами перевода служатъ слова: «свойственно», «признакъ», «дѣло»[1]. Другіе

[1]) Для того общаго понятія о дѣйствіи, которое обозначается неопр. наклоненіемъ, понятіе „дѣло" будетъ родовымъ: это общее *понятіе о всякомъ дѣйствіи.*

способы перевода обусловливаются не столько желаніемъ ближе передать текстъ, сколько желаніемъ выразить рельефнѣе, нагляднѣе заключающуюся въ немъ общую мысль.

Группа, которой свойственно дѣйствіе, обозначается: 1) род. п. мн. числа, означающаго неопредѣленное множество предметовъ; 2) род. п. ед. числа, указывающаго не на отдѣльный предметъ, а на ту совокупность предметовъ, которая составляетъ родовое понятіе; 3) род. п. прилагательнаго,—этотъ род. указываетъ лишь на то свойство, которое объединяетъ предметы въ группу; 4) род. п. отвлеченнаго имени, которое опять есть не что иное, какъ обозначаніе свойства, объединяющаго предметы въ группу. Иной разъ можетъ казаться, что дѣйствіе приписывается не группѣ, а отдѣльному лицу, какъ, напр., въ фразѣ: non est gravitatis et sapientiae tuae ferre immoderatius incommoda tua (Cic., *Fam.*, 5, 16). Но подобныя фразы не составляютъ исключенія изъ общаго правила; здѣсь тоже высказывается общая мысль, сентенція, но только она пріурочивается, кромѣ того, къ единичному случаю. И въ данной фразѣ мѣстоименіе tuae указываетъ не только на «твое» достоинство, но прежде всего на «такое, какъ твое». Иногда общее понятіе о дѣйствіи выражается не глаголомъ въ неопр. наклоненіи, а замѣняющимъ его существительнымъ: temeritas est florentis, prudentia senescentis (Cic., *De sen.*, 6); superstitionem imbecilli animi atque anilis putent (Cic., *De div.*, 2, 60); petulantia magis est adolescentium, quam senum (Cic., *De sen.*, 11), и т. п. Понятія о «безразсудной смѣлости», «благоразуміи», «суевѣріи» и т. д. суть не что иное, какъ понятія о цѣломъ рядѣ такихъ-то дѣйствій; именами существительными здѣсь передается то самое, что можно передать выраженіями: temerarium esse — «быть безразсудно смѣлымъ», «быть суевѣрнымъ», petulantem esse и т. д. Когда дѣйствіе не настолько обычно, чтобы всякій считалъ его отличительнымъ признакомъ извѣстной группы предметовъ, когда говорящій считаетъ «долгомъ», «обязанностью» то, что многіе другіе не считаютъ таковымъ, то, конечно,

и въ латинскомъ языкѣ необходимо прибѣгнуть въ первомъ случаѣ къ слову proprium, во второмъ—къ словамъ: munus, officium, negotium и нѣк. др.

Когда вмѣсто именъ, означающихъ самые предметы, въ род. п. мы находимъ прилагательное или отвлеченное существительное, указывающее тоже на свойство, то смыслъ сужденія сводится къ тому, что въ немъ констатируется сосуществованіе двухъ свойствъ. Если мы говоримъ: stulti est in errore perseverare, то упорство, разсматриваемое какъ свойство, мы приписываемъ той же неопредѣленной и не требующей точнаго обозначенія группѣ предметовъ, которой принадлежитъ и другое свойство — «глупость». Но въ такихъ случаяхъ можно очень легко обойтись и безъ всякой ссылки на самые предметы и устанавливать соотношеніе прямо между свойствами. Вмѣсто сосуществованія двухъ свойствъ въ одной и той же группѣ предметовъ и латинскій и русскій языкъ иногда устанавливаетъ прямо равенство между этими свойствами: stultum est in errore perseverare, «глупо — упорствовать въ заблужденіи». Само собою разумѣется, что такое превращеніе формъ возможно лишь въ томъ случаѣ, когда прилагательнымъ одинаково можно характеризовать и лицо и поступокъ лица, но оно невозможно въ такихъ, напр., фразахъ: «лѣнивому свойственно уклоняться отъ дѣла»; aperte vel odisse ingenui est (прямодушному), и т. д. Сосуществованіе двухъ свойствъ можно было бы обозначать словами: «показываетъ», «требуетъ», «обнаруживаетъ», но этотъ, рекомендуемый грамматиками способъ перевода, не возможенъ по другой причинѣ: подлежащее, выраженное неопр. наклоненіемъ, не можетъ имѣть при себѣ личнаго сказуемаго; такія фразы, какъ: «быть довольнымъ малымъ — показываетъ умѣренность», «избѣгать опасностей — требуетъ ума», совершенно неправильны [1]). Наконецъ, совершенно особо стоитъ тотъ случай, когда въ латинскомъ языкѣ прилагательное, со-

---

[1]) **Такія выраженія, какъ:** res erat magni laboris (**требовало = стоило**), summi ingenii causa est, **мы не относимъ къ этой категоріи род. п.**

гласованное съ подлежащимъ, означаетъ не свойство, а принадлежность. Русское прилагательное не можетъ быть въ этой роли[1]) (et facere et pati fortia Romanum est—«въ духѣ римлянъ» и т. д.). Этотъ случай нагляднѣе всего показываетъ намъ, какова вообще синтаксическая роль род. п. въ разбираемомъ нами оборотѣ. Это тоже род. предмета, которому «принадлежитъ» нѣчто, но понятіе принадлежности здѣсь является у насъ опять въ новомъ смыслѣ: это уже не «обладаніе» и не принадлежность части къ цѣлому, а «принадлежность» признака предмету, если только это можно называть «принадлежностью».

IV. Genitivus explicativus.

Слово можно разсматривать и независимо отъ идей и предметовъ, имъ обозначаемыхъ; можно ничего не думать о томъ, что обозначается словомъ, и думать только о словѣ, которое само и является въ этомъ случаѣ объектомъ мысли. Когда въ связной рѣчи, въ длинномъ рядѣ словъ, знаменующихъ идеи и предметы, какое-нибудь слово берется лишь въ роли звукового сочетанія, когда намъ нужно сказать что-нибудь не о предметѣ, а о самомъ словѣ, то мы должны имѣть какія-нибудь особыя средства, чтобы выдѣлить это слово изъ ряда другихъ, чтобы читатель или слушатель зналъ, что слово здѣсь берется не въ обычной его роли, а въ болѣе рѣдкой, исключительной. Современные языки для этого разграниченія употребляютъ прежде всего нѣкоторые внѣшніе пріемы: слова, взятыя въ роли звуковыхъ сочетаній, подчеркиваются, ставятся въ кавычкахъ, печатаются курсивомъ или вообще инымъ шрифтомъ. Но всѣ эти внѣшніе пріемы примѣнимы только на письмѣ и въ печати и при томъ имѣютъ значеніе только для лица читающаго, смотрящаго въ книгу; а кто слушаетъ

---

1) Уже изъ необходимости добавлять слова: „свойственно“, „признакъ“ и т. д., слѣдовало, что неопр. накл. въ русскомъ языкѣ грамматически не можетъ разсматриваться, какъ свойство, принадлежащее предмету.

чтеніе и не смотритъ въ книгу, тотъ ничего не узнаетъ объ этихъ внѣшнихъ отличіяхъ. Очевидно, что, помимо этихъ внѣшнихъ пріемовъ, усвоенныхъ въ сравнительно позднее время и совершенно непригодныхъ для устной рѣчи, языкъ, еще до появленія письменности и печати, долженъ былъ имѣть другое болѣе надежное средство выдѣлять изъ ряда знаменующихъ словъ слова, принимаемыя лишь въ смыслѣ звуковыхъ сочетаній.

Когда объектомъ мысли является самое слово, то тутъ возможны два случая: мы можемъ думать и высказывать что-нибудь или по поводу одной какой-нибудь грамматической формы даннаго слова или по поводу даннаго слова вообще. Въ первомъ случаѣ слово является въ предложеніи въ той самой формѣ, о которой ведемъ рѣчь; во второмъ случаѣ мы беремъ то, что на школьномъ языкѣ называется «началомъ» слова (для имени—им. п., для глагола—неопр. н.). Въ томъ и другомъ случаѣ взятое нами слово постоянно должно оказываться внѣ грамматической связи съ другими словами предложенія. Когда мы хотимъ высказать что-нибудь по поводу, напр., формы «отцомъ», то первымъ условіемъ для составленія предложенія должно быть сохраненіе этой формы, которая такимъ образомъ и остается внѣ грамматической связи съ другими словами («о т ц о м ъ пишется черезъ о»). Точно такъ же въ предложеніи: «м е ч ъ пишется черезъ ъ», ошибочно было бы видѣть грамматическую связь (согласованіе въ числѣ) между словами «мечъ» и «пишется»: ед. ч. сказуемаго оставалось бы и тогда, если бы вм. «мечъ» мы взяли слово «мечи» («м е ч и пишется черезъ и»). Такимъ образомъ, что можно было бы принять за грамматическую связь, то оказывается лишь случайнымъ совпаденіемъ. Это отсутствіе грамматической связи и можно было бы считать нагляднымъ и характернымъ признакомъ того, что данное слово берется не въ смыслѣ наименованія предмета, а въ смыслѣ простого звукового сочетанія. Но все дѣло въ томъ, что появленіе въ связной рѣчи стоящихъ внѣ грамматической связи словъ оказывается рѣзкой аномаліей. Въ исторіи развитія языка, конечно, было время, когда связь ме-

жду словами была слабѣе, но при теперешнемъ строѣ нашихъ языковъ слово, стоящее въ рѣчи особнякомъ, является ненормальнымъ, слишкомъ противорѣчащимъ духу языка, который всегда и вездѣ приводитъ слова въ грамматическую связь. Особенно неестественна была бы постановка такихъ словъ послѣ предлоговъ и вообще тамъ, гдѣ синтаксическое строеніе фразы требуетъ постановки какого-нибудь косвеннаго падежа. Поэтому, если русскій языкъ и допускаетъ въ предложеніе, въ качествѣ самостоятельныхъ его членовъ, слова, грамматически не связанныя съ другими его членами, то это бываетъ лишь тогда, когда подобныя слова являются логическимъ подлежащимъ сужденія, т.-е. такимъ членомъ, который грамматически не зависитъ отъ другихъ членовъ. Что касается латинскаго языка, то онъ оказывается еще болѣе нетерпимымъ по отношенію къ словамъ, стоящимъ внѣ грамматической зависимости. Въ немъ слова, взятыя въ смыслѣ звукового сочетанія, обыкновенно ставятся, какъ и всякія другія, въ полной грамматической зависимости отъ другихъ членовъ предложенія. Тутъ говорятъ: primae litterae, quae sunt in sapiente atque felice; delere sororem и т. п. При такомъ строгомъ подчиненіи грамматическимъ законамъ снова исчезаетъ всякое видимое отличіе между словами, именующими предметы, и словами, принимаемыми лишь за звуковое сочетаніе; и мы безъ контекста не могли бы узнать, что значитъ, напр., delere sororem: «сжить со свѣта сестру» или только «стереть слово с е с т р а»? Такимъ образомъ въ латинскомъ языкѣ почти непримѣнимъ разбираемый нами критерій для отличія не знаменующихъ предметы названій. Припомнимъ къ тому же, что и тѣ внѣшніе пріемы различенія, о которыхъ мы говорили, въ латинскомъ языкѣ не употреблялись или не могли употребляться.

Обычнымъ, надежнымъ и всюду примѣнимымъ средствомъ отличать слова, взятыя въ роли звуковыхъ сочетаній, отъ всѣхъ другихъ является введеніе въ составъ сужденія особаго родового понятія, спеціально для этой только цѣли прибавляемаго. Эти добавочныя слова очень разнообразны, но всѣ они по значенію сводятся къ одному понятію—къ

понятію о словѣ, какъ таковомъ. Самый простой случай это—тотъ, когда мы беремъ одно слово или одну форму слова, а добавочными родовыми понятіями служатъ такія слова, какъ: «имя», «названіе», «слово», «понятіе», «форма», «глаголъ», «существительное» и т. п. Если беремъ не одно слово, а нѣсколько, то и добавочныя родовыя понятія будутъ уже иныя («выраженіе», «сочетаніе», «предложеніе», «фраза» и т. д.). Наконецъ, дѣло можетъ дойти до того, что мы будемъ говорить о такой огромной массѣ связанныхъ между собою словъ, которая составляетъ уже цѣлую статью, повѣсть, разсужденіе, томъ, книгу, сочиненіе и т. д. Въ этомъ случаѣ мы не имѣемъ уже ни нужды ни возможности приводить всѣ эти слова, а потому всю эту совокупность обозначаемъ какимъ-нибудь условнымъ названіемъ, которое называется оглавленіемъ, и съ этимъ условнымъ обозначеніемъ поступаемъ точно такъ же, какъ поступали и съ отдѣльнымъ словомъ, взятымъ въ роли простого звукового сочетанія; добавочными же родовыми понятіями здѣсь будутъ слова: «статья», «сочиненіе», «книга» и т. д.,—и вся та масса родовыхъ и видовыхъ понятій, опредѣленіемъ которыхъ занимается теорія словесности.

Добавочныя родовыя понятія, не внося ничего новаго въ сужденіе, даютъ межъ тѣмъ возможность подчинить предложеніе всѣмъ грамматическимъ законамъ и строго выдержать грамматическую связь. Взятое нами звуковое сочетаніе, оглавленіе или даже цѣлое вставное предложеніе можетъ попрежнему оставаться внѣ грамматической связи съ другими словами предложенія, но зато эта связь вполнѣ возстановляется въ добавочномъ родовомъ понятіи, которое и является формальнымъ подлежащимъ, дополненіемъ и т. д. Разбираемое нами явленіе одинаково свойственно и русскому и латинскому языку. Когда въ качествѣ звукового сочетанія у насъ фигурируетъ одна опредѣленная форма какого-нибудь слова или рядъ точно опредѣленныхъ формъ, составляющихъ предложеніе, оглавленіе и т. д., то эта форма или этотъ рядъ формъ въ томъ и другомъ языкѣ остается безъ измѣненія и, значитъ, внѣ грамматической связи съ

другими словами («въ словѣ о т ц у»=in vocabulo p a t r i), а грамматическая связь возстановляется въ добавочномъ родовомъ понятіи. Различіе между русскимъ и латинскимъ является лишь тогда, когда объектомъ нашей мысли служать не какія-нибудь данныя формы слова, а данное слово вообще, т.-е. когда въ русскомъ языкѣ мы беремъ такъ называемое «начало» слова. Въ подобныхъ случаяхъ мы мыслимъ о происхожденіи, напр., слова, о корнѣ его, составѣ, правописаніи корня и т. д., и, въ какомъ бы падежѣ мы ни взяли данное имя, сужденіе о немъ нисколько отъ этого не измѣнится. Въ русскомъ языкѣ мы беремъ имен. п., но не потому, что его требуетъ грамматическое построеніе фразы (стоящее въ имен. п. слово остается внѣ грамматической связи съ другими членами предложенія), а потому, что им. п. считаемъ, такъ сказать, наиболѣе нормальнымъ, наиболѣе обычнымъ изъ всѣхъ падежей, потому что этотъ именно падежъ мы употребляемъ, когда намъ приходится просто назвать предметъ, съ помощью одного слова, не составляя о немъ никакого сужденія. Когда же имѣемъ дѣло съ глаголомъ, то выборъ нашъ оказывается еще болѣе произвольнымъ: «началомъ» глагола одинаково можно считать и неопр. н. и 1 л. наст. вр. Не будетъ никакой разницы, скажемъ ли мы: «глаголъ б о ю с ь требуетъ род. п.», или скажемъ: «глаголъ б о я т ь с я требуетъ род. п.» Выборъ формы опять обусловленъ не грамматическимъ построеніемъ фразы, а совершенно посторонними мотивами, именно—нашимъ соображеніемъ, что, при одиночномъ употребленіи глагола, внѣ связной рѣчи, формы б о ю с ь и б о я т ь с я нормальнѣе и обычнѣе всѣхъ другихъ формъ. Латинскій языкъ поступаетъ совершенно иначе: при выборѣ падежа онъ руководится прежде всего грамматическимъ построеніемъ предложенія и ставитъ слово, принимаемое въ роли звукового сочетанія, въ прямую грамматическую зависимость отъ добавочнаго родового понятія: вмѣсто русскаго имен. п. здѣсь появляется род. и вмѣсто «начала» глагола—род. герундія. Такимъ образомъ нельзя сказать, что латинскій языкъ измѣняетъ одну грамматиче-

скую зависимость на другую: тогда былъ бы совершенно непонятенъ взаимный переходъ другъ въ друга такихъ совершенно различныхъ по своему значенію и роли падежей, какъ имен. и род. Онъ не измѣняетъ зависимость, а возстановляетъ ее тамъ, гдѣ въ русскомъ языкѣ не было.

Разбираемый нами род. п. грамматики обозначаютъ терминами: explicativus, epexegeticus, determinativus, appositivus. Первый терминъ совершенно неопредѣлененъ по значенію: «пояснительными» словами на школьномъ языкѣ и въ русскихъ грамматикахъ называются всѣ слова, зависящія отъ подлежащаго и сказуемаго, и даже вообще всякое слово, зависящее отъ другого. То же можно сказать и о терминѣ epexegeticus, который неудобенъ уже и потому, что изъ всей массы терминовъ, употребляемыхъ въ синтаксисѣ падежей, является единственнымъ словомъ греческаго происхожденія. Терминъ determinativus, по составу и производству слова, правильнѣе всего было бы перевести: «опредѣлительный», но грамматики имѣютъ въ виду не это значеніе: такъ можно было бы называть и цѣлый рядъ другихъ категорій род. падежа, являющагося опредѣленіемъ. Тутъ, очевидно, имѣется въ виду значеніе: «ограничительный», намекающее на то, что этимъ род. падежомъ ограничивается родовое понятіе. Но это можно было бы сказать развѣ только о такихъ сочетаніяхъ, какъ: «домъ отца», domus patris, гдѣ, дѣйствительно, исходнымъ пунктомъ является родовое понятіе: желая наименовать опредѣленный предметъ, не имѣющій особаго названія, мы беремъ родовое понятіе, но такъ какъ оно оказывается слишкомъ обширнымъ, то мы его и ограничиваемъ, добавляя видовое отличіе, выраженное род. п. Но въ данномъ случаѣ мы прежде всего имѣемъ налицо видовое названіе, а родовое понятіе, не внося въ сужденіе новаго содержанія, служитъ лишь формальнымъ, вспомогательнымъ средствомъ для пополненія грамматической связи и указанія, что слово берется не въ обычной роли. Тамъ объектомъ мысли является то, что обозначено имен. пад., здѣсь же, наоборотъ,—то, что стоитъ въ род. п. Если ужъ го-

ворить объ ограниченіи, то скорѣе можно сказать обратное, именно—что понятіе, обозначенное род. падежомъ, здѣсь ограничивается добавочнымъ родовымъ понятіемъ, показывающимъ, что данное слово берется въ одной только изъ своихъ ролей. Наконецъ, терминъ appositivus предполагаетъ, что этимъ род. обозначается приложеніе. Къ этому термину ближе всего примыкаютъ и даваемыя грамматиками опредѣленія этой категоріи род. п. Грамматики обыкновенно говорятъ, что этотъ род. употребляется «въ смыслѣ приложенія», «заступаетъ мѣсто русскаго приложенія», и т. п. Подобныя опредѣленія, не выясняя сущности латинскаго оборота, констатируютъ лишь способъ перевода этихъ сочетаній на русскій языкъ. И въ самомъ дѣлѣ, какимъ же образомъ можно назвать «приложеніемъ» слово, въ которомъ вовсе нѣтъ единственнаго существеннаго признака приложенія, отличающаго приложеніе отъ остальныхъ опредѣленій, выражаемыхъ существительными,—именно согласованія съ опредѣляемымъ словомъ въ падежѣ? Въ русскомъ языкѣ подобное сочетаніе передается съ помощью приложенія, но въ латинскомъ языкѣ вмѣсто согласованія имѣемъ управленіе, вмѣсто приложенія—опредѣленіе въ род. п., рядомъ съ которымъ существуютъ и такія сочетанія, въ которыхъ мы и на самомъ дѣлѣ находимъ приложеніе. Все дѣло и сводится къ тому, чтобы опредѣлить границу между этими областями, чтобы узнать, гдѣ латинскій языкъ, подобно русскому, употребляетъ приложеніе и гдѣ русское приложеніе замѣняется совершенно другимъ оборотомъ.

Грамматики обыкновенно замѣчаютъ, что ч а щ е в с е г о разбираемый нами род. п. употребляется при именахъ: vox, nomen, verbum, vocabulum. Дѣйствительно, здѣсь рѣзче всего выдвигается указанная нами роль обоихъ элементовъ, составляющихъ подобное сочетаніе. Это, такъ сказать, наиболѣе нормальный случай. Соотвѣтственный этому русскій оборотъ особенно часто употребляется въ школьной практикѣ. При изученіи языковъ постоянно приходится говорить о словахъ, безъ отношенія къ вещамъ. Школьная

практика выработала на этотъ случай особый школьный жаргонъ, характерной чертой котораго является краткость выраженій. Она значительно сберегаетъ время, но зато такую рѣчь нельзя назвать правильной, потому что краткость здѣсь достигается не сжатостью рѣчи, а чаще всего пропускомъ различныхъ, болѣе или менѣе легко подразумѣваемыхъ словъ. Въ видахъ этой краткости, когда рѣчь идетъ о словахъ, школьный языкъ обходится обыкновенно безъ добавочныхъ родовыхъ понятій. Мало того, иные учебники и руководства пишутся тѣмъ же школьнымъ языкомъ. Иностранныя слова и даже цѣлыя фразы постоянно оказываются не только въ роли косвенныхъ дополненій, но даже ставятся прямо послѣ русскихъ предлоговъ. На каждомъ шагу можно встрѣтить такія фразы ,какъ: «nemo nostrum переводится никто изъ насъ» (вм.: «выраженіе: nemo nostrum, переводится словами: «никто изъ насъ»), «liberare употребляется съ ab», и т. п. Было бы большимъ педантизмомъ требовать, чтобы въ изустной школьной рѣчи постоянно добавлялись указанныя нами родовыя понятія, но все-таки нужно всегда помнить, что подобныя пропуски есть небрежность рѣчи, что, если они извинительны, то лишь потому, что, при безчисленномъ повтореніи однихъ и тѣхъ же оборотовъ и сочетаній, они значительно сберегаютъ время.

Ближе всего къ только что указанному нами нормальному случаю стоитъ род., употребляемый при обозначеніи оглавленій. Оглавленіемъ можетъ быть цѣлое предложеніе, одно сказуемое, одно обстоятельственное слово, одно дополненіе, вообще одно или нѣсколько словъ, которыя берутся въ одной неизмѣнной формѣ. При синтаксическомъ построеніи предложенія подобныя оглавленія всегда должны оставаться внѣ грамматической связи; къ нимъ примѣнимо все сказанное нами о томъ случаѣ, когда объектомъ мысли является опредѣленная форма одного или нѣсколькихъ словъ. Но бываютъ оглавленія и другого рода: оглавленіемъ можетъ быть имя, стоящее въ им. п. При построеніи предложенія языкъ съ подобными оглавленіями поступаетъ двояко и прежде всего—то добавляетъ родовое

понятіе, то нѣтъ. Если мы возьмемъ, напр., оглавленіе: «Ревизоръ», то съ этимъ именемъ у насъ тотчасъ же соединяется представленіе о цѣлой массѣ лицъ, дѣйствій, выраженій и т. д.; названіе это является для насъ наименованіемъ дѣйствительнаго предмета, имѣющаго цѣлую массу признаковъ, извѣстныхъ намъ. Но вотъ оглавленіе романа одного стариннаго французскаго писателя: «Сетосъ». Это слово не вызываетъ въ насъ никакихъ представленій. Когда намъ скажутъ слово «Сетосъ», мы совершенно не узнаемъ, что это за предметъ и предметъ ли это: слово это является для насъ лишь звуковымъ сочетаніемъ, а не наименованіемъ предмета или понятія. Одно произведеніе намъ извѣстно, другое—неизвѣстно; это фактъ, по-видимому, чисто внѣшній, случайный, но отъ него именно и зависитъ въ подобныхъ случаяхъ составъ нашихъ представленій и понятій, онъ-то и опредѣляетъ логическую, а вмѣстѣ съ тѣмъ и грамматическую роль подобнаго рода словъ. Слово «Ревизоръ» при построеніи предложенія мы употребили бы точно такъ же, какъ употребляемъ всякое другое наименованіе предмета, т.-е. поставили бы его въ грамматическую связь съ другими словами и не нуждались бы въ добавочномъ родовомъ понятіи; все отличіе ограничилось бы тѣмъ, что на письмѣ и въ печати это слово выдѣлили бы съ помощью кавычекъ, курсива и т. п. И наоборотъ, слово «Сетосъ», при самомъ близкомъ нашемъ знакомствѣ съ огромной массой всякихъ литературныхъ произведеній, все-таки не вызоветъ въ насъ никакого представленія ни объ одномъ признакѣ предмета, пока не добавлено къ этому слову родового понятія; до этого добавленія мы не будемъ знать, человѣкъ ли такъ называется, городъ ли, рѣка ли, книга ли или, быть-можетъ, даже чья-нибудь собака. Такимъ образомъ при обозначеніи неизвѣстныхъ или мало извѣстныхъ читателямъ или слушателямъ произведеній добавленіе родового понятія является рѣшительно необходимымъ. Мы указали только критерій для выбора того или иного способа выраженія. Критерій этотъ, какъ видимъ, носитъ характеръ совершенно субъективный. Произведеніе, которое у

даннаго народа въ опредѣленную эпоху, у опредѣленнаго круга читателей является общеизвѣстнымъ, можетъ оказаться *совершенно неизвѣстнымъ* у другого народа или въ другую эпоху. Необходимость добавленія родового понятія вызывается иногда и другими, побочными мотивами, напр., желаніемъ избѣжать двусмысленности, проистекающей отъ возможности оглавленіе принимать за наименованіе реально существующаго предмета (нельзя, напр., сказать: «М о д н у ю ж е н у Дмитріевъ заимствовалъ у Вольтера», «Л ж е ц ъ часто встрѣчается въ хрестоматіяхъ», и т. п.). При добавленіи родового понятія самое оглавленіе въ русскомъ *языкѣ опять* остается внѣ грамматической связи; а латинскій языкъ стремится и здѣсь установить, по возможности, грамматическую связь, прибѣгая *или опять* къ род. п., или къ такимъ, напр., описательнымъ оборотамъ, какъ: liber, qui inscribitur Laelius. Кромѣ указанныхъ, есть, наконецъ, еще одна категорія оглавленій: оглавленія часто такъ составляются, что въ нихъ прямо вносится родовое понятіе. Къ такимъ родовымъ понятіямъ принадлежатъ прежде всего всѣ названія родовъ и видовъ прозы и поэзіи, затѣмъ цѣлый рядъ названій болѣе общаго характера, которыя всѣ однако сводятся къ понятію о *словесномъ произведеніи* вообще («опытъ», «изслѣдованіе», «книга», «очеркъ», «учебникъ», «наставленіе» и т. д.). Въ латинскомъ языкѣ особенно часто является слово liber, libri (съ указаніемъ числа книгъ). Подобнаго рода оглавленія безъ всякихъ, конечно, затрудненій входятъ въ грамматическую связь съ прочими членами предложенія.

Третій случай употребленія разбираемой нами категоріи род. п. грамматики видятъ въ такихъ сочетаніяхъ, какъ: arbor fici, arbor abietis, flos violae и др. Если мы, не *имѣя спеціальныхъ познаній по ботаникѣ*, возьмемъ въ руки полный словарь русскихъ названій различныхъ растеній, то очень многія изъ этихъ названій останутся для насъ простыми звуковыми сочетаніями безъ всякаго опредѣленнаго значенія; если мы встрѣтили бы подобное слово не въ словарѣ ботаническихъ названій, а гдѣ-нибудь въ другомъ

мѣстѣ, мы не знали бы даже, растеніе ли обозначается этимъ словомъ или какой другой предметъ. Специалисты различаютъ чуть не десятки тысячъ названій, у неспеціалистовъ же большинство этихъ названій не вызываетъ никакихъ представленій. То же можно сказать о минералахъ, о животныхъ низшихъ классовъ и о другого рода предметахъ, входящихъ въ какой-нибудь слишкомъ спеціальный кругъ знаній. Очевидно, что, когда въ рѣчи или на письмѣ приходится употребить подобное невѣдомое большинству названіе, то необходимо принять мѣры, чтобы оно вызывало въ умѣ читателя какія-нибудь, хотя самыя общія представленія. Съ этою цѣлью въ русскомъ языкѣ при названіи обыкновенно ставится въ скобкахъ, внѣ грамматической связи, обозначеніе рода и вида, къ которымъ принадлежитъ подразумѣваемый предметъ, или же дѣлается внизу страницы пояснительная выноска, и сравнительно рѣже названіе является въ качествѣ приложенія къ добавляемому родовому понятію. Латинскій языкъ, стремясь всюду къ грамматической связи, прибѣгаетъ въ этомъ случаѣ къ придаточному или вводному предложенію или опять вводитъ въ предложеніе родовое понятіе, а названіе ставитъ при немъ въ род. падежѣ. Но получаемая здѣсь конструкція уже рѣзко отличается отъ тѣхъ случаевъ, которые разобраны нами выше. Тамъ задачей нашей было—принять мѣры, чтобы читатель слово, употребленное лишь въ смыслѣ звукового сочетанія, не принималъ за наименованіе реально существующаго предмета. Здѣсь, наоборотъ, цѣль наша заключается въ томъ, чтобы вмѣсто не дающаго представленій звукового сочетанія получить наименованіе реально существующаго предмета. *Такимъ образомъ одинаковыми оказываются* только исходныя точки: въ томъ и другомъ случаѣ мы оперируемъ надъ словами, принимаемыми въ смыслѣ звукового сочетанія, но въ одномъ случаѣ мы стремились сохранить за ними этотъ характеръ, въ другомъ—стремимся измѣнить его. Той и другой цѣли мы достигаемъ однимъ и тѣмъ же средствомъ—именно съ помощью добавленія родового понятія. Все дѣло въ томъ, что добавляемыя

нами понятія совершенно различны: тамъ мы добавляли такія понятія, которыя всѣ сводятся къ понятію о словѣ въ наиболѣе обширномъ его значеніи; здѣсь добавочныя понятія обозначаютъ тотъ родъ, къ которому принадлежитъ уже самый предметъ. Если, напр., слово alcea было для обыкновеннаго читателя простымъ звуковымъ сочетаніемъ, то указаніе на родъ (herba), къ которому относится подразумѣваемый предметъ, сдѣлало изъ выраженія: herba alceae, уже наименованіе реально существующаго предмета, извѣстнаго читателю, по крайней мѣрѣ, со стороны наиболѣе общихъ его признаковъ. Къ извѣстнымъ теперь признакамъ принадлежатъ, во-первыхъ, родовые, заключающіеся въ понятіи herba, и, во-вторыхъ, тотъ признакъ, что подразумѣеваемый предметъ въ рѣчи обозначается такимъ символическимъ звуковымъ сочетаніемъ, какъ alcea. Такимъ образомъ род. п. alceae оказывается тѣмъ род., который обозначаетъ видовой признакъ. Сочетаніе: herba alceae, въ сущности означаетъ: «трава такого-то названія», «трава названія a l c e a». Если бы мы хотѣли сказать что-нибудь о самомъ словѣ alcea, то изъ опасенія, чтобы слушатель не подумалъ, что мы говоримъ не о словѣ, а о самомъ предметѣ (предполагая, что онъ извѣстенъ слушателю), мы добавили бы родовое понятіе и говорили бы о nomen alceae. Но въ данномъ случаѣ о подобномъ опасеніи не можетъ быть и рѣчи: здѣсь исходнымъ пунктомъ и служитъ тотъ фактъ, что взятое слово не вызываетъ никакихъ опредѣленныхъ представленій о предметѣ; поэтому добавленіе въ указанной схемѣ слова nominis оказывалось бы совершенно излишнимъ. Грамматики предупредительно добавляютъ, что вм. выраженій: arbor fici, arbor abietis и т. п., ч а щ е говорится просто: ficus, abies и т. д. Само собою разумѣется, что, если мы возьмемъ, напр., хоть ту же область ботаники, то въ неспеціальныхъ сочиненіяхъ мы обыкновенно имѣемъ дѣло съ общеизвѣстными названіями растеній, не требующими поясненій. Но, съ другой стороны, необходимо замѣтить, что, разъ языкъ допускаетъ описательные обороты, то появленіе ихъ въ рѣчи объясняется иной разъ,

кромѣ указаннаго, и другими, посторонними мотивами, напр., желаніемъ избѣжать двусмысленности (ficus значитъ «смоковница» и «смоква», palma—«пальма» и «финикъ», и т. п.), требованіями стихосложенія, стремленіемъ къ соразмѣрности въ періодахъ и т. п.

Въ самой близкой связи съ только что разобраннымъ случаемъ стоитъ въ латинскомъ языкѣ и употребленіе нѣкоторыхъ именъ собственныхъ. Собственныя имена, строго говоря, не имѣютъ никакого значенія. «Имя собственное есть не что иное, какъ лишенный смысла знакъ, который мы соединяемъ въ своемъ умѣ съ идеей предмета для того, чтобы знакъ, попавшись намъ на глаза или вспавши намъ на мысль, заставилъ насъ думать объ именуемомъ отдѣльномъ предметѣ» (Милль, Сист. лог., I, 43). Такимъ образомъ, если читатель или слушатель не можетъ связать даннаго собственнаго имени съ представленіемъ о какомъ-нибудь извѣстномъ ему предметѣ, то и здѣсь является необходимость, съ помощью добавочныхъ понятій, такъ или иначе обозначить одинъ или нѣсколько признаковъ подразумѣваемаго предмета. Нужно, впрочемъ, сдѣлать одно очень важное ограниченіе: оно касается названій лицъ. У каждаго народа есть свои излюбленныя имена, прозвища, фамиліи; изъ исторіи и литературы мы знакомимся съ именами и фамиліями, излюбленными въ сферѣ другихъ народовъ; обыденность и частое упоминаніе подобныхъ названій, всегда связанныхъ съ представленіями о такихъ-то людяхъ, повело къ тому, что названія эти стали для насъ не простымъ звукомъ, а символическимъ обозначеніемъ представленія о человѣкѣ; если мы даже ничего не знаемъ о подразумѣваемомъ лицѣ, названіе лица все-таки вызываетъ въ нашемъ сознаніи представленіе о родовыхъ признакахъ человѣка. Китайскія или негритянскія названія лицъ не вызывали бы въ насъ представленій о человѣкѣ; но такія наименованія, какъ: «Иванъ», «Петръ», «Цицеронъ» и т. п., уже заключаютъ въ себѣ всю ту совокупность признаковъ, которая въ другихъ случаяхъ получается чрезъ добавленіе родового понятія; единичное наименованіе «Иванъ», по-

добно составному наименованію: herba alceae, уже заключаетъ въ себѣ указаніе на всѣ признаки, принадлежащіе роду, и на тотъ признакъ, что подразумѣваемый предметъ носитъ имя «Иванъ». Грамматики обыкновенно говорятъ, что въ роли gen. explicativus бываютъ географическія названія, но не названія лицъ. И дѣйствительно, сочетанія: promontorium Miseni, tellus Ausoniae и др., по построенію, происхожденію и логической роли словъ совершенно тожественны такимъ сочетаніямъ, какъ: herba alceae. Но подобнаго род. п. не можетъ быть тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ названіями лицъ, потому что названіе лица уже само по себѣ заключаетъ въ себѣ все то, чего въ другихъ случаяхъ мы достигаемъ съ помощью добавочнаго родового понятія и зависящаго отъ него род. п. При названіяхъ лицъ могутъ въ качествѣ приложенія стоять родовыя понятія, но эти понятія вовсе не такія, съ какими мы встрѣчаемся при географическихъ названіяхъ. Присоединяемыя къ географическимъ названіямъ понятія: «гора», «рѣка», «мысъ», «городъ» и т. д., суть родовыя понятія въ собственномъ смыслѣ, т.-е. основанныя на подчиненіи (subordinatio): одно понятіе здѣсь всецѣло входитъ въ составъ другого. Для названій лицъ аналогичными родовыми понятіями были бы понятія: «человѣкъ», «мужчина», «женщина». Но такихъ понятій мы никогда не добавляемъ, потому что названія лицъ, какъ мы сейчасъ видѣли, вовсе не нуждаются въ нихъ. Добавляемыя къ названіямъ лицъ родовыя понятія основаны не на подчиненіи, а на подведеніи (subsumptio)[1] одного понятія подъ другое: предметъ въ такихъ случаяхъ подчиняется понятію признака, въ немъ заключающагося; сопоставляемыя понятія могутъ здѣсь не имѣть никакого между собой сходства за исключеніемъ общаго признака, подъ который подводятся. Подобнаго рода приложеніе чаще всего означаетъ лишь состояніе лица во время дѣйствія; и, вообще говоря, чѣмъ исключительнѣе этотъ общій признакъ, тѣмъ легче выдѣлить подразумѣваемое лицо изъ

[1]) См., напр., Логику Владиславлева, 92.

ряда другихъ и, значитъ, тѣмъ лучше мы достигаемъ своей цѣли. Названіе лица уже потому не можетъ перейти въ род. п. при родовомъ понятіи, что оно вовсе не есть приложеніе: оно является подлежащимъ и вообще основнымъ, опредѣляемымъ, а не опредѣляющимъ членомъ сужденія. Иное дѣло—географическія, напр., названія. Въ латинскихъ грамматикахъ находимъ обыкновенно правилю, что, «если подлежащимъ бываетъ названіе мѣстности, имѣющее при себѣ приложеніе, то сказуемое обыкновенно согласуется съ приложеніемъ» (Штегм.-Никифоровъ). «Правило» это, столь грубо противорѣчащее логическому соотношенію членовъ сужденія и основнымъ грамматическимъ законамъ согласованія, явилось вслѣдствіе ложнаго убѣжденія, что изъ двухъ стоящихъ рядомъ именъ—собственнаго и нарицательнаго приложеніемъ всегда бываетъ нарицательное имя и вообще родовое понятіе. При географическихъ понятіяхъ сказуемое, дѣйствительно, согласуется съ нарицательнымъ именемъ и не только въ латинскомъ, но и въ русскомъ языкѣ: «рѣка Дунай судоходна», «гора Монбланъ покрыта снѣгомъ», «городъ Аѳины славенъ», Corioli oppidum captum est, Ligures provincia evenerat, и т. п. Но это и служитъ самымъ нагляднымъ доказательствомъ того, что нарицательное имя здѣсь является подлежащимъ, а собственное приложеніемъ (при названіяхъ лицъ должно быть обратное согласованіе, напр.: «докторъ математическихъ наукъ Ковалевская читала лекціи въ Стокгольмѣ»). Приложеніе, какъ учитъ грамматика, есть замѣна придаточнаго предложенія: въ приложеніе переходитъ сказумое придаточнаго опредѣлительнаго. Если приложеніемъ оказывается собственное имя, то, значитъ, оно въ полномъ придаточномъ предложеніи было бы сказуемымъ. Въ логическомъ смыслѣ собственное имя есть обозначеніе единичнаго понятія. Но единичныя понятія ни въ какомъ случаѣ не бываютъ сказуемымъ *сужденія*; съ логической точки зрѣнія совершенно несостоятельны такія сужденія, какъ: «рѣка есть Дунай», «городъ есть Аѳины», и т. п. Если же, несмотря на это, собственное имя все-таки является иногда въ роли приложенія, то это

лишь потому, что оно въ этомъ случаѣ не бываетъ обозначеніемъ реально существующаго предмета, а принимается только въ качествѣ словеснаго знака. Этимъ и объясняется возможность постановки латинскихъ географическихъ названій въ род. п. въ зависимости отъ родового понятія; и такимъ образомъ сочетаніе, напр.: Pachyni promontorium, по своему происхожденію и по логическому соотношенію словъ соотвѣтствуетъ выраженію: «мысъ названія Пахинъ».

Остается еще одинъ случай, относимый къ разбираемой нами категоріи род. п. Случай этотъ еще болѣе исключительный; въ немъ еще труднѣе усмотрѣть логическое соотношеніе словъ, потому что мы имѣемъ здѣсь дѣло уже не съ конкретными именами, а съ отвлеченными понятіями. Школьныя грамматики чаще всего совсѣмъ не упоминаютъ объ этомъ случаѣ, а если и намекаютъ на него, то приводятъ такіе примѣры, какъ: perturbatio metus, virtus continentiae. Но приводить въ такомъ видѣ примѣры значитъ лишать ихъ тѣхъ характерныхъ признаковъ, безъ которыхъ и самое сочетаніе остается непонятнымъ. Роль подобныхъ сочетаній обнаруживается только въ связи съ другими членами сужденія. Если мы возьмемъ ихъ въ связной рѣчи, то увидимъ, что характерною особенностью этихъ сочетаній служитъ то обстоятельство, что въ род. п. здѣсь является не одно слово, а два или болѣе. Сущность оборота здѣсь та же, что и въ указанныхъ выше случаяхъ: род. падежи, какъ и въ сочетаніяхъ: herba alceae, promontorium Miseni, указываютъ на тотъ признакъ подразумѣваемаго понятія, что оно оозначается въ рѣчи такимъ-то словеснымъ знакомъ, а управляющее слово указываетъ родъ, къ которому относятся подразумѣваемыя понятія. Но исходнымъ пунктомъ при построеніи предложенія здѣсь является уже нѣчто иное; появленіе оборота вызывается не необходимостью выяснить значеніе слова, знаменующаго единичный предметъ или видовое понятіе, а желаніемъ объединить нѣсколько видовыхъ понятій въ одномъ общемъ названіи. Въ сужденіи: duae sunt obscuritatis causae, una pudo-

ris—altera sceleris, род. падежи pudoris и sceleris не суть обозначеніе побочныхъ понятій, стоящихъ рядомъ съ родовымъ понятіемъ causae; они указываютъ лишь на то, что подразумѣваемыя понятія, обозначенныя родовымъ названіемъ causae и относящіеся къ тому роду, который здѣсь помѣченъ, называются именами pudor и scelus; тутъ мы имѣемъ точно такой же род. п., означающій видовое отличіе, какъ и въ сочетаніи: herba alceae, гдѣ род. п. alceae указываетъ не на предметъ, а на видовое отличіе подразумѣваемаго предмета, заключающееся въ его наименованіи такимъ-то словомъ. Само собою разумѣется, что, если бы мы имѣли въ виду только одно понятіе, а не два или болѣе, то у насъ не могло бы быть никакихъ обобщеній, а значитъ, намъ не за чѣмъ было бы и прибѣгать къ разбираемому обороту, который только тамъ и примѣнимъ, гдѣ родовое названіе можно понимать въ нѣсколькихъ смыслахъ, при чемъ род. падежи и обозначаютъ, въ какихъ именно смыслахъ мы принимаемъ это родовое названіе.

Въ заключеніе мы должны замѣтить, что грамматики къ разбираемой нами категоріи род. относятъ иногда и такія сочетанія, въ которыхъ вовсе нѣтъ отличительныхъ признаковъ этой категоріи и которыя къ дѣйствительности, значитъ, сюда не относятся; напр.: praesidium trium legionum (примѣръ, совершенно аналогичный съ выраженіемъ: navis ducentarum navium), munitio fossae (munitio—дѣйствіе, функція рва) и др. Мало имѣютъ сюда отношенія и такія русскія выраженія, какъ: «титулъ царя», «личность правителя», «имя тирана», въ которыхъ нѣкоторыя грамматики видятъ полную аналогію съ латинскимъ род. п.; на самомъ же дѣлѣ здѣсь род. п. указываетъ на предметъ или родъ предметовъ, которому что-нибудь принадлежитъ.

V. Genitivus generis.

Терминъ gen. partitivus въ школьныхъ грамматикахъ принимается въ двоякомъ объемѣ: однѣ грамматики gen. partitivus отличаютъ отъ gen. generis или quantitatis; дру-

гія, не различая этихъ двухъ группъ, всѣ относящіеся сюда случаи объединяютъ подъ общимъ наименованіемъ gen. partitivus. Въ опредѣленіи gen. partitivus всѣ грамматики болѣе или менѣе сходятся; совершенно иное мы видимъ въ попыткахъ объяснить тѣ грамматическія сочетанія, которыя объединяются терминомъ gen. generis. Грамматики, принимающія терминъ gen. partitivus въ обширномъ смыслѣ слова, въ этихъ сочетаніяхъ, какъ и во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, объединяемыхъ ими терминомъ gen. partitivus, видятъ обозначеніе отношенія части къ цѣлому. Но тутъ, очевидно, кроется нѣкоторое недоразумѣніе. И въ самомъ дѣлѣ, въ сочетаніяхъ: sextarius frumenti, parum argenti и др., едва ли можно видѣть обозначеніе отношенія цѣлаго къ своей части или части къ своему цѣлому. Секстарій есть часть модія, а не часть хлѣба; въ понятіи parum не заключается намека ни на малѣйшую часть серебра. Понятія «секстарій» и «хлѣбъ»—величины несоизмѣримыя, это понятія совершенно несходныя, не имѣющія ни одного общаго признака. Понятіе «секстарій» можно мыслить какъ часть, но эта часть будетъ относиться вовсе не къ тому цѣлому, которое обозначено род. падежомъ; и съ другой стороны, часть предмета, называемаго словомъ frumentum, означается не словомъ sextarius, а цѣлымъ сочетаніемъ: sextarius frumenti. Понятія sextarius frumenti и frumentum, дѣйствительно, будутъ относиться другъ къ другу, какъ часть къ цѣлому, но между понятіями sextarius и frumenti такого соотношенія нѣтъ. Такимъ образомъ грамматики, не выдѣляющія gen. generis въ особую категорію, не должны были бы довольствоваться обычнымъ опредѣленіемъ термина gen. partitivus, такъ какъ оно не обнимаетъ всѣхъ случаевъ, относимыхъ ими къ категоріи gen. partitivus. Большинство, впрочемъ, грамматикъ выдѣляетъ gen. generis въ особую категорію. При опредѣленіи этой категоріи грамматики или прибѣгаютъ къ понятіямъ: «содержаніе», «количество», «родъ», или ограничиваются указаніемъ, что этотъ род. указываетъ отношеніе между мѣрой и тѣмъ, что измѣряется; иные, впрочемъ, учебники

обходятся безъ опредѣленія или просто указываютъ на близость этого род. къ gen. explicativus (Кесслеръ и др.). Остановимся на каждомъ изъ этихъ опредѣленій.

Когда грамматики говорятъ, что gen. generis означаетъ «содержаніе» (Санчурскій, Черняевъ и др.), то исходнымъ пунктомъ для нихъ служатъ тѣ два-три примѣра, въ которыхъ указана какая-нибудь мѣра сыпучихъ тѣлъ или жидкостей. Дѣйствительно, если въ мѣру насыпанъ хлѣбъ, то этотъ хлѣбъ можно съ нѣкоторой натяжкой назвать «содержаніемъ» мѣры (вмѣсто болѣе обычнаго слова «содержимое»). Но грамматики вслѣдъ за modius frumenti перечисляютъ примѣры: pars Europae, tria milia equitum, satis temporis и т. д.; выходитъ, что цѣлое—Европа—содержится въ своей части, что въ тысячахъ содержатся не сотни, десятки, а «воины», что «время» (temporis) содержится въ понятіи «довольно» и т. д. Въ огромномъ большинствѣ примѣровъ, относимыхъ грамматиками къ этой категоріи род. пад., не можетъ быть никакой рѣчи о содержаніи. Какъ связать представленіе о содержаніи съ значеніемъ прилагательныхъ, числительныхъ, нарѣчій, требующихъ этого род. пад.? Если сказать, что слова: quid, nihil, satis и т. д., сами по себѣ не имѣютъ содержанія, а присоединяемые къ нимъ род. падежи даютъ имъ «содержаніе», то это будетъ лишь игра словъ: слово «содержаніе» будетъ употреблено здѣсь уже въ совершенно иномъ значеніи, не имѣющемъ ничего общаго съ «содержаніемъ» хлѣба въ модіи. Другія грамматики, исходя изъ термина gen. quantitatis, говорятъ, что этотъ род. есть «род. количества».

Пересматривая принятые въ синтаксисѣ падежей термины для обозначенія различныхъ категорій падежей, мы видимъ, что термины эти всегда указываютъ на значеніе самого падежа, а не того слова, отъ котораго зависитъ этотъ падежъ. Поэтому названія: gen. quantitatis, «род. количества», должны обозначать, что этимъ род. указывается количество. Грамматики, впрочемъ, не оставляютъ въ этомъ случаѣ никакого сомнѣнія: онѣ прямо говорятъ, что род. тутъ берется «для означенія количества». Такимъ обра-

зомъ насъ хотятъ увѣрить, что въ выраженіи: tres modii frumenti, количество обозначено словомъ frumenti, а не словами tres modii, что, если мы говоримъ о «трехъ фунтахъ серебра», то количествомъ будетъ не «три фунта», а «серебро», и т. д. Увѣряя, что gen. quantitatis означаетъ количество, грамматики перечисляютъ тѣ группы словъ, при которыхъ онъ ставится,—и тутъ снова фигурируетъ «количество»: род. этотъ ставится при существительныхъ, «означающихъ количество», «при количественныхъ нарѣчіяхъ» и т. д. Выходитъ, что modius frumenti есть обозначеніе количества при количествѣ. Правило объ этомъ род. излагается, напр., такъ: «Gen. quantitatis — род. для обозначенія содержанія или количества—ставится: а) при сущ., означающихъ количество», и т. д. (Санчурскій). Такимъ образомъ можно сказать, что разбираемый род. п. ставится при substantiva quantitatis, при adverbia quantitatis, но называть самый род. терминомъ gen. quantitatis значитъ грубо смѣшивать понятія, количество смѣшивать съ предметами, подлежащими измѣренію. Терминъ gen. quantitatis скорѣе пригоденъ былъ бы для такихъ сочетаній, какъ classis centum navium, iter sex dierum и др., такъ какъ род. падежомъ здѣсь, дѣйствительно, опредѣляется количество.

Иныя грамматики, употребляя терминъ gen. quantitatis, при опредѣленіи этой категоріи избѣгаютъ понятія о количествѣ и упоминаютъ лишь объ отношеніи мѣры къ предмету измѣряемому (Никифоровъ и др.). При такой постановкѣ дѣла между опредѣленіемъ и самымъ терминомъ не оказывается никакого соотвѣтствія. Если самый род. п. означаетъ не мѣру, а лишь измѣряемый предметъ, то нѣтъ основаній и называть его терминомъ gen. quantitatis. Самое опредѣленіе можно назвать слишкомъ узкимъ. Когда мы говоримъ о «мѣрѣ» и «предметѣ измѣряемомъ», то мы обыкновенно подразумѣваемъ здѣсь мѣру опредѣленную и предметы, доступные точному измѣренію. Но указываемъ ли мы мѣру, измѣряемъ ли мы предметъ, когда говоримъ: multum temporis, nihil novi, quid causae и т. д.? Если бы

мы сказали: «два часа», «три дня», то мы, значитъ, измѣрили бы время; но если мы говоримъ: «мало», «много времени», мы, значитъ, не можемъ или не хотимъ измѣрить время, не измѣряемъ его и употребляемъ общее выраженіе, означающее нѣкоторое неопредѣленное его количество. Понятіе о мѣрѣ немыслимо безъ своего основного существеннаго признака—безъ представленія о точной величинѣ этой мѣры. Грамматики насчитываютъ обыкновенно четыре категоріи словъ, требующихъ послѣ себя постановки gen. quantitatis. Три изъ этихъ категорій всегда обозначаютъ не ту или иную мѣру, а лишь неопредѣленное количество, и только первая категорія означаетъ то неопредѣленное количество, то мѣру опредѣленную. Такимъ образомъ указаніе на мѣру и предметъ измѣряемый есть лишь одинъ изъ частныхъ случаевъ, объединяемыхъ терминомъ gen. quantitatis. Еще меньше основаній—говорить, что этотъ род. употребляется «для выраженія измѣреннаго, сосчитаннаго предмета». Напротивъ, этотъ род. тогда преимущественно и употребляется, когда предметъ не измѣренъ или даже не можетъ быть измѣренъ; а выраженіе: «сосчитанный предметъ», содержитъ въ себѣ, кромѣ того, логическое противорѣчіе: представленіе о «сосчитываніи» не примѣнимо къ одному предмету.

Сопоставленіе gen. quantitatis съ gen. explicativus тоже основано на недоразумѣніи. По ученію грамматикъ, въ выраженіи: urbs Romae, «родовое понятіе поясняется видовымъ». Сопоставимъ съ этимъ выраженіемъ сочетанія: modius frumenti, multitudo hominum и т. п. Въ первомъ случаѣ род. падежомъ обозначено видовое понятіе, во второмъ—родовое. Такимъ образомъ, если сопоставлять gen. generis съ gen. explicativus, то слѣдовало бы прійти къ заключенію, что эти два оборота не только не похожи, но даже совершенно противоположны другъ другу. Мало того, въ сочетаніяхъ, относимыхъ къ категоріи gen. generis, мы никогда не находимъ соединенія родовыхъ понятій съ видовыми. Управляющее слово можетъ безразлично быть и родовымъ понятіемъ и видовымъ; а понятіе, выраженное фор-

мою род. падежа, никогда не имѣетъ ничего общаго, ни по объему ни по содержанію, съ понятіемъ, обозначеннымъ управляющимъ словомъ. «Модій» и «зерно», «фунтъ» и «хлѣбъ», «множество» и «люди», «мало» и «время» — все это понятія, совершенно несходныя, не имѣющія между собою ни одного общаго признака; для родового понятія зерно» видовыми будутъ: «рожь», «пшеница», а не «модій», «мѣра»; «фунтъ» не можетъ быть составною частью понятія «хлѣбъ», и т. д. Впрочемъ, если родовыя и видовыя понятія принимать въ ихъ обычномъ логическомъ смыслѣ, то сочетанія, при которыхъ видовое понятіе выражалось бы формою род. п., зависящею отъ родового понятія, или наоборотъ, совершенно немыслимы. Ни въ одномъ языкѣ не можетъ быть ничего похожаго на такія, напр., сочетанія: «человѣкъ европейца», «животное лошади» и т. д. Между родовымъ и видовымъ понятіемъ возможна одна только грамматическая связь—согласованіе въ падежахъ: родовое понятіе можетъ быть приложеніемъ при видовомъ,—и только. Поводы къ сближенію gen. generis съ gen. explicativus возникаютъ лишь тогда, когда этому послѣднему придаютъ какое-нибудь несвойственное ему значеніе. Иногда, напр., утверждаютъ, что gen. explicativus обозначаетъ «отношеніе вещества къ предмету, состоящему изъ него». Но можно ли подъ это опредѣленіе подвести хоть одинъ изъ случаевъ, когда въ роли этого род. фигурируютъ географическія названія, отвлеченныя понятія, оглавленія книгъ, слова, принимаемыя въ смыслѣ звукового сочетанія? Гдѣ найти это «вещество» и предметы, изъ него состоящіе, въ сочетаніяхъ: vox voluptatis, promontorium Miseni, virtus continentiae, liber Academicorum и т. д.? Изъ всѣхъ случаевъ употребленія gen. explicativus только въ одномъ можно, съ нѣкоторой натяжкой, говорить о «веществѣ»,—именно въ примѣненіи къ растеніямъ. Но род. п. и здѣсь не означаетъ вещества: веществомъ «дерева» будетъ древесина, а не «смоковница», не «ель» (arbor fici, abietis). Связь gen. generis съ gen. explicativus хотятъ иллюстрировать такими примѣрами, какъ: torus herbae, flumina lactis. Въ такихъ со-

четаніяхъ мы, дѣйствительно, находимъ указаніе на вещество и предметъ, изъ него состоящій. Но отсюда слѣдуетъ лишь то, что род. въ этихъ сочетаніяхъ не есть gen. explicativus. Gen. explicativus бываетъ, какъ мы видѣли, двухъ типовъ. Къ первому типу относятся сочетанія, въ которыхъ мы ведемъ рѣчь не о реально существующихъ предметахъ, а лишь о словахъ и наименованіяхъ, принимаемыхъ въ смыслѣ звукового сочетанія. Второй типъ составляютъ случаи, когда родовымъ понятіемъ обозначенъ реально существующій предметъ, а словесное наименованіе его, помѣчаемое род. падежомъ, принимается за видовое его отличіе (herba alceae = «трава наименованія alcea»). Въ обоихъ этихъ типахъ род. п. указываетъ не на предметы и не на вещество, а лишь на словесное наименованіе, которое въ сочетаніяхъ второго типа принимается за видовой признакъ предмета. И, наоборотъ, въ тѣхъ примѣрахъ употребленія gen. generis, которыя приводятся грамматиками на первомъ обыкновенно мѣстѣ въ качествѣ наиболѣе нормальныхъ, род. падежъ какъ разъ и указываетъ на вещество. Выраженіе: torus herbae, вполнѣ аналогично сочетаніямъ: modius frumenti, «куль зерна», мѣшокъ сѣна» и т. д. Правда, torus не означаетъ мѣры; но gen. generis ставится, какъ увидимъ ниже, не только при обозначеніи той или иной мѣры. Для полнаго отожествленія выраженій: torus herbae и «мѣшокъ сѣна», стоитъ только представить себѣ, что этотъ мѣшокъ служитъ периной или подушкой для спанья или сидѣнья. Такимъ образомъ сближеніе gen. generis съ gen. explicativus оказалось основаннымъ на неправильномъ перенесеніи нѣкоторыхъ примѣровъ изъ одной категоріи род. падежа въ другую. Небольшое число примѣровъ, неправильно перенесенныхъ изъ категоріи gen. generis въ категорію gen. explicativus, повело къ такому опредѣленію этой послѣдней категоріи, подъ которое не подходятъ всѣ остальные случаи, дѣйствительно представляющіе собою gen. explicativus.

Рѣже другихъ встрѣчается опредѣленіе, что gen. generis означаетъ родъ. Очень многія грамматики пользуются тер-

миномъ gen. generis, и однако же не считаютъ для себя обязательнымъ при опредѣленіи этой категоріи выходить изъ понятія о родѣ, такъ что наименованіе категоріи остается внѣ всякой связи съ опредѣленіемъ и читателю остается неизвѣстнымъ, почему же этотъ род. называется gen. generis, но означаетъ не родъ, а измѣряемый предметъ или что-нибудь другое. Терминъ gen. generis вводитъ насъ уже въ область логическихъ представленій. Исходя изъ него, мы и попытаемся найти истинный смыслъ разбираемаго оборота и установить точные предѣлы его употребленія. Родъ—понятіе соотносительное: родъ предполагаетъ виды и отдѣльные предметы. Если род. п. называется gen. generis, если онъ означаетъ родъ, то спрашивается: гдѣ виды? по отношеніи къ чему данное понятіе будетъ родовымъ? Мы уже видѣли, что понятіе, выраженное формою gen. generis, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть родовымъ по отношенію къ понятію, обозначенному управляющимъ словомъ. Значитъ, видовыхъ понятій нужно искать не въ разбираемомъ сочетаніи двухъ понятій, а гдѣ-нибудь еще. Языкъ постоянно пользуется родовыми понятіями для означенія данныхъ предметовъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Если предметъ извѣстенъ уже слушателю, то одинъ, опредѣленный домъ мы можемъ, продолжая свою рѣчь, называть общимъ, родовымъ наименованіемъ «домъ», и рѣчь наша будетъ вполнѣ понятна слушателю. Такую же роль играютъ родовыя понятія и тогда, когда мы единичный предметъ называемъ родовымъ наименованіемъ съ присоединеніемъ видового или частнаго признака. Но мы не можемъ приписать этой роли тому понятію, которое обозначается черезъ gen. generis: это понятіе часто даже и не предполагаетъ собою видовыхъ. Когда мы употребляемъ выраженіе: «кусокъ серебра», то нельзя сказать, что понятіе «серебро» есть родовое по отношенію къ единичному предмету, о которомъ мы ведемъ рѣчь: единичный предметъ будетъ представлять собою не тотъ или иной видъ серебра, а лишь «серебро»—и больше ничего. Но можно ли понятіе называть родовымъ, когда оно даже не разлагается на другія, меньшія по объему по-

нятія? Такое понятіе мы должны были бы называть единичнымъ, но въ то же время мы ясно сознаемъ, что «серебро» не есть отдѣльный, единичный предметъ. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ чѣмъ-то оригинальнымъ, не легко укладывающимся въ обычныя рамки логическихъ представленій. И, дѣйствительно, такъ называемыя «вещественныя понятія», съ которыми мы чаще всего имѣемъ дѣло при разбираемомъ нами оборотѣ, имѣютъ много особенностей. Они составляютъ нѣчто среднее между родовыми и собирательными понятіями, которыя, въ свою очередь, относятся къ единичнымъ. Основное различіе между собирательными и родовыми понятіями состоитъ въ томъ, что признаки собирательнаго понятія принадлежатъ цѣлому собранію и не принадлежатъ каждому отдѣльному предмету, взятому изъ этого собранія, а признаки родового понятія обязательно принадлежатъ и каждому отдѣльному предмету, входящему въ составъ рода. Вещественныя понятія сходны въ этомъ случаѣ съ родовыми: все, что можно сказать о какомъ-нибудь веществѣ, приложимо и ко всякой его части,—признаки серебра принадлежатъ и всякому куску серебра. Но въ то же время вещественное понятіе не разлагается на отдѣльныя, самостоятельныя единицы, какъ это бываетъ съ родовымъ понятіемъ. Второе важное различіе между родовыми и собирательными понятіями заключается въ томъ, что собирательное имя можетъ быть сказуемымъ тогда только, когда подлежащимъ будетъ все собраніе предметовъ, какъ одно цѣлое, а родовое понятіе можетъ быть сказуемымъ и для каждаго отдѣльнаго предмета, входящаго въ составъ рода. Вещественныя понятія и здѣсь занимаютъ середину. Они могутъ быть сказуемымъ при подлежащемъ, означающимъ часть вещества, но въ то же время они не указываютъ на что-либо болѣе общее, не означаютъ принадлежности предмета къ классу. Когда мы говоримъ: «это—золото», то вещественное понятіе не выражаетъ такой принадлежности къ классу, какая обозначается предложеніемъ: «это—столъ». Такимъ образомъ вещественныя понятія, совмѣщая въ себѣ свойства родовыхъ и единичныхъ

понятій, не могутъ быть названы родовыми въ обычномъ значеніи этого слова, и терминъ gen. generis можно принимать не иначе, какъ съ важной оговоркой. Отличительная особенность понятій, которыя могутъ явиться въ формѣ gen. generis, заключается въ томъ, что, хотя соотвѣтствующіе имъ предметы, представляя нѣкоторую совокупность, распадаются на отдѣльныя элементы, сами эти понятія уже не распадаются на другія, единичныя, такъ что отдѣльные элементы предмета не имѣютъ уже отдѣльныхъ названій. Совокупность, обозначаемая родовымъ понятіемъ «животное», распадается на отдѣльные группы и предметы, и каждая изъ этихъ частей является особымъ понятіемъ и имѣетъ особое наименованіе. Совокупность, означаемая понятіями: «зерно», «хлѣбъ», «снѣгъ», «уголь», и всѣми другими, могущимк фигурировать въ роли gen. generis, тоже распадается на отдѣльные элементы, но эти элементы уже не являются особыми понятіями и не имѣютъ особыхъ наименованій. Предметы, составляющіе кучу угля, снѣга, зерна, настолько многочисленны и однообразны, что намъ никогда въ жизни даже и не приходится мыслить о нихъ поодиночкѣ: намъ не приходится не только отличать ихъ другъ отъ друга, но даже считать. Часто элементы, какъ это видимъ въ металлахъ и жидкостяхъ, настолько связаны между собою, что въ нашихъ обычныхъ представленіяхъ они всегда являются въ видѣ одной непрерывной массы. Намъ не приходится, какъ мы сказали, различать элементы вещества поодиночкѣ, не приходится мыслить о каждомъ элементѣ отдѣльно; но если элементы ясно различимы, мы можемъ, конечно, мыслить объ элементѣ, какъ таковомъ, не различая одной снѣжины отъ другой, мыслить о снѣжинѣ вообще. Такимъ образомъ элементъ вещества можетъ представляться намъ отдѣльнымъ предметомъ и, значитъ, требуетъ для себя въ этомъ случаѣ отдѣльнаго наименованія. Латинскій языкъ еще не создалъ этихъ наименованій: элементы вещества въ немъ обозначаются тѣмъ же словомъ, какъ и самое вещество; «снѣжина» въ немъ не стала еще отдѣльнымъ понятіемъ, отличнымъ отъ поня-

тія «снѣгъ». Русскій языкъ тоже иногда еще не отличаетъ элемента вещества отъ вещества вообще, употребляя для того и другого понятія одно и то же наименованіе. Но въ большинствѣ случаевъ для наименованія элементовъ вещества русскій языкъ имѣетъ особыя слова, произведенныя отъ словъ, именующихъ вещество; это — существительныя съ суффиксомъ *ин:* песчина, снѣжина, сорина, пушина, жемчужина, горошина, пылинка, травинка и т. д.

Когда мы мыслимъ о предметахъ, имѣющихъ протяженіе, то въ понятіе о предметѣ неизмѣнно входитъ, въ качествѣ существеннаго признака, и представленіе о той или иной величинѣ предмета. Вещественныя понятія соотвѣтствуютъ предметамъ, имѣющимъ протяженіе, но представленіе о величинѣ само по себѣ не могло бы входить въ нихъ въ качествѣ существеннаго признака. Если бы понятія: «зерно», «снѣгъ», «уголь» и т. д., были вполнѣ аналогичны обычнымъ родовымъ понятіямъ: «домъ», «животное» и т. д., то подъ наименованіями: «зерно», «снѣгъ», разумѣлась бы вся масса зерна, снѣга, существующая на свѣтѣ. Но о всей массѣ намъ крайне рѣдко приходится мыслить. Когда мы мыслимъ о веществѣ, то мы почти всегда мыслимъ лишь о нѣкоторомъ его количествѣ. Если бы родовыми понятіями: «домъ», «животное», мы обозначали не весь классъ, а лишь нѣкоторое количество предметовъ или отдѣльные предметы, то къ родовому наименованію намъ приходилось бы присоединять еще видовые признаки. Но вещественныя понятія не нуждаются въ такомъ присоединеніи. Мы уже видѣли, что при вещественныхъ понятіяхъ все принадлежащее цѣлому съ одинаковымъ правомъ можно приписать и каждой отдѣльной части этого цѣлаго. Такимъ образомъ вещественными понятіями, въ противоположность родовымъ, совершенно одинаково можно обозначать, безъ всякихъ особыхъ ограниченій и добавочныхъ признаковъ, какъ всю совокупность вещества, такъ и каждую часть его, какъ бы велика или мала она ни была. Съ вещественными понятіями мы не связываемъ никакого опредѣленнаго объема, потому что «солью», напр., именуется какъ вся соль,

находящаяся на землѣ, такъ и та незначительная часть ея, которою посыпанъ ломоть хлѣба. Итакъ, мы видимъ, что, съ одной стороны, вещественныя понятія не заключаютъ въ себѣ представленія объ опредѣленной величинѣ, а съ другой—намъ приходится мыслить обыкновенно только о нѣкоторомъ количествѣ вещества. Такимъ образомъ при употребленіи вещественныхъ понятій часто является необходимость помѣчать, что мы мыслимъ не о всей массѣ вещества, а лишь о нѣкоторой его части. Эту роль и выполняетъ разбираемый нами грамматическій оборотъ. Управляющее слово указываетъ, что мы беремъ только извѣстную долю вещества, а gen. generis есть обозначеніе вещества, такъ что цѣлымъ оборотомъ, т.-е. соединеніемъ управляющаго слова съ род. падежомъ, здѣсь обозначается не два различныхъ понятія, а лишь одно понятіе—именно вещественное, взятое не во всемъ его объемѣ. Нельзя, конечно, думать, что, если мы мыслимъ лишь о нѣкоторомъ количествѣ вещества, то мы и на словахъ обязательно должны отмѣчать это, т.-е. употреблять оборотъ, заключающій въ себѣ gen. generis. Ограниченіе понятія часто достигается простымъ сопоставленіемъ его съ другими понятіями, содержащимися въ томъ же сужденіи. Когда мы говоримъ: «онъ посыпалъ ломоть хлѣба солью», то объемъ понятія «соль» косвенно опредѣляется сопоставленіемъ его съ понятіемъ «посыпать» и «ломоть». Необходимость ограничивать понятіе возникаетъ лишь тогда, когда въ сужденіи нѣтъ данныхъ для опредѣленія объема этого понятія или когда вещество берется не въ обычной для даннаго случая мѣрѣ, а въ большемъ количествѣ или въ меньшемъ. Если мы сравнимъ области употребленія gen. generis при наименованіи вещества въ латинскомъ и русскомъ языкѣ, то вторая окажется болѣе обширною, чѣмъ первая. Въ русскомъ языкѣ этотъ род. играетъ еще болѣе самостоятельную и оригинальную роль. Здѣсь въ извѣстныхъ случаяхъ для обозначенія части вещества даже не требуется добавлять къ род. п. словъ, указывающихъ часть: род. п. можетъ стоять въ одиночку, прямо въ зависимости отъ глагола. Говорятъ: «я выпилъ молока,

взялъ хлѣба, налилъ вина, купилъ угля, и т. д. Русскія грамматики учатъ, что род. п. здѣсь означаетъ часть предмета, а вин. п. означалъ бы весь предметъ. Но въ сущности мы въ томъ и другомъ случаѣ одинаково имѣемъ дѣло лишь съ частью предмета. Вин. п. берется въ томъ случаѣ, если объемъ вещественнаго понятія косвенно опредѣленъ другими понятіями, содержащимися въ сужденіи; если же невозможно подобнаго рода косвенное опредѣленіе объема, то берется род. п., который уже самъ по себѣ указываетъ на то, что берется лишь нѣкоторая часть вещества.

Предыдущія разсужденія показали намъ, что употребленіе gen. generis обусловлено ролью вещественныхъ понятій въ языкѣ и мышленіи. Является вопросъ, не распространяется ли это употребленіе и на нѣкоторыя другія категоріи понятій. Къ вещественнымъ понятіямъ ближе всего примыкаютъ понятія собирательныя. Но они уже не могутъ выражаться формою gen. generis. Конечно, одно собирательное понятіе можетъ быть родовымъ для другого собирательнаго же, но по отношенію къ отдѣльнымъ предметамъ, составляющимъ собраніе, ни одно собирательное понятіе не бываетъ родовымъ: съ этой точки зрѣнія оно всегда будетъ единичнымъ. Что можно сказать о домѣ вообще, то можно сказать и о каждомъ домѣ въ отдѣльности; но что можно сказать о полкѣ солдатъ, о стаѣ птицъ, того нельзя сказать о каждомъ солдатѣ, о каждой птицѣ, принадлежащей къ стаѣ. Элементы, на которые распадается соль, уголь, сѣно, называются тоже «солью», «углемъ», «сѣномъ»; элементы же, на которые распадается полкъ, стая, являются уже особыми, самостоятельными предметами, носятъ свои особыя наименованія, совершенно не подчиненныя собирательному понятію, и не могутъ быть названы при помощи одного собирательнаго понятія. Если мы захотимъ взять собирательное понятіе «полкъ» не во всемъ его объемѣ, то у насъ уже исчезнетъ и самое понятіе «полкъ»; часть собирательнаго цѣлаго будетъ уже ротой, кучей, сотней солдатъ и т. д., но ее нельзя назвать при помощи собирательнаго имени «полкъ», подобно тому,

какъ нѣкоторое количество соли мы называли съ помощью общаго понятія «соли» («немного соли», «нѣсколько соли», «куча соли» и т. д.). Такимъ образомъ при собирательныхъ понятіяхъ не можетъ возникнуть такихъ случаевъ, гдѣ примѣнимъ gen. generis. Правда, нѣкоторыя собирательныя понятія кажутся съ перваго взгляда совершенно неопредѣленными по объему и, значитъ, аналогичными въ этомъ отношеніи понятіяхъ вещественныхъ («толпа», «масса», «скопище» и т. д.); но въ дѣйствительности и этимъ понятіямъ всегда соотвѣтствуетъ нѣкоторый обычный для нихъ объемъ. Когда же мы беремъ ихъ не въ обычномъ объемѣ, то это увеличеніе или уменьшеніе въ объемѣ считается, какъ это бываетъ и при обозначеніяхъ единичнаго предмета родовымъ понятіемъ, новымъ признакомъ понятія и выражается добавочными прилагательными: «большой», «огромный», «значительный», «внушительный», «небольшой», «незначительный» и т. д. Кромѣ того, съ уменьшеніемъ или увеличеніемъ объема собирательнаго цѣлаго, мы просто отъ одного собирательнаго понятія переходимъ къ другому и небольшую толпу людей называемъ уже не «толпою», а, напр., «кучкою», «группою».

Понятія *единичныя*, подобно собирательнымъ, тоже не могутъ быть въ роли gen. generis. Стоитъ только тѣ означающія количество слова, при которыхъ ставится gen. generis, сопоставить съ тѣмъ *или иным*ъ наименованіемъ отдѣльнаго предмета, и мы сейчасъ же увидимъ, что тутъ невозможно никакое соединеніе. Слова: «много», «мало», «столько», «нѣсколько», указываетъ на часть предмета; предметы, обозначаемые словами: «домъ», «столъ», «корабль», *распадаются* на части,—и при всемъ томъ немыслимы сочетанія: «много дома», «столько стола», «нѣсколько корабля». Невозможность употребленія gen. generis и здѣсь, какъ *при понятіяхъ* собирательныхъ, объясняется невозможностью называть часть съ помощью имени, которое мы даемъ цѣлому предмету. Если единичный предметъ *распадается* на части, то этимъ частямъ, какъ это мы видѣли и при собирательныхъ понятіяхъ, соотвѣт-

ствуютъ особыя, самостоятельныя понятія и особыя наименованія. Со стороны объема и содержанія, понятія: prora и navis, «носъ» и «корабль», не стоятъ ни въ какой зависимости другъ отъ друга. Правда, носъ и корабль могутъ быть сдѣланы изъ одного и того же матеріала, окрашены въ одинъ цвѣтъ, но эта общность признаковъ — явленіе совершенно случайное. Предметъ и часть могутъ не имѣть никакихъ общихъ признаковъ, доступныхъ непосредственному наблюденію; сравнимъ, напр., человѣческое тѣло и волосъ, листъ и дерево, когти и льва. Частныя отношенія между предметомъ и его составною частью могутъ быть весьма разнообразны и сложны и часто ихъ нельзя иначе выразить, какъ цѣлымъ рядомъ сужденій. Но всѣ эти отношенія вытекаютъ изъ одного логическаго факта, изъ принадлежности части цѣлому. Наименованіе цѣлаго можетъ стоять въ формѣ род. п. при наименованіи части (prora navis, «носъ корабля», «листъ дерева»), и этотъ род. обозначаетъ логическую категорію отношенія, которое получается тогда, когда два предмета совмѣстно причастны однимъ и тѣмъ же фактамъ, составляющимъ основаніе отношенія (Милль, С и с т. л о г и к и, I, 78 и др.). Основаніемъ отношенія во всѣхъ подобныхъ случаяхъ является принадлежность части цѣлому, и этотъ род. п. есть gen. possessivus. Наименованіе цѣлаго, какъ мы видѣли, не можетъ оказаться родовымъ понятіемъ по отношенію къ наименованіямъ частей. Родовое наименованіе для частей можно найти лишь тогда, когда нѣкоторыя части имѣютъ много общихъ признаковъ и являются однородными; такимъ путемъ возникли родовыя понятія: «глаза», «волосы», «члены» и т. д. Но гораздо чаще бываетъ, что отдѣльныя части не имѣютъ общихъ признаковъ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ мы не найдемъ никакого иного общаго наименованія, обнимающаго отдѣльныя части, кромѣ этого самаго слова «часть». Если части неоднородны, то единственнымъ родовымъ понятіемъ для всѣхъ наименованій этихъ частей будетъ родовое понятіе «часть». «Часть дерева»—это единственно возможное родовое наименованіе для листьевъ, кор-

ней, вѣтвей, сучьевъ, коры дерева. Такимъ образомъ сочетаніе: «часть дерева», по своему происхожденію и логическому смыслу совершенно тожественно съ сочетаніями: «листъ дерева», «кора дерева» и т. д. Въ первомъ случаѣ мы взяли родовое понятіе «часть», во второмъ—видовыя: «листъ, «кора», но самый род. п. «дерева» ничуть не измѣнилъ своей роли: въ томъ и другомъ случаѣ мы встрѣчаемъ все тотъ же gen. possessivus.

Доселѣ мы говорили о такихъ частяхъ, на которыя предметъ распадается наглядно и обычно; для этихъ частей существуютъ и особыя наименованія. Но предметы могутъ при случаѣ дѣлиться также на такія части, которыя возникаютъ только при данномъ дѣленіи и которыя до этого дѣленія не имѣли ни самостоятельнаго существованія въ качествѣ легко выдѣляемыхъ особыхъ предметовъ ни отдѣльныхъ наименованій. Подобнаго рода части можно обозначать однимъ лишь способомъ,—ихъ можно называть лишь съ помощью родовыхъ понятій: «часть», «доля», «половина», «треть» и нѣк. др. Въ подобныхъ случаяхъ признаки части какъ будто не представляются намъ отличными отъ признаковъ цѣлаго предмета («часть башни скрывалась за облаками», «полгорода истреблено пожаромъ», «половина дома оставалась незанятою», и т. д.). Поэтому можно было бы подумать, что такія части будутъ обозначаться тѣмъ же грамматическимъ оборотомъ, которымъ обозначается часть вещества, такъ какъ вещество и часть вещества тоже не отличаются другъ отъ друга по признакамъ. Предположеніе это тѣмъ болѣе естественно, что тѣ же родовыя понятія: «часть», «половина», «доля» и др., могутъ фигурировать и при названіяхъ вещества («часть воды», «половина песку», «часть снѣга» и т. п.). Но присмотрѣвшись ближе къ подобнаго рода сочетаніямъ, мы увидимъ нѣчто иное. Сочетанія: «часть зерна» — pars frumenti, «часть вина»— pars vini, по своему значенію и употребленію, вовсе не аналогичны выраженіямъ: modius frumenti, «много зерна», sextarius vini и т. д. Обозначая нѣкоторое количество вещества, мы говоримъ: «я налилъ въ стаканъ воды»,

«налилъ нѣсколько воды», «въ закромѣ было много хлѣба», «со двора свезли много снѣга». Но мы не можемъ тоже количество вещества обозначать съ помощью понятія «часть»; мы не говоримъ: «я налилъ въ стаканъ небольшую часть воды», «въ закромѣ была большáя часть хлѣба», «со двора свезена большáя часть снѣга». И наоборотъ, можно говорить: «я отлилъ изъ стакана часть воды», «изъ закрома взяли часть хлѣба», «со двора свезли бóльшую часть снѣга». Отсюда слѣдуетъ, что понятіе «часть» можно брать лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда мы говоримъ не о части вещества вообще, а о части, взятой отъ опредѣленнаго цѣлаго. Бывшая въ стаканѣ часть воды, лежавшее въ закромѣ количество зерна, лежавшій на дворѣ снѣгъ— представляется однимъ опредѣленнымъ предметомъ, имѣющимъ опредѣленный объемъ; поэтому, говоря о части этого предмета, мы можемъ употреблять тѣ же выраженія и обороты, которыми обозначаемъ части всякаго другого единичнаго предмета. Мы можемъ сказать: «со двора свезли бóльшую часть снѣга», потому что сравнительная степень «большій» предполагаетъ другую оставшуюся часть и цѣлый предметъ одного опредѣленнаго объема; но стоитъ сравнительную степень замѣнить положительною, и сужденіе не будетъ уже связано съ представленіемъ о нѣкоторомъ предметѣ, имѣющемъ опредѣленный объемъ, и, значитъ, нельзя будетъ воспользоваться понятіемъ «часть» и сказать: «со двора свезли большýю часть снѣга». Такимъ образомъ соединеніе слова «часть» съ наименованіемъ вещества возможно лишь въ томъ случаѣ, когда мы говоримъ о части, взятой отъ опредѣленнаго цѣлаго, когда обозначаемъ часть опредѣленной части вещества. Выраженія: pars frumenti, «часть воды», «часть снѣга», по своему логическому значенію, оказались аналогичными не тѣмъ оборотамъ, въ которыхъ мы имѣемъ несомнѣнный gen. generis, а тѣмъ, которыми обозначается принадлежность части цѣлому. Обороты: pars frumenti и pars urbis, съ логической точки зрѣнія совершенно аналогичны, но между ними и оборотомъ: modius frumenti,—значительная

разница. Такимъ образомъ представленіе о части единичнаго предмета, возникшей при самомъ дѣленіи и не имѣющей особаго наименованія, нельзя приравнивать къ представленію о нѣкоторомъ количествѣ вещества. Между понятіями «башня» и «часть башни» нѣтъ того сходства признаковъ, которое наблюдается между веществомъ и частью вещества. Мало того, что gen. generis не примѣнимъ къ наименованіямъ единичныхъ предметовъ; онъ не примѣнимъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда вещество, отъ котораго берется часть, представляется однимъ цѣлымъ, имѣющимъ опредѣленный объемъ, т.-е. когда вещество приравнивается къ единичному предмету. Употребленіе понятія «часть» всегда, даже при наименованіяхъ вещества, указываетъ на принадлежность части къ опредѣленному цѣлому; при словѣ pars даже названіе вещества будетъ въ роли gen. possessivus.

Говоря о gen. partitivus или о gen. generis, грамматики не могутъ конечно обойти молчаніемъ такой обычный оборотъ, какъ слово pars въ соединеніи съ род. п. Если gen. partitivus означаетъ цѣлое, отъ котораго берется часть, то самымъ нормальнымъ случаемъ является, очевидно, то сочетаніе, въ которомъ прямо фигурируетъ слово pars— «часть». Но, съ другой стороны, слово pars совершенно не умѣщается въ тѣ категоріи словъ, при которыхъ, по ученію грамматикъ, ставится gen. partitivus: оно не относится ни къ степенямъ сравненія ни къ числительнымъ, мѣстоименіямъ и прилагательнымъ, показывающимъ число. И наоборотъ, понятіе это совершенно аналогично по значенію тѣмъ «существительнымъ, показывающимъ количество, вѣсъ и мѣру», при которыхъ ставится gen. generis. Кромѣ того, нѣкоторыя грамматики устанавливаютъ правило, что «по-русски род. раздѣлительный переводится постоянно посредствомъ предлога «изъ» и «между» (проф. Нетушилъ, Сокращ. синт., 28); межъ тѣмъ род. п. при словѣ pars всегда переводится простымъ родительнымъ; значитъ, и въ этомъ отношеніи род. при словѣ pars ближе подходитъ къ категоріи gen. generis. Въ виду этихъ затрудненій грамматики,

можно сказать, положительно не знають, что дѣлать съ этимъ словомъ pars. Однѣ грамматики къ обычнымъ категоріямъ словъ, соединяющихся съ gen. partitivus, прибавляютъ еще новую категорію и даже при перечнѣ помѣщаютъ ее на первомъ мѣстѣ, какъ случай наиболѣе нормальный и нагляднѣе всего подтверждающій самое опредѣленіе, данное для gen. partitivus. Но такъ какъ новая категорія придумана изъ-за одного слова pars, то приходится вмѣсто перечня словъ ограничиваться глухимъ и совершенно неопредѣленнымъ намекомъ, увѣрять, что gen. partitivus ставится, «во-первыхъ, при нѣкоторыхъ существительныхъ», совершенно не указывая, что это за существительныя, и прибѣгая къ единственному примѣру— pars Europae (Шульцъ). Другія грамматики, установивъ, что gen. generis означаетъ «содержаніе или количество», въ качествѣ примѣра берутъ то же сочетаніе pars Europae (или какой-нибудь синонимъ слова pars), хотя цѣлое— Европа не можетъ содержаться въ части и не есть указаніе количества, хотя примѣръ этотъ, не имѣя ничего общаго съ опредѣленіемъ, даннымъ для gen. generis, подходитъ какъ разъ къ тому опредѣленію, которое дается въ грамматикѣ для gen. partitivus (Санчурскій, Черняевъ и др.). Въ иныхъ грамматикахъ слово pars и его синонимы отнесены даже одновременно и къ той и къ другой категоріи род. п. Gen. generis, читаемъ мы, «ставится при существительныхъ, показывающихъ количество, вѣсъ, мѣру», и между примѣрами мы находимъ сочетаніе: dimidium facti. «Gen. partitivus», читаемъ далѣе, «ставится при существительныхъ, какъ напр., pars; сюда же можно отнести нѣкоторыя слова, упомянутыя» въ томъ §, гдѣ говорится о gen. partitivus, напр., «dimidium или dimidia pars» (Кесслеръ). Какая же послѣ этого разница между g. generis и g. partitivus, да и можетъ ли быть разница, если одни и тѣ же примѣры годятся для той и другой категоріи род.? Наконецъ, нѣкоторыя грамматики, не желая впадать въ противорѣчія или ограничиваться совершенно неопредѣленными выраженіями («ставится при существительныхъ», «ста-

вится при нѣкоторыхъ существительныхъ»), предпочитаютъ умалчивать о словѣ pars и его синонимахъ, предоставляя ученику относить эти сочетанія къ какой ему угодно категоріи род.

Итакъ, задавшись вопросомъ, какія категоріи понятій ближе всего подходятъ къ понятіямъ вещественнымъ и поэтому могутъ фигурировать въ роли gen. generis, мы увидѣли, что понятія собирательныя и единичныя сюда не относятся. Искомое сходство можно наблюдать въ одной только категоріи понятій — именно въ понятіяхъ отвлеченныхъ. Сюда прежде всего относятся общія понятія о пространствѣ времени. Какъ и при вещественныхъ понятіяхъ, здѣсь признаки цѣлаго всегда тожественны съ признаками части; здѣсь тоже общимъ понятіемъ всегда приходится обозначать лишь нѣкоторую часть цѣлаго, такъ какъ представленія о цѣломъ, т.-е. о безконечномъ пространствѣ и безконечномъ времени, превосходятъ даже наше разумѣніе, и т. д. Но все это наблюдается только при общихъ понятіяхъ о пространствѣ и времени (tempus, spatium, locus, via, «ширь», «просторъ», «досугъ» и т. д.). Частныя понятія пространства и времени не имѣютъ уже ничего общаго съ вещественными понятіями; понятіемъ: «день», «ночь», «часъ», «весна», «территорія», «верста» и т. д., соотвѣтствуютъ уже точно опредѣленные предметы съ опредѣленнымъ объемомъ. Въ грамматикахъ мы обыкновенно встрѣчаемъ особое «примѣчаніе», которое поучаетъ, что «не говорится: ad multum diei, ad multum noctis и т. д., а вмѣсто того: ad multum diem, ad multam noctem и т. д.» Почему-то предполагается, что ученикъ возымѣетъ непреодолимое желаніе сказать: ad multum diei,—и вотъ ему даютъ предостереженіе. Но если ученикъ слова употребляетъ сознательно, то ожидать отъ него такого курьезнаго оборота—это все равно, что ожидать выраженій: «много книги», «много товарища» и т. д.; сочетаніе: ad multum diei, даже для плохого ученика было бы немыслимой ошибкой, такъ какъ оно не вытекаетъ ни изъ какихъ аналогій и требовало бы особой изобрѣтательности.

Въ русскомъ языкѣ слово «день» въ одномъ случаѣ подходитъ по своему употребленію къ общимъ понятіямъ о времени. Когда «день» понимается въ смыслѣ опредѣленнаго промежутка времени, то отдѣльная часть дня будетъ уже не «днемъ», а будетъ «часомъ», «минутой» и т. д.; но если понятіе «день» берется въ смыслѣ такого-то «числа», то часть дня не будетъ отличаться по своимъ признакамъ отъ цѣлаго дня и. значитъ, такъ же будетъ обозначаться, какъ обозначается нѣкоторая часть воды, снѣга, угля и т. д., т.-е. простымъ род. падежомъ, даже безъ управляющаго слова, которое показывало бы на часть. Сочетанія: «сегодня», «третьяго дня», «перваго числа» и т. п., возникли тѣмъ же путемъ, какъ и род. п. въ предложеніяхъ: «я налилъ воды», «насыпалъ песку», и т. п. Замѣчательно, что изъ всѣхъ наименованій времени только слово «день» и его синонимы могутъ стоять въ самостоятельномъ род. падежѣ. И дѣйствительно, если мы возьмемъ рядъ единицъ времени въ убывающей постепенности: годъ, мѣсяцъ, число, часъ, то увидимъ, что всѣ высшія мѣры вплоть до числа распадаются на такія части, которыя имѣютъ самостоятельныя наименованія: каждый мѣсяцъ имѣетъ особое имя, для наименованія каждаго числа языкъ тоже выработалъ особыя обозначенія: «первое мая», «второе мая» и т. д. Значитъ, мы здѣсь видимъ пока еще то же, что видѣли при единичныхъ понятіяхъ. Но когда мы дойдемъ до «числа», элементы этого предмета будутъ уже однородны и не будутъ уже имѣть особыхъ наименованій (отдѣльные часы дня уже не различаются наименованіями),—это понятіе времени аналогично уже вещественнымъ понятіямъ, и, значитъ, только здѣсь примѣнимъ тотъ род. п., о которомъ мы ведемъ рѣчь.

Мѣры времени имѣютъ еще одну оригинальную особенность. Когда мы взвѣшиваемъ тяжесть, измѣряемъ поверхность, площадь, объемъ, измѣряемъ тѣла сыпучія или жидкія, то при употребленіи той или иной единицы мѣры постоянно можетъ получиться такой остатокъ, который не можетъ быть измѣренъ тою же единицею мѣры; въ такихъ

случаяхъ мы прибѣгаемъ къ другой, меньшей единицѣ и т. д.; но этотъ остатокъ всегда принимается за отдѣльный предметъ, а не за часть той единицы мѣры, которая оказалась у насъ не заполненною. Если у насъ оказалось при измѣреніи 40 пудовъ и остатокъ въ 20 фунтовъ, то остатокъ этотъ мы обозначаемъ словами: «двадцать фунтовъ», «полпуда», но не называемъ его «половиной 41-го пуда». При измѣреніи времени мы поступаемъ совершенно иначе. Здѣсь, всякій разъ какъ получается остатокъ, мы для обозначенія его пользуемся слѣдующей цѣлой единицей. Здѣсь весь счетъ основанъ не на прибавленіи остатка къ полученной при измѣреніи суммѣ, а на вычитаніи его изъ слѣдующей за этой суммой единицы. Если, напр., до такого-то событія прошло 1896 лѣтъ и 5 дней, то этотъ остатокъ при словесномъ обозначеніи даты мы неизмѣнно принимаемъ за часть слѣдующаго за этой суммой года, т.-е. за часть 1897 года, и говоримъ, что это событіе случилось «5 января 1897 года». Такимъ образомъ при измѣреніи времени намъ постоянно приходится пользоваться тѣми оборотами, которые языкъ создалъ для обозначенія принадлежности составной части къ ея цѣлому: цѣлое здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, обозначается род. падежомъ («перваго мая», «въ январѣ такого-то г о д а», «три дня н е д ѣ л и»). Очевидно, этотъ род. ближе всего подходитъ къ тѣмъ случаямъ, которые мы отнесли къ категоріи gen. possessivus. Впрочемъ, вопросъ, какъ назвать этотъ род., для насъ не имѣетъ особаго значенія, такъ какъ этотъ род. принадлежитъ почти исключительно русскому языку. Латинскій языкъ употребляетъ въ этихъ случаяхъ совершенно иные обороты. Самый счетъ дней мѣсяца тамъ основанъ на иномъ принципѣ. Когда же приходится обозначать мѣсяцъ и годъ такого-то событія, то каждая изъ величинъ принимается за самостоятельное цѣлое, и наименованіе года ставится не въ род. п., не въ зависимости отъ наименованія мѣсяца, какъ это бываетъ въ русскомъ языкѣ.

Среди общихъ понятій о пространствѣ тоже есть такія, которыя въ русскомъ языкѣ могутъ фигурировать въ формѣ

род. п., а въ латинскомъ нѣтъ. При обозначеніи протяженія въ пространствѣ вмѣсто род. п.: «длины», «ширины», «вышины», «глубины», «толщины», латинскій языкъ употребляетъ иные обороты, основанные на иныхъ логическихъ представленіяхъ.

Изъ другихъ отвлеченныхъ понятій форму gen. generis могутъ принимать общія понятія о свойствѣ. Общимъ понятіемъ о свойствѣ будетъ свойство, взятое въ отвлеченіи, отдѣльно отъ предметовъ, имѣющихъ это свойство. Такъ какъ свойства предметовъ обозначаются прилагательными, то наиболѣе нормальнымъ обозначеніемъ общаго понятія о свойствѣ будетъ прилагательное, взятое безъ существительнаго. Въ общемъ итогѣ прилагательныя сравнительно рѣдко являются въ формѣ gen. generis, такъ какъ самый процессъ отвлеченія свойствъ представляетъ работу довольно сложную и, значитъ, производится рѣдко; а главное—далеко не всѣ свойства могутъ подвергнуться отвлеченію, стать абстрактными. Мы не могли бы, напр., мыслить отдѣльно отъ предметовъ о такихъ свойствахъ, которыя означаютъ взаимное расположеніе предметовъ (верхній, нижній, крайній и т. д.), вещество, изъ котораго сдѣланъ предметъ (желѣзный, деревянный, сахарный и т. д.), обладателя, которому предметъ принадлежитъ, и т. д. Кромѣ того, учебники постоянно указываютъ, что въ формѣ gen. generis ставятся прилагательныя второго склоненія, но не третьяго. Разъ критеріемъ является склоненіе, то, значитъ, многія прилагательныя не могутъ принимать роли gen. generis не по логическимъ, а по часто формальнымъ основаніямъ. Род. п. прилагательныхъ третьяго склоненія созвученъ обыкновенно съ имен. п. муж. или жен. р.; а прилагательныя одного окончанія не имѣютъ въ ед. ч. даже особыхъ формъ для средняго рода, которымъ обозначается общее понятіе о свойствѣ. Такимъ образомъ прилагательныя третьяго склоненія не принимаютъ роли gen. generis исключительно изъ необходимости избѣгать невразумительныхъ съ перваго разу формъ, созвучныхъ съ другими формами, имѣющими иное значеніе. По той же причинѣ

говорятъ: nihil aliud, такъ какъ род. alius былъ бы созвученъ съ им. alius. Мало того, даже прилагательныя второго склоненія не принимаютъ роли gen. generis, если «прилагательное ближе опредѣлено какимъ-нибудь падежомъ или нарѣчіемъ», потому что въ этомъ случаѣ», какъ говорятъ иныя грамматики, «оно остается чистымъ прилагательнымъ» (Элл.-Зейф.). Но правильнѣе было бы сказать совершенно обратное: оно потому и не ставится въ род. падежѣ, что перестаетъ быть «чистымъ прилагательнымъ». Послѣ прибавленія дополненій и обстоятельственныхъ словъ прилагательное перестаетъ быть обозначеніемъ общаго понятія о свойствѣ: оно дѣлается частнымъ понятіемъ, ограниченнымъ другими, добавочными понятіями; вмѣсто общаго понятія о свойствѣ у насъ получается даже сложная комбинація предметовъ и свойствъ.

Кромѣ прилагательныхъ, общее понятіе о свойствѣ часто обозначается и существительными (utilitas, prudentia, severitas, eloquentia, potentia, gloria, laus, virtus, fides, iucunditas, lepor, robur, vires и т. д.). Существительныя эти часто происходятъ отъ прилагательныхъ и, значитъ, представляютъ, сравнительно съ послѣдними, дальнѣйшую степень отвлеченія, такъ какъ свойство здѣсь берется не только внѣ предмета, но даже какъ бы въ видѣ отдѣльнаго предмета. Такъ какъ въ существительномъ нагляднѣе выражена отвлеченность, то, если въ языкѣ имѣется для означенія свойства и существительное и прилагательное, первому всегда отдается предпочтеніе; мы скажемъ: «въ атлетѣ было столько гибкости, ловкости, проворства и изящества!» но не скажемъ: «столько гибкаго» и т. д. Въ латинскомъ языкѣ для обозначенія общаго понятія о свойствѣ иной разъ составляются даже такіе оригинальные обороты, какъ: quid hominis (Cic., *Verr.*, II, 54), quid mulieris (Ter., *Hec.*, 653). Свойства человѣка здѣсь обозначаются прямо словомъ homo, свойства женщины—словомъ mulier. Грамматики сопоставляютъ эти сравнительно рѣдкіе обороты съ русскимъ выраженіемъ «что за» (quid mulieris uxorem habes,—«что за женщину ты подцѣпилъ себѣ въ супруги?»). Но русскій

и латинскiй обороты сходны здѣсь только по общему смыслу, а не по логическому и грамматическому построенiю. Въ русскомъ оборотѣ нѣтъ самой существенной части латинскаго оборота,—нѣтъ род. падежа; самый предлогъ «за» указываетъ не на выдѣленiе части, а на замѣну, на сопоставленiе предмета съ наименованiемъ (съ помощью оборота: «что это за книга?» мы спрашиваемъ: чтó выдается за предметъ, имѣющiй наименованiе «книга»?). Въ указанныхъ латинскихъ оборотахъ свойства обозначаются не прилагательнымъ, а родовымъ понятiемъ, обнимающимъ эти свойства. Въ русскомъ языкѣ слова, означающiя родовое понятiе, въ исключительныхъ случаяхъ тоже могутъ оказаться въ формѣ gen. generis. Мы говоримъ: «въ лѣсу было много звѣря, много птицы», «тамъ было много нашего брата» и т. д. Но слова: «звѣрь», «птица», «братъ», здѣсь перестаютъ быть родовыми понятiями въ общемъ смыслѣ слова: они означаютъ здѣсь однородную массу; мы не предполагаемъ здѣсь, что масса дѣлится на отдѣльные предметы съ своими особыми названiями. Слова: «птица», «звѣрь», «братъ», играютъ здѣсь такую же роль, какъ вещественныя понятiя. Элементы вещества не имѣютъ особыхъ наименованiй, потому что они слишкомъ однородны и мелки. Чѣмъ крупнѣе становятся элементы, тѣмъ больше между ними усматривается различiя. Наконецъ, элементы могутъ быть уже настолько крупны и различны, что становятся для насъ самостоятельными предметами съ своими особыми названiями,—въ этомъ случаѣ вещественное понятiе превращается уже въ родовое. Слова: «птица», «звѣрь», стоятъ какъ разъ на этой грани, отдѣляющей родовыя понятiя отъ вещественныхъ: обыкновенно ими обозначаются родовыя понятiя, но иногда они же берутся и въ качествѣ вещественныхъ понятiй. Въ народномъ русскомъ языкѣ даже совокупность такихъ разнородныхъ и крупныхъ предметовъ, какъ люди, можетъ представляться въ видѣ однородной массы («турка валило видимо-невидимо»).

Третью группу отвлеченныхъ понятiй, приближающихся

по своей логической роли къ вещественнымъ понятіямъ, составляютъ нѣкоторыя понятія, вытекающія изъ представленій о дѣйствіи. Точно установить границы этой группы гораздо труднѣе, чѣмъ это было при первыхъ двухъ группахъ. Понятія о дѣйствіи выражаются глаголами, но каждая глагольная форма представляетъ дѣйствіе въ связи со многими другими логическими категоріями—въ связи съ временемъ, лицомъ дѣйствующимъ, числомъ дѣйствующихъ лицъ и т. д. Общее же понятіе о данномъ дѣйствіи можетъ быть выражено лишь неопр. наклоненіемъ или отглагольнымъ существительнымъ. Но и изъ этихъ двухъ грамматическихъ категорій роль gen. generis могутъ принимать только отглагольныя существительныя. Въ латинскомъ языкѣ, правда, формы герундія принимаются за косвенные падежи неопр. наклоненія, такъ что герундій считается за отглагольное существительное; но въ дѣйствительности между этими двумя категоріями вовсе нѣтъ тожества, но есть только нѣкоторое сходство, и род. п. герундія никогда не можетъ явиться въ роли gen. generis. Отглагольныхъ именъ въ русскомъ языкѣ гораздо больше, чѣмъ въ латинскомъ, такъ какъ латинскій вмѣсто нихъ часто пользуется неопредѣл. наклоненіемъ и формами герундія. А это ведетъ къ тому, что въ области отвлеченныхъ понятій въ русскомъ языкѣ gen. generis гораздо чаще встрѣчается, чѣмъ въ латинскомъ, гдѣ род. герундія не принимаетъ роли gen. generis. Впрочемъ, нельзя думать, что имена, означающія дѣйствіе, непремѣнно должны этимологически происходить отъ глаголовъ: они возникаютъ въ языкѣ и помимо глаголовъ и часто даже не изъ того корня, изъ котораго возникаетъ глаголъ. Для насъ однако важнѣе вопросъ, какія изъ именъ, означающихъ дѣйствіе, могутъ принимать роль gen. generis и какія не могутъ. Не вдаваясь въ подробности, мы укажемъ здѣсь только общій критерій. Въ роли gen. generis могутъ быть только такія имена, означающія дѣйствіе, которыя по своему логическому смыслу приближаются къ понятіямъ вещественнымъ. Для этого нужно, чтобы дѣйствіе разлагалось на рядъ одно-

родныхъ частей или моментовъ, чтобы каждый моментъ обозначался тѣмъ же понятіемъ, какъ и цѣлое, и т. д.,— однимъ словомъ, нужно, чтобы отношеніе между частями и цѣлымъ здѣсь было такое же, какъ и при вещественныхъ понятіяхъ. Поэтому, напр., необходимо, чтобы имя означало дѣйствіе въ тѣсномъ смыслѣ, а не состояніе. Понятіе о состояніи есть понятіе о чемъ-то неизмѣнномъ и цѣломъ, т.-е. ближе всего подходитъ къ понятію о единичномъ предметѣ. Точно такъ же имена, означающія дѣйствіе, не могутъ принимать роли gen. generis и тогда, когда ими указывается на дѣйствіе законченное или однократное: такое дѣйствіе представляется не совокупностью однородныхъ частей, а однимъ цѣлымъ. Чаще всего искомыя нами свойства встрѣчаются при понятіяхъ, обозначающихъ душевную дѣятельность: дѣйствія ума, явленія чувства, воли чаще всего могутъ быть разсматриваемы какъ непрерывная совокупность однородныхъ элементовъ, изъ которыхъ каждый можетъ быть обозначенъ тѣмъ же наименованіемъ, какъ и все цѣлое. Но тотъ же критерій примѣнимъ и ко всякимъ другимъ понятіямъ о дѣйствіи. Мы, напр., говоримъ: «много было борьбы», но не скажемъ: «много войны», «много сраженія», потому что война распадается на походы и сраженія, сраженіе распадается на схватки, выстрѣлы и т. д., но каждый моментъ борьбы будетъ обозначаемъ все тѣмъ же понятіемъ «борьба». Мы говоримъ: «много было движенія, ходьбы, бѣготни, крику, шуму, говору, стрѣльбы» и т. д., но мы не составляемъ подобныхъ оборотовъ изъ понятій: «путешествіе», «возгласъ», «вскрикиванье», «произнесеніе», «выстрѣлъ» и т. д. Наконецъ, въ роли gen. generis мы встрѣчаемъ и такія понятія, въ которыхъ представленіе о дѣйствіи является нѣсколько осложненнымъ, которыя означаютъ, напр., не самое дѣйствіе, а ту совокупность, которая подлежитъ дѣйствію («много непрочитаннаго», «много недосказаннаго», quidnam propositi, id consilii и т. д.) или является результатомъ дѣйствій («ущербъ», «прибыль», «прирость», detrimentum, firmamentum, incrementum и т. д).

Перебирая всѣ группы понятій, могущихъ принимать роль gen. generis, мы замѣчаемъ въ нихъ одну рѣзкую особенность: имена эти не могутъ, подобно всѣмъ другимъ, употребляться и въ единственномъ и во множественномъ числѣ. Разъ вещество не представляется совокупностью отдѣльныхъ предметовъ, разъ одно и то же названіе служитъ для всего цѣлаго и для каждаго элемента въ отдѣльности, то нѣтъ никакой необходимости имѣть множ. число. То же можно сказать и о всѣхъ другихъ понятіяхъ, аналогичныхъ вещественнымъ. Какъ только при ед. числѣ появляется и мн. число, понятіе неизмѣнно становится родовымъ. Въ языкѣ торговцевъ и въ биржевыхъ бюллетеняхъ мы найдемъ формы множ. числа: «овсы», «масла̀», «льны»,—необходимость заставляетъ здѣсь разсматривать каждый сортъ вещества какъ отдѣльное цѣлое, поэтому вещественныя понятія превратились въ родовыя. Если рядомъ съ выраженіями: «пудъ пера, волосу», мы находимъ и мн. ч.: «перья», «волоса», то это значитъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ двумя различными понятіями: словами «перо», «волосъ» обозначается и отдѣльный предметъ и совокупность вещества. Иной разъ, впрочемъ, на вещество языкъ смотритъ съ иной точки зрѣнія: вещество считается совокупностью множества элементовъ и обозначается множ. числомъ; но такъ какъ эта совокупность все-таки неразложима на единичные предметы и самое названіе не есть родовое, то слова эти оказываются pluralia tantum, не имѣющими ед. числа (чернила, квасцы, бѣлила, деньги, divitiae, fortunae—«имущество», arma и т. п.). Такимъ образомъ gen. generis всегда бываетъ род. ед. числа, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ случаевъ, когда берутся pluralia tantum. Это самая характерная особенность gen. generis, отличающая его отъ gen. partitivus, который обязательно принимаетъ форму множ. числа.

Намъ остается сказать о тѣхъ управляющихъ словахъ, при которыхъ ставится gen. generis. Слова эти можно раздѣлить на три группы. Къ первой группѣ относятся слова, обозначающія неопредѣленную мѣру; вторую группу соста-

вляетъ замѣнительное обозначеніе мѣры, третью—обозначеніе мѣры опредѣленной. Выясняя логическую роль вещественныхъ понятій, мы сказали, что необходимость ограничивать понятіе, т.-е. употреблять оборотъ, заключающій въ себѣ gen. generis, возникаетъ лишь тогда, когда въ сужденіи нѣтъ данныхъ для опредѣленія объема этого понятія или когда вещество берется не въ обычной для даннаго случая мѣрѣ, а въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Такимъ образомъ всѣ обозначенія неопредѣленной мѣры въ сущности сводятся къ двумъ всего понятіямъ—къ понятію о большей мѣрѣ и понятію о меньшей мѣрѣ, сравнительно съ обычною, иначе говоря, къ понятіямъ «много» и «мало». Multum, plus, plurimum, satis, abunde, affatim, nimis, magnus numerus, magna vis [1]), grande pondus, magna copia, acervus,—все это различныя варіаціи понятія «много». Въ сказочномъ мірѣ, въ области миѳологіи массы вещества представляются иной разъ до невѣроятія огромными, и для обозначенія этихъ необычайныхъ представленій языкъ создаетъ такія оригинальныя сочетанія, какъ: «горы золота», «потоки вина», montes frumenti, flumina lactis, flumina nectaris, fons vini и др. Русскій языкъ при обозначеніи такихъ необычныхъ для нашего обихода мѣръ и объемовъ прибѣгаетъ обыкновенно къ добавочному опредѣленію «цѣлый» («цѣлыя горы золота», «цѣлыя рѣки вина»). Латинскія грамматики, находя въ выраженіи: acervus auri, несомнѣнный gen. generis, сочетаніе: montes auri, совершенно тожественное съ первымъ и означающее тоже кучу золота, но только очень большую, относятъ часто къ другой уже категоріи, видятъ здѣсь gen. explicativus или даже спеціально для этихъ примѣровъ создаютъ особую категорію (gen. materiae).

Замѣнительнымъ обозначеніемъ мѣры мы называемъ тѣ мѣстоименія и мѣстоименныя нарѣчія, которыя сами по себѣ не означаютъ мѣры, но служатъ только какъ бы

[1]) Въ грамматикахъ перечисляются обыкновенно одни существительныя (vis, numerus и др.), безъ опредѣленій, — такое изложеніе совершенно затемняетъ сущность этого оборота.

ссылкой на мѣру, раньше обозначенную; они играютъ совершенно ту же роль, какъ и вообще мѣстоименія по отношенію къ именамъ, которыя этими мѣстоименіями замѣняются. Нужно только добавить, что замѣнительное обозначеніе можетъ быть сдѣлано не только съ помощью мѣстоименій или мѣстоименныхъ нарѣчій, но и посредствомъ родовыхъ понятій, означающихъ мѣру или количество. Сюда относятся такія выраженія, какъ: «указанное количество», «количество, бывшее» тамъ-то, «нашъ запасъ», «вся та масса, которая» и т. д. Родовое понятіе необходимо сопровождается добавочными опредѣленіями, т.-е. при немъ обозначается и видовое отличіе, какъ это всегда бываетъ при наименованіи отдѣльныхъ предметовъ съ помощью родового понятія.

Третью группу словъ, при которыхъ мы встрѣчаемъ gen. generis, составляютъ названія опредѣленныхъ единицъ мѣры или вѣса. Всякая мѣра опредѣленная развилась изъ неопредѣленной. Въ періодъ мѣновой торговли, когда вещество мѣняли на единичные предметы, зерно, напр., на овецъ, за одинаковые предметы всегда давалось и одинаковое количество вещества; количество вещества, равноцѣнное единичному предмету извѣстнаго рода, и стало впослѣдствіи мѣрой опредѣленной, стало единицей мѣры или вѣса. И въ языкѣ грамматическіе обороты для обозначенія опредѣленной мѣры вещества развились, очевидно, позднѣе оборотовъ первой группы. Съ логической стороны эти обороты тоже представляются нѣсколько болѣе осложненными. Понятіе о «четверикѣ зерна» сложнѣе понятія о «кучѣ зерна», такъ какъ къ признакамъ этого второго понятія въ первомъ понятіи присоединяется еще одинъ новый признакъ — именно представленіе объ отношеніи данной единицы мѣры къ другимъ высшимъ и низшимъ единицамъ того же разряда. Еще болѣе сложнымъ бываетъ понятіе, когда берется не обычная математическая единица мѣры, а какая-нибудь случайная мѣра, когда мѣрой вмѣстимости бываетъ предметъ, который имѣетъ и другое назначеніе, имѣетъ не мало и другихъ признаковъ («вагонъ угля», «закромъ зерна», «два корабля зерна» и т. д.),—здѣсь мы имѣемъ уже не одно понятіе, а сочетаніе двухъ понятій.

VI. Genitivus partitivus.

Терминъ gen. partitivus однѣ грамматики принимаютъ въ болѣе узкомъ смыслѣ, отличая эту категорію отъ gen. generis; другія грамматики обѣ эти группы явленій относятъ къ одной категоріи, обозначая ее тѣмъ же терминомъ gen. partitivus. Но тѣ и другія согласны между собою въ самомъ опредѣленіи этого термина. Это неожиданное согласіе доказываетъ, что опредѣленіе или въ первомъ или во второмъ случаѣ неправильно: опредѣленіе, пригодное для gen. partitivus въ обширномъ смыслѣ слова, не можетъ быть пригоднымъ для того же термина, взятаго въ тѣсномъ смыслѣ слова, и наоборотъ. Gen. partitivus, говорятъ грамматики, означаетъ «цѣлое, отъ котораго берется часть». Является вопросъ: обнимаетъ ли это опредѣленіе категорію gen. generis? Прежде чѣмъ утвердительно отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо сдѣлать существенную оговорку. Въ латинскомъ и русскомъ языкѣ мы постоянно встрѣчаемъ такія сочетанія, какъ: «крыша дома», prora navis, «пальцы ноги», radix arboris, «стрѣлка часовъ» и т. п. Съ перваго взгляду можетъ казаться, что подобныя сочетанія вполнѣ подходятъ подъ только что указанное опредѣленіе. Род. падежъ здѣсь означаетъ цѣлое, а управляющія слова: «крыша», prora, «пальцы», radix и т. д., означаютъ часть, принадлежащую этому цѣлому. Но какъ ни близки эти случаи къ приведенному выше опредѣленію, все-таки было бы ошибочно видѣть здѣсь gen. partitivus. Правда, въ этихъ сочетаніяхъ изъ двухъ словъ, составляющихъ оборотъ, однимъ обозначается цѣлое, другимъ часть, и все сочетаніе обозначаетъ принадлежность части къ своему цѣлому. Но часть здѣсь есть особый предметъ, имѣющій не только свои особые признаки, но и свое особое наименованіе. Ничего подобнаго мы не видимъ при gen. generis. Здѣсь сочетаніе двухъ словъ, т.-е. управляющаго слова и управляемаго, фигурирующаго въ роли gen. generis, не есть обозначеніе отношенія цѣлаго къ своей части; въ сочетаніи: sexstarius frumenti, мы указываемъ на

нѣкоторую долю «хлѣба», но понятіе «секстарій» не относится къ понятію «хлѣбъ», какъ часть къ цѣлому,—для понятія «секстарій» цѣлое будетъ «модій», а не «хлѣбъ». Часть при gen. generis обозначается не однимъ управляющимъ словомъ, а всѣмъ оборотомъ, т.-е. сочетаніемъ род. п. съ управляющимъ словомъ. Часть здѣсь не есть особый предметъ, не имѣетъ особаго наименованія; разбираемый нами оборотъ и есть выработанное языкомъ описательное наименованіе для этой части. Тѣ же самыя явленія всѣ наблюдаются и при gen. partitivus въ тѣсномъ смыслѣ, такъ что мы съ полнымъ правомъ можемъ ихъ отнести ко всей области, составляющей категорію gen. partitivus въ обширномъ смыслѣ слова. И въ самомъ дѣлѣ, въ сочетаніи: fortissimi Belgarum, понятіе fortissimi не есть часть по отношенію къ понятію Belgae. Понятіе «храбрѣйшіе» обнимаетъ признаки человѣка плюсъ признакъ храбрости: сюда могутъ относиться и бельгійцы и всякіе другіе народы. Два обширнѣйшихъ по объему понятія: «храбрѣйшіе» и «бельгійцы», въ данномъ случаѣ лишь соприкасаются между собою, совпадаютъ въ нѣкоторой долѣ, но ни одно не входитъ въ составъ другого цѣликомъ, ни одно не есть цѣлое по отношенію къ другому; наоборотъ, «храбрѣйшихъ» на свѣтѣ даже, можетъ-быть, больше, чѣмъ «бельгійцевъ». Часть здѣсь опять не имѣетъ своего особаго наименованія; часть обозначается опять всѣмъ оборотомъ, а не однимъ управляющимъ словомъ,—частью цѣлаго будутъ fortissimi Belgarum, а не «храбрѣйшіе», не люди вообще, обладающіе храбростью. Оборотъ: fortissimi Belgarum, есть особое, изобрѣтенное языкомъ средство для наименованія части цѣлаго, не выдѣлившейся въ особый предметъ, имѣющій свое особое наименованіе. При gen. partitivus въ обширномъ смыслѣ слова цѣлое всегда представляется собраніемъ однородныхъ элементовъ или предметовъ, представляется нѣкоторымъ количествомъ, изъ котораго нужно выдѣлить часть, т.-е. другое количество, меньшее по объему. Gen. partitivus есть обозначеніе понятія, взятаго не во всемъ объемѣ; онъ употребляется, когда намъ приходится выдѣлять и именовать

нѣкоторое количество предметовъ или элементовъ, не выдѣленное еще въ языкѣ въ особую видовую группу и не получившее еще особаго наименованія. Наоборотъ, gen. possessivus, къ которому принадлежатъ приведенныя выше сочетанія, не означаетъ собранія предметовъ; часть здѣсь уже выдѣлена въ особый предметъ съ особымъ названіемъ, и самый род. п. есть не что иное, какъ обозначеніе видового признака этого предмета.

Приводимое грамматиками опредѣленіе категоріи gen. partitivus, строго говоря, и не должно было бы давать повода къ недоразумѣніямъ. Тутъ важную роль играетъ предлогъ «отъ». Если опустить предлогъ и сказать, что род. означаетъ «цѣлое, часть котораго берется», то такое опредѣленіе будетъ одинаково обнимать и gen. partitivus и указанные выше случаи изъ области gen. possessivus. Но если мы употребляемъ выраженіе: «отъ котораго», т.-е. беремъ предлогъ, то этимъ самымъ какъ бы даемъ намекъ, что тутъ рѣчь идетъ объ объемѣ понятія, о нѣкоторомъ количествѣ, отнимаемомъ отъ другого количества [1]). Иныя грамматики въ опредѣленіи употребляютъ предлогъ «изъ»: род. означаетъ «цѣлое, изъ котораго берется часть». Такая редакція еще яснѣе указываетъ на количественныя отношенія, но зато подъ такое опредѣленіе труднѣе подвести gen. generis, при которомъ выдѣленіе доли не сопровождается выборомъ и цѣлое состоитъ не изъ многихъ предметовъ, а изъ однородной массы.

Итакъ, если мы желаемъ найти истинные предѣлы для категоріи gen. partitivus, то мы не должны захватывать области gen. possessivus, который по своему значенію въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма близко подходитъ къ gen. partitivus. Но по отношенію къ gen. generis приведенное выше опредѣленіе термина gen. partitivus требуетъ и другой оговорки. Въ этомъ опредѣленіи сопоставляются два

---

[1]) **Когда рѣчь идетъ о принадлежности части къ своему цѣлому, то предлогъ „отъ" въ русскомъ языкѣ означаетъ прекращеніе совмѣстнаго существованія части и цѣлаго, отдѣленіе части отъ цѣлаго, — „стрѣлка отъ часовъ", „ручка отъ чайника" и т. п.**

понятія—часть и цѣлое. Это—понятія соотносительныя: при наличности одного необходимо мыслится и другое. Но тѣ же понятія, взятыя въ отдѣльности, безъ взаимной связи, могутъ и не означать части или цѣлаго. Составляя выраженіе: fortissimi Belgarum, мы ясно представляемъ себѣ двѣ величины: цѣлое—Belgae и часть—fortissimi Belgarum. Цѣлое здѣсь служитъ для насъ исходнымъ пунктомъ мысли при словесномъ обозначеніи части. Нѣсколько иначе дѣло обстоитъ при gen. generis. Sextarius frumenti, несомнѣнно, есть обозначеніе части; но о словѣ frumentum, взятомъ отдѣльно, мы не можемъ сказать, что оно служитъ для обозначенія цѣлаго. Само по себѣ слово это, какъ и всѣ остальныя вещественныя и сходныя съ ними понятія, обозначаетъ безразлично и цѣлое и часть; на практикѣ, при употребленіи въ рѣчи, оно даже почти всегда означаетъ не цѣлое, а именно часть. Наши представленія о веществѣ суть представленія о нѣкоторой, мало опредѣленной части этого вещества. Когда я говорю: «осталось мало времени», «на дворѣ много снѣгу», въ моемъ сознаніи не проходитъ никакихъ представленій о цѣломъ, т.-е. о вѣчности или о всемъ находящемся въ свѣтѣ снѣгѣ. Употребляя gen. generis, мы, собственно говоря, только сопоставляемъ одну часть вещества съ другою: часть, подлежащую нашему наблюденію, сравниваемъ съ тою частью, которая составляетъ объемъ и содержаніе нашего обычнаго понятія о данномъ веществѣ. Такимъ образомъ по отношенію къ gen. generis говорить о «цѣломъ» можно лишь условно: этимъ «цѣлымъ» въ сущности является нѣкоторая часть. Мы имѣемъ полное право сказать, что gen. generis употребляется для обозначенія нѣкоторой части, взятой отъ цѣлаго, но ставить въ основу опредѣленія, вмѣсто понятія о части, понятіе о цѣломъ—значитъ дѣлать натяжку, значитъ брать слова въ условномъ смыслѣ. Чтобы избѣжать этой условности, слѣдовало бы и при опредѣленіи gen. partitivus въ обширномъ значеніи слова брать исходнымъ пунктомъ не цѣлое, а часть.

Итакъ, предлагаемое грамматиками опредѣленіе можетъ

быть отнесено, съ нѣкоторыми оговорками, къ gen. partitivus въ обширномъ смыслѣ слова. Значитъ для категоріи gen. partitivus въ тѣсномъ смыслѣ мы должны найти другое, болѣе частное опредѣленіе. Этотъ род., несомнѣнно, означаетъ цѣлое, отъ котораго берется часть; но мы должны знать, какое здѣсь имѣется въ виду цѣлое, чѣмъ оно отличается отъ того цѣлаго, которое фигурируетъ въ оборотахъ gen. possessivus и gen. generis. Мы должны найти видовой признакъ этого цѣлаго.

Если исключить имена собственныя, названія предметовъ единичныхъ, то мы можемъ сказать, что всякое имя, существующее въ языкѣ, есть обозначеніе нѣкотораго класса предметовъ. Всякому имени соотвѣтствуетъ понятіе, обнимающее всю совокупность однородныхъ предметовъ. Философское мышленіе, научныя истины, общія сентенціи— это сфера употребленія понятій наиболѣе общихъ. Но при обычномъ мышленіи, въ обычной нашей рѣчи намъ гораздо чаще приходится имѣть дѣло не съ обширными классами предметовъ, а лишь съ отдѣльными предметами и группами, съ частями этихъ классовъ. Именами означаются роды предметовъ, но намъ постоянно приходится именовать не цѣлые роды, а лишь выдѣленныя изъ нихъ группы. При выдѣленіи части изъ родового цѣлаго языкъ пользуется нѣсколькими способами. Прежде всего, выдѣленная группа можетъ получить свое особое имя; этимъ путемъ изъ родовыхъ понятій возникаютъ видовыя. Они, въ свою очередь, могутъ быть мыслимы или въ цѣломъ объемѣ или по частямъ. Видовое понятіе опять можетъ раздѣлиться на другія, болѣе частныя понятія, по отношенію къ которымъ само оно становится родовымъ, и т. д. Это постепенное распаденіе цѣлаго можетъ итти очень далеко. «Право создавать классы», говоритъ Милль, «неограниченно, пока есть какая-либо хоть самая малая разница, которая можетъ служить опорою различенію. Возьмите любое свойство, и если оно, встрѣчаясь въ одной вещи, не встрѣчается въ другихъ, то мы можемъ основать на этомъ свойствѣ дѣленіе всѣхъ вещей на два класса» (Сист. лог.,

I, 139). А такимъ дѣленіемъ всякій разъ вызывается необходимость создать новыя наименованія для выдѣленныхъ группъ. Съ развитіемъ цивилизаціи, съ расширеніемъ нашего кругозора, съ увеличеніемъ области предметовъ, дѣлающихся достояніемъ нашего мышленія, постоянно умножается въ языкѣ и число общихъ понятій, обозначаемыхъ особыми именами. Въ живомъ языкѣ происходитъ непрерывное созиданіе новыхъ группъ съ особыми, имъ соотвѣтствующими именами. Но возможность распредѣленія родовъ и видовъ на новыя и новыя группы настолько безпредѣльна, что ее не можетъ удовлетворить никакое обиліе именъ въ языкѣ. Какъ бы много ни было именъ въ языкѣ, все-таки остается неизмѣримо большее число такихъ группъ, о которыхъ можно мыслить, но которыя не имѣютъ въ языкѣ спеціальныхъ названій. Если понятіе «французы» обнимаетъ собою сорокъ милліоновъ особей, если многія группы, выдѣленныя изъ этого родового цѣлаго, и получили въ языкѣ свое особое имя («парижане», «ліонцы», «нормандцы» и т. д.), все-таки мы можемъ представить себѣ еще сорокъ милліоновъ группъ [1]), не получившихъ спеціальнаго наименованія. Но если группы эти и не имѣютъ своихъ особыхъ названій, языкъ все-таки имѣетъ средства словесно обозначить каждую изъ этихъ сорока милліоновъ группъ. Когда для обозначенія группы нѣтъ заранѣе созданнаго и всегда остающагося въ языкѣ наименованія, то приходится создавать описательное наименованіе; за неимѣніемъ отдѣльнаго имени приходится для обозначенія вновь выдѣляемой группы прибѣгать къ сочетанію именъ. Чѣмъ неожиданнѣе составъ группы, тѣмъ сложнѣе и замысловатѣе будетъ описательный оборотъ, составляемый для обозначенія группы. Но все-таки въ общемъ итогѣ можно сказать, что, если языкъ можетъ выразить всякую мысль, то онъ имѣетъ средства и словесно обозначить всякую группу, выдѣляемую изъ родового цѣлаго, каковъ бы ни былъ ея составъ.

---

[1]) Съ прибавленіемъ каждой единицы образуются всѣ новыя и новыя группы.

Всѣ эти описательныя наименованія, всѣ способы обозначенія группъ, не выдѣленныхъ въ особые роды и виды и потому не имѣющихъ своего особаго имени, можно свести къ двумъ основнымъ типамъ. Первый типъ представляютъ тѣ наименованія, при которыхъ для обозначенія группы берется родовое имя и къ нему присоединяется указаніе видовыхъ признаковъ [1]). Всѣ наиболѣе сложныя описательныя наименованія относятся къ этому типу. Для обозначенія видовыхъ признаковъ служатъ всѣ тѣ разнообразные способы, которые объединяются грамматическимъ терминомъ «опредѣленіе». Видовой признакъ обозначается прилагательными, которыя согласуются съ родовымъ именемъ, нѣкоторыми категоріями род. падежа (g. possessivus, g. qualitatis, g. explicativus и др.), падежами съ предлогомъ и, наконецъ, цѣлыми предложеніями, замѣняющими грамматическое опредѣленіе, полными и сокращенными. Подыскать видовые признаки, которые отчетливо выдѣляли бы изъ цѣлаго группу и давали бы ясное о ней представленіе, часто оказывается нелегкой задачей; часто приходится прибѣгать для этого къ цѣлому ряду грамматическихъ опредѣленій. Но какъ бы ни были выражены эти опредѣленія, съ логической точки зрѣнія всѣ эти обороты сводятся къ одному типу. Описательное наименованіе въ этихъ случаяхъ есть не что иное, какъ логическое опредѣленіе понятія; логическое опредѣленіе именно и состоитъ въ указаніи рода и видового отличія. Такимъ образомъ грамматическое опредѣленіе оказывается одною изъ двухъ составныхъ частей логическаго опредѣленія. Желая выдѣлить изъ цѣлаго группу, мы здѣсь создаемъ видовое понятіе, которое тѣмъ только и отличается отъ всякаго другого видового понятія, что, за неимѣніемъ въ языкѣ готоваго имени, обозначается описательно, съ помощью логическаго опредѣленія. Всякій видъ есть, конечно, часть рода, но здѣсь часть сама по себѣ есть нѣчто цѣлое, она оказывается особымъ, самостоятельно существующимъ по-

---

[1]) Такимъ же путемъ составляются и наименованія единичныхъ предметовъ, но родовое имя берется при этомъ въ ед. числѣ.

нятіемъ, имѣющимъ свой особый объемъ и свое особое содержаніе. Когда, желая обозначить нѣкоторую группу французовъ, мы составляемъ описательное наименованіе: «французы, явившіеся въ 1897 году въ Москву на международный медицинскій конгрессъ», то мы здѣсь имѣемъ дѣло уже не только съ частью рода, но и съ цѣлымъ, самостоятельнымъ понятіемъ, взятымъ во всемъ его объемѣ. Съ грамматической стороны описательныя наименованія перваго типа не заключаютъ еще въ себѣ управленія: родовое имя, входящее въ составъ описательнаго наименованія, ставится въ томъ падежѣ, въ какомъ стояло бы и всякое другое отдѣльно взятое имя [1]).

Нѣчто иное мы видимъ въ наименованіяхъ второго типа. Сюда относятся всѣ тѣ случаи, когда выдѣляемая группа не представляетъ видовыхъ отличій, когда въ предметахъ, составляющихъ группу, нельзя подмѣтить общихъ признаковъ, по которымъ мы могли бы выдѣлить эту группу въ особое, видовое понятіе. Здѣсь выдѣляемая группа не превращается въ самостоятельное понятіе, но остается частью цѣлаго, частью родового понятія, не превратившеюся въ видовое. Такимъ образомъ, если выдѣляемая группа имѣетъ свои общіе признаки, то она превращается въ самостоятельное понятіе и обозначается описательнымъ наименованіемъ перваго типа; если же выдѣляемая группа не имѣетъ общихъ объединяющихъ ее признаковъ, то она не превращается въ особое понятіе и, въ качествѣ части родового цѣлаго, обозначается описательными наименованіями второго типа.

Въ свою очередь, наименованія этого послѣдняго типа бываютъ трехъ видовъ. Въ однихъ группа представляется обособленною отъ цѣлаго, цѣлое только подразумѣвается и оставшаяся часть игнорируется (multi homines, «многіе люди»); въ другихъ часть и цѣлое представляются во взаимной связи, группа представляется отдѣляемою, но не

[1]) Обозначивъ группу описательнымъ наименованіемъ, мы въ дальнѣйшей рѣчи, говоря о группѣ, уже не повторяемъ этого описанія, а довольствуемся однимъ родовымъ именемъ, безъ всякихъ иныхъ добавленій.

отдѣленною (multi hominum, «много людей»); въ третьихъ, часть и цѣлое представляются въ видѣ двухъ особыхъ величинъ, часть представляется изъятою, отдѣленною отъ остального цѣлаго (multi ex iis hominibus, «многіе изъ людей»). Болѣе рѣзко различаются эти три вида съ грамматической стороны. Наименованія перваго вида представляютъ то же грамматическое сочетаніе, какое мы видѣли въ наименованіяхъ перваго типа. Они составляются изъ родового имени, которое стоитъ въ томъ или иномъ падежѣ, и другого, согласованнаго съ этимъ именемъ слова [1]). Отдѣленіе части отъ остального цѣлаго обозначается предлогами (ex, de, inter, ante, «изъ», «между»), которые и составляютъ отличительную особенность наименованій третьяго вида; вмѣсто согласованія мы имѣемъ здѣсь посредственное управленіе. Наконецъ, наименованія второго вида представляютъ собою управленіе непосредственное, т.-е. безъ предлога; родовое имя ставится здѣсь въ род. падежѣ,— этотъ род. и есть gen. partitivus.

Всѣ способы, которыми въ языкѣ обозначается часть родового цѣлаго, можно, значитъ, представить въ слѣдующей схемѣ:

I. Часть становится видовымъ понятіемъ и обозначается:

а) особымъ словомъ,
б) логическимъ опредѣленіемъ.

II. Часть не превращается въ видовое понятіе и обозначается:

а) съ помощью согласованія,
б) чрезъ gen. partitivus,
в) съ помощью предложнаго управленія.

Итакъ, вмѣсто неопредѣленнаго указанія, что gen. partitivus означаетъ цѣлое, отъ котораго берется часть, мы

---

[1]) Слово это, какъ увидимъ ниже, не всегда можно назвать „опредѣленіемъ“.

получили точное опредѣленіе этой категоріи. Мы узнали, что разумѣть подъ этимъ «цѣлымъ» и чѣмъ оно отличается отъ того цѣлаго, которое встрѣчаемъ при оборотахъ gen. possessivus и gen. generis. Оказалось, что подъ «цѣлымъ» здѣсь нужно разумѣть родъ предметовъ, родовое понятіе; частью оказалась группа, выдѣляемая изъ рода и не имѣющая видовыхъ отличій. Gen. partitivus есть обозначеніе родового цѣлаго, отъ котораго берется часть.

Указавши логическую роль категоріи, мы должны найти теперь точные предѣлы ея примѣненія, такъ какъ часть родового цѣлаго, не превращаемая въ видовое понятіе, можетъ, какъ мы видѣли, быть обозначаема не только чрезъ gen. partitivus, но и другими еще двумя оборотами. Намъ предстоитъ разграничить области примѣненія этихъ трехъ оборотовъ въ латинскомъ и русскомъ языкѣ. Гдѣ въ одномъ языкѣ употребляется род., тамъ другой языкъ часто прибѣгаетъ къ согласованію или къ предложному управленію.

Грамматики перечисляютъ тѣ случаи, гдѣ ставится gen. partitivus, и обыкновенно указываютъ при этомъ три группы словъ: 1) сравнительную и превосходную степень, 2) мѣстоименія и 3) имена числительныя. Ко второй или третьей группѣ иногда относятъ также и имена прилагательныя, означающія число (Нетушилъ, Кесслеръ и др.). Иныя же грамматики къ этимъ тремъ группамъ прибавляютъ четвертую и указываютъ, что род. этотъ ставится «при именахъ существительныхъ» (Кюнеръ, Шульцъ, Кесслеръ и др.). Относительно объема отдѣльныхъ группъ грамматики также не согласны между собою: къ третьей группѣ онѣ относятъ то всѣ числительныя вообще, то лишь порядковыя числительныя; въ группѣ мѣстоименій перечисляютъ то два разряда — вопросительныя и неопредѣленныя, то три — вопросительныя, относительныя и неопредѣленныя, то, наконецъ, причисляютъ сюда и указательныя. Чтобы вмѣсто этой случайной группировки найти классификацію болѣе естественную, обратимся опять къ логической основѣ разбираемаго нами оборота.

Всякое понятіе только и можно разсматривать съ двухъ сторонъ—со стороны объема и со стороны содержанія. Выдѣляя изъ родового цѣлаго часть, мы можемъ при этомъ выдѣленіи опираться только или на объемъ или на содержаніе. Такимъ образомъ совершенно естественно возникаютъ двѣ основныхъ группы выраженій. Къ первой группѣ относятся наименованія, опирающіяся на исчисленіе объема понятій; ко второй—наименованія, для которыхъ исходной точкой служитъ содержаніе понятія.

Всякій процессъ выдѣленія количественной части необходимо связанъ съ представленіемъ о множествѣ. Когда мы означаемъ понятіе о цѣломъ классѣ однородныхъ предметовъ, то имя мы беремъ или въ ед. числѣ или во множ. Но когда намъ приходится расчленять понятіе, мыслить о количественномъ составѣ рода, мы неизбѣжно должны пользоваться формою множ. числа, потому что мыслить о составѣ рода—это значитъ мыслить о многихъ предметахъ, составляющихъ родъ. Такимъ образомъ категорія множ. числа есть необходимая принадлежность всѣхъ оборотовъ, съ помощью которыхъ мы обозначаемъ часть родового цѣлаго, не выдѣленную въ особое понятіе. Родовое имя при всѣхъ трехъ видахъ описательнаго наименованія второго типа неизмѣнно стоитъ въ формѣ множ. числа, и gen. partitivus есть род. множ. числа. Тѣ рѣдкіе случаи, гдѣ мы встрѣчаемъ род. ед. ч., стоятъ совершенно особнякомъ. Въ ед. числѣ ставится, напр., названіе страны; у Цезаря часто встрѣчаемъ род. totius Galliae: profectus est per Arduennam silvam, quae est totius Galliae maxima (*B. G.*, 6, 29); non est dubium, quin totius Galliae plurimum Helvetii possint (ib., 1, 3); civitas longe plurimum totius Galliae equitatu valet (ib., 5, 3), etc. Но если мы станемъ анализировать логическія отношенія двухъ понятій, напр., tota Gallia и silva maxima, то мы не найдемъ тутъ ни одной черты, свойственной обороту gen. partitivus. «Лѣсъ» и «Галлія»—понятія несоизмѣримыя; «Галлія» не есть понятіе родовое, оно не раздѣляется на группы, не выдѣляетъ изъ себя количественной части; Арденскій лѣсъ можно

назвать частью Галліи, но лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ «носъ» или «корму» называемъ частью корабля, листъ—частью дерева, но и въ этомъ случаѣ была бы непонятна логическая роль слова totus. Тѣмъ цѣлымъ, изъ котораго выдѣляется въ качествѣ части Арденскій лѣсъ, будетъ, конечно, не «Галлія», а «лѣса Галліи». Логическій процессъ, который мы наблюдаемъ при образованіи оборота gen. partitivus, совершенно немыслимъ въ приложеніи къ понятіямъ единичнымъ; между понятіями maxima (silva) и Gallia необходимо посредствующее звено—родовое понятіе silvae; gen. partitivus въ приведенной выше фразѣ, собственно говоря, опущенъ, слѣдовало бы сказать: quae est totius Galliae silvarum maxima; пропускъ объясняется особымъ построеніемъ фразы, при которомъ слово silva оказалось уже поставленнымъ ранѣе. Впрочемъ, появленіе род. ед. ч. объясняется иной разъ не столько пропускомъ слова, обусловленнымъ общей конструкціей фразы, сколько склонностью языка замѣнять названіе страны названіемъ народа, ее населяющаго, и наоборотъ. Аналогичные обороты, даже еще болѣе сокращенные, допускаетъ и русскій языкъ; у насъ говорятъ: «величайшій въ мірѣ мудрецъ», «богатѣйшій въ городѣ человѣкъ», «величайшее въ свѣтѣ чудо», и т. п. Чтобы возстановить во всемъ объемѣ логическій процессъ, давшій эти выраженія, мы должны были бы сказать: «величайшій изъ тѣхъ, какіе только есть въ мірѣ», «богатѣйшій изъ всѣхъ, живущихъ въ городѣ», и т. д.

Опираться при выдѣленіи части на объемъ понятія, не касаясь содержанія, не касаясь признаковъ, это значитъ опираться на число. Положимъ, мы ведемъ войну и наше понятіе о враждебномъ народѣ обозначается словомъ «непріятели». Положимъ, произошла битва, и поле оказалось усѣяннымъ вражескими тѣлами. Мы не можемъ констатировать этого факта словами: «непріятели пали»,—потому что непріятели не всѣ пали, очень многіе остались живыми и ушли. Намъ предстоитъ обозначить словами выдѣлившуюся часть родового цѣлаго. Для того, чтобы эта группа стала самостоятельнымъ цѣлымъ, видовымъ понятіемъ,

нужно найти признаки, которые принадлежали бы всѣмъ членамъ этой группы и не принадлежали бы никому изъ остальныхъ враговъ. Но найти такіе признаки—дѣло почти невозможное. А если при наименованіи павшихъ враговъ мы не могли основаться на признакахъ, на содержаніи выдѣлившейся части понятія, то намъ только остается основываться на числѣ. Мы можемъ сосчитать павшихъ враговъ, можемъ на глазомѣръ опредѣлить ихъ число, но во всякомъ случаѣ это единственная точка зрѣнія, съ которой можно объединить группу и выдѣлить изъ цѣлаго. Только своимъ количествомъ она и отличается отъ цѣлаго, такъ какъ всѣ остальные признаки принадлежатъ не группѣ, а или всему роду или нѣкоторымъ членамъ.

Для наименованія частей, основаннаго на объемѣ понятія, служатъ всѣ имена, имѣющія числовое значеніе, и прежде всего имена числительныя. Не будучи въ состояніи найти объединяющій признакъ, мы просто отсчитываемъ выдѣлившееся число предметовъ или же опредѣляемъ его приблизительно, по сравненію; этимъ путемъ мы во всякомъ случаѣ получаемъ совершенно точное представленіе о группѣ. Остановимся на числительныхъ. И латинскій и русскій языкъ допускаютъ здѣсь всѣ три вида наименованій; но области употребленія этихъ видовъ въ томъ и другомъ языкѣ далеко не совпадаютъ. Изъ четырехъ разрядовъ латинскихъ именъ числительныхъ одинъ—именно числительныя нарѣчныя—совершенно не примѣнимъ при счетѣ предметовъ, такъ какъ имъ опредѣляются не предметы, а дѣйствія. Три остальныхъ разряда, за исключеніемъ единственнаго слова milia, въ соединеніи съ родовымъ именемъ даютъ прежде всего наименованіе перваго вида, т.-е. согласуются съ этимъ родовымъ именемъ. Наоборотъ, сочетанія русскихъ числительныхъ именъ съ родовыми понятіями представляютъ очень пеструю картину. Чтобы разобраться въ этихъ конструкціяхъ, мы прежде всего должны выдѣлить въ особую группу числительныя порядковыя. Логическая роль этихъ числительныхъ рѣзко отличается отъ остальныхъ группъ. Обозначая предметъ съ помощью по-

рядковаго числительнаго, мы изъ сферы родовыхъ понятій переходимъ къ понятіямъ единичнымъ. И дѣйствительно, порядковое имя чаще всего употребляется съ ед. числомъ имени существительнаго, безъ всякаго указанія на родъ или на остальные предметы того же рода. Но при порядковомъ числительномъ возможны все-таки и наименованія второго типа, предметъ все-таки иногда считается частью нѣкотораго цѣлаго.

Изъ всѣхъ предыдущихъ разсужденій видно, что, говоря о родовомъ цѣломъ, мы понятіе «родъ» всегда принимали въ самомъ обширномъ смыслѣ слова, разумѣя подъ нимъ всякое общее понятіе, обнимающее собою понятія единичныя или видовыя. Мы видѣли, что выдѣлившаяся изъ рода группа можетъ стать видовымъ понятіемъ, изъ котораго, въ свою очередь, можно выдѣлять группы и т. д., такъ что видовое понятіе можетъ стать тѣмъ «родовымъ цѣлымъ», изъ котораго выдѣляется часть. При обозначеніи выдѣляемой части языкъ часто отличаетъ первичное выдѣленіе отъ вторичнаго. Порядковое числительное при первичномъ выдѣленіи согласуется съ именемъ предмета, взятымъ въ формѣ ед. числа,—получается наименованіе единичнаго предмета, безъ всякаго отношенія къ цѣлому и къ роду. При вторичномъ выдѣленіи, когда цѣлымъ являются не всѣ вообще предметы даннаго рода, а лишь нѣкоторая ихъ группа, необходимо бываетъ сопоставить предметъ съ этой группою, *обозначить его въ качествѣ части цѣлаго*; для этой цѣли служитъ уже не согласованіе, а наименованія второго или третьяго вида, т.-е. gen. partitivus или предложное управленіе.

Нѣкоторыя грамматики говорятъ, что gen. partitivus употребляется «для обозначенія о п р е д ѣ л е н н а г о цѣлаго» (Шульцъ и др.); кромѣ того, многія грамматики, сопоставляя, напр., сочетанія multi milites и multi militum, указываютъ, что въ первомъ случаѣ «солдаты» противополагаются другимъ людямъ, а во второмъ одни солдаты противополагаются другимъ солдатамъ, т.-е. остальнымъ солдатамъ изъ опредѣленнаго ихъ числа. Наблюденіе это, конечно,

правильно, но его нельзя распространять на всю категорію gen. partitivus; точно такъ же, какъ нельзя утверждать, что gen. partitivus обязательно означаетъ «опредѣленное» цѣлое. Опредѣленнымъ бываетъ это цѣлое только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, только при вторичномъ выдѣленіи. Когда же выдѣленіе дѣлается не изъ группы, а изъ рода, такое цѣлое нельзя назвать опредѣленнымъ по числу. По содержанію родъ, конечно, есть нѣчто вполнѣ опредѣленное; относительно же объема рода мы можемъ утверждать только то, что къ роду относятся всѣ предметы, имѣющіе такіе-то признаки и такое-то названіе, но сколько есть такихъ предметовъ, мы этого чаще всего не знаемъ или даже не можемъ знать. При первичномъ выдѣленіи часть выдѣляется не изъ опредѣленнаго числа предметовъ, а изъ всѣхъ предметовъ, имѣющихъ такіе-то признаки и такое-то названіе. При числительномъ порядковомъ gen. partitivus означаетъ всегда опредѣленное число предметовъ, но это потому, что и самый род. возможенъ здѣсь только при обозначеніи вторичнаго выдѣленія. Въ другихъ случаяхъ gen. partitivus, означая то первичное, то вторичное выдѣленіе, можетъ одинаково указывать и опредѣленное и неопредѣленное цѣлое.

Все сказанное о числительномъ порядковомъ примѣнимо и къ прилагательнымъ, означающимъ порядокъ въ расположеніи предметовъ (princeps главный, medius средній, ultimus крайній и др.). Во многомъ сходно съ порядковыми и числительное unus—«одинъ». Занимая середину между порядковыми и количественными, оно доставляетъ грамматикамъ особенно много хлопотъ. Подобно порядковымъ, оно выдѣляетъ изъ цѣлаго не группу, а лишь единичный предметъ. Но порядковое числительное, устанавливая точныя отношенія между даннымъ предметомъ и всѣми остальными однородными съ нимъ, даетъ въ итогѣ единичное понятіе, даетъ точное представленіе о данномъ предметѣ. Ничего подобнаго не могло бы дать числительное unus—«одинъ». Оно выдѣляло бы предметъ изъ цѣлаго, но не заключало бы въ себѣ никакихъ указаній на признаки, ни-

чѣмъ не выдѣляло бы предмета изъ ряда остальныхъ, однородныхъ съ нимъ. Когда мы говоримъ: «одинъ философъ сказалъ то-то», «одинъ купецъ купилъ то-то», то мы разумѣемъ, что выдѣляемый предметъ долженъ обладать своими особыми *признаками*, но каковы они, мы этого совершенно не знаемъ. Между тѣмъ для обозначенія подразумѣваемыхъ признаковъ языкъ имѣетъ особый разрядъ словъ,—это такъ называемыя «мѣстоименія-прилагательныя». Мало того, изъ этихъ мѣстоименій онъ выдѣляетъ еще особую группу словъ, спеціально предназначенную для обозначенія такихъ подразумѣваемыхъ признаковъ, которые въ то же время и неопредѣленны, т.-е. для обозначенія того, что у предмета, кромѣ родовыхъ, есть и особые признаки, но неизвѣстно—какіе. Функцію эту выполняютъ мѣстоименія неопредѣленныя. Они гораздо нагляднѣе и отчетливѣе выполняютъ при выдѣленіи предмета изъ рода ту роль, которая могла бы принадлежать числительному unus—«одинъ». Послѣ этого не удивительно, что латинское unus не употребляется при выдѣленіи предмета изъ цѣлаго рода. Въ *одномъ только случаѣ* слово unus мы встрѣчаемъ и при первичномъ выдѣленіи,—мы разумѣемъ сочетаніе unus omnium, употребляемое при превосходной степени. Но здѣсь выдѣленіе опирается даже не на объемъ родового понятія, а на признаки, и обозначается оно превосходною степенью; слово же unus служитъ только побочнымъ, вспомогательнымъ средствомъ при выдѣленіи,—оно указываетъ, что выдѣляющій признакъ проявляется въ данномъ предметѣ гораздо сильнѣе, *чѣмъ во всѣхъ остальныхъ того же рода*.

Что касается вторичнаго выдѣленія, то здѣсь слово unus прежде всего можетъ играть роль числительнаго порядковаго и, подобно послѣднему, сочиняться съ род. падежомъ. Грамматики учатъ, что при unus ставится gen. partitivus, ёсли за нимъ слѣдуютъ слова: alter, tertius и т. д., т.-е. если идетъ перечисленіе частей цѣлаго. И дѣйствительно, въ такихъ случаяхъ понятіе, обозначенное съ *помощью слова* unus, является такимъ же опредѣленнымъ и единичнымъ,

какъ и остальныя, за нимъ слѣдующія. Опредѣленность эта есть слѣдствіе того, что при счетѣ мы не остановились на единицѣ, а пошли дальше и такимъ образомъ количественную единицу превратили въ порядковую. Подобный процессъ наблюдается тогда, когда мы устанавливаемъ свой особый порядокъ, никѣмъ ранѣе не установленный и пригодный ad hoc, лишь для даннаго случая. Если мы беремъ порядокъ обычный или кѣмъ-либо установленный, то первый предметъ, подобно всѣмъ прочимъ, обозначаемъ тоже порядковымъ числительнымъ; напр., первый годъ нашей эры будетъ не unus annus, а primus annus. Но когда, напр., Цезарь, указавъ число областей Галліи, хочетъ нѣчто сказать о каждой изъ нихъ, въ этомъ случаѣ, за неимѣніемъ установленнаго порядка, за неимѣніемъ области, которая была бы «первою», говорящему приходится установить свой особый порядокъ, и, конечно, онъ можетъ начать счетъ съ любого изъ данныхъ предметовъ. Такимъ образомъ, если числовой порядокъ уже установленъ, то первый предметъ мы обозначаемъ словомъ primus; если же порядокъ не установленъ и устанавливается для даннаго только случая, то мы любой предметъ можемъ взять первымъ, но при этомъ онъ будетъ у насъ не primus, а лишь unus—«одинъ»[1]). Русское «одинъ» употребляется въ этой роли и тогда, когда въ латинскомъ языкѣ берутся слова alter или alius.

При перечисленіи частей числительнымъ unus, какъ мы сейчасъ видѣли, обозначается не часть рода, а лишь единичное понятіе. Но тутъ возможенъ такой случай, что это единичное понятіе имѣетъ свое собственное названіе, что предметъ носитъ одно изъ такихъ именъ, которыя въ грамматикахъ называются *собственными*. При употребленіи такого имени латинскій языкъ часто значительно отступаетъ отъ русскаго. Въ русскомъ языкѣ выраженія воспроизводятъ весь логи-

---

[1]) Постановка въ подобномъ случаѣ числительнаго „первый“ дѣлаетъ оборотъ неправильнымъ и необычнымъ. Въ языкѣ былинъ находимъ такіе примѣры: „подъ первый рогъ (т.-е. одинъ конецъ лука) несутъ пять человѣкъ, подъ другой несутъ столько же“.

ческій процессъ выдѣленія и перехода отъ общаго понятія къ единичному. Тутъ мы сначала обозначаемъ цѣлое, потомъ выдѣляемъ изъ него предметъ, обозначая его словомъ «одинъ», и, наконецъ, называемъ этотъ предметъ именемъ собственнымъ, добавляя къ этому названію слово «именно» [1]). Латинскій языкъ иной разъ обходится безъ средняго звена этой цѣпи. Тутъ встрѣчаются такіе, напр., обороты: venio ad provincias, quarum Macedonia graviter a barbaris vexatur (Cic.); consulum Sulpicius in dextro, Poetelius in laevo cornu consistunt, и др. Такъ какъ имя собственное даетъ уже полное представленіе о единичномъ, выдѣленномъ изъ цѣлаго предметѣ, то языкъ обходится безъ описательнаго наименованія, обозначающаго выдѣленіе части изъ цѣлаго, и отъ наименованія цѣлаго прямо переходитъ къ имени собственному. Такимъ-то путемъ получается эта странная конструкція, способная вести къ совершенно ошибочному предположенію, будто gen. partitivus можетъ зависѣть отъ имени собственнаго.

Мы указали случаи, гдѣ роль слова unus является нѣсколько осложненною. Но еще чаще при вторичномъ выдѣленіи unus бываетъ именемъ количественнымъ въ собственномъ смыслѣ слова. Въ такихъ случаяхъ оно означаетъ единицу, выдѣленную изъ нѣкотораго другого количества. Языкъ для этого пользуется тѣмъ оборотомъ, который не только означаетъ выдѣленіе, но и отчетливо противополагаетъ одно количество другому, выдѣленную единицу сопоставляетъ съ цѣлымъ. Это достигается предложнымъ управленіемъ, обозначающимъ, что одно количество изъято изъ состава другого и стоитъ отдѣльно.

Такова роль численныхъ порядковыхъ и сходнаго съ ними числительнаго unus—«одинъ». Всѣ особенности этихъ числительныхъ вытекаютъ изъ того основного факта, что ими выдѣляется изъ цѣлаго не группа, а единичный предметъ. Обращаясь къ остальнымъ разрядамъ числительнаго, означающимъ выдѣленіе группы, мы на первыхъ же по-

---

[1]) **Нарѣчіе это употребляется здѣсь, какъ мы видимъ, въ своемъ основномъ и первомъ значеніи: „именно“ = по имени.**

рахъ сталкиваемся въ русскомъ языкѣ съ новымъ исключеніемъ. При числительныхъ: «два», «оба», «три», «четыре», мы находимъ родовое имя въ ед. числѣ. Чтобы остаться на почвѣ русскаго языка и не углубляться въ исторію его, школьныя грамматики придумываютъ для этой аномаліи различныя болѣе или менѣе произвольныя объясненія, утверждая, напр., что мы имѣемъ здѣсь «особую форму имен. п. множ. ч.», сходную съ род. п. ед. ч. (Бѣлоруссовъ); иныя, впрочемъ, грамматики меланхолически замѣчаютъ, что этотъ род. ставится «по необъясненной доселѣ наукою причинѣ» (Говоровъ, Синтаксисъ). Въ дѣйствительности, сочетанія эти представляютъ очень яркій примѣръ историческаго переживанія. Совершенно утративъ категорію двойственнаго числа, языкъ сохранилъ неясные слѣды ея въ томъ именно сочетаніи, гдѣ она была наиболѣе естественной и необходимой, т.-е. при числительныхъ «два» и «оба». Форма двойственнаго числа скрылась подъ другою формою, которая случайно оказалась съ нею сходной. Утративъ свой истинный смыслъ, форма эта появилась потомъ и при двухъ другихъ числительныхъ. Это распространеніе категоріи двойственнаго числа на числительныя «три» и «четыре» является однимъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ дѣйствія аналогіи, которая вообще играетъ такую большую роль въ развитіи каждаго языка [1]).

Итакъ при числительныхъ: «два», «оба», «три», «четыре», мы имѣемъ согласованіе числительнаго съ родовымъ именемъ,—это описательныя наименованія перваго вида. Согласованіе это остается и въ косвенныхъ падежахъ. Совершенно такимъ же образомъ соединяются съ родовымъ именемъ и всѣ количественныя, у которыхъ послѣднею составною частью будутъ слова: «два», «три», «четыре». *Дальнѣйшія количественныя, начиная съ «пяти» и кончая* числительнымъ «сто», согласуются съ родовымъ именемъ

---

[1]) **Аналогія эта остановилась на числительномъ „четыре" *и не* пошла дальше, такъ какъ дальнѣйшія числительныя, начиная съ „пяти", представляютъ *уже иной* грамматическій типъ: съ формальной стороны они сходны уже съ существительными, а не съ прилагательными.**

только въ косвенныхъ падежахъ. Къ этимъ количественнымъ примыкаютъ и такъ называемыя собирательныя. Этотъ разрядъ числительныхъ, не существующій въ латинскомъ языкѣ, охватываетъ собою почти только первый десятокъ и употребляется лишь тогда, если рѣчь идетъ о лицахъ. Количество въ этомъ случаѣ представляется объединенной группой и притомъ не вещей, а лицъ. Благодаря такому спеціальному значенію, собирательныя числительныя могутъ употребляться даже безъ родового имени, особенно въ им. падежѣ, такъ какъ родовое имя при нихъ всегда бываетъ почти одно и то же (понятіе «человѣкъ» и его синонимы) и, значитъ, легко подразумѣвается.

Начиная съ 200, круглыя числа почти уже не допускаютъ согласованія ни въ одномъ падежѣ. Правда, даже у лучшихъ писателей спорадически встрѣчаются примѣры согласованія круглыхъ сотенъ въ косвенныхъ падежахъ (у Пушкина — «шестью стами мятежниками»); но подобные примѣры все-таки являются исключеніемъ; за общее же правило нужно признать, что круглыя сотни не согласуются съ родовымъ именемъ. Такимъ образомъ числительное «сто» оказалось такою же гранью, какъ латинское mille. Числительныя, требующія согласованія (всегда или въ нѣкоторыхъ случаяхъ), въ латинскомъ языкѣ кончаются одной тысячей, въ русскомъ—одной сотней. При обозначеніи двухъ и болѣе сотенъ въ русскомъ языкѣ и двухъ и болѣе тысячъ въ латинскомъ появляется уже род. раздѣлительный. Такимъ образомъ въ томъ и другомъ языкѣ между большими круглыми числами и остальными числами, при сочетаніи ихъ съ родовымъ именемъ, усматривается нѣкоторая разница. Большія круглыя числа (duo, tria etc. milia—въ латинскомъ, «двѣсти», «триста» и д., «тысяча», «милліонъ», «билліонъ», «мпліардъ» и др.—въ русскомъ языкѣ) сходны въ этомъ случаѣ съ существительными, означающими количество, которыя тоже не допускаютъ согласованія. Это грамматическое сходство вытекаетъ изъ сходства логическаго. Количество, обозначаемое этими существительными, представляется не рядомъ отдѣльныхъ единицъ, а какъ нѣ-

что цѣлое, какъ нѣкоторая единица мѣры. Мы можемъ, напр., въ точности знать, сколько солдатъ заключается въ полкѣ или легіонѣ, но эти знанія суть нѣчто побочное, они не заключаются въ самомъ представленіи о полкѣ или легіонѣ; можно совершенно не знать, сколько какихъ солдатъ въ легіонѣ, и все-таки имѣть представленіе о легіонѣ. Такими же единицами мѣры являются сотни и тысячи при обозначеніи большихъ круглыхъ чиселъ. Пока мы считали до ста въ русскомъ и до тысячи въ латинскомъ языкѣ, каждую единицу и каждое круглое число мы обозначали особымъ словомъ; но въ дальнѣйшемъ счетѣ мы прибѣгаемъ уже къ другой системѣ: мы уже не имѣемъ особыхъ именъ для обозначенія каждаго круглаго числа и вмѣсто нихъ составляемъ описательныя наименованія, отсчитывая, сколько въ данномъ числѣ такихъ единицъ мѣры, какъ сотня или тысяча. Правда, анализируя названія десятковъ или латинскія названія сотенъ, мы тамъ тоже найдемъ свою особую единицу мѣры и увидимъ, что, напр., названіе ducenti получилось путемъ отсчитыванія сотенъ, названіе «пятьдесятъ»—путемъ отсчитыванія десятковъ, но тамъ этотъ процессъ уже завершился и далъ въ результатѣ особое для каждаго случая слово, которымъ мы прямо и пользуемся, не справляясь о его этимологическомъ происхожденіи. Здѣсь, наоборотъ, процессъ этотъ совершается при каждомъ отдѣльномъ наименованіи, здѣсь самое наименованіе есть не что иное, какъ отсчитыванье единицъ мѣры. Говоря: cum ducentis militibus, мы для обозначенія числа пользуемся готовымъ словомъ, которому соотвѣтствуетъ особое понятіе. Наоборотъ, если мы говоримъ: «съ двумя стами воиновъ», то мы, не имѣя особаго слова, отсчитываемъ, сколько въ этомъ числѣ такихъ единицъ, какова сотня, и обозначаемъ это отсчитыванье описательнымъ числительнымъ.

Такимъ образомъ, поставивши вопросъ, почему большія круглыя числа—послѣ одной сотни въ русскомъ и послѣ одной тысячи въ латинскомъ языкѣ—не допускаютъ согласованія и обязательно требуютъ постановки род. раздѣли-

тельнаго, мы пришли къ заключенію, что эта конструкція объясняется самымъ составомъ этихъ чиселъ. Большія круглыя числа основаны на отсчитываньи единицъ нѣкоторой мѣры и суть составныя наименованія, составленныя изъ названія мѣры и слова, опредѣляющаго число единицъ этой мѣры; а это названіе мѣры по своей логической роли ничѣмъ не отличается отъ существительныхъ, означающихъ нѣкоторую единицу количественной мѣры, и поэтому допускаетъ при себѣ только такую конструкцію, какая возможна при существительныхъ: оно не согласуется, а требуетъ при себѣ род. падежа. Только одинъ им. падежъ трехъ русскихъ названій круглыхъ сотенъ, только формы: «двѣсти», «триста», «четыреста», какъ будто не подходятъ подъ указанную нами схему. Но это исключеніе — только кажущееся. Сліяніе двухъ элементовъ въ одно нераздѣльное названіе вызвано здѣсь побочной, посторонней причиной. Архаическая форма двойственнаго числа не могла въ данномъ случаѣ сохраниться въ видѣ отдѣльнаго слова. У существительныхъ сохраненіе при словахъ: «два», «три», «четыре», архаической формы двойственнаго числа объясняется сходствомъ этой формы съ другою, обычною формою, т.-е. съ род. п. ед. числа. Но слово «сто» не имѣетъ при себѣ подобнаго эквивалента, оно не имѣетъ даже особой формы для род. п., такъ какъ форма «ста» замѣщаетъ у него всѣ косвенные падежи.

Пересматривая различные разряды числительныхъ, мы уже перечислили всѣ случаи согласованія числительнаго съ родовымъ именемъ. Гдѣ невозможно согласованіе, тамъ примѣняется управленіе, т.-е. ставится род. раздѣлительный. Этотъ род., какъ видно изъ предыдущаго, мы встрѣчаемъ въ слѣдующихъ случаяхъ:

I. Въ латинскомъ языкѣ — при большихъ круглыхъ числахъ, начиная отъ двухъ тысячъ.

II. Въ русскомъ языкѣ:

1) при большихъ круглыхъ числахъ, начиная съ двухсотъ;

2) при имен. и вин. падежѣ остальныхъ круглыхъ чиселъ;

3) при им. и вин. падежѣ простыхъ количественныхъ отъ 5 до 19 и всѣхъ составныхъ, оканчивающихся этими простыми;

4) при имен. падежѣ собирательныхъ.

При сопоставленіи этого перечня съ тѣми случаями, гдѣ примѣняется согласованіе, насъ прежде всего останавливаетъ вопросъ: какимъ образомъ перемѣна конструкціи оказалась въ зависимости отъ перемѣны падежа одного и того же слова? Во всей области языка мы не встрѣчаемъ ни одного такого случая, чтобы съ перемѣною падежнаго окончанія измѣнялось и управленіе слова. Очевидно, причины этого измѣненія конструкцій лежатъ глубже и зависятъ не столько отъ грамматической формы слова, сколько отъ измѣненія его логической роли. Возьмемъ, напр., круглые десятки, начиная съ «пятидесяти». Пока мы употребляемъ имен. падежъ, пока не нуждаемся, такъ сказать, въ измѣненіи слова, числительное сохраняетъ свою исконную, органическую форму: слово «десять», означая единицу мѣры, отмѣчая, что счетъ идетъ десятками, стоитъ въ род. п. множ. числа, хотя и пишется уже слитно, и родовое имя, завися отъ этого названія мѣры, ставится, какъ этого и слѣдовало ожидать при названіяхъ мѣры, въ род. раздѣлительномъ. Но вотъ является необходимость измѣнять слово «пятьдесятъ», ставить его въ косвенномъ падежѣ. Склонять слово значитъ измѣнять его окончанія. Измѣнивъ свое окончаніе, слово «пятьдесятъ» совершенно уже утрачиваетъ свою органическую форму. Формы: «пятидесятью» или «пятьюдесятью», уже не изображаютъ того логическаго процесса, путемъ котораго создалось это числительное. Вмѣсто единицы мѣры, обозначенной род. падежомъ множ. числа, мы имѣемъ уже какое-то ед. число — «десятью», какъ будто рѣчь идетъ объ одномъ десяткѣ, какъ будто числительнымъ обозначается пять и десять, т.-е. пятнадцать. А разъ слово «десять» утратило свою логическую

роль и свою органическую форму, разъ оно перестало означать единицу мѣры и стоять въ род. падежѣ, то оказался невозможнымъ и стоявшій при немъ род. раздѣлительный.

Ни одна часть рѣчи не отличается въ русскомъ языкѣ такою неустойчивостью, какъ имена числительныя, особенно количественныя. Тутъ идетъ непрерывное созиданіе и измѣненіе. Такъ какъ система нашего счета состоитъ въ постепенномъ отсчитываньи тысячъ, сотенъ, десятковъ и единицъ, то громадное большинство чиселъ обозначается наименованіями сложными, состоящими изъ двухъ, трехъ, четырехъ и болѣе словъ. Но въ то же время каждое число есть нѣкоторое логическое цѣлое, есть обозначеніе единаго количества, связаннаго съ единымъ понятіемъ. Отсюда совершенно понятно, почему языкъ стремится по возможности превратить всѣ эти сложныя наименованія въ простыя, стремится понятіе о единомъ количествѣ выразить единымъ словомъ. Стремленіе это проявляется во всей области числительныхъ. Чѣмъ меньше число, тѣмъ скорѣе эта цѣль была достигнута. Но во многихъ случаяхъ она является лишь намѣченной, но еще не достигнутою. Перебирая имена числительныя, мы встрѣчаемся съ самыми разнообразными степенями приближенія къ этой цѣли. Мы встрѣчаемъ имена, въ которыхъ при им. падежѣ ясно видны два слова, управляющее и управляемое, а въ косвенныхъ падежахъ оба элемента сливаются въ одно нераздѣльное цѣлое и управленія уже нѣтъ (таковы круглыя числа, начиная съ «пятидесяти»); встрѣчаемъ имена, которыя, наоборотъ, въ им. падежѣ уже слиты, а въ косвенныхъ падежахъ представляются двумя словами, отдѣльно склоняющимися («двѣсти» и др.), и т. д. Этимъ разнообразіемъ и объясняется та пестрота картины, которая получилась у насъ при перечнѣ числительныхъ, допускающихъ ту или иную конструкцію. У нѣкоторыхъ разрядовъ числительныхъ, напр., у дробныхъ и собирательныхъ, формы и способы сочетанія настолько еще не установились, что чуть не каждый писатель употребляетъ ихъ по-своему и каждая

грамматика представляетъ о нихъ свое собственное ученіе. Чѣмъ больше мы углубимся въ исторію языка, тѣмъ чаще конструкціи при числительныхъ будутъ отступать отъ предложенной нами схемы. Напр., въ старинномъ русскомъ языкѣ и церковно-славянскомъ род. раздѣлительный мы встрѣтимъ уже не только при имен. падежѣ числительныхъ: «пять», «шесть» и т. д., но и при любомъ косвенномъ падежѣ (примѣры въ Истор. грамм. Буслаева, II, 218), и, наоборотъ, въ новомъ церковно-славянскомъ языкѣ даже при им. падежѣ этихъ числительныхъ мы часто можемъ найти согласованіе.

Указанныя нами конструкціи числительныхъ количественныхъ и собирательныхъ употребляются прежде всего при первичномъ выдѣленіи части изъ родового цѣлаго. Выше мы установили тотъ фактъ, что наименованія второго типа, къ которымъ принадлежатъ разбираемыя нами теперь конструкціи, употребляются въ томъ случаѣ, если мы не имѣемъ возможности составить описательное наименованіе перваго типа, т.-е. основанное на указаніи видового признака. Но относительно числительныхъ количественныхъ нужно сдѣлать нѣкоторую оговорку. Исчисленіе объема понятія часто бываетъ лишь вторичнымъ, побочнымъ средствомъ при выдѣленіи группы; часто выдѣленіе основывается на указаніи видового признака, а рядомъ съ этимъ все-таки исчисляется и объемъ выдѣляемой группы. Значитъ, описательное наименованіе перваго типа иногда сливается, такъ сказать, съ описательнымъ наименованіемъ второго типа. Изъ родового понятія «римляне» выдѣлить группу мы могли бы двоякимъ путемъ: мы могли бы указать видовые признаки группы и тогда получили бы, напр., наименованіе: «римляне, павшіе въ битвѣ при Каннахъ»; но мы могли бы, не касаясь признаковъ, основать выдѣленіе исключительно на объемѣ понятія и сказать: «сорокъ семь тысячъ римлянъ». Это послѣднее наименованіе можетъ сливаться съ первымъ, указаніе на объемъ бываетъ иногда лишь побочнымъ средствомъ выдѣленія, основаннаго въ сущности на указаніи видовыхъ признаковъ. *Слитное наименованіе*:

«сорокъ тысячъ римлянъ, павшихъ въ битвѣ при Каннахъ», будетъ означать все-таки не вторичное, а лишь первичное выдѣленіе, такъ какъ мы здѣсь не извлекаемъ одну группу изъ другой, а лишь составляемъ уравненіе изъ двухъ равныхъ величинъ («сорокъ тысячъ римлянъ» = «римляне, павшіе въ битвѣ при Каннахъ»).

Посмотримъ теперь, какъ производится вторичное выдѣленіе съ помощью числительныхъ. Прежде всего, здѣсь употребляются всѣ тѣ пріемы, которые возможны при первичномъ выдѣленіи. Такъ какъ видовой признакъ бо́льшей группы принадлежитъ, конечно, и меньшей группѣ, выдѣляемой изъ другой, бо́льшей, то является возможность обозначить эту меньшую группу совершенно тѣмъ же способомъ, какимъ мы обозначили бо́льшую группу. Положимъ, изъ сорока семи тысячъ римлянъ, павшихъ въ битвѣ при Каннахъ, мы хотимъ выдѣлить ту группу, которая состояла изъ сенаторовъ. Такъ какъ видовой признакъ («павшіе въ битвѣ при Каннахъ»), принадлежа бо́льшей группѣ (всѣмъ сорока семи тысячамъ римлянъ), принадлежитъ, конечно, и этой меньшей группѣ (80 римлянамъ), то является возможность прямо воспользоваться этимъ видовымъ признакомъ и, совершенно игнорируя бо́льшую группу, прямо составить такое же описательное наименованіе, какое мы составляемъ при первичномъ выдѣленіи. Мы получаемъ наименованіе: «80 римлянъ, павшихъ въ битвѣ при Каннахъ». Этимъ наименованіемъ обозначается вторичное выдѣленіе; процессъ выдѣленія здѣсь упрощенъ,—въ немъ опущено среднее звено.

Но вторичное выдѣленіе обозначется и инымъ путемъ,—путемъ воспроизведенія всего процесса. Мы можемъ отмѣчать, что изъ родового цѣлаго выдѣлена группа, а изъ этой группы выдѣлена другая, меньшая. Здѣсь являются на сцену иные обороты. Здѣсь мы впервые встрѣчаемся съ предложнымъ управленіемъ числительныхъ количественныхъ. Въ русскомъ языкѣ въ этомъ случаѣ примѣняется предложное управленіе, въ латинскомъ—род. раздѣлительный или предложное управленіе. Распредѣленіе конструк-

цій въ латинскомъ языкѣ можно представить въ очень простой схемѣ: изъ трехъ возможныхъ конструкцій полное вторичное выдѣленіе обозначается не тою, которою обозначено первичное выдѣленіе, а ближайшею слѣдующею. Если, значитъ, первичное выдѣленіе обозначено согласованіемъ, то вторичное обозначается род. раздѣлительнымъ; если первичное обозначено род. раздѣлительнымъ, то вторичное обозначается предложнымъ управленіемъ. Въ русскомъ языкѣ получаются наименованія: «изъ римлянъ, павшихъ при Каннахъ, восемьдесятъ» (человѣкъ), или: «изъ сорока семи тысячъ римлянъ восемьдесятъ» (человѣкъ). Въ латинскомъ языкѣ въ первомъ случаѣ будетъ gen. partitivus (octoginta Romanorum etc.), такъ какъ первичное выдѣленіе было обозначено согласованіемъ (Romani, qui etc.); во второмъ случаѣ будетъ предложное сочетаніе, такъ какъ первичное выдѣленіе обозначено род. падежомъ (quadraginta septem milia Romanorum).

Отъ этой схемы въ латинскомъ языкѣ есть одно только отступленіе. Когда первичное выдѣленіе обозначено такимъ количественнымъ числительнымъ, которое требуетъ согласованія, то вторичное выдѣленіе обозначается не ближайшею слѣдующею конструкціей, т.-е. не род. раздѣлительнымъ, а неизмѣнно предложнымъ управленіемъ. Это тотъ случай, когда мы отъ одного числа отнимаемъ другое, т.-е. производимъ вычитаніе. Тутъ необходимо разграничить бóльшую группу, которая стала уменьшаемымъ, отъ другой, меньшей группы, отъ вычитаемаго, а это вполнѣ достигается предложнымъ управленіемъ, при которомъ часть и оставшееся цѣлое представляются двумя самостоятельными величинами, стоящими отдѣльно.

Въ русскомъ языкѣ это сопоставленіе въ одномъ наименованіи бóльшаго и меньшаго числа ведетъ къ одному очень оригинальному явленію. Разбираемое *наименованіе* является результатомъ двойного процесса выдѣленія: при первомъ выдѣленіи цѣлымъ было родовое понятіе, которое мы и обозначили родовымъ именемъ; при второмъ выдѣленіи цѣлымъ является не родовое понятіе, а первая выдѣленная

группа. Такимъ образомъ родовое имя въ полученномъ этимъ путемъ наименованіи должно фигурировать всего одинъ разъ,—только при обозначеніи бóльшей группы. Такъ всегда и бываетъ въ латинскомъ языкѣ. Но въ русскомъ языкѣ при такихъ наименованіяхъ мы встрѣчаемъ родовое имя два раза. При обозначеніи меньшей группы здѣсь опять прибавляется родовое имя, но уже не то, съ помощью котораго обозначена бóльшая группа, а другое, болѣе обширное по объему. Въ этой роли фигурируютъ понятія самыя общія: «человѣкъ», «мужчина», «женщина» (по отношенію къ лицамъ), «голова» (по отношенію къ животнымъ), «штука», «экземпляръ» (по отношенію къ вещамъ) и др. Добавленія эти, не вытекающія изъ самаго логическаго процесса выдѣленія, объясняются исключительно требованіями стилистическими, — желаніемъ придать выраженію больше ясности. Это дополнительное имя особенно бываетъ необходимо тогда, когда бóльшая и меньшая группа становятся не частями одного наименованія, а двумя самостоятельными членами логическаго сужденія, т.-е. когда процессъ выдѣленія изображается въ видѣ сужденія и вмѣсто простого наименованія группы мы имѣемъ предложеніе. Такъ мы говоримъ: «изъ тридцати членовъ явилось только пять человѣкъ», «изъ сорока книгъ продано лишь пять экземпляровъ», «изъ ста овецъ осталось пять головъ», и т. д. При обозначеніи лицъ собирательныя числительныя, если они есть, предпочитаются количественнымъ, такъ какъ они вообще не нуждаются, какъ мы это видѣли, въ постановкѣ при нихъ родового имени и, значитъ, даютъ возможность упростить оборотъ («изъ двадцати путниковъ вернулись семеро», «изъ пяти братьевъ осталось двое», и т. д.). Это дополнительное общее понятіе является въ русскомъ языкѣ и при обозначеніи первичнаго выдѣленія, если это выдѣленіе является предметомъ сужденія, т.-е. если между родовымъ именемъ, означающимъ цѣлое, и числомъ, означающимъ группу, мы находимъ сказуемое. Мы говоримъ: «гостей было десять человѣкъ», «овецъ было двадцать штукъ», «книгъ оказалось

двадцать экземпляровъ», и т. п.[1]). Въ латинскомъ языкѣ и въ этомъ случаѣ числительное остается безъ дополнительнаго общаго понятія (equites habebat sescentos—«шесть сотъ человѣкъ», peditum habebat tria milia, и т. д.).

Наконецъ, особо стоитъ тотъ случай, когда выдѣляемая группа представляется суммою нѣсколькихъ слагаемыхъ, когда выдѣленная часть родового понятія распадается на нѣсколько видовыхъ. Въ латинскомъ языкѣ при родовомъ имени, означающемъ цѣлое, встрѣчаемъ въ этомъ случаѣ рядъ другихъ именъ, обозначающихъ слагаемыя и стоящихъ въ томъ же падежѣ, въ какомъ стоитъ родовое имя. Мы встрѣчаемъ такія, напр., сочетанія: sociorum quadraginta milia peditum, quatuor milia equitum; naves ducentae quinqueremes, quinquaginta quadriremes, etc. Логическую роль этихъ дополнительныхъ именъ можно усмотрѣть изъ сопоставленія этихъ оборотовъ съ оборотами, возможными въ русскомъ языкѣ. Русскіе обороты: «союзниковъ было сорокъ тысячъ пѣхотинцевъ и четыре тысячи всадниковъ», «кораблей было двѣсти квинкверемъ и пятьдесятъ квадриремъ»,—мы назвали бы неправильными. И наоборотъ, по-русски совершенно правильно можно употребить здѣсь прилагательное: «союзниковъ было сорокъ тысячъ пѣшихъ и четыре тысячи конныхъ», «кораблей было двѣсти пятипалубныхъ» и т. п. И дѣйствительно, разлагая группу на слагаемыя, мы не получимъ новыхъ предметовъ съ новыми названіями; одно слагаемое можетъ отличаться отъ другого не чѣмъ инымъ, какъ только качествомъ предметовъ. Отсюда понятно, что отдѣльныя слагаемыя могутъ быть обозначаемы не существительными, а лишь прилагательными. Указанные выше латинскіе обороты потому только и оказались возможными, что употребленныя при нихъ дополнительныя имена (equites, pedites, quinqueremes, quadriremes и т. п.), если не прямо суть прилагательныя, то, по крайней мѣрѣ,

---

[1]) Появленіе дополнительнаго понятія не при сужденіи, а при наименованіи части цѣлаго нужно признать ненужнымъ плеоназмомъ („пять штукъ овецъ", „десять человѣкъ путешественниковъ").

играютъ ту же логическую роль, которая принадлежитъ прилагательнымъ, т.-е. означаютъ не новые предметы, а лишь новыя качества тѣхъ же предметовъ.

Доселѣ мы говорили о числительныхъ. Но количество можетъ быть обозначено и другими частями рѣчи. Слова, замѣняющія числительное, можно распредѣлить по тремъ разрядамъ. Къ первому разряду относятся имена, производныя отъ числительныхъ; они означаютъ, подобно числительнымъ, количество точно опредѣленное (decuria, centuria, «пара», «тройка», «десятокъ», «дюжина», «сотня» и т. п.). Второй разрядъ составляютъ имена, занимающія середину между опредѣленнымъ обозначеніемъ числа и неопредѣленнымъ. Сюда относятся такія существительныя, какъ: legio, cohors, turma, «полкъ», «рота», «отдѣленіе» и т. п. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ слова эти могутъ обозначать совершенно точное количество предметовъ; но эта точность есть нѣчто условное и необязательно связана съ нашимъ представленіемъ о полкѣ или легіонѣ: мы можемъ говорить и мыслить о «легіонѣ» и въ то же время не знать точнаго количественнаго состава этой группы. Къ третьему разряду относятся слова, означающія количество неопредѣленное. Ихъ можно раздѣлить на три группы: 1) имена существительныя,—multitudo, grex, copia, frequentia, pars, turba, vis, magnus numerus, «множество», «масса», «стадо», «стая», «пропасть», «горсть» и т. п.; 2) имена прилагательныя,— multi, pauci, complures, plerique, «многіе», «немногіе»; 3) нарѣчія,—partim, nimis, satis, affatim, «много», «мало», «достаточно» и т. п. Всѣ эти неопредѣленныя обозначенія количества сводятся къ двумъ основнымъ понятіямъ—къ понятію о многомъ и о немногомъ. Нагляднѣе и проще всего эти понятія означаются прилагательными. Эти прилагательныя допускаютъ при себѣ всѣ три конструкціи и вообще вполнѣ подчиняются той схемѣ, которая установлена нами для количественныхъ числительныхъ. Первичное выдѣленіе обозначается согласованіемъ, вторичное—въ русскомъ языкѣ предложнымъ управленіемъ, а въ латинскомъ род. раздѣлительнымъ или пред-

ложнымъ управленіемъ [1]). Всѣ остальныя слова всѣхъ трехъ разрядовъ и въ русскомъ и въ латинскомъ языкѣ соединяются исключительно съ род. раздѣлительнымъ.

Изъ перечисленныхъ нами группъ нарѣчія: nimis, satis, affatim и др., въ школьныхъ грамматикахъ обыкновенно относятся къ словамъ, требующимъ gen. generis. И дѣйствительно, gen. generis встрѣчается при нихъ гораздо чаще, а такія обороты: какъ, satis virorum, affatim hominum, являются исключительными и обыкновенно замѣняются выраженіями болѣе наглядными (satis multi). Что касается существительныхъ, то грамматики иной разъ упоминаютъ,

---

1) Въ школьныхъ грамматикахъ слова multi и pauci даютъ поводъ къ составленію цѣлой массы правилъ и самыхъ неожиданныхъ „примѣчаній". Напр., часто встрѣчается замѣчаніе, что gen. partitivus „мало употребителенъ" при словахъ multi и pauci, — и въ доказательство этого латинская фраза, заключающая въ себѣ согласованіе, переводится съ помощью нарѣчія „много" или „мало", т.-е. при переводѣ берется совершенно уже другая часть рѣчи, требующая другихъ оборотовъ. Межъ тѣмъ стоитъ перевести фразу точнѣе, — и она не будетъ уже ничего доказывать. Въ русскомъ языкѣ род. раздѣлительный встрѣчаемъ чаще, но это только потому, что въ русскомъ языкѣ рядомъ съ прилагательными: „многіе" и „немногіе", есть для этихъ понятій и другой эквивалентъ — нарѣчія „много" и „мало", всегда требующія род. падежа. Всѣ случаи, гдѣ латинское multi или pauci переводится въ русскомъ языкѣ о б я з а т е л ь н о нарѣчіемъ, объясняются тѣмъ обстоятельствомъ, что прилагательныя „многіе" и „немногіе" не могутъ быть сказуемыми или вообще употребляться предикативно. Выраженіе: virtutis compotes pauci, мы переводимъ съ помощью согласованія: „немногіе добродѣтельные люди". Но если pauci дѣлается сказуемымъ, въ русскомъ языкѣ необходимо взять нарѣчіе, — и на сцену является другой совершенно оборотъ (virtutis compotes pauci sunt = людей добродѣтельныхъ немного). То же бываетъ и при личномъ мѣстоименіи. Слова „многіе", „немногіе" не употребляются предикативно, нельзя сказать: „мы многіе", „вы немногіе", — прилагательное нужно замѣнить нарѣчіемъ, получаются обороты: „насъ много", „васъ мало" (multi sumus, pauci estis). Такимъ образомъ появленіе въ русскомъ оборотѣ род. раздѣлительнаго объясняется совершенно посторонней причиной, а не тѣмъ, что въ латинскомъ род. раздѣлительный „мало употребителенъ", а въ русскомъ очень употребителенъ. Но предикативнаго значенія можно избѣжать и другимъ путемъ: предикативное „многіе" и „немногіе" можно превратить въ подлежащее и вмѣсто: „вы многіе", сказать: „многіе изъ васъ" (multi errare videmini = многіе изъ васъ, очевидно, ошибаются). Замѣна такъ легко объясняется, а между тѣмъ грамматики придумываютъ для этого случая особыя правила, совершенно невразумительныя и ничѣмъ не мотивированныя.

что gen. partitivus ставится и при «существительныхъ». Но подъ этой совершенно неопредѣленной рубрикою обыкновенно фигурируетъ излюбленное ими слово pars и при томъ въ такихъ сочетаніяхъ, какъ: pars Asiae, pars Europae, не имѣющихъ никакого отношенія къ категоріи gen. partitivus. О существительныхъ, означающихъ количество, грамматики обыкновенно умалчиваютъ при обозрѣніи различныхъ категорій род. падежа; иногда же относящіеся сюда примѣры мы находимъ подъ рубрикою gen. possessivus,—какъ будто выраженія: multitudo hominum, grex ovium, означаютъ, что «множество» принадлежитъ людямъ, что стадо овецъ принадлежитъ самимъ же овцамъ, а не ихъ хозяину.

Доселѣ мы говорили о томъ выдѣленіи части изъ родового цѣлаго, которое основано на исчисленіи объема понятій. Но при выдѣленіи, какъ мы видѣли, можно основываться и на содержаніи понятія, т.-е. на его признакахъ. Наименованія второго типа, обозначающія часть понятія, составляются лишь тогда, когда выдѣляемая группа не можетъ превратиться въ самостоятельное видовое понятіе, т.-е. когда она не имѣетъ особыхъ общихъ признаковъ, которые принадлежали бы всѣмъ предметамъ группы и не принадлежали бы ни одному изъ остальныхъ предметовъ даннаго рода. Спрашивается, какимъ же образомъ можно при выдѣленіи основываться на признакахъ, если предметы, составляющіе группу, не имѣютъ ни одного общаго признака, который отличалъ бы эту группу отъ остальныхъ предметовъ даннаго рода. Дилемма эта разрѣшается слѣдующимъ образомъ: за неимѣніемъ признаковъ, спеціально принадлежащихъ группѣ и при томъ только ей, мы беремъ такой признакъ, который принадлежитъ группѣ по преимуществу, который, хотя встрѣчается и въ остальныхъ предметахъ даннаго рода, но группѣ принадлежитъ въ большей степени, сильнѣе проявляется въ ней, чѣмъ въ остальныхъ предметахъ, лежащихъ внѣ группы. Выдѣленіе это производится при помощи превосходной и сравнительной степени прилагательныхъ. Оно по необходимости бываетъ лишь приблизительнымъ. Когда на основаніи признака храбрости мы обозначаемъ извѣстную

группу наименованіемъ fortissimi Belgarum, то это не значитъ, что мы выдѣлили опредѣленное число членовъ: размѣры выдѣляемой группы по необходимости остаются неопредѣленными, потому что степени качества не поддаются точному измѣренію и могутъ быть различаемы только при самомъ крупномъ масштабѣ. При такомъ выдѣленіи различаются въ сущности только три степени: болѣе храбрые выдѣляются изъ массы менѣе храбрыхъ и нехрабрыхъ.

Выдѣляемая группа и здѣсь можетъ быть обозначаема всѣми тремя видами описательныхъ наименованій второго типа. Наиболѣе употребительной все-таки конструкціей бываетъ въ латинскомъ языкѣ род. раздѣлительный, а въ русскомъ предложное управленіе. Согласованіе примѣняется значительно рѣже, потому что при немъ, такъ сказать, затемняется самый процессъ выдѣленія. При согласованіи оставшаяся часть родового цѣлаго игнорируется, а межъ тѣмъ здѣсь весь процессъ выдѣленія долженъ быть основанъ на противоположеніи выдѣляемой группы и оставшейся части. Разъ все выдѣленіе основано на сравненіи выдѣляемой группы съ оставшеюся частью, то, очевидно, игнорировать эту оставшуюся часть значитъ уничтожить самую возможность сравненія. При игнорированіи оставшейся части и самая превосходная степень теряетъ свое raison d'être. И дѣйствительно, въ подобныхъ случаяхъ мы склонны превосходную степень замѣнить положительною и, значитъ, перейти къ наименованію совершенно иного типа. Читая, напр., фразы: «прилежнѣйшіе ученики хорошо готовятъ уроки», «добродѣтельнѣйшіе люди всегда помогаютъ ближнему», мы чувствуемъ, что превосходная степень здѣсь является чѣмъ-то излишнимъ, что мысль не измѣнится, если мы употребимъ положительную степень: «прилежные ученики», «добродѣтельные люди». Кромѣ того, мы избѣгаемъ согласованія для того, чтобы превосходную степень, употребленную для выдѣленія части изъ родового цѣлаго, не смѣшать съ предикативною превосходною степенью или съ тою, которая въ грамматикахъ обозначается терминомъ

gradus elativus [1]). Предложное управленіе латинскій языкъ употребляетъ тогда, когда требуется рѣзко разграничить выдѣляемые предметы и оставшуюся часть. Это бываетъ преимущественно тамъ, гдѣ изъ цѣлаго рода мы выбираемъ только одинъ предметъ. Кромѣ того, предложное управленіе, какъ мы это видѣли и при числительныхъ, необходимо въ томъ случаѣ, если при вторичномъ выдѣленіи бо́льшая группа обозначается съ помощью числительнаго (de tribus et decem fundis nobilissimi, de tribus hoc extremum est, и т. п.). Въ русскомъ языкѣ при выдѣленіи части не можетъ употребляться описательная превосходная степень, составленная съ помощью нарѣчій «очень» и «весьма» (gradus elativus). Латинскій род. раздѣлительный здѣсь всегда замѣняется предложнымъ управленіемъ. У старинныхъ писателей мы встрѣчаемъ при превосходной степени и род. падежъ безъ предлога; напр., у Ломоносова читаемъ: «токъ—счастливѣйшій всѣхъ водъ земныхъ»; даже у Гоголя встрѣчаемъ подобные примѣры: «русскій языкъ—полнѣйшій и богатѣйшій всѣхъ европейскихъ языковъ» (Выбр. мѣста изъ переп. съ друзьями). Но этотъ род. не есть точный эквивалентъ латинскаго gen. partitivus. Русская превосходная степень съ окончаніями «ѣйшій», «айшій» образовалась, какъ это видно изъ церковно-славянскихъ формъ, изъ сравнительной степени. Въ приведенныхъ оборотахъ формы съ окончаніями «ѣйшій», въ качествѣ историческаго переживанія, играютъ роль сравнительной степени, и стоящій при нихъ род. падежъ есть род. сравнительный, соотвѣтствующій латинскому ablativus comparativus. Онъ можетъ встрѣтиться даже въ формѣ ед. числа,—напр., у Жуковскаго (въ переводѣ Одиссеи, IX, 537) читаемъ: «огромнѣйшій перваго камень схватилъ».

Точно такое же совмѣщеніе степеней въ рѣдкихъ случаяхъ, и при томъ у позднѣйшихъ писателей, можно встрѣ-

---

[1]) Иногда мы избѣгаемъ согласованія и по другимъ причинамъ, напр., потому, что латинскій языкъ не терпитъ при именахъ собственныхъ опредѣленій, выраженныхъ качественнымъ прилагательнымъ.

тить и въ латинскомъ языкѣ. Мы находимъ, напр., такіе обороты: hi ceterorum Brittanorum fugacissimi (Tac., *Agr.*, 34); omnium ante se genitorum diligentissimus (Plin., *H. n.*, 25), и т. п. Прибавленіе словъ: ceterorum, ante se, ведетъ къ тому, что род. п. означаетъ уже не цѣлое, а лишь оставшуюся, за вычетомъ группы, часть этого цѣлаго. Такимъ образомъ можно обозначать не выборъ предметовъ по степени качества, а лишь сравненіе одной группы съ другою. И дѣйствительно, этотъ род. явился, очевидно, въ подражаніе греческимъ оборотамъ, по аналогіи съ имѣющимся въ греческомъ языкѣ gen. comparativus.

Составленный для обозначенія выдѣляемой изъ родового цѣлаго части, разбираемый нами оборотъ особенно легко дѣлается сказуемымъ сужденія: наименованіе, основанное *на обозначеніи свойствъ выдѣляемой группы, само легко дѣлается* средствомъ для обозначенія свойства предметовъ. Сужденіе: Aristides fuit iustissimus Atheniensium, представляетъ собою, строго говоря, лишь уравненіе двухъ наименованій, которымъ соотвѣтствуютъ два сравниваемыхъ понятія: Aristides и iustissimus Atheniensium. Но мы, по своей привычкѣ къ обычной роли прилагательныхъ, въ словахъ: iustissimus Atheniensium, уже не видимъ отдѣльнаго наименованія и считаемъ прилагательное простымъ обозначеніемъ свойства, приписываемаго субъекту, не замѣчая того, что согласованіе словъ: Aristides и iustissimus въ родѣ есть результатъ случайнаго совпаденія формъ, такъ какъ грамматическій родъ слова iustissimus опредѣляется въ сущности именемъ Athenienses. Грамматическій родъ субъекта можетъ, конечно, и не совпадать съ грамматическимъ родомъ родового имени и прилагательнаго: servitus *postremum* malorum (Cic., *Phil.*, 2, 44); mors erat ante oculos, *minimum* tamen illa malorum (Ov., *Met.*, 14, 202); *velocissimum* omnium animalium est delphinus, и т. п. Въ такихъ случаяхъ основная логическая роль разбираемаго нами наименованія совершенно очевидна; мы тутъ ясно видимъ, что подобное сужденіе есть уравненіе двухъ понятій, что описательнымъ оборотомъ означается не простое свойство

субъекта, а новое понятіе, сопоставляемое съ субъектомъ. Впрочемъ, языкъ иногда стремится уничтожить это различіе въ грамматическомъ родѣ и роль описательнаго наименованія свести къ простой роли сказуемаго-прилагательнаго, означающаго свойство субъекта; получаются обороты: Indus est omnium fluminum maximus, amnis omnium fluminum transitu difficillimus и др. Приравнявшись къ обыкновенному сказуемому прилагательному, превосходная степень въ данномъ сочетаніи стала, наконецъ, употребляться и въ формѣ нарѣчія: civitas longe plurimum totius Galliae equitatu valet (Caes., *B. G.*, 5, 3); Caesarem omnium fere oratorum Latine loqui elegantissime iudico (Cic., *Br.*, 20) и т. п. Въ русскомъ языкѣ соотвѣтственный оборотъ не подвергался такимъ превращеніямъ, и подобныя фразы не могутъ быть переведены съ помощью превосходной степени.

Кромѣ превосходной, выдѣленіе, основанное на признакахъ, выражается, какъ мы сказали, и сравнительною степенью. Школьныя грамматики совершенно не выясняютъ этого случая. Ученикъ, привыкшій ставить послѣ сравнительной степени твор. падежъ, съ недоумѣніемъ встрѣчаетъ правило, что gen. partitivus ставится послѣ сравнительной степени; но грамматики не выясняютъ разницы между этими оборотами и не помогаютъ примирить данное ими опредѣленіе категоріи gen. partitivus съ тѣмъ понятіемъ, которое ученикъ имѣетъ о сравнительной степени. Сравнительная степень служитъ для сопоставленія двухъ предметовъ по степени качества. Въ разбираемомъ нами оборотѣ сопоставляются по качеству не часть съ цѣлымъ, а часть съ частью, выдѣляемая часть съ оставшеюся. Прибѣгая къ превосходной степени, мы изъ цѣлаго выбирали предметы, въ которыхъ данное качество всего сильнѣе проявилось; при употребленіи сравнительной степени мы цѣлое дѣлимъ на двѣ всего половины, равныя или неравныя, и эти половины сопоставляемъ по степени качества. Иногда сравнительная степень необходима и не можетъ быть замѣнена превосходною: если цѣлое состоитъ изъ двухъ всего

предметовъ, то процессъ выдѣленія необходимо сводится лишь къ сравненію одного предмета съ другимъ, оставшимся, и здѣсь умѣстна только сравнительная степень. Обороты: maior fratrum, minor Baliarium и др., основаны на представленіи о двухъ братьяхъ, о двухъ островахъ и т. д.

Въ русскомъ языкѣ вмѣсто латинскаго gen. partitivus при сравнительной степени мы неизмѣнно встрѣчаемъ предложное управленіе. Род. пад., возможный при русской сравнительной степени, имѣетъ совершенно иное значеніе. Разница между этимъ род. и тѣмъ род., который мы находимъ при предложномъ управленіи, настолько значительна и такъ рѣзко проведена въ языкѣ, что, гдѣ возможна одна конструкція, тамъ невозможна другая. Съ синтаксической точки зрѣнія въ русскомъ языкѣ нужно различать два различные вида сравнительной степени—измѣняемую и неизмѣняемую. Къ первому виду принадлежатъ формы, образованныя съ помощью окончаній: *ѣе, е;* второй видъ составляютъ описательная степень и немногія формы съ окончаніемъ «*шій*», которыя, подобно описательной степени, измѣняются по родамъ, числамъ и падежамъ. Первый видъ употребляется въ роли сказуемаго, второй—при наименованіи предметовъ и, между прочимъ, при наименованіи части родового цѣлаго. Род. п. безъ предлога возможенъ только при первомъ видѣ, род. съ предлогомъ—только при второмъ видѣ [1]). Говорятъ: «сильнѣе братьевъ», «болѣе силь-

---

[1]) Школьные пріемы изученія степеней сравненія отличаются крайней непослѣдовательностью. Въ трехъ младшихъ классахъ гимназіи главу о степеняхъ сравненія ученикъ изучаетъ въ четырехъ грамматикахъ четырехъ различныхъ языковъ и наталкивается на столько же различныхъ системъ изложенія, хотя въ дѣйствительности степени сравненія, основанныя на одинаковомъ логическомъ процессѣ, подчинены во всѣхъ этихъ языкахъ однимъ и тѣмъ же законамъ и сводятся къ одинаковымъ типамъ по своему выраженію. Возьмемъ, напр., сравнительную степень. Наиболѣе обширное опредѣленіе ея дается во французскихъ грамматикахъ, которыя учатъ, что сравнительная степень „выражается прибавленіемъ къ прилагательному нарѣчій: plus, moins, aussi". Это опредѣленіе вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе вѣрное: оно обнимаетъ всѣ три логически возможные случая, возникающіе при сравненіи двухъ предметовъ по качеству. Въ грамматикахъ другихъ языковъ ученикъ находитъ уже всего одинъ изъ

ный изъ братьевъ», но нельзя сказать: «сильнѣе изъ братьевъ», «болѣе сильный братьевъ».

Чтобы покончить съ степенями сравненія, мы должны, наконецъ, упомянуть о тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда выдѣленіе, основанное на сравненіи, у латинскихъ поэтовъ и позднѣйшихъ писателей обозначается не сравнительною или превосходною степенью, а положительною. Въ этой формѣ могутъ появиться только такія прилагательныя, которыя или уже сами по себѣ, помимо степеней сравненія, означаютъ превосходную степень качества (delecti militum—лучшіе изъ солдатъ, veteres ducum—«старшіе», у поэтовъ даже: sancte deorum, magna dearum), или же принадлежатъ къ понятіямъ соотносительнымъ, парнымъ (expediti militum, leves cohortium). Понятія эти имѣютъ ту особенность, что появленіе одного изъ нихъ въ сознаніи необходимо вызываетъ и другое, противоположное: обозначеніе выдѣляемой части однимъ изъ нихъ всегда предполагаетъ, что есть и другая часть цѣлаго, обладающая свойствомъ противоположнымъ.

При выдѣленіи части можно опираться только или на объемъ понятія или на содержаніе. Наименованія, основанныя на исчисленіи объема, составляются при помощи числительныхъ и словъ, означающихъ число; наименованія, основанныя на содержаніи, составляются съ помощью степеней сравненія. Но у насъ остался еще одинъ разрядъ словъ, пригодныхъ для обозначенія выдѣляемой части,—мы говоримъ о мѣстоименіяхъ. Мѣстоименія не составляютъ уже самостоятельной группы наименованій; они цѣликомъ распредѣляются между двумя разобранными выше группами,

---

этихъ трехъ случаевъ: о меньшей и равной степени эти учебники уже не упоминаютъ. Но, ограничиваясь однимъ случаемъ, они и въ этихъ предѣлахъ не остаются согласными между собою. Латинскія грамматики вскользь упоминаютъ объ описательныхъ степеняхъ сравненія, но греческія и русскія игнорируютъ эту форму выраженія, хотя, напр., въ русскомъ языкѣ она употребляется такъ же часто и даже чаще, чѣмъ другая форма, неописательная. Сопоставляя величины несходныя, ученикъ изъ такой постановки дѣла выноситъ ложное убѣжденіе, что латинская сравнительная степень измѣняется по родамъ, числамъ и падежамъ, а русская не измѣняется.

такъ какъ мѣстоименіе не играетъ въ языкѣ самостоятельной роли при наименованіи предметовъ, а лишь служитъ замѣною другого имени. Для обозначенія части родового цѣлаго пригодны только тѣ мѣстоименія, которыя по значенію тождественны съ перечисленными выше именами, употребляемыми для обозначенія выдѣляемой группы; иначе говоря, такое мѣстоименіе должно замѣнять слова, означающія количество или измѣряемое по степенямъ качество. Для этой цѣли непригодны, напр., мѣстоименія личныя, возвратныя или опредѣлительное мѣстоименіе ipse «самъ», такъ какъ они замѣняютъ цѣлое, уже составленное названіе предмета; непригодны мѣстоименія притяжательныя или слово «чей», потому что принадлежность не можетъ быть измѣряема по степенямъ; непригодно мѣстоименіе «весь», потому что значеніе его несовмѣстимо съ представленіемъ о части, и т. д. Если взять даже два столь сходныхъ мѣстоименія, какъ «тотъ» и «этотъ», и тутъ одно окажется пригоднымъ для нашей цѣли, другое непригоднымъ[1]). Постоянно пользуясь оборотомъ: «тѣ изъ гражданъ», мы, однако, не говоримъ: «эти изъ гражданъ», потому что мѣстоименіе «этотъ» указываетъ на такой предметъ, который у насъ передъ глазами и, значитъ, опредѣлился уже для насъ въ качествѣ самостоятельнаго цѣлаго. Мѣстоименія, пригодныя для обозначенія части, можно распредѣлить по слѣдующимъ отдѣламъ: 1) указательныя—hic, is, ille, «тотъ»; 2) вопросительныя и относительныя—quis, qui, uter, quotus, «кто», «какой», «который»; 3) опредѣлительныя—quisque, quicunque, quotusquisque, uterque, alius, alter, «всякій», «каждый», «любой» и др.; 4) неопредѣленныя—aliquis, aliqui, quidam, quisquam, ullus, nonnullus, «кто-нибудь» и друг.; 5) отрицательныя—nemo, nihil, nullus, neuter, «никто», «ни одинъ» и др.; наконецъ, сюда принадлежатъ слова: quot, tot, aliquot, «сколько», «столько», «нѣсколько». Три ла-

---

[1]) Этого нельзя сказать о латинскомъ hic, потому что это слово имѣетъ болѣе обширное значеніе, чѣмъ русское „этотъ"; оно можетъ указывать также на качество (это мы видимъ, напр., при ut consecutivum) или даже на количество.

тинскихъ слова по своимъ грамматическимъ функціямъ и логической роли совершенно сходны съ такими несклоняемыми числительными, какъ: quattuor, decem и др., а соотвѣтствующія имъ русскія слова суть мѣстоименныя нарѣчія и по употребленію совершенно сходны съ тѣми нарѣчіями, которыя указаны нами при обзорѣ словъ, означающихъ число. Перечисленныя мѣстоименія замѣняютъ собою то обозначеніе числа, то обозначеніе качества. Нѣкоторыя однако мѣстоименія могутъ играть попеременно то ту, то другую роль; напр., слово «который» соотвѣтствуютъ и латинскому qui и латинскому quotus; мѣстоименія: qui, is и нѣкоторыя другія, то означаютъ свойства, то—въ формѣ средняго рода—количество (navium, quod ubique erat, Caes., *B. G.*, 3, 16; id hostium, Liv., 24, 4), и т. д. Наконецъ, мѣстоименія, отмѣчаемыя въ латинскихъ грамматикахъ терминомъ pronomina substantiva, обѣ эти роли выполняютъ одновременно, въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ. Они указываютъ и на то, что мы изъ цѣлаго выдѣляемъ одинъ всего предметъ или только нѣсколько предметовъ, и на то, что выдѣляемые предметы обладаютъ нѣкоторыми признаками. Мѣстоименія эти отличаются отъ остальныхъ тѣмъ, что не допускаютъ при себѣ согласованія. Особенность эта объясняется значеніемъ ихъ. Согласованіе возможно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда опредѣляющимъ словомъ указывается или свойство или количественный составъ предмета; но эти мѣстоименія заключаютъ въ себѣ нѣчто большее: они указываютъ, что мы разумѣемъ подъ ними предметы съ цѣлымъ рядомъ свойствъ, а иногда указываютъ даже и на то, что подразумѣваемый предметъ есть лицо (quis, aliquis, «кто») или вещь (quid, aliquid, «что»). Впрочемъ, этотъ логически невозможный оборотъ часто можно замѣнить другимъ, равносильнымъ ему оборотомъ, заключающимъ согласованіе,—для этого стоитъ только pronomina substantiva замѣнить соотвѣтствующими pronomina adiectiva (nemo hominum = nullus homo, «кто изъ людей» = «какой человѣкъ» и т. д.). *Предложное управленіе при перечисленныхъ нами*

латинскихъ мѣстоименіяхъ встрѣчается сравнительно рѣдко и опять обыкновенно тамъ, гдѣ часть рѣзко противополагается цѣлому,—гдѣ, напр., одно количество противополагается другому количеству. Въ русскомъ языкѣ gen. partitivus всегда замѣняется предложнымъ управленіемъ, хотя опять въ церковно-славянскомъ языкѣ часто употреблялся и простой род. раздѣлительный.

Мы окончили осужденіе вопроса. Статью мы озаглавили: «gen. partitivus». Но изъ всѣхъ предыдущихъ разсужденій видно, что мы еще съ бо́льшимъ правомъ могли бы озаглавить ее словами: gen. generis. Вся сущность разобранный нами категоріи и заключается въ томъ, что род. падежомъ здѣсь обозначается родъ. Эту именно категорію и слѣдовало бы обозначать терминомъ gen. generis, а не ту, которая извѣстна подъ этимъ именемъ въ латинскихъ грамматикахъ и при которой мы имѣемъ дѣло не съ родовымъ понятіемъ, въ собственномъ смыслѣ, а съ понятіями вещественными.

Методологическія наблюденія изъ области латинской этимологіи.

I. Залогъ.

Въ русскомъ языкѣ насчитываютъ пять залоговъ или даже шесть; шестымъ считаютъ «общій» залогъ. Опредѣляя залоги по смыслу, къ общему залогу грамматики относятъ тѣ глаголы, которые не относятся ни къ одному изъ остальныхъ залоговъ. Такимъ образомъ опредѣленіе общаго залога чисто отрицательное, терминомъ «общій» ничего не обобщается. Распредѣливши глаголы «общаго» залога по другимъ залогамъ, мы получаемъ 5 залоговъ, соотвѣтственныхъ пяти различнымъ комбинаціямъ между субъектомъ и объектомъ: действительный, страдательный, средній, возвратный и взаимный. Въ латинскомъ же языкѣ мы имѣемъ только два залога: действительный и страдательный. Сравнивая русскіе и латинскіе глаголы, мы видимъ, что залоги обоихъ языковъ не только не совпадаютъ другъ съ другомъ, но что между ними даже нѣтъ какъ будто никакой связи. Всякій русскій залогъ можетъ соотвѣтствовать въ латинскомъ языкѣ то дѣйствительному, то страдательному; и, наоборотъ, латинскій дѣйствительный и латинскій страдательный можетъ соотвѣтствовать любому изъ 5 русскихъ залоговъ. Вотъ примѣры: люблю, дѣлю (дѣйств.) = amo (дѣйств.), partior (страд.); я открытъ, я любимъ (страд.) = pateo (дѣйств.), amor (страд.); иду (средн.) = eo (д.), gradior (стр.); учусь, забавляюсь (возвр.) = disco (д.), delector (стр.); сражаюсь, соглашаюсь (взаимн.) = pugno (д.), assentior (страд.). Что же это значитъ? Вѣдь залогъ опредѣляется по смыслу глагола, а глаголы русскаго и латинскаго языковъ, означающіе одно и то же понятіе, указывающіе на одно и то же дѣйствіе или состояніе, должны имѣть одинъ и

тотъ же смыслъ и, значитъ, относиться къ одному и тому же залогу. Какъ же выпутаться изъ этого вопіющаго противорѣчія?

Языкъ, какъ одно органическое цѣлое, есть совокупность понятій, выработанныхъ народомъ и выраженныхъ членораздѣльными звуками. Совокупность понятій обусловлена совокупностью предметовъ, фактовъ и явленій, доступныхъ сознанію. Въ мірѣ наука различаетъ матерію и силу. Понятія можно раздѣлить на двѣ группы: одни обусловлены познаніемъ матеріи, другія — силы. Если объектомъ мышленія является матерія, то соотвѣтственныя понятія обозначаются именами существительными (неотглагольными); если объектомъ мышленія является сила, то соотвѣтственныя понятія обозначаются глаголами и отглагольными именами. Въ области матеріи каждый предметъ мыслится въ одиночку, въ области силы въ каждомъ актѣ мышленія два элемента: сила есть взаимодѣйствіе[1]) двухъ элементовъ, предыдущаго и послѣдующаго, причины и слѣдствія. Глаголъ есть выраженіе понятія о взаимодѣйствіи двухъ элементовъ, въ глаголѣ мыслится перемѣна, движеніе, причинность. Глаголъ не мыслимъ безъ двухъ элементовъ, такъ какъ взаимодѣйствіе не мыслимо въ отношеніи къ одному только предмету. Понятіе о залогѣ есть только дальнѣйшее логическое развитіе понятія о глаголѣ. Различными отношеніями двухъ элементовъ опредѣляются различные залоги.

Если наше мышленіе устремляется преимущественно на предыдущій элементъ, на причину, такой глаголъ мы относимъ къ дѣйствительному залогу; если мышленіе останавливается болѣе на послѣдующемъ элементѣ, на слѣдствіи, то глаголъ относится къ страдательному залогу. Взаимодѣйствіе можетъ быть не только между отдѣльными предметами, но и въ средѣ одного предмета. Всякое понятіе о предметѣ можно разсматривать со стороны объема и содержанія: въ первомъ случаѣ понятіе расчленяется на еди-

---

[1]) Взаимодѣйствіемъ здѣсь мы называемъ не перекрестное дѣйствіе перваго предмета на второй и второго на первый, а просто дѣйствіе одного предмета на другой.

ничные предметы, во второмъ на признаки. Съ другой стороны, и всякій единичный предметъ имѣетъ части и свойства. И вотъ, когда дѣйствіе происходитъ въ средѣ одного предмета между частями и свойствами одного предмета, то получается средній залогъ. «Цвѣсти», «пахнуть», «сохнуть», «расти»,—всѣ эти слова указываютъ на взаимодѣйствіе элементовъ, при чемъ элементы эти входятъ въ составъ одного предмета (цвѣтка). Словами: «хочу», «плачу», «сижу», «бѣгаю», я тоже указываю на проявленіе силы, на взаимодѣйствіе элементовъ: эти элементы суть части моего тѣлеснаго организма или моего духовнаго «я». Такимъ образомъ и средній залогъ, какъ всякій другой, указываетъ на взаимодѣйствіе, но послѣднее здѣсь не выходитъ за предѣлы предмета.

Всякій глаголъ, выражая понятіе о силѣ, означаетъ дѣйствіе; а состояніемъ мы называемъ дѣйствіе въ средѣ одного предмета, особенно если самые элементы, производящіе дѣйствіе, не достаточно очевидны для насъ.

Тремя указанными залогами исчерпывается всякое понятіе о проявленіи силы: всякій глаголъ обязательно относится къ одному изъ этихъ трехъ залоговъ. Такъ какъ эта группировка логическая, а не формальная, то, очевидно, и русскіе и латинскіе глаголы должны распредѣляться по этимъ тремъ залогамъ. Итакъ въ русскомъ языкѣ изъ пяти принятыхъ грамматиками залоговъ два — возвратный и взаимный — оказываются излишними, а въ латинскомъ къ дѣйствительному и страдательному необходимо еще присоединить средній.

Что касается русскаго возвратнаго и взаимнаго залога, то этотъ излишекъ произошелъ отъ ошибочной постановки видовыхъ понятій на одномъ ряду съ родовымъ, въ которое входятъ эти видовыя. Возвратный и взаимный залоги это только видоизмѣненіе трехъ логически необходимыхъ залоговъ. Грамматическое опредѣленіе возвратнаго залога («онъ показываетъ, что дѣйствіе переходитъ на самый дѣйствующій предметъ») есть только повтореніе даннаго нами опредѣленія средняго залога. Въ самомъ дѣлѣ, «мыться»

значитъ рукою мыть руку, голову и т. д., «приближаться» значитъ съ помощью ногъ передвигать свое тѣло, «беречься» значитъ руками прикрывать свое тѣло или съ помощью ногъ отодвигать его, и т. д., — вездѣ мы видимъ взаимодѣйствіе между частями одного предмета. Всякій глаголъ возвратнаго залога подходитъ подъ логическую категорію средняго. Но, съ другой стороны, всякій глаголъ возвратнаго залога состоитъ изъ двухъ словъ: глагола и мѣстонія. Если брать глаголъ безъ мѣстоименія, то онъ всегда принадлежитъ къ дѣйствительному залогу. Въ латинскомъ языкѣ глаголъ никогда не сливается съ мѣстоименіемъ (если не говорить о томъ древнѣйшемъ сліяніи, которое произвело личныя окончанія), поэтому нѣтъ возвратнаго залога, какъ особаго рода средняго залога. Русскій глаголъ возвратнаго залога въ латинскомъ языкѣ распадается на свои составныя части, такъ что становится глаголомъ дѣйствительнаго залога; считать же соединеніе двухъ частей рѣчи (defendo me) за одну часть, т.-е. за глаголъ возвратнаго залога, мы не имѣемъ никакого основанія.

Рядомъ съ возвратнымъ залогомъ въ русскомъ языкѣ есть сходная съ нимъ форма страдательнаго залога, именно страдательный залогъ, образованный съ помощью мѣстоименія «ся». Общее ихъ свойство — это возможность опущенія «ся» и происхожденіе отъ дѣйствительнаго залога, но по смыслу и по роли «ся» возвратный залогъ ничего не имѣетъ общаго съ страдательнымъ. Поэтому въ латинскомъ языкѣ ошибочно считать возвратными по залогу глаголы: angi, augeri, delectari, moveri, liberari и др. (указанные, напр., въ грамматикѣ Кесслера, § 131, пр.). Противно природѣ нарочно подвергать себя тревогѣ (angi), нарочно обманывать себя (не притворяться, а въ самомъ дѣлѣ и сознательно обманывать себя — falli). Ни одинъ русскій глаголъ возвратнаго залога не переводится страдательнымъ залогомъ. Всѣ же такія ошибки, какъ приписыванье глаголамъ lavari, ferri и др. возвратнаго значенія, происходятъ отъ ложнаго взгляда на свойства функціи залога. Полагаютъ, что залогъ есть функція, принадлежащая самому звуковому

сочетанію, называемому глаголомъ, безъ всякихъ отношеній къ другимъ словамъ, входящимъ въ составъ той же мысли или того же предложенія. На самомъ же дѣлѣ функція залога можетъ опредѣлиться единственно изъ взаимныхъ отношеній словъ, только въ синтаксическомъ соединеніи съ другими словами въ предложеніи; возьмемъ, напр., глаголъ «бить»: онъ можетъ относиться къ любому изъ пяти залоговъ (бить кого-нибудь — дѣйств., ручей бьетъ — средн., птица бьется по осени — стр., рыба бьется объ ледъ — возвр., враги жестоко бьются — взаимн.). Залогъ, собственно говоря, есть синтаксическая функція; рѣшить вопросъ о залогѣ даннаго глагола значитъ опредѣлить взаимныя отношенія членовъ предложенія: подлежащаго, сказуемаго, дополненія. Всѣ признаки для отличія залоговъ взяты изъ области синтаксиса (падежъ дополненія, значеніе и замѣна слова «ся» и др.).

Труднѣе всего найти въ латинскомъ языкѣ соотвѣтствующія формы для русскаго взаимнаго залога. Разберемъ сначала, что выражаетъ собою взаимный залогъ. Возьмемъ фразу: «солдатъ сражается съ врагомъ». Здѣсь можно различать 4 логическіе элемента: 1) солдатъ разитъ врага, 2) солдатъ подвергаетъ себя пораженію со стороны врага, 3) врагъ разитъ солдата, 4) врагъ подвергаетъ себя пораженію со стороны солдата. Посмотримъ на составъ глагола съ точки зрѣнія этихъ четырехъ элементовъ. Первая мысль (солдатъ разитъ врага) выражается дѣйствительнымъ глаголомъ «разить», входящимъ въ составъ взаимнаго «сражаться». Во всякомъ глаголѣ взаимнаго залога можно выдѣлить глаголъ дѣйствительнаго или средняго залога, отбросивъ другія составныя части, т.-е. приставку, выражающую взаимность, и конечное «ся». Нѣтъ ни одного взаимнаго глагола, который безъ прибавленія «ся» терялъ бы всякій смыслъ («бороться» съ опущеніемъ «ся» теряетъ полногласіе: «брать».). Второй логическій элементъ (солдатъ подвергаетъ себя пораженію) выражается мѣстоименіемъ «ся», обязательнымъ для взаимнаго залога. Только немногіе глаголы не имѣютъ «ся» (воевать, враждовать, разговари-

вать, бесѣдовать, спорить), но эти глаголы едва ли относятся къ взаимному залогу, такъ какъ вражда или споръ не всегда предполагаютъ взаимность, къ тому же эти глаголы чаще употребляются безотносительно, какъ средніе Третій логическій элементъ (врагъ разитъ солдата) выражается предлогомъ «съ» и твор. п., а иногда двумя способами сразу: дополненіемъ съ предлогомъ «съ» и приставками «съ» или «пере». Всякій взаимный залогъ требуетъ послѣ себя дополненія въ твор. п. съ предлогомъ «съ». Съ чисто логической точки зрѣнія это не дополненіе, а второе подлежащее. Изъ двухъ подлежащихъ одно ставится въ твор. съ предлогомъ «съ», — это обычный пріемъ въ русскомъ языкѣ (напр., Полканъ съ Барбосомъ грѣлись; я съ тобою пойдемъ завтра; братъ съ сестрою живутъ въ одномъ домѣ). При всякомъ взаимномъ залогѣ одно подлежащее стоитъ въ им. п., другое въ твор. съ предлогомъ «съ». При многихъ глаголахъ это «съ» ставится вторично передъ глаголомъ въ видѣ приставки; при другихъ глаголахъ берется въ видѣ приставки не «съ», а «пере» (перекликаться, перемигиваться, перемингаться и т. д.), но обѣихъ этихъ приставокъ сразу не ставится. Если «пере» прибавляется къ глаголу, который и безъ того уже былъ взаимнаго залога, то значеніе взаимности еще болѣе усиливается, получается взаимность не между двумя только лицами, а между многими или всѣми (перебраниться, перессориться, передружиться, перемириться, перебѣситься и т. п.). Четвертый логическій элементъ не выражается особымъ способомъ, но зато предлогъ «съ», указывая на второе подлежащее, тѣмъ самымъ приписываетъ ему не только дѣйствіе перваго подлежащаго, но и страданіе перваго подлежащаго: напр., выраженіе «съ врагомъ» указываетъ, что «врагъ» то же самое дѣлаетъ, что и солдатъ, т.-е. разитъ и терпитъ пораженіе.

Въ латинскомъ языкѣ не бываетъ прибавочнаго мѣстоименія въ концѣ глагола; а отъ этого происходитъ больше всего трудностей при передачѣ на латинскій языкъ русскаго взаимнаго залога. Второе логическое подлежащее въ ла-

тинскомъ языкѣ, хотя рѣже, чѣмъ въ русскомъ, но тоже выражается твор. п. съ предлогомъ cum (certare состязаться, спорить, бороться, luctari бороться, convenire, congruere соглашаться, deliberare совѣщаться, concurrere сталкиваться, discordare ссориться, rixari драться, agere переговариваться, confluere сливаться, стекаться и др.). Взаимность выражается указаніемъ двухъ дѣйствующихъ подлежащихъ, при чемъ предлогъ cum иногда для усиленія взаимности повторяется передъ глаголомъ. Въ русскомъ языкѣ предлогъ «съ» выражаетъ одинаково дружественную и непріязненную взаимность, а въ латинскомъ непріязненная взаимность выражается безразлично двумя предлогами cum и contra (adversus). Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ взаимность обозначается указаніемъ на два предмета, проявляющихъ одно и то же дѣйствіе. Но есть и такіе случаи, гдѣ латинскій глаголъ не имѣетъ дополненія въ твор. съ предлогомъ cum и все-таки переводится русскимъ взаимнымъ залогомъ. Здѣсь мы не имѣемъ права говорить о тождествѣ по значенію латинскаго и русскаго глагола, такъ какъ мы имѣемъ дѣло только съ синонимными выраженіями. Если мы discedere ab amicis переводимъ: «разставаться, разлучаться съ друзьями», то отсюда вовсе не слѣдуетъ, что discedere означаетъ взаимное дѣйствіе: взаимность получилась отъ неточнаго перевода, такъ какъ discedere значитъ «уходить». Переводя consulere Apollinem черезъ выраженіе: «совѣщаться съ Аполлономъ», мы и Аполлону приписываемъ то же дѣйствіе, которое совершали люди, вопрошавшіе оракулъ, чего, конечно, не было на самомъ дѣлѣ. Точно такъ же нельзя назвать взаимнымъ глаголъ convenire aliquem, хотя мы и переводимъ его: «видѣться съ кѣмъ-нибудь»: это не точное значеніе, а только синонимное. Русскій взаимный залогъ приходится иногда переводить не только синонимнымъ глаголомъ, но даже цѣлыми описательными выраженіями (напр., встрѣчаться — obviam ire, exire и т. д., дружиться amicum sibi reddere, мириться in gratiam redire, я вожусь съ кѣмъ нибудь mihi usus, consuetudo est cum aliquo, и т. д.).

Если бы мы стали судить о залогѣ латинскаго глагола не на основаніи точнаго значенія слова, а на основаніи тѣхъ синонимовъ, которые обыкновенно подбираются въ словаряхъ для перевода каждаго латинскаго слова, то мы никогда не пришли бы къ вѣрному результату. Если въ словарѣ при словѣ, наприм., increpare стоитъ значеніе «браниться», то мы ошиблись бы при опредѣленіи залога латинскаго глагола, если бы не посмотрѣли, въ какихъ соединеніяхъ допускается это слово: centurio milites increpat, — очевидно, центуріонъ бранилъ, а солдаты не бранили центуріона, поэтому increpare не относится къ глаголамъ, означающимъ взаимное дѣйствіе.

Доселѣ мы говорили только объ одномъ способѣ выраженія взаимнаго дѣйствія. Есть и другой, не менѣе употребительный. Такъ какъ твор. падежомъ съ предлогомъ «съ» выражается второе изъ взаимодѣйствующихъ подлежащихъ, то, очевидно, при взаимномъ залогѣ возможны три слѣдующія комбинаціи подлежащихъ: братъ встрѣчается съ сестрой, сестра встрѣчается съ братомъ, братъ и сестра встрѣчаются. Логической разницы между первой и второй комбинаціей нѣтъ. Выборъ имен. п. предпочтительно передъ твор. зависитъ отъ контекста: если въ предшествующемъ изложеніи говорилось о братѣ, то берется первая комбинація; если же въ предшествующихъ событіяхъ активнымъ лицомъ являлась сестра, если весь разсказъ идетъ о сестрѣ, то мы скорѣе возьмемъ выраженіе: «сестра встрѣтилась съ братомъ». Послѣдняя же комбинація безъ контекста не совсѣмъ понятна. Если мы говоримъ: «братъ и сестра встрѣтились», то здѣсь не видно еще, другъ съ другомъ они встрѣтились или оба, напр., съ отцомъ. Для того, чтобы отличить эти два случая, чтобы показать, что дѣйствіе происходитъ только между подлежащими, стоящими въ имен. п., прибавляются мѣстоименія: «другъ съ другомъ». Если нѣтъ твор. п. съ предлогомъ «съ», если изъ контекста не ясно, между сколькими именно лицами происходитъ взаимное дѣйствіе, то при двухъ подлежащихъ, стоящихъ въ им. п., всегда ставится взаимное мѣстоименіе. Это же мѣстоименіе

берется и тогда, когда нужно выразить взаимное дѣйствіе, а подходящаго глагола взаимнаго залога нѣтъ (братъ и сестра любятъ другъ друга). Прибавленіемъ взаимнаго мѣстоименія можно дать смыслъ взаимности любому глаголу дѣйствительнаго залога или средняго. Такимъ образомъ взаимность не есть свойство, присущее одному взаимному залогу; это логическая категорія, выражаемая многими способами и при томъ съ помощью разныхъ залоговъ. Объ этой именно логической категоріи, а не о взаимномъ залогѣ и идетъ рѣчь, когда грамматики говорятъ, что взаимность въ латинскомъ языкѣ выражается мѣстоименіями съ предлогомъ inter: inter se (nos, vos) тогда только и употребляется, когда названія обоихъ (или многихъ) дѣйствующихъ предметовъ стоятъ въ им. п., при чемъ все равно, берутся ли разнородные предметы, т.-е. два имени, или однородные, т.-е. одно имя во множ. ч. Прибавленіе inter se (nos, vos) придаетъ смыслъ взаимности, какъ и русское «другъ друга, другъ другу» и т. д., всякому глаголу. Иногда эту же взаимность означаютъ два стоящіе рядомъ, но различные падежа мѣстоименій alius или alter.

Доселѣ, говоря о залогѣ, мы говорили о смыслѣ глагола, понятіе о залогѣ связывали не съ звуковымъ сочетаніемъ, а съ значеніемъ слова, опредѣляемымъ изъ взаимнаго отношенія членовъ предложенія. Но залогомъ называютъ и еще что-то другое. Въ латинскомъ языкѣ мы встрѣчаемъ, наприм., явленіе очень странное въ отношеніи къ понятію о залогѣ. Мы говоримъ о такъ называемыхъ отложительныхъ глаголахъ. Это такіе глаголы, которые, по опредѣленію грамматикъ, «по формѣ страдательнаго залога,, а по значенію дѣйствительнаго». Съ точки зрѣнія понятія о залогахъ это явленіе логически нелѣпое: одному предмету нельзя приписывать два противоположные признака: одинъ глаголъ не можетъ въ одно и то же время относиться и къ дѣйствительному и къ страдательному залогу. Залогъ опредѣляется смысломъ. Прибавляя же ограниченіе «по формѣ», мы тѣмъ самымъ вовсе уничтожаемъ самый критерій, принятый нами для опредѣленія залога, говоримъ уже вовсе

не о залогѣ, а о другой вещи, качественно неоднородной съ принятыми нами понятіями дѣйств. и стр. залоговъ, такъ какъ въ ней нѣтъ самаго существеннаго признака понятія о залогѣ (того или иного значенія). Да и вторая половина опредѣленія отложительныхъ глаголовъ невѣрна. Blandior, cunctor, defetiscor, gradior, labor, loquor, mentior, morior, nitor, orior, nascor, paciscor, proficiscor и др., — неужели все это дѣйствительный залогъ по смыслу, а не средній? Опредѣленіе отложительныхъ глаголовъ основано на дѣленіи всѣхъ глаголовъ только на два залога — дѣйствительный и страдательный. При такой группировкѣ средніе глаголы отнесены къ дѣйствительному залогу. Но, очевидно, и это дѣленіе неправильно, потому что основано не на смыслѣ, а на формѣ, на томъ обстоятельствѣ, что всякій латинскій глаголъ имѣетъ одну изъ двухъ формъ (наприм., въ наст. изъяв. н. 1 л.: o и or) или обѣ вмѣстѣ. Помимо отложительныхъ въ латинскомъ языкѣ есть глаголы, тоже какъ бы совмѣщающіе въ одномъ словѣ два противоположныхъ залога, но только въ обратномъ порядкѣ: fio, veneo, vapulo, pateo и др. по значенію относятся къ страд. залогу, а по формѣ не могутъ относиться. На почвѣ русскаго языка мы тоже на каждомъ шагу видимъ разницу и даже противорѣчіе между формой и смысломъ: форма «биться» совмѣщаетъ три залога, форма «бить» два залога, для одного залога (страд.) имѣются двѣ формы: биться и быть битымъ, и т. д.

Выпутаться изъ этихъ противорѣчій можно только одимъ способомъ, — именно нужно установить строгое различіе между залогомъ и тою другою грамматическою категоріей, которая смѣшивается съ залогомъ и неправильно называется его именемъ. Латинскія грамматики, кромѣ дѣленія на залоги, дѣлятъ глаголы еще въ другомъ отношеніи, именно по возможности перехода дѣйствія съ одного предмета на другой. Глаголы, означающіе переходное дѣйствіе, называются transitiva, а противоположные intransitiva. Глаголамъ перваго разряда приписывается возможность имѣть два залога — дѣйствительный и страда-

тельный. Но въ русскихъ грамматикахъ только дѣйствительному залогу приписывается означеніе переходнаго дѣйствія. Конечно, правильнѣе и тому и другому залогу приписывать означеніе переходнаго дѣйствія: при дѣйствительномъ залогѣ съ подлежащаго переходитъ дѣйствіе, при страдательномъ на подлежащее. Verba intransitiva въ латинскихъ грамматикахъ относятся къ genus activum. Послѣдній терминъ въ приложеніи verba intransitiva означаетъ уже только форму глагола, а не смыслъ его. Принимая все это въ соображеніе, а также и то, что сказано нами объ отложительныхъ глаголахъ и такихъ, какъ fio, которые тоже грамматики относятъ къ genus activum, мы видимъ, что genus activum есть одинъ изъ искомыхъ нами терминовъ для обозначенія формальной грамматической категоріи, въ отличіе отъ залога. Такъ какъ изученіе латинскаго должно основываться на знакомствѣ съ русскимъ глаголомъ, то полезнѣе латинскіе термины приравнять къ русскимъ, а не наоборотъ. Въ такомъ случаѣ для латинскаго языка мы получаемъ соотвѣтственно русскому языку и логическимъ отношеніямъ три залога:

a) verbum transitivum = русскому дѣйств. зал.;

b) другая форма отъ verbum transitivum = русскому страдат. залогу (иногда это форма самостоятельная, а не производная: fio, vapulo и т. д.);

c) verbum intransitivum = русскому среднему залогу. Формальную же категорію — genus — мы назовемъ не залогомъ, а родомъ, переводя слово genus. Въ латинскомъ языкѣ, значитъ, два рода глаголовъ: такъ называемый genus activum назовемъ простымъ родомъ, а genus passivum — сложнымъ родомъ, такъ какъ во многихъ формахъ онъ состоитъ изъ двухъ словъ (спрягаемаго нами глагола и вспомогательнаго глагола). Такимъ образомъ мы устранимъ всю путаницу, происходящую отъ смѣшенія смысла глагола съ формой. Amo у насъ будетъ дѣйств. залога простого рода, fio страдательнаго залога простого рода, eo средняго залога простого рода, amor страд. з. сложнаго рода, hortor дѣйств. зал. сложнаго рода, morior средняго

залога сложнаго рода и т. д. Ни одинъ глаголъ не будетъ относиться сразу къ двумъ родамъ или къ двумъ залогамъ, и отложительные глаголы не представятъ никакихъ отступленій, а главное — не будетъ противорѣчій между русскими и латинскими терминами и между грамматическими категоріями обоихъ языковъ.

Въ русскомъ языкѣ глаголы дѣйств. з. относятся къ простому роду, глаголы страд. з. частью къ сложному роду, а частью къ третьему роду, котораго нѣтъ въ латинскомъ языкѣ и который обусловленъ соединеніемъ съ глаголомъ мѣстоименія «ся». Назовемъ этотъ третій родъ, напр., мѣстоименнымъ. Средній залогъ бываетъ то простого рода, то мѣстоименнаго; возвратный и взаимный (если не относить къ нему глаголовъ: разговаривать, спорить и др.) — всегда относятся къ мѣстоименному роду. Такимъ образомъ разницы въ залогахъ между русскимъ и латинскимъ языкомъ не будетъ, если мы возвратный отнесемъ къ дѣйствительному, такъ какъ въ латинскомъ языкѣ русскій возвратный распадается на два слова, на дѣйствительный глаголъ и мѣстоименіе, и если взаимный будемъ относить то къ дѣйствительному, то къ среднему, смотря по смыслу замѣняющаго его латинскаго глагола. Вся разница сосредоточится на категоріи рода. Прежде всего, мѣстоименный родъ, невозможный въ латинскомъ языкѣ, долженъ при переводѣ замѣняться то простымъ, то сложнымъ родомъ. Простой родъ то совпадаетъ, то нѣтъ, сложный тоже. Получаются, слѣдовательно, слѣдующія комбинаціи: русскій простой родъ= лат. простому роду (amo люблю), русскій простой родъ= лат. сложному роду (potior владѣю), русскій сложный родъ= лат. сложному роду (amor я любимъ), русскій сложный родъ=лат. простому роду (pateo я открытъ), русскій мѣстоименный родъ=лат. простому роду (pugno сражаюсь), русскій мѣстоименный родъ = латинск. сложному роду (exerceor я упражняюсь).

Сводить разницу между залогами къ разницѣ между родомъ, т.-е. смысловую категорію переводить въ формальную, это въ данномъ случаѣ не значитъ терять почву подъ

ногами. Когда я говорю, что venio средняго залога, я говорю вовсе не о глаголѣ venio, а о глаголѣ «прихожу». Если бы я не зналъ, что venio значитъ «прихожу», я ничего не могъ бы сказать о залогѣ глагола venio. Залогъ латинскаго глагола опредѣляется не самъ по себѣ, а исключительно въ примѣненіи къ русскому глаголу. Для изучающаго латинскій языкъ звуковое сочетаніе venio безъ перевода не даетъ никакихъ логическихъ представленій: послѣднія извлекаются изъ русскаго слова и послѣ уже переносятся на латинское. Процессъ изученія родного языка ничего не имѣетъ общаго съ изученіемъ чужого. Для ребенка, впервые изучающаго родной языкъ, знакомство съ предметами и представленіями предшествуетъ знакомству съ звуковыми сочетаніями, и рѣдко бываетъ наоборотъ. Человѣкъ же, изучающій чужой языкъ, прежде знакомится съ звуковыми сочетаніями, а все логическое содержаніе имъ усвоивается изъ соотвѣтственныхъ русскихъ словъ. Для него все изученіе основано на вѣрѣ въ словарь. Безъ словаря немыслимо изучать чужой языкъ.

Всѣ эти соображенія приводятъ насъ къ тому заключенію, что различеніе смысловыхъ категорій латинскихъ словъ для насъ не доступно (оно произведено при составленіи словаря), а если мы различаемъ эти категоріи, то основывается исключительно на русскомъ значеніи слова, т.-е., строго говоря, различаетъ категоріи русскаго слова и только. Наоборотъ, формальныя грамматическія категоріи вполнѣ намъ доступны. Встрѣчая въ латинскомъ текстѣ слово venirent, мы, и не справляясь съ словаремъ, можемъ заключить, что это глаголъ, что это сослагат. наклоненіе, прошедшее время, несовершенный видъ, что глаголъ принадлежитъ къ четвертому спряженію, что онъ поставленъ въ третьемъ лицѣ, во множ. числѣ. Мы не скажемъ, что наши заключенія несомнѣнны, *но они очень правдоподобны*. Другое совсѣмъ дѣло залогъ глагола, т.-е. смысловая категорія: сколько ни соображай, вопроса о залогѣ не рѣшить, пока не посмотришь въ словарь; только изъ словаря мы узнаемъ, что этотъ глаголъ средняго, а не дѣйств. и не стр. з. Та-

кимъ образомъ категорія залога латинскаго слова даже недоступна для нашего непосредственнаго наблюденія: сколько мы ни толкуемъ о залогахъ латинскихъ глаголовъ, мы толкуемъ только о русскихъ глаголахъ. Но встрѣчая форму morior, всякій скажетъ, что это глаголъ сложнаго рода; безъ всякаго словаря въ формѣ venirent можно найти простой родъ. Родъ глагола, какъ формальная категорія, не зависитъ отъ русскаго значенія и присущъ непосредственно самому латинскому слову. Такимъ образомъ мы не только могли, но и обязаны были свести смысловую категорію залога на формальную категорію рода глагола, какъ единственно доступную для непосредственнаго пониманія и разбора.

Иногда о смысловой категоріи мы можемъ заключить по формальнымъ категоріямъ. Привыкнувши, наприм., одни окончанія встрѣчать въ именахъ существительныхъ, а другія въ глаголахъ, мы по окончаніямъ можемъ и данное слово отнести къ глаголамъ или именамъ, т.-е. узнать его смысловую категорію; узнать, предметъ или дѣйствіе оно означаетъ. Но въ примѣненіи къ залогамъ этотъ пріемъ не приведетъ ни къ какимъ результатамъ: по формальной категоріи рода мы не узнаемъ залога, такъ какъ простой, напр., родъ можетъ относиться къ любому изъ трехъ залоговъ. Косвеннымъ путемъ о залогѣ можно заключить по присутствію въ предложеніи различнаго рода дополненій, напр., вин. п., твор. съ предлогомъ a (ab), но эти дополненія не всегда есть налицо, да и вообще этотъ путь очень ненадежный.

Указавши необходимость замѣны недоступной для пониманія категоріи залога вполнѣ доступною категоріею рода, мы должны теперь разобрать вопросъ, какъ по роду русскаго глагола находить родъ для латинскаго. Многочисленность комбинацій этихъ родовъ даетъ право заключить о трудности дать простыя правила для перехода отъ рода русскаго глагола къ роду латинскаго. Все дѣло зависитъ отъ удачнаго выбора точки опоры для перехода отъ рода одного языка къ роду другого. Въ латинскомъ языкѣ иные глаголы имѣютъ оба рода (amo и amor), иные только

простой (curro), иные только сложный (morior). Въ глаголахъ, имѣющихъ два рода, сложный родъ считается второстепеннымъ, производнымъ отъ простого, а такъ называемымъ началомъ глагола считается простой родъ, который и помѣщенъ въ словарѣ. Родъ, помѣщенный въ словарѣ, иначе говоря, тотъ родъ, въ которомъ заучивается слово, и долженъ быть точкой опоры въ переводѣ рода одного языка въ родъ другого. Если латинскій глаголъ въ словарѣ помѣщенъ въ сложномъ родѣ, то такой глаголъ всегда и вездѣ долженъ стоять въ сложномъ родѣ и никогда не можетъ перейти въ простой. Поэтому изученіе отложительныхъ глаголовъ съ точки зрѣнія рода (и залога) легче всего. Если же глаголъ въ словарѣ стоитъ въ простомъ родѣ, то онъ и можетъ принимать сложный родъ и не можетъ. Форма латинскаго глагола, записанная въ словарѣ, не даетъ въ этомъ случаѣ критерія для рѣшенія вопроса, имѣетъ ли глаголъ сложный родъ. Критеріемъ въ этомъ случаѣ служитъ занесенный въ словарь родъ того русскаго глагола, который стоитъ въ словарѣ рядомъ съ латинскимъ глаголомъ.

Такъ какъ латинскій сложный родъ или существуетъ самостоятельно, или является производнымъ отъ простого, то мы получаемъ слѣдующую таблицу возможныхъ соотвѣтствій латинскаго рода русскому роду:

Латинскій родъ:	Русскій родъ:
a) простой =	1) простой (amo) 2) сложный (pateo, vapulo) 3) мѣстоименный (pugno)
b) сложный производный =	1) простой (augeor росту) 2) сложный (amor) 3) мѣстоименный (exerceor)
c) сложный самостоятельный =	1) простой (hortor) 2) сложный (defetiscor, я утомленъ) 3) мѣстоименный (proficiscor)

Теперь разсмотримъ родъ съ точки зрѣнія русской фразы. Рядомъ съ «отправляться» въ русскомъ языкѣ есть «отпра-

влять», «быть отправленнымъ». Если словарь даетъ намъ сочетаніе: «proficiscor отправляюсь», то русскій простой и сложный родъ не можетъ быть выраженъ глаголомъ proficiscor: нужно подыскать глаголъ, стоящій въ словарѣ въ простомъ родѣ (mitto). Если въ словарѣ стоитъ «hortor убѣждаю», то русскій сложный и мѣстоименный родъ (я убѣжденъ, я убѣждаюсь) не можетъ быть выраженъ глаголомъ hortor: нужно пріискать другой глаголъ (mihi persuadetur, moneor). Такимъ образомъ, если латинскій глаголъ помѣщенъ въ словарѣ въ сложномъ родѣ, то его можно употреблять только тогда, когда въ данной фразѣ стоитъ тотъ же русскій родъ, какой въ словарѣ; если же въ русской фразѣ сложный родъ легко замѣняется мѣстоименнымъ, то, кромѣ того, одинъ и тотъ же латинскій глаголъ (defetiscor) можетъ служить для русскаго сложнаго и мѣстоименнаго рода (этотъ случай не есть исключеніе, такъ какъ въ словарѣ при defetiscor стоятъ оба рода: я утомленъ, я утомляюсь).— Вотъ таблица значеній и родовъ для латинскаго самостоятельнаго сложнаго рода, при чемъ въ скобкахъ стоятъ тѣ роды русскаго глагола, которые не имѣютъ никакого отношенія къ латинскому слову и не могутъ имъ быть переводимы:

Въ словарѣ:	Въ русской фразѣ:
1) hortor убѣждаю	я убѣждаю (я убѣждаемъ, я убѣждаюсь)
2) defetiscor утомляюсь, я утомленъ	(я утомляю), я утомляюсь, я утомленъ
3) proficiscor отправляюсь	(отправляю), отправляюсь, (я отправлемъ)

Такимъ образомъ, встрѣчая латинскій сложный родъ въ словарѣ, ученикъ можетъ взять его только тогда, когда въ словарѣ тотъ же русскій родъ, который ему нуженъ. Точно такого же правила онъ долженъ держаться и тогда, когда при латинскомъ простомъ родѣ въ словарѣ встрѣчаетъ русскій сложный или мѣстоименный родъ. Латинскій глаголъ въ этомъ случаѣ допускаетъ у себя только одинъ родъ и можетъ быть употребленъ только

тогда, когда въ русской фразѣ тотъ же родъ, какой въ словарѣ у русскаго глагола. Вотъ таблица для латинскаго простого рода, при чемъ русскіе роды, не имѣющіе отношенія къ латинскому глаголу, поставлены въ скобки:

Въ словарѣ:	Въ русской фразѣ:
1) exerceo упражняю	я упражняю, я упражняемъ, я упражняюсь
2) pateo я открытъ	(я открываю), я открытъ, (я открываюсь)
3) pugno сражаюсь	(я сражаю, поражаю), (я сражажаемъ, сраженъ), я сражаюсь

Такимъ образомъ трудное на первый взглядъ комбинированье родовъ на дѣлѣ оказалось очень простымъ. У насъ остается всего одинъ случай, когда нужно дѣлать выборъ между родами, это именно тогда, когда въ словарѣ при латинскомъ простомъ родѣ стоитъ русскій простой. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ никакого выбора не приходится дѣлать: соотношеніе между латинскимъ и русскимъ родомъ даетъ словарь, а мы даже не имѣемъ никакого права измѣнять это соотношеніе. Все вниманіе ученика должно устремлять на роды русскаго и латинскаго глагола, данные словаремъ, или, что то же, записанные имъ въ тетрадь или заученные наизусть. Если онъ заучиваетъ комбинацію, гдѣ латинскій глаголъ относится къ сложному роду или русскій глаголъ къ сложному или мѣстоименному роду, то только заученную комбинацію онъ и въ правѣ употреблять: всякое отступленіе отъ нея ведетъ къ грубой ошибкѣ. Если же въ русской фразѣ не тотъ родъ, какой имѣетъ русскій глаголъ въ заученной комбинаціи, то *онъ долженъ подыскать другое латинское* слово. Только въ одномъ случаѣ несовпаденіе рода, требуемаго въ русской фразѣ, съ родомъ русскаго глагола въ заученной или найденной въ словарѣ комбинаціи, должно вести не къ поискамъ за другимъ гла*голомъ, за другимъ латинскимъ словомъ*, а къ образованію новаго, не даннаго словаремъ рода латинскаго глагола. Случай этотъ бываетъ тогда, если въ комбинаціи

латинскій простой родъ стоитъ рядомъ съ русскимъ простымъ родомъ, а въ русской фразѣ требуется сложный или мѣстоименный родъ, межъ тѣмъ другой комбинаціи съ соотвѣтственнымъ сложнымъ или мѣстоименнымъ русскимъ родомъ нѣтъ въ запасѣ. Въ этомъ случаѣ для выраженія сложнаго русскаго рода приходится составить сложный латинскій, а для выраженія мѣстоименнаго русскаго рода взять то сложный латинскій, то простой съ возвратнымъ мѣстоименіемъ. Это единственный случай, когда родъ въ фразѣ русской не тожественenъ съ родомъ русскаго глагола, стоящаго въ словарѣ, когда латинскому глаголу нужно дать другой родъ. Сложный латинскій родъ въ этомъ случаѣ обязательно относится къ страдательному залогу, а русскій мѣстоименный то къ страдательному, то къ возвратному. Вмѣсто русскаго мѣстоименнаго рода здѣсь ставится въ латинскомъ языкѣ то сложный, то простой съ мѣстоименіемъ возвратнымъ, и вотъ этотъ-то выборъ основанъ на смыслѣ русскаго глагола: это единственный случай, гдѣ полезно примѣнить къ дѣлу понятіе о залогѣ, т.-е. объ отличіи страд. з. отъ возвратнаго. Но и тутъ можно ограничиться формальнымъ пріемомъ: если мѣстоименный родъ легко замѣняется сложнымъ, то, значитъ, по-латыни нуженъ сложный родъ: если вмѣсто «защищался» можно сказать «былъ защищаемъ, былъ защищенъ», то, значитъ, defendo нужно взять въ сложномъ родѣ; если же мѣстоименный родъ нельзя замѣнить безъ измѣненія смысла фразы, то онъ разлагается при переводѣ на простой родъ и возвратное мѣстоименіе. При переводахъ же съ латинскаго нужно всегда предпочитать по возможности сложный родъ мѣстоименному.

II. Время и видъ.

Глаголы суть выраженіе логическихъ понятій и представленій о дѣйствіи. Всякое понятіе и представленіе о дѣйствіи обусловлено представленіемъ предыдущаго и послѣдующаго момента; дѣйствіе есть движеніе, а всякое движеніе имѣетъ продолжительность. Такимъ образомъ понятію о дѣйствіи необходимо присуща логическая категорія времени, но эта категорія означаетъ продолжительность, а не то, что мы называемъ настоящимъ, прошедшимъ или будущимъ временемъ. Послѣдніе термины означаютъ не большую или меньшую длительность самаго дѣйствія, а нѣчто другое. Съ другой стороны, и отношеніе между предыдущимъ и послѣдующимъ моментами, составляющими понятіе о силѣ, не даетъ намъ понятія о трехъ временахъ; предыдущій для послѣдующаго означаетъ прошедшее время, а послѣдующій для предыдущаго—будущее, и только. Настоящаго же времени въ природѣ, въ проявленіяхъ взаимодѣйствія между предметами нѣтъ. Мы говоримъ: «теперь десять часовъ». На самомъ же дѣлѣ послѣдняя секунда десятаго часа прошла и относится, значитъ, къ прошедшему времени, а первая секунда одиннадцатаго часа еще не наступила и относится, значитъ, къ будущему времени; между послѣдней секундой десятаго часа и первой секундой одиннадцатаго часа не мыслимъ никакой промежутокъ, никакое настоящее время. Слѣдовательно, и объективная послѣдовательность дѣйствій или моментовъ дѣйствія не даетъ критерія для различія трехъ временъ: настоящаго, прошедшаго и будущаго. Все дѣло, значитъ, въ отношеніи нашего сознанія къ дѣйствію. Если въ объективномъ мірѣ каждый моментъ можетъ быть только то прошедшимъ, то будущимъ, зато въ сознаніи каждый моментъ можетъ быть только настоящимъ. Сознавать мы можемъ только то, что теперь, въ настоящій моментъ, проходитъ передъ сознаніемъ. Но въ душевной жизни человѣка мы наблюдаемъ еще двѣ стороны—память и воображеніе, которыя усложняютъ явленія сознанія. Память вноситъ къ настоя-

щему моменту сознанія добавочный элементъ, который даетъ право относить полученное соединеніе къ прошедшему времени. Прошедшимъ мы называемъ то, что не въ первый разъ входитъ въ наше сознаніе, что входило уже раньше и оставило слѣды въ памяти. Будущимъ мы называемъ то, что не только теперь находится въ нашемъ сознаніи, но и можетъ впредь находиться: этотъ добавочный элементъ, дѣлающій настоящее будущимъ, обусловленъ воображеніемъ. Но прошедшее, конечно, не ограничивается тѣсными рамками личнаго самосознанія. Прошедшимъ для насъ является не только то, что въ наше сознаніе входитъ второй, третій и т. д. разъ, но и то, что уже входило когда-нибудь въ сознаніе другихъ людей раньше, чѣмъ вошло въ наше сознаніе. Положимъ, мы читаемъ въ первый разъ исторію какого-нибудь народа; всякій фактъ изъ этой исторіи въ наше сознаніе входитъ въ первый разъ, но онъ все-таки относится къ прошедшему времени, потому что онъ входилъ въ сознаніе многихъ другихъ людей, именно всѣхъ писавшихъ эту исторію вплоть до очевидца событій, для котораго факты были только настоящимъ моментомъ, когда онъ ихъ видѣлъ. Такимъ образомъ, прошедшими эти факты оказываются только потому, что мы вѣримъ, что они когда-то прошли не разъ чье-то сознаніе. Развитіе нашего сознанія возможно только при томъ условіи, если мы свое сознаніе ставимъ въ непрерывную цѣпь сознаній другихъ людей. Читая книгу или слушая разсказъ, мы свое сознаніе дѣлаемъ какъ бы продолженіемъ сознанія другихъ лицъ, сознанія автора книги или разсказывающаго лица, и, что было въ ихъ сознаніи и повторяется въ нашемъ, то и считаемъ прошедшимъ. Внѣ сферы нашего личнаго опыта представленіе факта прошедшимъ исключительно основано на нашей вѣрѣ въ сознаніе другихъ людей, на нашемъ убѣжденіи, что данный фактъ былъ когда-то для кого-то настоящимъ моментомъ. Если же фактъ раньше не былъ въ нашемъ сознаніи и мы не вѣримъ, что онъ былъ въ чьемъ-нибудь сознаніи раньше нашего, то такой фактъ мы не можемъ считать прошедшимъ.

Такимъ образомъ, настоящимъ мы называемъ такое дѣйствіе, которое теперь въ нашемъ сознаніи, прошедшимъ,—которое теперь есть и раньше было въ нашемъ или чьемъ-либо другомъ сознаніи, будущимъ,—которое теперь въ нашемъ сознаніи и послѣ можетъ еще быть въ нашемъ сознаніи или въ сознаніи другихъ людей. Во всякомъ, значитъ, прошедшемъ дѣйствіи есть элементъ настоящаго (присутствіе дѣйствія теперь въ сознаніи), во всякомъ будущемъ тоже есть элементъ настоящаго. Когда въ сознаніи проходитъ прошедшій фактъ, т.-е. уже бывшій въ сознаніи, то можетъ пересилить или память, т.-е. воспоминаніе, или настоящее воспріятіе факта сознаніемъ: прошедшій фактъ можетъ казаться только прошедшимъ или, кромѣ того, еще настоящимъ, и даже больше всего настоящимъ, то наоборотъ; все дѣло опять въ энергіи сознанія въ данную минуту. Если сознаніе въ данное время дѣйствуетъ энергично, то всякій фактъ, даже прошедшій и будущій, можетъ казаться для сознанія только настоящимъ, потому что сознаніе все занято своею настоящею дѣятельностью: передъ яркостью присутствія факта въ сознаніи въ настоящій моментъ совершенно стушевывается воспоминаніе, что фактъ былъ уже раньше въ сознаніи, и воображеніе, что онъ будетъ еще въ сознаніи. Такимъ образомъ, особенная энергія и живость сознанія въ данный моментъ ведетъ къ полному смѣшенію всѣхъ временныхъ категорій; а такъ какъ рѣчь есть выраженіе того, что въ данный моментъ есть въ сознаніи, то въ ней и отражаются всѣ случаи, когда для возбужденнаго сознанія прошлое и будущее являются только настоящимъ. Отъ энергіи нашего сознанія зависитъ, что о прошедшихъ и будущихъ фактахъ мы говоримъ, какъ о настоящихъ, что, значитъ, о всякомъ фактѣ мы можемъ говорить, какъ о настоящемъ. Останавливаясь на прошедшемъ фактѣ, сознаніе можетъ проявляться настолько энергично, считая его настоящимъ фактомъ, что слѣдующіе за нимъ факты начинаетъ считать уже не только настоящими, но даже будущими, такъ что о прошлыхъ фактахъ мы начинаемъ

говорить, какъ о будущихъ. Иногда наше воображеніе настолько переносится въ будущее, что, говоря о двухъ будущихъ фактахъ, изъ которыхъ одинъ будетъ раньше другого, мы останавливаемся такъ упорно на второмъ, что первый считаемъ прошедшимъ; да и вообще возможное иногда такъ ярко стоитъ въ нашемъ сознаніи, что кажется уже исполнившимся.

Въ русскомъ языкѣ замѣна одного времени формою другого—прошедшаго настоящимъ и будущимъ, будущаго настоящимъ и прошедшимъ—до того обычна, что иные ученые филологи вовсе не признаютъ за русскимъ глаголомъ категоріи времени, полагая, что русскій глаголъ означаетъ не время, а только качество дѣйствія, т.-е. краткость и т. д. Отсутствіе категоріи времени въ русскомъ глаголѣ иными считается самымъ важнымъ пунктомъ отличія его отъ глаголовъ другихъ языковъ, гдѣ категорія времени обязательно присуща глаголу.

Но отрицаніе категорій времени въ русскомъ глаголѣ въ отличіе отъ другихъ языковъ основано на недоразумѣніи. Прежде всего, и въ латинскомъ языкѣ замѣна одного времени другимъ — возможное явленіе. Припомнимъ такъ называемое praesens historicum, въ которомъ излагаются иногда цѣлыя страницы историческаго разсказа, припомнимъ повѣствовательное praesens при dum, замѣну временъ въ слогѣ писемъ, наконецъ, замѣну будущаго прошедшимъ въ такихъ фразахъ, какъ: Brutus si conservatus erit, vicimus,—«если Брутъ будетъ спасенъ, мы побѣдили». Замѣтимъ, кромѣ того, что рядомъ съ будущимъ существуетъ въ латинскомъ языкѣ описательное спряженіе, въ которомъ наглядно совмѣщаются два элемента, составляющіе такъ называемое будущее время: присутствіе дѣйствія въ сознаніи въ настоящую минуту (sum) и возможность присутствія его въ будущемъ (facturus). Въ русскомъ языкѣ замѣна временъ наблюдается, главнымъ образомъ, въ устной рѣчи и въ народной поэзіи. Это вполнѣ естественно. Энергія сознанія—самое обычное дѣло при устномъ выраженіи мыслей и очень рѣдкое при письменномъ, когда

читателя убѣждають фактами и мыслями, а не повышеніями и модуляціями голоса и не патетичностью выраженія. Народная поэзія вѣдь также устная рѣчь, такъ какъ народъ хранитъ свою поэзію въ памяти, а не въ книгахъ. Чтобы прійти къ правильному выводу, мы должны были бы русскую устную рѣчь и русскую народную поэзію сравнивать съ латинской устной рѣчью и латинской народной поэзіей; сравнивая же русскую живую рѣчь съ латинскими письменными памятниками, мы беремъ неоднородные предметы и не имѣемъ права утверждать, что въ латинскомъ языкѣ замѣна временъ, сравнительно съ русскимъ, есть исключительное явленіе.

Но и въ русскомъ языкѣ замѣна одного времени другимъ не исключаетъ самой категоріи времени. Никто не назоветъ форму «читалъ» настоящимъ или будущимъ временемъ. Почему же всѣ согласны, что «читалъ» прошедшее время? Какую форму глагола вы ни возьмете въ отдѣльности, всякій вамъ скажетъ, что она означаетъ такое-то о д н о время, а не два, не три времени сразу. Указываютъ только нѣсколько формъ, имѣющихъ настоящее и будущее значеніе, а именно: «женю», «казню», «велю», «прохожу», «сношу», «ночую». Но смѣшеніе или, иначе сказать, соединеніе въ одной формѣ двухъ временъ здѣсь объясняется самымъ значеніемъ. «Женю», «казню»—это глаголы винословные и означаютъ не активное дѣйствіе, а приказаніе произвести дѣйствіе: если на дѣйствіе смотрѣть съ точки зрѣнія момента исполненія, то это будущее время; если же съ точки зрѣнія момента приказанія, то это настоящее время. Съ тѣхъ же двухъ точекъ можно смотрѣть и на общее понятіе, означающее винословность,—«велю». Въ понятіи о ночлегѣ тоже совмѣщаются двѣ точки зрѣнія: когда я вечеромъ говорю: «я здѣсь ночую», то это значитъ, что я въ данный моментъ (настоящее время) выражаю желаніе провести здѣсь ночь (будущее время): слово «ночую» и можно произнести только вечеромъ, т.-е. до наступленія дѣйствія, а когда дѣйствіе наступитъ, я не смогу сказать о себѣ: «я ночую», такъ какъ я буду спать. «Прохожу»

въ настоящемъ и будущемъ имѣетъ совсѣмъ различныя значенія: «я прохожу мимо»,—это обязательно настоящее время; «я прохожу всю ночь»,—это обязательно будущее время. Точно такъ же въ выраженіи: «я легко сношу эту обиду», никто не найдетъ будущаго времени.

Такимъ образомъ приведенныя слова не представляютъ исключеній изъ того явленія, что всякая глагольная форма, взятая въ изъявительномъ наклоненіи сама по себѣ, означаетъ всегда одно какое-нибудь время и не можетъ быть смѣшана съ другими временами. Другое дѣло—форма, взятая въ контекстѣ, въ соединеніи съ другими словами и мыслями. Чѣмъ же объяснить, что форма «сражается», взятая отдѣльно, указываетъ только на настоящее время, а взятая въ связи съ другими словами и мыслями, можетъ означать и прошедшее время и будущее время? Нельзя же сказать, что эту форму мы считаемъ настоящимъ временемъ подъ давленіемъ искусственныхъ грамматическихъ категорій, по привычкѣ къ грамматическимъ опредѣленіямъ: человѣкъ, не слыхавшій ни слова о грамматикѣ, все-таки скажетъ, что, если кто «сражается», то именно теперь, а не прежде и не послѣ когда-нибудь. Значитъ, категорія времени не искусственно навязывается этой формѣ, а принадлежитъ ей органически. Предыдущія наши соображенія о значеніи временъ какъ нельзя лучше объясняютъ, почему форма «сражается», взятая сама по себѣ, относится къ настоящему времени, а въ приложеніи къ факту можетъ означать и другія времена. Сознаніе, находясь въ высокой степени энергіи и выражаясь о прошедшихъ фактахъ, какъ о настоящихъ, вовсе и не считаетъ ихъ прошедшими: оно считаетъ ихъ настоящими, видитъ передъ собою; поэтому форма вполнѣ соотвѣтствуетъ мысли. Не сознаніе ошиблось въ выборѣ формы, говоря о прошломъ формами настоящаго времени, а мы ошибаемся, когда судимъ о вещахъ послѣ, со стороны, безъ всякаго участія и возбужденія: факты намъ кажутся прошедшими, потому что мы не поднимаемся на ту высоту энергіи, на которой было сознаніе, выражавшееся о нихъ, какъ о настоящихъ; мы совер-

шенно въ другой сферѣ, мы мѣримъ другимъ масштабомъ, мы не видимъ передъ глазами фактовъ. Для сознанія форма всегда соотвѣтствуетъ сознаваемому времени, формы выражаютъ какъ разъ то время, какое имъ всегда присуще и которое мыслится сознаніемъ. А мы, разбирая сказанную кѣмъ-нибудь рѣчь или написанную книгу, являемся хладнокровными зрителями только результатовъ, оставшихся послѣ энергичной работы сознанія, и не такъ смотримъ на вещи, какъ смотрѣлъ авторъ книги или рѣчи: мы играемъ роль не актера, переживающаго драму, а только суфлера, безучастно читающаго ее.

Итакъ мы прочно должны установить за каждой формой изъяв. накл. (пока о немъ только рѣчь) только одну, строго опредѣленную категорію времени: всякая форма въ русскомъ и латинскомъ языкѣ относится или къ настоящему, или къ прошедшему, или къ будущему времени. Но грамматики отличаютъ нѣсколько прошедшихъ, два будущихъ, въ въ русскомъ языкѣ иные глаголы не могутъ вовсе имѣть то настоящаго, то настоящаго, и будущаго. Критеріемъ для различія однородныхъ временъ — прошедшихъ и будущихъ въ русскомъ языкѣ и прошедшихъ въ латинскомъ — считается видъ глагола. Къ разобру этой трудной для изученія и наименѣе разъясненной категоріи мы теперь и приступимъ.

Категорія вида наиболѣе оригинальное и самое обширное примѣненіе имѣетъ въ сферѣ русскаго глагола. Это настолько специальное и органическое свойство именно русскаго глагола, что для иностранца, изучающаго русскій языкъ, нѣтъ ни одного отдѣла труднѣе и непонятнѣе отдѣла о видахъ.

Посмотримъ, какъ принятые въ школѣ учебники опредѣляютъ видъ. Несовершенный видъ показываетъ, «что дѣйствіе не совершилось», а совершенный—, что «дѣйствіе совершилось или непремѣнно совершится». Въ этомъ опредѣленіи объясняются не значеніе глаголовъ, а только слова «совершенный» и «несовершенный», да и самое объясненіе не что иное, какъ пустая тавтологія. При томъ же вся-

кое настоящее и будущее «еще не совершилось», всякое прошедшее «окончилось», ни объ одномъ будущемъ нельзя сказать, что оно непремѣнно совершится. Курьезное различіе между словами «буду летать» и «полечу»: если я говорю: «я завтра буду летать», то будто еще неизвѣстно, буду ли я въ самомъ дѣлѣ летать, но стоитъ сказать: «я полечу» и, значитъ, я несомнѣнно превращусь въ птицу! Не лучше и другое опредѣленіе, даваемое грамматиками: несовершенный видъ означаетъ продолженіе дѣйствія, а совершенный окончаніе, оконченное дѣйствіе или состояніе. Всякій глаголъ обязательно означаетъ продолженіе, только эта продолжительность бываетъ то меньше, то больше; всякое прошедшее означаетъ оконченное дѣйствіе, и «читалъ» означаетъ оконченное, какъ и «прочиталъ»; съ другой стороны, сказать, что выраженіе: «я прочту книгу», означаетъ оконченное дѣйствіе или такое дѣйствіе, которое окончится, одинаково нелѣпо. Иные къ опредѣленію несовершеннаго вида прибавляютъ, что онъ означаетъ дѣйствіе «безъ обозначенія его начала и конца». Но вѣдь ни одинъ глаголъ, взятый въ одиночку, особенно въ неопредѣленномъ наклоненіи, не обозначаетъ, когда начато дѣйствіе и когда кончено. Начало и конецъ дѣйствія опредѣляются обстоятельствами. Въ фразѣ: «Гоголь жилъ съ 1809 по 1852 годъ», точно опредѣляется начало и конецъ дѣйствія, а «жилъ» все-таки несовершеннаго вида. Точно также странно добавленіе къ опредѣленію совершеннаго вида, что онъ означаетъ иногда «начатое дѣйствіе». Всякій глаголъ совершеннаго вида имѣетъ будущее время, а ни одно будущее не бываетъ начатымъ. Всѣ эти опредѣленія говорятъ не о свойствахъ вида, а о свойствахъ временъ, приписывая виду признаки времени; а такъ какъ каждый видъ имѣетъ не одно время, то и выходятъ странныя недоразумѣнія, что будущее окончилось, что не всякое прошедшее окончилось и т. д. Учитель, понадѣявшись на подобныя опредѣленія, совсѣмъ собьетъ съ толку учениковъ; дѣло всегда кончится тѣмъ, что придется прибѣгнуть къ формальному различенію видовъ, если только не бросить совсѣмъ по-

пытки ихъ различать. Лучше всего поступаютъ тѣ грамматики, которыя ограничиваются формальнымъ критеріемъ, именно, что совершенный видъ имѣетъ простое будущее, а несовершенный сложное или что совершенный не имѣетъ настоящаго.

Гораздо серьезнѣе попытки отличать виды по степени продолжительности дѣйствія. Продолжительность нельзя, конечно, измѣрять минутами, часами и т. д., можно только указать ея предѣльные моменты—наименьшую и наибольшую продолжительность, а все остальное будетъ въ серединѣ. Наименьшая продолжительность будетъ тогда, когда начало дѣйствія почти совпадаетъ съ концомъ его,—это глаголы мгновенные или однократные. Наибольшую продолжительность обусловливаютъ тѣмъ, чтобы «сама продолжительность представлялась сознанію повторяющеюся отъ времени до времени»[1]). Но въ этомъ опредѣленіи взятъ уже совершенно другой принципъ, не имѣющій съ продолжительностью ничего общаго. Если дѣйствіе повторялось много разъ, это вовсе не значитъ, что оно продолжалось въ совокупности долго. Чтобы «износить» платье, для этого иной разъ нужны цѣлые годы, а «нашивалъ» я могу сказать и въ томъ случаѣ, если я носилъ его раза два, три въ продолженіе всего одной недѣли. Чтобы «прочитать» иную книгу нужны мѣсяцы, а «читывать» можно дня два за нѣсколько пріемовъ. Утверждать, что въ формѣ «я давывалъ» нѣтъ многократности, а есть только «усиленная продолжительность», еще неосновательнѣе[2]). Такимъ образомъ въ опредѣленіи наибольшей продолжительности ошибочно смѣшиваются два совершенно различные принципа, и рѣчь ведется уже не о продолжительности, а о многократ-

---

[1]) Некрасовъ, О значеніи формъ русскаго глагола.

[2]) Приводя изъ басни Крылова выраженіе: „уха, какой откупщикъ... не давывалъ секретарямъ", Некрасовъ говоритъ: „форма „не давывалъ" не значитъ: „не давалъ нѣсколько разъ", а напротивъ (?), значитъ: "никогда не давалъ, ни разу не давалъ". Но это только игра словами: кто разъ не давалъ, тотъ, конечно, и много разъ не давалъ. Все дѣло въ отрицаніи: тутъ отрицается каждый отдѣльный разъ многократнаго дѣйствія.

ности. Но многократный видъ, вообще говоря, въ школьныхъ грамматикахъ опредѣляется правильно. Дѣло лишь въ томъ, что многократности можно противоположить только однократность, а эти два вида далеко не исчерпываютъ всѣхъ глаголовъ: огромное большинство ихъ не означаетъ ни однократности ни многократности. Многократный видъ легко отличить отъ другихъ видовъ, но это нисколько не рѣшаетъ вопроса о различіи несовершеннаго вида отъ совершеннаго, такъ какъ принципа повторяемости здѣсь никоимъ образомъ нельзя примѣнить къ дѣлу. Но и первый предѣлъ, предѣлъ наименьшей продолжительности, обнимаетъ только самое небольшое число глаголовъ, именно глаголы съ суффиксомъ н у, да и то далеко не всѣ (сюда не относятся глаголы средняго залога, напр., мокнуть, сохнуть, вянуть и т. д.). Это только небольшой отдѣлъ глаголовъ совершеннаго вида. Если уже на крайніе предѣлы трудно опереться, то искать точекъ опоры въ срединѣ между этими предѣлами и совершенно невозможно. Опредѣливши наибольшую и наименьшую продолжительность, всѣ остальные глаголы, не заходящіе до этихъ предѣльныхъ точекъ, мы должны свалить въ одну кучу, такъ какъ мѣрить ихъ продолжительность положительно нечѣмъ. Поэтому раздѣлить ихъ на группы нельзя на основаніи продолжительности. Какъ ни умудряйся, а получаются только три разряда глаголовъ: 1) мгновенные, 2) многократные, 3) всѣ остальные. А такъ какъ многократность ничего не имѣетъ общаго съ продолжительностью, то возможны только два разряда: 1) мгновенные, 2) всѣ остальные. Даже если принимать за предѣлъ многократность, о глаголѣ, не касающемся предѣловъ, мы ничего не можемъ сказать другого, какъ развѣ то только, къ какому предѣлу онъ ближе. Имѣя глаголы: к а т н у т ь, к а т и т ь, к а т а т ь, к а т ы в а т ь, мы можемъ указать предѣльные глаголы: «катнуть» (мгновенность) и «катывать» (многократность), а о глаголѣ «катать» можемъ только то сказать, что онъ ближе по степени продолжительности къ «катнуть», чѣмъ къ «катывать». Но мы видѣли, какъ рисковано сравнивать по

продолжительности даже крайніе предѣлы (износить и нашивать), еще болѣе шатко сравненіе глаголовъ, занимающихъ середину, другъ съ другомъ или съ крайними предѣлами. Придумыванье нѣсколькихъ переходныхъ ступеней между предѣлами — дѣло совершенно произвольное; можно найти хоть десятокъ подраздѣленій, но критеріемъ все-таки будетъ что-нибудь другое (и, вѣроятнѣе всего, у каждаго подраздѣленія будетъ свой критерій), а не продолжительность. Вообще говоря, продолжительность дѣйствія опредѣляется вовсе не самимъ глаголомъ, не формою его, а обстоятельствами, предлогами, контекстомъ и т. д.

Но даже если всѣ глаголы дѣлить на три разряда — два предѣльныхъ и третій средній, все-таки изъ этого дѣленія мы не извлечемъ для себя никакой практической пользы. Намъ нужно опредѣлить разницу между глаголами, имѣющими настоящее время и не имѣющими его, между тѣмъ, что въ грамматикахъ называется несовершеннымъ и совершеннымъ видомъ, такъ какъ эта разница вліяетъ на употребленіе формъ. Всякое другое дѣленіе глаголовъ, не вліяющее на различіе формъ, для насъ не имѣетъ цѣны. Мы могли бы раздѣлить глаголы и по другимъ принципамъ, напр., по тому, къ одушевленнымъ ли предметамъ они относятся или къ неодушевленнымъ, переносное ли они имѣютъ значеніе или прямое, и т. д., но къ чему грамматикѣ эти дѣленія? Они вѣдь не вліяютъ на употребленіе формъ. Точно также не вліяетъ на употребленіе формъ и приведенное дѣленіе на три разряда: первый разрядъ не обнимаетъ совершеннаго вида, а средній разрядъ заключаетъ въ себѣ глаголы несовершеннаго вида и множество глаголовъ совершеннаго вида. Различать же совершенный видъ отъ несовершеннаго по степени сравнительной продолжительности ихъ тоже невозможно: нельзя сказать, что глаголъ совершеннаго вида означаетъ меньшую продолжительность, чѣмъ глаголъ несовершеннаго вида. «Братъ прожилъ 30 лѣтъ, а сестра жила одинъ годъ»; «вчера я проспалъ всю ночь, сегодня спалъ всего три часа»; «насъ соеди-

нила дружба на всю жизнь, вас*ъ соединяла на часъ*»; «я изучилъ это въ годъ, а вы изучали всего двѣ недѣли», и т. д.,— совершеннымъ видомъ обозначается, какъ видимъ, то большій, то меньшій промежутокъ. Если при сравнительныхъ выраженіяхъ несовершенный видъ, сколько угодно, можетъ означать меньшую продолжительность, чѣмъ совершенный, то ужъ совершенно немыслимо различить виды по продолжительности въ томъ случаѣ, когда они берутся не параллельно, а въ одиночку. Сколько нужно имѣть минутъ, часовъ, годовъ, чтобы сказать «я узналъ», а не «я узналъ», «я жилъ», а не «я прожилъ» и т. д.? Сколько времени я долженъ изучить, чтобы сказать «я изучилъ», и наоборотъ? Все это, конечно, очень странные вопросы, но они требуютъ рѣшенія, если принять, что дѣйствіе несовершеннаго вида тянется дальше, чѣмъ дѣйствіе совершеннаго вида. Я употребилъ два часа на писаніе письма; какъ я долженъ сказать: «я писалъ» или «написалъ»? Ужъ, конечно, не въ двухъ часахъ заключается критерій для выбора вида.

Но неосновательность теоріи, различающей виды по продолжительности дѣйствія, еще ярче выступитъ, если мы вспомнимъ, что существуетъ огромная масса глаголовъ, означающихъ такія дѣйствія и состоянія, которыя временемъ никто никогда и не измѣряетъ. Какъ приложить мѣрку времени для отличія глаголовъ: уважать и уважить, изумляться и изумиться, отчаяваться и отчаяться, понимать и понять и т. д.? Конечно, и подобныя душевныя проявленія имѣютъ, какъ всякое дѣйствіе, нѣкоторую *продолжительность*, *но ихъ* измѣряютъ обыкновенно не по времени, а по силѣ.

Итакъ, мы видимъ, что всѣ предлагаемыя опредѣленія видовъ не особенно удачны. Что же такое въ самомъ дѣлѣ видъ? Прежде чѣмъ попытаться выяснить содержаніе этого понятія, мы установимъ его объемъ.

Совершенный видъ, по ученію грамматикъ, производ*ится отъ несовершеннаго съ помощью* измѣненій корня и приставки суффикса или съ помощью прибавленія пред-

лога. Отъ «дѣлаю» такимъ образомъ производится до 16 глаголовъ: воздѣлаю, вдѣлаю, выдѣлаю, додѣлаю, задѣлаю, надѣлаю, обдѣлаю, отдѣлаю, подѣлаю, передѣлаю, придѣлаю, раздѣлаю, сдѣлаю. Отъ «носить» съ помощью продлога можно образовать, не измѣняя формы «носить», до 17 глаголовъ совершеннаго вида, отъ «водить» до 18 и т. д. Считать ли подобныя группы въ 16, 17 и 18 видовыхъ формъ однимъ глаголомъ, или это все разные глаголы? Конечно, это не одинъ и тотъ же глаголъ по смыслу. Видъ вовсе не формальная категорія, это какое-то свойство, присущее значенію глагола. По виду должны различаться двѣ формы одинаковаго значенія: иначе говоря, виды есть оттѣнки въ одномъ глаголѣ, въ одномъ значеніи. Формы «дѣлать» и «задѣлать» по внѣшности сходны, но по значенію ничего не имѣютъ общаго: «задѣлать окно» значитъ закрыть его наглухо, безъ просвѣту. Очевидно, отъ глагола «дѣлать» глаголъ «задѣлать» отличается не видовымъ только оттѣнкомъ, а своимъ значеніемъ во всемъ его объемѣ. Не можетъ же совершенный видъ отъ глагола «дѣлать» означать то же, что «закрыть наглухо»: эти глаголы совершенно разнородны по смыслу. Это, значитъ, не два вида, а два глагола. Точно также между глаголами «задѣлать» и «передѣлать» нѣтъ ничего общаго: «задѣлать» значитъ «закрыть наглухо», а «передѣлать» значитъ «опять сдѣлать съ цѣлью исправленія». Очевидно, «задѣлать» и «передѣлать» не суть два вида, производныхъ отъ одного глагола, это два глагола, стоящіе рядомъ съ третьимъ глаголомъ «дѣлать».

Но совершенно другую роль играетъ форма «сдѣлать». Одинаково можно сказать «дѣлать» и «сдѣлать», напр., прогулку, столъ, переплетъ, часы, глупость, наблюденіе и т. д. «Дѣлать» будетъ отличаться отъ «сдѣлать» только оттѣнкомъ смысла, а не смысломъ; это одинъ и тотъ же глаголъ, обусловленный однимъ и тѣмъ же значеніемъ, но это два вида этого одного глагола. Изъ всѣхъ 16 сложныхъ глаголовъ ни одинъ не можетъ постоянно замѣняться простымъ глаголомъ «сдѣлать». Итакъ, «сдѣлать» есть со-

вершенный видъ отъ глагола «дѣлать», а всѣ остальные 15 формъ суть не виды, а отдѣльные глаголы. Мы въ этомъ вполнѣ убѣдимся, если припомнимъ еще рядъ формъ, производныхъ отъ «дѣлать» съ бо́льшимъ измѣненіемъ этого слова, именно съ прибавкою суффикса: воздѣлываю, вдѣлываю, выдѣлываю, додѣлываю, задѣлываю, надѣлываю, наддѣлываю, обдѣлываю, отдѣлываю, подѣлываю, поддѣлываю, передѣлываю, придѣлываю, продѣлываю, раздѣлываю,— итого 15 глаголовъ, Не хватаетъ одного только, сотвѣтственнаго формѣ «сдѣлаю». Всѣ перечисленные 15 глаголовъ вида несовершеннаго; такимъ образомъ мы имѣемъ 15 паръ: воздѣлаю и воздѣлываю, вдѣлаю и вдѣлываю и т. д.; каждая пара представляетъ два вида одного глагола, каждому несовершенному виду соотвѣтствуетъ совершенный. Остается у насъ еще два глагола: «дѣлать» и «сдѣлать». Очевидно, это не отдѣльные глаголы, а два вида одного глагола. Итакъ, мы имѣемъ 16 глаголовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ два вида; 16-ая пара видовъ, составляющая одинъ глаголъ, это «дѣлать» и «сдѣлать».

Въ латинскомъ языкѣ мы найдемъ яркое подтвержденіе этому различію между видами и глаголами. Воздѣлывать, воздѣлать—excolere; вдѣлывать, вдѣлать—includere, immittere и т. д.; выдѣлывать, выдѣлать—efficere, formare и т. д.; задѣлать — obsepire; обдѣлать — perpolire, circumstuere и т. д.; придѣлать—abiungere, affingere и т. д. Мы видимъ, что каждая пара видовъ объединяется въ одномъ глаголѣ, но зато никакимъ образомъ нельзя объединить въ одномъ глаголѣ такихъ двухъ значеній, какъ «воздѣлывать» и «поддѣлывать», «выдѣлывать» и «задѣлывать», «придѣлать» и «обдѣлать», и т. д. Каждая пара подобныхъ значеній представляетъ собою совершенно разнородные элементы, различные по смыслу. Русскіе глаголы различаются, значитъ, въ латинскомъ переводѣ, русскіе виды объединяются. Такъ какъ «сдѣлать» есть не отдѣльный глаголъ по отношенію къ «дѣлать», а только видъ, то и въ

латинскомъ языкѣ «дѣлать» и «сдѣлать» объединено въ одномъ глаголѣ facere: feci значитъ «я дѣлалъ» и «я сдѣлалъ», но feci не значитъ: «я поддѣлалъ,» «я задѣлалъ,» «я передѣлалъ» и т. д.

Итакъ, мы видѣли, что прибавленіе къ глаголу предлога далеко не всегда образуетъ совершенный видъ отъ даннаго же глагола; чаще всего, прибавляя предлогъ, мы получаемъ не новый видъ, а новый глаголъ съ особымъ значеніемъ и особой формой для несовершеннаго вида. Вопросъ о видѣ мы должны поэтому рѣшить не изъ сравненія, напр., глагола «дѣлать» съ 16 сложными съ нимъ, а только изъ сравненія «дѣлать» съ формою «сдѣлать» и изъ отдѣльнаго сравненія элементовъ въ каждой изъ остальныхъ 15 паръ видовыхъ; мы должны сравнивать не пары, а только элементы каждой пары другъ съ другомъ.

Теперь спрашивается, почему же предлогъ образуетъ иной разъ не новый глаголъ, а только видъ, и какая же разница между совершеннымъ и несовершеннымъ видомъ. Постараемся подойти къ рѣшенію этихъ вопросовъ путемъ разбора выраженій, въ которыхъ долженъ быть тотъ, а не другой изъ двухъ видовъ.

Время винительнымъ падежомъ безъ предлога означается только въ томъ случаѣ, когда дѣйствіе происходило весь обозначенный именемъ срокъ. Такой винительный обыкновенно опредѣляется словами: весь, цѣлый, круглый. Присоединяя такой винительный къ глаголамъ различнаго вида, мы замѣчаемъ, что при глаголахъ совершеннаго вида прибавленіе словъ: «круглый весь, цѣлый», оказывается плеоназмомъ, такъ какъ глаголы и безъ этихъ опредѣленій имѣютъ то же значеніе: «я проспалъ день»,—«я проспалъ весь день»; «я пробылъ святки въ Москвѣ»,—«я пробылъ цѣлыя святки въ Москвѣ»; «онъ проскучалъ дорогу»,— «онъ проскучалъ всю дорогу», и т. д. Наоборотъ, при глаголахъ несовершеннаго вида винительный падежъ безъ опредѣленія не ставится, не говорятъ: «я спалъ день», «я былъ святки въ Москвѣ», «онъ скучалъ дорогу». Винительный безъ опредѣленія при несовершенномъ видѣ можно употребить

только при противоположеніи, выставивши его на первое мѣсто въ предложеніи и поставивши на немъ сильное логическое удареніе: «день я читалъ, а ночь спалъ». Такимъ образомъ совершенный видъ самъ по себѣ означаетъ, что дѣйствіе заняло все опредѣленное время, а при несовершенномъ видѣ этотъ оттѣнокъ въ смыслѣ заключается не въ глаголѣ, а въ другихъ словахъ предложенія. Это явленіе мы замѣтимъ и при другихъ обстоятельствахъ. Чтобы выразить мысль: «я прочиталъ эту книгу»,—съ помощью несовершеннаго вида, мы должны добавить «всю»: «я читалъ всю эту книгу». Точно такъ же, если «въ» съ вин. п. означаетъ точно опредѣленный и при томъ весь срокъ, то при немъ можетъ быть только несовершенный видъ: «этотъ домъ выстроенъ (а не «строенъ») въ полгода»; «я прочиталъ (а не «читалъ») книгу въ двѣ недѣли»; «греки едва взяли (а не «брали») Трою въ десять лѣтъ»; «я прошелъ (а не «шелъ») весь путь въ часъ»; «этого не сдѣлаешь (а не «будешь дѣлать») въ годъ», и т. д.

При глаголахъ «стать», «начинать», при выраженіяхъ «ну», «давай» неопредѣленное можетъ стоять только въ несовершенномъ видѣ. Въ этомъ случаѣ дѣйствіе не можетъ укладываться въ точно опредѣленные предѣлы времени; поэтому не можетъ быть совершеннаго вида, какъ означающаго дѣйствіе, имѣющее конечный срокъ. Та же разница между видами наблюдается и при всякомъ обозначеніи объекта. Почему нельзя сказать «сдѣлать гимнастику»[1]) и «хватать заразу»? Почему при объектѣ дѣйствія «гимнастика» не можетъ быть совершеннаго вида? Очевидно, потому, что при дѣйствіи нельзя охватить всего объекта или точно опредѣленной его части. Точно также объектъ «зараза» можетъ быть охваченъ только сразу, какъ одно цѣлое, а не по частямъ, точно не опредѣленнымъ.

Такимъ образомъ мы въ правѣ заключить, что несовершенный видъ означаетъ, что дѣйствіе не рас-

---

[1]) **Такъ можно выразиться только о постройкѣ и установкѣ гимнастическихъ приборовъ, но нельзя о гимнастическихъ упражненіяхъ.**

пространилось еще на весь предметъ, на точно опредѣленную часть предмета или на точно опредѣленную группу предметовъ, что дѣйствію подвергаются только еще нѣкоторыя части предмета или нѣкоторые члены определенной группы; совершенный видъ, напротивъ, означаетъ дѣйствіе, распространившееся на весь точно обозначенный объектъ, будетъ ли этимъ объектомъ отдѣльный предметъ или группа предметовъ. «Шить сапоги, ѣсть кусокъ, раздѣлять добычу, наполнять ведро, рисовать картину, дѣлать столъ, сѣять сѣмена, собирать дань, стирать пятно», и т. д., — во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣйствіе распространяется пока еще не на весь объектъ: сапоги еще не во всѣхъ частяхъ сшиты, кусокъ не весь съѣденъ, добыча не вся роздана, ведро еще не полно, картина не окончена, и т. д. Если же дѣйствіе распространяется на весь объектъ, то мы говоримъ: «сшить сапоги, съѣсть кусокъ, раздѣлить добычу, стереть пятно», и т. д. «Выпить молоко, насыпать песку, достигнуть славы, проявить гнѣвъ», и т. д.,—тутъ дѣйствіе распространено на точно опредѣленную часть объекта, на точно обозначенный объектъ его. Если объектъ выраженъ множественнымъ числомъ, то совершенный видъ означаетъ, что дѣйствіе распространились на всю группу, а несовершенный —, что иные, не опредѣляемые точно элементы группы уже испытали на себѣ дѣйствіе, а другіе, тоже не опредѣляемые точно, еще не испытали и только испытаютъ или нѣтъ послѣ, вслѣдъ за первыми. «Я читалъ эти книги»,—дѣйствіе распространялось на предметы, но на всѣ ли предметы, на всѣ ли ихъ элементы, на каждую ли страницу, это неизвѣстно. «Я прочиталъ эти книги»,—дѣйствіе распространилось на всю, точно опредѣленную группу. Если дѣйствіе носитъ такой характеръ, что вовсе не допускаетъ постепенности перехода отъ одной части предмета къ другой, то глаголъ не можетъ имѣть несовершеннаго вида (очнуться, хлынуть, очутиться, опомниться и др.). Бываетъ и наоборотъ: глаголы: «соревновать», «подражать»,

«подплясывать», «припѣвать», «подсвистывать» и другіе, означающіе, что дѣйствіе ихъ сопровождаетъ другое дѣйствіе, не имѣютъ совершеннаго вида, потому что точное опредѣленіе срока или объекта зависитъ не отъ нихъ, а отъ тѣхъ другихъ глаголовъ. Отъ глаголовъ: «обожать», «отсвѣчивать», «стоить», «принадлежать», «предвидѣть» и др., совершеннаго вида не можетъ быть, потому что ихъ дѣйствіе не можетъ уложиться въ извѣстные предѣлы: стоимость, напр., всегда и вездѣ сопровождаетъ вещь; предвидѣніе, если разъ существуетъ, не можетъ ограничиться предѣлами одного объекта, и т. д. Глаголы: «совѣщаться», «увѣщевать», «преслѣдовать», «порываться» и др., не имѣютъ совершеннаго вида, потому что, когда «увѣщаніе» распространилось на весь объектъ (т. е. на всѣ стороны душевной жизни, которыя могутъ подлежать увѣщанію), то въ результатѣ является уже не «увѣщаніе», а «убѣжденіе» объекта; когда «преслѣдованіе» прошло всѣ пункты до предѣла, то въ результатѣ является уже не «преслѣдованіе», а «настиженіе» объекта; когда «порывы» распространились на весь объектъ, то получается «достиженіе» или «недостиженіе» цѣли, и т. д.

Въ страдательномъ залогѣ глаголы несравненно чаще употребляются въ совершенномъ, чѣмъ въ несовершенномъ видѣ. Такъ какъ распространеніе дѣйствія въ этомъ случаѣ лежитъ внѣ воли лица, испытывающаго дѣйствіе, такъ какъ это лицо чаще всего не знаетъ даже, насколько распространится дѣйствіе, то мы склонны останавливаться только на тѣхъ предѣлахъ дѣйствія, которые оно уже испытало, и считать такимъ образомъ дѣйствіе точно опредѣленнымъ.

Что касается глаголовъ среднихъ, означающихъ, какъ мы сказали, взаимодѣйствіе между элементами въ сферѣ одного предмета, то тутъ не всегда можно точно прослѣдить, распространяется ли дѣйствіе на весь объектъ или только пока на нѣкоторыя части его. Дѣло въ томъ, что мы часто не знаемъ самыхъ взаимодѣйствующихъ элементовъ, а видимъ только проявленіе дѣйствія. Говоря о засы-

ханіи цвѣтка, мы констатируемъ явленіе, не будучи въ состояніи прямо указать ни элементовъ цвѣтка, производящихъ дѣйствіе, ни элементовъ, составляющихъ собою объектъ дѣйствія. Не зная объекта, мы не можемъ, конечно, точно указать предѣловъ, до которыхъ распространилось или распространяется на него дѣйствіе. Но не умѣя назвать объекта, мы все-таки отлично знаемъ общій результатъ взаимодѣйствія, т.-е. знаемъ, распространилось ли дѣйствіе на весь объектъ или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ мы скажемъ: «цвѣтокъ засохъ», во второмъ: «цвѣтокъ засыхалъ». Мы знаемъ итогъ взаимодѣйствія, не зная самыхъ элементовъ. Такимъ образомъ совершенный видъ у глаголовъ средняго залога тѣмъ же отличается отъ несовершеннаго, чѣмъ и у другихъ глаголовъ. Если объектъ дѣйствія и предѣлы послѣдняго не всегда наглядны для насъ, мы все-таки всегда знаемъ, на весь ли объектъ распространилось дѣйствіе или не на весь. Если мы не знаемъ взаимодѣйствующихъ элементовъ, то глаголы совершеннаго вида означаютъ для насъ только законченный результатъ взаимодѣйствій, проявившихся въ сферѣ какого-нибудь предмета.

Опредѣливши въ общихъ чертахъ значеніе совершеннаго и несовершеннаго вида, посмотримъ теперь, какую роль играютъ въ глаголѣ приставные предлоги. Въ педагогическомъ отношеніи изученіе этой роли имѣетъ огромное значеніе. При изученіи латинскаго языка огромная масса силъ и времени тратится на заучиванье словъ, межъ тѣмъ это заучиванье само по себѣ вліяетъ развѣ только на развитіе памяти и необходимо только какъ неизбѣжное средство, дающее матеріалъ, оперированіе надъ которымъ и развиваетъ умственныя силы. Облегчить это заучиванье, поставить его раціональнымъ образомъ, должно быть задачей каждаго преподавателя. Заучиванье словъ безъ пониманія ихъ взаимной связи и взаимнаго производства, безъ выясненія составныхъ частей и переходовъ отъ одного значенія къ другому—работа чисто египетская и совершенно безплодная. Она будетъ плодотворной только при томъ условіи, если въ нее будутъ внесены обобщенія, законы, причин-

ность и логическія основанія. Пониманіе роли приставныхъ предлоговъ является однимъ изъ условій, облегчающихъ и дѣлающихъ плодотворнымъ изученіе словъ. Въ самомъ дѣлѣ, представьте, что отъ 10 какихъ-нибудь коренныхъ глаголовъ происходитъ еще 100 производныхъ посредствомъ предлоговъ. Не зная роли предлога, ученикъ долженъ механически выучить 110 словъ, при чемъ всѣ оттѣнки въ значеніяхъ произведутъ полный хаосъ въ его головѣ, такъ что при переводахъ онъ никогда не сумѣетъ разобраться въ нихъ. Если же ученикъ знаетъ роль предлоговъ, то вмѣсто 110 ему придется выучить только 10 словъ, а остальныя онъ п о й м е т ъ, такъ что ему незачѣмъ будетъ ихъ заучивать механически. При раціональномъ преподаваніи ни одинъ глаголъ не долженъ заучиваться безъ выясненія его состава, ни одинъ сложный съ предлогомъ глаголъ не долженъ заучиваться безъ ознакомленія съ кореннымъ глаголомъ. Если ученикъ встрѣчаетъ сложный, не зная еще коренного, то онъ долженъ тутъ же заучить и коренной глаголъ. Приставку въ сложныхъ при записываніи полезно постоянно отдѣлять какъ-нибудь отъ корня или рядомъ съ сложнымъ ставить въ скобкахъ составныя его части.

Такъ какъ въ учебникахъ грамматики обыкновенно ни слова не говорится о значеніи приставныхъ предлоговъ, несмотря на всю важность и необходимость подобныхъ свѣдѣній, и такъ какъ знать роль предлоговъ нужно на самыхъ первыхъ порахъ при изученіи глагола, то мы займемся этой ролью немного больше, чѣмъ сколько нужно намъ *для выясненія вопроса о видахъ глагола.*

Въ русскомъ языкѣ съ глаголами соединяются слѣдующіе предлоги: безъ, воз, въ, вы, до, за, изъ, на, надъ, о, отъ, по, подъ, пре, предъ, при, про, раз, съ, у; въ латинскомъ: ab, ad, ante, circum, cum, de, e, inter, intra, in, ob, per, post, prae, praeter, pro, sub, super, trans, dis, re, se[1]).

---

[1]) Не считаемъ contra и supra, которые встрѣчаются только у позднѣйшихъ писателей (contradico—противорѣчу, contrapono—про-

Предлогъ безъ никогда не образуетъ одного глагола отъ другого, никогда не служитъ для образованія вида: всѣ глаголы съ «безъ» образовались отъ именъ существительныхъ, всѣ они несовершеннаго вида. Такъ какъ «безъ» означаетъ отрицаніе или лишеніе, то въ латинскомъ ему соотвѣтствуютъ предлоги de и in (deformare безобразить, insanire безумствовать и др.).

Положеніе одного предмета впереди другого выражается въ русскомъ языкѣ предлогомъ предъ, а въ латинскомъ предлогами ante, prae и pro. Уже изъ сравненія числа предлоговъ мы видимъ, что положеніе одного предмета впереди другого въ латинскомъ языкѣ чаще выражается глаголами, чѣмъ въ русскомъ, гдѣ для этого служатъ большею частью обстоятельственныя слова. Въ русскомъ языкѣ «предъ» приставляется къ глаголамъ, означающимъ знаніе будущаго. и очень рѣдко имѣетъ только мѣстное значеніе, да и то только при глаголахъ, означающихъ хожденіе. Поэтому-то только въ такихъ глаголахъ ante и prae можно переводить приставочнымъ «передъ», а во всѣхъ остальныхъ случаяхъ латинскую приставку приходится выражать нарѣчіями: «впереди», «раньше», «впередъ» и т. д. Anteeo, antecedo, antegredior, praeeo, praecedo, praegredior—предшествовать, предупреждать; точно такъ же приставочнымъ «предъ» переводятся всѣ глаголы, означающіе предугадыванье будущаго, которое въ латинскомъ языкѣ выражается только предлогомъ prae, а не ante: praemonere, praecanere предостерегать, praedicere предсказывать, praenunciare предвѣщать, praesentire предчувствовать и др. Глаголы же, не подходящіе подъ эти группы, могутъ переводиться только съ помощью добавочныхъ нарѣчій: «впередъ», «впереди», «раньше» и др., напр.: prae-cinere, cludere, consumere, corrumpere, currere, damnare, discere, ducere, esse, ferre, mittere (не «предпосылать»), occupare и т. д.; ante встрѣчается рѣдко: ante-ferre, mittere и др. Если же глаголы съ предлогами ante и prae мы переводимъ безъ прибавочнаго

тивополагаю, suprascando и др.), и subter, два—три раза встрѣчающееся у лучшихъ писателей (subterfugere, subterlabi).

«предъ» и безъ добавочныхъ нарѣчій, то, значитъ, самый глаголъ заключаетъ уже въ себѣ понятіе, выражаемое въ другихъ случаяхъ предлогомъ «предъ» или нарѣчіями: praeparere приготовлять, antecedere опережать. Если ante и prae выражаютъ превосходство одного предмета передъ другимъ (а не только предпочтеніе), то переводятся приставочнымъ пре, означающимъ тоже превосходство: ante и prae-cellere, stare и др. Иногда «пре» (пере) означаетъ превосходство одного дѣйствія передъ другимъ, выражаемое въ латинскомъ языкѣ тоже предлогомъ prae: praeripere перехватывать, praecludere прекращать, преградить, praecidere amicitiam прерывать дружбу и т. п. Сходясь въ значеніи превосходства, исходныя точки предлоги prae и «пре» имѣютъ совершенно различныя: prae означаетъ положеніе предмета впереди другого, а «пре»—переходъ одного предмета черезъ другой.

Предлогъ pro, отдѣльно употребляясь въ значеніи «предъ», въ сложныхъ глаголахъ имѣетъ совершенно иное значеніе, чѣмъ ante и prae. При послѣднихъ предлогахъ два однозначныя дѣйствія сравниваются въ порядкѣ мѣста или времени, а pro не заключаетъ въ себѣ никакого сравненія. Pro означаетъ движеніе или стремленіе впередъ; тутъ не два предмета перегоняютъ или пересиливаютъ другъ друга въ дѣйствіи, тутъ дѣйствуетъ одинъ предметъ, безотносительно къ другимъ проявляя стремленіе впередъ. При переводѣ глаголовъ сложныхъ съ pro въ русскомъ языкѣ берется совершенно другая точка зрѣнія на дѣйствіе. Въ латинскихъ глаголахъ дѣйствіе разсматривается какъ движеніе къ точкѣ цѣли, въ русскихъ же какъ движеніе отъ точки отправленія; въ первомъ случаѣ дѣйствіе разсматривается въ отношеніи къ тому, что впереди, въ второмъ—въ отношеніи къ тому, что осталось позади. Если точка отправленія внутри предмета, то берутся предлоги «вы», «изъ»; если точка отправленія рядомъ съ предметомъ, то берется предлогъ «отъ»: выступать, выходить procedere, prodire; выбросить proicere; выбѣжать procurrere; вынести pro-

ferre; вытекать profluere; выковывать procudere; издавать prodere; высовывать proferre caput и т. д.; proficisci отправляться, procrastinare отсрочивать, prodicere diem откладывать и т. д. Proficisci, напр., не тождественно съ «отправляться»; первое означаетъ движеніе къ точкѣ, второе—движеніе отъ точки. То же различіе сохраняется и въ переносномъ смыслѣ глаголовъ; proficere, procedere намекаетъ на будущіе результаты, «успѣвать»—на достигнутые уже. Если движеніе впередъ означено уже самымъ глаголомъ помимо предлога, то плеонастическій предлогъ не переводится: procurare заботиться, profligare опрокидывать, res proclinata дѣло, клонящееся къ окончанію. Иногда трудность передать предлогъ pro ведетъ къ переводу только синонимному, но не тождественному: напр., profanare означаетъ движеніе впередъ изъ святилища, а въ переводѣ нѣтъ даже намека на движеніе («осквернять»); profiteri, proclamare означаетъ выступленіе впередъ съ извѣстною цѣлью, а въ переводѣ нѣтъ намека на движеніе впередъ («объявлять», «провозглашать» и др.); переводя prodere черезъ «передавать», мы вмѣсто движенія, передаванія впередъ, отмѣчаемъ смѣну поколѣній и переходъ отъ одного къ другому. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ русскомъ языкѣ вовсе нѣтъ предлога соотвѣтственнаго латинскому pro; поэтому-то при переводѣ глаголовъ сложныхъ съ pro приходится брать большею частью только синонимныя выраженія или устанавливать другую точку зрѣнія на дѣйствіе: переводъ выходитъ у насъ не тождественный, а только приблизительный.

Предлогъ post тоже не имѣетъ соотвѣтственнаго въ русскомъ и переводится нарѣчіемъ («ниже»), употребляясь всего въ трехъ глаголахъ одинаковаго значенія: posthabere, postponere и (у Ливія) postferre.

Съ super (= «надъ») много сложныхъ глаголовъ, но они употребляются только у позднѣйшихъ писателей и поэтовъ, если не считать superesse и supersedere.

Между предлогами sub и подъ мы находимъ полное соотвѣтствіе: subdere, subicere, подбрасывать, подклады-

вать, subducere подводить, subigere, subiungere подчинять, subire подойти, sublevare поднимать, submitterre подсылать, подпускать, submutare подмѣнять и т. д. Submergere переводимъ безъ предлога («потоплять»), потому что значеніе предлога есть уже въ самомъ глаголѣ. Кромѣ обычнаго значенія, sub указываетъ иногда, что дѣйствіе проявляется въ небольшой степени, слабѣе обыкновеннаго, и тогда переводится описательными выраженіями: «нѣсколько», «немного», «слегка», напр.: sub-docere, accusare, irasci, labi, ornare, auscultare и т. п.

Движеніе съ одной стороны черезъ предметъ на другую его сторону выражается предлогомъ trans, которому вполнѣ соотвѣтствуетъ употребляемый только въ сложеніи предлогъ пере. Trans слагается обыкновенно съ глаголами, означающими движеніе по сушѣ или водѣ (переправлять traducere, traicere, пересылать transmittere, переносить transferre, transportare), и рѣже означаетъ вообще перемѣщеніе чрезъ предметъ съ одного мѣста на другое (transfundere переливать, transscribere переписывать и др.). Въ одномъ случаѣ trans означаетъ движеніе съ одной стороны на другую сквозь среду предмета и соотвѣтствуетъ предлогу «про», означающему то же самое; это въ глаголахъ: traicere, transfigere, transfodere пронзать, прокалывать, пронизать. Иногда и при trans въ переводѣ на русскій берется иная точка зрѣнія на предметъ, напр.: transire silentio означаетъ движеніе мимо предмета.

Въ глаголахъ transfigere и «пронзить» все-таки различныя точки зрѣнія на дѣйствіе. Trans означаетъ, что копье, напр., съ одной стороны предмета очутилось на другой, но «про» не заключаетъ въ себѣ противоположенія двухъ сторонъ, а только означаетъ проникновеніе черезъ среду. Это проникновеніе въ среду и движеніе въ средѣ въ латинскомъ языкѣ выражается не черезъ trans, а предлогомъ per. Per вполнѣ тождественно съ предлогомъ сквозь, но не совпадаетъ по числу обнимаемыхъ имъ случаевъ съ предлогомъ «чрезъ». «Чрезъ» обнимаетъ собою trans и per, означая какъ переходъ съ одной стороны на другую, обу-

словленный движеніемъ по поверхности, такъ и проникновеніе черезъ среду. Переводя per предлогомъ «черезъ», грамматики часто вводятъ учениковъ въ ошибку, такъ какъ ученики перестаютъ различать per и trans. Но въ сложныхъ глаголахъ не употребляется ни «черезъ» (=per и trans) ни «сквозь» (=per); первая роль предлога «черезъ» (=trans) замѣняется предлогомъ «пере», а вторая (=per), тождественная съ «сквозь», замѣняется предлогомъ «про» (пролѣзть, продвинуть, продѣть, протечь и т. д.).

Латинское per играетъ двѣ роли, изъ которыхъ вторая развивалась изъ основной первой (сквозь). Въ значеніи «сквозь» per вездѣ и точно соотвѣтствуетъ предлогу «про»: pertinere простираться, peragrare проѣзжать, pergere продолжать, percurrere пробѣжать, просматривать, perspicere проникать взоромъ, perequitare проѣхать верхомъ, perducere проводить, perfringere прорывать, проламывать, perire пропадать, percensere просматривать, percutere fulmine пронзать, perforare проломать и мн. др. Переходомъ отъ первой роли ко второй служатъ тѣ случаи, гдѣ «сквозь» означаетъ время и соотвѣтствуетъ русскому «напролетъ», «сплошь»: perbacchari multos dies прокутить много дней, perpotare ad vesperum пропить до вечера. Отсюда можно уже видѣть, что вторая роль предлога per — усиленіе дѣйствія: дѣйствіе распространяется какъ бы сквозь весь объектъ, проникая объектъ во всѣхъ его частяхъ. Проникновеніе дѣйствія сквозь весь объектъ по-русски выражается предлогами «вы» и «изъ», означающими, что дѣйствіе, проникнувъ весь объектъ, по необходимости должно удалиться отъ объекта (эти предлоги означаютъ собственно удаленіе изнутри предмета), и предлогомъ «раз», означающимъ уже не конечную точку, а начальную, отъ которой дѣйствіе распространяется, проникая весь объектъ. Поэтому, когда per означаетъ проникновеніе дѣйствія по всему объекту, то переводится предлогами «изъ» (percellere hostes избивать, perfungi исправлять, permetiri измѣрять, perquirere изслѣдовать, periclitari испытывать и т. д.), «вы» (perdiscere выучиваться, perferre

выносить, perfungi выполнять, permetiri вымѣрять, persolvere выплачивать, percontari выспрашивать, perpeti вытерпѣть и др.) и «раз» (percelebrare разславлять, perquirere, percontari разспрашивать, perfringere разламывать, pernoscere разузнавать, perspicere разсматривать и т. д.). Иногда проникновеніе сквозь весь объектъ нельзя выразить предлогомъ, и приходится употреблять нарѣчія «сильно» (percrepare, peragitare, perdolere, perhorrescere, perterrere, perseverare, perstare, pertaesum est и др.), «вполнѣ» (perfrui, permutare, perimere sensum и др.); а иногда глаголъ, заключая въ самомъ себѣ смыслъ, сообщаемый предлогомъ, обходится безъ добавочнаго предлога (perire гибнуть, perficere оканчивать, perimere убивать, persuadere убѣдить — сравнительно съ менѣе сильнымъ по значенію suadere совѣтовать; когда совѣтованье проникло весь объектъ, то появляется убѣжденіе). Если же иногда per какъ бы смѣшивается съ trans и переводится «пере», то это объясняется различіемъ точекъ зрѣнія на дѣйствіе: perfugere, pernoctare имѣютъ въ виду пространство между лагерями двухъ враждебныхъ сторонъ и между вечеромъ и утромъ, а «перебѣгать», «переночевать» имѣютъ въ виду противоположеніе двухъ предметовъ — двухъ лагерей и двухъ дней, раздѣляемыхъ ночью.

Вторую роль предлога «про», именно, когда онъ соотвѣтствуетъ нарѣчію «мимо», играетъ предлогъ praeter (praeterfluere протекать, praetermittere пропускать, praetervolare пролетать, проскользать и др.).

Двѣ роли предлога ex — движеніе изнутри предмета и движеніе вонъ изъ среды предмета, когда предметъ сплошь подвергся дѣйствію и дѣйствіе по необходимости должно удалиться отъ него, — исполняютъ предлоги «изъ» и «вы»: ablandiri выманивать, effari выражать, effeminare изнѣжить, efflagitare вытребовать, evanescere исчезать, excusare извинять и др.,—здѣсь предлоги играютъ вторую роль, очень сходную съ ролью предлоговъ per = «вы», «изъ», указанною нами выше, такъ что можно безразлично брать exagitare и peragitare, emetiri и permetiri, perquirere и

exquirere; въ такихъ же глаголахъ, какъ: educere, efferre, emergere и др., предлоги ex = «вы», «изъ» играютъ первую свою роль, означая движеніе изнутри предмета. Иногда движеніе изнутри усложняется еще своимъ направленіемъ вверхъ; въ русскомъ языкѣ пересиливаетъ второе свойство, такъ что выражается только направленіе вверхъ предлогомъ «воз» (вз): exardescere воспламеняться, excedere возвышаться, excitare возбуждать, exfervescere вскипать, expendere взвѣшивать, educare воспитывать и т. д.[1]).

Предлогъ re означаетъ движеніе назадъ и возвращеніе къ прежнему дѣйствію; въ первомъ случаѣ онъ то переводится нарѣчіемъ «назадъ» (recedere итти назадъ, recurrere бѣжать назадъ и т. д.), то предлогомъ «отъ» (recedere отступать, redigere отгонять, recusare отказываться, recinere отдаваться, reddere отдавать и т. д.). Но предлогъ «отъ», замѣняя недостающій въ русскомъ языкѣ предлогъ съ значеніемъ re, собственно говоря, устанавливаетъ на дѣйствіе иную точку зрѣнія, чѣмъ re. Движеніе назадъ обусловливается встрѣчею препятствующаго предмета; предлогъ re предполагаетъ движеніе до препятствія и назадъ отъ препятствія, а «отъ» выражаетъ только второй моментъ, именно удаленіе отъ предмета. Для выраженія движенія назадъ во времени къ прежнему дѣйствію въ русскомъ языкѣ опять нѣтъ точно соотвѣтствующаго предлога; поэтому приходится то довольствоваться описательными оборотами, составленными съ помощью нарѣчій «опять», «снова» (rebellare, recalescere, recolligere, reconciliare и др.), то брать различныя синонимныя выраженія, напр.: recitare читать вслухъ (собственно: возстанавливать въ памяти, какъ доказательство во время судебнаго процесса), recognoscere провѣрять (собственно: узнавать снова уже извѣстное раньше), recreare

---

[1]) Замѣчательно, что въ elevare (какъ и въ tollere) совмѣщаются противоположныя значенія: „возвышать“ и „унижать“. Elevare verbis = возвышать только на словахъ, а на дѣлѣ считать низкимъ, т. е. унижать. „Считать пустяками“ трудное дѣло значитъ унижать дѣйствительность и возвышать въ воображеніи свои силы.

mentem собраться съ мыслями и т. д. Наконецъ, обѣ роли предлога re выражаются предлогомъ «воз», въ которомъ изъ движенія вверхъ развилось въ данномъ случаѣ значеніе движенія къ началу, назадъ: recedere, reverti, redire возвращаться, reconciliare возстановлять, recordari вспомнить, redintegrare возобновлять, reddere воздавать и т. д.

Движеніе прочь отъ предмета выражается двумя предлогами: ab и se. Изъ нихъ se имѣетъ болѣе тѣсное значеніе: онъ означаетъ отдѣленіе отъ предмета особой части и помѣщеніе ея въ сторонѣ; поэтому-то чуть не всѣ глаголы, сложные съ se, можно переводить однимъ словомъ «отдѣлять», хотя въ частности отдѣленіе можетъ проявляться то въ отводѣ (seducere), то въ отложеніи (seponere), то въ передвиганіи (semovere), то въ образованіи новаго стада, новой толпы (segregare) и т. д.

Предлогу ab (a) вполнѣ соотвѣтствуетъ русское «отъ», когда оно имѣетъ свое первоначальное значеніе (удаленіе отъ предмета). Иногда удаленіе отъ предмета разсматривается просто какъ движеніе вдаль, такъ что вниманіе сосредоточивается не на предметѣ, отъ котораго удаляются, а на самомъ актѣ удаленія. Это движеніе вдаль выражается въ русскомъ языкѣ предлогомъ «у», который употребляется часто безразлично вмѣстѣ съ «отъ» для перевода латинскаго ab: adigere отгонять и угонять, abducere отводить и уводить, abire отойти и уйти, abstrahere отвлекать и увлекать, avolare отлетать и улетать, avehere отвозить и увозить, и т. д.

Предлогъ circum, означая движеніе вокругъ предмета, вполнѣ соотвѣтствуетъ предлогу «о», «объ» (circumcidere обрѣзать, circumfundere обливать, circumdare окружать и т. д.). Тому же «объ» соотвѣствуетъ употребляемый только слитно предлогъ «amb» (amicire одѣвать, amplecti обнимать и т. д.).

Предлогу inter въ русскомъ языкѣ нѣтъ ни одного соотвѣтствующаго. Inter выражаетъ направленіе дѣйствія въ среду, на предметъ, лежащій между другими, или направленіе одного дѣйствія въ среду другихъ дѣйствій. Въ

русскомъ языкѣ необходимо устанавливается иная точка зрѣнія на дѣйствіе: то движеніе въ группу предметовъ разсматривается просто какъ движеніе внутрь (intercalare вставлять, intercedere вступаться и др.), то дѣйствіе на предметъ, лежащій среди другихъ, разсматривается какъ простой переходъ съ одной стороны группы на другую (intercidere, interrumpere перехватить, перервать и др.) или сквозь группу (intermittere пропускать и др.). Но чаще всего предлогъ ничѣмъ не выражается, такъ какъ для перевода берутся глаголы только синонимные, напр.: въ interficere, interimere, interire отмѣчается не вмѣшательство въ среду дѣйствій и предметовъ, а только конечный результатъ этого вмѣшательства («убивать», «умерщвлять», «погибать»), въ interdicere вмѣшательство тоже только подразумѣвается въ значеніи «запрещать», въ intercludere вмѣсто вмѣшательства отмѣчается удаленіе объекта отъ предмета («отрѣзать»), въ interrogare тоже утраченъ при переводѣ оттѣнокъ вмѣшательства, такъ какъ «спрашивать» не всегда значитъ вмѣшиваться въ разговоръ, и т. д.; однимъ словомъ, для перевода inter берутся самыя разнородныя точки зрѣнія на предметъ, совершенно не поддающіяся объединенію.

Ob означаетъ вообще движеніе навстрѣчу (occurrere, obire и др.). Такъ какъ при движеніи двухъ предметовъ навстрѣчу другъ другу предполагается столкновеніе ихъ, то предлогъ ob означаетъ обыкновенно враждебное движеніе навстрѣчу и соотвѣтствуетъ предлогу «противъ» (obducere callum dolori противоставлять, obstare, obsistere противиться и т. д.). Но предлогъ «противъ» въ русскомъ рѣдко слагается съ глаголами; поэтому чаще всего смыслъ движенія противъ и враждебности не выражается при переводѣ особыми предлогами: occidere падать (собственно: падать при враждебномъ столкновеніи), obire provinciam объѣзжать (собственно: встрѣчаться при проѣздѣ съ предметами), obire negotium брать на себя (собственно: итти навстрѣчу), obsidere осаждать (собственно: сидѣть противъ, съ враждебными цѣлями), occupare овладѣть (вра-

ждебно), obiurgare, obtrectare, obloqui (собственно: дѣйствовать противъ кого-нибудь на словахъ или иначе) и т. д.

Предлоги dis и «раз» означаютъ движеніе въ разныя стороны, при чемъ разлагается или предметъ на части или дѣйствіе на элементы, такъ что теряется единство дѣйствія (disgredi, discedere расходиться, dimicare — собственно: размахивать, diffidere разувѣриться[1]), и т. д.).

Изъ всѣхъ значеній предлога ad въ соединеніи съ глаголами употребляются только два: «при» и гораздо рѣже «до» (adducere доводить, admittere допускать, assequi догонять, adipisci достигать и др.). «До» означаетъ предѣлъ движенія, а «при» только направленіе движенія къ предмету; отдѣльно это направленіе къ предмету выражается предлогомъ «къ», который въ сложеніи съ глаголами всегда замѣняется предлогомъ «при», хотя «при» отдѣльно означаетъ касательное соединеніе съ предметомъ и соединеніе съ другимъ дѣйствіемъ. Предѣлъ движенія означается въ русскомъ также предлогомъ «подъ», такъ что ad часто безразлично переводится предлогами «при» и «подъ»: adire, accedere, aggredi приходить и подходить, accire призвать и подозвать, adducere приводить и подводить, afferre приносить и подносить, admiscere примѣшать и подмѣшать, accrescere прирастать и подростать, adigere пригонять и подгонять и др. Очень часто, наконецъ, предлогъ вовсе не выражается при переводѣ, напр.: adiuvare помогать (присоединять свое дѣйствіе къ дѣйствію другого), accendere зажигать (въ русскомъ словѣ означено начало дѣйствія, а въ латинскомъ приближеніе огня къ предмету), accusare обвинять (привлечь къ дѣлу), adhortari убѣждать (довести до убѣжденія), accidere падать (говорится о стрѣлѣ, падающей при цѣли), adoriri нападать (неожиданно явиться при городѣ) и др.

Движеніе внутрь выражается рѣже черезъ intra и обыкновенно черезъ in. Первый предлогъ къ движенію внутрь прибавляетъ послѣдующее помѣщеніе внутри. Оба

---

[1]) Распадаясь дѣйствіе все болѣе и болѣе ослабляется, такъ что доходитъ до отрицанія (ср. fidere и diffidere).

предлога переводятся черезъ «въ». Тѣмъ же предлогомъ in означается положеніе предмета на поверхности другого и такое движеніе къ предмету, когда предметъ даетъ или далъ бы при дальнѣйшемъ движеніи отпоръ (incedere наступать, intendere напрягать, invadere нападать и т. д.). Наконецъ, in въ немногихъ глаголахъ, большею частью производныхъ отъ прилагательныхъ, играетъ роль отрицанія «не»: insanire, indignari, ignorare, ignoscere, infiteri.

Предлогъ cum означаетъ вообще совокупность, будетъ ли то совокупность дѣйствующихъ лицъ или совокупность предметовъ, подлежащихъ дѣйствію, и переводится черезъ «съ». Кромѣ «съ» въ русскомъ языкѣ сосредоточиванье дѣйствія на предметѣ или на группѣ, когда дѣйствіе обнимаетъ всѣ части въ совокупности, выражается еще предлогомъ «у»; поэтому cum часто переводится черезъ «у»: coarguere уличать, cognoscere, comperire узнавать, cohortari убѣждать, уговаривать, concedere уступать, confirmare укрѣплять, conspicere увидѣть, consternere устилать и др.; иногда бываютъ оба перевода безразличны: coërcere сдерживать и удерживать, compensare сравнивать и уравнивать и др. Иные глаголы, означая дѣйствіе, обнимающее объектъ со всѣхъ сторонъ, въ русскомъ не могутъ соединяться съ предлогомъ «съ»; поэтому приходится для точности употреблять описательные обороты, если не отбрасывать вовсе оттѣнка сосредоточенія и усиленнаго проявленія дѣйствія; такъ, напр., при глаголахъ: collustrare, collucere, commendare, commentari, communire и др., предлогъ означаетъ, что дѣйствіе обнимаетъ всѣ стороны объекта; въ глаголахъ: confingere, complere, concidere, concitare, concrepare, confidere, confiteri, consectari и др., предлогъ означаетъ усиленное проявленіе дѣйствія («вполнѣ», «сильно», «постоянно» и т. д.).

Наконецъ, предлогъ de выражаетъ движеніе прочь отъ предмета. Если это движеніе идетъ горизонтально, то de переводится черезъ «отъ»: decedere отступать, deducere отводить, deerrare отставать, defendere отражать, defringere отломать и др.; если же движеніе идетъ вертикально,

сверху внизъ, то de переводится черезъ «съ»: decidere спадать (poma decidunt ex arbore), decurrere сбѣгать (внизъ), descendere слѣзать, decutere стряхивать, delabi спадать, desilire спрыгивать, deicere сбрасывать и др. Часто удаленіе отъ предмета обусловлено тѣмъ, что дѣйствіе вполнѣ проникнуло въ предметъ, проявилось въ немъ до возможной полноты, такъ что дѣйствующее лицо при всемъ желаніи продолжать дѣйствіе принуждено удалиться прочь: defungi отдѣлаться, пройти всѣ должности, deambulare нагуляться, decantare наскучить пѣніемъ, decoquere промотать и др. De такимъ образомъ часто означаетъ окончательный актъ, рѣшительное и послѣднее проявленіе дѣйствія: decernere, decertare (рѣшительно), deposcere (настоятельно), defendere, deferire (совершенно), deliberare (зрѣло), defatigare (вполнѣ), deflere, deplorare (горько), dedicare, deserere (навсегда), decumbere (о гладіаторахъ, падающихъ отъ изнеможенія), decipere (завлечь вполнѣ въ свои руки, въ обманъ) и т. д. Необходимость удаленія послѣ того, какъ дѣйствіе проявилось уже во всей полнотѣ, усиливается иной разъ до дѣйствія въ противоположномъ направленіи, такъ что глаголъ сложный съ de дѣлается какъ бы отрицательнымъ и противоположнымъ въ сравненіи съ простымъ глаголомъ: degenerare вырождаться, decrescere убывать, dediscere отучаться, dedocere отучать, defervescere остыть, destruere разломать, desuefacere отучать, deficere недоставать и т. д.

Сопоставляя все сказанное о значеніи слитныхъ предлоговъ, мы получаемъ слѣдующую схему соотвѣтствій латинскихъ предлоговъ съ русскими, если не считать рѣдко употребительныхъ: безъ (=in, de), низ, противъ, contra, super, amb:

ab	отъ (у)	воз . .	ex (re)
ad	при, до (подъ)	въ . .	in, intra
ante, prae . .	предъ (пре)	вы, изъ	ex (pro, per)
		до . .	ad
circum . .	объ	на . .	in
cum . . .	съ, у	объ . .	circum
de	отъ, съ	отъ . .	ab, se, de (pro, re)

dis . . . . раз
ex . . . . вы, из (воз)
in . . . . въ, на
inter . . . —
intra . . . въ
ob . . . . —
per . . . . про (вы, изъ, раз)
post . . . —
praeter . . про
pro . . . . (вы, изъ, отъ)
re . . . . (отъ, воз)
se . . . . отъ
sub . . . . подъ
trans . . . пере (про)

подъ. . sub (ad)
пре, пере trans (ante, prae)
предъ . ante, prae
при . . ad
про . . per, praeter (trans)
раз . . dis (per)
съ . . cum, de
у . . . cum (ab)
за . . —
по . . —

Предлоги, разсматривающіе дѣйствіе съ другой точки зрѣнія, а не съ той, съ которой разсматривается оно соотвѣтственнымъ предлогомъ другого языка, поставлены нами въ скобки. Такимъ образомъ мы не нашли полнаго соотвѣтствія для предлоговъ: inter, ob, post, pro, re, за, по. Кромѣ того, иные предлоги приходится иногда переводить съ помощью нарѣчій (ante, cum, de, ob, per, post, prae, pro, re, sub); наконецъ, часто значеніе предлоговъ выражается самымъ глаголомъ или ничѣмъ не отмѣчается за недостаткомъ въ другомъ языкѣ соотвѣтственныхъ сложныхъ съ предлогами глаголовъ. Полнаго совпаденія по объему не существуетъ ни въ одной парѣ соотвѣтственныхъ предлоговъ. Число глаголовъ, сложныхъ съ «у», «съ», «объ», особенно превышаетъ указанныя нами соотвѣтствія въ латинскомъ языкѣ.

Приложимъ теперь къ вопросу о видахъ тѣ данныя, которыя добыты нами при разборѣ значеній отдѣльныхъ предлоговъ. Несовершенный и совершенный виды—это спеціальная особенность русскаго глагола: почти всѣ русскіе глаголы измѣняются по видамъ. Въ латинскомъ языкѣ видъ можно отличить только въ прошедшихъ временахъ, а въ остальныхъ формахъ оба русскіе вида совпадаютъ. Но такъ какъ и въ прошедшихъ временахъ видъ можно отличить только по окончанію, а не по измѣненію корня и не по приставкѣ, то, значитъ, можно прямо сказать, что въ латин-

скомъ глаголѣ оба русскіе вида совпадаютъ. Если въ русскомъ видъ образуется съ помощью предлога, то въ этомъ случаѣ латинскій глаголъ переводится, значитъ, формой безъ предлога (несовершенный видъ) и формой съ предлогомъ (совершенный видъ). Теперь спрашивается, какіе же предлоги можно брать для образованія совершеннаго вида русскаго глагола, если мы переводимъ съ латинскаго несложный съ предлогомъ глаголъ, т.-е. если русскій предлогъ долженъ играть не роль латинскаго предлога, котораго нѣтъ въ данномъ случаѣ у латинскаго глагола, а только роль образователя новаго вида, именно совершеннаго. Предлоги образуютъ въ русскомъ то новые глаголы, то новый видъ; въ латинскомъ же предлогъ образуетъ новый глаголъ. Какіе же русскіе предлоги могутъ служить для образованія вида такъ, чтобы несложный латинскій глаголъ можно было переводить и простымъ глаголомъ и сложнымъ? Припомнимъ данное нами выше опредѣленіе совершеннаго вида, мы a priori уже можемъ сказать, что тѣ только предлоги могутъ образовать новый видъ, значеніе которыхъ тождественно съ значеніемъ совершеннаго вида, т.-е. предлоги, означающіе, что дѣйствіе распространилось на всѣ части и элементы объекта. Кромѣ того, мы можемъ догадываться, что предлоги, не имѣющіе соотвѣтствія въ латинскомъ языкѣ, служатъ тоже преимущественно для образованія совершеннаго вида. Факты вполнѣ подтверждаютъ наше апріорное заключеніе и нашу догадку.

Опредѣляя, что такое видъ, подъ объектомъ мы разумѣли не только, конечно, то, что въ грамматикахъ называется прямымъ дополненіемъ: объектомъ мы называли не только всевозможныя дополненія, но и нѣкоторые виды обстоятельствъ. Въ глаголахъ среднихъ объектъ часто ничѣмъ не выражается, такъ какъ объектомъ служатъ нѣкоторые элементы подлежащаго. Съ другой стороны, при глаголахъ, обозначающихъ извѣстный способъ провожденія времени, объектомъ будетъ, конечно, обстоятельство времени: «я проспалъ ночь», «я прожилъ лѣто въ деревнѣ» и т. д., — слова «ночь», «лѣто» здѣсь означаютъ объектъ

дѣйствія, и ихъ правильнѣе было бы называть дополненіями. Всякій предлогъ первоначально имѣлъ мѣстное значеніе. При разборѣ отдѣльныхъ предлоговъ мы видѣли, что предлоги чаще всего даютъ движенію, обозначаемому глаголомъ (принимаемъ понятіе движенія въ самомъ обширномъ смыслѣ), какое-нибудь спеціальное направленіе; предлоги означаютъ то различныя направленія: вверхъ, внизъ, прямо къ предмету, назадъ, то различныя положенія: на поверхности, подъ предметомъ, внутри предмета, вокругъ предмета и т. д. Предлоги, имѣющіе такіе спеціальные оттѣнки, сами по себѣ не могутъ сдѣлать вида совершеннымъ, потому что ими опредѣляются обстоятельства, сопровождающія самый актъ дѣйствія, но они не указываютъ на результатъ дѣйствія, на то, проникло ли дѣйствіе весь объектъ. Очевидно, роль образователей совершеннаго вида играютъ только предлоги, совмѣщающіе въ себѣ всѣ частныя обозначенія обстоятельствъ и служащіе только для указанія, что дѣйствіе распространилось на весь объектъ, или предлоги, въ которыхъ значеніе направленія играетъ самую неважную роль рядомъ съ главною ихъ ролью—указаніемъ, что дѣйствіе охватило весь объектъ.

Самый обычный способъ образованія совершеннаго вида отъ несложнаго несовершеннаго вида есть прибавка двухъ, не имѣющихъ себѣ соотвѣтствія въ латинскомъ языкѣ предлоговъ «по» и «за». Несложный латинскій глаголъ въ добавокъ къ переводу простымъ русскимъ глаголомъ несовершеннаго вида чаще всего переводится еще глаголомъ, сложнымъ съ предлогами «по» и «за» (совершенный видъ).

Предлогъ «по» обобщаетъ собою многіе спеціальные оттѣнки обстоятельствъ (онъ замѣняетъ собою «въ»—ходить по саду, «на»—валяться по полу, «за»—итти по звѣрю, «до»—войти въ воду по грудь, «объ»—жалѣть по сынѣ). «Ходить по лѣсу» не указываетъ на опредѣленное направленіе, на опредѣленную часть лѣса, а означаетъ, что дѣйствіе распространяется по всему предмету, совершенно независимо отъ направленія движенія. Такимъ образомъ предлогомъ «по» указывается вообще объемъ предмета безъ спеціальнаго

отношенія къ верху, низу, заду и т. д. Сравнивая глаголы: читать и почитать, гулять и погулять, ходить и походить, шумѣть и пошумѣть и т. д., мы видимъ, что сложный глаголъ въ противоположность простому указываетъ, что дѣйствіе имѣетъ точные предѣлы, что оно распространилось то на весь предметъ или точно опредѣленную часть его, то на весь точно опредѣленный срокъ: предлогъ точно опредѣляетъ дѣйствіе въ отношеніи количества. Такъ какъ простые глаголы означаютъ дѣйствіе неопредѣленно распространяющееся, а сложные—количественно опредѣленное, то намъ и кажется, будто предлогъ сузилъ дѣйствіе, поставивъ его въ границы, будто глаголы: «почитать», «пошумѣть» и др., означаютъ какъ бы уменьшенное дѣйствіе. На самомъ же дѣлѣ тутъ предлогъ только и играетъ ту роль, что дѣйствіе, не распространившееся еще на весь объектъ, превращаетъ въ дѣйствіе, достигшее предѣловъ извѣстнаго времени и распространившееся на весь объектъ, т.-е. несовершенный видъ превращаетъ въ совершенный. Вотъ рядъ глаголовъ, которые переводятся то несовершеннымъ видомъ безъ предлога, то совершеннымъ, образованнымъ отъ несовершеннаго съ помощью предлога «по»: adulari, amare, blandiri, colere (чтить, почтить), conari, curare, currere, donare, edere, iubere (велѣть, повелѣть), iurare, gloriari, haurire, labefacere, laborare, laedere (вредить, повредить), laudare, ludere, nocere, palpare, parcere, peccare, placere, placare (мирить, помирить), putare, queri, sagire, sentire, sepelire (хоронить, похоронить), sequi, serere, sistere, sollicitare, sperare, statuere, studere, struere, suadere, tentare, tondere, vehere, videri, poscere, flagitare, petere, orare, rogare, velle, cupere (желать, пожелать), festinare, maturare и мн. др.

Предлогъ «за» всегда указываетъ при отдѣльномъ употребленіи на заднюю сторону предмета. Въ сложныхъ глаголахъ основное его значеніе—движеніе съ передней или другой какой-либо стороны на заднюю и помѣщеніе на задней сторонѣ (зайти, завести, заманить и т. д.). Такъ какъ предлогъ «за» всегда означаетъ заднюю сторону, то, зна-

чить, имъ означается и такое дѣйствіе, которое проникло во весь объектъ настолько, что предметъ очутился впереди дѣйствующаго лица обращеннымъ къ послѣднему заднею стороною и дѣйствующее лицо очутилось въ необходимости закончить дѣйствіе. Въ такихъ глаголахъ, какъ: задѣлать, зарыть, засорить, заткнуть, затянуть, затмевать, заростать, зачинать и др., дѣйствіе распространилось на весь объектъ, такъ что дѣйствующее лицо оказалось отдѣленнымъ отъ объекта вслѣдствіе необходимости прекратить дѣйствіе, а объектъ, подвергшись цѣликомъ дѣйствію, сталъ задней стороной къ дѣйствующему лицу. Такимъ-то образомъ развилась въ предлогѣ «за» роль образователя совершеннаго вида. Эту роль онъ играетъ при переводѣ такихъ латинскихъ глаголовъ, какъ: vexare (мучить, замучить), solvere (платить, заплатить), emere (купить, закупить), calcare (топтать, затоптать) и т. д. Но предлогъ «за» означаетъ не только дѣйствіе, дошедшее до конца: онъ также часто означаетъ и начало дѣйствія (закричать, заспорить, заалѣть, зашумѣть, засверкать и т. д.). Какъ же объяснить это логическое противорѣчіе, что предлогъ означаетъ то начало, то конецъ, т.-е. совмѣщаетъ въ себѣ противоположныя понятія? Иные глаголы даже совмѣщаютъ въ себѣ два значенія противоположнаго характера, напр.: заговорить, замолчать, зажить, записать, засмѣяться и засмѣять, заводить, запировать, залѣниться и т. д. («онъ первый заговорилъ» — начало, «заговорить рану» — конецъ; «мы весело зажили» — начало, «мы зажили это трудомъ» — конецъ; «онъ завелъ лошадь» — начало, «онъ завелъ лошадь въ лѣсъ» — конецъ, и т. д.). Для выясненія этихъ особенностей отмѣтимъ прежде всего тотъ фактъ, что въ глаголахъ сложныхъ съ «за» и означающихъ дѣйствіе, дошедшее до конца, предлогомъ «за» ставится предѣлъ между двумя моментами, изъ которыхъ первый это дѣйствіе, дошедшее до конца, а второй—результатъ перваго, состояніе противоположнаго первому дѣйствію характера: сначала предметъ свѣтилъ, а когда его «затмили», онъ перешелъ въ новое состояніе,

противоположное прежнему его дѣйствію, т.-е. сталъ темнымъ; сначала рана причиняла боль, но когда ее «заговорили», она перешла въ противоположное состояніе, т.-е. стала безболѣзненною; сначала змѣя была жива, а когда ее «затоптали», она перешла въ противоположное состояніе, и т. д. Такимъ образомъ предлогъ «за» означаетъ такое дѣйствіе, которое распространилось на весь объектъ и потомъ стало продолжаться въ видѣ противоположнаго состоянія: этотъ предлогъ есть указатель границы между двумя дѣйствіями; онъ показываетъ, что одно дѣйствіе проникло весь объектъ и смѣнилось другимъ, чаще всего противоположнымъ. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ понятна роль предлога «за» и въ глаголахъ, означающихъ начало. Въ глаголѣ «заговорить», означающемъ начало дѣйствія, предлогомъ «за» ставится предѣлъ между предыдущимъ молчаніемъ и начавшеюся рѣчью, а въ глаголѣ «заговорить», означающемъ оконченное дѣйствіе, предлогомъ «за» выражается предѣлъ между состояніемъ объекта (раны) до заговариванья и противоположнымъ состояніемъ его послѣ заговариванья. Такимъ образомъ «за» всегда означаетъ предѣлъ между двумя противоположными моментами, будетъ ли данный глаголъ первымъ по времени моментомъ (тогда подразумѣвается второй по времени моментъ: подразумѣвается, что послѣ заговариванья рана зажила) или вторымъ по времени моментомъ (тогда подразумѣвается первый: подразумѣвается, что заговорившій человѣкъ пересталъ молчать). При переводѣ латинскихъ глаголовъ рядомъ съ несовершеннымъ видомъ совершенный съ помощью «за» можетъ образоваться только при томъ условіи, если «за» означаетъ оконченное дѣйствіе, а не начало. Если мы глаголы, означающіе звукъ, и переводимъ иногда съ помощью «за», то это «за» никогда не означаетъ начала: «запѣлъ» въ смыслѣ «началъ пѣть» не значитъ cecini, собака «залаяла» въ смыслѣ «начала лаять» не значитъ latravit; но если говорится о звукѣ, продолжавшемся извѣстное время и прекратившемся, то clamare, crepitare, gemere, latrare, plaudere, sonare, strepere, tonare и др. глаголы можно пере-

водить и съ помощью «за» (равно какъ и противоположные по значенію глаголы silere и tacere).

Кромѣ «по» и «за», для образованія совершеннаго вида служатъ тѣ русскіе предлоги, которые соотвѣтствуютъ per и cum, такъ какъ per означаетъ проникновеніе дѣйствія сквозь весь объектъ, а cum охватыванье объекта со всѣхъ сторонъ, т.-е. per и cum выражаютъ то самое, что составляетъ сущность совершеннаго вида. Многіе латинскіе несложные глаголы, кромѣ перевода несовершеннымъ видомъ, могутъ переводиться и совершеннымъ, образованнымъ отъ несовершеннаго съ помощью предлоговъ: про, вы, изъ, раз, съ, у.

«Про» при образованіи совершеннаго вида означаетъ наполненіе дѣйствіемъ всего извѣстнаго промежутка времени: ambulare гулять и прогулять (часъ, два и т. д.), canere, dicere (проговорить, напр., рѣчь въ часъ), hiemare, legere (прочитать), ludere, morari, regnare (процарствовать столько-то лѣтъ), sonare, tacere, tonare, vigilare (прободрствовать ночь), vivere (прожить столько-то лѣтъ) и др.

«Вы» и «изъ», означая удаленіе изнутри, предполагаютъ при этомъ предварительное проникновеніе дѣйствія во весь объектъ; съ помощью «вы» можно переводить: audire, bibere, crescere, discere, docere, lavare, potare, poscere, flagitare, petere (выпросить, вытребовать), radere, torrere, vellere и т. д.; съ помощью «изъ»: metiri, mutare, pinsare, terere, terrere (испугать) и т. д.

«Раз» означаетъ распространеніе дѣйствія по всему объекту отъ одной исходной точки: irasci, lacessere (раздразнить), partiri, pectere, saevire, scindere, secare, spargere, sternere, tabere, tendere и др.

«Съ» служитъ для образованія совершеннаго вида потому, что означаетъ охватыванье предмета со всѣхъ сторонъ: aequare, ardere, carpere, coquere, creare, facere, flectere, frangere, mentiri, miscere, nectere, numerare, parcere (беречь, сберечь), pati, peccare, pendere, prehendere, premere, texere, vincire и др.

«У» означаетъ сосредоточеніе дѣйствія, обнявшаго все-

цѣло предметъ: agere, audire, cadere, caedere, cedere, dubitare, fugere, labi, mirari, mordere, precari, quiescere, scire, tenere, videre, volare и др.

Совершенный видъ образуется еще часто чрезъ предлогъ «о б ъ», указывающій, что дѣйствіе окружило объектъ, охватило его со всѣхъ сторонъ: aestimare (цѣнить и оцѣнить), colorare, docere, gaudere, laetari, purgare, sollicitare, sacrare, tingere, tondere и др.

Вотъ и всѣ предлоги, служащіе обыкновенно для образованія совершеннаго вида. Правда, ту же роль играютъ иногда и другіе предлоги, напр.: «н а», «в о з», «о т ъ», но это сравнительно рѣдкое явленіе обусловлено значеніемъ не предлога, а самаго глагола. Если, напр., глаголъ самъ по себѣ, безъ предлога, означаетъ подниманіе вверхъ, то совершенный видъ можетъ образоваться чрезъ прибавленіе предлога «воз»; въ такомъ случаѣ предлогъ, означая тоже подниманіе вверхъ, только усилитъ значеніе глагола: nutrire кормить и вскормить, pendere, pensare вѣшать и взвѣшивать, turbare мутить и взмутить. Точно такъ же дѣйствіе, выражаемое глаголами scribere, ungere, tendere, только тогда является оконченнымъ, когда буквы появились на всемъ предметѣ (на листѣ бумаги и т. п.), когда на тѣлѣ появился слой того вещества, которымъ намазываютъ, когда тетива лука до того натянута, что легла на заднюю сторону того прибора, который держитъ ее въ натянутомъ положеніи; поэтому scribere переводится «писать» и «написать», ungere «мазать» и «намазать», tendere «тянуть» и «натянуть». Предлогъ «о т ъ» означаетъ удаленіе отъ предмета, который весь подвергся дѣйствію: dare дать и отдать, ulcisci мстить и отомстить.

Доселѣ мы говорили только о двойномъ способѣ перевода латинскихъ несложныхъ глаголовъ: несовершеннымъ видомъ и совершеннымъ, образованнымъ съ помощью предлоговъ. Но часто дѣло этимъ не ограничивается. Сравнимъ два глагола sentire и partiri. Для перваго могутъ быть только два значенія двухъ различныхъ видовъ: «чувствовать» и «почувствовать». Но для partiri, кромѣ двухъ ука-

занныхъ нами значенiй «дѣлить» и «раздѣлить», есть еще третье—«раздѣлять», т.-е. въ дополненiе къ совершенному виду «раздѣлить» образуется еще другой несовершенный видъ. Но съ значенiемъ «раздѣлять, раздѣлить» есть и сложный глаголъ dispertiri, образованный аналогично русскому «раздѣлять», такъ какъ dis=«раз». Является прежде всего вопросъ, какъ установить соотвѣтствiе между видами: дѣлить, раздѣлять, раздѣлить. Несомнѣнно, что «дѣлить» и «раздѣлять» — два глагола. Къ которому изъ нихъ отнести совершенный видъ «раздѣлить»? Съ точки зрѣнiя самаго глагола онъ относится къ «дѣлить», а съ точки зрѣнiя предлога къ «раздѣлять». Если «дѣлить» имѣетъ совершенный видъ, то «раздѣлять» не должно имѣть, и наоборотъ. Единственно правильнымъ рѣшенiемъ вопроса будетъ отнесенiе совершеннаго вида къ обоимъ глаголамъ вмѣстѣ; оба глагола имѣютъ совершенный видъ, совпадающiй въ одной формѣ. Кромѣ того, форма «раздѣлять», очевидно, вторичнаго образованiя; она обусловлена существованiемъ формы «раздѣлить», такъ какъ простого глагола «дѣлять» не существуетъ. Отъ «дѣлить» образовался совершенный видъ «раздѣлить», и потомъ уже отъ совершеннаго вида образовался еще несовершенный. Вторичный несовершенный видъ отличается отъ остальныхъ двухъ видовъ своею звуковою распространенностью: онъ образуется съ помощью одного или нѣсколькихъ суффиксовъ. Просматривая русскiя значенiя всѣхъ приведенныхъ нами глаголовъ для выясненiя вопроса объ образованiи совершеннаго вида, мы видимъ, что весьма многiе изъ нихъ вовсе не могутъ образовать вторичнаго несовершеннаго вида, а образуютъ его чаще всего глаголы сложные съ предлогами «вы», «изъ», «съ», «раз», рѣже всего сложные съ «по» и «за». Во многихъ глаголахъ вторичный несовершенный видъ отступаетъ отъ основного глагола и въ значенiи, такъ что латинскiй глаголъ не можетъ переводиться съ помощью его: plaudere значитъ «хлопать» и «захлопать», но не значитъ «захлопывать», vivere значитъ «жить» и «прожить», но не значитъ «проживать»

(напр., деньги), ambulare можно перевести «гулять» и «прогулять», но нельзя «прогуливать»; ludere не значитъ «проигрывать», tacere не значитъ «промалчивать», dicere не значитъ «проговариваться», silere не значитъ «замалчивать», videri не значитъ «показываться», и т. д. То же самое нужно сказать и о всякомъ вторичномъ несовершенномъ видѣ, получившемъ значеніе многократнаго. Laudare значитъ «хвалить» и «похвалить», но не значитъ «похваливать», ludere значитъ «играть» и «поиграть», но не значитъ «поигрывать», и т. п.

Мы уже видѣли, что иные предлоги, служащіе для образованія совершеннаго вида, находятъ себѣ соотвѣтствіе въ латинскомъ языкѣ: facere значитъ «дѣлать» и «сдѣлать», но «сдѣлать» переводится и сложными: perficere, conficere; pati значитъ «терпѣть», а «вытерпѣть» переводится и сложнымъ perpeti. Но глаголы perficere, conficere, perpeti мы не можемъ считать совершеннымъ видомъ къ facere и pati. И въ русскомъ языкѣ предлоги «вы», «изъ», «раз», «съ», «у» играютъ двойную роль: мы видѣли массу глаголовъ сложныхъ съ этими предлогами, но относящихся къ несовершенному виду. Кромѣ того, глаголы сложные съ per, cum часто соотвѣтствуютъ совершенному виду и образованному отъ него вторичному несовершенному виду. Если вторичнаго несовершеннаго вида нѣтъ въ русскомъ языкѣ, то приходится прибѣгать къ другимъ синонимнымъ значеніямъ для перевода такихъ формъ, гдѣ нельзя употребить совершеннаго вида. Напр., perfeci, confeci переводится «я сдѣлалъ», но настоящее время perficio, conficio невозможно перевести совершеннымъ видомъ «сдѣлать», поэтому приходится брать другія синонимныя значенія: «оканчиваю, совершаю». Нѣкоторые и простые глаголы приходится переводить двумя глаголами совершенно различныхъ корней для выраженія двухъ различныхъ видовъ: capere, sumere брать и взять, dicere, loqui говорить и сказать, ponere класть и положить, spectare, conspicere смотрѣть и увидѣть.

Доселѣ мы говорили о передачѣ совершеннаго вида,

выражаемаго латинскимъ глаголомъ, съ помощью прибавленія къ русскому значенію различныхъ предлоговъ. Но мы не должны смѣшивать съ этимъ совершенно другое явленіе — прибавленіе предлоговъ для обозначенія различныхъ обстоятельствъ, сопровождающихъ дѣйствіе. Въ этомъ случаѣ предлоги не имѣютъ никакого вліянія на видъ. Глаголъ ferre можно переводить иной разъ съ помощью самыхъ разнообразныхъ предлоговъ: выносить (signa e castris), превозносить (laudibus), приносить (fructum), уносить (aliquem ex proelio), переносить (iniurias), вносить (въ расходъ expensum), проноситься (fama tulit). Предлоги здѣсь только повторяютъ то, что дано уже обстоятельствами и различными косвенными дополненіями въ родѣ dativus commodi и др., такъ какъ предлогъ выражаетъ то самое ограниченіе и опредѣленіе дѣйствія, которое выражено уже другими членами предложенія. Signa ferre только потому и можно перевести черезъ «выносить», что значеніе удаленія изнутри уже и безъ того выражено подразумѣваемымъ или стоящимъ налицо обстоятельствомъ e castris; ferre opem можно перевести съ помощью предлога «при» лишь потому, что предлогъ только повторяетъ опредѣленіе дѣйствія, выраженное дательнымъ падежомъ лица, получающаго помощь. Если предлогъ образуетъ совершенный видъ, то въ извѣстныхъ формахъ глаголъ всегда и вездѣ можно перевести съ помощью этого предлога; напр., creare постоянно въ извѣстныхъ формахъ можно переводить «сотворить»; но предлогъ, повторяющій то, что выражено обстоятельствомъ, только тогда и можетъ быть добавленъ, когда есть это обстоятельство; переводъ выраженія: ferre aliquem laudibus in coelum, съ помощью предлога «воз» обусловленъ только обстоятельствами и больше ничѣмъ: перемѣняются обстоятельства, и прибавленіе «воз» дѣлается невозможнымъ.

Давши опредѣленіе времени и вида, мы должны заняться теперь вопросомъ о **взаимномъ отношеніи временъ и видовъ**. Для сознанія существуютъ только три времени: настоящее, прошедшее и будущее, но соединеніе категоріи времени съ категоріей вида увеличи-

ваеть это число временъ, такъ что въ русскомъ языкѣ получается два прошедшихъ и два будущихъ по числу видовъ, если даже не считать вида многократнаго. Въ латинскомъ языкѣ дѣло еще сложнѣе: къ категоріи времени и вида тамъ присоединяется еще третья категорія — взаимное соотношеніе во времени дѣйствій.

Понятія настоящаго времени и совершеннаго вида противорѣчать другъ другу. Когда дѣйствіе распространилось по всему объекту, оно необходимо стало прошедшимъ; кромѣ того, мы можемъ представить въ воображеніи, что дѣйствіе распространится послѣ по всему объекту. Въ настоящій же моментъ оно можетъ только распространяться, но не можетъ быть уже распространеннымъ по всему объекту.

Одно изъ двухъ будущихъ называется futurum simplex, futurum primum или просто futurum, а по-русски «будущимъ несовершеннымъ, простымъ, первымъ», другое—futurum exactum, futurum secundum, «будущимъ совершеннымъ, вторымъ». Чтобы различать два видовыхъ понятія, входящихъ въ одно родовое, нужно имѣть никакъ не менѣе трехъ терминовъ. Если одно видовое имѣетъ спеціальный признакъ, а другое обнимаетъ остальной объемъ родового, то другое мы постоянно называемъ «простымъ», обыкновеннымъ». Безъ этого третьяго термина обойтись невозможно. Если въ грамматикѣ сказано, что существительныя бываютъ «увеличительными», а остальныя никакъ не названы, то на практикѣ, при разборкѣ, никакъ нельзя обойтись безъ новаго термина (напр., «обыкновенныя»). Такимъ же образомъ произошелъ терминъ simplex, терминъ отрицательнаго характера, указывающій на отсутствіе признака, принадлежащаго другому будущему. Названіе будущихъ «несовершеннымъ» и «совершеннымъ» вноситъ полную путаницу въ грамматическія понятія, усвоенныя учениками. Въ русской грамматикѣ такъ называются вещи, ничего не имѣющія общаго съ двумя латинскими будущими, отличающимися между собою вовсе не по виду. Школьная практика удивительно легкомыслен-

но относится къ такимъ нелѣпымъ явленіямъ, какъ называнье двухъ совершенно различныхъ вещей однимъ именемъ и потомъ безконечный, утомительный и парализирующій логическія способности трудъ различенія этихъ различныхъ вещей. Представьте себѣ, что кто-нибудь написалъ бы длинный-предлинный романъ о двухъ Иванахъ, о двухъ совершенно различныхъ Иванахъ, но изъ которыхъ одинъ былъ бы названъ просто «Иваномъ» и другой просто «Иваномъ». Теперь представьте себѣ положеніе читателя, задавшагося сизифовой работой прочитать романъ и разобрать въ каждой страницѣ, какой Иванъ какому сказалъ, какой Иванъ къ какому пришелъ, и т. д. Педагоги, назвавшіе двѣ различныя вещи однимъ терминомъ, только и дѣлаютъ съ учениками, что читаютъ романъ о двухъ Иванахъ, объясняя ежечасно и ежеминутно, какой Иванъ какому Ивану сказалъ, какой Иванъ у какого Ивана обѣдалъ, и т. д. Такихъ двухъ Ивановъ мы не разъ уже встрѣчали и въ курсѣ о залогахъ и не разъ еще встрѣтимъ ихъ.

Назвать будущее «совершеннымъ» нельзя и потому, что ни одно будущее дѣйствіе не есть уже совершенное: мы можемъ только представлять его себѣ какъ бы совершеннымъ; правда, этимъ будущимъ означается дѣйствіе, которое совершится раньше другого будущаго, но этого признака невозможно выразить въ одномъ терминѣ. Остается, значитъ, одинъ способъ — назвать одно futurum primum, «будущимъ первымъ», а другое — futurum secundum, «будущимъ вторымъ».

Въ терминологіи прошедшихъ временъ важнымъ недостаткомъ является отсутствіе родового термина для означенія вообще прошедшаго времени, такъ какъ термина praeteritum грамматики не помѣщаютъ въ парадигмахъ. Поневолѣ приходится латинскіе термины чередовать съ русскими. Такъ какъ при терминахъ imperfectum и perfectum подразумѣвается слово tempus, то при точномъ переводѣ мы получили бы совершенно непригодныя наименованія: «несовершеннымъ временемъ» можно, пожалуй, было бы назвать настоящее и будущее, но нельзя такъ назвать прошедшее, единственный существенный признакъ котораго состоитъ въ томъ, что оно уже прошло, совершилось.

Imperfectum переводятъ словами: «прошедшее несовершенное», т.-е. скрытно вносятъ въ терминъ понятіе о видѣ, не внося этого понятія въ грамматическую терминологію. Функція вида, распространенная въ русскомъ языкѣ на всѣ глагольныя формы, въ латинскомъ языкѣ ограничивается предѣлами одного прошедшаго времени. Разъ она ограничилась только прошедшимъ временемъ, то, конечно, можно избѣгнуть понятія о видѣ и ограничиться раздѣленіемъ родового понятія о прошедшемъ времени на два видовыхъ — на прошедшее несовершенное и прошедшее совершенное. Установивши въ этимологіи полное соотвѣтствіе между imperfectum и русскимъ нес. видомъ, съ одной стороны, и между perfectum и русскихъ сов. видомъ, съ другой стороны, латинскія грамматики въ отдѣлѣ синтаксиса обыкновенно уже отказываются отъ этого соотвѣтствія и утверждаютъ, что, напр., латинское perfectum historicum часто переводится несов. видомъ. Но приводимые грамматиками примѣры доказываютъ не сліяніе въ perfectum historicum обоихъ видовъ, а лишь возможность въ русскомъ языкѣ замѣнять одинъ видъ другимъ. Фразу: Romulus triginta septem annos regnavit, можно перевести двумя способами: «Ромулъ царствовалъ 37 лѣтъ» и «Ромулъ процарствовалъ 37 лѣтъ». Въ первомъ случаѣ распространеніе дѣйствія на весь объектъ означено обстоятельствомъ (иначе, дополненіемъ) «37 лѣтъ», во второмъ— не только обстоятельствомъ, но и глаголомъ. Конечно, если бы объектъ означалъ не время, а что-нибудь другое, то имя объекта само по себѣ не дало бы указаній на то, распространилось ли дѣйствіе на весь объектъ или нѣтъ: тогда нельзя было бы замѣнять одинъ видъ другимъ. Замѣна легко происходитъ обыкновенно въ томъ случаѣ, когда совершенный видъ образуется съ помощью предлога «про» и объектъ означаетъ время.

Различіемъ точекъ зрѣнія на дѣйствіе объясняется и тотъ фактъ, что saepe, semper, nunquam съ perfectum мы переводимъ нес. видомъ. Иныя грамматики прибавляютъ еще, что по-русски съ отрицаніемъ употре-

бляется чаще нес. в., а въ латинскомъ языкѣ чаще perfectum.

Но при отрицаніи по-русски безразлично берется тотъ и другой видъ, и нѣтъ причины фразу: inde iam non rediit, переводить черезъ «возвращался», а не черезъ «возвратился». Выборъ вида при отрицаніи—дѣло случая: такъ какъ факта не было, то нѣтъ никакихъ данныхъ для постановки, напр., сов. в. вмѣсто нес. или наоборотъ; какой видъ ни возьмемъ, все-таки не будетъ противорѣчія съ фактами, такъ какъ ихъ вовсе нѣтъ. Слово «никогда» въ русскомъ языкѣ означаетъ отрицательную многократность. Но такъ какъ латинскія формы не выражаютъ многократности, то въ латинскомъ берется другая точка зрѣнія на дѣйствіе. Обѣ точки зрѣнія возможны въ русскомъ языкѣ при переводѣ nunquam черезъ «ни разу не». «Я ни разу не читалъ»,—тутъ дѣйствіе, распространяющееся на неопредѣленный срокъ времени. «Я ни разу не прочелъ»,—тутъ отрицается одно законченное дѣйствіе; а если отрицается одинъ даже актъ, то, конечно, тѣмъ самымъ отрицаются и два акта, и три и т. д. Въ латинскомъ языкѣ глаголъ самъ по себѣ не обнимаетъ многихъ случаевъ, глаголъ говоритъ только объ одномъ законченномъ дѣйствіи, и только добавленіе слова nunquam или saepe указываетъ, что нужно брать цѣлый рядъ такихъ законченныхъ дѣйствій. Если saepe переводить «не разъ», то и въ русскомъ опять возможны обѣ точки зрѣнія на дѣйствіе, такъ что латинскія формы при saepe оказываются вполнѣ аналогичными русскимъ формамъ: saepe utebar я часто пользовался, я не разъ пользовался; saepe usus sum я не разъ воспользовался. Разница обусловлена, значитъ, не значеніемъ p. historicum, а отсутствіемъ въ латинскомъ языкѣ формъ для означенія многократности и свободой при выборѣ выраженій, которая, въ свою очередь, обусловлена наличностью отрицанія. Semper «всегда» имѣетъ двоякое значеніе: то означаетъ постоянную непрерывность и тогда не можетъ стоять при прошедшемъ времени, то выражаетъ многократность, обусловленную извѣстными обстоятельствами или другими

дѣйствіями. Возьмемъ фразу: Semper Cimonem pedisequi cum nummis secuti sunt. Semper означаетъ многократность дѣйствія, выраженнаго глаголомъ secuti sunt; многократность эта обусловлена многократностью другого дѣйствія: слуги слѣдовали за Кимономъ всякій разъ, какъ онъ выходилъ.

Приведенныя соображенія заставляютъ насъ убѣдиться, что p. historicum само по себѣ не означаетъ ни многократности ни продолжительности; а если ему приписываютъ то и другое, то это происходитъ или отъ неточнаго перевода или отъ неправильнаго перенесенія значеній нарѣчія на самую глагольную форму.

Посмотримъ теперь, чему соотвѣтствуетъ въ русскомъ языкѣ другое perfectum, именно perfectum praesens или logicum.

Хорошо дѣлаютъ, что не переводятъ этихъ терминовъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое значитъ logicum—«логическое» время? Почему же тутъ именно явилось понятіе о логикѣ? Куда же дѣвалась логика при другихъ временахъ? Очевидно, терминъ logicum—простой условный знакъ, vox insignificans. Еще страннѣе окажется въ переводѣ первый терминъ: «совершенное настоящее». Какъ можетъ быть совершенное настоящимъ, черное бѣлымъ? Тутъ грубое contradictio in adiecto. При томъ же perfectum у насъ значитъ «прошедшее совершенное», а perfectum praesens оказывается въ такомъ случаѣ «прошедшимъ совершеннымъ настоящимъ».

Различаютъ двѣ разновидности p. praesens. Одна означаетъ дѣйствіе, «совершившееся по отношенію къ настоящему времени» (Кесслеръ), иначе—«дѣйствіе, *оконченное* въ настоящемъ времени» (Элл.-Зейффертъ). Но это опредѣленіе ничего не заключаетъ въ себѣ, кромѣ признаковъ родового понятія о прошедшемъ времени: тутъ не отличено не только perfectum historicum отъ perfectum praesens, но даже perfectum отъ imperfectum. Если даже принимать понятіе «оконченный», «совершенный» не въ смыслѣ отношенія къ моменту рѣчи, а въ смыслѣ распространенія дѣйствія на весь объектъ, и то опредѣленіе заключаетъ въ себѣ толь-

ко признакъ прошедшаго сов., не отличая не только первую разновидность p. praesens отъ второй, но даже p. praesens отъ p. historicum. Чтобы ограничить какъ-нибудь это слишкомъ обширное опредѣленіе, грамматики прибавляютъ иногда, что такое perfectum «заключаетъ въ себѣ прямое указаніе на то, что въ настоящее время дѣйствіе уже не продолжается, т.-е. perfectum равносильно настоящему времени того же глагола съ отрицаніемъ». Странное отличіе отъ p. historicum! Какъ будто все, что, напр., разсказалъ Ливій съ помощью p. historicum, и теперь еще продолжается! Въ этомъ p. praesens указаній на то, что дѣйствіе теперь не продолжается, заключается нисколько не больше, чѣмъ во всякомъ другомъ прошедшемъ и будущемъ. Не даромъ примѣры на такое p. praesens берутся всегда въ первомъ лицѣ. Въ нихъ авторъ всегда говоритъ о своихъ прошлыхъ дѣйствіяхъ и состояніяхъ, по сравненію съ своимъ настоящимъ положеніемъ; но въ самыхъ примѣрахъ не заключается вовсе этого сравненія: сравненіе дается только контекстомъ, настоящее положеніе изображается не этими выхваченными изъ контекста фразами, а только тѣмъ, что стоитъ раньше послѣ этихъ фразъ. Сама по себѣ фраза: Fuimus Troes, fuit Ilium, не заключаетъ никакихъ указаній на то, что говорящій въ моментъ рѣчи пересталъ быть троянцемъ; о послѣднемъ обстоятельствѣ можно заключить только изъ связи рѣчи.

Другая разновидность p. praesens означаетъ дѣйствіе, «совершившееся по отношенію къ настоящему времени, но продолжающееся въ своихъ послѣдствіяхъ въ настоящее время». За этимъ опредѣленіемъ въ грамматикахъ обыкновенно слѣдуетъ рядъ равенствъ: consuevi=soleo, consedi=sedeo, didici=scio, redii=adsum и т. д. Но что значатъ эти равенства? Неужели redii, напр., значитъ «я присутствую»? Вовсе нѣтъ. Redii означаетъ дошедшее до предѣла обратное движеніе, а adsum не означаетъ ни движенія, ни обратнаго направленія, ни предѣла, ни окончанія движенія: adsum означаетъ положеніе при предметѣ. Такимъ образомъ вторая часть опредѣленія, говорящая о настоя-

щихъ послѣдствіяхъ, оказывается не имѣющею отношенія къ redii: послѣдствія выражаются совсѣмъ другимъ глаголомъ другого значенія. Всѣ указанныя равенства не суть тождества, но только синонимныя выраженія. Между redii и adsum существуетъ нѣкоторое логическое соотношеніе, но нѣтъ грамматическаго и смыслового равенства. Ни одно въ мірѣ дѣйствіе не происходитъ безъ причинъ, всякое дѣйствіе есть послѣдствіе предыдущихъ дѣйствій. Если adsum есть послѣдствіе дѣйствія, означеннаго формой redii, то съ одинаковымъ правомъ и сонъ мы можемъ все-таки назвать слѣдствіемъ утомленія, ростъ слѣдствіемъ постояннаго питанія и т. д. Каждое дѣйствіе есть слѣдствіе чего-нибудь, но каждое дѣйствіе и каждое слѣдствіе выражается въ языкѣ особымъ глаголомъ.

Въ грамматикахъ обыкновенно посвящается еще особое примѣчаніе такъ называемому perfectum consuetudinis, которое, употребляясь въ сентенціяхъ и пословицахъ, должно будто бы переводиться настоящимъ временемъ. Тутъ снова различные способы выраженія принимаются за грамматическія равенства. Такъ какъ языкъ не имѣетъ особой глагольной формы для выраженія общихъ истинъ, относящихся безразлично къ любому времени, то приходится выбирать форму съ категоріей времени; а такъ какъ критерія для выбора тутъ нѣтъ, то, конечно, можно брать то настоящее, то прошедшее, то будущее время. Это соображеніе приложимо, конечно, къ обоимъ языкамъ. Чтобы быть послѣдовательными, грамматики должны были бы сдѣлать 9 примѣчаній о девяти комбинаціяхъ каждаго латинскаго времени съ каждымъ изъ русскихъ, если не считать даже видовыхъ отличій. Но все это не имѣетъ никакого отношенія къ грамматическимъ формамъ.

Изъ разбора разныхъ видовъ perfectum и данныхъ грамматиками опредѣленій этихъ разновидностей мы вынесли заключеніе, что между perfectum и русскимъ несовершеннымъ видомъ нѣтъ *совпаденій по смыслу*, а есть лишь случайныя сходства, что, если отбросить отъ опредѣленій

признаки, которые неправильно приписаны perfectum и поэтому излишни, то для perfectum остаются только тѣ признаки, которыми опредѣляется совершенный видъ. Что же касается imperfectum, то тождество его съ прошедшимъ несовершеннымъ видомъ гораздо очевиднѣе. Грамматики обыкновенно не опредѣляютъ содержанія понятія imperfectum, а пытаются разложить понятіе по объему, перечисляя случаи, гдѣ употребляется imperfectum. Но подобный способъ толкованія даетъ очень плохіе результаты: всѣхъ случаевъ употребленія, конечно, нельзя перечислить; но, съ другой стороны, невозможно почти найти и одного критерія для раздѣленія ихъ на группы, одного основанія дѣленія, такъ какъ критерія приходится искать не въ грамматикѣ и не въ логикѣ даже, а вообще въ природѣ всѣхъ вещей. Учебники говорятъ, напр., что imperfectum употребляется: 1) «самостоятельно — для изображенія нравовъ, обычаевъ или для выраженія дѣйствій, часто повторявшихся», и 2) «въ историческомъ разсказѣ — для описанія странъ, явленій въ природѣ, сраженій, нравовъ дѣйствующихъ лицъ, ихъ характера и т. д.; для означенія мнѣній, сужденій, чувствъ или побужденій дѣйствующихъ лицъ» (Кесслеръ). Удивительно странный наборъ понятій! Какъ отличить «самостоятельное» употребленіе отъ употребленія «въ историческомъ разсказѣ»? Что значитъ «самостоятельно»? Какая разница между «самостоятельнымъ» изображеніемъ нравовъ и изображеніемъ нравовъ «въ историческомъ разсказѣ»? Что значитъ «описаніе странъ»? Если это то же, что наши путешествія, то какая разница между этимъ «описаніемъ» и «изображеніемъ нравовъ, обычаевъ»? Почему изъ дѣйствій человѣка сюда попали одни «сраженія»? Что за разница между «нравами дѣйствующихъ лицъ» и «ихъ характеромъ»? Почему рядомъ съ «мнѣніями» отдѣльно стоятъ «сужденія»? Что значитъ «побужденія»? Почему рядомъ съ конкретными понятіями и предметами стоитъ грамматическое понятіе—повторяемость дѣйствій? и т. д. Мы могли бы задать еще десятки подобныхъ вопросовъ. Очевидно, подобныя опредѣленія не имѣютъ ни малѣйшей ло-

гической цѣны: это просто безсистемный наборъ нѣсколькихъ попавшихся подъ руку случаевъ изъ школьной практики, изъ переводимыхъ въ школѣ текстовъ; психологическое понятіе попало въ рядъ съ «сраженіями», грамматическое понятіе рядомъ съ «явленіями природы», видовыя понятія рядомъ съ родовыми, и т. д. Но курьезнѣе всего, что рядомъ съ двумя приведенными рубриками въ той же грамматикѣ стоитъ и третья: imperfectum употребляется еще, «когда говорящее лицо мысленно переносится во времена минувшія и представляетъ себѣ дѣйствія не оконченными, но какъ бы продолжавшимися». При чемъ же послѣ этого «сраженія», «явленія природы» и т. д.? Вѣдь все это и обнимается третьей рубрикой. Третья рубрика — единственное, болѣе или менѣе основательное опредѣленіе imperfectum, а первая и вторая должны входить въ третью, какъ двѣ изъ многихъ ея составныхъ частей. Вникая въ смыслъ этой третьей рубрики, мы видимъ, что она только повторяетъ обычное въ грамматикахъ опредѣленіе несовершеннаго вида. Такимъ образомъ imperfectum соотвѣтствуетъ прошедшему нес. в., а дѣленіе его на разновидности совершенно случайно, ошибочно и безполезно.

Когда дѣйствіе не распространилось еще на весь объектъ, а только распространяется, то во всякій данный моментъ одна часть объекта уже испытала дѣйствіе, другая еще не испытала. Изъ основного значенія imperfectum развиваются еще два побочныхъ. Если берется во вниманіе вообще распространеніе дѣйствія по объекту, то это обычное значеніе imperfectum. Но иногда обращается больше вниманія на то, что дѣйствіе уже начало распространяться по объекту и частью распространилось, или на то, что остальная часть объекта пока вовсе не испытала дѣйствія. Въ первомъ случаѣ получается то imperfectum, которое переводится глаголомъ «стать» съ нес. в., а во второмъ — imperfectum de conatu. Но «стать» въ данномъ случаѣ означаетъ не одно начало (imperfectum само по себѣ не означаетъ начала), а начало и продолженіе дѣйствія, распространявшагося пока на первую или переднюю часть

объекта. Въ фразѣ: Sensit utraque acies unius viri casum cedebatque inde Romanus, глаголъ cedebat переводится «сталъ отступать», но означаетъ не одно начало отступленія, но и распространеніе отступленія на первую или переднюю (считая здѣсь съ заду) часть войска, за которой могло послѣдовать и все войско. Imperfectum de conatu, наоборотъ, больше устремляетъ вниманіе на ту часть объекта, по которой дѣйствіе еще не распространилось; поэтому не означаетъ «начала», какъ утверждаютъ грамматики: оно означаетъ, что дѣйствіе не дошло до конца. Тутъ все дѣло не въ положительномъ элементѣ (что дѣйствіе частью уже прошло), а въ отрицательномъ (что другая часть его не удалась, не исполнилась). Переводить imperfectum de conatu нужно не однимъ глаголомъ «пытался», «хотѣлъ», а глаголомъ въ соединеніи съ формою «было», означающею неудачу въ попыткѣ.

Мы подробно разобрали всѣ возраженія, которыя можно было бы извлечь изъ грамматическихъ опредѣленій, относящихся къ perfectum и imperfectum, и выставить противъ установленнаго нами соотвѣтствія между perfectum и imperfectum, съ одной стороны, и прошедшими сов. в. и несов. в., съ другой стороны. Но есть еще одно возраженіе, не предусматриваемое ни одной грамматикой. Нѣкоторые русскіе глаголы въ силу особенностей своего значенія не могутъ имѣть двухъ видовъ и употребляются только въ нес. в.: какимъ же образомъ соотвѣтственные имъ латинскіе глаголы имѣютъ perfectum и imperfectum? Что же означаетъ у этихъ глаголовъ perfectum?

Для рѣшенія этого вопроса прежде всего припомнимъ, что и въ латинскомъ языкѣ иные глаголы не имѣютъ perfectum. Грамматики мало обращаютъ вниманія на подобное отсутствіе формъ, констатируя его какъ явленіе совершенно случайное и ничего собою не выражающее. Но мы имѣли уже случай говорить о томъ, что такое означаетъ отсутствіе у слова ожидаемыхъ формъ. Посмотримъ же, почему иные глаголы не имѣютъ perfectum. Чаще всего не имѣютъ его глаголы начинательные и глаголы

на ео, означающіе извѣстное состояніе вещественнаго предмета, обыкновенно его внѣшнюю окраску. Если при начинательномъ глаголѣ существуетъ и глаголъ, означающій состояніе, то въ словаряхъ и грамматикахъ при обоихъ глаголахъ обыкновенно ставится однозвучное perfectum (aresco — arui и areo — arui, madesco — madui и madeo — madui, nitesco — nitui и niteo — nitui, rigesco — rigui и rigeo — rigui, senesco — senui и seneo — senui, teresco — terui и tereo — terui, torpesco — torpui и torpeo — torpui, tumesco — tumui и fumeo — tùmui viresco — virui и vireo — virui, и т. д.). Но такая постановка дѣла неправильна. Въ каждомъ примѣрѣ не двѣ пары формъ, а всего три формы. Если при aresco есть arui, то при areo нѣтъ никакого другого arui, и наоборотъ. Arui вовсе не имѣетъ двухъ значеній соотвѣтственныхъ и aresco и areo. Форма на sco означаетъ начало дѣйствія, форма на eo—дѣйствіе, проявляющееся не въ замѣтномъ движеніи или измѣненіи предмета, но уже въ послѣдствіяхъ подобнаго движенія или измѣненія; иначе говоря, форма на ео означаетъ состояніе вещественнаго предмета. Въ формѣ viresco предмету приписывается дѣйствіе, именно усвоеніе имъ зеленаго цвѣта, а въ формѣ vireo предметъ разсматривается въ отношеніи своего зеленаго цвѣта, какъ своего качества; viresco указываетъ на постепенную замѣну другихъ цвѣтовъ зеленымъ, vireo — на результатъ уже окончившейся замѣны, но vireo все-таки не указываетъ на законченность дѣйствія, на проявленіе измѣненій въ цвѣтѣ. Средину между viresco и vireo занимаетъ форма virui, указывающая на законченность дѣйствія, на то, что оно распространилось по всему предмету. Такимъ образомъ virui есть не что иное, какъ прошедшее сов. в. Сначала предметъ virescit, потомъ viruit и затѣмъ уже viret. Сначала предметъ начинаетъ цѣпенѣть (torpescit), потомъ это дѣйствіе распространяется на весь предметъ (torpuit), и, наконецъ, оцѣпенѣніе, охватившее весь предметъ, разсматривается какъ его состояніе, присущее ему въ данный мо-

ментъ (torpet). Куда же ближе примыкаетъ torpui, къ torpesco или къ torpeo? Отличіе между torpescebat и torpuit сводится почти къ разницѣ между нес. и сов. в., съ тѣмъ только различіемъ, что torpescebat означаетъ начало дѣйствія, а нес. в. указываетъ не столько на начало, сколько на то, что дѣйствіе, начавши распространяться, продолжаетъ это распространеніе. Въ словаряхъ и грамматикахъ глаголы на sco рѣдко переводятся правильно. Такъ какъ въ русскомъ языкѣ не всегда можно образовать начинательный глаголъ, то латинскіе начинательные при переводѣ часто не отличаются отъ глаголовъ на eo, означающихъ состояніе: «зеленѣть» берется для viresco и vireo, «желтѣть» для flavesco и flaveo, «блѣднѣть» для pallesco и palleo, и т. д. Но, конечно, viresco не значитъ «зеленѣть», flavesco — «желтѣть», pallesco — «блѣднѣть», и т. д. Глаголы съ суффиксомъ «ѣ» означаютъ только состояніе, а не начало. Въ большинствѣ случаевъ единственнымъ правильнымъ переводомъ начинательныхъ глаголовъ будутъ описательныя выраженія, составленныя съ помощью глаголовъ «начинать», «становиться», «стать», «сдѣлаться» и др.: senesco значитъ не «старѣю», а «начинаю старѣть», ingemisco — не «вздыхаю», а «начинаю вздыхать», extimesco «начинаю бояться», и т. д. Perfectum не означаетъ начала дѣйствія, поэтому описательныхъ оборотовъ тутъ не нужно. Въ переводѣ perfectum должно рѣзко отличаться отъ формъ, имѣющихъ признакъ sc: arescit начинаетъ сохнуть, aruit засохъ, высохъ, effervescit закипаетъ, effervuit вскипѣлъ, erubescit начинаетъ краснѣть, erubuit покраснѣлъ, rigescit начинаетъ цѣпенѣть, riguit оцѣпенѣлъ, sordescit дѣлается грязнымъ, sorduit загрязнился, сталъ грязнымъ, замарался, tumescit начинаетъ пухнуть, tumuit опухъ, вспухъ, viruit позеленѣлъ, flavuit пожелтѣлъ, extimuit испугался, consenuit состарился, постарѣлъ, ingemuit вздохнулъ и т. д. Съ другой стороны, между perfectum и глаголами на eo тоже не мало связующихъ звеньевъ. Прежде всего, мы только что видѣли, что для перевода perfectum берется совершенный видъ отъ глаголовъ «краснѣть», «зеле-

нѣть» и т. д., но «краснѣю» = rubeo, «зеленѣю» = vireo, «вздыхаю» = gemo и т. д.; такимъ образомъ въ переводѣ глаголы на eo какъ бы сближаются съ perfectum на ui. Да и на почвѣ латинскаго языка эта близость вполнѣ очевидна: глаголы на sco третьяго спряженія, а perfectum на ui — самая обычная принадлежность глаголовъ второго спряженія, такъ что съ формальной стороны splendui гораздо ближе къ splendeo, чѣмъ къ splendesco, vigui гораздо ближе къ vigeo, чѣмъ къ vigesco, и т. д. Такимъ образомъ, разбирая значеніе формъ vigesco, vigui и vigeo, мы видимъ, что между vigui и остальными двумя формами нѣтъ такого точнаго соотвѣтствія, какое есть, напр., между amo и amavi; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ vigui можно отнести скорѣе къ vigesco, а въ другихъ отношеніяхъ скорѣе къ vigeo. Если же стоять только на формальной почвѣ, то vigui гораздо удобнѣе отнести къ vigeo.

Принимая въ расчетъ все сказанное, мы не будемъ удивляться тому, что въ грамматикахъ и словаряхъ въ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ такихъ формъ, какъ vigesco, vigeo и vigui, господствуетъ полнѣйшая путаница и встрѣчаются ежеминутныя противорѣчія. Одна грамматика утверждаетъ, что отъ rigesco perfectum — rigui, а rigeo не имѣетъ perfectum, другая —, что отъ rigeo perfectum — rigui, а rigesco не имѣетъ perfectum; одинъ словарь утверждаетъ, что sordesco не имѣетъ perfectum, другой —, что sordeo безъ perfectum, а sordesco образуетъ sordui, третій —, что perfectum нѣтъ ни у sordesco ни у sordeo, четвертый —, что sordesco имѣетъ sordui и sordeo тоже sordui, и т. д. Но хуже всего то, что, благодаря этой путаницѣ, грамматики составляютъ особыя «правила», что такіе-то начинательные глаголы не имѣютъ perfectum, а существующія формы на ui относятся къ глаголамъ на eo, что такіе-то глаголы на eo не имѣютъ perfectum, потому де что perfectum относится не къ нимъ, а къ начинательнымъ глаголамъ, что есть и третій сортъ глаголовъ, которые имѣютъ два однозвучные perfectum, и т. д. Но всѣ эти правила, конечно, плодъ недоразумѣ-

ній. Утверждать, что splendeo не имѣетъ perfectum, а splendui происходитъ отъ splendesco, такъ же неосновательно, какъ утверждать, что floresco не имѣетъ perfectum, а florui относится только къ floreo. Истина заключается только въ томъ, что всѣхъ формъ — три, а куда относить perfectum, этотъ вопросъ при всѣхъ подобныхъ глаголахъ долженъ быть рѣшенъ одинаково. Соотвѣтствіе, принятое для splendeo, splendesco и splendui, обязательно и для каждой остальной трехчленной группы; а если такъ, то всѣ правила, въ родѣ указанныхъ, неумѣстны, и такіе глаголы, какъ: augesco, calvesco, floresco, frigesco, frondesco, marcesco, pavesco, pubesco, uvesco, caneo, clareo, humeo, lacteo, liveo, madeo, niteo, palleo, rigeo, rubeo, splendeo, sordeo, stupeo, не могутъ быть названы неимѣющими perfectum въ противоположность augeo, calveo, pubeo и т. д.

Если глаголъ, производный отъ прилагательнаго и означающій начало усвоенія предметомъ того качества, которое обозначается прилагательнымъ, не имѣетъ параллельнаго себѣ глагола, означающаго усвоенное состояніе, аналогичнаго глаголамъ на eo, то имѣть perfectum—форму, не означающую уже начала, для такого глагола вовсе не обязательно: perfectum въ этомъ случаѣ занимало бы такое же самостоятельное по значенію мѣсто, какъ формы: virui, vigui и т. д., и въ немъ вовсе нѣтъ такой необходимости, какая есть въ perfectum amavi для amo. Рѣшающая роль въ этомъ случаѣ принадлежитъ предлогу. Если предлогъ подходитъ по значенію къ предлогамъ, служащимъ въ русскомъ языкѣ для обозначенія сов. в., то естественно ожидать рядомъ съ формами, означающими начало, и форму, означающую не начало, а распространеніе дѣйствія по всему предмету: obduresco, evanesco, percrebresco, increbresco, obmutesco, obsurdesco, благодаря своимъ предлогамъ, имѣютъ perfectum; но ditesco, glisco, herbesco, ignesco, mitesco, mollesco, pinguesco, raresco, relentesco, repuerasco не имѣютъ perfectum. По тѣмъ же причинамъ

не имѣютъ perfectum и три отложительныхъ глагола: irascor, reminiscor и vescor. По своему образованію это глаголы начинательные. Какъ при splendesco, означающемъ начало дѣйствія, существуютъ двѣ формы, не означающія начала: splendui и splendeo, такъ и при каждомъ изъ этихъ трехъ глаголовъ существуютъ образованныя отъ другихъ глаголовъ формы, означающія не начало, а распространеніе дѣйствія по всему предмету; къ irascor добавочными формами служатъ succensui и succenseo, къ vescor — edi и edo, къ reminiscor — recordatus sum или memini. Въ русскомъ то же явленіе: пока дѣйствіе распространяется по объекту, говорятъ: «онъ питался, питается», а лишь дѣйствіе распространилось на весь объектъ, берутъ другой глаголъ: «онъ съѣлъ» («воспитался», «упитался» — это глаголы другого уже значенія). Актъ памяти въ латинскомъ языкѣ никогда не разсматривается какъ состояніе, а всегда какъ дѣйствіе: по-русски говорятъ «я помню», но латинское memini означаетъ не состояніе, а законченный актъ («я вспомнилъ» и, значитъ, помню); начало этого акта и выражается глаголомъ reminiscor, точно такъ же, какъ splendesco означаетъ начало акта, а splendui — законченный актъ.

Perfectum не имѣютъ, кромѣ того, глаголы, означающіе географическое расположеніе городовъ, горъ, рѣкъ и т. д.; такъ какъ это расположеніе не видоизмѣняется въ различные моменты наблюденія, то тутъ не можетъ быть и рѣчи о законченности дѣйствій. Въ русскомъ языкѣ тѣ же глаголы и по той же причинѣ не имѣютъ сов. в.: disto и absto отстою («отстать» не можетъ означать разстояній), vergo лежу въ извѣстномъ направленіи (не говорятъ: «путь легъ къ западу»), простираюсь, pertingo простираюсь («простерся» значитъ «легъ на землю»).

Perfectum не имѣютъ всѣ глаголы, означающіе неизмѣнное положеніе одного предмета надъ другими, то положеніе, которое выражается глаголомъ «торчать», тоже не имѣющимъ сов. в. Сюда относятся глаголы: antecello, praecello, excello, exsto, immineo, dependeo, impendeo, inhorreo.

Первоначальное значеніе этихъ глаголовъ не допускаетъ образованія прошедшаго сов. в., такъ какъ они употреблялись сперва только относительно взаимнаго положенія предметовъ, не допускающаго движенія и перемѣнъ. Близко по значенію сюда подходитъ и глаголъ turgeo, perfectum отъ котораго (tursi) рѣдко употребляется. Неизмѣнное состояніе означаетъ и hiasco «зіяю».

Perfectum не допускаютъ и нѣкоторые глаголы, означающіе душевное проявленіе: desipio, dementio, furo, superbio. Состоянія, выражаемыя этими глаголами, не могутъ уложиться въ извѣстные предѣлы времени или закончиться, охвативши одинъ какой-нибудь предметъ. Соотвѣтственные русскіе глаголы (безумствовать, безумничать, сумасбродствовать, неистовствовать, сумасшествовать) тоже не могутъ имѣть сов. в.

Perfectum не имѣютъ глаголы на urio, потому что употребленіе этихъ глаголовъ мыслимо только въ то время, пока желаніе спать, ѣсть и т. д. еще не закончилось.

Если дѣйствіе проявляется въ непрерывномъ повтореніи одного какого-нибудь акта и число этихъ повтореній ничѣмъ не ограничено, то глаголы также не имѣютъ perfectum. Дѣйствіе, выражаемое глаголомъ «бить», состоитъ изъ непрерывнаго и неопредѣленнаго въ числѣ повторенія акта удара. Если мы будемъ разсматривать каждый актъ въ отдѣльности, то нельзя употребить глагола «бить», и нужно будетъ взять другой глаголъ, не означающій непрерывной повторяемости («ударить»). Если дѣйствіе, выражаемое глаголомъ «бить», закончилось, т.-е. число ударовъ ограничено чѣмъ-нибудь, то результаты этого выразятся уже другими глаголами: «убить», «прибыть», «вбить» и т. д., но эти глаголы не могутъ быть названы сов. видомъ къ формѣ «бить», такъ какъ они имѣютъ свое спеціальное значеніе. Возьмемъ еще примѣръ. Если вода «сочится» или «бьетъ ключомъ», то каждый актъ этого дѣйствія, проявляющагося въ непрерывной повторяемости, нельзя выразить тѣми же глаголами «сочиться» и «бить ключомъ»; а если дѣйствіе заняло извѣстные предѣлы и затѣмъ окончилось, то опять необходимо

употребить другіе глаголы («вода просочилась» означаетъ уже не то: она проникла черезъ что-то, но текла ли послѣ этого, неизвѣстно). Къ глаголамъ, гдѣ нельзя, не употребляя другого глагола, ограничить непрерывную повторяемость дѣйствія, относятся: ferio, plecto, scateo, vādo (шагаю), ambigo, sero, cerno, ruo. Въ русскомъ языкѣ не всегда можно брать для перевода глаголъ, означающій непрерывную многократность. Дѣйствіе плетенія, дѣленія, сомнѣнія и др. въ русскомъ языкѣ не разсматривается какъ непрерывная повторяемость; поэтому рядомъ съ нес. в. возможенъ и сов. в. Замѣчательно, что глаголы сложные съ sero, cerno и ruo получаютъ perfectum. Предлогъ, прибавленный къ глаголу, ограничиваетъ непрерывную повторяемость; поэтому глаголъ можетъ выражать и законченное, т.-е. распространившееся на весь извѣстный предметъ или на все извѣстное время дѣйствіе. Предлогъ, значитъ, играетъ здѣсь роль, аналогичную роли русскихъ предлоговъ, образующихъ сов. в. Впрочемъ, формы serui, crevi, rui обыкновенно считаются не совсѣмъ невозможными, но только рѣдко употребительными. Ambigo означаетъ нерѣшительное хожденіе вокругъ предмета, глаголъ же «сомнѣваться» не тождественъ съ ambigo, а только синонимиченъ.

Кромѣ указанныхъ группъ, perfectum не образуется еще у нѣкоторыхъ стоящихъ въ одиночку глаголовъ. Напр., aveo не имѣетъ perfectum по той же причинѣ, по какой нѣтъ сов. в. у глагола «порываться». Medeor значитъ «врачевать», а удачно окончившееся дѣйствіе соотвѣтствуетъ уже не врачеванію, а исцѣленію; поэтому «врачевать» не имѣетъ сов. в., а какъ perfectum для medeor берется другой глаголъ: sanavi.

Кромѣ приведенныхъ нами глаголовъ, въ иныхъ словаряхъ указывается много и другихъ глаголовъ, не имѣющихъ perfectum, особенно глаголовъ сложныхъ съ предлогами (maereo, polleo, prolicio, succino, colluceo, repungo, circumluo и мн. др.). Но всѣ эти глаголы принадлежатъ къ рѣдко употребительнымъ, и утвержденіе, что

у нихъ нѣтъ perfectum, основывается обыкновенно на томъ, что такого perfectum не встрѣчается у лучшихъ классическихъ авторовъ. Но на подобномъ шаткомъ критеріи мы не можемъ построить никакихъ точныхъ заключеній. Если, напр., глаголъ liveo «быть синевато-сѣрымъ» не встрѣчается въ perfectum у лучшихъ писателей, то это могло произойти и по той причинѣ, что въ историческихъ и отвлеченнаго содержанія произведеніяхъ этихъ писателей не встрѣтилось въ силу самаго характера этого содержанія ни одного случая, гдѣ нужно было бы употребить подобное perfectum отъ глагола, означающаго признакъ предмета, весьма рѣдко встрѣчающійся даже въ сферѣ конкретныхъ произведеній природы, не говоря уже объ исторіи или о сферѣ отвлеченныхъ понятій[1]).

Разобравши латинскіе глаголы, не имѣющіе perfectum, мы видимъ, что отсутствіе perfectum вполнѣ объясняется тѣми же причинами, какими объясняется отсутствіе сов. в.

---

[1]) Отсутствіе одной или двухъ формъ въ ряду многихъ другихъ никогда не бываетъ капризомъ языка, а обыкновенно обусловливается законами мышленія: невозможность формы указываетъ на логическую невозможность. Въ области этимологіи отсутствіе формы чаще всего наблюдается въ глаголахъ по отношенію къ supinum. Почему же многіе глаголы не имѣютъ супина? Это потому, что онъ логически невозможенъ. Въ самомъ дѣлѣ, супинъ то употребляется самостоятельно для означенія цѣли, то служитъ для образованія будущаго причастія, тоже выражающаго намѣреніе, цѣль. Стремленіе къ цѣли логически мыслимо только для одушевленнаго предмета; неодушевленный предметъ можетъ служить цѣлью, но активнаго стремленія къ цѣли не можетъ имѣть. И вотъ ни одинъ глаголъ, означающій состояніе вещества (liqueo, humeo, madeo, calleo, areo, hebeo, rigeo) или цвѣтъ вещества (albeo, candeo, flaveo, liveo, palleo, rubeo), логически не можетъ имѣть супина: вещество не можетъ имѣть активной цѣли, а лицо не можетъ стремиться перейти въ состояніе вещества. Если глаголъ означаетъ свойство, логически возможное только въ примѣненіи къ веществу, онъ тоже не можетъ имѣть супина (paleo, vergo, floreo, turgeo, oleo, scateo, sordeo, squaleo, ningit, pluit). Но супина не имѣютъ и многіе глаголы, означающіе состояніе лица, одушевленнаго предмета. Перебирая глаголы подобнаго рода, мы замѣчаемъ, что ни одинъ, напр., изъ глаголовъ, означающихъ страхъ (timeo, metuo, horreo, paveo, tremo), не имѣетъ супина. Очевидно, и здѣсь отсутствіе формы зависитъ отъ свойствъ понятія, выражаемаго словомъ. Невозможно представить случай, чтобы кто-нибудь стремился къ страху, ставилъ страхъ

у нѣкоторыхъ русскихъ глаголовъ. Остается вторая половина вопроса. Глаголъ, не имѣющій въ русскомъ языкѣ сов. в., и въ латинскомъ не долженъ имѣть perfectum, если только perfectum соотвѣтствуетъ прошедшему сов. в. Припомнимъ же тѣ глаголы, которые мы привели при выясненіи отличія нес. в., какъ не могущіе образовать сов. в.: «отсвѣчивать»,— но латинскіе глаголы renidere и resplendere тоже, собственно говоря, не могутъ имѣть perfectum, такъ какъ splendui, какъ мы сказали, занимаетъ особое мѣсто; «принадлежать»,—но въ латинскомъ языкѣ нѣтъ вовсе соотвѣтственнаго глагола: вмѣсто него употребляется описательный оборотъ—esse съ gen. possessivus; «порываться»—aveo, «припѣвать»—succinere безъ perfectum; для перевода глаголовъ «стоить», «обожать», «предвидѣть» нѣтъ въ латинскомъ языкѣ особыхъ глаголовъ, такъ какъ stare значитъ и «стоять, стать», colere значитъ собственно «почитать», providere не только означаетъ предвидѣніе, но чаще даже заботу о будущемъ. Кромѣ того, мы должны принять въ расчетъ, что въ вопросѣ объ употребленіи или отсутствіи perfectum въ словаряхъ и грамматикахъ вполнѣ игнорируется первое спряженіе. Но это вовсе не значитъ, что всякій глаголъ перваго спряженія необходимо имѣетъ perfectum; это значитъ только то, что вопросомъ объ употребленіи или отсутствіи perfectum у глаголовъ перваго спряженія никто не занимался. Доселѣ этотъ вопросъ разбирался въ другихъ спряженіяхъ съ единственною цѣлью— найти тему для образованія perfectum; а такъ какъ въ первомъ спряженіи perfectum за немногими исключеніями

своею цѣлью. Это противорѣчитъ природѣ человѣка, это немыслимое положеніе; логическимъ абсурдомъ также будетъ представить себѣ человѣка, активно стремящагося къ скорби, печали, гнѣву, и никто не станетъ искать случая замерзнуть, впасть въ нужду. Состояніе изумленія и бѣшенства является моментально, внѣ всякаго участія личной воли; поэтому выраженіе „намѣревающійся изумиться“ есть логическая нелѣпость. Мы перечислили почти всѣ глаголы, которые могутъ быть взяты въ примѣненіи къ лицу, но не имѣютъ супина. Мы видимъ, что всѣ они означаютъ такое состояніе, стремленіе къ которому противно природѣ; все это нежелательныя состоянія, которыя не бываютъ никогда цѣлью.

образуется постоянно однообразно, то, значитъ, въ области перваго спряженія не было побудительной причины разбирать указанный вопросъ; поэтому никто имъ и не занимался. Далѣе, чтобы приравнивать по значенію прошедшее сов. в. къ perfectum и прошедшее нес. в. къ imperfectum, мы должны брать глаголы вполнѣ тождественные; если же мы будемъ сравнивать глаголы только синонимные, а не тождественные, то, конечно, придемъ къ ошибочнымъ заключеніямъ. Глаголъ adhortari въ словарѣ имѣетъ нѣсколько значеній: «ободрять, поощрять, увѣщевать, уговаривать, убѣждать» и т. п. Странно было бы взять одно значеніе «увѣщевать» и изъ сравненія этого глагола, не имѣющаго сов. в., съ формою adhortatus sum заключать, что perfectum не равносильно прошедшему сов. в.Если мы adhortari переводимъ «ободрять» и «увѣщевать», то, значитъ, въ немъ нельзя искать оттѣнка, отличающаго «увѣщевать» отъ «ободрять». Возьмемъ, напр., глаголы, не имѣющіе нес. в.: очнуться, хлынуть, очутиться, опомниться и др. Справившись съ словаремъ, мы находимъ, что «хлынуть» = supervenire, «очутиться» = apparere, «опомниться» = se colligere и т. д.; оказывается, что все это глаголы вовсе не тождественные, а только синонимные: se colligere собственно значитъ «собирать себя, свои мысли», supervenire—«переходить сверху», и т. д. Странно было бы, сравнивая формы «я очнулся» и me colligebam, находить несоотвѣтствіе между imperfectum вообще и нес. в. вообще; не соотвѣтствуютъ другъ другу только данныя формы, такъ какъ въ нихъ дѣйствіе разсматривается съ различныхъ точекъ зрѣнія: «я очнулся» нужно перевести черезъ me collegi; me colligebam значитъ «я сталъ приходить въ себя», «я приходилъ въ себя».

Установивши соотвѣтствіе между imperfectum и perfectum, съ одной стороны, и прошедшими нес. и сов. в., съ другой, мы все-таки при элементарномъ преподаваніи латинскаго языка встрѣчаемъ большія трудности, если желаемъ постоянно сохранять это соотвѣтствіе. Дѣло въ томъ, что спряженіе тутъ изучается часто съ помощью перевода

отрывочныхъ фразъ. Вопросъ, какое прошедшее въ какомъ случаѣ употребить, можетъ быть рѣшенъ только изъ связи рѣчи, на основаніи контекста. Стоитъ только выхватить фразу изъ контекста, и наличность въ ней того, а не другого времени оказывается простою случайностью, теряетъ всякій raison d'être. Въ принятыхъ для перевода сборникахъ упражненій обыкновенно набраны цѣлыя страницы отрывочныхъ фразъ съ imperfectum или perfectum. Изучить по такимъ фразамъ точное значеніе этихъ временъ и ясно понять ихъ отличіе—дѣло невозможное, такъ какъ безъ контекста мы не имѣемъ никакого критерія, чтобы рѣшить вопросъ, почему въ данной фразѣ imperfectum, а не perfectum. А если нѣтъ этого критерія, то буквальная точность въ замѣнѣ латинскихъ временъ русскими видами часто будетъ оказываться неосмысленною механическою работою. Эта неудовлетворительность учебниковъ и сборниковъ упражненій настолько иногда парализуетъ учебное дѣло, что преподаватель противъ своей воли оставляетъ въ сторонѣ всякое различіе между указанными временами и видами, лишь бы не спутывать ежеминутно учениковъ дополнительными объясненіями выхваченныхъ изъ контекста фразъ.

Въ латинскихъ грамматикахъ функція времени приписывается также неопредѣленному наклоненію. Прежнія гимназическія программы, при всей своей краткости, считали нужнымъ обратить вниманіе преподавателей на то, чтобы ученики не переводили русское неопредѣленное совершеннаго вида латинскимъ неопредѣленнымъ прошедшаго времени. Программы были вполнѣ правы: переводъ неопредѣленнаго совершеннаго вида постоянно составлялъ ахиллесову пяту, ученики и въ старшихъ классахъ склонны были «сдѣлать» переводить черезъ fecisse. Учитель долго и безуспѣшно боролся съ этимъ стремленіемъ различать въ латинскомъ неопредѣленномъ виды русскаго глагола. Но это стремленіе есть логическое послѣдствіе общепринятаго ошибочнаго способа изученія латинскаго неопредѣленнаго. И здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, причина путаницы—непра-

вильность и нелогичность грамматическихъ терминовъ, чисто случайное подведеніе русскихъ грамматическихъ категорій подъ категоріи латинской грамматики. Посмотримъ, какъ русская грамматика опредѣляетъ неопредѣленное наклоненіе. Это «форма, служащая лишь названіемъ дѣйствія или состоянія и не опредѣляющая ни времени ни лица». Мы должны прибавить, что неопредѣленное въ русскомъ языкѣ не опредѣляетъ и числа, такъ какъ въ формахъ сложныхъ изъ страдательнаго причастія и вспомогательнаго глагола функція числа принадлежитъ не неопредѣленному наклоненію, а *причастію*. Неопредѣленное наклоненіе потому такъ и называется, что въ немъ не опредѣляется ни времени, ни лица, ни числа. Посмотримъ, можно ли приложить это опредѣленіе къ латинскому неопредѣленному. Формы неопредѣленнаго: facturum esse, facturam esse, facturos esse, facturas esse, factura esse, factum esse, factam esse, factos esse, factas esse, facta esse, facturus esse, factura esse, facturum esse, facturi esse, facturae esse, factura esse, factus esse, facta esse, factum esse, facti esse, factae esse, facta esse, опредѣляютъ не только время и число, но даже родъ и падежъ, а остальныя три формы: facere, fecisse, factum iri, опредѣляютъ время. Въ русскомъ языкѣ одна форма, а въ латинскомъ цѣлыхъ 14 со всѣми возможными у глагола функціями (кромѣ функціи лица). И такія-то формы, *вполнѣ опредѣленныя*, со всѣми почти точно опредѣленными глагольными функціями, называются неопредѣленнымъ наклоненіемъ! Изъ понятія о неопредѣленномъ изъяты всѣ его существенные признаки (кромѣ одного,—неопредѣленности лица), и мы все-таки не замѣчаемъ, что значенія терминовъ давно уже разошлись въ разныя стороны, что мы имѣемъ дѣло уже съ чѣмъ-то совсѣмъ другимъ. Всякій латинскій глаголъ, какъ и русскій, имѣетъ одно неопредѣленное наклоненіе, въ истинномъ смыслѣ слова неопредѣленное, т.-е. не имѣющее никакихъ функцій: ни времени, ни лица, ни числа, ни рода, ни падежа; въ первомъ спряженіи подлинное неопредѣленное оканчивается на are, во второмъ

на ere, и т. д., а все остальное лишь условно носитъ названіе неопредѣленнаго. Если не смѣшивать терминовъ, то всѣ формы, названныя въ латинскихъ грамматикахъ неопредѣленнымъ наклоненіемъ perfecti и futuri, должны быть названы иначе, а отнюдь не неопредѣленнымъ наклоненіемъ. Роль и значеніе всѣхъ такъ называемыхъ прошедшихъ и будущихъ неопредѣленныхъ опредѣляется исключительно оборотами accusativus и nominativus cum infinitivo. Кромѣ этихъ оборотовъ, нигдѣ не примѣняются эти прошедшія и будущія времена неопр. н. А въ этихъ оборотахъ всѣ формы на isse, urus esse, us esse и т. д. играютъ вполнѣ опредѣленную роль, строго указываютъ на время, число, падежъ, и т. д. Почти всѣ, напр., логическіе признаки изъяв. н. присущи и формѣ facturam esse, которая означаетъ, что дѣйствіе предстоитъ въ будущемъ, что дѣйствующее лицо будетъ одно, что оно будетъ предметомъ, названіе котораго относится къ женскому роду. Изъ предшествующихъ соображеній слѣдуетъ, что формы inf. perf. и fut. должны изучаться только при объясненіи оборотовъ acc. и nom. c. inf.; въ сознаніи ученика онѣ должны быть неразрывно и разъ навсегда связаны съ представленіемъ объ упомянутыхъ оборотахъ.

Методологическія наблюденія относительно латинскихъ хрестоматій.

1. Что такое содержательная фраза и содержательная статья?

Основой и исходной точкой для всѣхъ классныхъ занятій и практическихъ упражненій по латинскому языку долженъ служить по принятымъ нынѣ учебнымъ планамъ латинскій текстъ связнаго содержанія. Фразы допускаются только на первыхъ порахъ изученія латинскаго языка, но и тутъ онѣ должны быть «непремѣнно содержательны».

Содержательность фразъ до послѣдняго времени считалась въ школьной практикѣ излишнею роскошью. Самое слово «фраза» въ обыкновенномъ разговорѣ давно уже стало синонимомъ безсодержательнаго набора словъ. Языкъ, это органическое цѣлое, пытались разложить на содержаніе и форму и послѣднюю клали въ основу первоначальнаго обученія, считали возможнымъ изучать сначала одни слова, символы предметовъ, и только потомъ, на дальнѣйшихъ ступеняхъ обученія, переходить къ самымъ предметамъ, для которыхъ слова эти служатъ только условными знаками. Языкъ съ перваго же разу преподносился ученикамъ въ видѣ какого-то мертваго и безполезнаго матеріала, въ видѣ вокабулъ и грамматическихъ формъ, а не въ видѣ живой рѣчи, имѣющей реальное содержаніе и служащей для выраженія мысли. Искусственно отнимая у обученія всякій интересъ и дѣлая его безцѣльнымъ въ глазахъ ученика, этотъ неестественный пріемъ имѣлъ много и другихъ печальныхъ послѣдствій. Говорятъ, что хрестоматія не есть кодексъ нравственныхъ правилъ или сводъ научныхъ данныхъ, что она представляетъ только средство въ возможно краткій срокъ ознакомить ученика съ законами языка. Этимъ

оправдываютъ пустоту фразъ и всевозможныя нелѣпости, въ нихъ заключающіяся. При такомъ взглядѣ предполагается, что вниманіе учениковъ будетъ сосредоточено на формѣ, что ученики и учитель не станутъ добиваться смысла, не станутъ вникать въ содержаніе. Но прежде всего ни одно представленіе не проходитъ чрезъ сознаніе безъ слѣда, и ложныя или нежелательныя представленія оставляютъ въ сознаніи и нежелательные слѣды. Разумное преподаваніе не допускаетъ и мысли, чтобы въ классѣ говорился вздоръ: всякое слово, всякая мысль, высказанныя въ классѣ, должно не только въ цѣломъ, но и въ каждой мельчайшей подробности содѣйствовать основной воспитательно-образовательной цѣли. Что мы сказали бы объ учителѣ исторіи или географіи, который часть урока посвящалъ бы ознакомленію съ исторіей или странами, а часть удѣлялъ бы на разсказываніе небылицъ? Почему же только на урокахъ древнихъ языковъ допускаютъ пустыя и вздорныя мысли въ надеждѣ, что авось онѣ не лягутъ въ сознаніи ученика? Почему только здѣсь позволяется заниматься пустословіемъ, говорить слова, не вникая въ смыслъ? Въ хрестоматіи каждая мысль должна быть полезной, какъ и во всякомъ другомъ учебникѣ. Было бы очень желательно, чтобы каждая фраза давала знаніе или нравственный урокъ, но мы не рѣшаемся пока ставить для сборниковъ фразъ такія требованія. Дѣло въ томъ, что употребляемые у насъ сборники настолько неудовлетворительны, что простая содержательность фразъ была бы уже огромнымъ шагомъ впередъ. Гдѣ ужъ толковать о поучительности и положительной пользѣ, когда фразы эти не удовлетворяютъ даже элементарнымъ требованіямъ логики.

Въ самомъ дѣлѣ, въ простѣйшемъ видѣ фраза должна представлять собою предложеніе, т.-е. выраженное словами сужденіе, а сужденіе есть, какъ извѣстно, обозначеніе признаковъ предмета. Когда мы читаемъ, напр., «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ», то мы встрѣчаемъ фразы: «Изъ темнаго лѣсу выходитъ кудесникъ... волхвы не боятся могучихъ владыкъ... правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ... твой

конь не боится опасныхъ трудовъ...» Здѣсь или конкретнымъ предметамъ (кудесникъ, встрѣтившій Олега, Олеговъ конь) приписывается тотъ или иной, существенный или случайный признакъ, или совокупности однородныхъ предметовъ (понятія: волхвы, языкъ волхвовъ) приписывается признакъ существенный. Теперь забудемъ на время о существованіи «Пѣсни» и возьмемъ тѣ же фразы безъ контекста, самостоятельно. Абсолютно взятое слово «кудесникъ» уже будетъ не указаніемъ на конкретный предметъ, а родовымъ обобщеніемъ, понятіемъ, обнимающимъ всѣ однородные предметы. У насъ получается логическая нелѣпость: понятію приписывается признакъ совершенно случайный. Точно такъ же въ «Пѣсни» говорится о точно опредѣленномъ конѣ, а самостоятельно взятая фраза: «конь не боится опасныхъ трудовъ», не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшаго намека на единичность и конкретность предмета: «конь» это понятіе родовое, а видовымъ и конкретнымъ оно дѣлается только тогда, когда фраза эта стоитъ въ контекстѣ, когда изъ предыдущихъ и послѣдующихъ словъ и мыслей мы заключаемъ, что здѣсь рѣчь идетъ о точно опредѣленномъ конѣ, а не о конѣ вообще. Наши хрестоматіи переполнены фразами, въ которыхъ единичные предметы называются словомъ, означающимъ родовое обобщеніе или понятіе о всей совокупности однородныхъ предметовъ. «Полководецъ ведетъ войско», «хозяйка имѣетъ корову», «зданіе высоко», «поле земледѣльца обширно»,—въ подобныхъ фразахъ рѣчь идетъ объ отдѣльномъ «полководцѣ», объ одной какой-то «хозяйкѣ», объ одномъ «зданіи», «полѣ», а названія берутся прямо родовыя. Но единичный предметъ мы называемъ родовымъ именемъ только тогда, когда предметъ извѣстенъ слушателю, когда о немъ только шла рѣчь. Если мы только-что говорили объ извѣстной хозяйкѣ, то наша фраза: «хозяйка имѣетъ корову», понятна; если же я ни съ того ни съ сего скажу: «хозяйка имѣетъ корову», то слова мои, не имѣя никакого реальнаго содержанія, поставятъ въ полный тупикъ слушателя. Что за хозяйка? кто она? гдѣ живетъ? и т. д. Я буду понятъ только тогда, если отвѣчу на всѣ эти

вопросы, если съ помощью перечисленія многихъ признаковъ родовое понятіе «хозяйка» сдѣлаю единичнымъ представленіемъ объ одномъ, извѣстномъ мнѣ и слушателю человѣкѣ. Но разъ слушатели или читатели суть жители разныхъ мѣстъ и никогда не переживали общихъ впечатлѣній, то, сколько бы ни прибавляли опредѣленій, мы все-таки не будемъ имѣть возможности дать родовому названію конкретное содержаніе. Дѣло не измѣняется, если мы говоримъ о многихъ предметахъ. Фраза: «враги бросаютъ оружіе», только тогда будетъ содержательна, когда читатель въ точности будетъ знать, кто эти враги, когда чтеніе этой фразы возстановитъ въ его воображеніи конкретный эпизодъ битвы. Такимъ образомъ, вырывая фразу изъ конктекста, мы беремъ только слова прежнія, а логическая роль этихъ словъ необходимо измѣняется уже самымъ процессомъ отдѣленія фразы отъ контекста: представленія обращаются въ понятія, предметы теряютъ свою конкретность, а признаки остаются тѣ же, и принадлежащее единичному предмету навязывается цѣлому роду. Иные учебники почти сплошь состоятъ изъ такихъ логически несостоятельныхъ фразъ. Употребленіе родовыхъ понятій вмѣсто конкретнаго обозначенія точно опредѣленныхъ предметовъ, соединенное съ указаніемъ частнаго признака,—это главнѣйшая причина безсодержательности фразъ. Но слишкомъ случайные признаки неумѣстны даже и тогда, когда обозначеніе предмета сдѣлано логически правильнымъ способомъ. Тутъ нарушаются требованія чисто педагогическія. Ученику, который только что учится сознательно различать предметы, нужно видѣть признаки, если не существенные, то во всякомъ случаѣ рѣзкіе, характеризующіе предметъ. Если же мы, скрывая рѣзкіе признаки, указываемъ только случайные и неважные, то мы даемъ ученику ложное освѣщеніе предмета и неправильное о немъ понятіе. Неужели, говоря, напр., о такомъ исключительномъ признакѣ «моряка», какъ любовь его къ сраженіямъ, мы уясняемъ ученику смутное для него понятіе «морякъ»? Чѣмъ исключительнѣе признакъ, приписываемый предмету, тѣмъ безсодержательнѣе фраза.

Составители сборников изъ желанія втиснуть въ фразу излюбленныя слова доходятъ иной разъ до настоящей виртуозности въ придумываніи всякихъ казусовъ. Подумайте, какъ часто въ жизни человѣчества бывалъ, напр., такой казусъ, что «господинъ разсказывалъ рабамъ о смѣлости моряковъ»? Но мы считаемъ неумѣстными въ сборникахъ не только эти казусы, но и всякое обозначеніе частныхъ и случайныхъ признаковъ. Выборъ такихъ признаковъ дѣло произвола и обыкновенно ни на чемъ не основанъ. Странно преподносить ученику такую, напр., «истину», что «жители Галліи имѣютъ оружіе», если онъ не знаетъ другихъ признаковъ Галліи, которые гораздо существеннѣе. Мало ли кто еще имѣетъ оружіе! мало ли въ Галліи предметовъ болѣе интересныхъ и важныхъ, чѣмъ какое-то «оружіе» ея жителей! Игнорировать важное и указывать ничтожную мелочь значитъ говорить пустяки. Съ другой стороны, нельзя назвать иначе, какъ пустословіемъ, и такія, напр., фразы: «днемъ бываетъ свѣтло»; «мы живемъ на землѣ»; «птицы летаютъ»; «огонь горячъ», и т. п. Какъ ни малъ еще дѣтскій кругозоръ, но и для дѣтей уже нѣкоторыя истины донельзя очевидны, такъ что констатированіе ихъ является совершенно безцѣльнымъ. Избѣгая подобныхъ труизмовъ, мы, разумѣется, должны избѣгать и такихъ фразъ, которыя превышаютъ умственное развитіе учениковъ. Ученикамъ младшихъ классовъ безполезно было бы и объяснять такія, напр., положенія, что «чернь легковѣрна», что у германцевъ добрая нравственность поддерживалась не столько законами, сколько обычаями и т. д. Кромѣ того, фразы не должны заключать въ себѣ неправильныхъ обобщеній («жители берега моряки»; «богатые несчастны», и т. д.), неосновательныхъ противоположеній («греки больше любили маленькій Делосъ, чѣмъ плодородный Египетъ»), тавтологій, путаницы между *понятіями* («растенія украшаютъ лѣсъ», «растенія и травы украшаютъ землю», и т. п.), одностороннихъ выводовъ и другихъ логическихъ ошибокъ.

Кромѣ логической несостоятельности, фразы грѣшатъ обыкновенно и противъ педагогическихъ требованій. Содер-

жаніе ихъ бываетъ обыкновенно вымышленнымъ. Кромѣ прямого вымысла, сюда принадлежатъ и тѣ случаи, гдѣ вымыселъ явился искусственнымъ путемъ — вслѣдствіе выдѣленія фразы изъ контекста. Въ самомъ дѣлѣ, если фразу лишить ея конкретной обстановки, оторвать отъ предыдущихъ и послѣдующихъ мыслей, поясняющихъ ее и дающихъ ей фактическое содержаніе, то фраза перестанетъ быть указаніемъ на фактъ и получитъ всѣ признаки прямого вымысла. Фраза: «воины сражались храбро», пока была въ контекстѣ, въ исторической статьѣ, имѣла значеніе фактическое, указывала на дѣйствительно гдѣ-нибудь бывшее сраженіе, но, разъ мы ее оторвали отъ текста, она потеряла всѣ признаки фактичности и стала вымысломъ. Сборники бываютъ переполнены такими фразами, искусственно пріобрѣтшими характеръ вымысла. Удобно ли въ школьномъ дѣлѣ подобнаго рода содержаніе фразъ и можно ли даже назвать такія фразы содержательными? Конечно, нѣтъ. Правда, вся поэзія основана на вымыслѣ, но тамъ, во-первыхъ, вымыселъ долженъ быть непремѣнно правдоподобнымъ, а во-вторыхъ, поэзія не имѣетъ ничего общаго со школьными фразами. Поэзія пользуется вымысломъ для идеальнаго воспроизведенія жизни, для созданія картинъ и образовъ, и результатомъ являются поэтическія произведенія, имѣющія каждое свое особое содержаніе и особую идею. Но какой смыслъ имѣла бы куча вымышленныхъ мелочей, если бы изъ нихъ нельзя было создать одного цѣлаго, если бы онѣ не служили для созданія картинъ и произведеній? Безцѣльный вымыселъ фразъ вноситъ въ сознаніе ученика огромную массу ложныхъ свѣдѣній, невѣрныхъ представленій, неправильныхъ положеній. Ученикъ самъ не умѣетъ еще отличить вымысла отъ правды и принимаетъ за нее вымыселъ. Безцѣльный вымыселъ мало чѣмъ отличается отъ лжи, а что сказать о такомъ обученіи, которое ведется съ помощью матеріала, сообщающаго ученикамъ завѣдомо ложное? Прочтите нѣсколько страницъ любого сборника фразъ, и вы сразу очутитесь среди какого-то фантастичнаго міра, ни-

чего не имѣющаго общаго съ дѣйствительностью. Тутъ вы встрѣтите и прямо невѣрныя свѣдѣнія, особенно же изъ области исторіи; тутъ васъ будутъ увѣрять, что «дождь вредитъ розамъ», что «раки живутъ на землѣ», что «рыбаки постоянно живутъ на волнахъ», что тучи на Альпахъ «имѣютъ мѣстопребываніе», и т. д. Если вѣрить сборникамъ, то оказывается, что мы живемъ среди всѣхъ ужасовъ рабства и пиратства, что лѣса наши кишатъ дикими звѣрями, которые то и дѣло поѣдаютъ «коровъ земледѣльцевъ», что города наши украшены храмами «боговъ и богинь», а «острова статуями», что сады «нашихъ земледѣльцевъ» усажены розами, что мы приносимъ жертвы своимъ богамъ и т. д. Вся обстановка древняго міра причудливо переплетается съ нашей дѣйствительностью. Мало того, передъ нами фигурируетъ вся та масса людей и народовъ, о которой говоритъ исторія. Оказывается, что Крезъ еще живъ и «имѣетъ большое богатство», что «римляне осаждаютъ города галловъ», что греки и теперь все «сражаются съ македонянами», что «кареагеняне имѣютъ множество кораблей», что вмѣсто англичанъ господствуетъ въ Индіи Александръ Македонскій, что персы сражаются не пушками и ружьями, а «стрѣлами и копьями», и т. д. Кромѣ подобныхъ грубыхъ анахронизмовъ, въ сборникахъ выдумывается огромная масса фантастичныхъ событій, немыслимыхъ фактовъ, невѣрныхъ дѣйствительности положеній. «Пѣхотинцы» наши вѣчно сражаются, «флотъ нашъ» терпитъ бури, мы ежечасно только и дѣлаемъ, что разоряемъ страны и избиваемъ жителей, «наши полководцы» вѣчно ободряютъ солдатъ, «легіоны строятъ валъ», жители «ловятъ пиратовъ» и т. д. Сколько лжи и нелѣпостей вынесетъ ученикъ изъ этого фантастическаго калейдоскопа, если его не увѣрить, что все это пишется въ книгѣ «нарочно», что все это выдумки, что его дѣло заучивать формы, а не придираться къ смыслу! Къ такимъ же несоотвѣтственнымъ дѣйствительности фразамъ *относятся въ сборникахъ* и тѣ, гдѣ фигурируютъ мѣстоименія «я» и «мы» или «ты» и «вы», а сказуемое указываетъ на дѣйствіе или признакъ, вовсе

не свойственый дѣтямъ. Ученикъ говоритъ о «своемъ» сынѣ, о «своихъ» дочеряхъ, о своихъ собственныхъ домахъ, которые будто «всегда открыты для бѣдныхъ»; онъ патетично восклицаетъ, что всю жизнь свято служилъ отечеству, онъ знаетъ толкъ въ «старомъ и новомъ винѣ», онъ торопитъ куда-то моряковъ, говоритъ рѣчи «земледѣльцамъ», разспрашиваетъ господина, «гдѣ его рабы», совѣтуетъ своимъ школьнымъ друзьямъ «украшать золотомъ храмы», освѣдомляется у нихъ, не «участвовали ли они въ сраженіи», и т. д. Все это умѣстно въ устахъ не дѣтей, а лицъ иного возраста, иныхъ профессій и положеній. Но фраза остается безсодержательною и тогда, если при подлежащемъ «я» или «мы» указывается дѣйствіе, возможное для ученика. Если иной ученикъ, читая фразы: «мой братъ боленъ», «я вижу земледѣльца и его жену», скажетъ, дѣйствительно, правду, все-таки у тысячи другихъ учениковъ братья здоровы, тысячи другихъ учениковъ не видятъ изъ классшаго окна никакого «земледѣльца» и никакой «жены». Безсодержательны и тѣ фразы, гдѣ говорится о какомъ-то фантастичномъ второмъ лицѣ, которому приписываются самыя неожиданныя свойства и дѣйствія. Въ классѣ сидятъ ученики и учитель; къ кому же обращается ученикъ, восклицающій, напр.: «я справедливъ, а ты несправедливъ»? Изучать второе лицо спряженій можно не иначе, какъ на сентенціяхъ и пословицахъ, гдѣ второе лицо употреблено для обобщенія. Составители сборниковъ любятъ выводить въ фразахъ учителей и учениковъ, но дѣлается это всегда въ самомъ неестественномъ, фальшиво сантиментальномъ тонѣ: при переводѣ такихъ фразъ дѣлается какъ-то неловко и учителю и ученикамъ. Такимъ образомъ сборники не только даютъ ученикамъ ложныя свѣдѣнія и безцѣльный вымыселъ, но и самихъ учениковъ учатъ говорить о себѣ неправду. Но педагогическимъ требованіямъ фразы не удовлетворяетъ иногда и въ другомъ отношеніи. Онѣ должны беречь нравственное чувство дѣтей, а межъ тѣмъ толковать о рабахъ и рабыняхъ, о наказаніяхъ и бичахъ любимое дѣло составителей сборниковъ, гдѣ мы встрѣчаемъ

даже такія фразы: Vinciemus malos servos,—это дѣти-то будутъ заковывать злыхъ рабовъ! Еще чаще толкуется въ сборникахъ объ «умерщвленіяхъ», «убіеніяхъ», «избіеніяхъ» и т. д.; людскія отношенія представляются въ видѣ постоянныхъ «взятій», «опустошеній», «сраженій» и т. д. Очень много фразъ берется обыкновенно изъ историческихъ сочиненій. Выборъ такихъ фразъ—дѣло очень трудное, особенно если онѣ предназначаются для дѣтей, еще не учившихся исторіи. Историческая фраза содержательна для читателя только въ томъ случаѣ, если онъ хорошо знакомъ съ той исторической обстановкой, среди которой совершается указанный фактъ. Переводить историческія фразы можно не иначе, какъ вводя учениковъ въ эту историческую обстановку. Встрѣтивъ фразу: «Дарій былъ побѣжденъ Александромъ», учитель долженъ указать время, мѣсто, поводъ и причину факта, сообщить, кто такое Дарій и Александръ и — самое главное — выяснить ученикамъ понятія «македонская держава» и «царство персидское». А выяснить ихъ значитъ не только указать по картѣ (это не географическіе термины, а политическіе организмы, имѣвшіе исторію), но и прослѣдить возникновеніе этихъ монархій. Очевидно, подобная работа не совсѣмъ умѣстна на латинскомъ урокѣ. Исходъ одинъ — не брать историческихъ фразъ, если онѣ касаются единичныхъ фактовъ. Если учитель не даетъ объясненій, то въ такихъ фразахъ реальное содержаніе имѣетъ для учениковъ только признакъ, приписываемый какимъ-то предметамъ; ученикъ узнаетъ, что «сражались», «поражали», «возвращались», «вторгались» и т. д., а названія предметовъ не вызываютъ въ немъ никакихъ представленій. Знать же, что люди могутъ «сражаться», «возвращаться» и т. д., вовсе не значитъ—знать историческіе факты. Фактическое содержаніе имѣютъ эти фразы только для насъ, знающихъ исторію; такое же содержаніе онѣ имѣли и тогда, когда были въ контекстѣ, въ статьѣ историческаго содержанія. Если же ученикъ не видитъ контекста и не можетъ на основаніи своихъ историческихъ знаній представить фактъ во всей его конкретной формѣ,

со всѣми предшествующими и послѣдующими обстоятельствами, то историческая фраза для него является лишенной историческаго содержанія, и ученикъ видитъ только то, что какому-то неизвѣстному предмету приписывается случайный признакъ. Другое дѣло — фразы, иллюстрирующія бытъ, нравы, обычаи, вѣрованія и понятія народа: онѣ вполнѣ пригодны для хрестоматій, но и тутъ учитель обязательно долженъ дать ученикамъ понятіе о всякомъ народѣ и всякой мѣстности, упоминаемой въ фразѣ. Такія фразы могутъ быть содержательны и безъ контекста, потому что онѣ означаютъ дѣйствія, многократно повторявшіяся и не состоящія въ неразрывной связи съ цѣпью другихъ историческихъ фактовъ. Есть еще третій родъ историческихъ фразъ — это фразы біографическаго характера. Въ хрестоматіяхъ онѣ всегда безсодержательны. Существуетъ особый шаблонъ для ихъ составленія: берется имя, и потомъ прибавляется прилагательное, означающее неопредѣленно превосходную степень, въ соединеніи съ нарицательнымъ («поэтъ», «ораторъ», «полководецъ» и т. д.) или безъ него. Каждая хрестоматія считаетъ своею обязанностью съ первыхъ же поръ дать ученику огромную коллекцію такихъ прилагательныхъ («великій», «величайшій», «превосходный», «выдающійся», «славный», «знаменитый», «извѣстный» и т. д.), совершенно неумѣстныхъ въ первое время обученія языку, потому что все это синонимы, въ которыхъ трудно разобраться и которые не имѣютъ никакого реальнаго содержанія, такъ какъ указываютъ на высшую степень, не указывая самаго признака. Да и превыспреннее восхваленіе всевозможныхъ лицъ, о которыхъ дѣти ничего не знаютъ, можно считать совершеннымъ пустословіемъ.

Такимъ образомъ для содержательности фразъ, мы думаемъ, можно установить слѣдующія требованія:

1. Единичные предметы и частныя понятія не должны означаться словомъ, указывающимъ только на родовое понятіе.

2. Сказуемое не должно приписывать предмету признаковъ случайныхъ.

3. Фразы не должны, съ одной стороны, превышать умственнаго развитія учениковъ, съ другой — не должны заключать и такихъ истинъ, которыя даже для дѣтей перваго школьнаго возраста давно уже стали допельзя очевидными.

4. Фразы не должны заключать неправильныхъ обобщеній, неосновательныхъ противоположеній, путаницы понятій и другихъ логическихъ ошибокъ.

5. Фраза должна давать истинныя свѣдѣнія.

6. Содержаніе фразъ не должно противорѣчить дѣйствительности.

7. Фразы должны беречь нравственное чувство дѣтей.

8. Фразы не должны касаться единичныхъ историческихъ фактовъ, непонятныхъ безъ ихъ исторической обстановки.

Эти требованія касаются самаго содержанія, но и форма въ школьномъ дѣлѣ важна. Изученіе латинскаго языка имѣетъ между прочимъ и ту цѣль, чтобы научить учениковъ свободно владѣть своею рѣчью. Каждый школьный урокъ долженъ между прочимъ быть и урокомъ русскаго языка. Если ужъ въ разговорной рѣчи ученика учитель долженъ поправлять каждое неудачное выраженіе и слѣдить за малѣйшими ошибками, то что́ сказать послѣ этого объ учебникахъ, гдѣ цѣлыя страницы написаны какимъ-то невозможнымъ жаргономъ. Кромѣ очевидныхъ ошибокъ противъ стиля, латинизмовъ и искусственныхъ выраженій, школьная практика установила цѣлую массу условныхъ оборотовъ рѣчи, *нетерпимыхъ нигдѣ, кромѣ школьныхъ* хрестоматій. Правильность стиля мы ставимъ настолько высоко, что считаемъ неумѣстною въ сборникѣ всякую фразу, гдѣ есть хоть малѣйшее нарушеніе законовъ языка и стиля.

Предыдущія соображенія показываютъ, что, чѣмъ больше частныхъ случаевъ обнимаетъ фраза, тѣмъ она содержательнѣе. Наиболѣе годны фразы, заключающія въ себѣ пословицы и сентенціи: тутъ меньше поводовъ выдавать частное и случайное за общее; къ тому же такія фразы

даютъ не только знаніе, но часто и нравственное правило. Но самое главное достоинство пословицъ и сентенцій заключается въ томъ, что онѣ уже при самомъ появленіи своемъ на свѣтъ облечены въ форму отдѣльныхъ фразъ. Всякая другая фраза есть нарочно вырванная частица статьи или книги, а пословица или сентенція есть органическое цѣлое, которое ни отъ чего не отрывается, а берется въ томъ самомъ видѣ, какъ возникло. Изъ народныхъ пословицъ нужно учиться составлять фразы, потому что только здѣсь фраза есть не искусственный продуктъ школьной практики, а органическій продуктъ языка, всякое же другое прозаическое и поэтическое произведеніе появляется въ видѣ связной рѣчи, а не въ видѣ фразы. Изъ знакомства съ пословицами мы увидимъ тѣ условія, при которыхъ фраза не только можетъ существовать, какъ органическое цѣлое, но и представляетъ собою нѣчто цѣнное по содержанію. Содержаніе пословицъ настолько цѣнно, что онѣ цѣлые вѣка передаются изъ устъ въ уста, служа поученіемъ и правиломъ практической мудрости. Эта цѣнность содержанія зависитъ отъ того, что пословица обнимаетъ массу жизненныхъ случаевъ, заключаетъ неопровержимую истину и способна часто примѣняться на практикѣ. Чѣмъ ближе фраза подходитъ къ этимъ условіямъ, тѣмъ она содержательнѣе.

Такимъ образомъ пословицы и сентенціи—самый желательный матеріалъ для сборниковъ и фразъ. Онѣ даютъ фразу въ наиболѣе удобной формѣ, и вся задача составителя сводится къ удачному выбору ихъ по содержанію. Многія пословицы и сентенціи неудобны для школьнаго сборника потому, что выражаютъ недоступную дѣтямъ идею. Особенно это можно сказать о такъ называемыхъ изреченіяхъ мудрецовъ, которыя обыкновенно бываютъ не простымъ правиломъ житейской мудрости, а краткимъ резюмэ цѣлой философской системы. Затѣмъ нужно избѣгать такихъ пословицъ, которыя бываютъ не правиломъ мудрости, а простымъ констатированіемъ нежелательныхъ явленій человѣческой жизни (manus manum lavat; ubi bene, ibi patria, и т. п.).

Мы выставили самыя скромныя требованія для содержательности фразъ; но употребляемые у насъ сборники настолько не удовлетворяютъ даже этимъ требованіямъ, что, если бы выпустить изъ нихъ безсодержательныя фразы, то объемистыя книги обратились бы въ тощія брошюрки.

Отъ фразъ учебные планы рекомендуютъ скорѣе переходить къ статьямъ. Употребляемыя въ сборникахъ статьи можно раздѣлить на слѣдующія группы: 1) описанія, 2) басни, 3) миѳологическіе разсказы и разсказы о герояхъ, 4) анекдоты и историческіе разсказы, 5) разговоры, 6) разсужденія.

Описаніе, какъ это видно изъ любого учебника словесности, есть перечисленіе въ извѣстномъ порядкѣ признаковъ предмета. Описанія бываютъ научныя, или прозаическія, дающія понятіе о предметѣ и перечисляющія характерные и существенные признаки[1]), и художественныя, или поэтическія, дающія представленіе или картину. Перваго рода описаніе предполагаетъ предварительную строго-логическую работу сравненія предметовъ и отвлеченія общихъ и неизмѣнныхъ признаковъ. Если же этой работы не сдѣлано, то описаніе будетъ случайнымъ, неполнымъ, безсодержательнымъ и даже невѣрнымъ. Полная произвольность въ подборѣ признаковъ составляетъ самую отличительную черту помѣщаемыхъ въ хрестоматіяхъ описаній. Рядомъ съ двумя-тремя характерными признаками обыкновенно берется масса совершенно мелочныхъ и исключительныхъ: для характеристики деревьевъ сообщается, что они «даютъ тѣнь», для характеристики Альпъ, что на нихъ «живутъ многія птицы», Москву характеризуютъ тѣмъ, что въ нее «приходятъ земледѣльцы», лошадь тѣмъ, что «она пьетъ воду», отечество тѣмъ, что въ немъ идутъ «сильные дожди», и т. п. На ряду съ совер-

[1]) Логическое понятіе составляется изъ однихъ существенныхъ признаковъ, но въ описаніе могутъ входить и характерные признаки, обнимающіе почти всѣ предметы даннаго ряда. При составленіи логическаго понятія о человѣкѣ намъ незачѣмъ припоминать, что человѣкъ имѣетъ двѣ руки и двѣ ноги, но въ описаніи мы можемъ указать и этотъ признакъ.

шенно случайными признаками мы постоянно встрѣчаемъ и противоположную крайность: намъ хотятъ описать Италію, а перечисляютъ признаки, принадлежащіе цѣлой сотнѣ странъ; намъ хотятъ дать понятіе о «военныхъ корабляхъ нашего отечества», и указываютъ только то, что они «велики», имѣютъ «все необходимое» и идутъ «съ величайшей быстротой». Но безсодержательность происходитъ не только отъ набора случайныхъ, не характеризующихъ предмета признаковъ или слишкомъ общихъ мѣстъ, но и отъ попытокъ указывать неодинаковость или измѣняемость признаковъ. Въ описаніяхъ то и дѣло встрѣчаемъ слова «различный», «неодинаковый», «многіе», «бываетъ», «не всѣ» и т. д. Область «случайнаго» и «различнаго» необъятна, но она и не имѣетъ отношенія къ выясненію понятій. Описаніе должно давать только общіе признаки, а толковать, что такіе-то признаки принадлежатъ «нѣкоторымъ» или «многимъ» предметамъ, и не опредѣлять, какимъ именно, значитъ не выяснять, а запутывать понятіе. Далѣе, понятіе получится, если будутъ указаны всѣ существенные признаки: чѣмъ меньше ихъ въ описаніи, тѣмъ оно безсодержательнѣе. Подъ громкими заглавіями: «Мое отечество», «О человѣкѣ», «О животныхъ» и т. д., въ сборникахъ скрывается обыкновенно самое мизерное содержаніе: понятіе «мое отечество» исчерпывается, напр., всего двумя признаками — обширностью страны и обиліемъ «тѣнистыхъ лѣсовъ». Неполнота и односторонность описаній проявляется и въ томъ, что составители, описывая самые разнообразные предметы: металлы, львовъ, воздухъ, законы и т. д., всячески стараются свести дѣло къ «грекамъ» и «римлянамъ». Неужели, напр., пересчитывать птицъ, которыя летаютъ въ воздухѣ, и потомъ сводить рѣчь на «гусей въ Капитоліи» значитъ давать понятіе о воздухѣ? Понятіе о львахъ получается не изъ перечня басенъ, которыя сочинили о нихъ греки и римляне, а изъ данныхъ естественной исторіи. Полнота нужна и при выясненіи отдѣльныхъ признаковъ: говоря, напр., о мѣстонахожденіи металловъ, нельзя ограничиваться указаніемъ, что желѣзо добывается «въ Италіи». Перечень признаковъ въ описаніяхъ долженъ подчи-

няться извѣстному плану, при чемъ за исходную точку можно брать мѣсто, время, относительную важность, близость и отдаленность и другія соотношенія признаковъ. Описанія, помѣщаемыя въ сборникахъ, часто представляютъ самыя причудливыя комбинаціи признаковъ съ самыми рѣзкими переходами отъ одного предмета къ другому, ничего не имѣющему съ нимъ общаго: начнетъ авторъ рѣчь о Греціи, а закончитъ фразой: «земледѣльцы пашутъ землю, земледѣльцевъ украшаетъ прилежаніе»; начнетъ о животныхъ, а кончитъ «созвѣздіями» и т. д. Въ общемъ итогѣ описанія представляютъ чаще всего не систематическое перечисленіе признаковъ, а причудливую бесѣду о томъ и о семъ, «взглядъ и нѣчто» по поводу предмета, указаннаго въ заглавіи. Думаютъ, что дать описаніе значитъ поговорить что-нибудь о предметѣ. Иначе какъ объяснить такія странныя темы, какъ: «О человѣкѣ», «О измѣнчивости всего», «О животныхъ», «О законахъ» и т. п. Неужели въ статейкѣ, предназначенной для младшихъ классовъ, можно дать хоть самое бѣглое понятіе о такихъ обширныхъ и сложныхъ предметахъ? Всѣ эти описанія сводятся къ случайному набору десятка фразъ, гдѣ упоминается, дѣйствительно, имя, стоящее въ заглавіи статейки, но гдѣ нѣтъ ни малѣйшей попытки систематизировать и изложить признаки предмета. Если для описанія берутся явленія природы, предметы изъ животнаго и растительнаго міра, страны, народы, то и тутъ мы имѣемъ дѣло не съ данными науки, не съ естественно-историческими и географическими свѣдѣніями, а съ ходячими и случайными обобщеніями, набранными безъ всякой связи и порядка. Особенно неудачными бываютъ тѣ описанія, гдѣ нужны спеціальныя научныя знанія: тутъ не могутъ помочь даже грубыя и часто ложныя ходячія обобщенія. Вотъ, напр., какъ дѣлается описаніе «морскихъ волненій»! «Вѣтеръ и буря причины морскихъ волненій. Волненіемъ мы называемъ сильное движеніе (!) моря. У морскихъ береговъ (?) волненія бываютъ сильны (!), у морскихъ береговъ Россіи (?) часто бываютъ опасныя волненія. Причины волненій

движеніе земли и луны (!). Частыя и сильныя волненія причиняютъ кораблямъ много вреда, ибо (!) сила волнъ велика». Историческія описанія, относящіяся къ древнему быту, государственному и общественному устройству, состоятъ обыкновенно изъ набора общихъ мѣстъ и не заключаютъ ни малѣйшаго колорита мѣстности и эпохи. Хотятъ, напр., дать описаніе римскаго войска, и все дѣло сводятъ къ такимъ общимъ фразамъ: «были храбры», «были смѣлы», «состояли изъ конницы и пѣхоты», и т. п.

Изложеніе описаній, особенно на первыхъ страницахъ хрестоматій, тоже поражетъ многими странностями. Статейки состоятъ обыкновенно изъ короткихъ предложеній, и первая задача изложенія — вставить въ каждое предложеніе стоящее въ заглавіи слово, такъ что мѣстоименія вводятся въ рѣчь только во второй половинѣ назначенныхъ для третьяго класса учебниковъ. Намъ укажутъ на такъ называемыя методическія требованія. Но изученіе мѣстоименій даже легче изученія именъ: умѣть склонять мѣстоименіе значитъ заучить десятокъ формъ и только, а чтобы умѣть склонять имена, нужно не одно знаніе парадигмы, но и умѣнье отличать основу, приставлять нужныя окончанія, узнавать категорію рода, числа, падежа и т. д. А самое главное — мы не имѣемъ ни малѣйшаго права ради методическихъ требованій искажать рѣчь. Это значило бы не учить дѣтей искусству выражать свои мысли, а посягать даже на тѣ зачатки правильной рѣчи, которые они пріобрѣли дома и до насъ. Но составители описаній пропускаютъ часто союзы, нарѣчія и вообще всякія выраженія, служащія для перехода отъ одной мысли къ другой. Вслѣдствіе такого упрощенія стиля исчезаетъ иногда всякая связность изложенія, и статьи являются подборомъ самостоятельныхъ фразъ. Для такихъ курьезныхъ продуктовъ приноравливанья текста къ изучаемымъ правиламъ нѣкоторые составители хрестоматій придумали даже особое названіе — «фразо-статьи». Если отдѣльныя фразы мало помогаютъ выработкѣ искусства выражать свои мысли, то эти «фразо-статьи» приносятъ уже положительный вредъ: тамъ пара-

графа фразъ ученикъ не приметъ за статью, а здѣсь такой же параграфъ фразъ, но только помѣченный оглавленіемъ, ему прямо выдаютъ за связную рѣчь, за образецъ искусства соединять предложенія въ связную рѣчь.

На предъявленныя нами требованія относительно содержанія и изложенія описаній намъ возразятъ, что въ статьяхъ, назначенныхъ для младшаго возраста и для обученія латинскому языку, неумѣстны экскурсіи въ область спеціальныхъ наукъ, что для дѣтей недоступно систематическое описаніе явленій природы и органической жизни, что наконецъ тѣ слова и термины, къ которымъ пришлось бы прибѣгнуть въ такихъ описаніяхъ, вовсе не нужны при обученіи латинскому языку. Мы согласны съ этимъ, но дѣлаемъ отсюда совсѣмъ другой выводъ: мы думаемъ, что, если такія описанія недоступны, то описаній и не должно быть, и совершенно не допускаемъ возможности замѣнять ихъ случайнымъ наборомъ первыхъ попавшихся подъ руку фразъ и обобщеній, имѣющихъ, пожалуй, нѣкоторое отношеніе къ предмету, но не дающихъ о немъ никакого понятія. Но, съ другой стороны, есть не мало предметовъ, описаніе которыхъ не требуетъ ни спеціальныхъ знаній ни спеціальныхъ терминовъ; это особенно можно сказать объ описаніяхъ единичныхъ предметовъ: городовъ, странъ, отдѣльныхъ животныхъ и т. д.

Поэтическія описанія тоже были бы гораздо умѣстнѣе въ сборникахъ, чѣмъ наборъ общихъ и пустыхъ фразъ о «римскихъ воинахъ» или о «запахѣ цвѣтовъ», но для составленія такихъ описаній требуется нѣкоторый талантъ и во всякомъ случаѣ картинность и живость изложенія, которыми не отличается почти ни одно описаніе въ сборникахъ. Обязательнымъ условіемъ для такихъ описаній должна быть типичность признаковъ. Лучше описать утро, вечеръ, зиму, лѣто, засуху или бурю, чѣмъ толковать о какомъ-нибудь домѣ никому невѣдомаго «дяди Петра» или описывать «нашу московскую дачу».

Посмотримъ теперь, каковы въ сборникахъ басни. Басня единогласно считается самымъ подходящимъ матеріаломъ

для первыхъ ступеней школьныхъ занятій съ учениками. Развивая своею образностью и поэзіей чувство изящнаго, она, кромѣ того, заключаетъ въ себѣ и мораль, и знаніе, и пищу для фантазіи. Басня, какъ и пословица, является въ хрестоматіи не въ видѣ отрывка отъ какого-то цѣлаго, а въ видѣ самостоятельнаго и законченнаго произведенія. Такъ какъ басни не выдумываются составителями сборниковъ, а берутся изъ Эзопа или Федра, то единственно важный вопросъ для насъ, насколько удачно дѣлается выборъ басенъ. При выборѣ басенъ на первомъ планѣ должны стоять два условія: выводъ изъ басни долженъ отличаться строго-нравственнымъ характеромъ, и самая басня должна быть вполнѣ доступной дѣтскому пониманію. Мы, напр., сочли бы неудобной басню, гдѣ проповѣдуется, что мы имѣемъ полное право убивать тѣхъ, кто намъ вреденъ и не оправдываетъ нашего довѣрія («Пастухъ и собака»), гдѣ ястребъ свое «желаніе наполнить желудокъ» считаетъ достаточнымъ поводомъ, чтобы растерзать соловья («Соловей и ястребъ»), гдѣ ежъ выгоняетъ змѣю изъ ея норы зато, что она пріютила его («Ежъ и змѣя»), гдѣ разсказывается, какъ мальчикъ обманулъ одного жаднаго человѣка и укралъ у него одежду, какъ сычъ обманулъ стрекозу и съѣлъ ее, какъ цѣлый рядъ животныхъ убиваетъ другъ друга только потому, что убивающій «великъ», а убиваемый «малъ». Какое нравоученіе можно вывести изъ этихъ возмутительныхъ поступковъ? Изображеніе дурного и безнравственнаго имѣетъ воспитательное значеніе только въ томъ случаѣ, если вызываетъ въ умѣ читателя идеалъ противоположнаго; а подобныя басни не вызываютъ въ ученикѣ никакихъ нравственныхъ чувствъ. Неумѣстны и тѣ басни, гдѣ можно сдѣлать двоякій выводъ, гдѣ вмѣсто натянутаго нравственнаго вывода, обязательно сообщаемаго учебникомъ, гораздо легче сдѣлать выводъ безнравственный. Козелъ помогъ лисицѣ выбраться изъ колодца, а она оставила его въ колодцѣ да еще насмѣялась надъ нимъ. Учебникъ, слѣдуя Эзопу, даетъ выводъ: не входи туда, откуда не сумѣешь выйти; но ученикъ прежде всего видитъ, что изъ-за помощи товарищу

козелъ погибъ, и можетъ заключить, что помогать другому не выгодно. Къ такому же нежелательному выводу могутъ привести ученика и другія излюбленныя составителями сборниковъ басни: «Муравей и стрекоза», «Левъ, оселъ и лисица», «Союзъ со львомъ» и др. Древніе баснописцы, въ частности Эзопъ, басни писали обыкновенно на одинъ опредѣленный случай, напр., съ цѣлью убѣдить народъ принять то или иное рѣшеніе: изъ такихъ басенъ не всегда удобно дѣлать общіе выводы. Въ сборникахъ неумѣстны такія, напр., басни, какъ «Птицеловъ и жаворонокъ» (жаворонокъ, попавши въ сѣти, говоритъ птицелову: «если ты такіе города строишь, то немного будешь имѣть жителей»), «Юпитеръ и лягушки» (лягушки недовольны кроткимъ царемъ и просятъ себѣ другого), «Волки и овцы» (волчата, взятые въ заложники, выдаютъ овецъ), «Мыши и кошки» и др. Неумѣстны и тѣ басни, гдѣ разсказъ ведется на почвѣ античныхъ воззрѣній или изображаются мало понятные ученикамъ нравы и черты быта: ученикъ прочтетъ съ недоумѣніемъ о сидящихъ на площади «прорицателяхъ», объ убѣжавшемъ въ храмъ ягненкѣ, объ отказѣ лисицы «внести въ списокъ» осла и зайца и т. п.

Что касается изложенія, то мы ошибемся, если понадѣемся найти въ сборникахъ что-нибудь въ родѣ басенъ Крылова, замѣчательныхъ по своей картинности и жизненности. Если ужъ передѣлки Федра отличаются риторичностью, то странно ждать живости изложенія тамъ, гдѣ басни пишутся на извѣстный отдѣлъ грамматики. Одну и ту же басню сборники излагаютъ обыкновенно различными способами и при томъ, чѣмъ ближе къ началу сборника, тѣмъ короче. Чѣмъ сокращеннѣе способъ изложенія, тѣмъ больше басня отличается сухостью и малосодержательностью. Благодаря передѣлкамъ, басня иной разъ такъ далеко удаляется отъ оригинала, что дѣлается неузнаваемою. Въ этихъ передѣлкахъ особенно жалка разговорная рѣчь, отъ которой больше всего зависитъ живость басни.

Къ отрывкамъ повѣствовательнаго характера относятся въ сборникахъ разсказы миѳологическіе и историческіе и

анекдоты. Миѳологія излагается обыкновенно въ видѣ статеекъ, носящихъ заглавіе: «Меркурій», «Марсъ», «Вулканъ» и т. д. Статейки эти по содержанію нужно отнести не къ разсказамъ, а къ описаніямъ. Онѣ отличаются всѣми тѣми недостатками описаній, которые указаны нами выше: тутъ та же претензія дать понятіе съ помощью неполнаго перечня признаковъ, случайныхъ или слишкомъ общихъ, то же перепрыгиванье отъ одного предмета къ другому и т. д. Авторъ хочетъ, напр., разсказать «басню о циклопахъ», а вмѣсто того начинаетъ о Гомерѣ: о его временахъ, отечествѣ и жизни, затѣмъ вмѣсто басни перечисляетъ такіе признаки, которые входятъ въ понятіе о любомъ нецивилизованномъ народѣ, приводя мимоходомъ ученика въ недоумѣніе отзывомъ о «холодахъ» въ Сициліи, и заканчиваетъ все это непонятной для учениковъ фразой, что «молніи боговъ были произведеніями циклоповъ». Другой не забываетъ сказать, что циклопы «имѣли глазъ на лбу», но опять отдѣлывается случайными фразами. О богахъ говорится въ настоящемъ времени; римскія и греческія божества сваливаются въ одну кучу; есть даже мѣста, гдѣ ученики обращаются къ богамъ. Если же статейка имѣетъ претензію дать болѣе конкретное содержаніе, то она переполняется кучей непонятныхъ ученику именъ лицъ и предметовъ: на пяти строчкахъ разсказа о «Янусѣ» ученикъ встрѣчается, напр., съ Нумой, пуническими войнами, Капитоліемъ, Августомъ, поэтами, Ливіемъ, латинянами и т. д.

Мы думаемъ, что знакомить ученика съ миѳологіей можно только въ извѣстной системѣ, хотя бы самой элементарной и краткой. Миѳологическія понятія для ученика— вещь совершенно необычная. Вся суть миѳологіи заключается въ понятіи о многобожіи, т.-е. въ разграниченіи власти надъ міромъ между нѣсколькими существами, и получить понятіе о миѳологическомъ божествѣ значитъ отдѣлить сферу его власти и вліянія отъ сферъ остальныхъ боговъ. Ученикъ усвоилъ христіанское понятіе о Богѣ. Основные признаки этого понятія, иначе говоря, свойства Божіи, вытекаютъ изъ того, что Богъ единъ. Языческое же по-

нятіе о богѣ должно состоять изъ другихъ признаковъ, не имѣющихъ ничего общаго съ христіанскимъ понятіемъ. Знакомя ученика съ миѳологіей, прежде всего нужно выяснить ему это родовое языческое понятіе, а для этого необходимо систематически узнать разграниченіе сферъ власти и вліянія между богами. Въ противномъ же случаѣ, если прямо начнемъ съ ученикомъ переводить статью, напр., объ Аполлонѣ, то видовыя свойства Аполлона ученикъ будетъ присоединять къ единственно извѣстному ему христіанскому понятію о Богѣ. Систематически-сравнительное обозрѣніе миѳологіи выяснитъ и общее понятіе и видовыя понятія объ отдѣльныхъ божествахъ. Давши ученикамъ эти понятія, можно ознакомить ихъ и съ разсказами о богахъ и отношеніяхъ боговъ къ людямъ. Но въ миѳахъ важно не аллегорическое изображеніе явленій природы, недоступное пока ученикамъ, а ихъ нравственное содержаніе. Такимъ образомъ выборъ миѳовъ долженъ быть самый осмотрительный. Нужно брать тѣ эпизоды, гдѣ есть нравственная идея или высоко-поэтическія картины. Вотъ, напр., миѳъ о похищеніи Прозерпины. Если ученикъ не знаетъ отношеній этого миѳа къ явленіямъ природы, то для него нисколько не интересны подробности, что какой-то Плутонъ появился на колесницѣ, увезъ дѣвицу и т. д., но его живо могло бы тронуть изображеніе того, какъ неутѣшная мать долго и тщетно искала свою дочь: эти поиски авторъ и долженъ сдѣлать главнымъ содержаніемъ статьи. Вполнѣ умѣстны въ сборникахъ разсказы о Филимонѣ и Бавкидѣ, Ніобѣ, Танталѣ, Мидасѣ, Эдипѣ и т. д. Но эпизодъ долженъ быть «закругленъ»: всѣ дѣйствія должны быть мотивированы, и статья должна отличаться единствомъ содержанія.

Разсказы о Геркулесѣ, Тезеѣ, Одиссеѣ, аргонавтахъ для учениковъ младшихъ классовъ могутъ имѣть только то значеніе, какое имѣютъ вообще сказки. Они, какъ и сказки, должны поэтому отличаться живостью и картинностью изложенія, ибо только въ этомъ случаѣ фантастическое имѣетъ для дѣтей приманку. Ошибочно было бы пытаться изложить миѳъ о Геркулесѣ или троянской войнѣ въ какихъ-нибудь

десяти строчкахъ: въ этомъ случаѣ получится голый перечень именъ или одна схема событій, не дающая никакой пищи ни уму ни фантазіи.

Переходя къ статьямъ историческаго содержанія, остановимся прежде всего на біографіяхъ и характеристикахъ. Біографія, какъ простое изложеніе фактовъ въ порядкѣ времени, гораздо доступнѣе дѣтскому пониманію, чѣмъ характеристика, требующая обобщеній и систематизаціи фактовъ. Межъ тѣмъ составители сборниковъ начинаютъ почему-то съ характеристикъ, самаго труднаго изъ всѣхъ видовъ историческаго повѣствованія. Такой неестественный порядокъ ведетъ, конечно, къ печальнымъ послѣдствіямъ. Прежде всего совершенно немыслимо дать характеристику историческаго лица въ какихъ-нибудь десяти строчкахъ. Человѣческая личность, а тѣмъ болѣе личность историческаго дѣятеля — это такое многосложное цѣлое, что дать о немъ понятіе можно не иначе, какъ указавши цѣлую массу признаковъ. Если талантливые писатели даютъ намъ образцы краткихъ характеристикъ, то это характеристики типовъ, а не отдѣльныхъ реальныхъ личностей. Краткая характеристика реальной личности можетъ быть только выводомъ изъ массы фактовъ, уже знакомыхъ читателю. Если историкъ даетъ краткую и мѣткую характеристику данной личности, то онъ предполагаетъ, что читатель хорошо знакомъ со всѣмъ тѣмъ матеріаломъ, который послужилъ для обобщеній, а иначе онъ долженъ сейчасъ же подтвердить все фактами. Теперь представьте, что ученику даютъ, напр., такую характеристику Цицерона: Цицеронъ былъ превосходнымъ ораторомъ, ревностнымъ защитникомъ отечества, хорошимъ писателемъ, вѣрнымъ другомъ, «отцомъ отечества». Для насъ эта характеристика имѣетъ нѣкоторый смыслъ, потому что каждому изъ этихъ признаковъ мы даемъ мысленно содержаніе, припоминая массу фактовъ изъ жизни Цицерона, подтверждающихъ признакъ. Но что припомнитъ ученикъ? какое онъ дастъ содержаніе этимъ общимъ мѣстамъ? Онъ ничего не знаетъ о Цицеронѣ; ничего не будетъ знать, и прочитавши характеристику, потому что

ни одну изъ приведенныхъ нами обобщеній не можетъ вызвать въ его умѣ никакихъ реальныхъ представленій. Подобная характеристика есть только указаніе категорій, къ которымъ относятся дѣйствительные признаки, а не указаніе самыхъ признаковъ. Мы не получимъ никакого понятія о негрѣ, если намъ кто-нибудь скажетъ, что негръ «имѣетъ кожу» (но не скажетъ, какую), «имѣетъ волосы» (но не скажетъ, какіе), «имѣетъ носъ» (но не скажетъ, какой), и т. д. Предлагаемыя сборниками характеристики какъ разъ напоминаютъ такое «опредѣленіе» негра съ тою лишь разницею, что къ обозначенію категорій онѣ прибавляютъ одно изъ тѣхъ прилагательныхъ, которыя означаютъ неопредѣленно-превосходную степень качества, не опредѣляя вовсе самаго этого качества («славный», «извѣстный», «великій», «замѣчательный» и т. д.). Мы уже говорили, что всякій сборникъ считаетъ своею первою обязанностью дать ученику какъ можно больше такого рода прилагательныхъ, и первое «ознакомленіе» ученика съ исторіей и великими людьми состоитъ въ обильномъ разсыпаніи направо и налѣво этой кучи эпитетовъ. Выбросьте вонъ всю эту кучу, если не хотите пріучать дѣтей къ пустословію и громкимъ фразамъ! — Но иныя характеристики даже у насъ, людей знакомыхъ съ исторіей, не вызываютъ никакихъ представленій. Онъ «обучалъ и воспитывалъ юношей», «научилъ ихъ говорить правду и повиноваться закону» и, наконецъ, «открылъ имъ многія полезныя вещи». Угадайте, кто это «онъ!» У сколькихъ педагоговъ мелькнетъ сладкая мысль, что и они все это дѣлали! А сколько милліоновъ людей умерло, вполнѣ заслуживши эту характеристику! И такихъ «характеристикъ» въ сборникахъ не мало. Историческія лица, какъ сказочные герои, являются внѣ времени и пространства. Авторы считаютъ возможнымъ обходиться безъ всякой исторической обстановки, а если и даютъ историческія свѣдѣнія, то въ видѣ намековъ, голыхъ перечней, голаго упоминанія невѣдомыхъ войнъ, невѣдомыхъ битвъ, невѣдомыхъ именъ. Если же въ характеристики попадаютъ признаки реальные, то они часто отличаются со-

вершенною случайностью и неожиданностью. Въ общемъ итогѣ характеристики рѣдко даютъ представленіе о названной въ нихъ личности: чаще всего дѣло сводится къ громкимъ фразамъ и общимъ мѣстамъ, не дающимъ ни фактическихъ знаній ни нравственныхъ уроковъ. Не лучше дѣло обстоитъ и въ статейкахъ, имѣющихъ претензію охарактеризовать древнія учрежденія, бытъ, правленіе и т. д.: тутъ тоже все сводится обыкновенно къ эпитетамъ «великій», «крѣпкій», «храбрый» и т. д., признаки берутся не характерные, и при всей бѣдности признаковъ встрѣчаются постоянно отступленія и неожиданные переходы отъ одного предмета къ другому.

Біографій въ элементарныхъ хрестоматіяхъ почти нѣтъ, или, точнѣе говоря, біографіи сводятся къ характеристикамъ. Такъ какъ біографію немыслимо представить въ видѣ маленькой статейки, то составители сборниковъ вмѣсто подробнаго фактическаго изложенія пытаются дѣлать обобщенія, а эти попытки замѣнить подробное изложеніе многихъ фактовъ краткими обобщеніями и дѣлаютъ изъ предполагаемой біографіи характеристику и при томъ, какъ мы видѣли, неудачную. Все это доказываетъ, по нашему мнѣнію, что ни біографіи ни характеристики неудобны для первоначальной хрестоматіи по латинскому языку.

Переходя къ статьямъ собственно историческимъ, мы прежде всего считаемъ ошибочнымъ тотъ взглядъ, что знакомство съ исторіей можно начинать съ конспектовъ и перечней. Конспективное изложеніе полезно для справокъ, для сопоставленія и обобщенія извѣстныхъ уже фактовъ, для воспроизведенія пріобрѣтенныхъ уже знаній. А для ученика, не учившагося еще исторіи, конспектъ не дастъ никакихъ знаній, такъ какъ онъ самъ по себѣ непонятенъ и скученъ, а если учитель станетъ влагать въ него содержаніе, то урокъ латинскаго языка по необходимости превратится въ урокъ исторіи. Историческая статья должна заключать не перечень, а разсказъ, при чемъ разсказать можно или отдѣльный эпизодъ или рядъ послѣдовательныхъ событій, объединенный и законченный по своему со-

держанію. Но эпизодъ долженъ тоже представлять собою законченное цѣлое: въ немъ долженъ быть основной сюжетъ и извѣстная общая мысль, достаточно выясненная подробностями. Что мы сказали бы о писателѣ, который, обѣщавши разсказать намъ о какомъ-нибудь приключеніи, страницы три посвятитъ «введенію» и «предшествовавшимъ обстоятельствамъ», а о самомъ приключеніи разскажетъ въ одной строчкѣ? Подобное мы нерѣдко видимъ въ историческихъ статейкахъ сборниковъ. Вотъ, напр., обѣщаютъ намъ разсказать «о твердости Павла Македонскаго»: былъ такой-то Павелъ, было такое-то сраженіе, а затѣмъ тріумфъ,—во время тріумфа умерли дѣти этого Павла, и наконецъ стоитъ фраза, что «онъ спокойно перенесъ это бѣдствіе». Такимъ образомъ разсказъ «о твердости» заключается въ одной фразѣ, а остальное — «предшествующія обстоятельства».—Если мы возьмемъ историческое сочиненіе и разложимъ связное изложеніе событій на эпизоды, то далеко не всякій эпизодъ можно взять изъ сочиненія и сдѣлать отдѣльнымъ разсказомъ: большинство эпизодовъ представляетъ неразрывную часть цѣлаго и при извлеченіи теряетъ весь свой интересъ и содержательность. Въ сборники можно помѣщать только тѣ эпизоды, гдѣ есть не только единство сюжета, но и общая идея, дающая нравственный выводъ. Въ противномъ случаѣ статья будетъ безсодержательнымъ отрывкомъ, безъ начала и конца. Вотъ, напр., статья объ осадѣ Алезіи. Это тоже эпизодъ, но онъ получаетъ смыслъ только въ общемъ изложеніи галльской войны: тамъ въ числѣ многихъ другихъ фактовъ можно указать и *этотъ сравнительно мелочной фактъ*. Но какая цѣль и польза брать его отдѣльно? Для ученика онъ является непонятнымъ обрывкомъ изъ какого-то неизвѣстнаго цѣлаго: для него это рядъ случайныхъ дѣйствій, неизвѣстно, гдѣ, когда, кѣмъ и *для чего* совершенныхъ, а слова «Цезарь», «галлы», «Алезія» не вызываютъ въ немъ никакихъ представленій. Въ сборникахъ цѣлая масса такихъ отрывковъ, лишенныхъ содержанія уже тѣмъ самымъ, что они оторваны отъ цѣлаго. Къ такимъ же неумѣстнымъ ста-

тьямъ относятся и тѣ, гдѣ въ пяти строчкахъ разсказывается о «диктаторѣ Камиллѣ», въ шести строчкахъ «о войнахъ римлянъ», вообще, гдѣ нѣтъ никакого эпизода, а есть два-три указанія на единичные и отрывочные факты. Но и выборъ эпизодовъ съ общей идеей и основнымъ сюжетомъ дѣло не легкое. Идея эта должна, конечно, имѣть воспитательное значеніе для учениковъ и быть для нихъ доступной. Сборники не всегда держатся этихъ правилъ. Что, напр., за подвигъ подавлять въ себѣ ради тріумфа печаль о гибели своихъ собственныхъ дѣтей? Иные эпизоды останутся непонятными вслѣдствіе малаго знакомства учениковъ съ древними воззрѣніями и бытомъ. Что, напр., поймутъ ученики въ разсказѣ о Дамокловомъ мечѣ? Нужно имѣть много историческихъ свѣдѣній, чтобы составить себѣ понятіе о роли греческихъ тирановъ и объ отношеніи къ нимъ населенія. Или какой, напр., смыслъ доказывать дѣтямъ примѣрами нелѣпость такихъ исключительныхъ и странныхъ обычаевъ, какъ это мы встрѣчаемъ въ статьяхъ о коняхъ сибаритовъ и о Пизоновомъ рабѣ? Вообще мы не высоко цѣнимъ тѣ избитые анекдоты о Пизонѣ, Назикѣ, Симонидѣ, Апеллесѣ и т. п., безъ которыхъ у насъ не можетъ обойтись ни одинъ учебникъ по древнимъ языкамъ. Несравненно полезнѣе было бы знакомство съ подвигами самоотверженія, любви къ ближнимъ, патріотизма, твердости, дружбы и т. п. Сборники даютъ разсказы и о такихъ подвигахъ, но кругозоръ ихъ очень ограниченъ: они повторяютъ десятка два излюбленныхъ сюжетовъ изъ древней исторіи и совершенно не касаются того необъятнаго матеріала, который даетъ средняя, новая и новѣйшая исторія всѣхъ государствъ и народовъ. Еще ограниченнѣе тотъ источникъ, изъ котораго сборники черпаютъ содержаніе статей второго рода, т.-е. тѣхъ, которыя представляютъ попытку послѣдовательно изложить цѣлый рядъ событій. Для нихъ какъ бы не существуетъ всего того, что случилось послѣ Арминія и пораженія легіоновъ Вара. Огромное поле исторической жизни народовъ искусственно суживается до самыхъ микроскопическихъ размѣровъ—до исторіи грече-

скихъ и римскихъ войнъ. Персидскія войны, пуническія, войны Пирра, Александра Македонскаго и немногія другія— вотъ къ чему сводится вся исторія всѣхъ временъ и народовъ. Даже въ древней исторіи грековъ и римлянъ составители сборниковъ не видятъ ничего кромѣ сраженій, завоеваній, опустошеній, взятій и т. п. насилій. Они не могутъ сослаться въ свое оправданіе на то, что древніе авторы не даютъ другого матеріала, потому что статейки не изъ древнихъ авторовъ ими берутся, а обыкновенно составляются самостоятельно, и въ лучшемъ случаѣ изъ древняго автора берется только сюжетъ, а не самое изложеніе.

Намъ остается сказать о разговорахъ и разсужденіяхъ. Трудно придумать что-нибудь фальшивѣе и безсодержательнѣе этихъ разговоровъ о вставаніи и гуляніи, о подаренныхъ книгахъ, о болѣзняхъ дѣдовъ и дядей, о читаніи «прекрасныхъ» басенъ и т. п. Вмѣсто картинъ дѣтской жизни намъ преподносятъ самыя сентиментальныя небылицы. Какъ неестественны эти безконечные восторги разныхъ Петровъ да Карловъ: одинъ восхищается деревенскою и городскою жизнью, другой славнымъ изреченіемъ древнихъ мужей, что «лучшая часть нашего существа безсмертна», третій убѣжденно восклицаетъ, что «учиться полезно и прекрасно», и т. д. Самая форма діалогическая является чѣмъ-то крайне неуклюжимъ и безцѣльнымъ и совсѣмъ не носитъ характера разговорной рѣчи, да и знакомство съ латинскою разговорною рѣчью совершенно не нужно для учениковъ. Еще больше безцѣльно введеніе въ эти разговоры названій такъ называемыхъ обыденныхъ предметовъ, не говоря уже о томъ, что эти названія составлены часто въ позднѣйшую эпоху и обыкновенно представляютъ грубое уподобленіе предметовъ древне-римскаго обихода предметамъ нашего времени, о которыхъ римляне не имѣли и понятія. Безсодержательны и тѣ разговоры, гдѣ какой-нибудь «сынъ» разсказываетъ о томъ, что учитель говорилъ въ классѣ: здѣсь все дѣло сводится обыкновенно къ перечню разныхъ назидательныхъ предметовъ и темъ. Кое-какъ мы можемъ помириться только съ тѣми разговорами, гдѣ въ драматической

формѣ излагается миѳологическій, напр., эпизодъ, т.-е. гдѣ дается болѣе или менѣе законченная по своему содержанію сценка.

Что касается разсужденій, то въ хрестоматіяхъ, предназначаемыхъ для младшихъ классовъ, они едва ли умѣстны. Приводимыя въ такихъ хрестоматіяхъ статейки являются обыкновенно случайнымъ наборомъ мало связанныхъ между собою мыслей и совершенно не заключаютъ въ себѣ признаковъ разсужденія: онѣ представляютъ не развитіе одной какой-нибудь мысли, сопровождаемое примѣрами и доказательствами, а нѣсколько случайныхъ положеній, относящихся къ указанному въ заглавіи предмету или вопросу. Вопросы часто берутся совершенно недоступные для дѣтей («о мудрости», «человѣческая воля» и др.).

Мы кратко указали причины безсодержательности фразъ и статей; мы видѣли, что содержаніе ихъ часто не удовлетворяетъ ни законамъ словесности ни требованіямъ логики. Требованія эти настолько важны, что во всей области школьнаго обученія не можетъ быть ни одного предмета, для котораго можно было бы ими пожертвовать. Напрасно иные думаютъ, что безсодержательность объясняется самымъ методомъ изученія латинской грамматики. Методомъ можно объяснить только изложеніе и расположеніе матеріала, а предметы и мысли, составляющіе содержаніе, почти не зависятъ отъ метода. Развѣ можно, напр., сказать, что по первому склоненію склоняются болѣе доступныя дѣтскому пониманію слова, чѣмъ по третьему или четвертому? Выборъ предметовъ и мыслей зависитъ вовсе не отъ того, къ какому склоненію или спряженію пріурочивается данная статья. Не правила грамматики виноваты въ безсодержательности фразъ и статей, а ложное убѣжденіе, что слова можно изучать безъ мысли, безъ яснаго представленія о самыхъ предметахъ [1]).

---

[1]) Всѣ примѣры въ нашей статьѣ взяты изъ изданныхъ послѣ 1901 г. для русской школы латинскихъ хрестоматій.

II. Индуктивный методъ преподаванія латинской грамматики.

Поставивъ связный латинскій текстъ основой и исходной точкой для всѣхъ классныхъ занятій и практическихъ упражненій, принятые нынѣ учебные планы внесли этимъ не мало новаго въ методику преподаванія древнихъ языковъ. Изученіе грамматики по связному тексту составители новѣйшихъ хрестоматій называютъ обыкновенно индуктивнымъ, или практическимъ методомъ, въ противоположность прежнему, дедуктивному. Въ общемъ итогѣ индуктивный методъ есть примѣненіе къ изученію латинскаго языка идей Гербарта, развитыхъ ученикомъ его Циллеромъ. Требуя подчиненія всего школьнаго обученія цѣлямъ воспитательнымъ, непосредственной задачей воспитанія Циллеръ считаетъ выработку воли. Для этого, кромѣ возбужденія интереса къ обученію и живого отношенія къ дѣлу со стороны учителя, онъ требуетъ, чтобы ученикъ постоянно зналъ цѣль, къ которой стремится, чтобы онъ никогда, даже при повтореніяхъ и исправленіи работъ, не испытывалъ умственнаго застоя и, наконецъ, чтобы «вызываемая ученіемъ умственная дѣятельность пересиливала и подавляла всѣ прочія стремленія», что̀ «возможно только при образованіи сильныхъ представленій» и при «достаточномъ времени для полнаго выясненія» ихъ. Послѣднее требованіе, приписывающее представленіямъ такую важную роль по выработкѣ воли, дѣлается понятнымъ только при знакомствѣ съ общей

системой философіи Гербарта, который всю душевную дѣятельность сводитъ къ смѣнѣ представленій, даже желанія и чувствованія считаетъ только особыми способами существованія въ нашей душѣ представленій, борьбою ихъ между собою.

Все вновь изучаемое «должно пройти въ головѣ ученика пять разныхъ степеней: анализъ, синтезъ, ассоціацію, систему и функцію, которыя образуютъ въ своей совокупности одинъ методическій кругъ». Посмотримъ, что скрывается подъ этими нѣсколько странными терминами, пользуясь книжкой Дрбоглава «Опытъ методики», единственной на русскомъ языкѣ работой, посвященной детальной разработкѣ индуктивнаго метода.

Анализъ требуетъ переходить отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ простого къ сложному. Какъ же авторъ примѣняетъ къ дѣлу это элементарное и общепризнанное требованіе? Извѣстнымъ онъ считаетъ содержаніе переводимой статьи, а неизвѣстнымъ—форму, способъ выраженія. Но мы думаемъ, что, если ученикъ впервые открылъ какую-нибудь страницу своей латинской хрестоматіи, то онъ увидитъ передъ собою латинскія буквы и слова, а не «связное изображеніе міра мыслей», которое обнаружится только послѣ ознакомленія съ словами, разбора, перевода, послѣ всей той классной и домашней работы, которая для того и нужна, чтобы вложить въ концѣ концовъ въ форму содержаніе. Имѣя передъ глазами, напр., оглавленіе: «Ворона и кувшинъ», ученики при самыхъ гигантскихъ усиліяхъ ума и воображенія, пока не переведутъ, не будутъ въ состояніи догадаться, о какихъ отношеніяхъ вороны къ кувшину будетъ говориться въ этой баснѣ. «Каждый ученикъ читалъ какой-нибудь разсказъ про ворону, знаетъ эту птицу, знаетъ, что Крыловъ не признаетъ за ней большой догадливости, но слыхалъ, быть-можетъ, отъ охотниковъ много (!) разсказовъ, которые убѣждаютъ насъ въ противномъ». Но если бы дѣйствительно встрѣтился такой поразительный составъ учениковъ класса, что каждый ученикъ много бесѣдовалъ съ охотниками о воронахъ, всѣ эти

«знанія» не помогли бы все-таки угадать, что сдѣлала ворона съ кувшиномъ или кувшинъ съ вороной. При томъ же эти предварительные разговоры о волкахъ, ослахъ и лисицахъ, основанные на мало вѣроятномъ предположеніи, что ученики знакомы съ разсказами Авдѣевой, Гриммовъ, со всѣми баснями Крылова, Хемницера и т. п., возможны только при переводѣ басенъ; а какія предварительныя знанія выложатъ ученики при переводѣ описаній, анекдотовъ, миѳологическихъ и историческихъ разсказовъ? Въ предварительномъ ознакомленіи съ содержаніемъ авторъ видитъ средство возбудить вниманіе и интересъ къ изученію. Но это вѣрно только до извѣстной степени. Заинтересовать ученика можно въ томъ случаѣ, если мы только затронемъ сюжетъ статьи и не будемъ его исчерпывать, если мы только поставимъ интересные вопросы и не будемъ пока ихъ рѣшать. Но въ такомъ случаѣ нельзя будетъ сказать, что содержаніе ученикамъ извѣстно, да при томъ же авторъ вовсе не ограничивается такимъ затрогиваніемъ сюжета: онъ прямо предлагаетъ читать ту же самую басню въ разсказѣ Крылова или Хемницера, а его послѣдователи категорически заявляютъ, что учитель долженъ прежде всего разсказать басню близко къ тексту (Нач. лат. хрест. Сига). При такомъ предварительномъ пересказѣ содержанія вниманіе не только не возбуждается, но даже искусственно притупляется. Мы думаемъ, что вся занимательность занятій заключается въ томъ, что ученикъ, имѣя сначала передъ глазами рядъ непонятныхъ словъ, постепенно шагъ за шагомъ, своими собственными усиліями, оживляетъ эти слова, находитъ въ нихъ связь и смыслъ, составляетъ фразы и наконецъ получаетъ законченное цѣлое, получаетъ интересную басню. Въ этомъ постепенномъ проникновеніи въ смыслъ, въ этомъ собственноручномъ созиданіи стройнаго цѣлаго изъ безжизненныхъ и непонятныхъ съ перваго раза элементовъ и заключается все удовольствіе занятій, весь интересъ изученія. Разсказать статью значитъ отбить у учениковъ охоту къ дальнѣйшему изученію ея. Это противорѣчитъ и тому требованію автора, чтобы ученики

всегда знали цѣль занятій. Онъ говоритъ, что ошибочно было бы выставить цѣлью даннаго урока, напр., изученіе перваго склоненія: «ученики будутъ безучастны». Другое дѣло будетъ, по его мнѣнію, если мы поставимъ цѣль «общедоступную»,— напр., ознакомленіе съ «разсказомъ объ одной воронѣ». Но вѣдь эта цѣль будетъ достигнута уже въ тотъ самый моментъ, какъ учитель ознакомитъ учениковъ съ содержаніемъ басни, анализъ же формъ и всѣ четыре слѣдующія степени методическаго круга стоятъ позади этой, достигнутой уже, цѣли. Если ученики знаютъ уже содержаніе, то вся послѣдующая работа: разборъ, заучиванье словъ и формъ, переводъ, перифразы и т. п., является чѣмъ-то механическимъ и безжизненнымъ, такъ что мы искусственно уничтожаемъ всѣ тѣ выгоды обученія, которыя обусловливаются содержательностью и цѣльностью переводимой статьи.

Начинать съ содержанія авторъ требуетъ для того, чтобы переходить отъ этого якобы «извѣстнаго» къ неизвѣстному, къ формѣ, и видитъ въ этомъ переходѣ «процессъ апперцепціи». Когда содержаніе извѣстно, то, по мнѣнію автора, этимъ «подготовлена почва для быстрой и твердой апперцепціи новаго, для усвоенія новой формы». Но неужели, чѣмъ больше ученики слышали или читали разсказовъ о воронѣ, тѣмъ очевиднѣе для нихъ станетъ, что отъ corvus родительный падежъ будетъ corvi, тѣмъ успѣшнѣе они усвоятъ первое склоненіе? Напрасно авторъ приводитъ изъ Вундта «законы» удачной апперцепціи: между кувшиномъ или поступками вороны и между падежами или склоненіями нѣтъ никакихъ сходныхъ точекъ, отъ содержанія нѣтъ психологическаго перехода къ формѣ. Но стоитъ повести дѣло наоборотъ, и мы сейчасъ же встрѣтимся съ апперцепціей: слова и окончанія создаютъ фразу, т.-е. нѣчто, имѣющее уже содержаніе, изъ фразъ составляются связная рѣчь и статья. Такимъ образомъ, если начинать съ формы, то представленія будутъ накопляться какъ разъ по закону апперцепціи, и содержаніе будетъ вытекать изъ формы.

Послѣ анализа содержанія, по плану автора, переходятъ

къ формальному анализу, но здѣсь разумѣется опять не то, что обыкновенно такъ называется въ грамматикѣ (гдѣ анализъ = разбору) или логикѣ: авторъ разумѣетъ здѣсь простое выдѣленіе изъ неизвѣстнаго или еще неразработаннаго грамматическаго матеріала извѣстныхъ ученику словъ и формъ. Выдѣленіе это, конечно, полезно, но только до извѣстной степени; межъ тѣмъ авторъ впадаетъ въ крайность: онъ требуетъ при переводѣ каждой статейки выписывать всѣ знакомыя слова и разбирать всѣ знакомыя формы. Повтореніе имѣетъ цѣлью восполнить и укрѣпить знанія, а если эта цѣль достигнута, то дальнѣйшее повтореніе будетъ не только безполезной, но и притупляющей работой. Мы не понимаемъ, какъ это ежедневное выписываніе и ежедневный разборъ словъ sunt или est можетъ вызвать въ ученикѣ охоту къ занятіямъ. Авторъ идетъ еще дальше: ученикъ у него долженъ умѣть даже «повторить то, что выработано анализомъ», умѣть повторять эти повторенія! Съ точки зрѣнія Гербарта, который предполагаетъ въ душѣ человѣка какую-то огромную кладовую съ огромнымъ запасомъ скрытыхъ, затаенныхъ представленій, всѣ эти безпощадныя повторенія имѣютъ еще нѣкоторый смыслъ, потому что изъ встрѣчи и борьбы этихъ затаенныхъ представленій съ новыми, входящими въ сознаніе, онъ объясняетъ всю духовную дѣятельность человѣка, всѣ явленія не только ума, но и чувства и воли [1]). Но какое же значеніе имѣютъ эти повторенія для той апперцепціи, о которой говоритъ Вундтъ и которую авторъ считаетъ обычнымъ пріемомъ всякаго обученія? Она мыслима только между однородными впечатлѣніями. Самъ авторъ говоритъ, что нужны тѣ «старыя представленія, которыя имѣютъ отношеніе къ предначертанной цѣли». Если цѣль каждаго урока — сообщить что-нибудь новое, то и повторять нужно только то, изъ чего это новое будетъ вытекать: повторять разборъ давно за-

---

[1]) Профессоръ М. Троицкій такъ выражается объ этой сторонѣ психологіи Гербарта: „Дикость толкованія феноменовъ чувства и воли превосходитъ всякую мѣру вѣроятности“ (Нѣм. психол., стр. 551).

комыхъ словъ умѣстно тогда, если на этомъ разборѣ будутъ основаны новыя формы или правила. При выдѣленіи извѣстнаго авторъ предлагаетъ ученикамъ отыскивать, между прочимъ, по окончаніямъ знакомыя формы въ текстѣ и высоко ставитъ способность предугадывать «разсказъ и объясненія». Но положимъ, ученикъ ознакомился со вторымъ склоненіемъ и ему въ незнакомомъ текстѣ предлагаютъ угадать по окончаніямъ знакомыя формы. Если текстъ такъ приноровленъ, что всѣ формы на *us* въ немъ относятся непремѣнно ко второму склоненію, то тутъ не будетъ никакого угадыванія, а будетъ простое чтеніе по порядку всѣхъ словъ на *us*; если же текстъ не приноровленъ, то ученикъ будетъ имѣть полное право считать «знакомыми» формами второго склоненія и virtus, и quercus, и вообще всякое слово на *us*. Догадка цѣнна только въ томъ случаѣ, если она есть удачное примѣненіе къ дѣлу того или иного критерія, а догадки наобумъ едва ли содѣйствуютъ методическому развитію дѣтскаго ума.

Гораздо интереснѣе для насъ слѣдующая за анализомъ ступень — синтезъ, который, по терминологіи автора, состоитъ въ усвоеніи новыхъ представленій. Здѣсь мы узнаемъ, какъ переводить и какъ усвоивать при этомъ грамматическія свѣдѣнія. Переводъ авторъ называетъ синтезомъ содержанія, а усвоеніе новыхъ формъ, слѣдующее за переводомъ, — формальнымъ синтезомъ. Мы уже видѣли, что основнымъ требованіемъ для анализа авторъ поставилъ переходъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Но при анализѣ требованіе это не было выполнено: отъ содержанія мы переходили къ формѣ, но форма эта была элементомъ уже «извѣстнымъ». «Неизвѣстное» мы встрѣчаемъ только при синтезѣ, но и тутъ есть «неизвѣстное» по содержанію и «неизвѣстное» по формѣ, такъ что вмѣсто установленной авторомъ системы перехода отъ извѣстнаго содержанія къ неизвѣстной формѣ на дѣлѣ мы видимъ нѣчто совершенно иное: отъ извѣстнаго содержанія (беремъ точку зрѣнія автора: съ нашей точки зрѣнія анализъ содержанія относится къ области «неизвѣстнаго») мы переходимъ (не прямо,

а послѣ формальнаго анализа) къ неизвѣстному содержанію (синтезъ содержанія) и отъ извѣстной формы (формальный анализъ) переходимъ (опять не прямо) къ неизвѣстной формѣ (формальный синтезъ).

Въ основу синтеза авторъ кладетъ «законъ постепенной ясности», который заключается въ томъ, что «новыя познанія должно сообщать ученику не массами, но постепенно и, такъ сказать, отсчитывая ихъ»[1]). И «прежде всего учитель и ученикъ должны вполнѣ ясно сознавать, на какія части распадается тотъ сложный матеріалъ, съ которымъ имъ предстоитъ знакомство». Конечно, учитель долженъ имѣть систему, но какъ будетъ «сознавать» ее ученикъ, который не знаетъ еще ни одного элемента, входящаго въ нее? какъ можно знать цѣлое, не зная ни одной его части? Затѣмъ «изъ сложнаго матеріала отчетливо выдѣляется одна только часть», и «ученикъ долженъ возможно глубже вникнуть въ содержаніе одной лишь этой части», затѣмъ уже изученная часть «вновь приводится въ связь съ цѣлымъ», такъ что, «поочередно сосредоточиваясь на отдѣльныхъ частяхъ и затѣмъ опять возстановляя ихъ связь съ другими, мы постепенно знакомимся съ цѣлымъ». Усвоенныя части образуютъ въ сознаніи «непрерывную цѣпь представленій», «ряды представленій» воспроизводятся «такою же цѣпью, какою *легли въ нашу память*», и вся задача учителя сводится такимъ образомъ къ тому, чтобы уложить представленія въ видѣ прочной цѣпи. Авторъ добавляетъ, что этотъ законъ необходимъ и на всѣхъ другихъ степеняхъ методическаго круга (для чего же тогда считать его основой синтеза?). Цѣнность этихъ теоретическихъ положеній зависитъ отъ отвѣта на вопросъ: как ъ довести ученика

---

1) Авторъ приписываетъ открытіе этого закона Ратихію. Но правило: Nicht mehr denn einerley auf einmahl, у Ратихія сводится къ тому, что не должно одновременно читать болѣе одного древняго автора; преподаваніе же у него основано какъ разъ на обратномъ пріемѣ: онъ рекомендуетъ сначала пересказать в с е г о Теренція, затѣмъ перевести дословно в с е г о Теренція, еще разъ перевести, въ четвертый *разъ приняться съ самаго начала*, но уже *положивши* рядомъ грамматику, и т. д.

«до полной ясности пониманія» каждой отдѣльной части? какъ добиться составленія прочной цѣпи? Авторъ не предлагаетъ ничего иного кромѣ повторенія, этой излюбленной педагогами панацеи отъ всякихъ золъ. Но это еще не бѣда: «каждый рядъ представленій», добавляетъ онъ, «долженъ быть повторяемъ въ разнообразныхъ измѣненіяхъ». Такимъ образомъ для упроченія цѣпи представленій предлагается средство, радикально разрушающее связь между звеньями: чтобы закрѣпить элементы въ извѣстномъ ряду, нужно по возможности ихъ перемѣшивать!

Переходя къ практической части, мы прежде всего встрѣчаемся съ вопросомъ, можетъ ли въ самомъ дѣлѣ синтезъ содержанія предшествовать формальному синтезу, можно ли переводить, не разбирая текста. На первыхъ порахъ обученія переводъ дѣлается по словарю, въ которомъ всѣ «слова переведены въ томъ же порядкѣ и въ той же формѣ, въ какихъ встрѣчаются въ разбираемыхъ статьяхъ»,— иначе говоря, ученикамъ дается готовый подстрочный переводъ. Впрочемъ авторъ, кажется, думаетъ, что ученики и сами участвуютъ въ составленіи перевода (когда нѣтъ указаннаго словаря). Дано заглавіе: «Ворона и кувшинъ — Cornix et urna». «Изъ заглавія», говоритъ онъ, «можно догадаться, что ворона, о которой будетъ рѣчь, находитъ кувшинъ», т.-е. что слово reperit значитъ «находитъ». Но есть ли тутъ хоть малѣйшее логическое основаніе сказать, что reperit значитъ не «увидѣла», не «опрокинула», не «испугалась», не «замѣтила», а именно «находитъ»? «Что было въ кувшинѣ?» спрашиваетъ учитель, и авторъ увѣряетъ, что ученики не скажутъ: «квасъ», «молоко», «ничего», а непремѣнно догадаются, что въ немъ была вода и что, значитъ, aqua = вода. «Воды было немного»... «встрѣчается другое затрудненіе. Отгадайте!» Но кто же угадаетъ? На свѣтѣ бываютъ цѣлыя тысячи непредвидѣнныхъ затрудненій... Такія-то упражненія авторъ называетъ переводомъ «путемъ догадки». Переводъ у автора сопровождается пространными объясненіями, въ такомъ родѣ: «Urna erat profunda, поэтому ворона не могла далеко

всунуть головы,—другой бы (?) такъ и ушелъ и оставилъ кувшинъ въ покоѣ; но ворона чувствуетъ сильную жажду, а бѣда, какъ говорится, деньгу родитъ. Ворона дѣлаетъ опытъ»,—тутъ только переводится слѣдующее слово. Какая неблагодарная задача—басню, состоящую изъ пяти всего строчекъ, пересказать такъ, чтобы вышла цѣлая печатная страница!

При первой же статьѣ мы встрѣчаемъ такую неожиданную приписку: «въ слѣдующихъ басняхъ синтезъ содержанія опущенъ, во избѣжаніе лишнихъ повтореній». Мы только что дошли до капитальнѣйшаго пункта всего метода, и вдругъ авторъ заявляетъ, что этотъ пунктъ онъ считаетъ нужнымъ пропустить. Мы не знаемъ, какихъ онъ боится повтореній, какъ отъ готоваго, даннаго учителемъ перевода перейти къ такому переводу, который былъ бы результатомъ умственной работы самихъ учениковъ, не знаемъ, какъ возможно переводить безъ формальнаго изученія текста. Съ одной стороны, разборъ составляетъ у автора часть формальнаго синтеза, т.-е. происходитъ послѣ окончательнаго уже перевода. Когда переводъ дается учителемъ, то вполнѣ естественно разборъ дѣлать послѣ, основываясь на самомъ переводѣ. Но, съ другой стороны, авторъ говоритъ о необходимости «переводить по конструкціи», когда ученики пріобрѣтутъ уже нѣкоторое знаніе этимологическихъ формъ. «Конструктивный методъ», по его словамъ, пріучаетъ «разсматривать каждую мысль и ея части на основаніи общихъ законовъ». Изъ этого, кажется, можно заключить, что подъ конструкціей онъ разумѣетъ не разстановку словъ, какъ это обыкновенно разумѣютъ, а синтаксическій разборъ. Значитъ, и онъ сознаетъ, что нельзя переводить безъ предварительнаго или совмѣстнаго синтаксическаго разбора. Странно только, что для этого главнѣйшаго момента при изученіи текста въ его многоразрядной системѣ не нашлось даже особаго мѣста: синтаксическій разборъ, лежащій въ основѣ всей работы, направленной къ уразумѣнію текста, остался внѣ рубрикъ и входитъ, какъ нѣчто добавочное, то въ формальный синтезъ, то въ

синтезъ содержанія, хотя и не можетъ быть отнесенъ къ области содержанія. Есть и еще очень важное затрудненіе. Если переводъ долженъ предшествовать формальному синтезу, т.-е. ознакомленію съ новыми формами, то какъ же ученики смогутъ перевести тѣ формы, которыя еще не изучены? Правда, когда ученики станутъ переводить болѣе или менѣе самостоятельно, такихъ новыхъ формъ въ текстѣ будетъ немного; но если въ цѣлой статьѣ встрѣтилась хоть одна незнакомая форма, напр., превосходная степень, ученикъ все-таки не сумѣетъ перевести ее, если не проходилъ еще степеней сравненія. Не всякую форму можно угадать на основаніи остальныхъ, извѣстныхъ формъ данной фразы или статьи; угадать, и то съ большимъ рискомъ, можно только то, что вытекаетъ изъ синтаксической зависимости словъ другъ отъ друга: падежъ имени можно угадать по глаголу, но числа нельзя, потому что число не обусловливается синтаксическою связью словъ, а такъ какъ число есть необходимая функція всякаго склоняемаго слова, то во все время изученія склоненій всякую новую форму ученику придется переводить наобумъ, и онъ постоянно станетъ ошибаться; то же можно сказать о степеняхъ, о времени и т. д. Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ переводъ придется дѣлать учителю; мы не говоримъ уже о тѣхъ формахъ и оборотахъ, которые представляютъ по своему строенію большія отступленія отъ русскаго языка: странно ожидать, что ученикъ, не знакомый съ abl. abs., сумѣетъ перевести этотъ оборотъ.

Формальный синтезъ — это собственно и есть изученіе грамматики. Для ознакомленія съ нимъ остановимся на первой баснѣ. Учитель предлагаетъ около сотни различныхъ вопросовъ, даетъ цѣлый рядъ опредѣленій и обобщеній: ученики узнаютъ, что такое заглавіе, наклоненіе, залогъ, пояснительныя слова, краткое предложеніе, склоненіе, противительный союзъ и т. д. Все это, прежде всего, не есть нѣчто «новое»: это тотъ же формальный анализъ. Эти категоріи вытекаютъ изъ законовъ не языка, а логики: нельзя сказать, что при такомъ разборѣ законы одного

языка сравниваются съ законами другого. При томъ же мы дѣлаемъ выводы вовсе не изъ латинскихъ словъ, а изъ русскихъ, данныхъ при переводѣ: латинскій текстъ даетъ только новые звуки, а все логическое содержаніе почерпается изъ соотвѣтственныхъ русскихъ словъ. Но страннѣе всего дѣлать опредѣленія. Если всѣ эти категоріи усвоены уже на урокахъ русскаго языка, то для чего дѣлать эти выводы, что залогомъ называется то-то, слитнымъ предложеніемъ то-то и т. д.? неужели по одному слову можно было бы понять, что̀ такое залогъ, что̀ такое наклоненіе? Автору поневолѣ приходится дѣлать опредѣленія формальныя, т.-е. основываться не на сути дѣла, а на словопроизводствѣ терминовъ: tentat есть изъяв. н., потому что «этимъ словомъ прямо заявляется (!), что̀ дѣлаетъ предметъ»; пояснительныя слова это тѣ, «которыми данная мысль болѣе поясняется»; опредѣленіе это то, что̀ «передаетъ съ большею опредѣленностью», а страд. з. означаетъ «состояніе» предмета! Что вышло бы, если бы учитель русскаго языка сталъ пробавляться подобными наивными опредѣленіями... Самые вопросы иной разъ вызываютъ одно недоумѣніе: «что выражаетъ reperit»? (нужно отвѣтить: «выражаетъ то, что̀ предметъ дѣлаетъ»!); имѣемъ urna и urnam: «какъ *называется* такое (!) измѣненіе въ русскомъ языкѣ»? и т. п. Кромѣ всего этого, затрогивается масса такихъ категорій, которыя не только не нужны для пониманія текста, но мало значенія имѣютъ и въ общемъ курсѣ грамматики, какъ, напр., дѣленіе нарѣчій и союзовъ по значенію. Среди грамматическихъ опредѣленій сообщается, конечно, кое-что и новое[1]). Въ дальнѣйшихъ статьяхъ грамматическихъ опредѣленій гораздо меньше, но все-таки формальный синтезъ не оправдываетъ того опредѣленія, которое далъ ему

---

[1]) Первые опыты и тутъ неудачны: „Какой падежъ in urnа́? Въ русскомъ языкѣ *э т о т ъ* (!) *падежъ называется предложнымъ*“... „Мы говоримъ: ворона приближается къ кувшину, а по-латыни безъ предлога — urnae. Угадайте, п о э т о̀ м у, какой падежъ urnae!“ Основаніе для угадыванія одно — это русскій дат. п.; и выходитъ, что дат. urnae стоитъ потому, что „къ“ требуетъ дат. п.

авторъ: кромѣ новыхъ свѣдѣній въ него постоянно входитъ разборъ и повтореніе, а также упражненія въ образованіи новыхъ формъ отъ другихъ аналогичныхъ словъ. По закону апперцепціи новыя знанія нужно выводить изъ прежнихъ, уже усвоенныхъ. Такимъ образомъ грамматическія правила приходится основывать или на данномъ предварительно переводѣ или на томъ запасѣ грамматическихъ свѣдѣній, который уже усвоенъ учениками; если же невозможенъ ни тотъ ни другой путь, то остается прибѣгнуть къ догматическому методу. Если мы основываемся на русскомъ переводѣ, то разсужденія наши совершаются по такой формулѣ: если «волки» соотвѣтствуетъ слову lupi и если «волки» им. мн. ч., то и lupi — им. мн.; если lupi оканчивается на *i* и есть вмѣстѣ съ тѣмъ им. п. мн. ч., то, значитъ, им. мн. ч. оканчивается на *i*. Спрашивается, насколько логически цѣнны эти два умозаключенія; можно ли распространить эту формулу и на другіе случаи? Далеко нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ первомъ умозаключеніи меньшая посылка предполагаетъ тождество формъ lupi и «волки», но это тождество — явленіе случайное: падежъ и число латинскихъ словъ далеко не всегда совпадаютъ съ падежомъ и числомъ русскаго слова. Вся латинская грамматика, а особенно синтаксисъ, и есть не что иное, какъ изученіе тѣхъ случаевъ, гдѣ падежъ, число, родъ, склоненіе, время, залогъ, наклоненіе латинскаго слова не совпадаютъ съ соотвѣтствующими категоріями русскихъ словъ; если бы категоріи двухъ языковъ при переводѣ совпадали всегда, то не существовало бы двухъ отдѣльныхъ грамматикъ. Такимъ образомъ мы прежде всего изъ детальнаго знакомства со всей грамматикой должны убѣдиться, можетъ ли быть въ данномъ случаѣ совпаденіе категорій; но тогда наше умозаключеніе превращается въ petitio principii или простую тавтологію. Въ школьной практикѣ предварительный вопросъ о совпаденіи категорій рѣшается учителемъ, который только тогда и предлагаетъ ученику сдѣлать указанное нами умозаключеніе, когда категоріи должны совпадать. Такимъ образомъ ученикъ выходитъ изъ ложнаго принципа, что

категоріи русскаго слова должны всегда совпадать съ категоріями латинскаго, и не ошибается онъ только потому, что учитель, безъ его вѣдома, искусственно направляетъ его, наталкивая на указанное умозаключеніе только тамъ, гдѣ оно возможно. Второе умозаключеніе тоже далеко не такъ цѣнно, какъ можетъ показаться съ перваго раза. Изъ двухъ посылокъ: «lupi оканчивается на *i*», «lupi есть им. п. мн. ч.», нельзя сдѣлать вывода, что им. п. мн. оканчивается на *i*. Логика допускаетъ въ этомъ случаѣ не общее заключеніе, а только частное, т.-е. «нѣкоторые имен. падежи мн. ч. оканчиваются *i*». Такимъ образомъ ученикъ узнаетъ, что въ им. п. мн. ч. бываетъ иногда окончаніе *i*, а гдѣ и часто ли это бываетъ, это остается неизвѣстнымъ. Мало того, такъ какъ слова «нѣкоторые», «иногда» совершенно не опредѣляютъ объема понятія, то съ полною вѣроятностью ученикъ могъ бы сдѣлать заключеніе только о томъ случаѣ, который указывается въ посылкахъ, т.-е. о словѣ lupi.

Далеко не всегда можно основать новыя грамматическія свѣдѣнія и на томъ запасѣ грамматическаго матеріала, который уже усвоенъ учениками. Мы говоримъ о запасѣ матеріала изъ латинской грамматики, потому что основываться на свѣдѣніяхъ изъ русской грамматики это и значило основываться на русскомъ переводѣ. Если ученики усвоили, напр., латинское первое склоненіе, то изъ этого запаса знаній мы никакъ не могли бы вывести окончаній второго, третьяго и т. д. склоненій. Всѣ склоненія, дѣйствительно, имѣютъ общія категоріи числа, падежа, рода, но эти категоріи суть общая л о г и ч е с к а я основа обоихъ языковъ; изучать латинскую грамматику значитъ изучать не эту основу, а тѣ отличія, которыя развились, несмотря на общность основы; знать второе склоненіе значитъ знать окончанія этого склоненія, а они вовсе не вытекаютъ изъ общей логической основы, не вытекаютъ изъ понятія о числѣ, падежѣ или родѣ. Между каждымъ новымъ окончаніемъ и прежними существуетъ не отношеніе сходства, а отношеніе различія. Если мы указываемъ иногда сходство двухъ какихъ-нибудь окончаній въ разныхъ падежахъ и склоненіяхъ, то

это указаніе есть просто мнемоническое средство, которое вовсе не даетъ права заключать, что одно окончаніе зависитъ отъ другого.

Такимъ образомъ выходитъ, что новыя знанія приходится почти всегда сообщать догматически, и выводъ ихъ изъ прежнихъ знаній оказывается призрачнымъ [1]).

Таковъ у автора формальный синтезъ. Предварительныя разсужденія автора о необходимости «вникать» и «сосредоточивать все вниманіе» ученика на каждой отдѣльной части, связывать части съ цѣлымъ, скрѣплять представленія въ ряды, осталось, какъ видимъ, безъ всякаго приложенія къ дѣлу. Умѣстно ли тутъ толковать объ углубленіи и доведеніи до полной ясности, когда весь синтезъ представляетъ вопіющее противорѣчіе всему этому, когда по поводу самой маленькой статейки рѣшается цѣлая сотня вопросовъ, когда отъ одного слова сейчасъ же переходимъ къ слѣдующему и къ каждому пристегиваемъ по особому правилу, когда каждая строчка текста вызываетъ цѣлый рядъ не связанныхъ другъ съ другомъ правилъ и знакомитъ съ совершенно различными формами. Впрочемъ, и самъ авторъ черезъ нѣсколько страницъ послѣ разсужденій объ углубленіи и сосредоточиваніи сообщаетъ, къ немалому удивленію, что при образованіи новыхъ рядовъ представленій «задача обученія заключается въ томъ, чтобы возможно скорѣе придать каждому ряду представленій систематичность и законченность».

Подводя итогъ всему вышесказанному, мы видимъ, что изученіе грамматики до сихъ поръ сводится къ тому, что по поводу тѣхъ или иныхъ словъ текста ученикамъ сообщаются новыя формы и правила. Было бы наивно думать, что этого достаточно для усвоенія грамматики и умѣнья ею

---

[1]) Вотъ примѣръ такихъ призрачныхъ выводовъ. Нужно доказать, *что имена на us муж. рода, и* авторъ дѣлаетъ *это* такъ: „какого рода сущ. asinus, смотря по его значенію? Какимъ окончаніемъ выраж. муж. р. въ им. прил. aegrotus? Итакъ, окончаніе us служитъ у этихъ словъ празнакомъ муж. рода“. Но кто же опредѣляетъ родъ слова asinus по значенію? Для чего нужно окончаніе us, если родъ уже опредѣленъ по значенію? Неужели родъ по значенію всегда совпадаетъ съ родомъ по окончанію?

пользоваться. И вотъ на помощь являются еще три степени: ассоціація, система и функція.

Ассоціація это примѣненіе выведеннаго при синтезѣ закона къ новому матеріалу, «чтобы убѣдиться на дѣлѣ, что законъ этотъ остается неизмѣннымъ и въ другихъ соединеніяхъ». Авторъ различаетъ два вида ассоціаціи. Берутся два примѣра на одно и то же правило. При ихъ сравненіи «разнородныя представленія вытѣсняютъ другъ друга», «общее же остается и становится тѣмъ яснѣе» [1]) (немного ниже авторъ даже такъ выражается: «приведенные примѣры уничтожаются взаимно»). Опредѣляя второй видъ ассоціаціи, авторъ считаетъ возможнымъ утверждать совершенно противоположное: тутъ тоже берутся два примѣра съ одинаковыми элементами и съ противоположными, но оказывается, что «каждое изъ противоположныхъ представленій, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время, выступаетъ въ сознаніи съ полною силою, такъ какъ не затемняется другимъ». Далѣе оказывается, что примѣры можно заимствовать «не только изъ другихъ частей синтеза, но и изъ анализа»; но какъ же очутились въ анализѣ примѣры на правило, изученное только при синтезѣ? Вѣдь анализъ есть повтореніе извѣстнаго, а новое правило сообщено было уже послѣ анализа, при синтезѣ. Но и этого мало: авторъ предлагаетъ ученикамъ «составлять свои комбинаціи», свои фразы и даже толкуетъ о «творческой дѣятельности и воображеніи»; но не слишкомъ ли смѣло будетъ поручать ученикамъ составлять примѣры на правила, которыя только еще нужно вывести изъ этихъ ожидаемыхъ примѣровъ? Впрочемъ, и это основное положеніе автора, что «посредствомъ ассоціаціи выдѣляется» законъ, на дѣлѣ не оправдывается: всѣ законы были выдѣлены еще при синтезѣ и при томъ безъ помощи сравненій, изъ единичныхъ примѣровъ.

---

1) Авторъ прибавляетъ, что взаимно подавленныя представленія „не исчезаютъ“, а „только находятся подъ порогомъ сознанія и во всякое время могутъ быть опять подняты въ сознаніе“. Какъ хорошо было бы, если бы ученики дѣйствительно обладали этой чудесной способностью никогда не забывать ни одного переведеннаго примѣра!

Обращаясь отъ этихъ противорѣчій къ практической части книги, мы подъ рубрикой «ассоціація» находимъ не что иное, какъ простыя фразы, составленныя изъ усвоенныхъ раньше словъ и на усвоенныя въ синтезѣ правила. Это и есть тотъ суррогатъ, которымъ восполняется недостатокъ данныхъ, представляемыхъ связною статьею. При новомъ методѣ пришлось прибѣгнуть къ тѣмъ самымъ средствамъ, на которыхъ основанъ былъ прежній методъ. Подъ громкимъ заглавіемъ «ассоціація» оказались такія же и даже болѣе безсодержательныя фразы, чѣмъ тѣ, къ которымъ мы привыкли въ прежнихъ хрестоматіяхъ. Но это еще не все: авторъ вдругъ сталъ доказывать, въ противорѣчіе всей своей системѣ, что содержаніе не важно, что оно «удаляетъ насъ отъ прямой цѣли», что послѣ синтеза мы должны «имѣть въ виду только одну форму». Такимъ образомъ онъ сталъ отрицать даже тотъ основной принципъ, которымъ и былъ вызванъ цѣлый новый методъ. Этими-то безсодержательными фразами онъ думаетъ развить «творческую дѣятельность», «воображеніе» и «эстетическое чувство» и даже научить «думать на иностранномъ языкѣ»!

Мы, съ своей стороны, полагаемъ, что, разъ въ основу обученія положенъ связный текстъ, разъ признана одинаковая важность и неразрывная связь формы и содержанія, то никакихъ суррогатовъ не должно быть. Фразы прибавлены для того, чтобы пополнить недостатокъ примѣровъ на изучаемыя правила, но это можно было бы сдѣлать и съ помощью новыхъ связныхъ статей. Конечно, это было бы гораздо труднѣе. Сборники статей, какъ и сборники фразъ, должны удовлетворять слѣдующимъ требованіямъ: 1) чтобы примѣровъ для упражненій было совершенно достаточно, 2) чтобы слова были наиболѣе употребительныя и 3) чтобы они встрѣчались возможно чаще и въ различныхъ сочетаніяхъ. Давать ученику съ каждой новой строкой текста все новыя и новыя слова вовсе не значитъ обогащать его запасомъ словъ: умственнымъ запасомъ они дѣлаются только тогда, если часто повторяются и при томъ не по тетради или словарю, а въ текстѣ. Задача составителя хрестоматій—

всякую послѣдующую статью пришоровить къ предыдущимъ, такъ чтобы формы и слова повторялись по нѣскольку разъ и въ различныхъ сочетаніяхъ. Послѣднее достигается не повтореніемъ содержанія, такъ какъ новая комбинація словъ даетъ и новое содержаніе, а подборомъ наиболѣе простыхъ и употребительныхъ словъ и выраженій.

На слѣдующей за ассоціаціей ступени, которую авторъ называетъ системой, выведенное при синтезѣ правило «изолируется окончательно»; для этого оно формулируется по возможности коротко и отмѣчается въ учебникѣ или записывается въ тетрадь, при чемъ авторъ предпочитаетъ послѣднее. Но такъ какъ правило, по словамъ самого автора, все-таки «въ душѣ всегда остается связаннымъ съ единичными явленіями», такъ какъ при правилѣ приводятся и записываются и примѣры, а краткая формулировка обязательна не только здѣсь, но и гдѣ бы то ни было, то выходитъ, что система есть не что иное, какъ простое повтореніе выведенныхъ при синтезѣ правилъ, сопровождаемое записываніемъ ихъ или помѣткою въ учебникѣ. Функція есть опять повтореніе, при чемъ повторяются или одни правила, или «прежнія упражненія» съ видоизмѣненіями, или, наконецъ, берутся новые примѣры на прежнія правила [1]).

Таковъ у автора методическій кругъ, ведущій къ усвоенію грамматики практическимъ путемъ. Авторъ называетъ свой методъ психологическимъ. Мы видѣли, насколько оправдались на дѣлѣ его психологическія положенія. Другіе такое попутное изученіе грамматики на связномъ текстѣ называютъ индуктивнымъ методомъ. Предыдущія наши соображенія достаточно даютъ намъ матеріала, чтобы указать роль индукціи въ подобномъ методѣ.

Индукція можетъ быть полной и неполной, и только первая ведетъ къ несомнѣнному и рѣшительному заключенію. Изъ двухъ видовъ полной индукціи первый имѣетъ

---

[1]) Напрасно авторъ думаетъ, что эти упражненія отличаются отъ ассоціаціи, гдѣ ученики руководствовались будто бы „однимъ лишь чутьемъ языка“. Какое ужъ у учениковъ можетъ быть чутье языка, совершенно имъ еще назнакомаго!

мѣсто тогда, когда намъ извѣстны безусловно всѣ единичные предметы или явленія даннаго рода: заключеніе въ этомъ случаѣ есть какъ бы краткое резюмэ того, что уже есть въ посылкахъ. Полная индукція перваго вида и есть тотъ путь, которымъ въ теченіе вѣковъ, трудами многихъ ученыхъ, составлена лежащая передъ нами латинская грамматика. Другіе способы установленія несомнѣнныхъ положеній и законовъ тутъ были совершенно непримѣнимы; тутъ не играла никакой роли не только дедукція, но даже полная индукція второго вида, основанная на идеѣ причинности, на убѣжденіи въ общности законовъ для всѣхъ явленій той или иной области. Оставляя въ сторонѣ логическую основу языка, мы должны замѣтить, что чисто-грамматическіе его законы далеко не имѣютъ той общности, которою отличаются, напр., законы логики или природы. Когда мы наблюдаемъ явленія природы, то часто достаточно бываетъ немногихъ случаевъ, чтобы установить между явленіями причинную связь и въ силу этого распространить усмотрѣнный законъ на всѣ безъ исключенія однородные случаи. Но въ области языка совсѣмъ не то: сколько бы разъ мы ни наблюдали, что, напр., слова на *us* имѣютъ въ тв. *o*, мы все-таки не будемъ въ правѣ вывести законъ, что слова на *us* имѣютъ въ тв. *o*. Это происходитъ оттого, что между окончаніями *us* и *o* нѣтъ никакой причинной связи. Мало того, окончаніе *o* есть совершенная случайность для тѣхъ или иныхъ словъ на *us*. Грамматика даетъ «правило», что слово на *us* второго склоненія имѣютъ въ тв. *o*; но подобное правило не имѣетъ никакого логическаго значенія и есть простая тавтологія. Что такое-то слово на *us* — второго склоненія, это только и можно узнать по другому данному падежу того же слова, напр., по твор.: у насъ получается кругъ въ доказательствѣ. Такимъ образомъ, если мы имѣемъ слово на *us* и не имѣемъ другихъ падежей отъ него, то мы совершенно лишены возможности знать, какое у него будетъ окончаніе въ тв. — *o*, *e* или *u*: при каждомъ отдѣльномъ словѣ намъ придется отдѣльно запоминать его окончаніе въ тв.

п. Въ грамматикахъ для отличія склоненій указываютъ обыкновенно род. п., но, конечно, все сказанное нами о тв. п. вполнѣ примѣнимо и къ род. и ко всякому другому. Но и двѣ падежныя формы отъ слова на *us* не даютъ еще намъ достаточнаго логическаго основанія утверждать, что данное слово будетъ слѣдовать тому однообразію явленій, которое извѣстно въ грамматикахъ подъ именемъ схемы склоненій. Доказательствомъ этого служитъ масса такъ называемыхъ исключеній. Въ сферѣ, напр., явленій природы исключенія суть только кажущаяся непослѣдовательность по сравненію съ закономъ, которая не отвергаетъ, а подтверждаетъ законъ. Въ области же формальной грамматики всякое исключеніе имѣетъ такую же логическую законность, какъ и самое правило: для окончанія *im* въ вин. п. 3-го склоненія столько же логическихъ основаній, сколько и для окончанія *em*. Грамматическія исключенія и суть тѣ отрицательныя инстанціи (instantiae contradictoriae), которыя отнимаютъ всякое значеніе у индуктивнаго заключенія разбираемаго нами вида.

Такимъ образомъ грамматика составлена исключительно путемъ полной индукціи перваго вида. Какой же видъ индукціи примѣнимъ въ школьной практикѣ, при изученіи грамматики? О примѣненіи полной индукціи перваго вида, конечно, не можетъ быть и рѣчи, но полная индукція второго вида тоже, какъ мы видѣли, непримѣнима къ выводу грамматическихъ законовъ. Остается неполная индукція черезъ простое перечисленіе, дающая заключенія условныя и проблематическія. Цѣнность такихъ заключеній прямо пропорціональна числу наблюдаемыхъ случаевъ, но и огромное число случаевъ не даетъ несомнѣннаго заключенія. «Наведеніе при помощи простого перечисленія», говоритъ Бэконъ, «есть способъ дѣтскій и заключаетъ шатко, подвергаясь опасности отъ противорѣчащихъ случаевъ; обыкновенно оно заключаетъ на основаніи меньшаго числа случаевъ, чѣмъ слѣдуетъ, — на основаніи находящихся подъ рукою». Въ обыденной жизни для большинства людей это единственный способъ доказательства. Этимъ способомъ вы-

водятся всѣ положенія, основанныя на такъ называемомъ здравомъ смыслѣ, всѣ обычныя обобщенія, касающіяся общества и людей. Неполная индукція черезъ простое перечисленіе есть наиболѣе распространенный источникъ всякаго рода человѣческихъ заблужденій. Ею порождены всевозможные предразсудки, предубѣжденія, суевѣрія, всевозможные ложные взгляды на явленія природы и человѣческой жизни. Этимъ грубымъ и небрежнымъ способомъ обобщенія пользуются обыкновенно неразвитые люди, которые не умѣютъ сравнивать, отдѣлять существенное отъ несущественнаго и доискиваться причинъ. Точная и послѣдовательная умственная работа здѣсь замѣняется легкомысленнымъ выводомъ изъ того только матеріала, который случится подъ рукою. Чѣмъ меньше подъ рукою такого матеріала, тѣмъ легкомысленнѣе выводъ, и верхомъ легкомыслія будетъ выводить правило изъ одного-двухъ случаевъ. Изъ предыдущаго обзора индуктивнаго метода мы видѣли, что латинскій текстъ даетъ здѣсь примѣръ, а изъ этого примѣра ученикъ долженъ вывести грамматическое правило. Это самый грубый видъ индукціи, какой только можно представить, потому что здѣсь нѣтъ даже никакого обобщенія, а прямо конкретная случайность принимается за законъ; для обобщенія, т.-е. сравненія и вывода общаго элемента, нужно имѣть по меньшей мѣрѣ два предмета или случая, а къ одному случаю логически непримѣнимы самыя понятія «сравнивать» и «обобщать». Выводъ правила изъ одного примѣра основывается на положеніи, что всякое попавшее подъ руку грамматическое явленіе есть общій законъ для всего состава даннаго языка. Но это, очевидно, полный абсурдъ. Если бы ученикъ дѣйствительно дѣлалъ выводы, то, встрѣтивши род. horti, онъ вывелъ бы законъ, что всѣ слова латинскаго языка оканчиваются въ род. па *i*; встрѣтивши ср. р. мн. ч. vetera, долженъ бы убѣдиться, что всѣ латинскія слова или, по крайней мѣрѣ, всѣ прилагательныя оканчиваются въ ср. р. мн. ч. на *a*. Намъ возражаютъ: «но онъ выводитъ правило подъ руководствомъ учителя». Конечно. Ученикъ хочетъ вывести правило, что

латинскія слова въ род. оканчиваются на *i*, но учитель руководитъ имъ и добавляетъ: «слова второго склоненія», а мы уже видѣли, что значитъ это добавленіе: второе склоненіе узнается по окончанію *i* въ род. п.; слѣд., *i* въ род. имѣютъ только тѣ слова, которыя имѣютъ въ род. *i*... Въ концѣ концовъ ученикъ только то и узнаетъ, что данное слово оканчивается на *i* и что есть какое-то невѣдомое «второе склоненіе», къ которому принадлежатъ какія-то неизвѣстныя слова. Ученикъ хочетъ вывести правило, что прилагательныя имѣютъ въ ср. р. мн. ч. окончаніе *a*, а учитель исправляетъ, указывая, что прилагательныя 3-го скл. *не* имѣютъ окончанія *a*. Выводъ ученикомъ правилъ «подъ руководствомъ учителя» сводится къ тому, что ученикъ на каждомъ шагу дѣлаетъ ложныя обобщенія, а учитель на каждомъ шагу исправляетъ его, указывая, что правило распространяется не на всѣ однородные случаи, а только на нѣкоторые, которые онъ обнимаетъ терминами: «такое-то склоненіе», «такое-то спряженіе». Но вѣдь, пока не изучены эти склоненія и спряженія, пока ученикъ не знаетъ, каковы падежныя окончанія даннаго склоненія и какія относятся къ нему слова, термины эти представляютъ vox insignificans и не имѣютъ для ученика никакого реальнаго содержанія. Такимъ образомъ поправка учителя, ограничивая выводъ ученика, но не ставя точныхъ границъ, уничтожаетъ этимъ самымъ все значеніе вывода; для ученика остается несомнѣннымъ только наблюдаемый имъ фактъ, а неопредѣленное указаніе, что фактъ этотъ иногда можетъ повторяться, безъ знанія, гдѣ и когда онъ повторяется, не имѣетъ для ученика никакого значенія и ничуть не расширяетъ его свѣдѣній. Когда явленія подчиняются не одному единообразію, а нѣсколькимъ частнымъ единообразіямъ (склоненія и спряженія), то обобщеніе возможно только въ томъ случаѣ, если мы предварительно знакомы со всей схемой этихъ единообразій. Кромѣ того, при изученіи грамматики мы встрѣчаемъ массу явленій, стоящихъ совершенно особнякомъ и не подходящихъ ни подъ одно единообразіе; сюда относятся всевозможныя

исключенія, многія правила объ употребленіи падежей и т. д. Далѣе, при изученіи грамматики встрѣчается масса явленій очень сложныхъ, такъ что ученикъ при всѣхъ усиліяхъ не могъ бы отличить въ нихъ существенное отъ несущественнаго; сюда относится большинство синтаксическихъ правилъ. Въ общемъ итогѣ «руководство» учителя при индуктивномъ методѣ почти вездѣ сводится къ тому, что правило даетъ учитель, а индукція ученика ограничивается тѣмъ, что онъ постоянно ошибается въ обобщеніяхъ. Да и цѣлесообразно ли пріучать ученика къ легкомысленнымъ выводамъ изъ одного или двухъ фактовъ? Неужели этотъ грубый пріемъ, постоянно ведущій къ заблужденіямъ, пригоденъ для того, чтобы дисциплинировать умъ и пріучать къ точному и правильному мышленію? Какая получилась бы смѣшная картина, если бы ученикъ изъ школы перенесъ впослѣдствіи этотъ способъ заключенія и въ свою жизнь и сталъ бы направо и налѣво сыпать авторитетными приговорами, выводя каждый изъ одного факта!

Но если въ высшей степени странна претензія на основаніи самаго ограниченнаго числа данныхъ и съ помощью самаго грубаго пріема мышленія «въ короткій срокъ учебнаго времени снова создать всю научную систему, на что ученымъ понадобилось много столѣтій»[1]), то какое же логическое значеніе остается за тѣмъ методомъ, который называютъ индиктивнымъ и при которомъ за примѣромъ слѣдуетъ правило? Значеніе довольно скромное: оно вполнѣ вытекаетъ изъ самаго логическаго понятія о примѣрѣ. Примѣра логика никогда не считала доказательствомъ. Онъ служитъ не для вывода, а для нагляднаго разъясненія закона или правила. Въ примѣрѣ грамматическій законъ облеченъ въ конкретное содержаніе; чтобы выдѣлить это конкретное содержаніе, правило нужно знать a priori. Объ учителѣ, пожалуй, можно сказать, что онъ выводитъ законъ, но этотъ терминъ ничуть не указываетъ на тотъ процессъ, который называется индукціей. Учитель здѣсь

---

[1]) На это разсчитываетъ авторъ разбираемой методики.

беретъ законъ уже готовый, давно выведенный путемъ полной индукціи перваго вида и помѣщенный въ любомъ учебникѣ грамматики. Работа учителя сводится къ тому, что онъ знакомитъ учениковъ съ закономъ сначала въ конкретной формѣ, а потомъ, зная предварительно законъ въ его отвлеченномъ видѣ, отдѣляетъ существенное отъ случайнаго. Ученикъ ни въ какомъ случаѣ не могъ бы исполнить этой работы самостоятельно, потому что она основана на предварительномъ знаніи закона. При отдѣленіи существеннаго и случайнаго можетъ принять участіе и ученикъ, но это участіе по необходимости бываетъ совершенно пассивнымъ; онъ можетъ отвѣчать на руководящіе вопросы учителя, но при томъ только условіи, если эти вопросы такъ поставлены, что сами по себѣ предрѣшаютъ отвѣтъ. Само собою разумѣется, что онъ отвѣтитъ и на тѣ вопросы, гдѣ требуется не обобщеніе, а простое наблюденіе факта. Когда учитель, указывая, что неопр. 1-го спр. оканчивается на *are*, спрашиваетъ, какого спряженія глаголъ ornare, то для отвѣта требуется простое наблюденіе факта, сопровождаемое самымъ элементарнымъ умозаключеніемъ.

Исключивши многія воображаемыя достоинства разбираемаго метода, мы легко увидимъ, что онъ немногимъ отличается отъ прежняго, который называютъ дедуктивнымъ. Предполагаютъ, что по прежнему методу сначала заучивались теоретическія правила, а потомъ уже они подкрѣплялись примѣрами. Но такое предположеніе можно объяснить развѣ только тѣмъ, что въ грамматикахъ и сборникахъ упражненій напечатаны сначала правила, а потомъ примѣры. Мы не думаемъ, чтобы сколько-нибудь опытный преподаватель считалъ себя когда-нибудь обязаннымъ постоянно держаться этого порядка. И прежде дѣло обыкновенно начиналось съ примѣровъ: сначала разбирались примѣры, а потомъ выяснилось изъ нихъ и правило. Вопросъ о порядкѣ имѣетъ значеніе только при изученіи сложныхъ правилъ, а при заучиваньи, напр., окончаній онъ является совершенно празднымъ. Окончанія всегда и вездѣ изучались по парадигмамъ, а парадигма и есть конкретный

примѣръ. Начнемъ ли мы изученіе съ парадигмы, съ фразы или съ связной статьи, процессъ изученія вездѣ будетъ въ сущности одинаковъ: вездѣ на конкретномъ примѣрѣ выясняется общее правило. Но зато будетъ огромная разница въ другомъ отношеніи.

Доселѣ мы говорили о процессѣ изученія отдѣльныхъ явленій языка. Но безсвязное изученіе огромной массы отдѣльныхъ явленій такъ же утомительно и безполезно, какъ изученіе числа оконъ или комнатъ въ каждомъ отдѣльномъ домѣ какого-нибудь большого города. Связь между отдѣльными элементами и явленіями языка бываетъ двоякая. Отдѣльныя слова связываются въ мысли и человѣческую рѣчь, отдѣльныя правила въ научную систему грамматики. Изученіе отдѣльныхъ словъ будетъ изученіемъ словаря, а не языка. Съ другой стороны, если мы выучили въ совершенномъ безпорядкѣ большое число правилъ, то они, во-первыхъ, не долго будутъ держаться въ памяти, а во-вторыхъ, не могутъ пойти въ практическое употребленіе, потому что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вмѣсто того, чтобы сразу обратиться къ извѣстному пункту системы и сразу найти въ немъ требуемое правило, придется сполна перебирать весь умственный запасъ ихъ, а безъ системы и перебрать ихъ сполна немыслимо. Безъ системы невозможна наука, но и усвоивать науку нельзя безъ системы.

Когда мы начинаемъ изученіе прямо съ парадигмъ, то изученіе сразу происходитъ въ научной системѣ, но зато тутъ совершенно нѣтъ смысловой связи между элементами языка: вмѣсто мыслей и связной рѣчи мы имѣемъ дѣло съ многократнымъ повтореніемъ одного и того же слова. Если же для изученія грамматики откроемъ первый попавшійся подъ руку связный текстъ и будемъ изучать грамматическія явленія по мѣрѣ перевода статьи, то мы будемъ имѣть смысловую связь между элементами языка, но зато совершенно не будемъ имѣть связи между изучаемыми правилами, потому что порядокъ изученія ихъ будетъ всецѣло зависѣть отъ порядка переводимыхъ словъ. Такимъ образомъ въ первомъ случаѣ есть связь между граммати-

ческими явленіями, но нѣтъ связи между элементами рѣчи, связи смысловой; во второмъ случаѣ — наоборотъ. Но для изученія языка и грамматики необходима, какъ мы сказали, та и другая связь. Компромиссомъ между этими противоположностями доселѣ служили такъ называемыя фразы. Здѣсь, дѣйствительно, съ одной стороны слова связаны по смыслу; съ другой, самые примѣры подобраны по группамъ на каждое извѣстное правило, и группы эти расположены примѣнительно къ грамматическо-научной системѣ. Но это кажущееся совмѣщеніе той и другой связи въ сущности не достигаетъ ни той ни другой цѣли. Расположеніе фразъ по группамъ и приноровленіе группъ къ грамматическо-научной системѣ не избавляетъ отъ необходимости систему изучать особо; а съ другой стороны, хотя слова соединены здѣсь въ предложенія, но предложенія эти все-таки не соединены въ связную человѣческую рѣчь, не говоря уже о томъ, что они часто не заключаютъ въ себѣ строго-опредѣленной мысли (фразы отличаются безсодержательностью), — такимъ образомъ и смысловая связь оказывается совершенно недостаточною.

Какъ же, спрашивается, совмѣстить безъ взаимнаго ущерба и смысловую связь и связь между грамматическими явленіями, которая выражается въ грамматическо-научной системѣ? которую изъ нихъ приспособить къ другой? Отвѣтъ можетъ быть одинъ. Смысловая связь можетъ быть самою разнообразною, а грамматическо-научная система (говоримъ объ общеупотребительной) одна; видоизмѣняющееся можно приноровлять къ неизмѣнному, но не наоборотъ. Парадигмы нельзя превратить въ связную рѣчь, но связную рѣчь можно приноровить къ граматическо-научной системѣ. Въ этомъ приноровленіи лежитъ центръ тяжести всего метода; если текстъ не приноровленъ, то элементарное изученіе по нему грамматики невозможно. Если на десяти строкахъ мы встрѣтимъ десятки формъ изъ самыхъ разнообразныхъ отдѣловъ грамматики, то у насъ получится такой хаосъ единичныхъ явленій, общихъ понятій, категорій и терминовъ, въ которомъ мы ни въ какомъ случаѣ не сумѣемъ разобраться.

Безъ выясненія родовыхъ понятій, категорій и терминовъ нельзя объяснить ни одного единичнаго факта, а единичный фактъ не дастъ содержанія ни одному родовому понятію. Въ слѣдующихъ десяти строкахъ мы встрѣтимъ не новое подтвержденіе усвоеннаго, а новый хаосъ единичныхъ фактовъ и общихъ понятій. Съ каждой новой строкой будетъ накопляться масса несвязанныхъ мелочей, не ясно усвоенныхъ терминовъ, непонятныхъ общихъ понятій; чѣмъ дальше мы пойдемъ, тѣмъ больше будемъ удаляться отъ возможности внести въ этотъ хаосъ какой-нибудь порядокъ.

Подъ «системой» въ разбираемой методикѣ разумѣлось повтореніе правилъ, выведенныхъ изъ той или иной статьи и приведенныхъ въ извѣстный порядокъ. Это, очевидно, не имѣетъ ничего общаго съ тою системою, о которой мы говоримъ. О грамматическо-научной системѣ авторъ ничего не говоритъ въ своей методикѣ. Это, впрочемъ, вполнѣ понятно: приноровленіе къ грамматическо-научной системѣ не относится къ искусству преподаванія, это дѣло не учителя, а составителя хрестоматіи. Если текстъ не приноровленъ, то учителю остается только замѣнить такую хрестоматію другою.

Принятая въ грамматикахъ система, конечно, представляетъ переходъ отъ простого къ сложному, отъ болѣе легкаго къ болѣе трудному, но было бы излишнимъ педантизмомъ слѣдовать тому или иному учебнику грамматики даже въ мелочахъ. Такъ какъ классное изученіе латинской грамматики есть изученіе отличій ея отъ русской, то начинать естественнѣе всего съ такого текста и такихъ словъ и формъ, которые представляютъ меньше всего этихъ отличій. Странно было бы предлоги, союзы или нарѣчія изучать непремѣнно послѣ склоненій и спряженій; неизмѣняемыя части проще всего изучать, такъ какъ здѣсь изученіе сводится къ простому усвоенію латинскаго слова. Посредственное управленіе изучить легче, чѣмъ непосредственное (т.-е. безъ предлоговъ), единичныя въ своемъ родѣ мѣстоименія проще усвоить, чѣмъ склоненіе существительныхъ, четвертое и пятое склоненіе проще третьяго, и т. д. Разъ начавши

изученіе извѣстной схемы, необходимо, конечно, сейчасъ же довести его до конца, и было бы огромной ошибкой перепрыгивать отъ одного склоненія къ другому и снова возвращаться къ первому. Пока не наполнена одна схема, нѣтъ нужды переходить къ другой, слѣдующей за нею. Но, съ другой стороны, ничто не мѣшаетъ изучать одновременно двѣ разнородныхъ схемы, напр., склоненіе и спряженіе. Больше двухъ параллельныхъ схемъ не должно брать; три-четыре схемы затрудняли бы ученика въ распредѣленіи матеріала. Когда указаны всѣ элементы той или иной схемы, это не значитъ еще, что нужно переходить къ другой схемѣ. Ознакомленіе съ таблицей склоненія не даетъ еще прочнаго знанія: нужны, кромѣ того, достаточныя упражненія. Такимъ образомъ задача составителя — не только правильно распредѣлить матеріалъ, но и дать вполнѣ достаточное число примѣровъ для упражненія, которое должно слѣдовать тотчасъ же послѣ первоначальнаго усвоенія. Чѣмъ больше примѣровъ, тѣмъ легче выяснится правило, тѣмъ больше пріобрѣтутъ ученики навыка употреблять правило въ дѣло. Напрасно думаютъ, что изученіе грамматики по связному тексту избавляетъ отъ необходимости продолжительнаго упражненія въ однихъ и тѣхъ же правилахъ, которое прежде достигалось подборомъ и переводомъ цѣлыхъ параграфовъ фразъ на одно и то же правило. Нельзя научиться употребленію въ дѣло правилъ многократнымъ повтореніемъ одной и той же статьи [1]), т.-е. повтореніемъ однихъ и тѣхъ же конкретныхъ случаевъ.

Когда ученикъ окончилъ частичное изученіе извѣстнаго отдѣла грамматики, необходимо обратиться къ самому учебнику. Авторъ разбираемой методики рекомендуетъ записыванье въ тетрадь правилъ послѣ перевода каждой отдѣльной статьи. Но этимъ, конечно, мы никогда не достигнемъ усвоенія грамматическо-научной системы. Записать правило — дѣло не лишнее, но записывая факты по мѣрѣ

[1]) Авторъ разбираемой методики чуть не десять разъ возвращается къ повторенію на пространствѣ одного методическаго круга.

усвоенія, мы не получимъ никакой схемы, а если приводить записанное въ порядокъ, по мѣрѣ выясненія схемы, то придется многократно переписывать одно и то же. Отдѣлы, для систематизаціи которыхъ придется обращаться къ учебнику грамматики, должны быть по возможности коротки; такимъ отдѣломъ, напр., должна быть не глава о склоненіи существительныхъ, а каждое склоненіе въ одиночку.

Надлежащимъ образомъ приноровленная статья будетъ заключать въ себѣ трояжаго рода матеріалъ: а) простѣйшія формы, не измѣняющіяся по категоріямъ или не требующія для своего усвоенія особыхъ правилъ,—сюда относятся: нарѣчія, предлоги, многіе союзы, такъ называемыя «начала» всякихъ словъ, т.-е. формы, въ которыхъ слово стоитъ въ словарѣ, и др., б) примѣры на схемы и правила, пройденныя раньше, и в) примѣры на изучаемыя схемы. Въ плохо приноровленныхъ статьяхъ мы встрѣчаемъ, кромѣ того, много такого матеріала, который не относится ни къ проходимымъ ни къ пройденнымъ схемамъ и правиламъ. Составители хрестоматій должны помнить, что это забѣганье впередъ во всякомъ случаѣ есть зло и при томъ такое, которое нельзя назвать неизбѣжнымъ. Присутствіе формъ и примѣровъ, относящихся къ схемамъ и правиламъ, которыя будутъ пройдены только впослѣдствіи, указываетъ лишь на то, что на составленіе хрестоматіи положено мало труда. Въ самомъ дѣлѣ, что дѣлать съ этими попавшими не на свое мѣсто формами? Вполнѣ уяснить и усвоить ихъ нельзя, потому что пониманіе ихъ обусловлено знакомствомъ съ цѣлымъ рядомъ категорій и правилъ, относящихся къ совершенно иному, еще совсѣмъ незнакомому отдѣлу грамматики. Объясненіе же, сдѣланное мелькомъ и поверхностно, будетъ совершенно безполезнымъ и сейчасъ же забудется. Еще безполезнѣе заучиванье этихъ формъ безъ всякаго объясненія, съ однимъ готовымъ переводомъ. Лучшій исходъ — послѣ даннаго учителемъ перевода оставлять эти формы пока безъ вниманія, но и въ этомъ случаѣ получатся неестественные пробѣлы: такую латинскую рѣчь съ непонятными мѣстами нельзя даже назвать связною.

Таковъ индуктивный методъ. Вся суть здѣсь не въ новомъ пріемѣ вывода правилъ, а въ связномъ текстѣ. Но если изученіе грамматики по связному тексту представляетъ огромный шагъ впередъ сравнительно съ изученіемъ ея по безсодержательнымъ фразамъ или чисто теоретически, зато и связный текстъ долженъ подчиняться самымъ строгимъ условіямъ; если онъ этимъ условіямъ не удовлетворяетъ, то и самое изученіе грамматики по нему невозможно.

О роли древнихъ языковъ въ дѣлѣ умственнаго развитія учащихся.

Когда заводятъ рѣчь о реформѣ средней школы, всякій разъ на первый планъ выдвигается вопросъ о роли въ ней древнихъ языковъ. Средняя школа должна давать общее образованіе, а не спеціальное, филологическое, а потому одностороннее и не для всякаго пригодное. Средняя школа должна готовить къ университетскимъ занятіямъ, говорятъ другіе, а для большинства дисциплинъ, составляющихъ университетскій курсъ, въ знаніи древнихъ языковъ нѣтъ никакой необходимости. Средняя школа должна сама по себѣ дать юношѣ нѣчто законченное, должна подготовить его не только къ университету, но и къ жизни, говорятъ третьи, а древніе языки въ жизни совершенно непригодны. Но едва ли правы и тѣ, и другіе, и третьи. Средняя школа, дѣйствительно, должна быть общеобразовательною, но древніе языки именно и содѣйствуютъ общему образованію, общей выработкѣ ума и чувства. Средняя школа должна готовить къ университету, но древніе языки именно и подготовляютъ къ университетскому курсу,— не къ той или иной отдѣльной дисциплинѣ, а вообще къ самостоятельному изученію науки, къ активной умственной дѣятельности въ обширномъ смыслѣ слова. Средняя школа должна нѣкоторымъ образомъ подготовить къ жизни, но древніе языки именно и даютъ эту подготовку — не въ смыслѣ запаса тѣхъ или иныхъ знаній, а въ смыслѣ пріобрѣтенія навыковъ, способностей, въ смыслѣ упражненій ума, ведущихъ къ тому, что этотъ умъ, послѣ этихъ школьныхъ упражненій, дѣлается навсегда способнымъ и ко всякимъ другимъ упражненіямъ,

т.-е. получаетъ надлежащее развитіе. Всѣ три указанныхъ цѣли средней школы въ сущности сводятся къ одной: средняя школа должна дать всестороннее образованіе, достижимое въ извѣстномъ возрастѣ, и смѣемъ думать, что древніе языки — лучшій путь къ этому всестороннему образованію. Образованіе это будетъ умственное, нравственное и эстетическое. Начнемъ съ послѣдняго. Орудіемъ эстетическаго образованія служатъ искусства и изученіе произведеній искусствъ. Средняя школа еще мало сдѣлала въ этомъ направленіи, но древніе языки здѣсь играли пока наиболѣе выдающуюся роль. Изъ всѣхъ видовъ искусства средняя школа доселѣ пользовалась пока поэзіей, но произведенія словеснаго творчества доселѣ изучались лишь на урокахъ древнихъ языковъ и родного языка. Гомеръ, Вергилій, Горацій, Овидій, Софоклъ,—всѣ лучшіе образцы словеснаго творчества изучались именно на урокахъ древнихъ языковъ. Нравственное воспитаніе достигается не тою или иною отраслью знанія въ отдѣльности, а лишь совокупностью дисциплинъ, общимъ духомъ школы. Если же нравственному воспитанію содѣйствуютъ и отдѣльныя школьныя науки, то древніе языки занимаютъ, вмѣстѣ съ исторіей, и здѣсь наиболѣе выдающееся мѣсто. Позволительно сомнѣваться, чтобы изученіе математики или географіи дѣлало ученика болѣе нравственнымъ, но никто не можетъ отрицать, что лучшіе образцы для подражанія, лучшія идеи и чувства, лучшіе подвиги ума и сердца ученикъ, наряду съ уроками исторіи и родной литературы, встрѣчалъ на урокахъ древнихъ языковъ, въ содержаніи изучаемыхъ имъ произведеній древнихъ авторовъ. Но роль древнихъ языковъ въ эстетическомъ и нравственномъ образованіи признается, впрочемъ, и противниками классицизма. Ихъ значеніе отрицается, главнымъ образомъ, въ сферѣ умственнаго развитія. Съ этой точки зрѣнія ихъ не только противополагаютъ остальнымъ предметамъ, называемымъ общеобразовательными, но и приписываютъ имъ прямо отрицательное дѣйствіе. Мы постоянно слышимъ фразу, что изученіе древнихъ языковъ притупляетъ способности уче-

ника. На этой-то роли древнихъ языковъ въ дѣлѣ умственнаго развитія мы и остановимся. Здѣсь можно было бы наговорить много общихъ фразъ, привести много общихъ положеній, но такое обсужденіе вопроса не привело бы къ цѣли, не убѣдило бы противника, потому что умственное развитіе дается и остальными предметами курса средней школы, и, значитъ, приходится измѣрять и взвѣшивать, гдѣ больше успѣховъ, а для этого мы не имѣемъ никакого точнаго *масштаба*, *никакой точной мѣры*. Мы станемъ говорить только о томъ, что ясно и опредѣленно, и прежде всего установимъ общее понятіе, посмотримъ, что такое развитой умъ, кого можно назвать истинно образованнымъ человѣкомъ.

Когда на вопросъ, что значитъ развивать умъ ребенка, намъ отвѣтятъ, что развивать умъ—значитъ обогащать его знаніями и дѣлать болѣе способнымъ къ мышленію, то первая часть отвѣта будетъ сомнительнымъ положеніемъ, а вторая будетъ тавтологіей. И дѣйствительно, легче перечислить различные факторы, предметы и пріемы, пригодные для умственнаго развитія, чѣмъ дать простой и точный отвѣтъ на поставленный выше вопросъ. Умственное воспитаніе представляется дѣломъ многосложнымъ и многостороннимъ. Попытаемся же среди многихъ цѣлей, которыя ставятся при умственномъ воспитаніи, найти самое существенное, найти ту психологическую основу, которая должна быть критеріемъ при выборѣ предметовъ и методовъ, пригодныхъ для умственнаго воспитанія.

Начнемъ съ элементовъ и прежде всего нарисуемъ бѣглую картину умственной жизни ребенка въ ея постепенномъ развитіи и осложненіи.

Всякое знаніе, касающееся внѣшняго міра, беретъ начало во внѣшнихъ чувствахъ. Что человѣкъ знаетъ, все пришло къ нему черезъ органы внѣшнихъ чувствъ. Самыя отвлеченныя понятія, если разложить ихъ на составные элементы, сводятся въ концѣ концовъ къ чувственнымъ воспріятіямъ. Ощущеніе, получаемое тѣмъ или инымъ органомъ чувства, есть самое простое, основное душевное явле-

ніе, не сводимое ни къ чему болѣе простому. Если мы будемъ искать чего-нибудь болѣе простого, то мы встрѣчаемся уже не съ психологическимъ, а съ физіологическимъ явленіемъ. Раздраженіе оконечности вносящаго нерва, дошедшее до мозгового центра, даетъ въ результатѣ ощущеніе, а переходъ отъ раздраженія нерва къ ощущенію—это граница между духомъ и тѣломъ, это таинственный мостъ, который, быть-можетъ, никогда не придется освѣтить человѣческому знанію. Ощущеніе состоитъ въ томъ, что мы улавливаемъ въ предметѣ нѣкоторыя опредѣленныя и легко различимыя черты, изъ которыхъ потомъ у насъ и составляются представленія о свойствахъ предмета. Такимъ образомъ, основа ощущенія есть нѣкоторое различеніе, а для всякаго различенія нужно одновременное присутствіе въ сознаніи по меньшей мѣрѣ двухъ элементовъ. Ощущенія бываютъ или общеорганическія или вызванныя черезъ посредство одного изъ пяти чувствъ внѣшними двигателями. Перваго рода ощущенія, смутныя и неопредѣленныя, даютъ намъ знать о состояніяхъ нашего организма. Внѣшній міръ мы познаемъ не черезъ нихъ, а только черезъ ощущенія второго рода. Воспитательному воздѣйствію подлежатъ только ощущенія этого второго рода. Развивать внѣшнія чувства значитъ развивать въ нихъ: 1) способность различенія и 2) способность отожествленія впечатлѣній. Въ каждый данный моментъ на насъ дѣйствуетъ множество внѣшнихъ факторовъ: цвѣта, очертанія, звуки, запахи, температура и т. д. Чтобы разобраться въ этой массѣ, чтобы получить ощущеніе отчетливое и точное, мы должны умѣть выдѣлить его изъ ряда другихъ, отличить отъ ощущеній предшествующихъ, послѣдующихъ и другихъ одновременныхъ. Это и есть способность различенія, зависящая отъ другой, волевой способности, отъ умѣнья управлять своимъ вниманіемъ. Далѣе, одно ощущеніе въ нашемъ сознаніи всегда ложится на другое однородное и предшествующее или на многія однородныя. Когда мы ощущаемъ, наприм., красный цвѣтъ, то это ощущеніе въ нашемъ сознаніи отожествляется съ другими, прежними ощущеніями краснаго цвѣта. Всѣ одно-

родныя ощущенія оставляютъ въ душѣ отпечатокъ, запасъ, и мы постоянно прибавляемъ къ этому старому нѣчто новое. Все наше умственное развитіе зависитъ отъ этого накопленія. Такимъ образомъ, развитіе чувствъ выражается въ усиленіи способности различенія и способности отожествлять впечатлѣнія посредствомъ накопленія отпечатковъ. А чтобы сравнивать и потомъ различать или отожествлять, для этого нужна способность удерживать въ сознаніи одновременно много элементовъ или—по меньшей мѣрѣ—два элемента.

За ощущеніями слѣдуютъ представленія. Одинъ психологъ ощущенія сравниваетъ съ буквами, а представленія, понятія и т. д.—со слогами, словами, предложеніями, которыя мы составляемъ изъ этихъ буквъ. Изъ буквъ составляется слово, изъ ощущеній—представленіе. Соединяя въ сознаніи зрительныя, осязательныя, вкусовыя ощущенія, полученныя, наприм., отъ куска хлѣба, мы составляемъ представленіе о кускѣ хлѣба. Эта способность соединять ощущенія въ представленіе есть уже чисто душевный актъ, а не результатъ внѣшнихъ воздѣйствій, при которыхъ душа оставалась пассивною, воспринимающею, а не созидающею. Какъ составляется представленіе? Слыша лай собаки, получая это звуковое ощущеніе, ребенокъ вызываетъ въ своей памяти другія, прежнія ощущенія, относящіяся къ видѣнной имъ собакѣ, вспоминаетъ зрительныя ощущенія (масть, величину собаки и т. д.), другія слуховыя, осязательныя, если онъ ее гладилъ, и т. д. Такимъ образомъ, одно ощущеніе вызываетъ въ сознаніи цѣлую группу другихъ ощущеній, соотвѣтствующихъ различнымъ свойствамъ даннаго предмета. Въ этомъ сопоставленіи получаемаго ощущенія со всѣми другими, прежними, относящимися къ тому же предмету, и заключается познавательный элементъ представленій, это и есть новое знаніе, формирующееся въ душѣ. Такимъ образомъ, и здѣсь работа сознанія состоитъ въ сопоставленіи многихъ элементовъ, которые должны въ каждомъ данномъ случаѣ одновременно пройти въ сознаніе. Только при этомъ условіи возможно составить представле-

ніе. Если же ощущенія не будутъ воспроизведены одновременно, а будутъ проходить въ сознаніи другъ за другомъ, сначала одно, потомъ другое, то не возникнетъ и представленія.

Для составленія представленій, какъ и для ощущеній, опять нужно вниманіе. Часто представленіе составляется изъ бѣглыхъ, мимолетныхъ впечатлѣній. Но обыкновенно сознаніе для этой цѣли должно сосредоточиться на предметѣ, особенно если онъ новый и незнакомый. Это сосредоточиваніе на предметѣ для составленія въ душѣ представленія о немъ и называется наблюденіемъ. Воспитывать умъ—это значитъ, между прочимъ, пріучать его къ точному и отчетливому наблюденію. Въ общемъ итогѣ это очень высокая способность, которою люди рѣдко обладаютъ въ совершенной степени. Обыкновенно наблюденіе бываетъ поверхностнымъ и мало точнымъ. Обыкновенное дѣтское наблюденіе бываетъ неполнымъ, недостаточнымъ, неточнымъ. Развитіе способности представленія падаетъ на самый юный возрастъ ребенка. Дитя, поступающее въ школу, уже имѣетъ достаточный навыкъ въ этой способности. Но развитіе наблюдательности здѣсь только начинается. Въ семьѣ и дѣтской еще не бываетъ систематическаго наблюденія (если родители не приняли для этого особыхъ мѣръ). Переходъ отъ дѣтской въ школу сопровождается или, по крайней мѣрѣ, долженъ сопровождаться переходомъ къ систематическому наблюденію. Наглядное обученіе въ дѣтскихъ садахъ, материнскихъ школахъ и т. п. и есть не что иное, какъ ситематическое примѣненіе и развитіе способности наблюденія. Цѣль всякаго предметнаго урока — развитіе этой способности. Предметный урокъ есть систематически обставленный и подготовленный процессъ составленія изъ одиночныхъ ощущеній одного цѣльнаго и законченнаго представленія. Цѣль урока—научить ученика одновременно удерживать въ сознаніи нѣкоторый комплектъ ощущеній, изъ соединенія которыхъ и образуется представленіе о предметѣ. Привычка внимательнаго наблюденія, параллельно съ школой, можетъ, конечно, развиваться и иными путями: въ

бесѣдахъ съ товарищами, при непосредственномъ наблюденіи природы въ прогулкахъ, путешествіяхъ и т. д., но и здѣсь *наблюдать* значитъ *сопоставлять* ощущенія и соотвѣтствующіе имъ свойства и предметы, а для всякаго сопоставленія нужно прежде всего имѣть одновременно въ сознаніи сопоставляемые элементы.

Способность наблюдать даетъ знанія, но эти знанія будутъ мимолетны и непрочны, если мы не будемъ обладать большою способностью удерживать впечатлѣнія въ глубинахъ своей души на неопредѣленное время. Способность удерживать въ себѣ впечатлѣнія и потомъ воспроизводить ихъ, когда къ этому представится случай или когда это нужно, называется памятью. Въ дѣтскомъ саду мы развиваемъ наблюдательность, не заботясь пока объ обогащеніи памяти. Въ школѣ выбираютъ уже такіе предметы для наблюденія, для полученія ощущеній и составленія представленій, которые стоитъ помнить, которые даютъ цѣнныя знанія. Здѣсь заботятся уже не только о томъ, чтобы ребенокъ умѣлъ наблюдать, но и о томъ, чтобы онъ умѣлъ сохранять въ себѣ знанія и накоплять ихъ. Школа, между прочимъ, заботится *и о развитіи памяти.*

При какихъ условіяхъ мы легче всего можемъ воспроизводить впечатлѣнія, т.-е. вспоминать воспринятое раньше? Этихъ условій три. Легче воспроизводить то впечатлѣніе, которое недавно еще впервые проникло въ сознаніе. Чѣмъ больше проходитъ времени, тѣмъ болѣе стушевываются впечатлѣнія. Затѣмъ, важна сила впечатлѣнія. Впечатлѣнія неглубокія скоро улетучиваются навсегда. Наконецъ, третье условіе состоитъ въ томъ, чтобы впечатлѣніе было связано съ чѣмъ-нибудь другимъ, *напоминающимъ намъ о немъ или вызывающимъ въ нашей душѣ его образъ.* Перваго условія добиваются въ школѣ *повтореніями.* Второе условіе—глубина и сила впечатлѣнія—зависитъ отъ многихъ факторовъ: отъ продолжительности времени, въ теченіе котораго дѣйствовалъ на насъ предметъ, отъ степени интереса, отъ напряженности чувства, отъ душевной и даже тѣлесной бодрости и т. д. Школа старается пользоваться этими фак-

торами, но, очевидно, они не всегда могутъ быть налицо. Третье условіе—ассоціація впечатлѣній. Школа постоянно пользуется этимъ факторомъ, хотя составлять искусственныя ассоціаціи не особенно легко, а естественныя ассоціаціи, сложившіяся въ сознаніи того или иного ученика по отношеніи къ тому или иному предмету, бываютъ часто или вообще непригодными для школы или непримѣнимы для совмѣстнаго преподаванія многимъ ученикамъ одного и того же предмета; на ассоціаціи въ этомъ случаѣ потому трудно операться, что онѣ у разныхъ учениковъ разныя. Но если ассоціаціи не всегда примѣнимы въ школѣ, какъ общій методъ, зато самъ ученикъ накопляетъ свои знанія преимущественно этимъ путемъ; наше обыденное накопленіе знаній, наше внѣшкольное умственное развитіе совершается больше всего и чаще всего этимъ именно путемъ. Ассоціаціи обыкновенно дѣлятъ на три разряда: ассоціаціи по смежности, ассоціаціи по сходству и ассоціаціи по контрасту. Впечатлѣнія, полученныя одновременно или почти одновременно, имѣютъ стремленіе впослѣдствіи вызывать и возстанавливать другъ друга,—это законъ ассоціированія по смежности. Этотъ законъ обнимаетъ собою бо́льшую часть явленій памяти. Законъ ассоціаціи по сходству состоитъ въ томъ, что одно впечатлѣніе или представленіе имѣетъ стремленіе вызывать въ сознаніи другое, сходное съ нимъ и раньше проникшее въ сознаніе. При ассоціаціи по смежности соединялись одновременныя или почти одновременныя впечатлѣнія; законъ сходства, наоборотъ, соединяетъ между собою даже самыя отдаленныя по времени впечатлѣнія, предметы и событія. По закону контраста, одно представленіе стремится вызывать въ сознаніи другое, ему противоположное. Ассоціаціи всякаго рода могутъ безконечно соединяться другъ съ другомъ. Но каковы бы ни были ассоціаціи, всѣ онѣ сходны въ одномъ: для ассоціаціи нужно одновременное присутствіе въ сознаніи нѣсколькихъ элементовъ. Развивать способность къ ассоціированью—значитъ въ концѣ концовъ развивать умѣнье удерживать въ сознаніи одновременно нѣсколько элементовъ для ихъ сличенія или различенія.

Свои прежнія впечатлѣнія душа способна воспроизводить не только въ точной копіи, но и въ измѣненномъ видѣ. Результаты нашего прошлаго опыта или, иначе сказать, содержимое памяти съ теченіемъ времени видоизмѣняется, перемѣщается, слагается въ новыя группы и части. Способность воспроизводить прошлыя впечатлѣнія въ новыхъ комбинаціяхъ называется воображеніемъ. Въ дѣлѣ умственнаго воспитанія воображеніе цѣнно не столько само по себѣ, сколько потому, что оно входитъ въ другіе, умственные процессы, помогая намъ и облегчая ихъ. Всякое разумное обученіе опирается не только на память и пониманіе, но и на воображеніе. Когда обучаютъ исторіи, географіи, когда ребенку читаютъ что-нибудь или разсказываютъ, необходимо, чтобы онъ всякую минуту умѣлъ реализировать слова, представлять въ душѣ отчетливые образы описываемыхъ предметовъ или разсказываемыхъ событій. Это воображеніе, помогающее усвоенію знаній, называютъ интеллектуальнымъ. Дѣятельность души проявляется здѣсь въ возстановленіи впечатлѣній, выборѣ ихъ и новой группировкѣ. А все это опять основано на различеніи и уподобленіи; для этой дѣятельности опять прежде всего нужно умѣнье удерживать въ сознаніи одновременно тѣ элементы, которые тутъ комбинируются.

Доселѣ мы говорили о трехъ основныхъ способностяхъ человѣческой души—способности воспринимать, способности помнить и способности воображать. Всѣ эти интеллектуальные процессы имѣютъ пока дѣло съ отдѣльными предметами, съ предметами въ одиночку. Всѣ эти процессы суть познавательные, но мы здѣсь еще не разсуждаемъ, не мыслимъ. Размышленіе начинается съ того момента, когда мы имѣемъ дѣло не съ единичными предметами, обладающими тѣми или иными свойствами, а съ классами предметовъ, съ такими свойствами, которыя общи какъ наблюдаемому предмету, такъ и многимъ другимъ. Когда ребенокъ наблюдалъ или изучалъ отдѣльное зданіе, какъ единичный предметъ, имѣющій такую-то высоту, форму, окраску, назначеніе, онъ нѣчто узнавалъ, но это узнаваніе не было еще пониманіемъ,

не было мышленіемъ. Пониманіе начинается съ того времени, когда ребенокъ можетъ сравнивать предметъ съ однородными, узнавать или отвлекать общее, распредѣлять предметы по классамъ. А чтобы умѣть сравнивать и классифицировать предметы, для этого нужно умѣть обнимать ихъ въ сознаніи одновременно. Если бы мы, покончивъ съ однимъ предметомъ, переходили къ другому, покончивъ съ другими, переходили къ третьему и т. д., мы никогда не сдѣлали бы сопоставленій, не могли бы обобщать, отвлекать общее и классифицировать: у насъ не было бы мышленія, а было бы лишь воспринимапіе, вспоминаніе отдѣльныхъ предметовъ.

Такимъ образомъ, уже изъ общаго, апріорнаго опредѣленія понятій «мыслить», «понимать» вытекаетъ то, что для этой умственной работы, для мышленія прежде всего нуженъ навыкъ удерживать въ сознаніи одновременно многіе элементы. Къ тому же самому мы придемъ и тогда, когда разберемъ всѣ стадіи въ развитіи мышленія детально, одну за другою. Такихъ стадій принято различать три, соотвѣтственно тремъ, постепенно осложняющимся видамъ логическаго мышленія. Первая стадія это образованіе понятій, общихъ идей. На этой стадіи изъ полученныхъ нами ощущеній и возникшихъ въ умѣ нашемъ представленій мы составляемъ тѣ элементы, надъ которыми оперируетъ наше высшее мышленіе. Понятія—это элементы мысли, изъ которыхъ потомъ составляются сужденія и умозаключенія. Вторая стадія мышленія—это составленіе сужденій, состоящее въ комбинированіи понятій посредствомъ утвержденія или отрицанія. Третья стадія—это работа надъ сужденіями, когда мы отъ однихъ опредѣленныхъ сужденій переходимъ къ другимъ, извлекаемъ ихъ изъ первыхъ, составляемъ умозаключеніе. Для всѣхъ этихъ стадій мышленія нужна одна и та же способность—способность удерживать въ сознаніи нѣсколько элементовъ одновременно для ихъ сравненія и классифицированья, для установленія между ними связи и соотношеній. И въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ, какъ строится понятіе. Первый актъ при составленіи понятія есть

сравненіе предметовъ, т.-е. одновременное сосредоточеніе на двухъ, по меньшей мѣрѣ, предметахъ. Если понятіе составляется путемъ сравненія предметовъ наблюдаемыхъ, то вниманіе должно настолько быстро переходить отъ одного къ другому, чтобы наблюденіе было однимъ общимъ обзоромъ. Если сравниваемые предметы не помѣщены рядомъ, если мы наблюдаемъ только одинъ предметъ, а другіе наблюдали раньше, теперь же только вспоминаемъ, то опять непосредственныя ощущенія отъ наблюдаемаго предмета должны быть въ сознаніи одновременно съ воспоминаніями,—иначе нельзя будетъ сравнивать. Такимъ образомъ при первомъ же актѣ, ведущемъ къ составленію понятія, необходимо, чтобы душа созерцала нѣсколько предметовъ за-разъ,— прямымъ путемъ, черезъ органы чувства, или косвеннымъ, черезъ посредство памяти и воображенія. Второй актъ—это отвлеченіе. Подмѣтивъ сходные признаки, мы должны отвлечь ихъ отъ конкретныхъ, индивидуальныхъ предметовъ. Иначе говоря, вниманіе наше должно отвлечься отъ индивидуальныхъ различій сравниваемыхъ предметовъ и сосредоточиться на томъ общемъ, что мы наблюдали во всѣхъ однородныхъ предметахъ. Отъ случайныхъ и временныхъ признаковъ мы умственно выдѣляемъ признаки необходимые. Третій и послѣдній актъ при образованіи понятія это—обобщеніе, или образованіе классовъ предметовъ. Соединяя существенные и неизмѣнные признаки въ одно цѣлое, мы получаемъ понятіе. Дѣятельность души опять проявляется въ умѣньи обнять одновременно многіе элементы для того, чтобы, отвлекая ихъ отъ конкретнаго и единичнаго, соединить въ одно отвлеченное цѣлое. Дальнѣйшее расширеніе этой умственной работы состоитъ въ постепенномъ переходѣ отъ низшихъ понятій къ высшимъ и болѣе общимъ. Чѣмъ выше понятіе по своей общности и отвлеченности, тѣмъ больше нужно предметовъ для предварительнаго сравненія, тѣмъ, значитъ, выше должна быть способность удерживать въ сознаніи одновременно многіе элементы.

Составленіе понятій и классифицированіе предметовъ сопровождается наименованіемъ классовъ. Названіе класса

есть общій знакъ или символъ, обозначающій неопредѣленное количество однородныхъ предметовъ, давшихъ въ умѣ человѣка понятіе. Названія въ языкѣ суть обозначенія понятій. Въ жизни ребенка названія сначала не играютъ этой роли. Въ первые годы названія для него суть обозначеніе не понятій, а конкретныхъ предметовъ. И только по мѣрѣ умственнаго развитія, съ возрастающею способностью къ обобщенію, слова у ребенка постепенно переходятъ въ символы понятій. Такимъ образомъ, и развитіе рѣчи зависитъ отъ той же способности къ обобщенію, которой обусловлено развитіе понятій. Значитъ, и для развитія рѣчи нужны тѣ же условія, какія нужны для образованія понятій, т.-е. прежде всего умѣнье удерживать въ сознаніи одновременно многіе элементы. Пока эта способность не развита, языкъ ребенка выполняетъ только очень ограниченную функцію, сравнительно съ языкомъ взрослаго, служа только для обозначенія представленій и конкретныхъ предметовъ.

Процессъ выработки понятій не ограничивается, конечно, раннимъ возрастомъ жизни. Многія наиболѣе отвлеченныя понятія доступны только при условіи нѣкотораго философскаго образованія. Но беремъ ли мы школьника, беремъ ли человѣка, спеціально занимающагося умозрительными или иными науками, условія для образованія понятій одни и тѣ же. Чѣмъ шире область сравниваемыхъ предметовъ, тѣмъ меньше между ними сходства, тѣмъ энергичнѣе должны быть усилія, потребныя для абстракціи, тѣмъ сильнѣе должна быть способность удерживать въ сознаніи множество предметовъ за-разъ.

Въ числѣ общихъ понятій есть такія, которыя вырабатываются очень рано; такъ, напр., въ высшей степени абстрактными идеями величины и числа человѣкъ владѣетъ уже въ дѣтскомъ возрастѣ. Но и для образованія этихъ идей потребны тѣ же условія, которыя нужны для образованія всѣхъ другихъ, намѣченныхъ нами умственныхъ процессовъ. Наши понятія о многихъ, особенно крупныхъ предметахъ (о городѣ, о народѣ, о разстояніи между солнцемъ и землею и т. д.) и наши идеи о крупныхъ числахъ не имѣютъ

конкретнаго соотвѣтствія себѣ въ природѣ; понятія здѣсь выходятъ далеко за предѣлы отчетливаго зрительнаго представленія. Эти идеи образуются въ насъ путемъ наращенія, процессомъ сложенія или умноженія меньшихъ, но замѣтныхъ, воспринимаемыхъ чувствами величинъ (понятіе о городѣ, напр., составляется путемъ наращенія понятій о домѣ и т. д.). Такимъ образомъ, и при выработкѣ общихъ идей величины и числа исходнымъ пунктомъ служитъ способность составлять обычныя понятія о предметахъ, доступныхъ наблюденію,—способность эта осложняется здѣсь синтезомъ, т.-е. умѣньемъ соединять результаты абстракціи въ новыя комбинаціи.

За процессами образованія понятій слѣдуетъ умственная дѣятельность разсужденія. Всякое сужденіе обязательно заключаетъ въ себѣ два элемента—подлежащее и сказуемое. Процессъ сужденія состоитъ въ связываніи этихъ элементовъ. Сужденіе, какъ результатъ связыванія двухъ понятій, есть болѣе сложный душевный продуктъ, чѣмъ понятіе. Когда мы приступаемъ къ сужденію, предполагается, что матеріалъ сужденія, связываемыя понятія мы имѣемъ уже въ готовомъ видѣ. Но когда мы готовили этотъ матеріалъ, когда составлялись самыя понятія, въ эту работу тоже уже входилъ процессъ сужденія, хотя еще неясный и зачаточный. Даже при самомъ простомъ актѣ воспріятія мы безотчетно утверждаемъ, что то, что мы, напр., видимъ, есть предметъ реальный, т.-е. даже при этомъ актѣ мы безотчетно составляемъ нѣкоторое сужденіе. Сужденіе проникаетъ собою всю область нашего знанія, начиная съ самыхъ простыхъ его формъ и кончая наиболѣе сложными. А всякій актъ сужденія есть связываніе, по меньшей мѣрѣ, двухъ понятій, которыя одновременно должны быть въ нашемъ сознаніи.

Мы дошли до второй стадіи мыслительнаго процесса. *Осталась третья стадія—образованіе* умозаключеній. Но мы уже не пойдемъ дальше. Во всемъ дальнѣйшемъ ходѣ процесса мышленія основное условіе, которое мы столько разъ указывали, совершенно очевидно. Умозаключеніе есть

оперированіе надъ сужденіями. Чтобы составить самое простое умозаключеніе, мы должны имѣть, по меньшей мѣрѣ, два сужденія и три понятія, — и всѣ эти элементы должны быть одновременно въ сознаніи.

Мы поставили вначалѣ вопросъ: въ чемъ психологическая основа мышленія, что значитъ развивать умъ? И мы уже отвѣтили на этотъ вопросъ. Мы просмотрѣли, что такое впечатлѣніе, представленіе, въ чемъ проявляется наблюденіе, память, воображеніе, какъ составляются понятія, общія идеи, сужденія, умозаключенія, — и вездѣ указывали основное условіе всякаго умственнаго процесса, начиная съ самыхъ простыхъ и кончая самыми сложными. Мы указали, что въ основѣ всякаго умственнаго процесса, какъ самаго сложнаго, такъ и наиболѣе простого, всегда лежитъ одно и то же — умѣнье удерживать въ сознаніи одновременно многіе элементы. Это и есть психологическая основа умственнаго развитія. Развивать умъ значитъ развивать именно эту способность; все остальное есть лишь видоизмѣненіе этого, частные случаи.

Постараемся подойти къ тому же рѣшенію съ другой стороны. Посмотримъ, каковы наши обычныя понятія объ умственномъ развитіи. Кого можно назвать истинно образованнымъ человѣкомъ? Не въ суммѣ знаній заключается умственное развитіе, а въ умѣньи пользоваться ими. Кто прошелъ курсы всевозможныхъ школъ, кто изучилъ массу предметовъ, тотъ не всегда еще бываетъ истинно образованнымъ человѣкомъ. Для истинной учености нужно не накопленіе знаній, а творчество въ области знанія. Бываетъ такъ, что профессоръ, занимающій каѳедру, знаетъ содержаніе цѣлой массы книгъ, знаетъ безчисленное количество фактовъ, — и не сумѣетъ создать ни одной новой научной мысли. Пока человѣкъ только способенъ переходить отъ факта къ факту, отъ предмета къ предмету, онъ еще умственно необразованъ. Если бы мы потратили десять лѣтъ на изученіе московскихъ улицъ, количества домовъ на каждой улицѣ, количества оконъ, дверей и трубъ въ каждомъ домѣ, если бы мы все это, наконецъ, узнали и запомнили,

мы ничего не прибавили бы къ нашему умственному развитію.

Главное и основное отличіе ребенка отъ взрослаго, образованнаго человѣка отъ необразованнаго, дикаря отъ цивилизованнаго заключается въ умѣньи послѣднихъ обобщать. Постепенное развитіе ребенка есть не что иное, какъ пріобрѣтеніе постепенныхъ навыковъ къ обобщенію. Сначала онъ узнаетъ отдѣльные предметы, затѣмъ у него возникаютъ понятія, которыя постепенно дѣлаются все болѣе и болѣе общими. Для неразвитаго человѣка факты только чередуются между собою или стоятъ по одиночкѣ; развитіе есть постепенный навыкъ къ родовымъ понятіямъ, обобщеніямъ, группировкѣ, и вѣнцомъ развитія человѣчества является наука, это высшее обобщеніе фактовъ. Ребенокъ и взрослый, глупый и умный, дикарь и цивилизованный человѣкъ отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что для первыхъ факты чередуются по одиночкѣ, впечатлѣнія идутъ другъ за другомъ и не ведутъ къ выводамъ, а вторые умѣютъ наблюдать много фактовъ одновременно, умѣютъ впечатлѣнія связывать и соединять въ группы. Чтобы умѣть связывать впечатлѣнія, группировать ихъ, дѣлать обобщенія и выводы, чтобы умѣть отъ единичныхъ фактовъ переходить къ выводамъ и законамъ, для этого нужно умѣнье держать въ сознаніи многіе факты одновременно. Основой умственнаго развитія и является этотъ навыкъ держать въ сознаніи одновременно, въ одинъ и тотъ же моментъ, нѣсколько впечатлѣній. Ребенокъ, глупый человѣкъ, дикарь въ одинъ моментъ держитъ въ сознаніи одно впечатлѣніе, въ слѣдующій моментъ переходитъ къ другому, забывая первое и не умѣя связать со вторымъ. Чѣмъ больше впечатлѣній умѣетъ человѣкъ держать въ сознаніи одновременно, тѣмъ онъ способнѣе къ умственной дѣятельности, тѣмъ будетъ образованнѣе. Можно пріобрѣсти огромную сумму знаній, можно знать подавляющее число фактовъ,— и все-таки не быть человѣкомъ образованнымъ, человѣкомъ умнымъ. Умный только тотъ, кто умѣетъ пользоваться этими знаніями, умѣетъ сопоставлять, группировать, дѣлать вы-

воды, восходить къ обобщеніямъ и законамъ, а для всего этого нуженъ только одинъ навыкъ, нужно умѣнье держать въ знаніи одновременно много впечатлѣній, потому что это conditio sine qua non всякой, даже самой простой и элементарной умственной работы. Всякое умственное развитіе, возьмемъ ли мы жизнь отдѣльнаго человѣка или жизнь всего человѣчества и науку, какъ завершеніе этой умственной жизни человѣчества, состоитъ въ постепенно пріобрѣтаемомъ умѣніи группировать въ самыхъ широкихъ размѣрахъ свои впечатлѣнія и знанія, а для всякой группировки нужно прежде всего умѣть держать въ сознаніи не одно, а нѣсколько впечатлѣній одновременно,—безъ этого условія не произойдетъ никакой, даже самой простой ассоціаціи. Установивши эти общія положенія, установивши, что такое умственное развитіе и въ чемъ его основа, мы перейдемъ теперь къ школьнымъ предметамъ, и посмотримъ, какъ подготовляется умъ въ этой школьной лабораторіи, гдѣ и какъ развиваютъ эту неизбѣжно необходимую и единственную въ своемъ родѣ способность держать одновременно въ сознаніи возможно большее число представленій. Развивать эту способность — это и значитъ культивировать умъ, это и значитъ давать общее умственное образованіе, такъ какъ эта способность нужна не для изученія одной, той или иной, науки, а для всякой науки вообще, для всякой умственной дѣятельности, какъ и для того, чтобы быть умнымъ человѣкомъ въ обыкновенномъ, житейскомъ смыслѣ. Мы не будемъ брать старшихъ классовъ, гдѣ процессъ усвоенія и развитія осложняется, гдѣ рядомъ съ культивированіемъ ума идетъ и большое накопленіе знаній. Противники классической школы настаиваютъ, главнымъ образомъ, на безполезности продолжительныхъ занятій древними языками въ младшихъ и среднихъ классахъ, гдѣ еще не изучаютъ литературы, не изучаютъ идей и фактовъ. Перенесемся въ классную комнату третьяго класса гимназіи. Вотъ мы на урокѣ географіи. Ученики изучаютъ острова Европы. Умственный процессъ здѣсь самый элементарный: у ученика работаетъ память, комбинирующей работы нѣтъ пока ни-

какой. Въ одинъ моментъ у него черезъ сознаніе проходитъ одно представленіе, въ слѣдующій — другое; въ одинъ моментъ онъ думаетъ объ островѣ Менѣ, въ другой объ Эзелѣ, въ третій о Даго и т. д. Когда онъ думаетъ объ Эзелѣ, ему нѣтъ необходимости держать въ сознаніи прежнее впечатлѣніе о Менѣ; думая о Даго, онъ можетъ вовсе не имѣть въ сознаніи представленія о Менѣ и Эзелѣ. Сознаніе поочередно останавливается на предметахъ, но въ каждый данный моментъ лишь на одномъ данномъ представленіи. На другихъ урокахъ ученика заставляютъ не только заучивать, но и объяснять. Объяснять — это уже значитъ связывать два одновременныя впечатлѣнія: предыдущее и послѣдующее, причину и слѣдствіе. Внесеніе элемента причинности — это уже вторая, высшая стадія умственнаго процесса. Отъ большаго или меньшаго участія этого элемента зависитъ болѣе или менѣе развивающее и разумное преподаваніе. Предметы, которые усваиваются только памятью, меньше всего заключаютъ въ себѣ этого элемента и поэтому менѣе другихъ развиваютъ умственныя способности, менѣе другихъ пріучаютъ къ умственной дѣятельности. Но выясненіе причинности есть связываніе лишь двухъ элементовъ — причины и слѣдствія. Умственная дѣятельность, наблюдаемая при изученіи древнихъ языковъ, несравненно сложнѣе и многостороннѣе: въ основѣ ея лежитъ не простое чередованіе впечатлѣній, а нѣчто болѣе глубокое, болѣе трудное, но зато и болѣе плодотворное. Съ урока географіи перейдемъ на урокъ латинскаго языка. Ученикъ переводитъ фразу: «мы гуляли въ этомъ саду». Посмотримъ, что̀ значитъ перевести хоть одно слово «гуляли». Прежде всего нужно умственно сдѣлать грамматическій разборъ. Для этого нужно остановиться на слѣдующихъ 8 родовыхъ грамматическихъ категоріяхъ: часть предложенія, часть рѣчи, залогъ, видъ, наклоненіе, время, число, лицо. На каждой родовой категоріи мы останавливаемся для того, чтобы выбрать одну изъ видовыхъ, составляющихъ въ своей совокупности родъ. Для выбора этихъ 8 элементовъ нужно имѣть 8 ясныхъ родовыхъ понятій, и

каждое изъ нихъ нужно умѣть разложить на видовыя. Чтобы выбрать категорію залога, нужно имѣть родовое понятіе о залогѣ, всѣ видовыя — о разныхъ залогахъ и уже изъ этихъ послѣднихъ дѣлать выборъ, и т. д. То же нужно продѣлать и съ каждою слѣдующею категоріей. Каждая изъ 8 видовыхъ категорій должна быть обоснована закономъ причинности: сознаніе должно 8 разъ рѣшить вопросъ: «почему?». Далѣе, нужно звуковое впечатлѣніе латинскаго слова и его окончанія. Кромѣ того, латинское слово къ предшествующимъ 8 категоріямъ прибавляетъ еще 4 категоріи: нужно знать тему, выбрать спряженіе, знать количество послѣдняго слога (для правильнаго ударенія) и удареніе. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ перевести слово «гуляли», мы должны собрать въ сознаніи 8+2+4=14 элементовъ и, кромѣ того, при выборѣ каждаго элемента дать себѣ 14 отвѣтовъ на вопросъ: «почему?». Перевести слово «гуляли» — это значитъ удержать эти 14 элементовъ въ сознаніи одновременно. Если ученикъ удержитъ изъ 14 только 13 и забудетъ, напр., о лицѣ, то онъ скажетъ ambulabatis; если удержитъ только 12, то скажетъ ambulebant; удержитъ только 11,— скажетъ ambularet, и т. д. Онъ не имѣетъ права забыть ни одного изъ этихъ 14 элементовъ, потому что пропускъ хоть одного изъ нихъ дѣлаетъ всю работу негодною и уничтожаетъ самую возможность правильнаго перевода. Онъ не можетъ, переходя отъ одного элемента къ другому, забывать прежніе, не можетъ останавливаться на нихъ постепенно — въ одинъ моментъ на одномъ, въ слѣдующій на другомъ; онъ долженъ держать ихъ въ сознаніи одновременно,— это условіе неизбѣжное. Переводя слово «гуляли», онъ можетъ сдѣлать отдыхъ, перерывъ въ работѣ сознанія; но когда онъ начинаетъ переводить слѣдующее слово «этомъ», онъ опять долженъ собрать въ сознаніи одновременно 8 новыхъ элементовъ (представленіе о членѣ предложенія, части рѣчи, словѣ управляющемъ, родѣ, числѣ, падежѣ, звуковое представленіе латинскаго слова и окончанія). На урокѣ географіи онъ удержи-

валъ въ каждый данный моментъ въ сознаніи одинъ элементъ; на урокѣ латинскаго языка при переводѣ одного слова нужно держать въ сознаніи цѣлыхъ 14 элементовъ, при переводѣ короткой фразы — нѣсколько десятковъ элементовъ, при переводѣ длинной фразы до сотни элементовъ; стоитъ упустить изъ этой сотни одинъ, и въ переводѣ является ошибка. Сосчитайте теперь число элементовъ, если ученикъ въ теченіе часа переведетъ 15 — 20 фразъ. Ни одинъ школьный предметъ никогда не можетъ дать такой интенсивной работы комбинированія. Здѣсь, въ третьемъ классѣ, на урокахъ латинскаго языка, ежеминутно во всѣхъ деталяхъ воспроизводится тотъ умственный процессъ, который далъ возможность человѣку быть умнымъ и образованнымъ, который породилъ всѣ человѣческія знанія, всю науку. Мало того, этотъ процессъ воспроизводится въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, что ничего подобнаго не бываетъ ни въ какой другой отрасли школьнаго знанія. Только рѣчь человѣческую, искусство говорить можно сравнить по интенсивности и быстротѣ съ этой умственной работой. Мы произносимъ слово въ одну или нѣсколько секундъ, но если бы мы захотѣли выслѣдить всѣ движенія гортани, неба, губъ, зубовъ, языка, которыя необходимы для произнесенія всѣхъ звуковъ, составляющихъ слово, то мы были бы поражены этой цифрой отдѣльныхъ движеній. Только изумительный навыкъ въ этихъ движеніяхъ даетъ намъ возможность производить сотни ихъ въ одну минуту — и не замѣчать своей работы. То же бываетъ и на урокахъ древнихъ языковъ. Ежеминутное оперированіе съ десятками и сотнями элементовъ постепенно даетъ такіе навыки, что мы можемъ удерживать въ сознаніи одновременно цѣлый десятокъ и болѣе элементовъ и составлять въ часъ цѣлыя сотни постепенныхъ группировокъ. Что мы наблюдали въ одномъ классѣ, то же происходитъ и во всѣхъ остальныхъ, съ тою разницею, что процессъ комбинированія все болѣе ускоряется по своему темпу, дѣлается интенсивнѣе, но зато и легче. Этотъ процессъ совершается вездѣ, гдѣ

производится та работа, которая называется переводомъ; а изученіе древнихъ языковъ съ младшихъ классовъ и до старшихъ и состоитъ въ постоянныхъ, непрерывныхъ и ежечасныхъ переводахъ. Древніе языки въ этомъ отношеніи занимаютъ особое и исключительное мѣсто. Никакой другой предметъ школьной программы не можетъ въ этомъ отношеніи сравниться съ ними. Возьмемъ исторію, математику, русскую словесность и т. д.,—вездѣ работа идетъ инымъ путемъ, вездѣ комбинированіе является лишь исключеніемъ, работой рѣдкой. Когда ученикъ занимается исторіей, онъ имѣетъ дѣло съ разсказомъ, т.-е. съ послѣдовательнымъ изложеніемъ чередующихся другъ за другомъ фактовъ: факты воспринимаются имъ въ извѣстномъ порядкѣ, но все-таки поочередно, въ сознаніи проходитъ сначала одинъ фактъ, потомъ другой и т. д. Сложная математическая задача можетъ заключать въ себѣ десятокъ данныхъ, но ученикъ оперируетъ съ ними постепенно, поочередно: сначала оперируетъ надъ двумя-тремя величинами, потомъ беретъ четвертую, пятую и т. д. Мало того, возьмемъ, напр., физику, которая должна знакомить ученика съ самыми всеобщими законами, обнимающими всѣ явленія природы. Мы ожидали бы, что здѣсь-то именно прежде всего будетъ примѣненъ процессъ комбинированія. На самомъ же дѣлѣ ничего этого не бываетъ. Когда ученику показываютъ опытъ и этимъ убѣждаютъ его въ существованіи общаго закона, то въ сущности весь умственный процессъ сводится здѣсь къ заключенію отъ одного наблюдаемаго факта о всѣхъ другихъ, никогда не наблюдавшихся: здѣсь ученикъ вычитываетъ законъ изъ учебника, а не извлекаетъ его изъ фактовъ, такъ какъ фактъ у него былъ только одинъ (опытъ) и ему не представлялось никакой возможности ни группировать ни дѣлать вывода. Съ перваго разу можетъ показаться, что работа, наблюдавшаяся нами на урокахъ латинскаго языка, производится и на урокахъ русскаго языка. Но въ дѣйствительности этого

нѣтъ. Изученіе родного языка, урокъ русской грамматики даетъ только ту работу, которую давалъ урокъ географіи. Когда разбираютъ приведенную нами фразу на урокѣ русскаго языка, то также задаются вопросами о залогѣ, видѣ, времени и т. д., но эти категоріи взаимно смѣняютъ другъ друга: одна держится въ сознаніи одинъ моментъ, другая въ другой, слѣдующій, третья въ третій и т. д. Чтобы знать, какого времени форма «гуляли», для этого вовсе не нужно знать, какого она вида, и т. д.; однимъ словомъ, каждая категорія стоитъ здѣсь въ одиночку, и держать ихъ въ сознаніи одновременно незачѣмъ. Способность комбинированія развивается, какъ мы сказали, при переводахъ съ одного языка на другой. Указанная нами роль древнихъ языковъ, поэтому, должна была бы принадлежать и новымъ. Новые языки также культивируютъ эту способность, составляющую основу всякаго умственнаго развитія, но въ значительно меньшей степени. Грамматика ихъ менѣе богата формами, синтаксическій ихъ строй близокъ къ строю родного языка, и та умственная работа, которая выражается въ переводахъ, не отличается, поэтому, такою сложностью и интенсивностью, какъ это бываетъ при изученіи древнихъ языковъ. При переводѣ съ новыхъ языковъ или обратно намъ не приходится ассоціировать такую массу элементовъ, потому что здѣсь формъ меньше, многія грамматическія категоріи одного языка совпадаютъ съ категоріями другого и не требуютъ анализа. При самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ французской грамматикой является уже возможность переводить съ французскаго языка, такъ какъ при переводѣ каждаго отдѣльнаго французскаго слова требуется выясненіе лишь очень незначительнаго числа категорій. Къ тому же, новые языки теперь предпочитаютъ изучать такъ называемымъ естественнымъ методомъ, т.-е. тѣмъ приблизительно путемъ, которымъ ребенокъ научается у матери родному языку; а этотъ путь, основанный на слуховыхъ воспріятіяхъ, на запоминаніи готовыхъ формъ и фразъ, на постоянномъ и непрерывномъ повтореніи, не имѣетъ ничего

общаго съ тѣмъ процессомъ, который мы наблюдали при изученіи латинскаго языка.

Такимъ образомъ, роль древнихъ языковъ въ средней школѣ незамѣнима и единственна въ своемъ родѣ. Именно на урокахъ древнихъ языковъ, съ самой первой поры ихъ изученія, ежеминутно совершается въ миніатюрѣ тотъ процессъ, который даетъ потомъ студенту университета возможность самостоятельно изучать любую науку, который даетъ ученому возможность открывать новые законы и двигать впередъ знаніе, который ребенка развиваетъ до понятій взрослаго, дикаря превратилъ въ образованнаго человѣка, который породилъ всѣ обобщенія, всѣ законы, всю науку и философію. Мы не можемъ выкинуть древнихъ языковъ изъ средней школы, если не хотимъ у ней отнять этого могучаго орудія для умственнаго развитія. Это средство развитія самое простое, самое плодотворное, прямо и непосредственно ведущее къ цѣли. Противники древнихъ языковъ любятъ утверждать, что изученіе ихъ — дѣло памяти. Нѣтъ ничего несправедливѣе этого утвержденія. Конечно, чтобы понимать иноязычный текстъ, нужно знать слова иноземнаго языка. Но эта работа памяти представляетъ лишь самую ничтожную часть всей работы, совершаемой на урокахъ при постоянныхъ и ежечасныхъ переводахъ съ одного языка на другой,— работы, не имѣющей, какъ мы видѣли, ничего общаго съ механическимъ запоминаніемъ готоваго матеріала. Наоборотъ, можно думать, что съ устраненіемъ изъ курса школы древнихъ языковъ именно и начнется господство памяти, какъ единственнаго орудія для умственнаго развитія. Но это орудіе недостаточно полезное: память даетъ накопленіе знаній, но она не даетъ навыковъ къ комбинированію, этой единственной основѣ всякаго умственнаго прогресса. Древніе языки думаютъ замѣнить естественными науками. Естественныя науки научатъ наблюдательности, расширятъ кругозоръ учащихся, введутъ ихъ въ сферу совершенно новыхъ для нихъ идей и фактовъ, но онѣ не замѣнятъ древнихъ языковъ въ дѣлѣ культивиро-

ванія ума. Въ среднюю школу можно ввести лишь описательныя естественныя науки: описательную зоологію, описательную ботанику и т. д., а такого рода науки лишь настолько развиваютъ навыки къ умственной работѣ, насколько, напр., географія. Описаніе есть поочередное перечисленіе признаковъ, но всѣ эти роды, группы, семейства преподносятся ученику какъ нѣчто готовое и прямо пригодное для заучиванія, а не являются результатомъ комбинирующей работы самого ученика.
